

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писать о Руси древней, домонгольской, и, более того, дохристианской и раннехристианской, непросто, и занятие это сродни попытке объять сознанием бескрайние просторы Русской равнины. Но помощь в написании подобной книги исходит из трогательной до слез любви к отеческой земле и родовой принадлежности к великой и могучей общности славян.

Перед читателем будет развернута грандиозная картина становления и развития Руси. Мы окинем внимательным взором Русь и увидим ее во всем многообразии сотен удивительных естественной красотой, венчающих вершины приречных холмов городов, сел, затерянных в глуши северных лесов погостов, речных и сухопутных путей и вяжущих в единый континентальный путь волоков. Опишем мы и рубежи обороны Руси, укажем на места сражений. Читатель узнает многое об истории русских княжеств, о брачных союзах князей и об отношениях с государствами, окружавшими Русь и лежавшими далеко за ее пределами. Поведаем о крепости, красоте и богатстве городов, храмов, княжеских и боярских усадеб, об искусстве русских мастеров, мужестве воинов, святости подвижников и о мудрости летописцев.

Древняя Русь, словно громадный белокаменный град, стоящий на высоком речном утесе, высится позади нас, ее потомков, служа живым примером или идеалом.

Один из главных уроков для нас заключен в гибели Киевской Руси, павшей, словно стена собора, поглотившая сотни тысяч жизней и оставившая на века в запустении множество городов, сел и целых волостей. Последствия катастрофы были таковы, что без малого на пять столетий галицкие, волынские, полоцкие, турово-пинские, киевские, северские и смоленские земли оказались во власти польских и литовских правителей. А ростово-суздальские и рязанские земли были унижены татарским игом и оказались едва ли не в полной зависимости. Были причины столь тягостных бедствий Руси, важно знать о них и нам, дабы уберечься от возможного позора и поругания.

Мир и люди, живущие в нем, целостны. Древняя Русь и ее творцы явились отражением духа и материальной плоти Восточно-Европейской равнины, и потому мы придадим важное значение описанию речных долин, озер, глухих лесных чащ и бескрайних полей Руси. Надо почувствовать запах степной травы, свежесть ключевой воды, ширь и мощь рек и потаенный полумрак лесов Руси, чтобы понять ее характер и ее судьбу, великую и в победах, и в поражениях.

Глава 1

СЛАВЯНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ V–VIII вв.

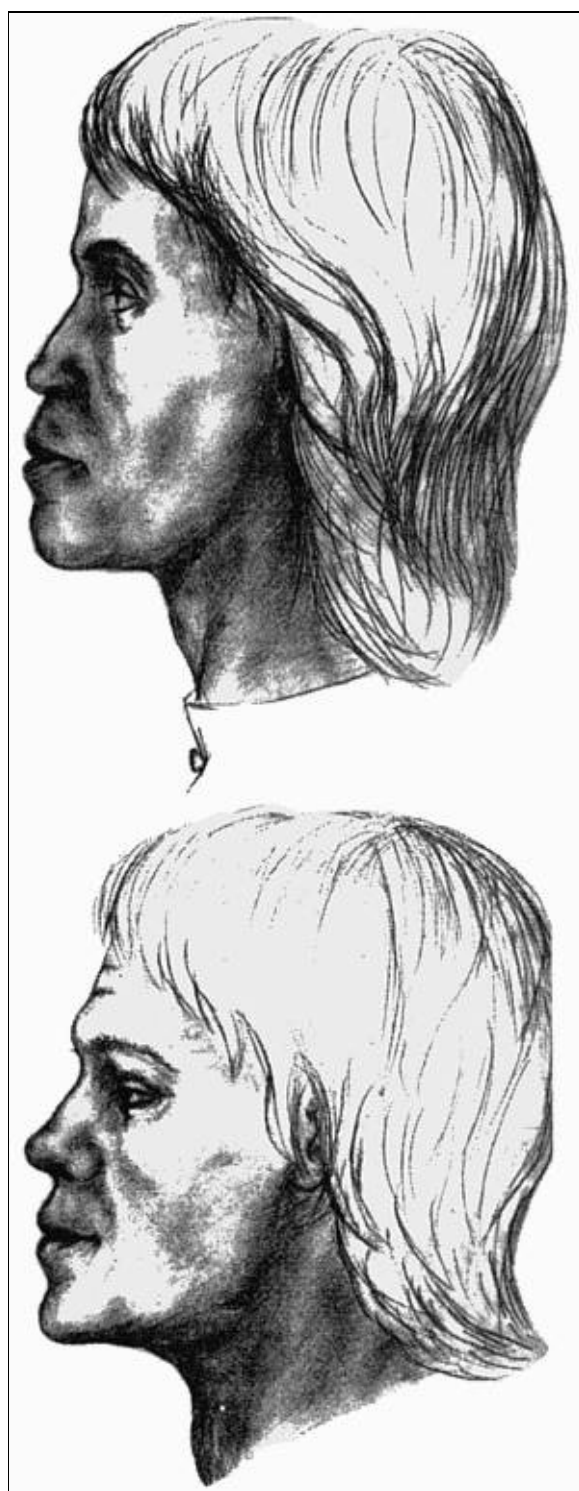
Для понимания процесса сложения восточнославянской общности раннего средневековья обратимся к карте распространения пражско-корчакской и пражско-пеньковской археологических культур V–VII вв. Памятники названных культур, и в первую очередь представленные на них керамика и принципы домостроения, являются классическими славянскими образцами I тыс. н. э. и могут рассматриваться как своего рода эталон или славянский стандарт в ряду позднейшего многообразия культурных проявлений славянского мира. Наследие культуры Прага — Корчак запечатлело тот миг славянского единства, пусть и относительного, который предшествовал обособлению славянских союзов раннего средневековья, связь между которыми нередко была затруднена значительными расстояниями и не всегда мирными соседями, разрывавшими славян западных, южных и восточных на достаточно изолированные миры.

После начала VII в. в Европе пошел процесс разобщения славян, их стали разделять конфессиональные особенности, своеобразие языковых диалектов, различные пути исторического развития. Отдельные союзы славян с каждым десятилетием все далее уходили на юг и северо-восток от древней колыбели славянства. Тем интереснее уяснить расположение древнейших славянских земель и внимательно присмотреться к топонимам и гидронимам, переносившимся славянами к югу, вплоть до Пелопоннеса и Малой Азии, и к северо-востоку, вплоть до Кольского полуострова и Уральского горного хребта.

Глядя на карту, невольно хочется сопоставить очертания районов отдельных археологических культур Восточной Европы V–VII вв. с районами расселения исторически и археологически засвидетельствованных союзов славян.

Из сопоставления видно, что восточная территория распространения культуры Прага — Корчак соответствует классической Руси летописцев раннего Средневековья. Союзы хорватов, вольнян, древлян, полян и отчасти дреговичей в IX–XIII вв. располагались как раз на землях распространения культуры Прага — Корчак на востоке Европы.

В V–VII вв. культура Прага — Корчак была распространена и на значительных территориях западных славян центра Европы. В IX–XIII вв. в центре Европы также документально засвидетельствованы союзы хорватов, вольнян, полян. Присутствие представителей славянских союзов хорватов, словенцев, вольнян и иных на Балканах указывает на V–VII вв. как на время активных передвижений в Европе славянских союзов все с теми же именами хорватов, словен, вольнян и прочих.

Жизнедеятельность славянских союзов, названия которых одинаковы в центре, на юге и востоке Европы, в V–VII вв. и зафиксировали культура Прага — Корчак и ее юго-восточное соответствие культуре Прага — Пеньковка.

Территория распространения археологической культуры Банцерович — Тушемля V–VII вв. в общих чертах удивительно близка землям занятым славянским союзом кривичей в VIII–XII вв.

Районы, занятые археологической культурой колочинского типа V–VII вв., близки очертаниям земель исторических радимичей и северян VIII–XII вв. (бассейн рек Десна и Сож).

Земли в верховьях Оки, в V–VII вв. занятые мощинской археологической культурой, в VIII–XII вв. оказались заселены вятичами.

Территория, в V–VII вв. покрывшаяся так называемыми ранними длинными курганами, в VIII–XII вв. была населена псковскими кривичами (бассейн реки Великой, верховья Ловати и Западной Двины).

Земли в бассейнах рек Ловать, Мста и Волхов и берега озера Ильмень, в V–VII вв. занятые

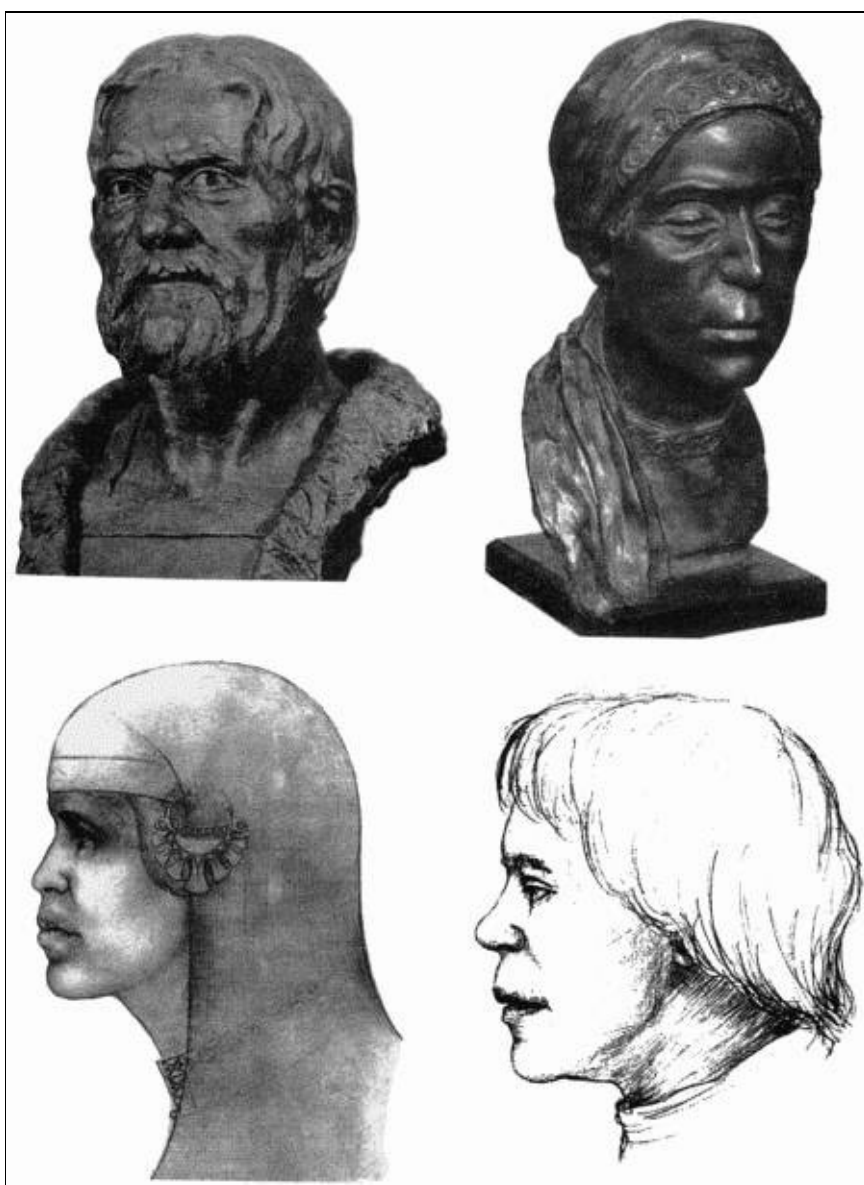
создателями культуры сопок, в VIII–XII вв. оказались заселены союзом словен новгородских.

Впрочем, при сопоставлении двух карт: эпохи V–VII вв. и эпохи VIII–XII вв. — следует понимать то, что любой союз славян — это единый организм. Его системы жизнеобеспечения на занимаемой территории выстраивались, максимально соответствуя природным условиям. Чаще всего союз славян замыкался в отдельно взятом речном бассейне, земли которого позволяли развивать сельское хозяйство и поставляли сырье для производства орудий труда и быта. В качестве примеров можно привести союзы радимичей Посожья, вятичей Верхнего и Среднего Поочья (и Средний Дон), кривичей Верхнего Днепра. Славяне, в VIII–IX вв. севшие в среднем течении Западной Двины, в долине реки Полоты, скоро обособились и составили собственный союз полочан.

Имя союза представлено лишь у восточных славян. Это означает, что ранее предки полочан входили либо в полянский, либо в волынский, словенский или какой-либо иной союз, живший на землях, занятых культурой Прага — Корчак, в V–VII вв.

Следует понимать и то, что балтские, славянские и угро-финские народы, в V–VII вв. населявшие земли на востоке Европы, также в своей жизнедеятельности руководствовались природными и ландшафтными условиями. Две соседние речные системы, имеющие обширный труднопроходимый водораздел (леса, болота, горы, моря или заливы), в течение нескольких столетий могут обособить представителей одного народа до такой степени, что они не только составят разные союзы или государства (что жизненно необходимо для выживания), но и станут с трудом понимать речь друг друга. Впрочем, Восточной Европы с ее равнинным ландшафтом это касается менее всего.

Сделаем один предварительный вывод. Представители того или иного славянского союза, ушедшие из древнейших земель расселения, на новых землях назывались либо именем своего старого союза, либо абсолютно новым именем, подсказанным окружающей природой (долина реки, болото-дрегва), либо именем главы объединения (родов) славян, совершивших переселение (Радим, Вятко).

Не исключено, что новое имя союза славян, севшего вдали от древнейшей родовой колыбели, означало провозглашение политической и экономической независимости вновь созданного объединения на случай возможных притязаний старого союза на вновь занимаемые земли.

Культура Прага – Корчак		
Волыняне	Реки Стырь, Горынь	Славянские союзы, имеющие тесные связи с хорватами, волынянами и полянами центра Европы. Носители восточного крыла культуры Прага – Корчак V – VII вв.
Хорваты	Верховья Днестра и Прута	
Поляне	Средний Днепр	
Дулебы	Верховья Западного и Южного Бугов	
Дреговичи	Бассейн реки Припять	
Культура Прага – Пеньковка		
Северяне	Левобережье среднего Днепра	Славянские союзы юга Восточной Европы, создатели кл. Прага – Пеньковка V – VII вв. Их предки в I – VI вв. именовались антами. Объединения антов нередко противопоставлялись славянам центра Европы. При этом все авторы, включая Иордана, подчеркивали, что славяне, анты и венеды суть единый народ
Бужане, Дулебы	Верховья Южного Буга	
Тиверцы	Средний Днестр	
Уличи	Правобережье нижнего Днепра	

Быть может, во многом именно стремлением к независимости, то есть к провозглашенному через новое имя обособлению от древней метрополии, и объясняется то обстоятельство, что на востоке Европы есть как бы две Руси — классическая лесостепная и северная (лесная) внешняя. Славянские роды, в V–X вв. уходившие из земель полян, вольнян, хорватов, дулебов на верхний Днепр, Западную Двину, Оку, Волгу и Белое Озеро, Волхов, на реку Великую и Чудское и Псковское озера, ощущали близость имевших над ними абсолютную власть старых союзов. Это побуждало славян, севших в лесной полосе Восточной Европы, к созданию собственных союзов кривичей, полочан, дреговичей, радимичей, вятичей, хотя и соседствовавших с полянами, вольнянами, но противопоставивших им собственную систему власти, экономики и обороны.

Лишь словене новгородские, оказавшиеся среди дремучих лесов севера Русской равнины, не побоялись не изобрести собственного имени и прозвались древнейшим и оттого наиболее им же понятным и желанным именем славян.

Также словенцы, сербы и хорваты, в VI–VII вв. севшие на Балканах, были достаточно далеко от земель, прежде ими населяемых, и провозглашать новое, то есть независимое от старого союза имя не имело смысла.

Радимичи, вятичи, кривичи, дреговичи, древляне, полочане сидели достаточно близко от полян, вольнян, хорватов, и сохранение старого имени союза могло повлечь подчинение старым центрам управления. Впрочем, это было достаточно затруднено географическими факторами — отсутствие дорог, расстояния.

Приведем состав славянских союзов, формировавших восточноевропейское крыло культуры Прага — Корчак V–VII вв. и культуры Прага — Пеньковка того же времени.

В 450–560 гг. часть славян центра Европы (носители западного крыла культуры Прага — Корчак V–VII вв.) спустилась бассейном реки Сирет (Прут, Днестр), восточнее Карпат, к дельте Дуная.

Одновременно на правый берег нижнего Дуная продвинулись славяне-анты, шедшие на рубежи империи ромеев с берегов Днестра, Южного Буга и Днепра. Так была начата описанная выше эпоха славянских завоеваний на Балканах в V–VII вв.

В V–VII вв. отдельные славянские роды и объединения родов стали продвигаться к северу от земель полян и вольнян. Их пути пролегали руслами рек Днепр, Березина. Далее славяне перебрались в бассейны рек Неман и Западная Двина. На северо-востоке славяне в VI–VII вв. стали проникать на верхнюю Оку.

Преодолев «оковский» лес водораздела между Западной Двиной, Днепром и Волгой, славяне в VI–VII вв. вышли на берега реки Великой и далее на север к Чудскому озеру, на озеро Ильмень и в бассейны рек Ловать, Мста и Волхов. На южном берегу Ладожского озера славяне, позже назвавшиеся новгородскими, остановились и в VIII в. принялись за возведение Старой Ладogi. Это была крайняя на севере твердыня славян на востоке Европы.

Выше писалось о том, что в VI–VII вв. авары (тюрки) притеснениями вынудили славян-дулебов, живших в полосе лесостепей востока Европы, в тех местах, где сходятся верховья Западного и Южного Буга (юг совр. Вольни), уйти отчасти в центр Европы (на юг Чехии), отчасти на Балканы, а отчасти в полосу лесов Восточной Европы. Подобная история произошла и с хорватами, сидевшими в верховьях Днестра и вынужденными аварами в VI–VII вв. частично уйти на северо-запад Балкан, на земли современной Хорватии.

Часть хорватов, как, возможно, и дулебов, никогда не покидала Центральной Европы и была издревле представлена среди славянских союзов Чехии, Польши, Моравии.

Условия жизни славян на востоке Европы в отдельных ее регионах были достаточно различны. Одним из следствий стало появление большого числа городищ VI–IX вв. на юго-восточных рубежах славянских земель, на вечно неспокойном пограничье с миром тюрков.

Городища, окруженные посадками, предградьями, чаще всего возникали или, вернее, сооружались на правых (западных или северных) берегах Ворсклы, Пела, Сулы, Сейма, Десны, среднего Дона, верхней Оки. На иных землях исторической Руси в VI–IX вв. были представлены укрепленные городища, но их число было меньшим, нежели в лесостепях левобережья среднего Днепра. Соседство с тюркским и иранским мирами степей Евразии давало себя знать едва ли не ежегодно, и защищать свои рубежи славянам будущих Переяславского, Северского и Рязанского княжеств пришлось уже в VI–VIII вв.

Городища лесной полосы востока Европы в VI–IX вв. главным образом контролировали речные пути, пропускавшие львиную долю грузопотоков. Непрерывных систем обороны эти городища не выстраивали, и стража их по преимуществу заботилась об уплате проездной пошлины — мыта, ибо среди бескрайних лесов и болот появление степных орд было редким явлением.

Продвигаясь к северу, славяне, делившиеся на сотни и тысячи или являвшие собой отдельные роды, пришли в соприкосновение с балтами, а вернее с балто-славянами, и с угро-финскими народами, населявшими полосу лесов востока Европы. Нередко подобные встречи оканчивались вооруженными столкновениями. В частности, археология свидетельствует о пожарах на городищах археологической культуры Банцерович — Тушемля, в VI–VII вв. занимавшей часть территории в раннем Средневековье (VIII–XIII вв.), занятой славянским союзом кривичей (верхний Днепр).

Постепенно в VI–VIII вв. к северу от земель, занятых классическими славянскими союзами полян, вольнян, хорватов, северян, дулебов и пр. (культура Прага — Корчак V–VII вв.), складывалась система славянских союзов, которым в IX–XI вв. древнерусский летописец дал названия древлян, дреговичей, радимичей, вятичей, кривичей, полочан, словен новгородских.

Процесс расселения в полосе лесов Восточной Европы славянских союзов, названия которых не представлены ни у западных, ни у южных славян, ни у славян лесостепей востока Европы, занял несколько столетий и заслуживает особого рассмотрения.

Мир славян лесной полосы Восточной Европы в VI–IX вв. во многом складывался заново, ложась своим центральноевропейским и лесостепным среднеднепровским естеством на чудный край бесконечных лесов, чистых полноводных рек и глубоких, как отраженные в них небеса, озер, богатства которого не познаны и не освоены и по сей день.

Славяне среди девственной природы Русской равнины I тысячелетия н. э.

Тут мы позволим себе небольшое отступление от повествования и попытаемся представить, какова была Русская равнина полторы тысячи лет тому назад.

Описывая непрерывные продвижения славян по просторам востока Европы в V–IX вв., мы должны представить, как это происходило на практике, отвлекаясь от конкретных временных и исторических привязок.

Полторы тысячи лет назад восток Европы являл собой край по большей части дикий, труднопроходимый, глухой. Единственными путями, позволявшими проникнуть в глубь лесной страны, к северу от достаточно обжитой восточноевропейской лесостепи, были реки. Постепенно по берегам верхнего Днепра, Дона и Волги стали возникать немногочисленные поселки, подобно маякам указывавшие путь на север и северо-восток новому славянскому населению, подходившему из лесостепей востока Европы и из центра Европы. С ходом времен вокруг одного поселения, окруженного расчищенной от леса пашней, вырастал куст поселений, впоследствии перераставший в целую гирлянду кустов поселений с собственными центрами.

Славянские охотники и рыболовы ставили силки и неводы не только по берегам крупных рек, долины которых были достаточно густо населены земледельцами и скотоводами, но и на многочисленных больших и малых притоках, верховья которых скрывались в хитросплетениях лесных оврагов. Часто охотники в поисках богатых промысловых угодий углублялись в дебри густых темных лесов, скрывавших водоразделы.

Реки, леса, луга в те времена были девственно чисты. Вода в потоках была холодна и прозрачна. Водоемы наполнились рыбой. Под сенью леса скрывалось множество диких животных. Кроны громадных пятидесятиметровых елей и сосен изобиловали пушным зверем. Под корнями вековых стволов земля была изрыта норами лисиц и барсуков. В напитанных влагой оврагах бродили стаи кабанов. Луга, обрамлявшие долины больших и малых рек, из-за цветов походившие на драгоценную оправу, разнотравьем и кустарником вскармливали бесчисленные стада копытных животных. Лес наполнился пеньем птиц и шумным хлопаньем встревоженных тетеревов и дроф.

Бобры, домики которых наполовину спрятаны под воду, наполовину врезаны в берега, неустанно валили поперек водоемов стволы громадных осин и иных деревьев. Строя плотины, бобры подпружили реки, создавая привычную для себя среду обитания.

На водной глади, среди камышей и илистых, заросших кувшинками топей, плавали утки, лебеди, важно вышагивали цапли. Из гущи леса по ночам доносилось уханье сов. А долгими зимними ночами все живое содрогалось от ледящего душу воя волчьих стай.

Медовый и малиновый промыслы вели медведи, без усталости метившие границы угодий и зорко следившие за появившимся на рубеже чужаком.

На лесных росчистях, на высоких, словно стога, соломенных крышах славянских изб, овин и амбаров вили гнезда тонконогие изящные аисты. А над распаханной под пашни долинами рек, широко раскинув крылья, высматривая зайчат, парили коршуны и иные пернатые хищники.

Славяне в течение нескольких тысячелетий кормились от хлебопашества и домашнего скотоводства, издревле держали домашнюю птицу, сажали огород, ставили колоды — бортни для пчел. Возможности, предоставленные Русской равниной, славяне восприняли с благоговением. При этом они боготворили природу, стремясь уклад жизни и хозяйства органично и без ущерба для земли вписать в завораживающую божественной красотой рамку зелени лесов, лугов и в синеву всегда прохладной и чистой воды.

Над источниками на Руси издревле воздвигали терем, в христианскую эпоху ставший часовней.

Под городища славяне приспособляли приречные мысы коренного берега, подобно клькам врезающиеся в пойменные луговые долины. Мысы от плоской равнины отсекали валом, насыпанным из грунта, взятого из обрамляющего вал рва. Чаще всего основой вала служила конструкция из бревен, но речь об этом впереди.

Славяне часто занимали городища, впервые заселенные в раннем железном веке и позже населявшиеся создателями дьяковской, мощинской, юхновской и иных культур.

Покой славянских городищ и селений охраняли неоглядные просторы Русской равнины, покрытые труднопроходимыми и в наше время лесами, топиями и лесостепями с травами в рост человека. Поход по Руси в V–IX вв. был доблестным подвигом, воспеваемым былинами.

Как говорят специалисты, в наше время и в заповедниках практически невозможно воссоздать и сохранить островки той Русской равнины, какой она некогда была. Наша планета невелика, и населяющий ее мир очень взаимозависим. Малейшее нарушение нормальных законов развития тотчас же губительно отзывается повсюду на планете. Примеров тому много, и лежат они не только в материальной, но и в духовной плоскости. Но вернемся к славянам.

Прочное оседание славян на востоке Европы

В VI–VII вв. кривичи (псковские) расселились в бассейне реки Великой и на берегах Псковского и Чудского озер. На месте позднейшего Пскова славяне поставили наземные срубы, отапливавшиеся печами или очагами.

По сторонам от земель кривичей (псковских) лежали страны балтов и чюди (эстов).

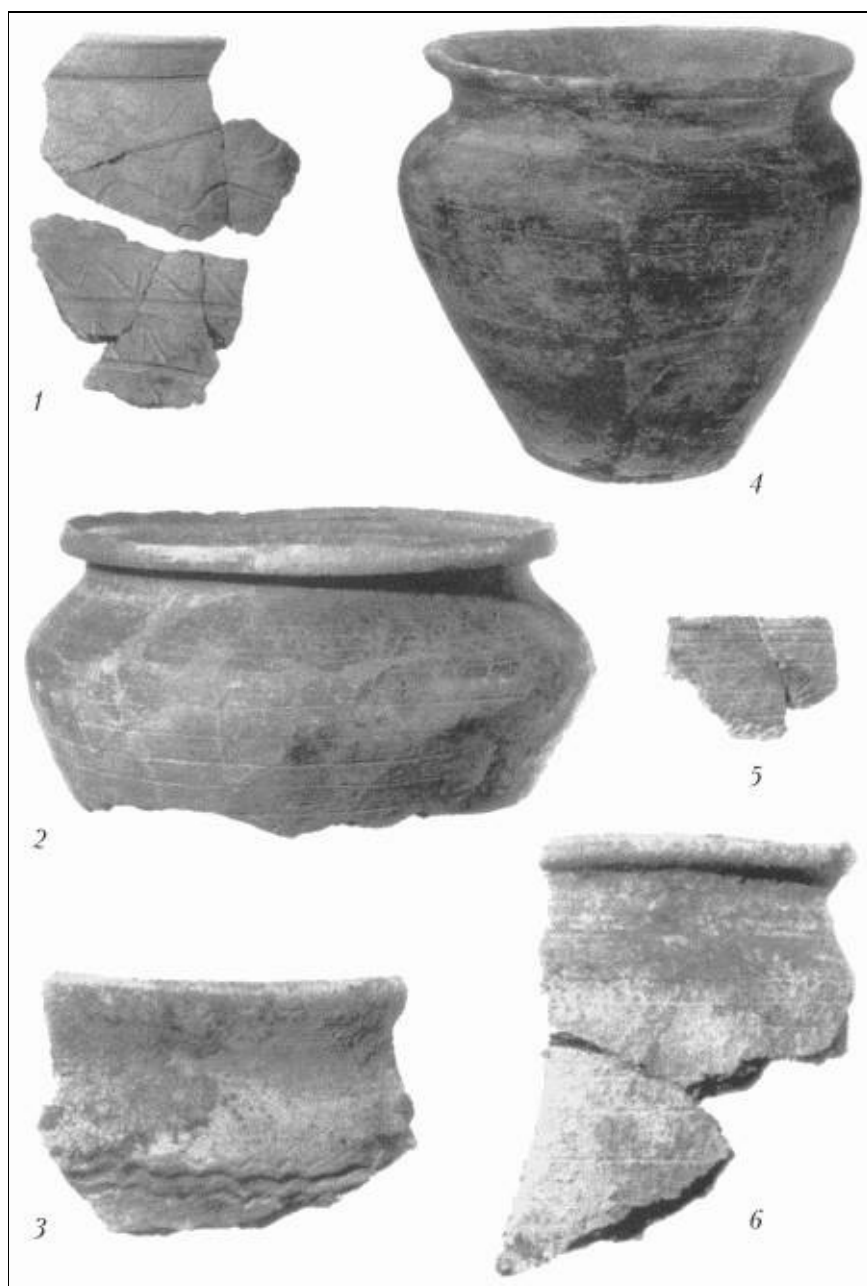
В VII в. земли, лежащие в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги, были заняты славянским союзом кривичей. Вне сомнения, в массиве кривичей оказались представлены элементы восточнобалтского населения, поклонявшегося богу Криве. Древнерусские летописцы выделяли кривичей в особый народ. Но господствовала в их мире славянская стихия.

Напомним читателю, что еще в VIII–VII вв. до н. э. часть оседлого земледельческого населения (сколотов) среднеднепровской лесостепи в результате нашествия скифов была принуждена отступить в леса верхнего поднепровья. И именно в те времена раннего железного века было положено начало смещению протобалтского (оставленного носителями культуры шнуrowой керамики рубежа III–II тыс. до н. э.) и протославянского населения Европы.

Схожий процесс произошел и на рубеже эр, когда земледельцы, создатели зарубинецкой культуры, были оттеснены сарматами на верхний Днепр и Десну.

Но как бы там ни было, к VIII в. славянское начало окончательно возобладало на верхнем Днепре и землях Белой Руси. Южные и центральные районы Белоруссии в VI–VIII вв. были заняты славянским союзом дреговичей. Считают, что имя дреговичей произошло от дрегвы — болота. Громадные болота окружают реку Припять. Они скрыты лесным морем Полесья. Следует упомянуть, что в Македонии в VII в. поселились славяне, называвшиеся дреговичами. Это одно из немногих соответствий между именами славянских союзов востока Европы и Балкан.

Если кривичи (псковские) оставили длинные курганы, подобные длинным курганам, насыпанным индоевропейцами Британии и Польши в III–II тыс. до н. э., то словене (новгородские) в VII–X вв. усеяли берега озера Ильмень и бассейны рек Ловать, Волхов, Мста круглыми курганами — сопками и собственными длинными курганами.

В VIII в. славяне из приильменя и с Ладоги стали прокладывать пути к верховьям Волги на Белое озеро.

Много позже, в XII–XIV вв., земли словен новгородских украсят тысячи каменных крестов. Но обо всем в свое время.

В течение ряда столетий, прошедших с V по VIII в., славяне, объединенные в роды и союзы, кроме того, делившиеся на сотни и тысячи, составлявшие десятитысячный народ, занимались освоением тех земель, которые в IX–XIII вв. предстали ареной развития древнерусской истории. Топоры славян вгрызались в вековые стволы дубов, елей и сосен. Огонь расчищал лядины или навины. Упряжи лошадей и быков помогали людям корчевать не уничтоженные огнем пни. Гирлянды приречных селений связывали пробитые через толщу леса проселки.

В верховьях рек возникали селения с названиями волоки и волочки, обычно стоявшие напротив друг друга не далее как в пяти километрах. Неширокие водоразделы прорезались канавами, искусно сочетавшимися с естественными низинами. Путь на волоках устилался бревнами-катками. По их вытертой днищами ладей и челнов поверхности местные жители перетаскивали суда и поклажу двигавшихся по Восточной Европе купцов. Часто вдоль волока шла сухопутная дорога, и часть грузов перевозилась подводами. Уже в христианские времена над волоками нередко стояли церкви Параскевы Пятницы, покровительницы торговли. Ранее на тех местах располагались капища.

Редкая, сколько-нибудь заметная река лесной полосы Русской равнины не располагает как минимум одним городищем с древнерусским археологическим слоем и несколькими древнерусскими селищами и курганными некрополями. Реки побольше, подобные Клязьме, Рузе или Протве, вбирают в свои долины с добрый десяток и более древнерусских городищ, селищ и курганных некрополей. На берегах таких рек (назовем их средними) садилось несколько славянских родов, каждый с собственным центром — городищем и святилищем и с гирляндой обступавших их селений.

Позже, в VIII–XI вв., одно из городищ той или иной речной долины средней полосы России начало возвышаться по величине и составу населения над окружающими весями и всей волостью. Вырастали подобные центры чаще всего в местах сосредоточения грузопотоков. Ярчайшим примером подобного центра является Киев, в V–VIII вв. бывший одним из центров земли полян. В IX–X вв., во многом благодаря сбору пошлин со спускавшихся с верхнего Днепра, Припяти и Десны купцов, Киев, ставший на высоком правом берегу Днепра, против устья Десны и ниже устья Припяти, превратился в столицу восточноевропейского славянского государства, вобравшего в свой состав определенный элемент угро-финского и восточнобалтского населения.

В VIII–X вв. в бассейне верхней и средней Оки расселился союз вятичей (оставивший роменско-боршевскую культуру). К началу IX в. вятичи продвинулись на берега Дона, в район устья реки Воронеж. Данный район имел известные выгоды местоположения. Он лежал на сухопутном пути из Булгара (город на Волге при устье реки Камы) в Киев и был ближайшей к Булгарии и Хазарии славянской провинцией центра Русской равнины.

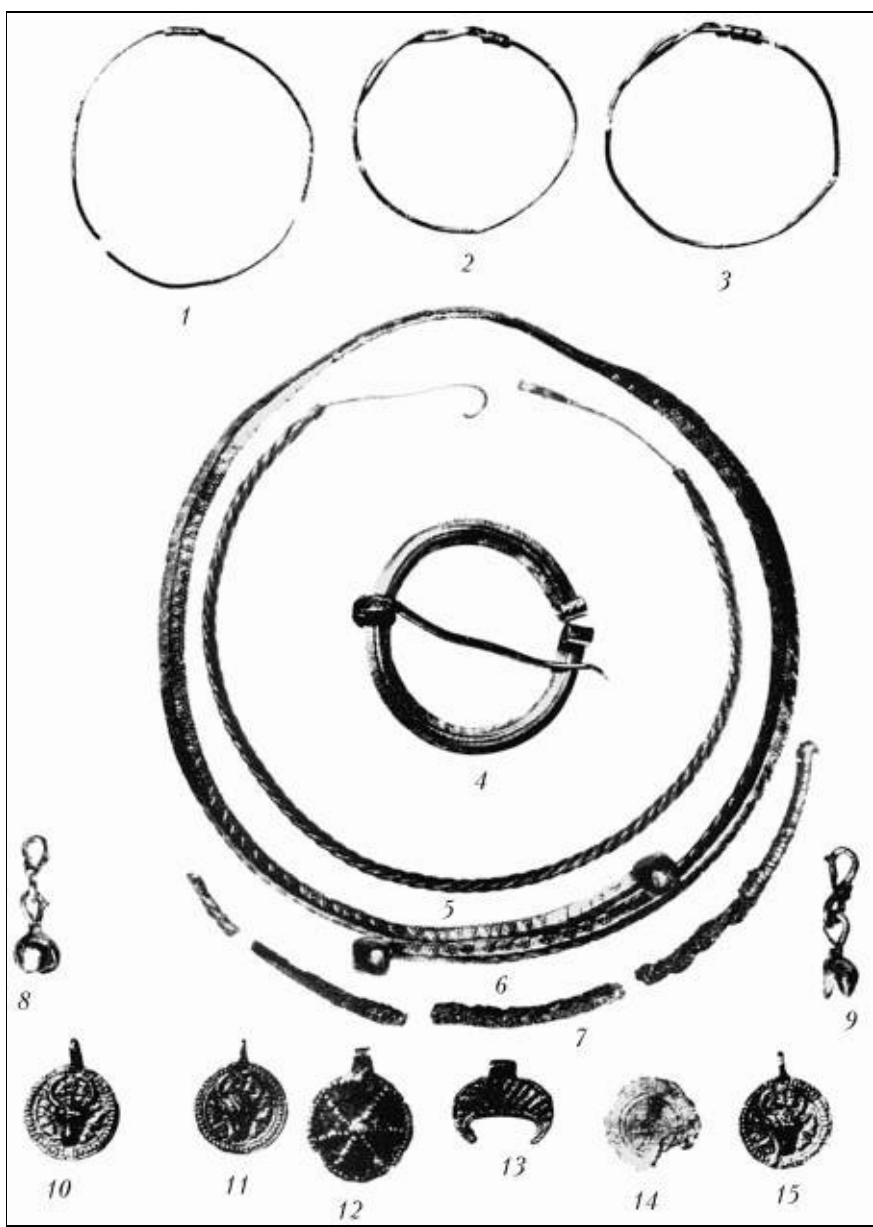
На берегах рек Дон и Воронеж вятичи выстроили ряд городищ, по периметру обведенных стенами из деревянных срубов городен, наполненных землей, и селищ и принялись за возделывание богатых черноземом земель. Тут же развернулось металлургическое и гончарное производство. К концу X в. печенеги (тюркские кочевники) беспрестанными набегами вынудили вятичей покинуть берега Дона при устье Воронежа.

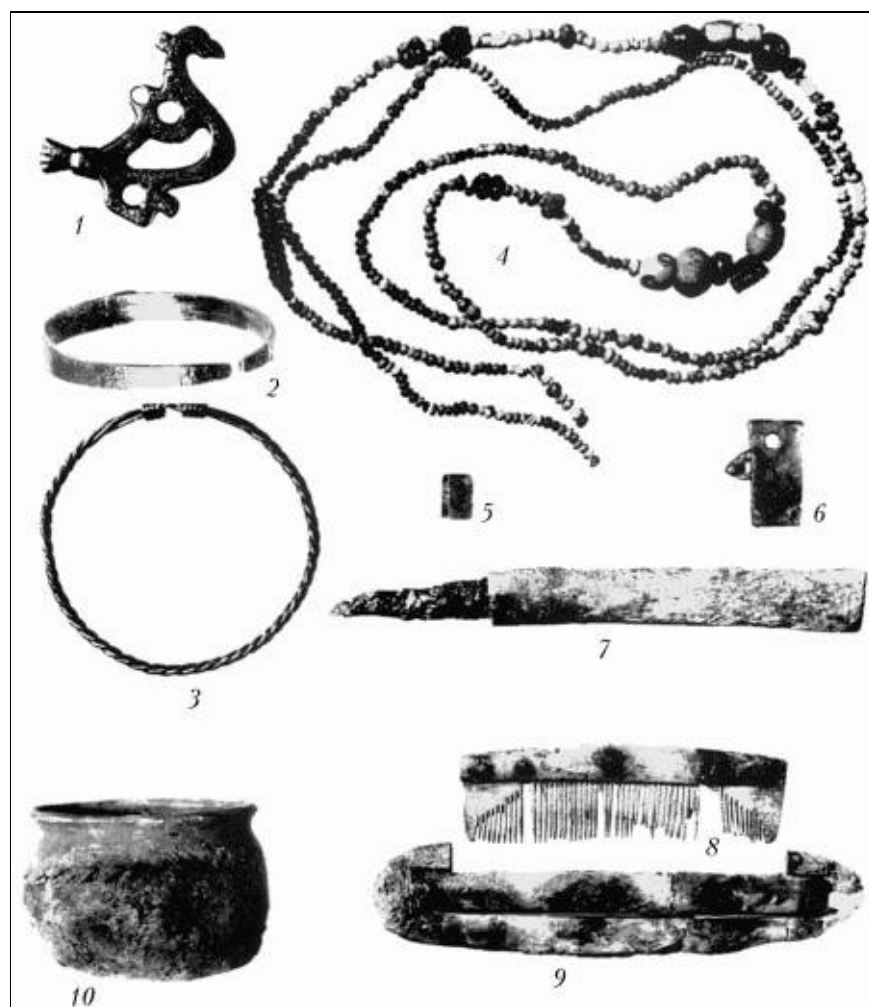
В VIII–X вв. в бассейнах рек Сож и Ипать сел славянский союз радимичей. Исходные земли для вятичей и радимичей древнерусский летописец указывает в ляхах, в мире западных славян центра Европы. Названия союзов происходят от имен Радима и Вятко, приведших к VIII в. свои роды на Сож и Оку.

В VIII в. на западном рубеже псковских кривичей были возведены укрепления Изборска. Эта крепость расположена в 31 км к западу от Пскова. В VIII–XIII вв. Изборск занимал Труворово городище. Ныне это высокий крутобокий холм с одноглавой бесстолпной каменной церковью на склоне. Храм Николая Чудотворца стоит на источнике. Храм украшает типичная для Северо-Западной Руси открытая двухъярусная звонница.

В 1303 г. в полукилометре от древнейшего Изборска, стоявшего на Труворовом городище, на Жеравьей горе воздвигли первую каменную башню Куковку (Луковку) и деревянные стены. Крепость усилили пятью каменными башнями, и вплоть до Ливонской войны (1558–1565) Изборск служил грозным предостережением западному соседу псковских земель.

А на Труворовом городище после 1303 г. стоял мужской монастырь.

В VIII в. словене на мысу, при впадении в нижний Волхов левого притока, выстроили древнейшие укрепления Старой Ладogi (Альдейгьюборга северогерманских sag). В том же столетии северные германцы начали проникать на просторы Русской равнины.

В VIII в. в месте максимального схождения русел Западной Двины и Днепра возник центр Гнездово, контролировавший ключевой волок на пути с Балтики в Черное море. Гнездово стоит над Днепром, в 10 км западнее Смоленска. Курганный некрополь в Гнездове насчитывает до 5000 насыпей (часть утрачена), созданных в VIII–XII вв. Это крупнейший в Европе курганный некрополь.

В районе Ярославля, на правом берегу Волги, в VIII в. возник торговый центр Тимерево. В нем селились купцы, одновременно бывшие воинами, ходившие руслом Волги в Каспий торговать с востоком.

Вблизи Ростова Великого, к югу от озера Неро, в VIII в. развивалось Сарское городище.

Но наибольшее оживление в VII–VIII вв. царило в полосе лесостепей Восточной Европы и по берегам Припяти и Десны. Креп лежавший в VI–IX вв. на самой стремнине торгового пути из варяг в греки Киев. В низовье реки Горынь (район г. Турова) в VIII в. возвысился город-крепость Хотомель. Его гарнизон служил опорой нарождавшейся княжеской власти. Местные князья отдельных славянских союзов, укрепляя собственную власть, сами того не ведая, прокладывали путь государственной власти великого киевского княжения.

В верховьях Западного Буга и в правом берегу бассейна Припяти в V–VIII вв. сидел союз вольнян. Их центр, как можно предположить, располагался вблизи более поздней княжеской столицы Владимира-Волынского и именовался городом Вольнь (левый берег Западного Буга).

В верховьях Днестра, на склонах Восточных Карпат, в V–VIII вв. сидел славянский союз хорватов.

Среди лесов, ограниченных с запада рекой Случь, а с востока рекой Тетерев, в V–VIII вв.

сидели древляне. Их борьба с киевскими князьями ознаменовала начало гегемонии днепровской столицы на востоке Европы.

На правом берегу среднего Днепра и на части земель левого поднепровья в V–VIII вв. сидел славянский союз полян, одноименный полянам, объединившим славян Польши.

Древнерусский летописец так говорит о полянах: «Подем не жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо съ своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим».

О начале Киева «Повесть временных лет» говорит: «И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяще Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвися Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне».

Тут же летописец передает предание о Кие: «Ини же, не сведущие, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра; темь глаголаху — «На перевоз на Киев». Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил к Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемь, приходившу ему ко царю, яко скажутъ, яко велику честь приял от царя, при которомь приходив цари. Идушую же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близъ живущий; еже и донине наречють дунайци городоце Киевецъ. Киеви же пришедшу въ свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек, и Хорив, и сестра Лыбедь ту скончашася...»

Упомянутым летописцем царем мог быть византийский император Анастасий I (491–518). На годы его правления приходятся походы славян к югу от Дуная. Мы помним об особо тесных, союзнических связях Византии с восточными славянами-антами. Кроме того, в самых нижних пластах раннего Киева, на замковой горе Киселевка, у ручья Киянки, найдена монета императора Анастасия.

Повесть говорит, что Кий шел на Балканы «с родом своим». Отсюда проясняется природа балканских названий славянских объединений (северян, дреговичей, возможно, вольнян). Не могу не напомнить и о славянах, союз которых именовался смоляне.

Уделим внимание и имени Кия, главы рода полян. В южной Моравии, над правым притоком реки Моравы, стоит город Киев. А на рубеже Чехии и Моравии, в верховьях реки Сазавы (правый приток реки Влтава), в 25 км к северо-востоку от города Йиглава, на 702 м вознеслась гора Киев.

В далматинской Хорватии, вблизи древнего Книна, расположен городок с названием Киево.

Наконец, на Русской равнине, среди густых вятчских лесов, в современной Калужской области, в верховье реки Суходрев, затерялась деревенька Киево. Кроме того, на землях лесной полосы России разбросаны десятки топонимов (деревень) с корнем Киев.

Вероятно, имя Кий было широко распространено среди славян центра Европы уже в I–V вв. Отсюда имя, или топоним, попало на Балканы. А вот смысл (или этимология) слова Кий нами будет раскрыт при чтении Лаврентьевской летописи. Но повествование о том впереди.

О Кие сообщает армянская хроника Зенона Глака VIII в. Зенон излагает предание о Куаре, Молтее и Хореване, построивших город в стране Палуни (Полуночной). Из датировки хроники следует, что город возник ранее 757 г. Мы помним о том, что в 555–556 гг. анты сражались с персами в Закавказье на стороне Византии. Понятна и осведомленность армян об основании города в стране Полуночной.

Итак, на протяжении V–VIII вв. на востоке Европы сложилась та картина расселенности славянских союзов, которую описал древнерусский летописец в X–XI вв. Добавим лишь, что в

XI в. Суздальское ополье стало покрываться славянскими (так называемыми владимирскими) курганами. Продвигались в бассейн реки Клязьмы главным образом словене новгородские с северо-запада и кривичи с запада.

Первыми на берега озер Неро и Клещено (Плещеево) и в район города Ярославль в IX в. продвинулись словене новгородские. От озера Ильмень на Волгу словене шли по реке Молога и по рекам Мста и Тверда.

В X в. продолжилось заселение земель междуречья Клязьмы и Волги словенами новгородскими. Одновременно в междуречье Оки и Волги, на земли Ростовского, Переяславского, Ярославского княжений (будущих), стали подходить представители союза кривичей. Их челны с верхнего Днепра перетаскивались в Волгу, Москву.

В X в. словене новгородские направили ладьи с реки Мологи в реку Шексну, на север, к берегам Белого озера. Район Белого озера входил в мир русской истории и ранее, в VIII–IX вв. В X в. берега Белого озера и окрестных водоемов пережили максимальный наплыв словен.

В XI в. продолжилось активное заселение ростово-суздальских земель словенами и кривичами. Ими осваивались земли под пашенное земледелие и домашнее скотоводство. В первую очередь славяне стремились поселиться на богатом черноземами суздальском ополье. То была будущая житница Северо-Восточной Руси. Интенсивно заселялись и берега Волги в районе городов Углич, Молога, Ярославль, Кострома.

Верховья реки Клязьмы служили северным рубежом союзу вятичей — южным соседям кривичей. Бассейн реки Москвы, исключая верховья, в VIII–XIII вв. заселялся вятичами.

В VIII–X вв. на Русской равнине сложилась система речных путей, снабженных множеством необходимых волоков и мест торговли, складирования и отдыха. Речные дороги и волоки позволяли перемещать огромные массы товаров из Черного, Каспийского и Средиземного морей в Балтику, и наоборот. Речной каркас, зиждившийся на руслах Днепра, Волги, Западной Двины и Ловати-Волхова, и его перекрестье, накрепко связанное волоками Оковского леса (Валдайская возвышенность), оказались кровеносной системой, наполнившей неоглядные просторы востока Европы шумом и гамом континентального рынка. А рынок стал манить на Русскую равнину ладьи северных германцев и караваны персидских, арабских и иудейских торговцев. В VIII в. на волоках стали зарывать клады из восточных дирхемов, и там же стала поблескивать сталь франкских мечей. Так на Руси начали переплетаться интересы востока и запада.

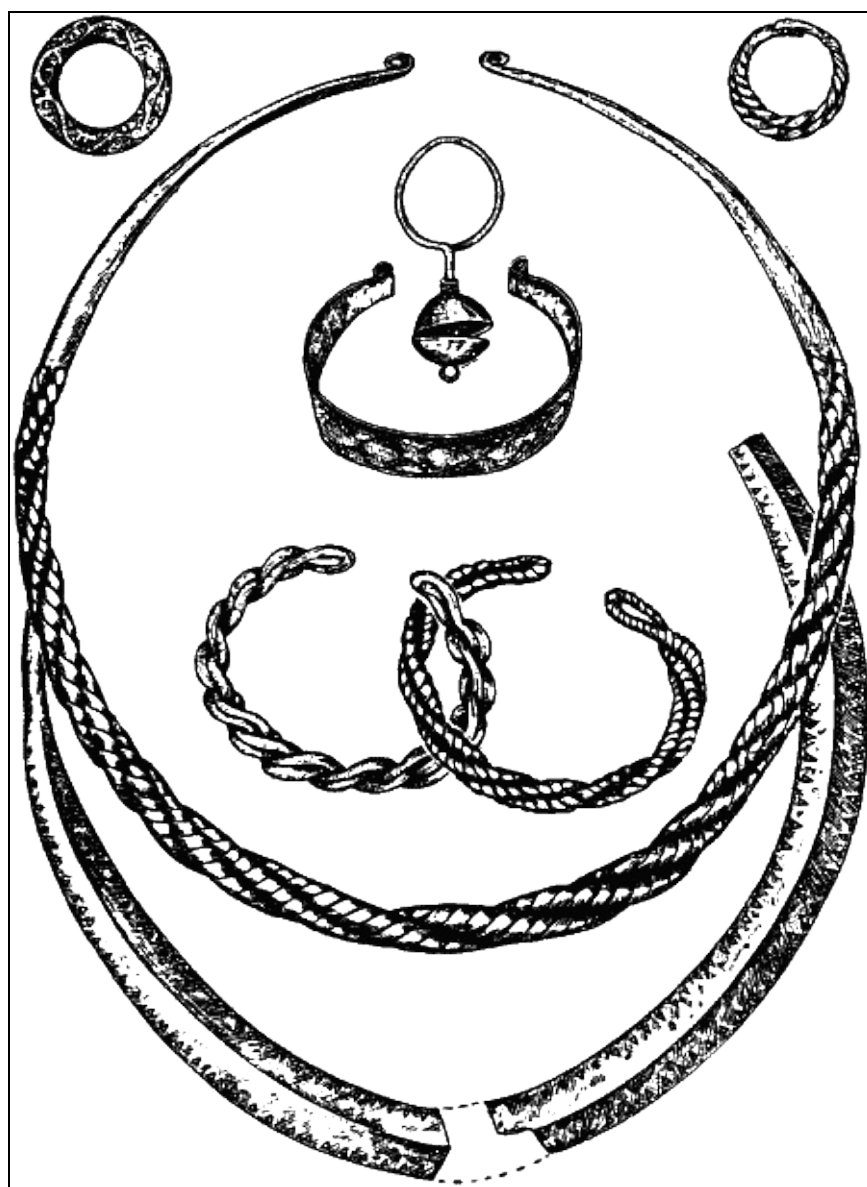
Глава 2

РУСЬ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

Внешнее окружение Руси в раннем Средневековье

В VIII–IX вв. Европа, пережив бурные столетия, названные эпохой переселений народов, вошла в полосу относительной стабилизации. При этом господствовать на континенте стало христианство. Мы помним о том, что в VII–VIII вв. восток пережил взрыв арабского мира Аравии, стремительные завоевания которого распространили ислам от рек Инд и Сыр-Дарья на востоке до Гибралтарского пролива на западе. Византия едва выстояла, но удержала Малую Азию. Франки отстояли Францию, но Пиренейский полуостров на несколько столетий был уступлен арабам. Около 757 г. славяне-вятичи на Дону вошли в соприкосновение с арабскими всадниками полководца Мервана. Подобное развитие событий не могло не подстегнуть распространение христианства в индоевропейской Европе, южным подбрюшьем ощутившей жар новой арабийской религии.

В XI в. христианский мир Европы развалился на два враждебных лагеря — католический и православный. Но ранее, в X в., христианство не было принято ни миром северных германцев, ни восточными славянами. Однако экономический и соответствующий ему идеологический фундаменты, готовившие торжество христианства в Скандинавии и на Руси, год от года развивались все быстрее. Чем больше городов, дорог и селений становилось на Руси, чем шире раздвигал человек зеленую стену девственного леса и чем мощнее становились орудия производства, тем меньшее место в сознании человека занимало поклонение силам природы и тем ближе общество подступало к принятию христианства с единым богом — творцом всего сущего. Не случайно прежде всего крещение и на Руси, и в Скандинавии было принято знатью и горожанами. Язычество на севере и востоке Европы не было изжито окончательно ни к XIV в., ни многим позже. В глуши, среди лесов, озер и рек, среди девственной природы люди никогда не переставали поклоняться ее красоте и силе.

Одновременно с принятием христианства индоевропейский мир Европы переживал сложный процесс перерождения уклада всего ряда внешних и внутренних проявлений экономической, политической и идеологической жизни. Наступала эпоха феодализма. Древний строй индоевропейцев с его тройной системой деления общества на аристократию, духовенство и свободных общинников и ремесленников преобразился в новую систему взаимоотношений. Одной из важнейших черт ушедшего порядка вещей была возможность выбора, позволявшая населению не только воздействовать на высшую власть, но при необходимости и карать ее смертью либо изгнанием. Не случайно выборные или вечевые традиции у славян и германцев более всего сохранялись на северных окраинах их миров — в Новгороде и Пскове, в Скандинавии и Исландии. Тут же долее всего язычество противостояло христианству, и были наиболее часты антицерковные и антифеодальные выступления населения, возглавляемого волхвами.

В XI–XIII вв. вспыхнул последний яркий всполох древнейшей индоевропейской курганной традиции, именуемой курганной культурой Руси. К XIV в. христианство, а быть может, и строй экономической и политической жизни положили конец курганной традиции у славян, возраст которой в лесостепях и степях востока Европы насчитывал не менее шести тысячелетий. Славяне Русской равнины последними из всего индоевропейского сообщества перестали сооружать курганы над погребениями. Курганные некрополи восточных славян V–XIII вв. помогут нам уяснить картину расположения поселений Древней Руси. Но об этом будет написано ниже.

Несколько столетий продвижений славян по Русской равнине в VIII–IX вв. привели к качественным преобразованиям, видимым признаком которых стал бурный рост городов. Основы большинства тех городов славяне заложили ранее, в V–VII вв. Нижние слои служивших городам центрами городищ чаще всего возникли в раннем железном веке и позднее, в эпоху дьяковской, мощинской и иных археологических культур VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.

Не многим из городищ востока Европы в VIII–XIII вв. было суждено преобразиться в славные красотой и историей древнерусские города. Во многом судьбы городков зависели от степени или интенсивности судоходства реки, у которой они стояли, и от общего положения экономической географии, складывавшейся вокруг городков. От этого зависели доходы горожан и темпы развития городов.

В VIII–IX вв. около пяти сотен славянских городищ (цифра приблизительная) возвысились. Остальные городища продолжали служить рядовыми убежищами окрестным земледельцам. Несколько десятков городищ в XI–XIII вв. стали столицами отдельных княжений и уделов. Вокруг городищ, положение которых в экономическом и географическом отношении было наиболее выгодно, в VIII–X вв. бурно росли торгово-ремесленные посады или предградья. Валы и рвы вокруг таких центров регулярно подновлялись, а некрополи, начинавшиеся сразу за тыном посадов, отличались большим количеством курганов, среди которых высилось немало громад — насыпей, скрывавших княжеские погребения.

Наибольшие выгоды, как отмечалось выше, получил Киев. В X–XIII вв. Киев ожидала блестящая будущность. Красота, богатство и величие Киева равно ослепляли восток и запад. Судьба вознесла Киев в небеса мировой истории. Тем трагичнее было падение Киева.

В IX в. бурно развивался Псков. В домах его посада каменные очаги заменили печами. В IX в. в Старой Ладогe возвели каменные крепостные стены, а словене хлынули на верхнюю Волгу. В IX в. продолжилось развитие Изборска, Гнездова, Хотомеля. Рубежом VIII–IX вв. датируются ранние монеты, появившиеся в Гнездове. Тогда же волок, ведущий из Днепра в Западную Двину, начал втягиваться в эпоху бурного развития торговых связей. На берегах рек Восточной Европы в VIII–IX вв. вновь, как в века Траяновы, зазвенела полновесная монета.

В IX в. началось бурное развитие центра земель северян — Чернигова. В X в. под Черниговом, в Шестовицах, вырос город, служивший лагерем для княжеской дружины, подобный Хотомелю на Горыни. Это была примета возвышения княжеской, и пока местной, власти. Теперь князья опирались не на избравший их народ, а на собственные дружины, нередко народу противопоставлявшиеся.

В начале X в. укрепили кремль в Чернигове.

Особо скажем о предыстории Северо-Восточной Руси. Древнейшее индоевропейское население, создавшее археологическую культуру боевых топоров и шнуровой керамики, посетило верховья Волги, Днепра, берега Оки, Западной Двины и Немана на рубеже III–II тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. обладателям боевых топоров наследовали этнически близкие создатели фатьяновской археологической культуры. Состав населения обеих культур можно отнести к индоевропейской протобалтской общности континента. Тут следует сослаться на то обстоятельство, что земли исторических балтов после рубежа III–II тыс. до н. э. не переживали сколько-нибудь значительных вторжений извне.

Помимо протобалтов леса Восточной Европы издревле населяли угро-финны. Основу их экономики составляли охота и рыбная ловля. В VIII в. до н. э. — VIII в. н. э. финский элемент, по-видимому, сумел возобладать над индоевропейским. Заметим, что протобалты II–I тыс. до н. э. были весьма близки протославянам той же эпохи центра и востока Европы. Это видно из сравнения балтского и славянского языков. Кроме того, контакты славян и балтов в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в полосе лесостепей и лесов востока Европы были весьма тесными, и причины

этого указывались.

Экономический взрыв, потрясший Европу в VIII–VII вв. до н. э., именуемый ранним железным веком, отозвался и в лесах верхней Волги и нижней Оки. На землях будущих ростово-суздальских и рязано-муромских княжений в VIII в. до н. э. — VIII в. н. э. родились и расцвели две родственные археологические культуры. Северная, занявшая часть земель в междуречье Волги и Оки, именуется дьяковской археологической культурой. Южная провинция расположилась к югу от средней и нижней Оки и именуется городецкой культурой.

В IX–XII вв. на землях, ранее занятых дьяковской культурой, летописцы упоминают мерянский народ. А на территории городецкой культуры в эпоху летописания жили мещера, мурома, мордва. Данные народы относятся к большой угро-финской общности Евразии. Городища и селища волго-окского междуречья раннего железного века входили центральным звеном в цепь, связывавшую мир западных балтов и бассейн реки Камы. Вне всякого сомнения, экономическое и этническое влияние индоевропейцев присутствовало на землях междуречья Оки и Волги не только во II тыс. до н. э., но и в VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.

В ту же эпоху восточные славяне занимали полосу лесостепей востока Европы. Водами Днепра, Десны, Оки, Дона славяне поднимались в полосу лесов, населенных восточными балтами и угро-финнами.

На мысль о близком знакомстве создателей дьяковской и городецкой культур со славянами, имевшем древнюю предысторию, наводит легкость, с какой в IX–XI вв. восточнославянская культура распространилась в междуречье Оки и Волги.

На степень взаимного проникновения восточнобалтского и угро-финского миров указывает то обстоятельство, что в XII в. русские летописи упоминают балтский народ голядь, живший по берегам рек Протва и Угра (левые притоки средней Оки).

Русь глазами восточных авторов

При впадении в Волгу Камы до 1236 г. располагалось государство волжских булгар (тюрки, родственные болгарам Балкан). Столицей был город Булгар. Его рынок служил крупным транзитным механизмом, пропускавшим горы пушнины, шелка, монет и иного добра с юга на север и с востока на запад, и наоборот. На юге партнером Булгара был город Итиль, стоявший в дельте Волги (столица Хазарского каганата).

В Итиле также шумел большой базар. Китайский шелк, багдадскую чеканку, связки шкурок песцов, соболей, куниц, лисиц, бобров без числа грузили и выгружали с верблюдов и лошадей в ладьи и обратно и развозили во все стороны света.

С востока к дельте Волги шли караваны, составленные из верениц груженных тюками верблюдов. Партнерами итильских купцов были торговцы из Хивы и Бухары.

В VIII в. руслами рек Восточной Европы год от года все более активно стали плавать ладьи русов, варяг. На их бортах помимо славян и северных германцев находились булгары, арабы, греки, купцы-иудеи из Хазарского каганата. Одновременно началась интенсивная эксплуатация волоков востока Европы. Земли Северо-Восточной Руси превратились в крупный промышленный и торговый регион. Купцов с запада и юга леса севера Восточной Европы манили местными ресурсами пушнины. Это было мягкое золото и серебро, охотно обменивавшееся на монеты. Свидетельством тому служит множество кладов восточных монет VIII–X вв., усеявших берега средней и верхней Волги, Камы, Оки, берега озер Белого, Онежского, Ладожского, Ильменя и берега Финского залива.

В VIII–X вв. арабские купцы и путешественники часто посещали Русь и оставили множество описаний страны. Но прежде чем мы обратимся к рассказам арабов, вернемся к истории Ирана.

В VI в. в Иране господствовала династия Сасанидов. Хосров I Ануширван (531–579) держал гарнизоны в Дербенте и в Аланских воротах, в ущелье во владениях алан-осетин, запиравшем путь через горы Большого Кавказа.

Историки ас-Са'алиби (XI в.) и Захир ад-дина Мар'аш (XV в.), повествуя о строительстве дербентской оборонительной стены Хосровом I в месте, где Кавказ подходит к берегу Каспийского моря, говорят о том, что стена была призвана сдерживать тюрок, хазар и русов. Оба автора были прекрасно знакомы с древней персидской, доарабской и доисламской литературой и данные черпали из ее источников.

В VI в. (555–556) анты в Закавказье сражались с персами, служа Византии. Мы об этом упоминали выше. А под IV в. Иордан упоминает росомонов.

В 30–40 гг. VII в. арабы овладели большей частью империи Сасанидов. В 643 г. отряды арабского полководца Абд-ур-рахман ибн Раби'а приблизились к укреплениям Дербента. Город удерживал перс Шахрийар. Он приехал в лагерь арабов и признал себя вассалом халифата. Но дань платить Дербент не обязался. За эту привилегию стены Дербента, как и прежде, должны были сдерживать северных соседей. Халиф Осман (644–656) с подобными условиями согласился. И снова среди агрессоров, способных посягнуть на Дербент, указываются русы.

Выдающимся персидским трудом по древней доисламской истории является многотомная «История пророков и царей», написанная Абу Джафара Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (833–923). История доведена до 912–913 гг. Ат-Табари жил в городе Амол, на берегу Каспийского моря. В работе ат-Табари использовал труды историков VIII–IX вв. ал-Мадаини, ал-Вакиди и прочих. К сожалению, редакция ат-Табари до нас не дошла.

В 963 г. визирь Мухаммед Бал'ами составил дошедшую до нас краткую обработку труда ат-Табари на персидском языке. Сведения о событиях 643 г. Бал'ами мог почерпнуть в полной редакции ат-Табари.

Арабская историография возникла не ранее середины VIII в. Арабы создали «Книгу завоеваний стран» (ал-Белазури † 892) и «Книгу походов».

Вновь кратко коснемся истории арабов. В 656 г. был убит халиф Осман. Началась смута, и наступательный порыв ненадолго утих. Начиная с конца VII в. арабы возобновили завоевательные походы. В VIII в. арабы и Хазарский каганат начали обмениваться ударами. В 707–708 гг. арабский полководец Маслам воевал с Хазарией. Арабский автор IX в. ал-Йа'куби

сообщает о том, что в 715 г. Маслам овладел приграничным с Византией «городом славян». В 730–731 гг. хазары опустошили Закавказье.

В 737 г. арабы организовали большой поход на север. Во главе армии стал Марван ибн Мухаммед, позже ставший халифом. Удар хазары нанесли по двум направлениям. Из Дербента арабы выступили к городу Семендер на Тереке. Сам Марван прошел Аланскими воротами, то есть ущельем Дарьяла, на равнину, раскинувшуюся к северу от Кавказа. После взятия и опустошения Семендера Марван двинулся к тогдашней столице каганата городу Байду. Хазары отступили в степи, к северу от Терека и Кубани. Марван стал их преследовать и достиг Славянской реки (Нахр ас-сакалиба). Тут арабами было пленено 20 000 семей славян. Переселили славян в Закавказье.

Одним из следствий похода Марвана стало перенесение столицы Хазарского каганата в труднодоступную дельту Волги. Так родился город Итиль.

Тот же ал-Йа'куби сообщает, что в 757–758 гг. халиф ал-Мансур повелел своему сыну Мухаммеду ал-Махди воевать со славянами.

Теперь мы обратимся к свидетельствам персидских и арабских авторов о Руси и о славянах.

Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеку (перевод В. Розена): «Что же касается до русских купцов — а они вид славян, — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому (Черному) морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по (слово не ясно — то ли Танаис, то ли Итиль), реке Славян, и проезжают проливом столицы Хазар, и десятину с них взимает их (хазар) правитель. Затем они отправляются к Джурджанскому морю (Mare hugsanium — caspium) и высаживаются на каком угодно берегу. И диаметр этого моря 500 фарсангов, и иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. И выдают они себя за христиан и платят джизито».

Крупнейшим перевалочным местом для славянских купцов на Каспии был город Рей.

Составитель астрономических таблиц Мухаммад ибн Ибрахим ал-Фазари, живший при дворе халифа ал-Мансура (754–775), повествует:

«...Область бурджан (булгар) — 1500 × 300 фарсахов; область славян — 3500 × 700 фарсахов; область Византии с Константинополем — 5000 × 420 фарсахов...»

Фарсах — это персидский парсанг, составлявший около 6 км.

Хронологически время появления первоисточника труда Ибн Хордадбека относится к 40–50 гг. IX в.

Еще один историк востока Гардизи в работе использовал утраченный труд ал-Джайхани (ок. 922 г.). Был знаком Гардизи и с трудом Ибн Хордадбека, родившегося около 820 г. и впоследствии правившего Табаристаном, провинцией к югу от Каспия, и заведывавшего почтой на северо-западе Ирана.

Редакция Ибн Русте-Гардизи (XI в.) «Худуд ал-Алам».

«И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва. т (Ва. ит). Путь в эту страну идет по степям и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улищдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду. И они народ, пасущий свиней, как (мы) овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают с того места пепел и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют и затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится скамейку и конец завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: «Господи, ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии».

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселию, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом.

Рабочего скота у них совсем немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав» («ра'ис ар-руаса»), зовется у них свиет-малик, и он выше супанеджа (жупан), а супанедж является его заместителем. Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в продолжении трех дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством, и взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают даже одежду. В таком жильё остаются они до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений».

Текст о славянах из «Худуд ал-Алам»

«О стране славян. На восток от нее — внутренние болгары и некоторые из русов, на запад — часть Грузинского моря и часть Рума. На запад и восток от нее всюду пустыни и

ненаселенный север.

...У них много замков (коло) и крепостей (хисар). Одежда их большей частью из льна. Они считают своей обязанностью по религии служение царю. У них два города:

1. Вабнит — первый город на востоке, и некоторые из его жителей похожи на русов.
2. Хордаб — большой город и место пребывания царя».

Текст о славянах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»

«...И они (венгры) побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их как источник рабов. И венгры — огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум и продают.

...И постоянно нападают на славян, и от венгров до славян два дня пути... И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит... И между печенегами и славянами два дня пути по бездорожью, и этот путь через источники и очень лесистую местность. И страна славян ровная, изобилует деревьями, и они живут большей частью среди деревьев.

...Одежда их — рубаха и высокие сапоги. Обувь их подобна длинным табаристанским сапогам, которые носят женщины Табаристана. И средства существования у них очень обильны.

...И у них есть обычаи строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их. Венгры приходят, а славяне запираются в этих укреплениях, которые построили. Зимой большей частью они находятся в замках и крепостях, а летом в лесах. У них много рабов. Если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают.

И между ними распространены прелюбодеяния, и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним, и когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: «Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя»... Если же, став женой, предается прелюбодеянию, то (муж) убивает ее, не принимая извинений. У них много напитков из меда. Есть у них люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка».

Текст о славянах из анонимного сочинения «Моджмал ат-таварих» (Собрание историй), составленного в 1126 г.

«...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное. Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: «Здесь обоснуюсь и им легко отомщу.» (Славяне)...

...И та земля обильна. И много занимаются они торговлей...»

Гардизи, описывая ближайшую к Булгару страну славян, вероятно, имел в виду страну вятичей. Город Ва. т, быть может, следует искать на Дону, в районе устья реки Воронеж. Название города Ва. т созвучно не только с именем вятичей, но и с Воронежем. А Воронеж (топоним и гидроним) упоминается древнерусскими, домонгольскими летописцами. Донские городища вятичей при устье Воронежа до конца X в. оставались первыми славянскими укреплениями на пути из Булгара в Киев.

Гардизи особо подчеркивает значение производства меда у славян. Бортни устраивались на

деревьях. Владелец дерева поднимался по стволу, закреплял себя на нем сыромятными ремнями и принимался выдалбливать в стволе полость, призванную служить ульем или бортней. В одном стволе могло быть несколько бортней.

Ульи или бортни делали и из спиленных деревянных колод. В колоде выдалбливали полость и устанавливали ее среди сучьев дерева, подальше от ведающих мед хозяев леса — медведей.

Индоевропейское название медведя таково: eisber (нем.) — ursus (лат.) — rksas (санскр.). Славяне же постоянно сталкивались с медовым пиратством бурого (bjorn (шв.) — медведь) великана и характеризовали его через главную его слабость — мед.

Упомянутый свиет-малик — это глава союза славян. А супанеджи, подчиняющиеся ему, по-видимому, жупаны, управлявшие отдельными провинциями жупами. В землях вятичей, словен новгородских и хорватов восточных Карпат сохранились топонимы и гидронимы с корнем жупа. Но об этом ниже.

Союзы вятичей и словен (новгородских) продвигались на Русскую равнину в V–VIII вв. из центра Европы, из земель, занятых славянскими жупами. В лесостепях востока Европа свободных мест для вятичей и словен не нашлось, и им пришлось осваивать полосу лесов. Упоминание о столкновении русов со славянами у восточных авторов едва ли случайно.

Теперь обратимся к рассказам восточных авторов о русах, выделившихся из среды славян востока Европы I тыс. н. э.

Текст о русах из сочинения Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса»

«Что же касается ар-Русийн, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя поднимается, то вступаются они все. И нет между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят.

И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препираются. Когда же царь произносит приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника,

выигрывает дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что эта жертва богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набег и походы совершают на кораблях.

(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно сопровождают трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут туда, и вместе с ним кладут в ту могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении».

Текст о русах из соч. Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси «Китабал-бад ва-т-тарих»

«Что касается русов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером. И эта крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает 100 000 человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит с страной славян, и они нападают на последних, поедают их добро и захватывают их в плен. Рассказывают, что если рождается у кого-либо у них ребенок...»

Текст из «Хадуд ал-Алам» о стране русов и их городах

«Страна (русов). На восток от нее — гора печенегов, на юг — река Рута, на запад — славяне, на север — ненаселенный север. Это большая страна, и народ ее плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов. Страна эта изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа из мороват (моравы). Знахари у них в почете. Ежегодно они платят одну десятую добычи и торговой прибыли государю... Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка».

Текст о русах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»

«Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море, и остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая

влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. И есть у них царь, называемый хакан-е рус. Число жителей на этом острове 100 000.

И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отводят в Хазаран и Балкар и там продают.

...И одежда людей русов и славян из льна... На острове много городов.

Всегда 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся...»

Текст о русах из соч. Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази «Таба'иал-хайаван»

«...И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары.

Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества».

Текст о русах из соч. Мухаммед ибн Ахмеда ибн Ийаса ал-Ханафи «Нашкал-азхар фи гара «иб ал-актар»» (нач. XVI в.)

а) «...народ этой земли светлокожий, русоволосый, высокого роста...»

б) «Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние. В ней большой народ из язычников. И нет у них закона и нет у них царя, которому бы они повиновались. В земле их золотой рудник. В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают. Земля их окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающей в большое озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая».

Рассказ о русах на острове возник в арабской литературе в IX в.

Об острове русов высказывалось множество догадок. На мой взгляд, восточные авторы описали Русь, окруженную течением Днепра, Стугны и Ирпени. Это та самая Киевская Русь в два дневных перехода от рубежа до рубежа, которая в IX–XI вв. объединила славянские земли на востоке Европы. С созданием государства понятие Русь перешагнуло границу Киевской Руси и достигло берегов Северного ледовитого океана и Черного моря.

Можно сказать так, что русь это не только национальность, но и каста, или сословное положение, выделившаяся из среды восточных славян IV–X вв. и игравшая роль сердечной мышцы. От ее ритма зависела едва ли не вся жизнедеятельность обширного района континента. О предыстории возникновения слова русь писалось выше.

Земля русов в VIII–X вв. действительно представляла собой своего рода остров, очерченный реками.

Таковыми видел русов путешественник X в. Ибн Фадлан: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль (Волга). И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны... С каждым из них секира и меч и нож, и он не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские с

бородками, франкские... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в одном доме десять и двадцать — меньше и больше, и у каждого скамья, на которой он сидит...» (Пер. под ред. И. Ю. Крачковского. — М.-Л., 1939).

Арабский автор середины X в. ал-Истахри заимствовал из произведения ал-Балхи (перв. четв. X в.) важное свидетельство о мире славян: «Русы состоят из трех племен, из коих одно, ближайшее к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное из них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары, и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец» (А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1870).

Страна русов, ближайшая к Булгару, царь которой живет в городе Куяба, большем Булгара, — это классическая Южная Русь со столицей в Киеве. Из Булгара, от устья реки Камы, в Киев шли по суше через Дон, в районе устья Воронежа. Киев был полон иностранцев, ведущих торг на его рынках.

Под наиболее отдаленной Славией араб мог иметь в виду край словен новгородских. Но мне кажется более вероятным, что под далекой Славией подразумевались земли славян центра Европы.

Говоря об Артании, укажем на соответствие в названиях города Аркона и Артой ал-Истахри. Так далеко в VIII–X вв. арабы едва ли проникали. Город Аркона был окружен мистической славой, и отголоски ее могли достичь ушей арабов. Но следует сказать и о том, что северные германцы Новгород называли Хольмгард (Holmgardr) и имя города созвучно Артании арабов. Если верно предположение, что Славия расположена в центре Европы, то Артанию следует искать в богатом черными соболями Новгороде.

Глава 3

РУСЬ IX в.

Важнейшим источником информации при рассмотрении истории Древней Руси нам послужит летописный свод, создававшийся в течение нескольких столетий плеядой блистательных летописцев. В основу позднейших известных летописных сводов Руси положен свод, называемый «Повестью временных лет».

Академик А. А. Шахматов и ряд ученых, исследовавших древнерусское летописание, предложили такую последовательность создания и авторства Повести.

Около 997 г. при Владимире I, возможно при Десятинной кафедральной церкви Киева, создавался древнейший летописный свод. Одновременно на Руси рождались былины, воспевавшие Илью Муромца и Добрыню.

В XI в. в Киеве продолжили вести летопись. А в Новгороде в XI в. создавалась Остромирова летопись. А. А. Шахматов писал о летописном новгородском своде 1050 г. Считают, что его создателем был новгородский посадник Остромир.

В 1073 г. игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном летопись была продолжена и, видимо, отредактирована.

В 1093 г. игумен Киево-Печерского монастыря Иван дополнил свод.

Инок Киево-Печерского монастыря Нестор довел историю Руси до 1112 г. и завершил свод мятежным 1113 г.

Нестору наследовал игумен киевского Выдубицкого монастыря Сильвестр. Он трудился над летописным сводом до 1116 г., но закончил его событиями февраля 1111 г.

Неизвестный автор завершил свод в 1118 г., дополнив его событиями вплоть до 1117 г.

После 1136 г. некогда единая Русь распалась на ряд практически самостоятельных княжеств. Наряду с епископской кафедрой каждое княжество пожелало иметь собственное летописание. В основе летописей лежал единый древнейший свод.

Важнейшими для нас будут составленные в XIV в. Ипатьевский и Лаврентьевский летописные своды.

В основе Ипатьевского списка лежит «Повесть временных лет», события которой доведены до 1117 г. Далее в список включены общерусские известия, при этом более они касаются событий, происходивших в 1118–1199 гг. в Южной Руси. Летописцем данного периода, как полагают, был киевский игумен Моисей.

В третьей части Ипатьевского списка представлена хроника событий, происходивших в Галиции и на Волыни вплоть до 1292 г.

Лаврентьевский список был переписан для Великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского в 1377 г. В список помимо Повести, события которой доведены до 1110 г., включена летопись, излагающая историю ростово-суздальских земель.

Кроме двух названных списков, мы многократно прибегнем к данным из иных, весьма многочисленных списков, составляющих пантеон памятников древнерусского летописания. К слову сказать, древнерусская литература, включая летописание, богатейшая и обширнейшая в Европе раннего Средневековья.

Тексты летописи в Книге второй, взятые из Ипатьевского списка, приведены по изданию: Полное собрание русских летописей, 1962, т. 2. Если приведенный летописный текст взят не из Ипатьевского списка, его принадлежность указывается особо.

При изложении событий древнерусской истории мы будем придерживаться летоисчисления, принятого летописцами, дабы не запутать читателя в числовых вычислениях. Впрочем, иногда будет указано на несоответствие дат, приведенных летописцем,

действительности, если подобное несоответствие имеет место. Новый год в Киевской Руси встречали в марте, с рождением новой луны.

Но приступим к древнерусской истории.

«Повесть временных лет»

«Повесть временных лет» начинает излагать события с 852 г. Под 859 г. в Повести сообщается, что с отдельных союзов славян востока Европы брали дань варяги и хазары.

Под 862 г. сообщается об изгнании варягов за море и об отказе им в дани. И под тем же 862 г. мы читаем: «...и встал род на род... и вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет... три брата с роды своими и пояша по себе всю Русь и придоша к словенам первее и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладоге Рюрик, а другие Синеоус на Белоозере, а третий Трувор в Изборске».

Заметим, что Старая Ладога впервые была отстроена в VIII в.

Под тем же 862 г. Повесть сообщает о том, что Рюрик пришел на озеро Ильмень и срубил город над Волховом, прозванный Новгородом.

Речь, видимо, идет о Рюриковом городище под Новгородом, ибо сам Новгород стал подниматься в середине X в.

В 862 г., согласно Повести, Рюрик посадил по волостям своих мужей: одного в Полоцк (Старый), другого в Ростов, третьего на Белоозере.

Прежде чем вести дальнейшее повествование об истории Древней Руси, проведем одну параллель. В 50–70 гг. X в. монах монастыря Новая Корвея Видукинд на латыни написал хронику, именуемую «Деяния саксов». Мы обращались к ней ранее, обратимся и теперь (в хронике рассказано о призвании саксов в Британию. Послы, прибывшие из Британии, обратились к саксам с такой речью): «Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, готовы вручить вашей власти. До этого мы благополучно жили под покровительством и защитой римлян, после римлян мы не знаем никого, кто был бы лучше вас, поэтому мы ищем убежища под крылом вашей доблести. Если вы, носители этой доблести и столь победоносного оружия, сочтете нас более достойными по сравнению с врагами, то, какую бы повинность вы ни возложили на нас, мы будем охотно ее нести». В V в. саксы овладели частью земель британского архипелага. Самых же бриттов саксы «изгнали из страны, а самую страну подчинили своей власти».

Но вернемся к событиям русской истории. Под 862 г. летописец говорит, что у Рюрика было два мужа «не племени его, но боярина» (видимо, речь идет о знатных славянах). Эти два боярина со своими родами отпросились у Рюрика идти к Царюграду (Византии). Плывая по Днепру, «узрели на горе городок... Аскольд же и Дир остались в городе семь».

млтвѣра дн прѣтѣи вѣца. и по мѡлившѣ ѡ емѡ . рѣ
 снѣе . и даю и рѣснѣ снѣ стѣ и вѣи . ѡ и мѣнѣ мѡего
 и ѡ градѡвѣ мѡей . ѡ чѣсть . и по лѡжнѣ снѣи вѣи
 пѣвѣ вѣи рѣснѣи . ащѣи стѡего стѡего днѣ дѣлѣ
 дѣтѣ прѡкѡлѣтѣ . и вѣдѣ стѣ снѣи мѣ настѣ ѡ ко
 рѡу мѣнѣ . и сѡтворѣнѣ прѣ снѣи вѣи вѣи вѣи
 дѣлѣ вѣи мѣнѣ стѣи гѣснѣи мѣ . и вѣи рѣ снѣи мѣ

Послѣднѣи рѣшѣ снѣи вѣи . и вѣи мѣнѣ . и вѣи
 днѣи рѣ снѣи мѣнѣ . и вѣи рѣ снѣи мѣнѣ . и вѣи
 и сѡ стѣи пѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ рѣ снѣи
 прѡтѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи
 вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ
 вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ
 вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ
 вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ . и сѡ стѣи вѣи мѣнѣ

Это был Киев, городок полян, стоявший над Днепром как минимум с рубежа V–VI вв. Кто правил Киевом со времен Кия до 862 г., мы не знаем. Зато немного знаем о событиях, происходивших в никогда не зависевшей от варягов Киевской Руси.

О походах славян, в том числе и восточных славян-антов, на Балканы, происходивших в VI–VII вв., выше писалось. Известно, что на рубеже VIII–IX вв. флот русов атаковал город Сурож, византийский форпост в Крыму. Флот славяне имели отменный.

Тут можно сослаться на данные сирийского «Смешанного хроникона», под 623 г. сообщающего: «...напали славяне на Крит и другие острова, и там были захвачены блаженные из Кеннешрэ, из которых было убито около двадцати мужей». Если корабли славян в VII в. ходили по Средиземному морю, то стоит ли удивляться активности славянского флота VIII–IX вв. в Черном море.

Между 825 и 842 гг. флот русов подверг опустошению город в Малой Азии — Амастриду.

В 838–839 гг. русские послы из Византии на родину возвращались через Ингельгейм, резиденцию Людовика Благочестивого.

В 860 г. к стенам Византии подступил флот русов, насчитывавший до двух сотен ладей. Император Михаил поспешил вернуться в столицу из похода на арабов. Но спасли Византию либо Богородица и внезапно налетевшая буря, либо деньги греков.

Заметим, что варяги к событиям русской истории вплоть до 862 г. не имели никакого отношения. Из Повести нам известно лишь то, что под 859 г. сообщается: «... имаху дань

Варязи, приходяще изъ за морья, на Чюди, и на Словенехъ, и на Меряхъ, и на всехъ Кривичахъ».

Следовательно, в середине IX в. северные германцы, по большей части пришедшие из Швеции и Дании, на севере Восточной Европы столкнулись со словенями и кривичами. Часть северных германцев (варягов) укрепились в отдельных опорных пунктах, но уже к концу X в. северогерманское, или варяжское, присутствие на Русской равнине практически не ощущалось.

Главным соперником Южной Руси и славянских союзов, занимавших полосу лесостепей востока Европы в IX в., был Хазарский каганат. Под 859 г. Повесть сообщает: «...Козаре имахуть на Полянех, и Северяхъ, и на Вятчихъ, имаху по беле, и веверици, тако от дыма».

Древнерусские летописцы сохранили предание о дани, выданной полянами хазарам. То были обоюдоострые мечи, показавшиеся мудрецам в каганате зловещими.

Выше писалось о том, что греки в 834 г. выстроили на Дону крепость Саркел (Белую Вежу). Хазарский каганат стремился к контролю над торговыми путями не только на юге Восточной Европы, но и в ее центре. И тут интересы Руси и Итилия столкнулись. У славян был давний богатый опыт торговли с греками, и посредничество Хазарии Киеву было не нужно.

Морские походы Руси на Византию, имевшие место в первой половине IX в., видимо, имели целью укрепление прав русских купцов в городах империи. Тропы Балкан, в VI–VIII вв. служившие славянам, в IX в. были накрепко заперты Болгарией и Сербией. И к Византии с Руси можно было добраться лишь морем.

Согласно Повести Аскольд и Дир приехали в Киев в 862 г. И тут уместно вспомнить о «Бертинских анналах», составленных епископом Пруденцием († 861). Под 839 г. анналы сообщают о посольстве русского князя в Германии. По-видимому, у Аскольда и Дири на Руси были серьезные предшественники. Весьма вероятно, что христианские летописцы XI в. начали повествование об истории Руси со времен Аскольда и Дири потому, что в ту эпоху на Русь начало проникать христианство. Громадный дохристианский пласт русской истории в X–XI вв. был отсечен вместе с именами князей не только полян и Киева, но и всех восточнославянских союзов.

Под 867 г. летописцы сообщают о новом изгнании варягов за море и о новом их призвании. Под 870 г. сообщается о втором прибытии Рюрика в Новгород, то есть, видимо, на Рюриково городище.

В 872 г. произошло два важных события. «Убиен бысть от болгар Осколдов сын». Русь боролась с тюрками (болгарами) за контроль над югом Восточной Европы и несла потери.

И в 872 г. «оскорбишася новгородци». Вспыхнуло восстание словен (Новгорода в те годы еще не было), «и того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его».

В 873 г., согласно летописи, Рюрик вновь стал сажать посадников в Полоцк, Ростов, на Белоозеро. Действительно, скандинавы в IX в. активно проникали на верхнюю Волгу, на Западную Двину и в Гнездово, на волок в Днепр. О том свидетельствует археология.

Реакция на усиление варягов в землях словен и кривичей со стороны Киева последовала незамедлительно. Под тем же 873 г. летописец сообщает о походе Аскольда и Дири на полочан, в котором русь «много зла створиша» полочанам. Видимо, Киев не пожелал уступить варягам речной путь на Балтику, шедший руслом Западной Двины. Быть может, Южная Русь надеялась на то, что славяне во главе с Вадимом Храбрым изгонят находников за море. Когда надежды не оправдались, началась война.

Но как бы там ни было, в IX в. ежегодно, преодолевая пороги на Волхове и волоки в центре Оковского леса, на водоразделе между Днепром, Волгой, Западной Двиной и Ловатью, сотни ладей северных германцев и славян-русов шли на юг и снова возвращались на север. Подобные бедрам женщины борта ладей были увешаны раскрашенными щитами, а на мачтах полоскались

паруса.

Варяжские ладьи проходили под стенам и Старой Ладого, Рюрикова городища на Ильмени, одолевали волоки с Ловати в Западную Двину и далее в Днепр. В Гнездове купцы могли пополнить запасы пищи и воды и повеселиться в близкой среде, сидевшей на волоке. Далее ладьи варягов шли водами Днепра под стенами Любеча, Вышгорода и, наконец, Киева. Конечной целью плавания был город Миклагард (Византия).

Немало варяжских судов с озера Ладога проникало в Волгу. У села Тимерево, на Волге, у того места, где позже вырос Ярославль, находилось большое поселение, предоставлявшее кров купцам-воинам. Слышали речь варягов в тогда еще молодых городах Ростове, Суздале (Sudrdalariki). Весьма вероятно, что ладьи варягов заходили в Оку и приставали под стеной Старой Рязани.

Видимо, в IX в. Южная Русь и мир северных германцев поддерживали торговый мир. События 859–862 и 872–873 гг. говорят о том, что мир перемежался периодами немирья, бывшими достаточно краткими. Видимо, экономические интересы гасили взаимные претензии.

В VIII–X вв. на речных путях юга Восточной Европы поддерживалась относительная безопасность. В XI–XIII вв. тюрки практически перекроют пути к Черному морю и проходы флотилий по Днепру будут походить на военные экспедиции общерусского масштаба. И вот тут северные германцы станут путешествовать в Миклагард не через Гардарики, а через Центральную Европу.

Присутствие варягов на Русской равнине в XI в. археологически почти не прослеживается. Варяги, остававшиеся на Руси, женились на славянских женщинах. Спустя три поколения их потомки становились органичной частью русского мира.

IX в. был золотым для варягов на Руси. В X в. их звезда на востоке Европы стала клониться к закату. Но вернемся к событиям IX в.

В 874 г. киевские князья Аскольд и Дир предприняли новый поход на Византию. В 875 г. из похода на греков вернулись «в мале дружине и бысть в Киеве плач велий...» В тот же год дружина Аскольда и Диры избил множество печенегов. Не исключено, что Византия, как бывало и ранее, была в тесной связи с тюркскими кочевниками и те заступали путь русским на Днепре.

Вновь замечу: странно, что создатель «Повести временных лет» помнит о Киеве, но не знает о князьях полян IX в. Ведь в последней четверти X в. в Киеве еще жили старики, помнившие Олега (879–912), расправившегося с Аскольдом и Диром.

Юная, но уже могучая Киевская Русь всюду сталкивалась со сферой чужих интересов. Отовсюду ее окружали варяги, хазары, тюрки. И тем настойчивее Русь в IX в. стучала копьем в ворота Царьграда.

На севере в 875 г. царило немирье. Летописец сообщает: «Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новгородских мужей». Новгород до 953 г. представлял собой ряд малозаметных поселений, разделенных водой и расстоянием.

Под 879 г. летописец сообщает о кончине Рюрика. Бразды правления Рюрик передал родичу Олегу. Сын Рюрика Игорь был мал и сам править не мог. Олег правил в 879–912 гг., то есть тридцать три года. Игорь сидел на столе в Киеве в 912–945 гг. Это означает, что Игорю при вступлении на киевский стол было не менее тридцати трех лет, и все эти годы он нуждался в регенте Олеге. А был ли Игорь сыном Рюрика?

В 879 г. исполнилось двадцать лет пребывания Рюрика в земле словен новгородских. Но ведь и в 859 г. Рюрик был взрослым мужем, а быть может, и главой рода. Значит, в 879 г., в год смерти, Рюрику было не менее сорока, а то и гораздо более лет. И лишь в 912 г. единственный сын Рюрика Игорь сел на стол великого князя.

Как бы там ни было, заметим, что славянские союзы востока Европы в V–IX вв. жили абсолютно независимо. Лишь в X в. Киев стал подчинять отдельные союзы славян собственной государственной власти.

В IX в. славянские роды продолжали расчищать леса под пашни и продвигать свои селения от русел крупнейших рек в верховья их притоков, в богатые зверем лесные угодья. Общины и роды славян V–IX вв. находились под защитой собственных князей, не пускавших без ведома ни варягов, ни хазар, ни печенегов, ни киевские дружины. Правда, союзы славян покупали мир данью, но независимостью при этом не поступались.

Вещий Олег (879–912)

Годы 879–912 киевские летописцы связывают с именем Олега. Спустя три года после кончины Рюрика, так и не попавшего южнее озера Ильмень и тем более Гнездова, в 882 г. Олег предпринял поход на юг, в земли Киевской Руси, издавна манившей варягов богатством.

Олег отправился на юг в ладьях. Из Ловати в Западную Двину суда перетаскивали на волоках у города Торопца. Не доходя Витебска, ладьи в районе современного городка Сураж входили в русло реки Каспли. Верховья Каспли подходят к Гнездову, стерегшему волок в Днепр.

Волок в Днепр встретил Олега негостеприимно. Летописец говорит, что Смоленск Олегу пришлось брать. Современный Смоленск начал развитие на рубеже X–XI вв. Значит, брать Олегу пришлось волок в Гнездове.

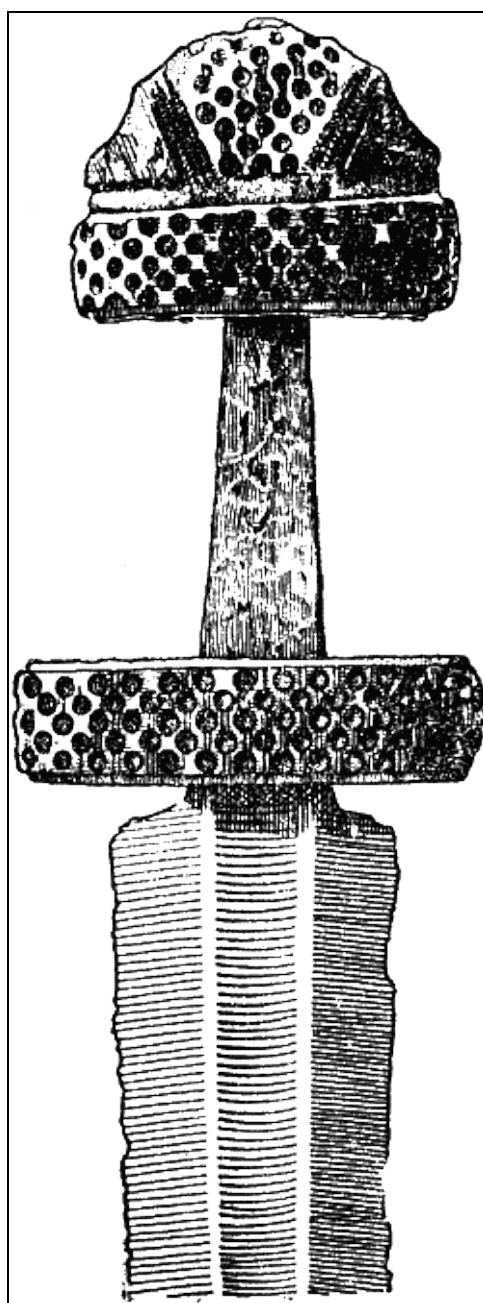
В Гнездове в VIII–X вв. жило немало выходцев из Скандинавии. Именно они могли проявить лояльность к Олегу.

Скоро ладьи Олега причалили к левому берегу Днепра, под высокий холм города Любеч. Олег овладел городом, стерегшим Киев с севера.

Под горами Киева Олег выдал себя за купца и обманом расправился с вышедшими к нему навстречу Аскольдом и Диром. Личность князя полян Аскольда вполне исторична. Возможно, именно Аскольд стал последним правителем из династии Полянских князей, родоначальником которой был Кий.

С приходом Олега в Киев столица Руси могла получить дань, собиравшуюся варягами со словен, кривичей, мери.

Заметим, что в VIII–X вв. мощный поток монет, главным образом восточных, устремлялся вверх по Волге и далее по Западной Двине и Волхову в Балтику. Вывозили монеты варяги, главным образом шведы.

В XI в. поток восточных монет, шедший на Балтику, пресекся. Виной тому было падение Хазарского каганата и одновременное возвышение централизованной власти на Руси.

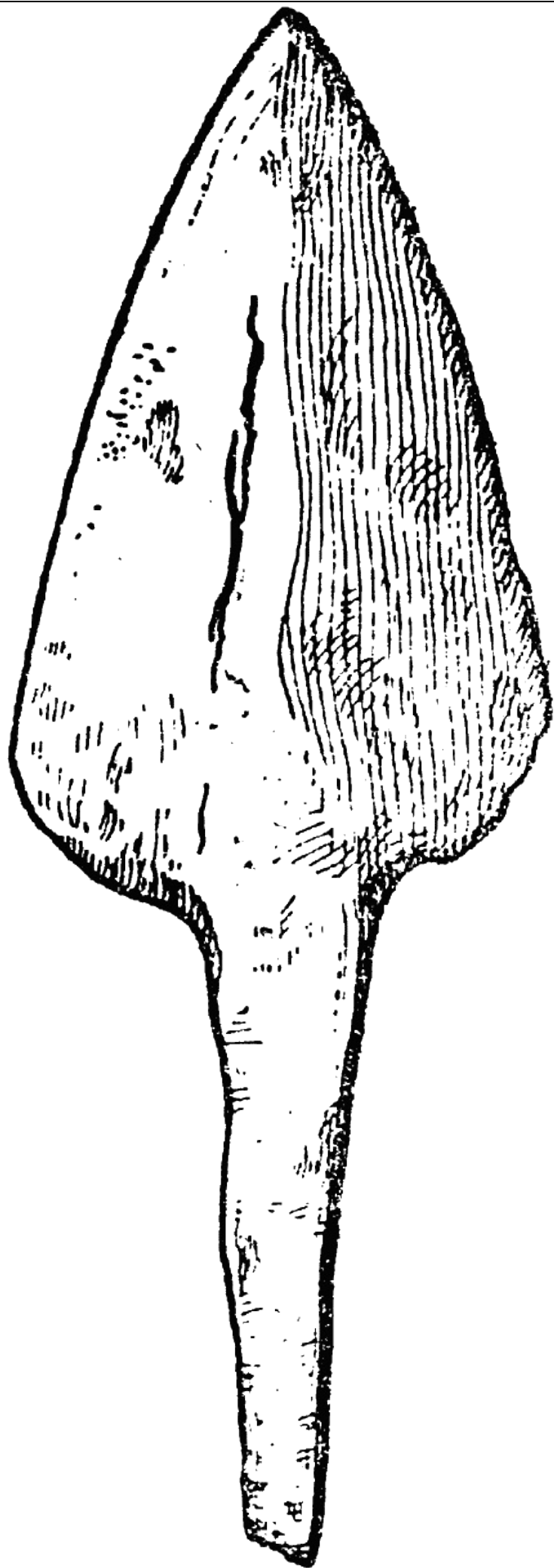
Новгород сохранял тесные отношения с варягами вплоть до кончины Ярослава Мудрого († 1054). Словене новгородские предпочитали откупаться от заморских гостей до 1054 г.

Киев в IX в. стремительно набирал силу. Чем более ширилась торговля Руси с Византией, востоком и западом, тем богаче становился Киев. В IX в. складывалась система взаимоотношений внутри Руси, описанная Константином Багрянородным и охватывавшая огромные пространства востока Европы.

С приходом в Киев Олега в столицу Руси проникло немало выходцев с Балтики. Многие из них навсегда осели в Киеве. Но иные подобно самому Олегу не могли усидеть в горницах и гридницах ладных киевских теремов, и их дух, подобно ветру, то и дело вырывался прочь за городские валы. Слишком велики и заманчивы были просторы, открывавшиеся с киевских заборов.

Варяги немало послужили Руси в IX–XI вв., но роль их стояла в общем ряду с ролью приглашавшихся в IX–XII вв. польских и венгерских отрядов, служивших орудием в спорах

князей. А князья северской земли в XI–XII вв. постоянно прибегали к помощи половцев. После 1066 г. государства Скандинавии и полуострова Ютландия стали втягиваться в размеренный уклад жизни христианских государств Европы. Былое буйство и страсть к дальним морским странствиям, перемежавшимся грабежами и битвами, сам дух североевропейского язычества стали отходить в тень, в область сказаний.

В 883 г. Олег начал войну с союзом древлян, на северо-западе соседивших с полянами. В тот же год Киев стал взимать дань с древлян — по черной куне с дыма.

В 884 г. Олег выступил в поход в земли северян, к востоку от Днепра. На северян возложили легкую дань и запретили давать дань хазарам.

В 885 г. Олег послал к сидевшим по берегам реки Сож радимичам и велел им передать, чтобы не давали дани хазарам, но давали Олегу по шелягу с плуга или с сохи.

К югу от устья реки Рось, в районе большой днепровской излучины, сидел славянский союз уличей. К западу от них по берегам нижнего и среднего Днестра сидел славянский союз тиверцев. В древности Днестр называли Тирас, и союз славян стал называться по старому имени реки.

В 885 г. дружина Олега сражалась с уличами и тиверцами, но южнорусские славяне отстаивали свою независимость.

События 898 г. побудили древнерусского летописца упомянуть об уграх, шедших с востока на запад и ставивших шатры вблизи южнорусских городов. Летописец сообщает, что угры воевали волохов, мораву, чехов, фракию. В те годы гибла Великая Моравия, и под 898 г. летописец поместил рассказ о призвании западнославянскими князьями первоучителей Кирилла и Мефодия.

Рассказ о приглашении первоучителей летописцу следовало поместить одновременно с сообщением о призвании Рюрика. Подобное несоответствие наводит на мысль, что у истоков «Повести временных лет» стояли более древние летописные записи, нежели те, что были созданы на рубеже X–XI вв.

Под 903 г. летописец сообщает, что Игорь подросток. А было ему в ту пору не менее двадцати четырех лет. Олег привез из Плескова (Пскова) юную Ольгу, будущую жену Игоря. Родилась Ольга в 893 г., и от роду ей было десять лет.

Вновь обратим внимание читателя на то, что летописец всех киевских князей увязывает с именем Рюрика, никогда не бывавшего даже в Гнездове. Аскольд и Дир, водившие с Руси огромный флот на Византию, — бояре Рюрика. Игорь, бывший малолетним до тридцати трех лет, нуждался в опеке варяга Олега и был сыном Рюрика. Так ли это?

В 907 г. Игорь был оставлен в Киеве, а Олег повел рать на Византию. Дружина Олега и огромное ополчение частично двигались на судах, частично на лошадях. Кроме варягов на юг шли воины от словен, чюди, кривичей, мери, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов.

То обстоятельство, что с Олегом в поход 907–911 гг. шли хорваты, весьма примечательно, ибо хорватский вопрос в русской истории особый. Земли союза хорватов, располагавшиеся в Карпатах, в X–XI вв. были разорваны на три части Чехией, Польшей и Русью. Процесс этот был весьма непрост как для самих хорватов, всегда стремившихся к независимости, так и для окружающих их государств, часто вступавших в конфликты друг с другом из-за земель хорватов.

Упоминает летописец в составе воинства Олега дулебов. Шли на Византию и тиверцы «яже суть толковины». Их земли примыкали к гирлу Дуная, и греческий язык был хорошо знаком.

По Днепру спускалось две тысячи ладей и лодок. В каждом из судов находилось сорок сужей. Это означает, что Олег вел 80 000 воинов.

Из-за подходившего флота ворота столицы империи заперли, а пролив Суд перекрыли металлической цепью. Громадная армия северян высадилась на берег и причинила грекам множество бед.

Летописец рассказывает о походе 907 г.: «И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И видевшие греци и убояшася, и реша, выславше ко Олгови: — «Не погубляй града, имемься по дань, якоже хочещи». И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и

вино, и не приа его — бе бо устроено со отравою. И убояшася греци и реша: — «Не есть се Олег, но святыи Дмитрей, послан на ны от Бога»».

Воинство северян отступило от стен Византии. Олег послал на переговоры с Леоном и Александром варягов. Летописец приводит их имена: «посла к нима въ град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида».

Приведем текст договора Олега с греками, заключенного в 907 г.: «...и заповеда Олегъ дати воемъ, на 2000, корабли, по двенатъчать гривне на ключь, и по той даяти оуглады на Руские города: первое на Киевъ, также и на Черниговъ, и, на Переяславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая город, по темь бо городомъ седяху князья, подъ Ольгом суще да приходятъ Русь, хлебное ямлють елико хотят, а иже придуть гостье да емлють месячину, на, 6 мсць, и хлебъ и вино и мяса и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь, елико хотятъ, и пойду же Русь домови, да емлют оу царя вашего на путь брашно, и якоря и оужа, и пре, и елико надобе, и яшася Греци, и ркоша царя и боярство все, аще придуть Русь бес купли да не взимают месячины, да запретить князь людям своимъ, приходящим Руси zde, да не творят пакости, в селяхъ и въ стране нашей, приходящий Русь да витают оу стго Мамы, и поспеть црство наше да испишют имена ихъ, и тогда возмут месячное свое, первое от города Киева, и паки ис Чернигова, и Переяславля, и прочий городи, и да входятъ в город одиными вороты, съ царевым мужемъ безъ оружья, мужь, и да творят куплю яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чемь же, царь же Леонъ с Олександром, миръ сотвориста с Ольгом, инъшеся по дань и роте заходивше межи собою, целовавше сами крест, а Ольга води и мужии его на роту, по Рускому закону, кляшася оружьем своим, и Перуном богом своим, и Волосом скотымъ богом, и оутвердиша мир».

Под киевские горы ладьи Олега пристали, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье».

Следующей весной под стенами городов Киев и Родня были собраны сотни челнов и ладей едва ли не отовсюду с Руси. Суда были полны скорой пушниной — и иным товаром, готовым для сбыта на рынках Византии. И пошел русский флот по Днепру вниз к порогам. А там никогда не переводились степные хищники.

Права купцов, пришедших с Руси, охранял договор 907 г. Текст договора указывает на различия в мировоззрениях язычников севера и греков. Для ромеев каждый рус, вооруженный топором или мечом, представлял серьезную угрозу. Греки не могли предугадать поступка язычника и оттого боялись его. Видимо, лишь во второй половине XI в. христианская мораль на Руси стала переиначивать сознание населения, и Русь стала сближаться с миром греков год от года стремительнее.

Обратим взор на запад, ибо на рубеже IX–X вв. велась активная торговля между славянами центра и востока Европы и Германией. Кратко коснемся этого вопроса.

Торговля Руси с центром Европы

В составе вкладной книги Пассауской церкви, датируемой 1254–1265 гг., сохранился документ начала X в., именуемый Раффельштеттенским таможенным уставом. Этот Устав родился при Людовике IV Дитяти (899–911). Задачей Устава было восстановление порядка взимания пошлин, существовавшего ранее в IX в. при Людовике Немцеком (840–876) и Карломане (876–880).

Приведем фрагмент документа: «Славяне же, приходящие (в Баварию) для торговли от ругов или богемов, если расположатся торговать в любом месте на берегу Дуная или в любом месте у роталариев или реодариев, с каждого вьюка воска (вносят пошлины) две меры стоимостью в один скоти каждая; с груза каждого носильщика — одну меру той же стоимости; если же собираются продавать рабов или лошадей, то за каждую рабыню — по одной тремиссе, столько же — за жеребца, за раба — одну сайгу, столько же за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны, покупающим или продающим здесь, платить ничего не требуется».

Среди товаров славян Устав не упоминает скоры (*sciria* (лат.) — шкура, *pellis* (лат.) — пушнина). Это неудивительно, ибо в Западной Европе пушнина из-за ее особой ценности не облагалась пошлиной.

В V в. на Дунае, между современными австрийскими городами Энс и Тульн, выше Вены, три десятка лет существовало королевство германского народа ругов. В 80 гг. V в. королевство ругов разгромил король Одоакр. Таким образом выражение Устава «от ругов или богемов» могло подразумевать славян, пришедших в Восточную Баварию из Богемии или из так называемого Рушланда (*in Rugilanda* — происхождение лонгобардов VII в.).

Более вероятно, что под выражением «от ругов» Устав подразумевал славян, пришедших из

Руси. Именно ругами называют русь иные германские источники X в. Можно сослаться на анонимного продолжателя хроники Регинона Прюмского.

Кроме того, Рушланд V в. в IX–X вв. сам являл собой громадный славяно-германский торг, и ссылки на эту область едва ли возможны как на район, исходный для выхода славянских купцов, везущих воск, рабов и лошадей. Вблизи городка Ашах (в Рушланде V в.) помещают упоминаемую Уставом таможню Rosdorf. Неподалеку располагался и «mercatus Marahorum» (моравский рынок). Его следует искать либо при устье реки Моравы, либо на месте моравского торжища у Микульчиц. На моравский рынок по Дунаю шли ладьи с солью.

На земле Рушланда V в. в IX–X вв. жили славяне. Один фрайзингенский документ около 902–903 гг. упоминает славянского князя Иосифа. Этот князь передал франзингенской кафедре имение Stiunina, расположенное в долине реки Камп (городок Stiefern вблизи г. Лангенлойс). Среди свидетелей передачи имения перечислены лица со славянскими именами. В данной местности известно славянское городище IX–X вв. Gars-Thunau. Кажется маловероятным, чтобы славяне, в частности населявшие долину реки Камп, поставляли в Баварию воск, рабов и лошадей.

До разгрома Великой Моравии славяне из Восточной Европы попадали на средний Дунай главным образом через Краков, Моравские ворота и долинами рек Ваг и Морава спускались к Дунаю. После разгрома Великой Моравии, то есть после рубежа IX–X вв., купцы с Руси шли на Дунай через Прагу и, пройдя долиной Влтавы и мимо города Будеевицы, расположенного в землях южночешских дудлебов, преодолевали водораздел и спускались к Дунаю между Ашахом и Энсом.

Дорога от города Лину на Дунае до Будеевиц на Влтаве, шедшая долиной реки Аист, засвидетельствована документально не позже XIII в. Эта дорога именуется *strata sibvestris* — лесная дорога. Акты 1198 и 1212 гг. упоминают и дорогу из Линца, с рынка роталариев или реодариев, ведущую в город Цветль. Дорога называется *antigua via* — древняя. Город Цветль расположен в верховьях реки Камп, долиной которой в начале X в. владел князь Иосиф. Из Цветля до земель дудлебов не более тридцати километров.

Известна и еще одна торговая дорога той эпохи, ведущая славянских купцов из Праги в город Пассау на Дунае. Она именовалась *der Gioldene Staig* — золотая тропа.

Под 1010 г. король даровал одному из монастырей города Пассау часть торговых сборов «со всем...чешским мытом». В самой Праге русских купцов засвидетельствовал арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб в 965 г.

Упомянем о денежной единице «скот», приведенной в Уставе. В русском языке «скот», в частности, имеет значение денег. Настоящий скот, мелкий и крупный рогатый, выступал на Руси мерилем стоимости.

Экономический подъем Руси в IX в.

Вернемся на восток Европы. В IX–X вв. весной вниз по Волге устремлялись сотни полных товара челнов и ладей, имевших конечной целью рынки Булгара, Итиля, Рея, Багдада, Хивы, Бухары и иных городов востока. Так пушнина с Русской равнины попадала в Месопотамию, Иран, Афганистан, Среднюю Азию.

На север купцы везли монеты, чеканившиеся в городах Востока. На берегах рек и особенно на волоках Русской равнины купцов часто ожидали разбойники. О том свидетельствует огромное число монетных кладов, восстребовать которые было некому.

В 911–912 гг. потребовалось новое вмешательство официальной Руси в отношения с Византией как с торговым партнером. Дело обошлось мирно. В 912 г. послы с Руси уехали в Византию. В Киев они вернулись с богатыми дарами.

В 912 г. греки не забыли обратить внимание Руси на блиставшие роскошью убранства, наполненные чудной живописью и небесным песнопением храмы Византии. Летописец особо говорит, что о греческих храмах послы поведали юной Ольге. А шел Ольге девятнадцатый год.

Ранее, в IX в., греки не раз пытались обратить Русь в христианство. Под 876 г. Никоновская летопись сообщает о крещении Руси. Есть сведения, что еще ранее, в 867 г., патриарх Фотий крестил часть Руси и даже учредил русскую епископию. Возможно, пытались склонить к христианству и князя Аскольда, неоднократно совершавшего походы на Византию.

Договора 907–912 гг. упоминали помимо Киева города Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч. Такое внимание к городам было оказано не случайно, ибо они бурно развивались. В начале X в. в Чернигове во времена полулегендарного князя Черного, речь о котором впереди, отстраивался детинец. Это была главная твердь северской земли. Переяславль в X в. был обнесен оборонительной стеной. Старый Полоцк IX–XIII вв. стоял чуть севернее Полоцка XI–X вв. Варяги называли город над рекой Полотой — *Palteskia* и хорошо его знали. Полоцк служил своего рода воротами на Балтику и оттого выступал как соперник Новгорода, Пскова и Старой Ладogi. Недаром отношения полочан непросто складывались именно с новгородцами.

В X в. продолжилось широкое славянское освоение земель Северной Руси. Славяне освоили бассейн реки Луги и в X в. стали селиться в землях ижоры. Приток славян, в X в. активно продвигавшихся на северо-восток, оживил берега озер Белое, Неро, Клещено (Плещеево). И зашумели топоры на строительстве городов Белоозеро, Ростов, Клещин (предтеча Переяславля-Залесского).

Интересы всех этих городов не были забыты при ведении переговоров с Византией. Киев был заинтересован в вовлечении неоглядных пространств востока Европы в торговлю с империей ромеев. Во многом от интенсивности торговли с греками зависел рост благосостояния самого Киева, а следовательно, и степень централизации русской государственности.

Выше говорилось о том, что князья отдельных славянских союзов в VIII–X вв. активно объединяли свои земли вокруг единого местного центра. Нередко возвышавшейся знати был необходим новый город, служивший опорой в борьбе с древней патриархальной стихией. В земле северян на рубеже X–XI вв. возвысился Чернигов, князья которого, быть может, не имели поддержки в древнейшей столице северян, которой, возможно, служил город Седнев, окруженный огромным курганным некрополем. Киев в земле полян, возможно, был противопоставлен древним центрам поросья. В X–XI вв. вокруг Киева стало формироваться собственное окружение, прикрывавшее дальние и ближние подступы к столице. Под 946 г. упоминается видимый с киевских гор Вышгород. Его крепость стоит на холме, в нескольких

километрах к северу от Киева, выше по Днепру. В IX в. вблизи Киева строились стены Белгорода и Звенигорода, защищавших ближние подступы к столице с запада и юга.

Варяги называли столицу Руси Кэнугард (Kenugardr). Знаменательно, что северогерманские саги отождествляют столицу Руси (Ruscia), или, как ее еще называли северные германцы, Gardariki, не с днепровским Кэнугардом, а с волховским городом Holmgardr (Новгород). При этом Holmgardr имел собственный вышний город-крепость Aldeigjuborg (Старая Ладога), прекрасно знакомый варягам.

Северогерманская изустная традиция неспроста много значения придала именно Новгороду и Старой Ладоге. Киев был слишком далек от Балтики, и полностью овладеть им варяги не сумели. К югу от Гнездова влияние варягов было несравнимо меньшим, нежели к северу от волока в Днепр. В конце X в. скандинавы практически растворились среди славян. Поздняя монета, найденная в Гнездове, датируется 940 г. Вскоре в 10 км к востоку от Гнездова должен был вознестись княжеский Смоленск.

Во второй половине X в. на Руси варягам стало оставаться все меньше места. Все большее значение стали приобретать дружины князей отдельных славянских союзов. Варягам не осталось иного, как влиться в их состав и выступать как иностранные наемники.

В XI в. варяжский элемент в русской истории встал в один ряд с польским, а позже с венгерским и половецким. Эпоха, начавшаяся в VIII в. и достигшая расцвета в IX в., олицетворением которой стало предание о призвании варягов на Русь, во второй половине X в. стала клониться к закату. Хотя еще в первой половине X в. в Гнездове продолжали насыпать курганы над богатыми скандинавскими погребениями, после 970 г. контрольная функция Гнездова, в определенной степени подведомственная варягам, делившим власть на волоке с местной знатью кривичей, была отнята Киевом. Стражем новых государственных интересов Руси на верхнем Днепре стал Смоленск, тезка далекого славянского Смоленска во Фракии, на юге Балкан.

Выше писалось о том, что варяги IX–X вв. питали слабость к славянским девушкам и охотно на них женились. Варяжская община на востоке Европы тем самым активно размывалась, и весь X в. количество вещей, сохранявших скандинавский тип, на Русской равнине неуклонно сокращалось.

В этой связи столь же символична, как и предание о призвании варягов, относящееся к IX в., легенда или быль о гибели вещего Олега в 912 г.

Летописец повествует: «И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волъхвов и кудесник: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь его же любиши и ездиси на нем, от того ти умрети». Олег же прием въ уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы некаликo лет не виде его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывышу 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мый, его же бех поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но все то лъжа есть — конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и ссяде с коня, и посмеася рече: «От сего ли лба смърть было взяти мне?» И вступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеся и умре. И плакашася людье вси плачешь великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни... словеть могыла Ольгова. И бысь всех лет княжения его 33»...

Смерть Олега — это символ заката эпохи варягов на востоке Европы. Хотя и позже, в X–

XIII вв., ладьи шведов, датчан, норвежцев во множестве приставали под стенами Старой Ладogi, Новгорода, Полоцка, ходили по Волге к городам Булгарии (Vulgaria), плавали водами реки Vina (Северная Двина) и достигали Бьярмаланда (Bjarmaland) — севера Восточной Европы, влияние выходцев из Свитьод (Svitjod — Швеция), Даны (Danir) и Норвегии (Norwegia) на землях восточного пути (Austrvegir) неуклонно убывало.

В X–XIII вв. скандинавы не только торговали или нанимались на службу на Руси, но и совершали частые разбойничьи набеги на земли Карелии (Kirjalaland), Финляндии (Finland), острова Эйсюсла (Eysysla — о. Сааремаа), Курляндии (Kurland).

Глава 4

РУСЬ X в.

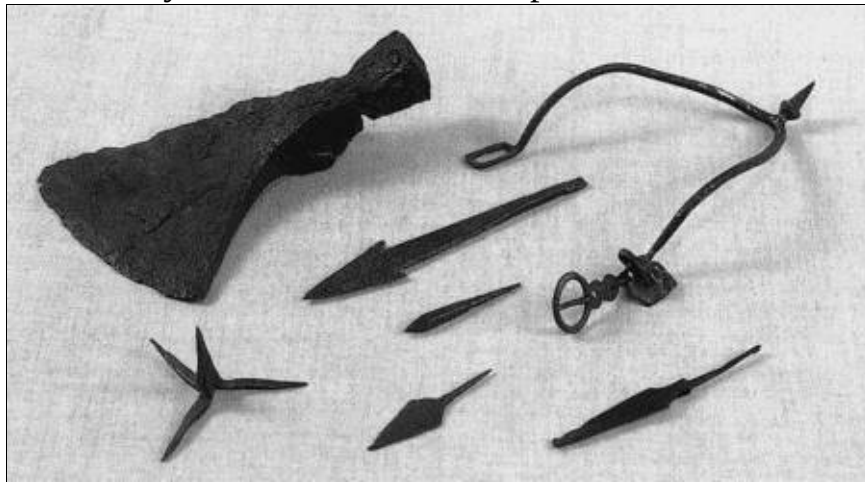
Князь Игорь (912–945)

В 913–914 гг. ладьи русов совершили военный поход на юг Каспия. Видимо, инициаторами предприятия выступили купцы Итиля и Семендера, стремившиеся к контролю над торговыми путями, ведущими в Багдад и в иные города Востока. В первые десятилетия X в. безопасность караванных путей, шедших к югу и востоку от Каспия, оказалась под угрозой и Итилю была нужна внешняя сила, способная исправить положение.

Русы не сумели восстановить безопасность торговых коммуникаций Хазарского каганата. Судьба русов, ушедших на юг Каспия, была печальна.

А в Киеве в 913 г. сел на стол полянских князей Игорь. Весьма вероятно, что Игорь был потомком князей полян. Годом ранее, в 912 г., в Византии императором был провозглашен Константин VIII. Его правление пришлось на 912–959 гг., а его судьба оказалась тесно переплетенной с Русью.

Тем временем союз древлян «отложился» от Киева. В 914 г. Игорь собрал рать и, перейдя реку Тетерев, вступил под сень дремучих лесов, принадлежавших древлянам. Древляне выступили навстречу Игорю. Победила в схватке киевская дружина, состоявшая из профессиональных воинов, собравшихся отовсюду от Скандинавии до лесов мери и чуди и от земель прибалтийских венедов до нив, возделываемых словенами, кривичами, полянами. Ядро киевской дружины было, быть может, и невелико, но бойцы в нем подобрались отменные. На древлян возложили дань, большую, нежели взимали при Олеге.

Среди данников Игоря Константин Багрянородный упоминает славянский союз лядзян, земли которых лежали в верховьях Западного Буга, на пограничье между Русью и Польшей. Дело в том, что Польша при Мешко I (960–992) стала активно объединяться. Чехия и Русь несколько опередили Польшу в деле объединения, что в дальнейшем привело к многочисленным пограничным столкновениям между славянскими государствами.

В 915 г. на южные рубежи Руси впервые подошли печенеги. Это были тюркские кочевники, шедшие по следам укrywшихся в центре Европы угров. Князь Игорь предпринял поход к нижнему Дунаю и заключил мир с печенегами. Видимо, на нижнем Дунае располагались главные становища печенегов.

Константин VIII Багрянородный оставил рассказ о печенегах. Согласно его описанию, до конца IX в. печенеги кочевали в степях, раскинувшихся между реками Волгой и Уралом. В конце IX в. узы, так же как и печенеги, бывшие тюркскими кочевниками, вытеснили последних к западу от нижнего Дона вплоть до гирла Дуная. На водоразделе между Днестром и Сиретом печенеги столкнулись с отступавшими на запад уграми и изгнали их за Карпатские горы в центр Европы.

В середине X в. печенеги делились на восемь округов или колен, по четыре на правом и левом берегах нижнего Днепра. Округа, в свою очередь, делились на сорок частей. Во главе печенежских объединений стояли ханы, составлявшие собственную иерархию.

В 914–916 гг. на Балканах пылала война между Болгарией и Византией. Греки, как не раз бывало в истории ранее, запросили помощи у тюркских кочевников, на сей раз оказавшихся печенегами. На деле помощи от печенегов греки не получили, зато болгары овладели городом Андреаноподем.

В 920 г. дружина Игоря вновь выступила в поход на печенегов. Следует заметить, что в VIII–X вв. славяне жили на Дону, при устье реки Воронеж (вятичи), на нижнем Днестре, при его излучине (уличи) и на нижнем и среднем Днестре, Пруте и Сирете, вплоть до гирла Дуная (тиверцы). Все эти славянские союзы в X в. испытали жесточайшие притеснения от печенегов и от иных тюркских кочевников. В результате в XI в. граница владений восточных славян оказалась отодвинутой к северу, в полосу лесостепей востока Европы, на классические рубежи обороны Киевской Руси. Именно на защиту славянских союзов вятичей, уличей и тиверцев и выступила дружина Игоря в 920 г.

В 922 г. часть населения Волжской Булгарии приняла ислам. В 929 г. Балканы продолжала сотрясать война, шедшая между Болгарией и Византией. А в 934 г. угры долиной реки Марица прорвались к стенам Византии. Роману, соправителю Константина VIII, удалось заключить мир с уграми. Однако угры продолжали вторгаться на Балканы, и в первую очередь в Грецию, в течение всего периода с 934 г. по 987 г.

В 939 г. князь Игорь овладел городом, стоявшим на западном берегу Таманского полуострова и запиравшим выход в Черное море через Керченский пролив. Город принадлежал Хазарскому каганату и назывался Самкерц. То был наследник греческого города Фанагории и предтеча древнерусской Тмутаракани. Удержать Самкерц русы не сумели. Каган Хазарии мобилизовал тюрков, и в 940 г. был предпринят поход сил Хазарского каганата на Русь. Во главе похода встал Песах.

Первым делом у русов отняли Тамань и город Самкерц. Вслед за тем войско Пейсаха переправилось в Крым и принялось опустошать Южный берег полуострова. Из греческих городов выстоял лишь Херсонес. Далее армия каганата прошла Перекопский перешеек и устремилась под стены Киева. Игорь дал откуп и в столицу Руси армию каганата не пустил.

Можно сказать, что события 939–940 гг. стали предтечей победоносного похода Святослава Игоревича на Хазарский каганат. Святослав извлек уроки из ошибок отца и понял, что нужно крушить весь каганат, а не отторгать часть и ожидать реакции.

В 941 г. Хазарский каганат вновь отправил войско русов на юг Каспия для защиты своих экономических интересов. Русы овладели крепостью Бердаа, контролировавшей низовья реки Куры. Но судьба русского похода была столь же печальна, как и судьба похода 913–914 гг. Практически никто из русов на родину из тех походов не возвратился.

Весной 941 г. под киевскими горами князь Игорь собрал от трех до десяти тысяч ладей и челнов, приплывших едва не отовсюду из славянских земель востока Европы. Примкнули к воинству и варяги, обитавшие на Руси.

Неудачи 939–940 гг. уважения Руси не прибавили, и князь Игорь, подобно предшественникам заботясь о престиже державы, спешил отстоять льготы русской внешней торговли в империи ромеев.

О выходе русской флотилии в Черное море в Византию сообщили болгары. Силы империи были расплывены, и 10 июня никто не сумел помешать армии Игоря высадиться на северо-западе Малой Азии, в провинциях Вифиния и Пафлогония. Запылала предместья городов Никомедия и Гераклея, и в стране ромеев началось страшное опустошение.

Спустя некоторое время с восточных и западных провинций империи к Византии подошли войска. Выступила и столичная сановная знать. Руси было дано сражение. В ход пустили так называемый «греческий огонь». К вечеру русь отступила к берегу, ночью же погрузилась в ладьи и отплыла от земли Анатолии. Русь ушла на север, в Киев.

Поход не дал ожидаемых результатов, и по возвращении на Русь Игорь принялся за хлопоты по организации нового похода на Византию. Во все концы полетела весть о предстоящем походе.

В 942 г. Ольга родила Игорю сына, названного красивым славянским именем Святослав. И действительно святая слава сопутствовала князю в жизни. Не покинула она его и после гибели.

В 943 г. Игорь вновь повел огромную армию под стены Византии. Под руку князя собрались варяги, поляне, словены, кривичи, вятичи, тиверцы и конечно же русь. А русью были выходцы из различных славянских союзов, сплотившиеся вокруг Киева и ставшие основой новой национальности, как в XIV в. Москва стала оплотом русских и России.

Славяне плыли к морю в ладьях и челнах по Днепру. По суше, берегом Днепра, на юг шли печенеги. Их Игорь привлек к походу «ная. тали их оу них поимаша» (взяв заложников).

Крымские греки послали к Роману сказать: «Се идуць Русь бес числа корабли, покрыли суть море корабли». Скоро в Византию прискакали гонцы от болгар, подтвердили весть о руси, да добавили про печенегов, своих давних недругов — «иду ть Русь и наяли суть себе Печенеги».

Греки уstraшили Русь. Мы помним о том, что в 934–987 гг. империю сотрясали набеги угров. Византия, не мешкая, отправила послов навстречу князю Игорю. Застали послы Игоря на нижнем Дунае как раз вовремя. Руси греки предложили мир и дали откуп. Игорь стал совещаться с воинами, и те просили князя принять условия империи. При этом Игорю сказали, что богиня войны капризна, а греки сами молили без битвы взять дань, подобную той, что брал Олег, и даже более.

Вернувшись в Киев, Игорь снесся с Византией, и в 945 г. столица Руси приняла послов империи. Игорь выслал своих послов в Византию и заповедал им обновить ветхий мир прежних времен. А в Киеве, в тогдашней христианской соборной церкви св. Ильи, греки поклялись над текстом нового договора. Документ был подписан именами тех греков. Затем греческие послы привезли договор Роману и передали речи Игоря.

В завершении дипломатических ходов сторон Игорь привел греческих послов на холм вблизи Киева, где стоял идол Перуна, и поклялся в верности заключенному с империей миру своим оружием.

В 945 г. в Киеве жило немало христиан. Особенно много их было среди варяжской общины города. Собирались христиане в церкви св. Ильи, стоявшей над ручьем среди киевских гор. К этой церкви и пришли греческие послы поведать о речах князя Игоря. А речи были милостивы к грекам. Прощаясь, Игорь одарил послов скорою, челядью и воском.

А в то же лето 945 г. дружина Игоря жаловалась князю, говоря, что отроки княжеского воеводы Свенельда «изоделись оружием и портами, а они наги».

Действительно, до 945 г. князь Игорь отдал дань, собиравшуюся с союза уличей, Свенельду. Воевода предпринял несколько походов в землю уличей и овладел центром славянского союза городом Пересечен. Подобная политика Киева в отношении уличей привела к тому, что земли к югу от реки Рось очень скоро оказались во власти печенегов.

Видимо, после того как в излучине Днепра обосновались кочевья печенегов, в 942 г. Свенельд получил от Игоря право сбора дани в древлянской земле. Это окончательно возмутило дружину киевского князя.

Тем временем близилась роковая для Игоря осень 945 г. Приспело время ежегодного зимнего объезда земель, подвластных Киеву. К будущей весне надо было собрать горы пушнины

для торговли с Византией. Недаром столько было потрачено человеческих жизней и средств на оплату наемников ради заключения договоров с греками.

Все обошлось бы, сумей Игорь сдержать себя в момент, когда казна, возможно, и была пуста, а дружина ворчала от неудовольствия. Князю хотелось побыстрее пополнить казну государства и умиловить обносившуюся в походах дружину. Но на беду Игоря древляне имели собственный, вполне здравый взгляд на вещи.

Древляне дали Игорю обычную дань. На обратной дороге Игорь решил вернуться в землю древлян, походить еще. Игорь отпустил дружину в Киев, а сам с малой дружиной вернулся в землю древлян «желая больша имения».

Мы узнаем от летописца, что в земле древлян в середине X в. сидели собственные князья, хотя и дававшие Киеву дань, но правившие древлянскими землями практически самостоятельно. Древляне так отзываются о своих князьях в разговоре с Ольгой: «...наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю...»

Невольно вспоминаются светлые князья, сущие под Олегом, фигурировавшие в договорах Руси с греками рубежа IX–X вв. Возникает вопрос: почему князья восточнославянских союзов IX–X вв., располагавшие собственными центрами и дружинами и самостоятельно собиравшие в своих землях дань, все же тяготели к Киеву?

Нам известно, что именно Киев еще в 860 г. выступил инициатором организации похода объединенных сил славян востока Европы на Византию. И в дальнейшем именно Киев и его князья выступали от лица славян в спорах с Хазарией, Византией, с печенегами, с Волжской Булгарией и даже с Германией. Восточные славяне в IX в. как бы не возражали против первенства Киева. Летописец провозгласил Киев матерью городов русских и вложил те слова в уста Олега. И чем более возвышался Киев и более богател, тем меньшее сопротивление оказывали восточные славяне его гегемонии.

Киев в IX–X вв. стал тем тараном, или локомотивом, который, вбирая силу отдельных славянских союзов востока Европы, проламывал барьеры, чинимые Руси соседями. Ни один союз славян не мог самостоятельно отстоять свои торгово-экономические права перед Византией или перед Хазарским каганатом и теми же варягами. Только Киев и сплотившиеся вокруг него силы оказались способны решить насущные для Руси задачи, возникавшие в IX–X вв.

В XII в. на Руси начался обратный процесс децентрализации. Но речь о том впереди.

И все же славянские союзы и их знать в X в. еще не отвыкли от уважения к собственным интересам. Обратимся к свидетельству летописца: «Слышавъше же Древляне, яко опять идетъ (Игорь) и съдумавъше Древляне с князьмь своимь Малъмь: «Аще ся въвадитъ вълк в овце, то выносить вьсе стадо, аще не убють его. Тако и съ — аще не убием его, то вься ны погубить!» И посылаша к нему, глаголюще: «Почьто идеши опять — поймал еси вьсю дань». И не послуша их Игорь. И исшьдъше из града Искоростеня противу древляне, убиша Игоря и дружину его, бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоростеня града в Деревях и до сего дьне».

Из других источников известно, что древляне привязали Игоря к стволам двух склоненных друг к другу деревьев и князь был разорван на части.

Княгиня Ольга (945–957). Торговля с Византией

А княгиня Ольга с сыном Святославом, кормильцем его Асмудом и воеводой Свенельдом сидела той осенью в Киеве. Вскоре под киевскими горами пристали ладьи, привезшие двадцать лучших мужей древлян. Они приехали для того, чтобы посватать древлянского князя Мала к княгине Ольге. Ладья с древлянами по приказу Ольги была «вринута в яму».

И снова к Киеву приехали древлянские послы. На сей раз Ольга велела сжечь их в бане заживо. Схожий эпизод мы встречали в сагах северных германцев. Разница в деяниях Сигрид и Ольги состоит, помимо прочего, в том, что Ольга расправилась с древлянами в 945–946 гг. Сигрид сожгла своих незадачливых женихов в старом доме, включая Харольда, конунга Норвегии, и Виссавальда, конунга из Гардарики, на полвека позже, в конце X в.

Вслед за уничтожением двух посольств Ольга пришла в землю древлян, на могилу Игоря, и велела насыпать над ней курган и творить тризну. Пившие без меры древляне по приказу княгини были изрублены киевскими отроками. Но и этой кровью гнев Ольги не был утолен.

Летом 946 г. Ольга со Святославом, кормильцем его Асмудом и воеводой Свенельдом вступила в землю древлян, ведя киевскую дружину. Вскоре полки неприятелей сошлись, или, как говорили в старину, «снемъщися». Юный Святослав метнул копье в древлян, но детская рука еще не набрала силы, и копье, пролетев сквозь уши коня, ударило животное в ногу. Тут Свенельд и Асмуд обратились к киевской рати: «Князь оуже почал, потягнемъ дружино по князи». Сражение было скоротечно. Древляне побежали по своим городам и затворились в них. Ольга с дружиной подошла под стены Искоростеня, но взять город было непросто. Ольга лето простояла под Искоростенем, пока наконец не придумала, как расправиться с ненавистным городом.

Ольга предложила измученным осадой горожанам мир, но прежде просила дань — по три голубя и три воробья от двора. К утру Ольга обещала отступить.

Дань княгине дали, и Искорбстень в тот же день был сожжен. Птицы устремились к гнездам, свитым под соломенными и тесовыми крышами города. К лапкам голубей и воробьев были привязаны горящие трупы.

В итоге на древлян возложили тяжкую дань, две трети которой шли в Киев, а треть в Вышгород, в город княгини Ольги.

Следующий, 947 г. показал Ольгу как энергичную правительницу. Быть может, Ольга как государственный деятель превзошла мужа и сына. Впрочем, это вопрос скорее риторический. Заметим лишь, что Ольге в 947 г. было пятьдесят четыре года и иная вдова ее возраста не отважилась бы выехать из Киева или Вышгорода далее как на один дневной переход.

Ольга в 947 г. с дружиной выехала на север. Это была необъятная лесная страна, откуда в

903 г. ее десятилетней девочкой привез Олег к Игорю. Видимо, Ольга поднялась по Днепру до волока у Гнездова и, оказавшись на Западной Двине, добралась до волока в Ловать и так достигла озера Ильмень. Вместе с ладьями посуху могли идти лошади, везшие киевскую дружину.

Возможно, что Ольга выступила на север поздней осенью, в пору, когда на реках стал крепкий лед. Все путешествие Ольга могла провести сидя в санях. Заметим, что как раз в середине X в. активно отстраивался Новгород, быстро затмивший Рюриково городище.

От Новгорода Ольга уехала на восток руслом реки Мста. В те годы по Мсте словене новгородские шли на верхнюю Волгу и всю работал волок на месте современного Вышнего Волочка. Через волок от Новгорода шли ладьи в Булгар, Итиль и далее на Каспий. Мста имела огромное значение для восточноевропейской торговли, и Ольга начала ставить по реке погосты и устанавливать дани. Для Киева в 947 г. была очевидна необходимость установления административного контроля, как минимум, над важнейшими транспортными путями Русской равнины. Ольга понимала, что обладание лишь днепровским речным путем не сделает Киев столицей далее границ днепровского речного бассейна. Ольга стремилась к Волге, так же как ее муж ранее стремился к Тамани.

Проехав из края в край реку Мсту, Ольга вернулась в Новгород и скоро уехала на реку Лугу. С озера Ильмень через реку Шелонь на Лугу вел волок. А руслом Луги можно было попасть в Балтийское море. Княгиня Ольга установила на Луге погосты, дани и оброки.

На северо-западном рубеже словенских земель, на правом берегу реки Нарва, к северу от Чудского озера, и поныне сохранилась деревня с названием Ольгин крест. Не исключено, что в 947 г. Ольга установила над Нарвой каменный крест, ибо, во-первых, посетила эти места, а во-вторых, никогда не скрывала симпатий к христианству и вполне могла отметить рубеж государства крестом.

Летописец сообщает, что сани, везшие Ольгу, стоят в Пскове «и до сегодня». Во времена составления «Повести временных лет» сани Ольги и в самом деле могли сохраняться в Пскове, где княгиня, вероятно, делала остановку. Недалеко от Пскова, на берегу реки Великой, стоит село Выбуты. Тут, по преданию, родилась Ольга.

В 947 г. княгиня Ольга объехала едва не все славянские земли на севере Восточной Европы. Летописец замечает: «... и ловища ея суть по всей земли, знамения и места, и погосты... и по Днепру перевесища и села, и по Десне, есть село Олзино и до сего дни».

Видимо, в Киев Ольга возвращалась руслом реки Десны, через земли кривичей, вятичей, радимичей и северян, не спешивших самостоятельно склонять головы перед Киевом. В верховье Десны, недалеко от волока, соединявшего реку с Угрой, в районе города Ельня, по сей день стоит село Вольговка. А неподалеку, в верховьях бассейна реки Сож, расположено село Вользино. Возможно, в этих селах Ольга останавливалась в 947 г., и, быть может, они стали принадлежать княгине, как принадлежал ей Вышгород. В X в. город Малин принадлежал древлянскому князю Малу. Княжеские и боярские города и села в X в. были еще немногочисленны, но тенденция к их появлению установилась устойчивая.

Уже в низовьях Десны представлен еще один топоним с именем Ольги в основе. К западу от Чернигова, в 947 г. представлявшего собой укрепленный город с обширным посадом и большим курганным некрополем, расположено урочище, именуемое Ольгово поле.

По возвращении в Киев Ольга обняла сына Святослава, которому было пять лет от роду. Летописец особо говорит, что Ольга «пребываше с ним въ любви».

В 955 г. Ольга поехала в Византию. И тут мы прибегнем к свидетельству греческого императора Константина VIII, в середине X в. в посетившего Русь:

«Зимний и суровый образ жизни этих самых Русов таков. Когда наступает ноябрь месяц,

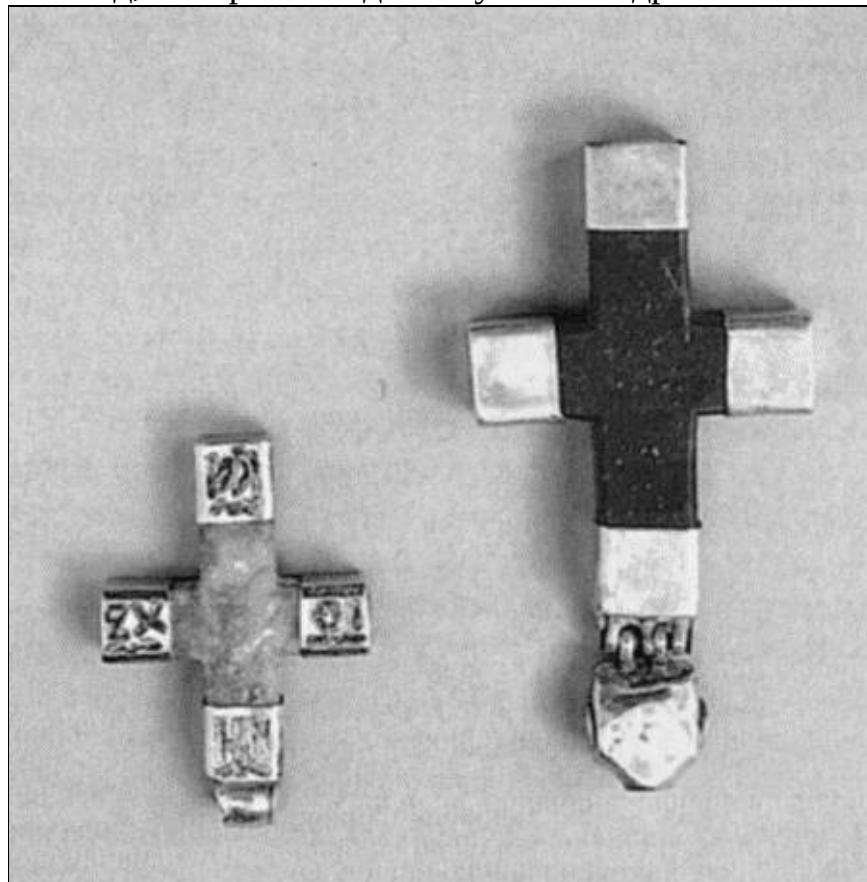
князья их тот час выходят со всеми русами из Киева и отправляются в полюдь, т. е. круговой объезд и именно в славянские земли Вервианов (древлян), Другувитов (дреговичей), Кривитеинов (кривичей), Севериев (северян), и остальных славян, платящих дань Русам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепр, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодревки... снаряжаются и отправляются в Византию...

...Однодревки, приходящие в Константинополь из Внешней Руси, идут из Невогарды (Новгорода), в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милински (Гнездово или Смоленск), из Телюцы (Любеча), Чернигоги (Чернигова) и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самватас...

...Данники их, славяне, называемые Кривитеинами и Ленсанинами, и прочие славяне рубят однодревки в своих городах в зимнюю пору и, отделив их, с открытием времени, когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они (водоемы) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают русам. Русы, покупая лишь самые колоды, раснащивают старые однодревки, берут из них весла, уключины и прочие снасти и оснащают новые...» (Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. — М.-Л., 1934, с. 10).

Константин VIII писал о Руси около 948 г. Из его сочинения можно представить картину полюдья в Древней Руси.

Осенью, как станет лед на реках, из ворот Киева, а в X в. он был невелик, выезжала княжеская дружина, составленная из нескольких сотен, а может, и тысяч отроков, представлявших различные восточнославянские союзы. Были в дружине и варяги. Наиболее знаменит среди них Свенельд, собиравший дань с уличей и древлян.

Ближайшей к Киеву была древлянская земля, и именно ее города, стоявшие на реках Тетерев, Уж, Уборть, ранее всего объезжала киевская дружина. Объехать все волости древлян и за всю зиму было невозможно, и дружина посещала лишь несколько городов, куда загодя

свозили пушнину и иной оброк. Это были центры речных долин, подобные городам Радомышль, Мическ или Житомир на реке Тетерев, Искоростень и Овруч в бассейне реки Уж и Олевск на реке Уборть. Древляне под присмотром своих князей к ноябрю отправляли в места остановки киевской дружины транспорты с положенным каждой волости оброком.

Часть дружины возвращалась с древлянской данью в Киев, но основная часть отряда переходила в землю союза дреговичей. И снова все повторялось. Киевская дружина едва ли заходила в глубь полесских лесов и болот, называемых дрегвой. Крупнейшими городами дреговичей на Припяти были Пинск, Давид-Городок, Хотомель, где уже в VIII в. размещалась дружина местного князя, Туров и Мозырь. Эти города и могли посещать киевляне, двигавшиеся в глубь земли дреговичей руслом замерзшей Припяти. Могли киевляне взять дань с дреговичей и на Днепре, в районе города Рогачев, традиционно принадлежавшего Турово-Пинскому княжеству, а ранее входившего в землю дреговичей как форпост на главной торговой артерии Руси.

Земли в верховьях Днепра принадлежали славянскому союзу кривичей. Киевская дружина едва ли далеко отклонялась в движении от русла Днепра вплоть до места, где к нему с юга наиболее близко верховье Десны.

Если начало полюдья Повесть осветила на примере несчастного похода князя Игоря к древлянам, то конечный участок зимнего похода можно угадать из рассказа о поездке княгини Ольги, совершенной в 947 г. Возвращалась в Киев княгиня руслом Десны, минуя земли кривичей, радимичей, вятичей и северян.

У радимичей, сидевших на реке Сож, отношения с Киевом складывались непросто, но речь о том впереди.

Между городами Брянск и Козельск, среди густых лесов, в верховьях реки Жиздры (приток Оки), расположено село Полюдово. Окрестные леса в VIII–XIII вв. населялись вятичами. Возможно, в Полюдово заходили киевские сборщики дани, несколько отдалявшиеся от русла Десны. Но весьма вероятно, что в Полюдово для сбора дани заходил вятичский князь. Во всяком случае во времена Константина VIII вятичи едва ли брались в расчет киевскими сборщиками дани. Да и не упоминает греческий император вятичей. Союз вятичей оказался крепким орешком для Киева и долее других славянских союзов востока Европы оборонял от днепровской столицы свою независимость.

Константин VIII говорит о Внешней Руси, поставлявшей в Киев однодревки. Под Внешней Русью император подразумевал ту часть Русской равнины (главным образом на верхнем Днепре), которая была занята славянами в VI–IX вв. и словно нависала с севера и северо-востока над классической Русью лесостепей Восточной Европы.

Из повествования Константина VIII можно представить такую картину. В зимнюю пору, когда княжеские вирники и отроки отовсюду, куда только могли проехать, гнали к Киеву обозы, составленные из саней, полных скоры и иного добра, замерзшими руслами Днепра, Припяти, Десны и их притоков, в многочисленных городках и деревеньках славян кипела жаркая работа. Славянские топоры валили лес и выделывали множество челнов и ладей. А надо было успеть поохотиться на куниц, соболей и лисиц и позаботиться о дровах. Кроме того, зимой крестьяне плели корзины, пекли хлеба и справляли многочисленные языческие праздники, в XI в. ставшие христианскими.

С наступлением весны с севера от Ольгина креста на Нарве славяне спускали изготовленные за зиму челны и ладьи на воду и руслами рек, преодолевая волоки и пороги, устремлялись под киевские горы. Кроме того, что деньги выручали за судно, приезжие кое-что продавали горожанам.

На Подоле, под Киевом, с наступлением весны начиналась шумная пора. Люди торговали, катили по доскам в ладьи и с ладей бочки, носили тюки, галдели, заключали оптовые сделки. При расчетах в ход шли слитки серебра и золота, восточные дирхемы, западноевропейские монеты, пушнина. Повсюду пылали костры, у которых люди грели озябшие от холодных весенних зорь, от стылой днепровской воды руки. Киевскими спусками от ворот города к реке с раннего утра до позднего вечера ездили телеги, возившие горы товаров. Тут же торговали квасом и медовым напитком, предлагали печеное и жареное, соленое и копченое.

Вместе с тем в мешанине людей, подвод, ладей и гор товаров кони жевали сено, собаки сновали в поисках добычи, птицы клевали зерна овса, ржи и проса, отливавшие золотом на фоне прибрежного ила, песка и глины.

Многим не хватало места на торжище под киевскими горами, и они приставали к берегу Днепра выше или ниже столицы. Начиная от Вышгорода и до гавани города Воинская Гребля, в устье реки Сулы с апреля до июля накапливалась та масса людей, товаров и судов, которые с наступлением лета должны были собраться вместе и начать долгий и опасный поход под стены Византии, в центр тогдашней евразийской цивилизации.

Снова обратимся к свидетельству очевидца событий, к Константину VIII:

«В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру».

Далее ниже по Днепру справа от флотилии оставался небольшой, но хорошо укрепленный город Ржищев, проплывал за бортами Варяжский остров. На левом берегу Днепра, при устье реки Трубеж, в окружении громадных змиевых валов, в мареве теплого июньского воздуха растворялся едва видный из-за прибрежной растительности силуэт Переяславля. Одновременно справа над флотилией нависала гора Заруб. С ее укреплений княжеские отроки без устали наблюдали за излюбленной степняками переправой через Днепр.

Ниже по течению флотилия проплывала мимо города Канева, устья Роси и печально известного города Родня. Громадная, отовсюду закрытая гавань города Воинская Гребля, при устье Сулы, служила последним безопасным прибежищем для русской флотилии в ее пути на юг. Тут дожидались отставших, пополняли запасы провизии, узнавали вести с родных земель. Тут же, вглядываясь в бескрайнюю степь, таившую множество опасностей, участники похода

невольно осознавали необходимость в сплочении, дабы выжить и добраться до Византии и обратно на Русь.

От устья Сулы до порогов было не менее двух сотен километров плавания, и надо было остерегаться стрел кочевников. Участники похода суровели, умолкали и принимались всматриваться в каждую балку, где могли затаиться печенеги, в каждую заросль камыша, где мог сидеть стрелок.

На порогах часть судов разгружали, дабы они без риска могли одолеть кипящий котел из стремительно мчавшейся воды и камней. Часть грузов и челнов перетаскивали мимо порогов посуху.

Все время, пока русская флотилия одолевала один за другим днепровские пороги, печенеги, подобно волкам стремились незамеченными подобраться и ухватить часть грузов, сплавлявшихся к морю. Нередко обе стороны в ход пускали оружие.

Одолев пороги, флотилия достигала острова Хортица. Остров расположен на восточной оконечности днепровской излучины. На берег острова втаскивали челны и ладьи. Необходимо было поблагодарить богов за успешное прохождение порогов. Константин VIII свидетельствует: «...русы совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят петухов, кругом втыкают стрелы, а иные кладут куски хлеба и мяса...»

В низовье Днепра, у развалин Ольвии, в I тыс. до н. э. торговавшей со скелотами, расположен остров Березань. Народная изустная традиция остров помнит как Буян. На его берегах суда готовили к морскому переходу. На них устанавливали мачты и оснащали их парусами.

Выйдя в Черное море, флотилия не отдалялась от побережья. Минув устье Днестра, флотилия достигала гирла Дуная. От Воинской Гребли до гирла Дуная за флотилией скакали печенеги. Если часть судов волны выбрасывали на берег, вся экспедиция высаживалась на побережье и противостояла печенегам.

Одновременно ладьи и челны русов спускались вниз по Волге к Булгару и далее к Итилю и затем выходили в Каспийское море. Впереди русов ожидал персидский берег. Тут поклажу с судов перегружали на верблюдов и одолевали семьсот километров пути, шедшего среди гор и пустынь, и достигали вождя Багдада.

Из Персии, Итиля и Булгара русские купцы возвращались с грузом китайского шелка и многочисленными изделиями восточных ремесленников. В домотканых и кожаных мешочках, надежно припрятанных на поясе под широким плащом, рядом с мечом у купцов позвякивала полновесная восточная монета.

Восточные товары, и прежде всего шелк, не залеживались подолгу в теремах русских купцов. С Руси товары направляли в города Центральной и Западной Европы. От Киева через Вольню к верховьям Западного Буга шла большая торговая дорога. Она служила продолжением сухопутного пути, шедшего от Булгара, со средней Волги к Киеву. На Западном Буге располагались дальние на западе форпосты Руси — города Брест и Дрогочин. Тут взималась пошлина с ввозимых и вывозимых товаров.

Из Вольни и Галиции русские купцы попадали в Краков. Далее через Моравские ворота купцы выходили в Моравию, Чехию и оказывались на верхнем Дунае, в городах Германии. Важнейшим торговым партнером славян и Руси на юге Германии был город Регенсбург, столица Баварии.

Каждое лето от пристаней Новгорода, Старой Ладogi, Пскова и Старого Полоцка в X в. руслами Волхова, Нарвы, Западной Двины уплывало множество судов, полных скорой, медом, воском, шелком и восточным товаром. После нескольких суток плавания по отливающим сталью водам Балтики русские суда причаливали к пристаням городов Волин, Аркона,

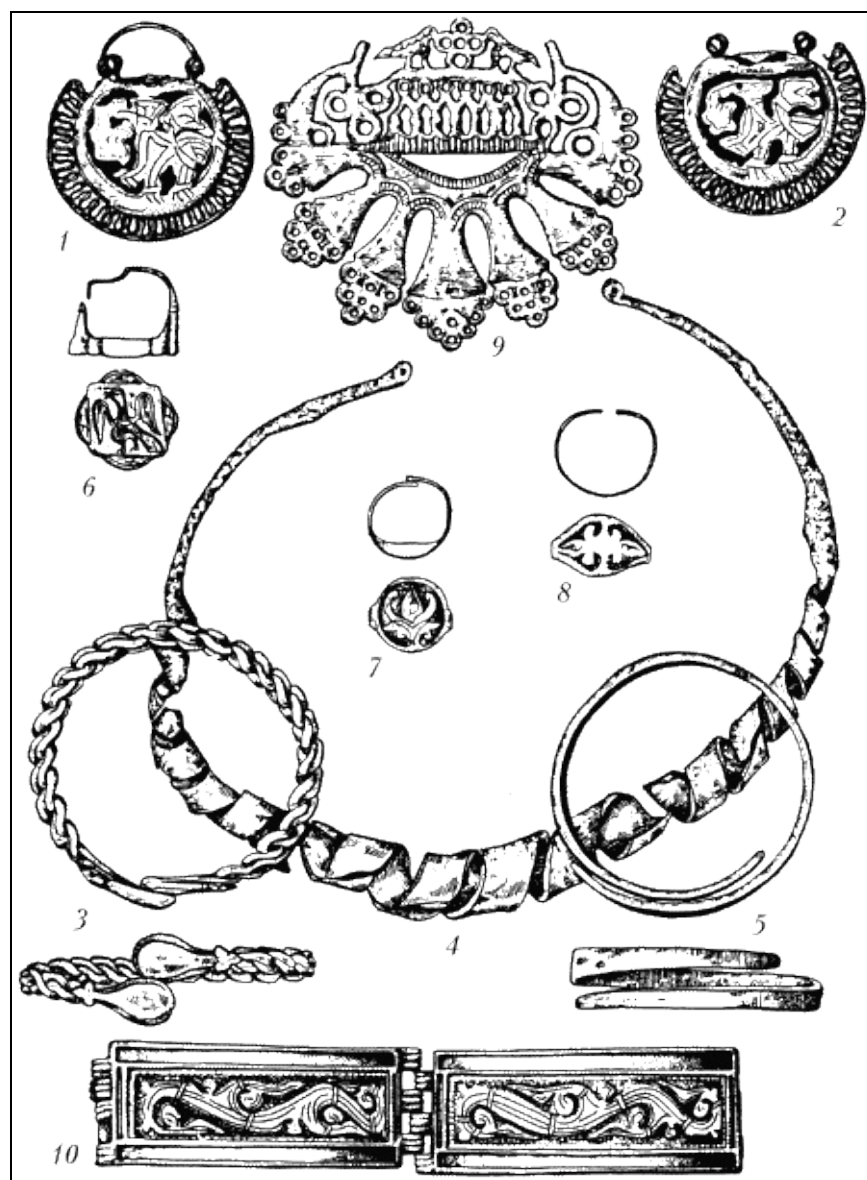
Старгород, Гамбург, Бремен. Ходили русские купцы и к островам Готланд, Борнхольму, центры Скандинавии — Уппсалу, Сигтуны, Бирку — и далее в Данию и Норвегию.

Из Европы на Русь купцы везли сукно, шерсть, вина, франкские мечи и доспехи, ювелирные украшения и массу иного товара.

При осознании масштабов торговых операций, ведшихся Русью, становятся очевидны мотивы многих поступков князей Киева IX–XI вв. Недаром Аскольд и Дир, Олег и Игорь, а позже Святослав, Владимир I и Ярослав Мудрый, не считаясь с потерями и затратами, так настойчиво стремились получить гарантии торгового мира с Византией. И совсем не случайно Игорь пытался овладеть Таманью — ключом донского пути в Черное море, а Святослав Игоревич и вовсе сокрушил весь Хазарский каганат, города которого запирали низовья Дона и Волги. Понятны и поездка овдовевшей Ольги на Мсту и Лугу, и первостепенная важность для славян Старой Ладogi, столь лакомого куска для варяжских дружин.

Торговля, ведшаяся Русью в IX–XI вв., предопределила и объединительную политику Киева, и покорность отдельных славянских союзов в отношении гегемонии Киева, и такие явления, как полюдье. Все издержки, в том числе и моральные, покрывала материальная выгода, извлекавшаяся централизованным древнерусским государством и частью его граждан из ежегодных торговых операций, ведшихся с востоком, греческим югом и германским западом. Киев в IX–XI вв. стал тем кулаком, которым Русь добивалась реализации своих интересов.

В IX–X вв. союз полян и стоявшие во главе него киевские или русские князья сплотили вокруг себя земли древлянскогo, дреговичскогo, кривичскогo и северскогo славянских союзов. Радимичи, вятичи и хорваты до конца X в. продолжали отстаивать свою независимость. Северные земли словен новгородских и кривичей псковских были связаны с Южной Русью неразрывными торгово-экономическими узами. И часто те узы были крепче государственных узаконений.

В X–XI вв. территория русского государства расширилась на запад, вовлекая в свою стихию земли хорватов и вольнян. Вместе с тем окрепший княжеский дом Киева стал сажать в дальних и ближних городах и волостях не только представителей своей династии, но и наместников, защищавших на местах интересы государства. И вот уже на востоке Руси ее границы коснулись Булгара, на юге утвердились на Тамани и в низовье Дуная, на западе достигли реки Сан и польского города Люблин (одно время входившего в состав галицкого княжества). А на севере границы русского государства стремительно продвигались к берегам Ледовитого океана. Ладьи словен новгородских ежегодно осваивали новые речные и морские пути севера, а сами словены не уставали возносить благодарственные молитвы богу за величину и богатство дарованных им земель.

Континентальная торговля, ведшаяся Русью, не только раздвигала географические и экономические горизонты вокруг центра государства, но и вела к внутреннему перерождению Руси.

Видимым олицетворением этой метаморфозы у открывавшейся миру Руси стало принятие христианства. Русь стояла последней в череде славянских государств, до последней четверти X в. не принимавшей нового кодекса не только морали, но и всего внешнего проявления естества и природы государства и населявших его народов.

Первой навстречу христианству шагнула княгиня Ольга. В 955 г., видимо находясь в составе шедшей к Византии русской торговой флотилии, она приехала в столицу империи.

В Византии правил хорошо нам знакомый Константин VIII. До 948 г. его соправителем был

тесть Роман I Лекапень (919–948). Кроме того, соправителями императора были его шурины: Христофор (919–931), Константин (923–945) и Стефан (945–964).

Константин VIII в своей книге «О церемониях» годом приезда Ольги называет 957 г.

Русская княгиня появилась в Византии с собственным священником Григорием. Это указывает на то, что, возможно, Ольга уже приняла крещение. Мы помним о киевской церкви св. Ильи и о значительном числе христиан, живших в столице в X в.

Если правда то, что Ольга приехала в Византию христианкой, а это тем более вероятно, что сам Константин VIII не упоминает о ее крещении, то рассказ составителя «Повести временных лет», посвященный крещению Ольги в Византии, всего лишь красивый вымысел.

Но в летописном повествовании есть символичная деталь. Ольгу в Византии крестили сам император Константин VIII и патриарх.

«Бе же имя ей наречено в крещении Олена (Елена), якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина».

Константин Великий (IV в.) стал первым римским императором, утвердившим христианство в качестве официальной религии. Мать его звали Еленой. И тут следует отдать должное летописцу, ибо приведенная им параллель весьма удачна и символична.

Кроме того, супругу Константина VIII также звали Еленой Лакапин. Христианское имя Ольги Елена могло означать наречение ее духовной дочерью императорской четы. Подобное было принято при крещении в средние века.

Однако визит Ольги в Византию посеял в ее душе семена сомнения и побудил к известным действиям. О том, что не все складывалось гладко во время пребывания Ольги в столице империи, узнаем от летописца:

«Си же Ольга придя Киеву, и, якоже рекохом, присъла к ней цесарь Грьчьский, глаголя, яко много дарих тя. Ты бо глаголаше къ мъне, яко, аще възвращюся в Русь — многы дары присълю ти: челядь и воск и скору и вой в помощь; Отъвещавъши же Ольга, рече к сълом — Аще ты, рьци, тако же постояши у меня в Почайне, якоже аз в Суду, то тъгда ти дамъ».

Дары русской княгине Константин VIII и в самом деле преподнес немалые, и об этом император особо сказал в своей книге. Но ранее император унизил Ольгу, продержав в заливе Суд, прежде чем позволил войти в столицу. Тем самым император расставил точки в предстоящем разговоре и дал понять Ольге, что она лишь одна из множества иных, а право греться в лучах солнца империи — это великая милость и русская княгиня, при известном смирении, может ее удостоиться. Позиция Константина VIII не могла не смутить Ольгу, и она пустилась на женскую уловку.

Киевские летописцы дружно молчат о том, что в 959 г. Ольга отправила посольство к германскому императору Оттону I, прося выслать на Русь епископа и духовенство. Мы узнаем об этом событии из западных источников. Оттон I не мог не отреагировать на подобную просьбу мгновенно, и скоро в Киев приехал новопосвященный епископ Руси Адальберт со спутниками.

До поездки на Русь Адальберт († 981) был монахом Вейсенбергского монастыря. По возвращении из Руси в Германию Адальберт стал епископом магдебургским.

Полагают, что Адальберт стал автором труда, именуемого хроникой продолжателя Регинона Прюмского († 915). Ее повествование охватывает 907–967 гг. Поездку Адальберта в Киев относят 961 г.

Обратимся к свидетельству хроники:

«В лето от воплощения Господня 959 король снова отправился против славян; в этом походе погиб Титмар. Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось

впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников...

...960 г. Король отпраздновал рождество господне во Франкфурте, где Либуций из обители св. Альбана (г. Майнц) посвящается в епископы народу ругов достопочтенным епископом Адальдагом (г. Бремен)...

...961 г. ...Либуций, который не смог отправиться в путь в прошлом году из-за какой-то задержки, умер 15 февраля сего года. Его сменил, по совету и из-за вмешательства архиепископа Вильгельма (г. Майнц), Адальберт из обители св. Максимиана (г. Трир), который, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался».

Папа Агапит II (946–955) даровал право гамбургскому архиепископу Адальдагу (937–988) ставить епископов на севере Европы и в землях славян. А работа, ведшаяся в этом направлении, кипела. У римского папы до нее не доходили руки. Решения должны были приниматься быстро и в Германии. Около 948 г. Оттон I создал пять новых епископий — две в землях полабских славян, в Браненбуре и в Хафельберге, и три в Дании — в Шлезвиге, Риббе и Орхусе. Просьба Ольги пришлась как нельзя кстати.

Однако судьба посольства епископа Адальберта оказалась обескураживающей. В 962 г. Адальберт бежал из Киева, при этом многие из сопровождавших его лиц были убиты и сам епископ едва избежал гибели.

Столь скоротечная миссия Адальберта на днепровские берега и ее результат указывают на то, что никто на Руси не то что не питал симпатии к латинскому духовенству, но, напротив, испытывал к нему неприязнь. Русские, ведущие торговлю на верхнем и среднем Дунае, были прекрасно осведомлены о судьбе славян центра Европы и не могли не знать о роли латинского духовенства во внешней политике Германии.

Видимо, Византия уж очень высокомерно приняла Ольгу, а выдвинутые Константином VIII условия принятия Руси в лоно христианства смутили княгиню несоответствием действительного положения ее государства тому статусу, который ему отводили греки.

Несмотря на обиду, в августе 960 г. — марте 961 г. русские воины участвовали в операциях, проводимых Никифором Фокой против арабов на Крите.

Тем временем у Ольги подрастал Святослав. Мать пыталась привлечь его внимание к христианству, но усилия ее были тщетны. Мальчику шел тринадцатый год, и мысли его были далеки от устремлений матери. Святослав бредил походами, сражениями, его манили далекие страны и странствия.

Святослав Игоревич († 972)

В 964 г. Святославу исполнилось двадцать два года. Князь возмужал, и на сцену мировой истории вырвалась та сила, которая была призвана утвердить восточнославянское государство как мощнейшую державу. Недаром летописец посвятил юному Святославу восторженные строки:

«Князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, начавои совкупляти многи и храбры, и легькоходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по себе не возяше, ни котъла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах: такоже и прочий вой его вси бяху.

И посылаше къ странам, глаголя — Хочю на вы ити».

Святослав Игоревич решил расширить рубежи русского государства на северо-востоке. Летописец повествует:

«И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем — Кому дань даете? — Они же реша — Козаром по щълягу от рала даем».

Окские и волжские речные пути были для Киева весьма притягательны, ибо русская столица едва ли что имела от кипевшей в VIII–X вв. на тех реках торговли, а выгоды от обладания бассейнами верхней Волги и Оки сулили немалые. Но проблема в том крае для Киева была не в вятичах, а в запиравших низовья Дона и Волги городах и крепостях Хазарского каганата. Именно эта сила безраздельно контролировала торговые пути, ведущие в Персию, Среднюю Азию и далее в Индию и Китай.

И в 965 г. Святослав вывел русскую армию в большой поход на восток.

Выше писалось, что в 834 г. греческие инженеры выстроили на нижнем Дону крепость Хазарского каганата Саркел (Белую Вежу). Греки предвидели скорое возвышение языческого колосса Восточной Европы — Руси — и спешили упредить ее экспансию. И это удавалось, но лишь до тех пор, пока восточные славяне были разобщены. В IX–X вв. Русь, поначалу бывшая небольшим государством, стремительно объединяла вокруг себя силы всего восточноевропейского славянства. Для достижения этой цели в ход шли и дружины варягов, и походы князей в земли отдельных славянских союзов. Скоро все на просторах Русской равнины начало подчиняться единому центру. Многочисленные города, волоки, погосты, волости и целые провинции в X в. стали жить в едином ритме, и сила, отовсюду стягивавшаяся Киевом в державную десницу, приобрела всеокрушающую мощь.

Святослав стал достойным олицетворением силы Руси. Князь, быть может, до конца не понимал ее возможностей, но не чувствовать ее он не мог. То, чего не сумел добиться Игорь три десятка лет назад, Святослав осуществил чуть не с легкостью и с истинно русской доблестью.

Летописец повествует: «Иде Святослав на козары. Слышавше же козары, изидоша противу съ князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белую Вежу взя. И ясы победы и касогы».

Поход на Хазарский каганат Святослав начал с того, что вошел в земли вятичей (964). В 965 г. войско Святослава по Волге двинулось вниз, к дельте. В том же 965 г. состоялась битва между армиями Святослава и кагана. Русь одолела, и стоявший на острове волжской дельты столичный город Итиль прекратил существование.

Вслед за Итилем пали города каганата: Семендер на Тереке, и тут Святославу пришлось смирить ясов (осетин) и касогов (адыгов), Самкерц на Таманском полуострове и Саркел на нижнем Дону.

Города Саркел и Самкерц, контролировавшие донской речной путь в Черное море, вошли в

состав русского государства и стали называться соответственно Белая Вежа и Тмутаракань.

Таким образом, в результате военного похода, предпринятого Святославом Игоревичем в 964–966 гг. (согласно арабскому источнику в 968–969 гг.), Хазарский каганат, с середины VII в. до середины X в. контролировавший львиную долю грузопотоков, перекрещивавшихся в сердце Евразии, прекратил существование.

Завершил кампанию Святослав в земле вятичей, там же, где она была начата. Под 966 г. летописец сообщает:

«Вятиче победи Святослав, и дань на них възложи».

Но и после 966 г. страна вятичей оставалась для Киева далекой, труднопроходимой и неприветливой страной. Вятичские леса, глухие, дремучие, девственные, отсекали юг Киевской Руси от Руси ростово-суздальской, залесской. Поход в залесские земли через леса вятичей был делом непростым, и без крайней нужды в такие походы никто не пускался. Предпочитали промчаться в санях по замерзшему руслу Днепра от Смоленска до Киева, но леса вятичей, по возможности, миновать.

Но обратимся к Германии, ибо история с миссионерским епископом для Руси получила продолжение.

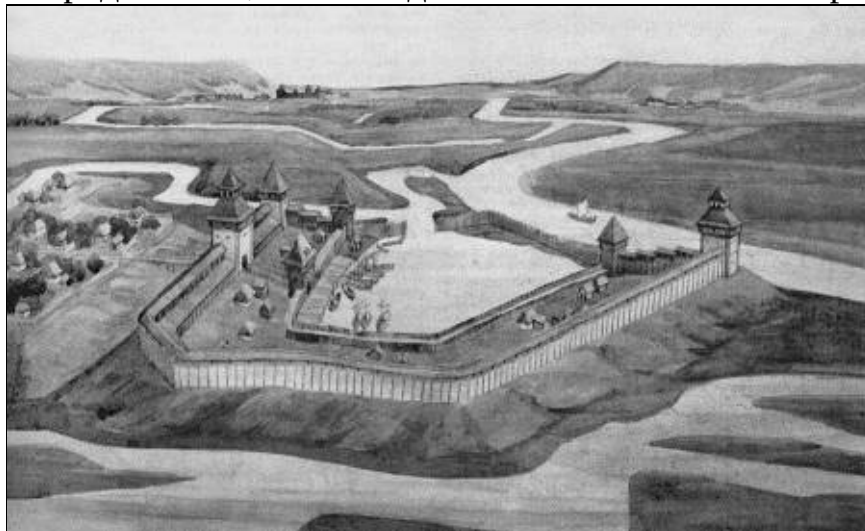
Еще 12 февраля 962 г. папа Иоанн XIII даровал Оттону I и его возможным преемникам право организовывать епископии и ставить епископов в славянских землях. И в 962 г. в Магдебурге, в центре борьбы с полабскими славянами, основали резиденцию митрополита.

20 апреля 967 г. синод, прошедший в Равенне, подтвердил права, данные Оттону I папой. И в 968 г. в Магдебурге Оттон I учредил миссионерскую митрополию, призванную крестить славян.

А 18 октября 968 г. знакомый нам миссионерский епископ Руси Адальберт, ранее бежавший из Киева, в Риме получил паллию. В ней говорилось, что Адальберту как магдебургскому митрополиту «подчиняются епископы в подходящих местах за Эльбой и Заале, как уже посвященные, так и подлежащие посвящению в будущем... дабы столь многочисленный славянский народ, недавно приобщенный к богу, не оказался бы в плену происков ненавистника веры, лукавого врага, чего да не будет».

Кандидатура Адальберта была утверждена Оттоном I не сразу. Титмар (Мерзебургский) пишет, что поначалу на митрополита выдвигался аббат магдебургского монастыря св. Маврикия Рихард. Но в итоге назначили Адальберта.

В 967 г. Святослав с русской дружиной выступил в новый эпический поход, на сей раз на Дунай. Следует сказать, что походу предшествовал приезд византийского посла Калокира в Киев. Выше писалось о том, что император ромеев Никифор II Фока (963–969), дабы сломить пошатнувшуюся после смерти царя Симеона Болгарию, привлек к борьбе с ней Русь. Но Никифор II при этом не предполагал, какие бедствия он навлек на империю.

В Болгарии правил сын Симеона Петр (927–969). Силы Болгарии были повернуты на юг, и отпор Святославу организован не был. Летописец повествует:

«Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту въ Переяславци, емле дань на гръцех».

Видимо, отношения у Святослава с греками испортились уже в 967 г. А в июне 968 г. болгарские послы перед лицом русской угрозы вели примирительные переговоры в Византии.

И в том же 968 г. впервые русскую столицу осадили полчища печенегов. Невольно задумываешься над тем, не стояла ли Византия, испугавшаяся чрезмерно энергичного вмешательства Святослава в дела на Балканах, за печенежским вторжением на Русь. Вряд ли у империи была иная возможность удалить Святослава с берегов Дуная. Схожая ситуация произошла в середине VI в., когда авары не без подсказки ромеев напали на антов.

Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром, увидев печенегов, закрылась в Киеве. Скоро в городе начался голод. Киевляне собрались «и реша — Несть ли кого, иже бы могл на ону страну (Днепра) дойти и рече им — аще не подступите заутря, предатися имам печенегам. И рече один отрок — Аз преяду».

Отрок прошел сквозь стан печенегов с уздой в руках, спрашивая: «Не виде ли коня никтоже? Бе бо умея печенежски, и мняхуть и своего». Отрок кинулся в Днепр. С противоположного берега это увидели, и подошедшая ладья подобрала смельчака. Узнав о требовании Киева, воевода Претич рассудил: «Подъступим заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжиче, умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святослав».

Страх перед князем пересилил страх перед печенегами, но тут испугались и печенеги.

«Яко бысть заутра, вседъше в лодьи противу свету и въструбиши вельми, и людье в градъ кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града».

Вскоре из Киева на Дунай понеслось сообщение к Святославу:

«Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавив, малы бо нас не взяша печенези, и матерь твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обратиши нас, да паки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суца, и детей своих?»

«Услышав о сем», Святослав сел на коня и с дружиной помчался в Киев. В столице князь обнял и поцеловал мать и детей своих.

«И собра вой, и прогна печенеги в поли, и бысть мир». Так окончился первый поход Святослава на Дунай. И тут невольно отмечаешь, как велико было значение княжеской власти на Руси в X в. Одно имя киевского князя сняло осаду со столицы. А появление Святослава в Киеве водворило крепкий мир на Руси, и никто не дерзал его нарушить.

С наступлением нового, 969 г. сердце Святослава снова охватила тоска, и князь обратился к матери и боярам: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунай, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овоцехи разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челяд».

Святослава не тянуло ходить зимой среди глухих лесов древлян и дреговичей собирать полюдь. Этим делом управляли бояре, да и не княжеское то было занятие, по мнению Святослава. Так впоследствии на Руси и установилось, и князья сбором дани подобно Игорю не занимались. Святослава тянуло на голубой Дунай, в водоворот бешенно мчавшейся центральноевропейской жизни. Тишина и покой полей и лесов Руси не радовали взора князя. Не следует забывать, что был Святослав очень молод и погиб двадцати восьми лет от роду.

И вмешалась постаревшая мать: «Видиши мя болну суццю, камо хоцещи от мене ити?» Через три дня Ольга умерла. Она завещала не творить над ее могилою тризны, «бебо имуци презвутер, сей похорони блаженую Ольгу».

В 970 г. Святослав стал рядить русскую землю. В Киеве князь посадил старшего сына

Ярополка. В древлых был посажен средний сын Олег. Видимо, к 970 г. с древлянами князьями Киев покончил, и в дальнейшем земли древлянского союза вошли в состав киевского княжения на правах отдельной волости, каких на Руси было немало.

В тот год из далекого Новгорода, активно строившегося начиная с 953 г. и к 970 г. ставшего приобретать образ, который в дальнейшем стал именоваться Господин Великий Новгород, прибыли в Киев послы. Новгородцы, как это ни странно звучит, просили себе князя, да еще пригрозили Святославу: «Аще не пойдете к нам, то налезем князя себе».

Ярополк и Олег «отпресе». И тут на сцену вышел новый герой русской истории — Добрыня. Видно, новгородцев страшила царившая у них демократия, и Добрыня подсказал охочим до князей послам: «Просите Володимера».

Летописец поясняет: «Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыне; отец же бе имя Малък Любечанин, и бе Добрына уй (дядя) Володимеру».

На том в Киеве и порешили.

«И пояша ноугородьци Володимера к себе, и иде Володимир съ Добрынею, уем своим, Ноугороду, а Святослав Переяславьцю».

Прежде чем вести повествование о новом походе Святослава на Балканы, кратко скажем о греко-германских отношениях данной эпохи. Еще в 956 г. во Франкфурт для поздравления Оттона I с победой в сражении с венграми на реке Лех среди прочих посольств прибыли греки. В ноябре 959 г. скончался Константин VIII. Его преемником стал Роман II. А в 960 г. из Германии в Византию было отправлено посольство во главе с Лиутпрандом, ранее дважды бывавшим в греческой столице (949, 968). Однако далее острова Паксос, расположенного на Адриатическом море, вблизи побережья Эпира, посольство Лиутпранда не попало. Причиной был острый конфликт, возникший между Оттоном I и Романом II (959–963).

Едва ли греки пребывали в неведении о посольстве княгини Ольги, ездившем ко двору Оттона I. Но причина разлада была отнюдь не в том. Яблоком раздора служили итальянские провинции Апулия и Калабрия. Одновременно Болгария перед лицом агрессивно настроенной Византии искала поддержки в Германии. В 965 г. ко двору Оттона I ездили болгарские послы. Кроме того, между Византией и Германией давно тлел огонек из-за отказа греков признать императорское достоинство за германскими королями.

На таком внешнеполитическом фоне и произошел новый поход Святослава на Балканы.

В 971 г. Святослав, оставив Русь на попечение детей, вновь появился на берегу Дуная. Болгарией правил сын Петра царь Борис II (969–972), а в Византии воцарился Иоанн I Цимисхий (969–976).

Город Переяславец закрыл перед русским князем ворота. Болгары дали под стенами города бой руси. В критический момент сражения Святослав обратился к дружине с такой речью: «Уже нам еде пасти: потягнем мужьски, братья и дружино!» К вечеру русь одолела болгар, а город Переяславец «взя копьем».

После того как Святослав перешел Дунай и укрепился в ряде крепостей правобережья подобно славянам VI–VII вв., он послал сказать грекам:

«Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей».

Воистину Святослав Игоревич был последним великим языческим князем не только Руси, но и всего мира славян. Слова князя, обращенные к империи, не были пустой угрозой.

Греки повели со Святославом переговоры и предложили дань, но просили назвать число воинов «да вдамы по числу на главы».

И летописец замечает: «Се же реша гръци, лъстяче под Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни».

Святослав ответил грекам: «Есть нас 20 тысящ». Но было в русском войске лишь 10 тысяч.

Греки не дали дани, но выставили против Святослава 100 000 воинов. Ввиду десятикратно превосходящих сил империи Святослав обратился к своим воинам со словами:

«Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу. Да не посраим земле Русские, но ляжем костью, мертвый бо срама не имам. Аще ли побегнем — срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою».

Воины ответили Святославу: «Иде же глава твоя, ту и свои главы сложим».

Из битвы русские вышли победителями. Греки бежали. Скоро за спиной русской армии были взяты ею города болгар Переяславец, Доростол и столица государства Великий Преслав. Тут была пленена семья царя Бориса II.

Воеводой при болгарском царе русскими был поставлен не кто иной, как Свенельд, водивший полки еще при князе Игоре.

Скоро русским преградили путь поднимавшиеся от горизонта до горизонта горы Стара Планина. Перевалы были заняты укреплениями с засевшими в них греческими и болгарскими гарнизонами.

Заметим, что первое болгарское царство в те годы переживало трудные времена. Часть болгарских земель была занята греками, часть — русскими. Болгария стала ареной жестокой борьбы между Русью и Византией.

Армия Святослава одолела горный хребет Стара Планина и вышла в долину реки Марица. На ее берегах стояли города Филиппополь (Пловдив), Адрианополь (Эдирне), далее, ближе к Византии, Аркадиополь. Два первых города из названных были взяты русью.

Дав битву под Аркадиополем, греки остановили наступление Святослава. В решительный момент сражения печенежские и венгерские всадники стали отступать, и поле битвы осталось за греками.

Находясь недалеко от Византии, Святослав вступил в переговоры с греками. Когда послы императора положили перед русским князем золото и паволоки, Святослав лишь приказал своим отрокам: «Схороните».

На совете греки решили искутить русского князя иными дарами «и послаша ему мечь и ино оружие, и принесоша к нему. Он же, приим, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша боляре — Лют се мужь хочеть быти, яко имения не брежетъ, а оружие емлетъ. Имися по дань».

Греческий император так и сделал. Он послал сказать Святославу: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи».

Святослав взял дань с империи и за живых, и за мертвых «глаголя, яко — Род его возьметъ».

Русская армия из-под стен Византии возвратилась на Дунай, в город Переяславец. Святослав осмотрел поредевшие полки и многих недосчитался «и рече — Пойду в Русь, приведу боле дружины».

Армия Иоанна I Цимисхия шла на север вслед за полками Святослава. В руки греков попали столица Болгарии Великий Преслав и царь Борис II. Скоро Цимисхий лишил Бориса царского титула. Вслед за Преславом греки овладели городом Плиска и вышли на Дунай к городу Доростол (Силистрия). Тут Святослав дал несколько кровопролитных сражений грекам. Последняя битва состоялась 20 июля 971 г.

Наконец Святослав, рассудив, что воинов у него мало, с печенегами он в рати и помощи ждать неоткуда, послал к императору с предложением о заключении мира. Иоанн с готовностью откликнулся на предложение, и был составлен следующий текст:

«Равно другого свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи русемъ, и при Свенальде, писано при Феофеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому,

въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 971 г. Аз, Святослав, князь руский, якоже кляхся, и утверждаю на свещанье семь роту свою: хочю имети мир и свершену любовь со всяким великимъ царем гречьским, съ Васильем и Костянтином, и съ богодохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною русь, боляре и прочий, до конца века. Яко николиже помышлю на страну вашу и елико есть под властью гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьскую. Да аще ин кто помыслить на страну важно, да и аз буду противен ему и борюся с ним. Якоже кляхся ко царем гречьским, и со мною боляре и Русь вся, да схраним правая съвещанья. Аще ли от тех самех прежереченых не съхраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, въ его же веруем в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будем золоти, яко золото, и своим оружьемъ да исечени будем. Се же имейте во истину, яко же сотворихом ныне къ вам, и написахом на харатьи сей и своими печатями запечатахом».

Лев Дьякон оставил описание встречи Иоанна со Святославом:

«Государь (Иоанн Цимисхий), покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собой многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Святослав, переплывающий реку на скифской ладье. Он сидел на веслах и греб вместе с остальными, ничем не отличаясь от них.

Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой (усы). Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода. Крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами.

Одеяние его было белым и отличалось от одежды других только чистотой.

Сидя в ладье, на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Возвращение князя на Русь было трагично. С Дуная Святослав пошел к днепровским порогам в ладьях. «И рече ему воевода отень Свенелд: «Поиде, княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех»».

Святослав не послушал отцовского воеводу. А тем временем с Дуная к печенегам мчались гонцы с вестью: «Се идетъ вы Святослав в Русь, взем именье много у грек и полон бещислен, съ малом дружины».

Печенеги закрыли днепровские пороги. Святослав подошел в ладьях к порогам и убедился, что пройти их не представляется возможным.

«И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святослав ту».

С наступлением весны 972 г. Святослав вновь пошел к порогам. Видимо, у руси уже и не было коней, чтобы обойти пороги стороной.

«И нападе на нь Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашу, оковавшие лоб его, и пяху из него. Сненелд же приде Киеву къ Ярополку».

У Святослава Игоревича, видимо, были противники не только в Византии и Болгарии, в 864 г. принявшей крещение, но и в Киеве. Князь всю зиму голодал в низовьях Днепра, истерзанная войной на Балканах дружина питалась кониной, а помощи с Руси подать было некому. Впрочем, герои обычно не заживаются на нашей брэнной земле. Двадцать восемь лет княжения Святослава блеснули, как всполох молнии, и в Киеве вокняжился старший сын Святослава Ярополк.

На пасху 973 г. в германском городе Кведлинбурге состоялся грандиозный съезд. На нем был улажен германо-византийский конфликт. Среди приглашенных на съезде было русское посольство.

В Кведлинбурге послы могли полюбоваться четой, составленной из сына саксонского короля Оттона I Оттона II и родственницы греческого императора Иоанна Цимисхия Феофано. Тем самым Византия подтвердила обоснованность притязаний Оттона I на титул императора. А на самом деле Византия была принуждена это сделать.

Обсуждался на съезде в Кведлинбурге и вопрос о пражской епископии. При этом присутствовали заинтересованные лица — Болеслав II Чешский, Мешко I Польский, послы Дании, Венгрии, Болгарии и Руси.

Княжение Ярополка Святославовича (972–980) и Олега Святославовича

Шел 973 г., и, казалось, на Руси наступили мир и покой. Три русских князя правили страной. Но очень скоро обозначились черты того противоречия, которое в XII в. разорвало единое государство на части.

В 975 г. произошел досадный, но, как казалось, малозначимый для государства инцидент. Из Киева выехал отрок Ярополка по имени Лют. По данным отдельных летописных списков Лют был сыном киевского воеводы Блуда. Из Ипатьевской летописи явствует, что Лют был Свенельдич, то есть сын старого воеводы, служившего Игорю, Ольге и Святославу. Послужил Свенельд и Ярополку, и служба эта оказалась для князя роковой. Впрочем, рок и ранее являлся в русской истории всякий раз, как на ее сцену вступал Свенельд.

Лют поехал в леса «делать ловы». А леса под Киевом в X в. были великолепны и полны дичи. Увлечшись погоней за зверем, Лют заехал в волость князя Олега, в деревские дебри. На беду юноши сам князь оказался поблизости и, узнав, что перед ним Свенельдич, велел убить Люта. Так между Ярополком и Олегом легла пропасть, в которую пал сначала один, а вслед за ним оказался низвергнут и другой.

Олег Святославович древлянский очень скоро почувствовал грозившую ему смертельную опасность. Мы сошлемся на свидетельства двух авторов, которые могли располагать утраченными ныне источниками информации. Бартоломей Папроцкий (конец XVI в.) и Ян Амос Коменский (первая четверть XVII в.) писали, что сын Олега Святославовича древлянского был отправлен отцом в Чехию из страха перед Ярополком Киевским.

Невольно возникает вопрос о том, что могло связывать Олега древлянского с Чехией. Укажем на описание пределов пражской епископии (текст приведен выше). Документ составили в 1086 г., но пражская епископия была учреждена в 967–976 гг. Так вот восточный рубеж пражской епископии проходил через верховья рек Западный Буг и Стирь. Это означает, что пределы владений Олега древлянского граничили с пражской епископией.

Свенельд не простил смерти Люта Олегу и принялся внушать Ярополку, что следует ему «едину» править Русью и принять власть от братьев.

Спустя два года рознь между братьями вылилась в брань. Ярополк пошел в деревскую землю походом. Полк Олега проиграл киевской дружине сражение, и воины кинулись к воротам города Овруч. Олега спихнули с городского моста в ров. Там князь и погиб.

Ярополк вошел в Овруч и принял власть над волостью брата. Олега нашли во рву и погребли у города.

Скоро весть о смерти Олега достигла Новгорода. Юный Владимир, не мешкая, сел в ладью и отплыл за море, к варягам, подальше от старшего брата. Ярополк посадил в Новгороде посадника и стал править Русью один, как и советовал Свенельд.

Женой у Ярополка была привезенная отцом Святославом с Балкан греческая монахиня. Она была очень красива, и Святослав отдал ее в жены старшему сыну «красы ее ради».

В Никоновской летописи, составленной в первой трети XVI в., под 979 г. содержится запись: «Того же лета (979 г.) придоша послы къ Ярополку изъ Рима от папы».

Имея представление об истории X в., подобное событие допустить можно. Латинское крещение Польши и Венгрии, произошедшее во второй половине X в., могло подвигнуть на попытку привлечь внимание Ярополка к Риму. Да и с русскими послами, побывавшими на съезде в Кведлинбурге, вполне могли переговорить о возможном послании папы.

С Ярополком связана еще одна историческая загадка, имеющая западный след. В 1125–

1126 г. в Германии была составлена генеалогия Вельфов. В ней содержится указание на то, что дочь швабского графа Куно, женатого на дочери Оттона Великого, то есть внучка Оттона I, была выдана замуж «за короля ругов».

Кем был русский король, однозначно сказать трудно. Не мог им являться Олег Святославович. Едва ли им был Владимир I Святославович. А вот успел ли помимо брака с гречанкой обвенчаться с немецкой графиней Ярополк Святославович, непонятно. Исключать этого нельзя. И тут естественным выглядит сообщение о папских послых, в 979 г. приехавших в Киев.

Развязка в драме, начало которой было положено в 977 г., наступила скоро. Времени у Ярополка на поиски возможных союзников не оставалось. Весной 978 г. под стены Новгорода подошли заморские ладьи. Их увешанные щитами борта скрывали отряд варягов. Вел их на Русь Владимир. Киевский посадник из Новгорода был отправлен на юг с сообщением к Ярополку, что «идет на него Владимир и следует пристраиваться противу бится». То был обычай Святослава — предупреждать неприятеля о начале войны.

Прежде чем идти на Киев, Владимир, став во главе рати, в состав которой помимо варягов входили словене, чудь и кривичи, обратил взор на Старый Полоцк. Едва ли при этом Владимиром руководила лишь страсть к юной полоцкой княжне Рогнеде. Князю Владимиру нужна была власть над всей Русью, а в Старом Полоцке сидел Рогволод, не признававший над собой ни Киева, ни тем более Новгорода. Летописец говорит, что Рогволод пришел из-за моря и имел Полоцкую волость.

Владимир, подступив к устью реки Полоты, сообщил Рогволоду, что намерен взять его дочь Рогнеду в жены. Рогволод обратился к дочери с вопросом, пойдет ли она за Владимира. Дева ответила, что не хочет разуть Владимира, сына рабыни, но хочет идти за Ярополка.

Владимир сжег Старый Полоцк. Рогволод и два его сына были убиты. Рогнеду Владимир взял в жены.

При виде варяжских парусов, полоскавшихся на ветру, гулявшем по днепровской глади, Ярополк заперся в Киеве со своими отроками и с воеводой Блудом. А Владимир стал лагерем у Киева «на Дорожиче, между Дорогожичем и Капичем» и предусмотрительно окопался, окружив стан внешним рвом.

Владимир вступил в переговоры с Киевом. От имени Ярополка их вел Блуд. Он же и вступил в сговор с Владимиром. Летописец восклицает: «О злая лесьть человеческая».

Блуд, по совету Владимира вернувшись с переговоров, сумел внушить пребывавшему в смятении Ярополку, что горожане неверны князю и Киев следует покинуть. И то было роковой ошибкой Ярополка, ибо он так и поступил, а покинув столицу, оказался не только вне власти, но и вне закона.

Ярополк спустился к устью реки Рось и остановился в городе Родня. И снова рядом был Блуд, злой гений князя. Город был взят Владимиром в осаду, и в нем очень скоро начался голод. Отсюда пошла гулять по Руси поговорка: «Беда, как в Родне».

И снова Блуд дал совет Ярополку, совет последний — творить мир с Владимиром. Отрок Ярополка, звали которого Варяжко, предостерег князя, сообщив о заговоре, и советовал бежать к печенегам. Ярополк пренебрег теми речами и отправился на переговоры с Владимиром. Когда Ярополк вошел в помещение, предназначенное для переговоров, Блуд запер за ним дверь, а два варяга пронзили князя мечами. Так бесславно завершилась жизнь Ярополка Святославовича.

Иаков Мних датой гибели Ярополка называет 11 июня 978 г.

Варяжко бежал из Родни в степи, за реку Рось, к печенегам и впоследствии много воевал с Владимиром.

Сев в Киеве, Владимир взял в жены супругу Ярополка — гречанку. Она родила Владимиру

сына Святополка, прозванного на Руси Окаянным. Летописец замечает: «...От греховного бо корне, злые плоды бывают, от двоих отцов от Ярополка и от Володимера».

Уже в Киеве у Владимира возникло затруднение с варягами. Они заявили князю, что Киев занят ими и принадлежит им, и потому варяги требовали откуп — по две гривны от человека. Владимир повел себя и осторожно, и лукаво. Он просил варягов подождать месяц, пока будут собраны куны.

Спустя месяц варяги ничего не получили, поняли, что ожидать в Киеве более нечего, и стали просить указать путь к грекам. Владимир и тут повел себя, как сам пожелал. Часть варягов была принята на государственную службу и разослана по русским городам. Это были самые добрые, смышленные и храбрые из варягов, те, с кем Владимиру было жаль расставаться. Остальных варягов отпустили в Византию. Но впереди них Владимир отправил весть императору, убеждая того не пускать варягов в город.

Но 980 г. не был последним для варягов на Руси. К их помощи еще прибегнет сын Владимира Ярослав. А то, как обошелся Владимир с варягами в 980 г., показывает, что государственная машина Руси в X в. была весьма крепкой.

Глава 5

РУСЬ В ПОРУ СМЕНЫ ЭПОХ

Владимир I Святославович (980–1015)

С вокняжением в Киеве Владимира I Русь вошла в тот поворотный период своей истории, который в дальнейшем стал прологом к так называемой тысячелетней истории Руси. На самом деле история Руси гораздо более древняя, и мы лишь стоим в преддверии ее истинного открытия.

Русь последней четверти X в. была могучим государством. Она уже веками собиралась и отстраивалась. Имен множества ее героев мы не знаем. На протяжении тысячи километров Русь граничила со степью. И рубежи надо было охранять, ибо Русь богатела, ее крестьяне были свободны и держали большие хозяйства, процветала торговля и города развивались фантастически быстро. Городские детинцы обрастали предградьями, застраивавшимися ремесленными мастерскими, купеческими теремами и боярскими хоромами. И очень скоро Русь стала лакомым куском, в первую очередь для тюркских кочевников. Потребовалась громадная энергия, препятствовавшая разорению сада, расцветающего на востоке Европы.

Княжение в Киеве Владимир начал с установления кумиров на дворе, вне двора теремного. Летописец называет кумиров: Перуна деревянного с серебряной головой и золотыми устами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Макоша. Этот шаг князя оказался последним лучом заходящего солнца древнейшего духовного учения славян. Эпоха язычества на Руси доживала последние десятилетия. И тем помпезнее были действия власти спустя восемь лет, принявшей крушить кумиров и преследовать им поклонявшихся.

На север, в Новгород, был отправлен ангел-хранитель Владимира, его дядя Добрыня. В Новгороде Добрыня установил кумир Перуна. Очень скоро Добрыня продемонстрировал, что идеология для власти лишь средство управления. Впрочем, из любого правила есть исключения.

А Владимир, по выражению летописца, был побежден похотью женской. У князя было несколько жен, и каждая оставила несколько наследников.

Рогнеду полоцкую поселили под Киевом, в селе Предславине на реке Лыбедь. Она родила Владимиру сыновей Изяслова, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей.

Гречанка, бывшая в прошлом монахиней и, как мы помним, отнятая Владимиром у Ярополка, родила Святополка.

Была у Владимира жена чешка. Она родила князю Вышеслава. Еще одна жена родила Святослава и Станислава. А жена болгарка родила Владимиру первых русских святых Бориса и Глеба.

Кроме того, у Владимира были сыновья Судислав и Позвизд. В пригороде Киева Вышегороде Владимир держал триста наложниц. А в селе Берестово, под Киевом, жили двести княжеских наложниц. В крепости Белгород, охранявшей западные подступы к Киеву, Владимир держал триста наложниц.

Летописец замечает: «И бе не сыт блуда, приводя к себе мужеския жены, и девицы ростлевая».

Весной 981 г. Владимир вывел рать из Киева и двинулся на запад, в земли Червонной Руси, на рубежи с Польшей.

В 966 г. Польша приняла крещение, и в 981 г. ею правил Мешко.

Князь Владимир занял центр Червонной Руси город Червень и город Перемышль, стоящий в верховье реки Сан. Кроме того, Русь заняла другие «грады» на своих западных рубежах.

А летом или осенью 981 г. Владимир совершил поход в землю вятичей и возложил на непокорных славян дань от плуга, какую брал Святослав.

На вятичей ходили Олег и Святослав. Более того, уже в XI в. Владимир II Мономах также

ходил смирать князя вятичей Ходоту.

В VIII–XI вв. вятичи имели не только обширные территории и собственное государственное устройство, но и независимые от Киева экономику и торговлю.

Дон, Ока и Волга позволяли вятичам самостоятельно торговать с Булгаром и всем востоком и югом. Тут невольно вспоминается обилие восточных монет VIII–X вв., которое находят в районе Старой Рязани.

Подчинение Киеву для вятичей означало конец торгово-экономической независимости. Вятичи не так остро нуждались в днепровском речном пути, как древляне, дреговичи, кривичи и северяне.

Борьба продолжалась в 982 г. Владимир вновь пошел в поход на вятичей.

Невольно приходит мысль о том, каким образом Киев закреплял власть на землях славянских союзов. До прихода киевских князей каждый союз имел собственное княжение. Из летописей мы знаем Мала и его город Малин, знаем, как Владимир расправился с Рогволодом и Старым Полоцком. Видимо, подобная участь постигла и Тура, сидевшего в городе Турове. Археология указывает на то, что на рубеже IX–X вв. активно отстраивавшийся Чернигов имел собственных князей. По преданию одним из них был князь Черный. Вятичи имели своих князей (и жупанов) как минимум до рубежа XI–XII вв. (Ходота).

По-видимому, Киев в IX–X вв. смещал местных князей, а подчас творил с ними расправу, подобную полоцкой. В центры славянских союзов в X в. стали сажать наместников. Святослав, а вслед за ним и Владимир в те центры посадили сыновей. Оба раза это закончилось кровавой драмой. И тем не менее Ярослав Мудрый закрепил традицию и раздал сыновьям города и земли, которые в VIII–X вв. отчасти еще подчинялись местным князьям, имен которых киевские летописцы либо не знали, либо из политических соображений не упоминали.

Знать союзов славян востока Европы в IX–X вв. превратилась в многочисленное столичное и местное боярство и в борьбу за власть с Киевом и его правящим домом не вступала. Впрочем, примеры вятичей и хорватов заставляют иногда допускать обратное.

По-видимому, когда киевский князь или его воевода с дружиной вторгались в землю какого-либо союза славян, местной знати предлагалось выступить в роли наместников Киева. Так местная власть постепенно превращалась в служивое дворянство, чаще всего стремившееся

поселиться в Киеве либо в крупнейшем городе области. Большинство бояр обзаводилось собственными усадьбами. Бояре устраивали гнезда на мысах приречных террас, над рекой, на наиболее оживленном торговом пути волости. Боярские усадьбы походили на крепости, ибо жизнь феодала была сопряжена с множеством опасностей. В дальнейшем мы рассмотрим несколько боярских городищ-усадоб.

С течением времени ширившийся слой боярства закрепощал, подчиняя своей власти, земледельцев, ибо нуждался в кормлении.

Но вернемся к Владимиру. В 983 г. князь выступил в поход против балтийского народа ятвягов, сидевших между Западным Бугом и Неманом. Поход 983 г. был продолжением кампании, начатой Киевом в 981 г. на западных рубежах государства.

Стремление Руси к обладанию землями на Западном Буге, Саноке и Немане, в 981–983 гг. вылившееся в походы на хорватов, вольнян и ятвягов, могло быть продиктовано растущей потребностью государства в выходе на рынки центра и запада Европы.

Поход Владимира на ятвягов был удачен для Руси. По возвращении в Киев воины стали «творить требы кумирам». И тут летописец помещает сюжет о семье христиан варягов.

Старцы и бояре метали жребий. Он показал на юношу-варяга, и он должен был быть принесен в жертву. Отец его, христианин, вступился за сына, выхватил меч. И оба погибли.

История эта как бы исподволь показывает, что времена язычества на Руси доживали последние годы. Правда, на просторах Русской равнины эти годы затянулись на века.

В 984 г. князь Владимир предпринял новый поход. На этот раз киевская дружина выступила к северу от столицы, в долину реки Сож, в землю славянского союза радимичей. Летописец напоминает, что пришли радимичи из лях и привел их глава рода Радим, брат Вятко, приведшего из лях вятичей на Оку.

Вперед Владимир выслал воеводу, прозывавшегося Волчий хвост. Киевляне столкнулись с радимичами на реке Пищане и одержали победу. Вслед за тем на радимичей возложили дань.

Летописец говорит, что радимичи везут повоз в Русь и до сего дня, то есть до времени завершения создания «Повести временных лет». Это наводит на мысль о том, что старое полюдьё X в. в XI–XII вв. могло смениться повозом, то есть добровольной регламентированной поставкой скоры, меда, брашна, воска и иного движимого добра в центр государства. На местах этот процесс отслеживали и регулировали наместники Киева. И кроме того, в последней четверти X в. слишком велика оказалась территория русского государства и у Киева едва ли хватило людей и ресурсов на ежегодные объезды земель хорватов, ятвягов, словен новгородских, вятичей и иных народов. Невольно вспоминаются поездка княгини Ольги на север и установление ею погостов и даней по Мсте и Луге. Это были вехи государственного строительства. Урок Игоря не прошел для Киева даром.

При Владимире власть центра расширилась территориально и одновременно несколько рассредоточилась. В провинциях в X в., и особенно в XI–XII вв., начался бурный рост городов, служивших местными центрами сосредоточения государственной власти.

Энергия князя Владимира была неуемна. В 985 г. Владимир выступил в поход на Болгарию. Память о походах Святослава в Киеве была свежа, и были живы многие участники славных дел.

Весной Владимир с верным соратником Добрыней посадил русскую рать на суда и устремился вниз по Днепру, к порогам. Берегом на лошадях за князем шли торки. Это был тюркский народ, посаженный Русью в бассейне реки Рось для обороны южных рубежей государства.

В то время в слабеющей Болгарии правил царь Самуил. Его отец царь Борис с братом Романом, участником бурных событий, сопровождавших походы Святослава на Балканы, были увезены в Византию и исчезли.

Владимир без труда сломил сопротивление болгар. Вслед за этим был установлен мир. Мудрость Добрыни дала себя знать. Посмотрев страну, Добрыня заметил Владимиру, что тут все в сапогах, а искать надо лапотников.

По-видимому, и Святослав, и Владимир, видя бедственное положение хорошо знакомой русским Болгарии, были не прочь включить ее в поле влияния Киева, однако у Руси на это не хватало сил, а у Болгарии — желаний. Соперничать с Византией на Балканах в X в. Киев не мог, хотя и предпринимал небезуспешные шаги в этом направлении.

Еще одно обстоятельство могло закрыть доступ Руси в Болгарию — русское язычество. И в 986 г. Владимир, ранее побывавший на рубеже олатынившейся Польши и на Дунае с его православным населением, писавшим буквами кириллицы и глаголицы, стал задумываться о том же, о чем полвека назад всерьез помышляла его бабка Ольга. Начал Владимир «пытати о верах, бе бо князь мудръ».

Рубежи Руси к 986 г. подошли вплотную к рубежам мира латинского запада, греческого юга и мусульманского и иудейского востока. Владимир понял, что надлежит выбрать тот путь, которым Русь в дальнейшем будет идти долгие века.

Первыми в Киев, прознав о мыслях Владимира, пришли из Волжской Булгарии. В X в. там был принят ислам. «Придоша от срачинския веры, Болгары веры бохмини и сказаше о своей вере».

Выслушав магометан, Владимир ответил: «Русь веселье питье, не можем без того быти». Вслед за тем на Русь пришли посланники от Рима. Им Владимир сказал так: «Идите опять яко оци наши сего не прияли суть». Возможно, князь имел в виду историю с миссийным епископом Руси Адальбертом.

Принял князь Владимир и «жидове козарьстии». Выслушав их речи, князь ответил: «То како вы инехъ оучите, а сами отвержени. Если бы бог любил вас то не бысть расточени по чюжимъ землямъ еда и нам то же мыслите зло прияти».

Последними в 986 г. к Владимиру пришли греки. Но вопрос о принятии веры так и не был решен.

В 987 г. Владимир продолжал поиски решения вопроса о принятии веры. Князь созвал старцев и бояр и поведал им о приходивших. Решили прежде всего послать людей в Волжскую Булгарию к магометанам. Вернувшиеся отвергли возможность принятия магометанства Русью.

Затем князь отправил людей к латинянам. Но и латинское христианство не прельстило русских. И русские послы приехали к грекам. Правил империей Василий II (976–1025). Русское посольство в Византии было принято с великой радостью и честью. Русских повели в церковь, созвали клир, зажгли свечи перед ликами святых, закадили паникадилами, запели, и началось пышное богослужение. Можно представить, какое впечатление на русских послов произвело увиденное и услышанное в Византии.

На Русь послы плыли с великими дарами и с великой честью. В Киеве давно существовала христианская община, ориентирующаяся на Византию, и ее влияние на решение князя Владимира сыграло не последнюю роль. Строго говоря, вопрос выбора веры на Руси был предрешен задолго до 986–988 гг. Князь Великой Моравии Ростислав в 862 г. решил вопрос для славян в пользу Византии. В 864 г. ввел в лоно греческого христианства Болгарию царь Борис. Из Великой Моравии христианство, в его греческой трактовке, принял чешский князь Боривой. Из Чехии христианство пришло в Польшу. Тем временем сама Чехия уже олатынивалась, и Польша в 966 г. при посредничестве супруги Мешко I чешской Дубравки приняла латинское христианство. Тут уже влияли внешние силы, и славянам центра Европы приходилось с ними считаться.

Русь стояла последней в ряду славянских государств, принимавших христианство в IX–

X вв. Русь в 987 г. была уже не та, что при княгине Ольге. Киев не боялся зависимого положения от Византии, что в свое время могло смутить Ольгу. И само крещение князя Владимира походило более не на просьбу, а на требование.

Весной 988 г. русские ладьи подошли к Крыму. Князь Владимир осадил греческий город Корсунь (Херсонес), но приступом города не взял. Горожанин по имени Анастасий выпустил из города стрелу с сообщением, где русским следует перехватить трубу, подававшую осажденным воду. Тем временем Владимир поклялся креститься, если город будет взят. Скоро город, оставшийся без воды, был взят, и в Византию было отправлено требование о том, чтобы император выдал свою сестру замуж за князя Владимира.

Император рад был выдать Анну за Владимира, но как было это сделать, если князь не был христианином. И в Византию пришла новая весть от Владимира: «Закон ваш и есть ми любовь».

Сестру императора Анну посадили на корабль и привезли в Крым. Летописец говорит, что в то же время Владимир заболел и лишился зрения. Анна велела передать князю, что от болезни его избавит крещение. Епископ Корсуни и местное духовенство организовали крестины русского князя, и как только возложили на Владимира руку, он прозрел и воскликнул, что впервые увидел бога истинного.

Вслед за князем крестились многие из его окружения. Крестили русских в корсунской церкви св. Софии. Вскоре обручили Владимира с Анной. Владимир воздвиг в Корсуни на горе храм в честь Иоанна Предтечи.

По возвращении на Русь Владимир приказал уничтожить кумиров и святилища, которые сам с дядей Добрыней восемь лет назад ставил. Летописец не удержался от восклицания: «Господи чудные дела твои вчера честим от человека а днесь поругаем».

Идол Перуна привязали к хвосту коня и потащили с горы по Боричеву въезду на Ручай к Днепру. Перуна бросили в Днепр, и князь велел людям, чтоб смотрели до самых порогов: если где пристанет к берегу — отталкивать.

Затем Владимир разослал глашатаев по Киеву сказать людям, что, кто утром не придет к реке, «противник мне да будет».

Утром берег Днепра был полон народу. Владимир вышел на реку в сопровождении греческого духовенства, и началось крещение. Люди вошли в воды Днепра, держа младенцев на руках.

Так была начата новая эпоха, давно готовящаяся и долее других откладываявшаяся на востоке Европы, — эпоха православия на Руси.

Князь Владимир велел по всей Руси рубить церкви и ставить их на местах, где прежде стояли кумиры. В Киеве на холме, где в 980 г. были установлены идола Перуна, Волоса и иных богов, возвели церковь св. Василия (Власия).

По Руси пошло оживление. Княжеские наместники, отроки и греческие священники начали строить по городам и волостям церкви и крестить народ в новую веру. У матерей брали детей и отдавали в книжное учение. А матери, как и бывает, плакали.

Князь Владимир окрестил своих многочисленных сыновей и посадил их по разным городам государства. В Новгород послали Вышеслава. В Полоцк, отстраивавшийся на новом месте, посадили Изяслава. Святополк сел в Турове, а Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым, был послан в далекий Ростов Великий, стоявший за лесами вятичей, в Залесской земле, на берегу озера Неро. Ростовская волость для Киева в X в. была далекой окраиной, землей глухой, и ехать туда мало кто стремился добровольно.

После смерти старшего из сыновей — Вышеслава в Новгород перевели Ярослава. С Ростова в Новгород Ярослав мог проехать двумя путями — в верховья Волги, на селигерский волок и далее в бассейн Ловати либо с Волги перейти на реку Тверцу, подняться до Вышнего Волочка и

далее по реке Мсте. Ведал ли тогда Ярослав, какую судьбу ему уготовил бог и какую жизнь ему предстояло прожить на Руси?

Сын Владимира Борис был отправлен в Ростов. А Глеб поехал на Оку в город Муром. Святослава Владимир посадил в землю древлян, а Всеволода послал в тогда совсем еще молодой город Владимир Волынский, стерегший западный рубеж Руси. Мстислава Владимир отправил в Тмутаракань, в далекий островок русского государства на полуострове Тамань.

Владимир I Святославович водворил на Руси не только христианство, но и заложил твердые основы удельного порядка. Княжеские наместники сменялись по городам на княжеских сыновей, а те рано или поздно стали пытаться превратить княжения в наследственные владения. Так в момент подъема в организм единой Руси было заронено семя, позже давшее недобрые всходы.

Германия в X в. уже переживала начало процесса распада империи. А Русь еще более столетия сохраняла относительное единство, при этом оставаясь могучим государством, и все без исключения соседи с тем считались. Солнце над Киевом в X–XI вв. светило ярко.

Князь Владимир мыслил как государственный муж самого высокого ранга. Ему принадлежат слова: «Се не добро, еже мало город около Кыева». «И нача ставити города по Десне и по Въстри, и по Трубешеве, и по Суле, и по Стугне. И нача нарубати муже, лучшее от Словен и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичь, и от сих насели грады. Бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одалая им».

Владимир собрал народ отовсюду из государства и давал ему «землю на полной его воле». Но за то князь требовал строго следить за южными рубежами Руси.

По руслам рек начали сплавливать лес для строительства многочисленных городов-крепостей. Города, соединенные оборонительными сооружениями, именуемые змиевыми валами, выстраивали непрерывные линии, в X–XII вв. охватившие Киев с юга тремя рубежами. Самый южный рубеж обороны столицы шел берегом реки Рось.

Второй рубеж обороны Киева шел долиной реки Стугна. И под самим Киевом, на линии Звенигород — Белгород, находился последний оборонительный рубеж. С севера подходы к Киеву охранял Вышегород.

На левом берегу Днепра рубежи Руси также прикрывались несколькими линиями обороны. Берега рек Сула, Трубеж, Остер, Десна украсили десятки русских городов.

Но прежде всего на рубеже X–XI вв. укрепили ближайший к Киеву рубеж обороны, находящийся на линии Белгород — Звенигород и отстоящий от Киева не далее чем в одном дневном переходе. И тут мы уделим внимание крепостной архитектуре Древней Руси. Масштабы строительства упомянутых выше змиевых валов потрясают. Но у строительства, шедшего в X–XII вв., на юге Восточной Европы есть предыстория.

Народная легенда гласит о том, что два молодца, обычно именуемые Кузьмой и Демьяном (св. Козьма и Домиан покровительствовали кузнецам), укротили змея, поедавшего местных жителей. Змея впрягли в громадный плуг и заставили пропахать межу, за которую впредь чудовище не смело вступать. Змей, дотянув плуг до воды, обпился и испустил дух.

Выше писалось о городищах, площадь которых насчитывала сотни гектаров, возводившихся в среднем поднепровье в VII–III вв. до н. э. Площадь Немировского городища на Южном Буге 110 га. Валы, высота которых ныне достигает 8 м, создавались в VII в. до н. э. Площадь Трахтемировского городища 500 га. Оно расположено в бассейне реки Рось. Южнее на реке Тясмин находится Матронинское городище, площадь которого 200 га. А площадь Вельского городища, что в бассейне реки Ворскла, и вовсе потрясает — 4020,6 га. Обводящий городище вал в древности был увенчан деревянной стеной либо сам представлял собой стену. И это очень важное обстоятельство для дальнейшего повествования.

На востоке городища раннего железного века расположены вплоть до верховий Северского Донца (у хутора Городище, площадь 26 га) и до реки Дон, в районе устья реки Воронеж, то есть городища VII–III вв. до н. э. защищали ту же территорию, что и города и змиевы валы IX–XIII вв. Эти земли издревле и именуются Русью.

В X–I вв. до н. э. земледельцы лесостепей востока Европы защищались на городищах от вторжений киммерийцев, скифов, сарматов (восточные индоевропейцы иранской языковой группы). В I тыс. до н. э. славяне в лесостепях оборонялись от готов, гуннов и аваров. В IX–XIII вв. славяне опоясывали лесостепи паутиной крепостей и Змиевых валов, пытаясь сдерживать угров, печенегов, половцев.

Радиоуглеродный анализ, которому подвергали остатки обугленных бревен из Змиевых валов Среднего Поднепровья, временем их закладки указывает I тыс. до н. э. Столь широкий временной разброс отнюдь не ошибка исследователей. Традиция возведения укреплений из дерева и земли в данном регионе в самом деле корнями уходит в I тыс. до н. э. (а в действительности гораздо глубже).

Система Змиевых валов, защищавших древний Переяславль с востока и юга, походит на разомкнутое кольцо укрепленного городища громадных размеров. И это не единственный пример подобного рода.

Тысячи строителей, трудившихся над возведением оборонительных систем Среднего Поднепровья в X–XII вв., во многом лишь дополнили и развили древнейшую традицию оборонной фортификации. Эти сооружения были удачно вписаны в оборонительные рубежи Киевской Руси.

Причиной новой активизации оборонительного строительства, развернувшегося вокруг Киева и Переяславля в X–XI вв., были печенеги. Сложность борьбы с печенегами заключалась в том, что они подобно волкам были подвижны и трудноуловимы. Лишь оборонительные стены, ныне превратившиеся в земляные валы, тянувшиеся на сотни километров, могли хоть как-то обезопасить Русь X–XIII вв. Пока кочевники огибали укрепления, их успевали заметить и принять необходимые для обороны городов меры.

Около пятидесяти городищ X–XI вв. непосредственно вписано в линии Змиевых валов. Змиевы валы особенно активно строились на рубеже X–XI вв. при Владимире. Продолжили их строительство при Ярославе Мудром.

В XII в. возвели укрепления в долине Роси. Они были призваны сдерживать половцев. После того как Русь стала дробиться на уделы, строительство оборонительных сооружений столь крупного масштаба в Среднем Поднепровье сошло на нет.

Скажем кратко о конструкции Змиевых валов. Строители рубили четырехстенные срубы из дуба, крайне редко из сосны. Срубы плотно стояли один подле другого длинным рядом. Чаще всего в ряду было несколько параллельных линий срубов. Внутренность сруба заполнялась глиной, песком, камнем. С внешней стороны линия срубов присыпалась глиной.

Помимо срубной при строительстве Змиевых валов использовали перекладную конструкцию. Она была широко распространена у западных славян раннего Средневековья. В ее основе лежали ряды продольно уложенных бревен. Сверху бревна засыпали грунтом. Для того чтобы бревна не раскатывались, у них не обрубали сучьев, которые подобно крючкам фиксировали бревно на строго определенном месте.

Такие оборонительные рубежи опоясывали Русь X–XIII вв. от реки Тетерев на западе до города Лубны на реке Сула на востоке.

Узлами обороны Руси были города. Их стены, так же как и змиевы валы, состояли из нескольких рядов параллельно идущих срубов. Внутренняя линия срубов городов чаще всего не засыпалась грунтом и использовалась как жилье или склады.

Между стремительно отстраивавшимися городами Руси стали строить прямые дороги. Прокладывали их широкими полями и дремучими лесами, стягивая отдельные области государства единой системой коммуникаций, не зависящих от времени года и степени проходимости волоков. Управление огромным государством требовало наличия совершенной системы обороны и связи. Киев перенял у князей славянских союзов весь груз государственной ответственности и расширил масштаб задач с одного речного бассейна (Днепровского) до размеров всей равнины, от Тамани до Кольского полуострова и от Люблина до Уральского камня. И киевским князьям, давно стремившимся к сосредоточению власти над восточнославянскими землями в одних руках, отступить было нельзя. Русь объединялась.

В 991 г. князь Владимир почувствовал насущную необходимость в возведении в Киеве символа новой религии — храма, подобного византийским. К грекам послали за мастерами. За возведение храма взялся Настас Корсунянин. Скоро церковь Богородицы была выстроена, и служить в ней стали священники из Корсуни, ближайшего к Руси греческого города. Владимир передал в церковь иконы, кресты и сосуды, вывезенные из Корсуни.

При князе Владимире Киев был невелик. Его площадь не превышала 10 га. Перед церковью Богородицы Десятинной шумел разноголосием языков запада и востока Бабин Торжок. Посреди него Владимир установил вывезенную из Корсуни бронзовую античную квадригу. Южнее и западнее церкви были возведены каменные терема. На их сенях-галереях происходили воспетые былинами дружинные пиры, устраиваемые Владимиром.

Городской земляной вал, увенчанный деревянными срубами, городнями и нависавшими над ними забороллами, в трех местах рассекался каменными воротными башнями.

Киев Владимира и Святослава в X в. был не тем городом, каким он стал при Ярославе в XI в., но предпосылки к колоссальному расцвету были явны уже в X в.

Под 992 г. летописец говорит о том, что Владимир заложил город «Бель». То была крепость над рекой Ирпень, стоящая к юго-западу от Киева. В Белгороде сосредоточивались значительные военные силы Руси, бывшие своего рода пригородным гарнизоном киевского князя. К западу от Белгорода, за лентой Ирпени, глухо шумел древлянский лес. А далее к западу, за Чертовым лесом, стелилась равнина Вольни с прорезавшими ее отрогами Карпатского горного массива. На высоких холмах и отвесных скалистых утесах Вольни и Галиции в конце X в. стучали топоры плотников и позвякивали молотки каменщиков. Это строили города и боярские усадьбы.

Белгород служил Киеву воротами на запад, имевшими крепкие засовы. В Белгород Владимир свозил народ отовсюду. Все, кому прискучила размеренная крестьянская жизнь, шли на службу к киевскому князю. А он тому был рад. И строились на Руси города.

В 993 г. как раз мимо стен строившегося Белгорода на запад, в земли славянского союза хорватов, в верховья реки Днестр, прошла дружина князя Владимира. Поход 981 г., когда в Перемышле, Червене и иных городах запада русского государства были посажены столичные наместники, видимо, не решил всех вопросов, и спустя двенадцать лет потребовался новый поход, на этот раз именно на союз хорватов. Хорваты Руси — это лишь восточное крыло крупного славянского союза, сердце которого расположено к западу от Галиции, в центре Европы. Отсюда проистекает двойственность всегда мятежной, мятущейся Галицкой Руси с традиционно сильным боярством и родовыми связями с Центральной Европой.

Пока Владимир с русской дружиной ходил по земле хорватов, недремлющие печенеги, имевшие на Руси глаза и уши, подошли к левому берегу реки Сулы.

На берегах Сулы, служивших естественным пограничьем Руси в левобережном Поднепровье, в конце X в. всю кипела работа. В устье Сулы располагалась гавань города Воинская Гребля. Выше по берегу Сулы, не далее двух десятков километров одно от другого,

стояли города-крепости. Крупнейшими из них были Лукомье, Лубны, Ромны. На правом притоке Сулы, на реке Удай, росли стены городов Повстин, Пирятин, Прилуки.

Когда Владимиру сообщили о появлении на Суле печенегов, князь поспешил на берега реки Трубеж, служившей одним из рубежей обороны Руси. Гарнизоны городов в долинах рек Сула, Удай, Супой заперли проездные ворота и ждали помощи от киевского князя. Печенеги же грабили и жгли беззащитные села и угоняли людей в полон.

Заметим, что в IX–XIII вв. население лесостепей востока Европы стремилось селиться в черте городских валов либо укрепленных предградий. Но, конечно, было немало открытых поселений.

Встретились русские и печенежские полки на Трубеже. «И срете я на Трубежи на броде, где ныне Переяславль». Дело решили поединком. Ододел русский муж, «и печенези побегоша и Русь погнаша по них секуше, и прогнаша я».

Князь Владимир «заложи город на броде томь, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть».

Переяславль, вероятнее всего, стоял и до 993 г. Но то, что на броде через Трубеж, под Переяславлем, русские полки перекрывали дорогу степным хищникам, сущая правда.

Столкновение Владимира с печенегами на Трубеже в 993 г. не умерило пыла степняков, и они продолжали ежегодные вторжения на Русь.

К 996 г. в Киеве Настас Корсунянин завершил стороительство Десятинной церкви Успения Богородицы. Строили каменный храм с 989 г. Владимир по завершении строительства написал, чтобы отныне от доходов князя и города десятина шла церкви.

И вновь князю сообщили о том, что печенеги перешли рубеж Руси и стоят на берегу реки Стугна, под стенами города Василева. Воинов собирать было некогда, и Владимир с малой дружиной, которая всегда была при князе, помчался к Василеву. Силы сторон оказались неравными, и Владимир едва спасся от печенегов, вбежав по мосту в город. Летописец говорит, что в ознаменование благополучного разрешения Василевского сидения Владимир дал обет построить в Василеве церковь в честь Преображения господня, ибо сражение с печенегами произошло на этот праздник.

Стугнинский рубеж обороны отстоял от Киева в одном дневном переходе, и появление на нем печенегов было прямой угрозой столице. Однако печенегам мешали многочисленные крепости и змиевы валы, всюду в среднем Поднепровье перегораживавшие земли. Гарнизоны крепостей не сдавались печенегам и, оставаясь за спинами кочевников, отнимали у них уверенность, и всякий неблагоприятный оборот дел обращал печенегов в бегство. Нашествия печенегов носили характер набегов, но не завоеваний. Однако набеги эти приносили немалую печаль Руси.

Эпоха князя Владимира, эпическая по природе, отозвалась в сознании народа былинным эпосом. Дела Руси были таковы, что не воспеть их было невозможно.

Пиры князя описываются в былинах так:

В славном городе Киеве,
У великава князя Владимира киевскава,
Всеславича (Святославовича),
Было пированье великое,
На многие многие князи и бояры.
И сильныя могучия богатыри.

Русь была едина и сильна. Образ защитника Руси связан с фигурой Ильи Муромца.

У того было Ивана у Иванова
Родился сын Илья у него Муромец.
Тридцать лет он сидел сиднем.
Сидел он на печке на муравленой.
Отец его и мать на луга ушли.
Он слезает со печки муравленой,
Берет ли своего добра коня.

(Рыбников, т. I, № 82)

Русские былины описали темные леса вятичей, лежащие к северо-востоку от Чернигова и бывшие враждебными Киеву долгое время.

А из Чернигова, государь, ехал я дорогою.
На те леса Брянския,
На те грязи топучия,
На те мосты калиновы,
Через тое реку Смородину.

Проехать вятичскими лесами считалось молодецким подвигом.

Запала тут дорожка тридцать лет,
Никто по той дорожке не прохаживал,
И никто по той дорожке не проезживал.

(Рыбников, т. II, с. 477)

Вятичи облакались на Руси в образ Соловья Разбойника.

Мимо этого проклятого да Соловья
Нету пешему проходу, конному проезду,
Нету конному проезду, зверю прорыску,
...
От свиста его змеиноного, от крыку зверинаго
Помирает все удалы-добры молодцы.

(Рыбников, т. II, с. 152, 153)

Но не было преграды русскому витязю, ему бы только на коня сесть. А там:

Пошел его добрый конь богатырский,
С горы на гору перескакивать,

С холмы на холму перемахивать,
Мелкие реченьки, озера, между ног смещать.

(Рыбников, т. I, с. 16)

Русские часто со стен своих городов наблюдали такую картину:

Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человечьяго,
Как от ржания лошадиного,
Уньвает сердце человеческо.

(Гильфердинг, т. II, с. 23)

Тут Илья Муромец и дает отповедь непрошеным гостям:

Вы поедте по свым местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пуста стоит,
На святой Руси есть сильны могучи богатыри!

(Киреевский, т. I, с. 35, 36).

После счастливого избавления князя Владимира от печенежской угрозы под Василевом и возведения обетной церкви (обетная церковь обычно строилась за одни сутки) князь велел наварить меду и устроить пир. Владимир сам созывал бояр, посадников и старейшин отовсюду с Руси. Не забывал при этом князь о простом народе, а убогим раздавал милостыню.

В Киев Владимир вернулся на успение Богородицы и снова устроил праздничный пир:

«Повеле остроити КОЛА и въскладываше хлебы мяса рыбы и овощи... и мед в чашах... по вся дни на дворе в гридницы пиръ творити и приходите бояромъ и гридьмъ и десятникомъ и нарочитьемъ мужемъ и при князе и без князя...»

Летописец говорит о князе: «Бе бо любяше Володимер дружину, и с ними дума о стороении земли... и о ратехъ». Касается летописец и того, что Владимир умел сохранить мир с западными соседями: «И бе живя с князи околными его миромъ с Болеславом Лядским, со Стефаном Угорским, с Ондроником Чешским и был мир между ними». К слову сказать, Стефан Венгерский (997–1038), так же как и Владимир, стал крестителем своей державы.

Интересен такой летописный сюжет. При князе Владимире умножились разбои. Оно и не мудрено. Русь переживала один из переходных этапов своей истории. Патриархальный род уже не имел прежней власти, а новый строй жизни еще не устоялся и давал людям едва ли не полную свободу выбора в поступках. Видя разбои и разброд, епископ обратился к князю с вопросом: «Почему не казнишь?» Князь отвечал, что боится греха. Тогда епископ, а был он греком, объяснил Владимиру, что он поставлен богом на казнь злым и на милость добрым. Князь, по словам епископа, должен был казнить разбойников, но с испытанием. Это означало, что испытываемый должен был взять в руки раскаленное железо, и если на ладонях не оставалось ожогов, считалось, что испытываемый говорит правду.

Князь отменил стародавние виры, взимавшиеся за убийства и иные прегрешения, и стал казнить разбойников: Но очень скоро старцы и епископ с духовенством решили, что «рати много». А Владимир и сам был рад вернуться к взиманию «вира то на конихъ и на оружьи...»

И вновь зажила Русь «по строению дедню и отню». Спустя год после событий под Василевом печенеги осадили Белгород на реке Ирпень, стоящий у самого Киева. Подступить к стенам Киева печенеги не решались. Кроме того, у печенегов не было искусных инженеров по осаде и взятию городов. Это то, что отличало печенегов от монголов.

С начала года Владимир уехал на север к Новгороду собирать воинов для борьбы с печенегами, ибо конца ей не было видно и Русь стонала от ежегодных набегов. Народ, вместо того чтобы по весне пахать землю и засеивать ее семенами, был вынужден скрываться за стенами городов. А на землях, лежащих между реками Рось и Стугна, Сула и Трубеж, едва ли не ежедневно занимались пожарища, дым от которых достигал Киева.

Прознав об отъезде Владимира на север, печенеги, не мешкая осадили Белгород — город, где была возможна немалая пожива.

В связи с осадой Белгорода летописец передает повесть о «сладком колоце». Вот ее краткое содержание.

Помощь Белгороду Владимир подать не мог, ибо не имел достаточно сил. В городе начался голод. На вече решили: «Се уже хотим померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Въдадимся печенегом, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада».

Был в Белгороде старец, отсутствовавший на вече. Узнав о решении горожан, он просил подождать три дня и не сдаваться пока печенегам. А тем временем старец просил горожан: «Сберите аче и по горсти овса или пшенице, ли отруб». Выкопали колодези. Взяли и «меду лукно, бе бо погребено в княжи медуши. И повеле росытити велми и вльяти в кадь в друземь колодязи».

Утром послали к печенегам, дали им заложников и пригласили десять печенежских мужей в город. Кочевники обрадовались, решив, что город хочет сдаться. Каково же было изумление печенегов, когда в Белгороде их встретили такими речами:

«Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за десять лет, что можете створите нам? Имеем бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да узрите своима очима».

Изумленные печенеги «въсташа от града, въсвоеси идоша». Мы помним, что в последние десятилетия на Руси жил юный конунг Норвегии Олав, сын Трюггви, впоследствии женатый на Гейре, дочери Бурецлава, конунга страны вендов (годы жизни короля Польши Болеслава I Храброго 962–1025, но это еще не доказывает того, что Бурицлав и Болеслав одно лицо). Олаву было девять лет, когда он попал на Русь. Прожил он на Руси еще девять лет. Возможно, Сигурд, дядя Олава, был одним из тех варягов, которые в 980 г. помогли Владимиру добыть киевский стол.

В 1008 г. в Киеве появился германский миссионер архиепископ Брунон. Он следовал через Русь к печенегам для проповеди христианства. Брунон прожил месяц при дворе Владимира и был принят милостиво. Владимир сам провожал архиепископа до границы Руси. Путешествие у князя и Брунона заняло два дневных перехода.

О впечатлениях от пребывания в Киеве Брунон поведал в письме Генриху II. О Владимире миссионер отзывался как о правителе «могущественном благодаря своему королевству и богатству».

Свидетельство Брунона важно и тем, что он указал, что Владимир окружил Русь от кочевников мощными длинными ограждениями. Брунон назвал их латинским словом *sepe*. В полном латинском словаре читаем: *sepes* (*saepes*) — «изгорода, тынь, забор». Нам же под *sepe*

Брунона следует понимать Змиевы валы Среднего Поднепровья.

При прощании Брунон въехал на сторожевой холм, по всей видимости, бывший курганом. Владимир стал на другом холме. Расстались князь и архиепископ недалеко от реки Стугна.

В 1009 г. архиепископа кверфуртского Брунона убили пруссы. С событиями 1008 г. перекликается написанное аббатом Петром Дамианом († ок. 1072) в 1040 г. «Житие св. Ромуальда». В этом житии рассказывается о том, что Брунон Кверфуртский крестил Русь. Для нас свидетельство Петра Домиана может служить примером, как к одной истине можно присовокупить неправду и выглядеть это будет почти правдоподобно.

В 1000 г. умерла Рогнеда, супруга Владимира и мать Ярослава. Вслед за Рогнедой один за другим из жизни стали уходить близкие Владимиру люди.

В 1001 г. умер Изяслав, посаженный Владимиром в Полоцке и положивший начало полоцкому княжескому дому, ранее других обособившемуся от Киева. В 1003 г. умер Всеслав, сын Изяслава и внук Владимира. Вся полнота власти в Полоцке перешла в руки Брячислава Изяславовича, внука Владимира.

В 1011 г. умерла еще одна супруга Владимира, греческая принцесса Анна. И сам Владимир стал не тот, что прежде. Князь уже не ходил походом ни на вятичей, ни на хорватов или ятвягов, не влекло его и на Дунай. Тем временем подрастали сыновья Владимира. У каждого был город с волостью.

Под 1013 г. Титмар Мерзебургский сообщает о войне между Русью и Польшей. Причиной раздора были земли Червонной Руси.

В 1014 г. Ярослав, сидевший в Новгороде и ежегодно присылавший в Киев две тысячи гривен оброку, не дал положенного. Старый Владимир велел людям «теревите путь и мосты мостите», собираясь выступить на север. Но не суждено было Владимиру вдеть ногу в стремя. Князь заболел.

Прознав о готовящемся походе, Ярослав бежал тем же путем, что и Владимир в 977 г., за море. Весной 1015 г., как сошел лед на реках, Ярослав вернулся в Новгород с варягами.

А Владимир совсем расхворался. На печенегов, беспокоивших рубежи Руси, князь послал сына Бориса. 5 июля в селе Берестове князь Владимир Святославович скончался.

Святополк Окаянный (1015–1019)

Сын Владимира Святополк, рожденный от отнятой у Ярополка жены, пошел по стопам князя Ярополка и был прозван на Руси Окаянным. Святополк был старшим среди братьев и сидел в Киеве. Смерть отца он утаил, завернув тело Владимира в ковер и ночью в санях привез в каменную церковь Богородицы в Киеве. Народ прознал о смерти князя, стал сходиться и крепко горевал о Владимире как о заступнике. Владимира положили в мраморный саркофаг и упокоили в отстроенной им каменной церкви Киева.

Тем временем Святополк принялся раздавать именье умершего народу.

Юный Борис, не встретив печенегов, вернулся на Русь. Узнав о смерти отца, княжич заплакал. Летописец говорит, что Владимир более других сыновей любил Бориса. Шатер Бориса был раскинут над рекой Альт. Дружина предложила Борису поддержку и советовала сесть на отцовский стол в Киеве. Борис отказался, объяснив, что не хочет поднять руку на брата. Дружина уехала от Бориса, на берегу остались лишь немногие отроки.

Между тем Святополк прислал Борису уверенья в любви. Быть может, Святополк боялся дружины и не знал, что Борис ее отпустил.

Заговор сложился в Вышгороде. Святополк приехал в столичный пригород и тайно собрал вышгородских бояр и среди них некоего Путшу. Там и договорились убить Бориса.

Как ни стремился Святополк сохранить замысел в тайне, о заговоре Бориса предупредили. Княжич стал читать молитву и петь заутреннюю. Пришедшие от Святополка люди пронзили Бориса копьем и перебили отроков его. А слуге Бориса угрину Георгию отрубили голову ради золотой гривны, подаренной господином.

Когда Бориса привезли к Святополку, он еще дышал. Святополк велел двум варягам добить Бориса. Один из варягов пронзил его сердце.

Тело Бориса погребли в церкви св. Василия в Вышгороде. Далее Святополк решил убить Глеба, брата Бориса по матери болгарке. Мы помним, что Глеб был отправлен отцом в Муром, на Оку. Святополк послал Глебу весть, что, дескать, отец нездоров и зовет сына, а идти следует быстро.

Глеб, не мешкая, сел на коня и с малой дружиной поспешил к Волге, обходя стороной не добрые к русским вятичские леса. На Волге конь Глеба во рву подломил ногу. То был знак князю.

С Волги Глеб перешел на верхний Днепр и далее пошел к Киеву в ладье. У Смоленска, при устье реки Смядынь, ладья Глеба пристала к берегу.

Ранее дочь Владимира Предслава послала в Новгород Ярославу известие о смерти отца и о делах брата. Ярослав успел упредить Глеба, прислав в верховья Днепра сказать, что Борис убит Святополком, отец мертв, и на Глеба замыслили недоброе. Глеб заплакал и подобно Борису стал молиться. Слышали, как он сказал: «Лучше мне умереть с братом, нежели жить в свете сем».

Подосланные Святополком убийцы овладели ладьей Глеба, убили князя и тело его положили среди клади. Скоро ладья пристала к правому берегу Днепра под стенами Вышгорода. Глеба упокоили в вышгородской церкви св. Василия рядом с могилой Бориса.

Успел Святополк расправиться еще с одним братом — Святославом, сидевшим в земле древлян. Святослав бежал в Венгрию, но избежать смерти не сумел.

В ту пору в Новгороде разыгралась еще одна кровавая трагедия. Варяги, приведенные Ярославом, имели немало свободного времени и стремились употребить его с пользой. Вылилось это в то, что варяги стали гоняться за словенскими девицами и женами и творить насилие.

Характер у новгородцев был суровый, и, насмотревшись на происходящее, словене взяли оружие и избили варягов во дворе Паромони.

Ярослав был взбешен. Князь лукаво пригласил новгородцев на свой двор, и варяги иссекли тысячу словен. В ту же страшную ночь в Новгород пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца и о том, что Святополк в Киеве и послал убить Бориса и Глеба. Утром в Новгороде собрали вече. После ночной сечи новгородцы встали под стяг Ярослава. Под рукой князя собрались тысяча варягов и четыре тысячи словен. С этой силой Ярослав пошел на Святополка, говоря, что не он начал избивать братию, но Святополк.

А Святополк собрал на Руси воинов, призвал печенегов и стал на правом берегу Днепра.

Наступил 1016 г. Обе армии простояли против друг друга три месяца. Однажды воевода Святополка подъехал к берегу Днепра и принялся высмеивать новгородцев, дескать, пришли они со своим хромцом (Ярославом), а сами плотники, и приставят их рубить хоромы.

Новгородцы того воеводу послушали и сказали Ярославу, что утром переправятся на противоположный берег. Ярослав «исполчил рать» до рассвета.

«И темь вечере перевозися Ярославъ съ вой на другыи полъ Дънепра, и лодь отринуша отъ берега, и той ноци поидоша на сецю. И рече Ярославъ дружине: знаменайтеся, повивайте себе убрusy голову. И бысть сечи зле; и до света победиша Святопълка. И бежа Святопълкъ въ Печенегы, а Ярославъ иде Киеву... и начав ое свое делити: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривне, а Новъгородъчемъ по 10 всемъ. и отпусти я домовъ вся». (Новгородская первая летопись. ПСРЛ, 1841 г.). Так Ярослав сел на стол в Киеве, и было князю от роду 28 лет. В 1017 г. в Киеве случился пожар и погорели церкви. Были они по преимуществу деревянные. А каменная громада храма Богородицы Десятиной невозмутимо высилась над тесовыми крышами рубленной из бревен столицы.

В 1018 г. польский король Болеслав I Храбрый, имевший давнюю обиду на Русь за червенские земли, двинул ляшские полки в помощь не скупившемуся на посулы Святополку. Ярослав был заранее уведомлен о готовящемся походе и, собрав воинов из руси, варягов и словен, выступил навстречу неприятелю. Полки встали по разные стороны Западного Буга, недалеко от древнего города Вельн.

Во многом ситуация на Западном Буге 1018 г. повторила произошедшее на Днепре в 1016 г. Только стороны поменялись ролями. Воевода Ярослава, звавшийся Будын, подъехал к берегу реки и стал кричать Болеславу, что пропорет его толстое чрево. А был Болеслав грузен.

Услышав те речи, Болеслав кинулся верхом вброд через реку. Следом за королем ринулась в реку польская рать. Ярослав не ожидал подобного поворота событий, не успел обрядить полки и бесславно бежал с четырьмя людьми в Новгород.

Скоро с запада к Киеву подошли ляхи во главе с Болеславом I и с ними князь Святополк. Город отворил ворота. Польских воинов развели по дворам киевлян на корм.

Болеслав I счел нужным проинформировать о происходящем на Руси Германию. Ко двору Генриха II Болеслав послал аббата Туни.

Упомянутый выше епископ мерзбургский Титмар, в 1012–1018 гг. написавший хронику, уделившую много внимания славянам, немало сведений, в том числе о Руси, почерпнул от аббата Туни. Общался Титмар и с немецкими наемниками, побывавшими с

армией Болеслава I в Киеве.

Житье в Киеве обернулось несчастьем для поляков, ибо их стали понемногу избивать. Скоро это явление приняло такой масштаб, что Болеслав I бежал из Киева подобно епископу Адальберту. При этом именье из русской столицы поляки вывести сумели. Увел из Киева Болеслав и сестру Ярослава, его бояр и людей.

Кампания закончилась тем, что Болеслав занял Червонную Русь, и это было главное приобретение Польши в 1018 г.

А в Новгороде происходило вот что. Прибежавший с Волыни Ярослав хотел плыть за море. Но ему помешал сын Добрыни посадник Константин. С новгородцами посадник посекал готовые к отплытию ладьи. Князю новгородцы сказали, что намерены биться с Болеславом и Святополком.

В Новгороде начали собирать средства — по 4 куны от мужа, по 10 гривен от старост, по 80 гривен от бояр.

Летописец эти средства называет «скоть». Привели «варягы и вьдаша имъ скоть». Собралась в Новгороде внушительная сила. Варяги всегда были рады послужить за соответствующую плату.

Ярославу нетрудно было совладать с оставшимся без польской помощи Святополком. И Святополк бежал к печенегам.

В последний раз братья встретились на реке Альт, там, где была учинена расправа с Борисом. Ярослав стал на месте, где некогда высился шатер Бориса, и помолился.

Святополк подошел на Альт с печенегами «в силе тяжкой». Началась битва, и такой жестокой сечи дотоле не было на Руси. Неприятели трижды сступались. Землю залила кровь. К концу дня ярославовы полки стали одолевать. Святополк бежал, и силы покинули его до такой степени, что пришлось нести князя на носилках.

Донесли Святополка до Берестья (Бреста). Дух князя был сломлен, и на Руси ему более делать было нечего. Не ждали Святополка и в Польше. Князь проехал Польшу, подошел к рубежам Чехии и бесследно сгинул в лесах Карпат.

Ярослав вошел в Киев и, по выражению летописца, отер пот, показав труд великий. Так было окончено бесславное княжение Святополка Окаянного (1015–1019).

В 1019 г. новгородский посадник Константин неизвестно чем сильно прогневал Ярослава. Сына Добрыни заточили в Ростове Великом. Спустя три года Константин был убит в Муроме.

Между тем началась эпоха правления Ярослава Мудрого. Она оставила много видимых и невидимых памятников в русской истории и на русской земле, и повествованию об этом мы посвятим следующую главу.

Глава 6

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (1019–1054)

Расцвет Киевской Руси

Русь при Ярославе обрела черты, присущие большинству христианских государств Европы. Ярослав имел много детей, и заключил множество династических браков с правящими домами Франции, Норвегии, Венгрии. При нем развернулось начатое Владимиром каменное строительство монументальных соборов, и по сей день потрясающих воображение зрителей. При Ярославе был создан (вернее, усовершенствован) свод узаконений, получивший наименование Русской, или Ярославовой правды.

Ярослав продолжил активное строительство городов на лесостепном пограничье Руси. Как и прежде, на Руси процветали торговля и ремесла. В XI в. словене новгородские и кривичи, как и в IX–X вв., охотно шли на земли северо-восточной ростово-суздальской Руси, и прежде всего на черноземы суздальского ополья, в житницу залесских земель. Ширившиеся на север и восток территории волостей захватывали громадные лесные массивы Русской равнины. Крестьяне, выделяясь из «отчиных» и «дединых» хозяйств, взяв топор, коня и жену, уходили на новые земли, расчищали от леса надел и ставили двор. Между деревеньками, в гуще лесной чащобы, пробивали проселки. Русь покрывалась паутиной дорог, многие из которых становились оживленными торговыми путями. На перекрестках путей вырастали города. Бояре, получив от князя определенные государственные обязанности и права, вили собственную паутину из городских теремов и загородных крепостей-усадеб.

В первой половине XI в. на Руси появился еще один феодал — это монастыри и церкви. Были они по преимуществу городскими и получали десятину с доходов светской власти и, кроме того, имели собственные села и лесные промысловые и рыбные угодья.

При этом леса вятичей в XI в. оставались краем, относившимся к Руси настороженно, а нередко и враждебно.

В первой половине XI в. русское государство продолжило стирание патриархальных границ славянских союзов и родов. Эти границы стали перерождаться в границы волостей, а позднее и отдельных княжений. Новая граница противостояния между старым и новым пролегла по линии принятия или непринятия христианства.

При Ярославе Русь по-прежнему противостояла печенегам. Шатры тюркских кочевников в 895–1036 гг. появлялись всюду в степях, раскинувшихся между нижней Волгой и Днестром. В XI в. Русь продолжала удерживать города Белая Вежа на нижнем Дону и Тмутаракань на Тамани. Эти приобретения Святослава Игоревича имели для Руси огромное военное и торговое значение.

В 1020 г. у Ярослава родился сын Владимир, впоследствии ходивший в военный поход на Византию и строивший новгородскую Софию.

В 1021 г. сидевший в Полоцке внук Владимира и племянник Ярослава князь Брячислав Изяславович совершил военный поход на Новгород. Город Брячислав занял, ибо появился под его стенами совершенно неожиданно. Полочане взяли в плен множество новгородцев и, забрав имущество горожан, стали отходить к Полоцку.

Вероятно, Брячиславом руководило не столько желание поживиться за счет богатого соседа, сколько стремление подорвать торгово-экономическое значение Новгорода. Напомним, что Полоцк имел собственный выход на Балтику водами Западной Двины. И Новгород с речным путем по Волхову мог рассматриваться Брячиславом как конкурент в торговле со странами Северной и Западной Европы. Кстати, первое столкновение Брячислава с Ярославом произошло в 1020 г.

Известие о нападении полочан на Новгород очень скоро достигло Ярослава. Князь

собирался в поход считанные часы. Брячислав с «полоном и именем новгородским» подошел к «Судмири реки», когда его настигла киевская дружина Ярослава. Схватка была недолгой. Брячислав бежал в Полоцк, а новгородцы возвратились в свой город.

Действия Брячислава показывают, что в 1021 г. Русь имела как минимум одно самостоятельное княжение, политика которого противоречила интересам всего государства.

В 1022 г. Ярослав выступил к городу Берестью. В то время Польша была сильна. Болеслав I пребывал в добром здравии, и Червонная Русь лишь показала Ярославу свою полную садов и пышных нив равнину. Далее Западного Буга русская дружина не пошла.

В 1022 г. в Тмутаракани, на берегу Керченского пролива, под стенами греческой Фанагории и хазарского Самкерца, ездил с дружиной младший брат Ярослава — князь Мстислав. В 1022 г. князь с полком выступил на касогов, живших на северо-западных склонах Большого Кавказского хребта.

Когда полки сблизались, князь касогов Редедя предложил Мстиславу не губить людей, а самим померяться силой. Мстислав одолел в поединке и возложил на касогов дань.

В 1023 г. Мстислав пожелал получить свою долю на Руси, в «отчине», и, присовокупив к дружине хазар и касогов, пошел на Ярослава.

Под стенами Киева Мстислав появился в 1024 г. Горожане не впустили тмутараканского князя и стола ему не дали. Тогда Мстислав сел княжить в Чернигове. Ярослав в ту пору был в Новгороде, где и прежде оказывался всякий раз, когда на Руси занималось зарево смут и усобиц. С верховых, северных, земель мудрому князю Русь была виднее, да и готовые за гривны и куны послужить Ярославу варяги были близко. А у словен новгородских ни с одним из сыновей Владимира, кроме Ярослава, связей не было, и опасности для князя они не представляли.

Тем временем в ростово-суздальских землях выдался неурожайный год и начался голод. Скоро возник мятеж, а в Суздали выступили затаившиеся до поры волхвы. Это была реакция на стремительную феодализацию и христианизацию Руси. Север государства и его отдельные провинции, такие как Суздаль и Белоозеро с волостями, отличались особой приверженностью к древнему укладу жизни, и неурожай был отнесен на счет гнева богов на народ, отступивший от веры отцов и дедов. То была прямая угроза всему строю княжеской и боярской власти и поддерживающей его христианской иерархии. Ярослав отреагировал тотчас же. Он выступил к Суздали с дружиной и «изыма волхвы». Хлеб привезли по Волге из Булгара. Тем и остались живы.

По возвращении в Новгород Ярослав озаботился южнорусскими делами и по обыкновению послал за море к варягам.

Дружину варягов привел Якун. Он был слеп. Ладьи северных германцев недолго простояли

на Волхове. Скоро над судами подняли полосатые паруса, и, помолившись, воины двинулись на юг, в Русь, добывать князю славы, а себе чести.

Мстислав, сидя в Чернигове, зорко следил за днепровским путем и вовремя выступил к северу, к городу Листвен. С ночи Мстислав «урядил и исполчил» дружину. В центре князь поставил славян-северян «въ чело противу Варягомъ», сам же с собственной тмутараканьской дружиной стал по «крилома».

Ночь осветилась молнией и огласилась раскатами грома. Вслед за тем пролился дождь.

На рассвете полки сошлись, и началась кровопролитная битва. Видя, что битва проиграна, Ярослав с Якуном бежали. Ладья Ярослава пристала под стенами Новгорода, а ладья Якуна поплыла далее, вниз по Волхову, за море.

На следующий день утром Мстислав стал обходить поле сражения и, видя иссеченных северян и варягов, сказал: «Кто сему не рад, вот лежат северяне а вот варяги, а своя дружина цела».

Стойкость северян в сражении с Ярославом может объясниться тем, что союз северян имел счет к Киеву еще с VIII–IX вв. Северяне не желали мириться с подчиненным Киеву положением, и именно эта давняя неприязнь могла в дальнейшем, в XII–XIII вв., предопределить антагонизм, существовавший между Киевом и Черниговом.

Мстислав послал сказать Ярославу, чтобы он сидел в Киеве как старший брат, а Мстислав будет княжить по иную сторону Днепра. Ярослав не верил словам Мстислава, и в Киеве сидели его (Ярослава) посадники. Сам Ярослав в столицу ехать не решался.

В тот же год у Ярослава родился сын, и был он назван Изяслав.

Решился приехать в Киев Ярослав лишь «съвокупи воя многъ». Шел 1026 год. Братья съехались у Городца и разделили Русь по Днепру. Ярослав «прия су страну», а Мстислав «ону... и быс тишина велика в земли». В 1027 г. у Ярослава родился третий сын — Святослав. В 1030 г. Ярослав овладел городом Белз на западных рубежах Галиции, но червенские города по-прежнему удерживались Польшей.

В тот год Ярослав ходил походом на чудь, в леса, отстоящие к западу от Чудского и Псковского озер. На высоком холме Ярослав основал город и назвал его Юрьев (Тарту). Город был призван утвердить власть Руси в чудских землях.

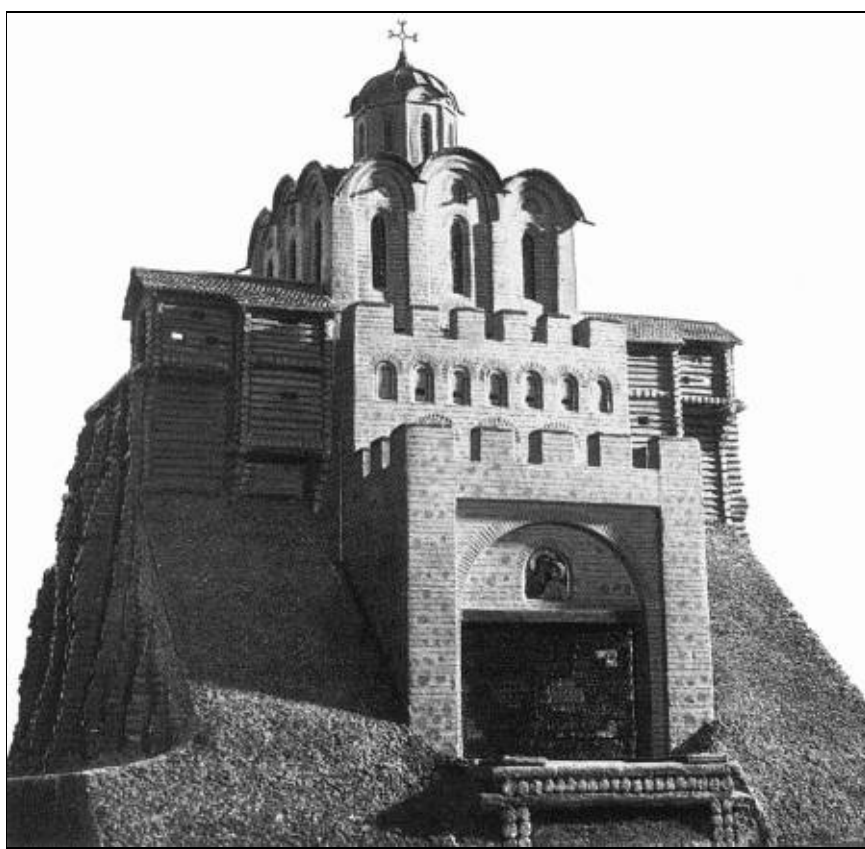
Скоро Ярослав узнал о кончине Болеслава I. Польша погрузилась во мглу мятежа. Это была реакция простого населения на феодализацию и христианизацию страны. Народ стал нещадно избивать «епископы, и попы и бояры своя и быс мятежь въ них».

Масштаб волнений, охвативших Польшу, не на шутку встревожил Ярослава. Не теряя времени, Ярослав объединил силы с братом Мстиславом, и русские полки выступили в поход на умиротворение Польши. Тут Русь вернула под свою власть червенские города. Из Польши Ярослав привел немалый полон. Часть пленных поляков Ярослав поселил на берегах реки Рось «суть и до сего дни».

В 1032 г. Ярослав принялся за усиление рубежа обороны, шедшего по левому берегу Роси. Летописец под 1032 г. сообщает: «Ярослав поча ставит города по Реи».

В 1033 г. умер сын Мстислава Евстафий, и князь остался без наследника. Спустя два года Мстислав выехал на охоту, разболелся и вскоре умер († 1034 или 1036).

Хоронили Мстислава в Спасо-Преображенском соборе Чернигова, самым князем выстроенном в 1024–1036 гг. Черниговский Спасский собор пережил более старую Десятинную церковь Богородицы, построенную в Киеве при Владимире, и в настоящее время является древнейшим каменным зданием на Руси.

Строили Спасский собор при участии зодчих из Византии. Уделим некоторое внимание архитектуре древнейшего из сохранившихся русских соборов.

Размер, пролета главного купола соотносится с размерами отдельных конструкций собора. Это значит, что строители руководствовались четкими соотношениями в сочетании различных частей здания. Из этого проистекает и то, что, следуя данному принципу соразмерности при достраивании того или иного собора (собор собирали), к существующей конструкции добавляли отдельные модули, что не нарушало пропорций и всегда допускало дальнейшее строительство. При этом допускалась кратность не только в соотношении дальнейших элементов плана, но и в высотных измерениях здания. Тем самым русский собор являл собой цельную поэму, запечатленную в камне и всегда открытую для развития.

Стена Спасского собора сложена в соответствии с византийской техникой кирпичной кладки с утопленным рядом. Ряды, положенные из красного длинного кирпича-плинфы, перемежаются полосами светло-розового раствора, скрывающими утопленные ряды. Кроме того, стена собора украшена композициями из орнаментальной кладки.

Спустя несколько лет в Киеве расцвел каменный цветок, затмивший черниговский собор. Однако все конструктивные особенности, которые были заложены при строительстве Спасо-Преображенского собора, при возведении киевской Софии были повторены и развиты.

В XI в. на Руси продолжалось бурное развитие торговли. Одним из показателей интенсивности и направления торговых связей Руси являются монеты, имеющие начертания названия стран и времени чеканки. Обратимся к свидетельству металлической летописи.

Первое, что бросается в глаза при прочтении металлической повести, — это то, что в VIII в. восток Европы ориентировался на торговлю с Персией, Средней Азией, Византией. На монетах, разбросанных на берегах рек Восточной Европы, начертаны названия городов Самарканд, Андераба, Балх. Вращалось большое число греческих монет X–XI вв.

В XI в. на востоке Европы исчезли куфические монеты. Меньше стало греческих монет. Падение Хазарского каганата и засилье тюркских кочевников в степях юга Восточной Европы в известной степени переориентировали торговлю Руси с востока и юга на запад. Во многом этим объясняются частые походы Владимира и Ярослава на берега Западного Буга.

В конце X в., и главным образом в XI в., на Русь хлынул поток монет германской и иной европейской чеканки. На монетах замелькали названия городов: Аугсбург, Регенсбург, Страсбург, Утрехт, Гронинген, Эрфурт, Вормс, Кельн, Базель, Докком.

Лады русских купцов в XI в. стали причаливать к берегам Англии, и на Руси появились монеты королей Этельреда II, Кнута Могучего, Эдуарда Исповедника.

Если главным морским путем на запад Европы служили воды Балтики, то сухопутные дороги с Руси в Европу шли через Краков, Моравские ворота и Чехию. И на Русь стали поступать монеты чешских королей Болеслава I (935–969), Брячислава (1034–1055), Братислава II (1056–1092).

Но вернемся к основной канве повествования. Со смертью Мстислава Ярослав принял правление над всей Русью, и ресурсы центральной государственной власти удвоились. Мстислав имел с Ярославом одну мать — Рогнеду — и был достойным соперником мудрому брату. Но судьба распорядилась так, что о Мстиславе Владимировиче напоминает Спасский собор Чернигова да записи летописца. Ярославу и его многочисленному потомству предназначена иная судьба.

В 1034 г. Ярослав посетил Новгород и посадил в нем старшего сына Владимира. Епископом в Новгороде поставил «Жидятоу». В тот год у Ярослава родился сын Вячеслав.

В Новгороде Ярославу сообщили, что печенеги «объемь стоять Киев». Скоро Ярослав сам со стен Киева созерцал печенежские шатры, пасущихся коней, костры.

Ярослав вывел полки за городскую стену и поставил «варагы посреде», на правом крыле стали «кыяны», на левом — новгородцы. Битва произошла в том месте, где через несколько лет «стая Софья митрополя Роуская». Дрались жестоко, и к вечеру Ярослав едва одолел. Печенеги побежали.

В тот год Ярослав «всадил в поруб» брата своего Судислава, в «Плескове оклеветаны к нему». Ярослав был мудр, но подчас и жесток. Такова власть: ее либо крепко держат, либо лишаются, нередко вместе с головой. Возможно, Ярослав опасался не только людей, но и обстоятельств. Люди — лишь орудия обстоятельств, и люди могут быть добрыми или злыми в зависимости от них.

Киев Ярослава

При Ярославе столица Руси обрела эпические черты, которые тесно связаны с древнерусским Киевом — громадным городом с множеством каменных златоглавых храмов, шумными торгами, богатыми монастырями, княжескими теремами, боярскими дворами, неоглядным торгово-ремесленным посадом и множеством ладей на днепровской глади. В облике Киева сказалась концентрация власти, а следовательно, и средств в одних руках, в руках Ярослава.

Князь пристроил к старому Киеву X в. свой Ярославов город. Под 1037 г. летописец сообщает:

«Заложы Ярославъ городъ великыи Киевъ оу негоже града врата суть златая заложы же и цркъвь стья Софья, премудрость Бюю митрополию, и по семь церкъвь на златыхъ вратехъ камену стья Буа Благовещение... по семь стго Георгия монастырь и стья Орины и при семь нача вера крестьяньская плодится и раширятис и чернорисци поча множатися и монастырево почуху быти...»

Киев Ярослава примкнул к Старокиевской горе с юго-запада. Его охватил земляной вал высотой 14–16 м. В основу оборонительной конструкции было заложено несколько параллельных рядов рубленых стен, составленных из плотно пригнанных клетей-городен. По верху стены шли заборолы, имевшие ходы и бойницы для стрельбы по осаждавшим.

Город Ярослава, имевший очертания ромба, располагал четырьмя каменными проездными башнями. Золотые ворота с церковью Благовещения на вершине были обращены на юго-запад. Город прорезали две главные улицы, пересекавшиеся в центре ромба. Тут был выстроен собор св. Софии — митрополия Руси и главная доминанта столицы.

В основу киевской Софии заложили ту же конструкцию, что в Чернигове. Пролеты большого купола имеют те же 25 греческих футов. Высота центральной главы составляет 30 м в Чернигове, 29 м в Киеве. Киевский храм имеет пять нефов и с трех сторон охвачен двумя рядами галерей. Интерьер Софии украсили фресковая роспись и мозаика.

Киевская София, несмотря на конструктивную византийскую основу, является русским собором и содержит немало черт, отсутствующих в греческих храмах.

Впоследствии на Руси было выстроено множество каменных храмов, но создать шедевр, подобный киевской Софии, не удалось.

В XI–XII вв. площадь Киева с предместьями достигла 360–380 га. Киев стал одним из крупнейших и красивейших городов Европы. Город застраивали бревенчатыми срубами, стоявшими посреди усадеб, защищенных деревянной оградой. Срубы чаще всего были двухмерными. К ним примыкало высокое крыльцо, построенное на столбах. Усадьбы застраивали рублеными срубами.

Красой Киева были монастыри. Вблизи св. Софии при Ярославе были возведены монастыри св. Ирины и св. Георгия. Рядом вознеслись каменные княжеские хоромы.

В строившихся на средства государства церквях и монастырях закипела работа. Летописец повествует: «...и собра (Ярослав) писце многы и прекладаша от Грекъ на Словенскыи языкъ и писмя и списаша многы книги».

В 1038 г. Ярослав совершил поход на ятвягов. В соседней с землями ятвягов Польше после смерти Мешко II (1025–1034) царило безвластие. И Ярослав, не теряя времени даром, утверждал власть Руси на западных рубежах державы.

В 1040 г. Ярослав ходил в поход на Литву, в ту пору остававшуюся языческой, что как бы развязывало в отношении нее руки у христианских соседей. А в 1041 г. Ярослав отправился в поход на Мазовию в ладьях.

Когда Казимир I Восстановитель въехал с отрядом в пятьсот рыцарей в Польшу, походы Руси на запад прекратились. В 1043 г. Казимир I женился на сестре Ярослава Марии Доброгнеге. Кроме того, Казимир вернул Ярославу то, что ранее вывез с Руси Болеслав I.

В 1042 г. сын Ярослава Владимир из Новгорода выступил на финский народ ям. В походе лошадей поразил мор. Не вернулся в Новгород и конь Владимира. Видно, пришлось русскому воинству возвращаться на родину пешком.

В 1043 г. состоялся последний военный поход Руси на Византию. Видимо, не все было ладно в отношениях православных соседей. Летописец очень хорошо рассказал о походе, и мы обратимся к его свидетельству.

«После Ярославъ Володимира сна своего на Греки... а воеводство поручи Вышате оую Яневу и поиде Володимиръ на Цсрь град в лодьяхъ и придоша в Дунай, и от Дуная поидоша к Царюград. и быс буря велика, и разби корабле Руси и княжь корабль разби ветрь. и взяша князя в корабли Иванъ Творимирича воеводы Ярославля».

Шесть тысяч воинов выбросило на берег. С ладьи уцелевшей на берег сошел Вышата. Император ромеев Мономах (дед Владимира II Мономаха) принял надлежащие меры, и скоро Вышата с выброшенными воинами оказался в Византии.

Многих русских греки ослепили, а Вышату через три года мирной жизни с Русью отпустили на родину.

Итак, последний морской поход Руси на Византию был неудачен. Тюрки с каждым годом плотнее облевали низовья Днепра и Волги, и Русь верно обращала лицо к Европе. Брачный союз сестры Ярослава с Казимиром Польским служил гарантией прохождения купеческих транспортов с воском, скорой, лошадьми, челядью с Руси через Краков, Моравские ворота и Чехию на верхний Дунай.

В пору, когда союзная Руси Польша отворяла ворота русским товарам в Европу, быстро росла новая столица Волыни — город Владимир Волынский. В 1044 г. в храме Богородицы Владимира Волынского упокоили останки князей Ярополка и Олега Святославовичей. Раскопав прах, язычников крестили. Мы помним, как франки ранее возили останки своих святых в языческую Саксонию. Ярослав же повез на Волынь прах двоюродных дедов.

В 1045 г. Владимир Ярославович заложил храм св. Софии в Новгороде. Строительство

велось до 1050 г. — года смерти Владимира Ярославича.

Софию заложили там, где ранее проходила восточная стена новгородского детинца. Укрепления отодвинули на восток, ближе к берегу Волхова.

В 989 г. первым епископом Иоакимом в Новгороде была отстроена дубовая церковь св. Софии «о тринадцати верхах».

Не исключено, что в строительстве новгородской Софии приняли участие мастера, строившие собор в Киеве. В Новгороде диаметр центральной главы составил 20 греческих футов. Новгородская София имеет пять нефов и пять глав. Высота до вершины главного купола 30,68 м. В новгородской Софии своеобразие русской архитектуры обозначилось более определенно, нежели в Софии киевской. В Новгороде стены собора выложили из местного грубо обработанного камня. Стены новгородской Софии, как и киевской, в X в. не были оштукатурены. Кирпич в Новгороде использовали главным образом для выкладки арок. Влияние византийского стиля на севере Руси скрадывалось местным архитектурным своеобразием. Храм на Руси стал частью целостного образа (включая и ландшафт), жившего в представлениях зодчих. В строительстве зданий древнерусские зодчие выражали образ русской духовности.

В XI в. сформировался тип русской церкви трехнефный, шестистолпный, одноглавый. На восток были обращены три апсиды. На западе устраивали притвор и хоры. Прясла стен завершались закомарами. В XII в. на смену шестистолпным храмам стали приходиться четырехстолпные.

В XII в. Русь начала дробиться. Зданий, подобных Софиям в Киеве, Новгороде и Полоцке, за редким исключением, уже не строили. То были символы духовной и материальной мощи единой Руси. Столицы княжеств украшались менее монументальными храмами. Но в XII в.

число каменных церквей на Руси умножилось. Смоленск, Владимир-на-Клязьме, Старая Рязань и десятки иных городов отстроили множество каменных соборов. Они служили для утверждения местной духовной и светской власти. Храмы Новгорода, Пскова и Старой Ладogi, активно строившиеся в XII в., отличались особой прелестью. В их облике присутствовала некая непропорциональность, одновременно проникнутая удивительной цельностью и строгой, аскетической одухотворенностью. Образ этих храмов дышит духом Северной Руси.

Новгородская София располагала верхними полатами. Они служили для князей, бояр и для приема иностранных гостей, присутствовавших на богослужениях. Полати заливал свет. На них вела лестница специально построенной башни. Нижняя часть собора была более темной и казалась придавленной сводами хором.

В 1108 г. новгородскую Софию начали расписывать. В 1144 г. расписали притворы собора. На стене южного притвора в 1144 г. написали изображение императора Константина и женщины, над головой которой из-под штукатурки в XIX в. расчистили надпись ОЛЕНА.

Вокруг новгородского детинца, служившего резиденцией местного владыки, в XI в. шумел большой город. Его улицы спускались к берегам Волхова. На правом берегу Волхова, напротив стен детинца, располагался торг. Отдельные слободы Новгорода имели свои названия. На левом берегу Волхова детинец окружали Людин и Гончарский концы, Загородский конец. На правом берегу Волхова, вокруг торгового, раскинулись Словенский конец и Плотницкий конец.

Улицы Новгорода в X–XIII вв. мостили деревом. На плахи укладывали поперечные бревна. По прошествии нескольких десятков лет на старую мостовую настилали новый слой бревен и досок.

Новгород отовсюду был окружен рвом, вода в который поступала из Волхова. От торгового к детинцу над Волховом был перекинут Великий мост, свидетель многих бурных событий из новгородской истории. Мост упоминают летописцы с 1134 г. Особенностью Новгорода было большое число богатых усадеб, составлявших застройку города. Их хозяевами были тысяцкие, сотские, бояре и купцы, державшие под крепкой властью необозримые просторы севера русского государства. В X в. усадьбы новгородцев не имели оград, зато помимо служб располагали огородами. В XI в. население города начало стремительно расти, и огороды быстро застроили. Изменилась не только структура усадеб, но и их соотношение. Дворы ремесленников, объединявшихся в цеха по видам деятельности, и усадьбы простого народа были невелики (15 × 30 м). Узкой стороной усадьбы выходили к улице. Застройка их состояла из рубленого дома и двух-трех служб.

Иными были усадьбы бояр. Дома бояр достигали площади 130–140 кв. м. Внешняя деревянная граница доходила до 1, 5 тыс. кв. м. Вокруг боярского дома стояло множество хозяйственных служб и изб для челяди.

Новгородское боярство имело натуру широкую и дело ставило основательно. Недаром русские князья, имевшие повсюду в государстве едва ли не абсолютную власть, в Новгороде лишь служили горожанам, и если служба была не мила или менялся политический климат на Руси, изгонялись с позором и треском. Так могли поступать с князьями, окружавшими себя сотнями «изодетых кольчугами отроков», только сильные и своенравные новгородцы. Это были люди, слепленные из особого теста, замешанного на свободе и холодном материальном расчете.

Резиденцию князя в Новгороде имели около городского торгового, а не в детинце, как в иных городах Руси. В XII в. князья вовсе переселились из Новгорода на Рюриково городище. Оно расположено недалеко от Новгорода, при истоке Волхова из озера Ильмень. Тогда же у опустевшего Николо-Дворищенского княжеского собора новгородцы создали вечерую площадь.

Рассказывая о древнерусской христианской архитектуре, было бы неправильно не упомянуть о знаменном распеве — одной из ярчайших составляющих целостной русской

культуры X–XVII вв. В основу древнерусского музыкального канона была положена система осьмогласия. На восьми (осьми) гласах покоился весь строй церковного песнопения. Каждый из восьми голосов имел присущие ему тексты и собственные напевы с характерными мелодическими формулами.

Кроме того, в церковном песнопении была принята ладовая организация. Она представляла собой чередование тонов и полутонов, образующих двенадцатиступенчатый звукоряд, называемый церковным звукорядом. А обиходный звукоряд распадается на четыре согласия — простое, мрачное, светлое и тресветлое, по три звука в каждом.

Существовали определенные образцы или стереотипы церковных песнопений, они назывались подобны. Разные жанры церковных песнопений имели свои подобны. Сборники образцов подобнов составлялись на Руси уже в XI–XII вв.

Древнерусское церковное пение было хоровым, и под крышами соборов оно преображалось и приобретало неземное звучание. Православное пение не имело музыкального сопровождения, как не имела его и древняя католическая монодия — григорианский хорал. Единственным музыкальным инструментом, к тому же единственно способным воспроизвести слово, был человеческий голос. Полагали, что человек был самым совершенным инструментом, созданным богом как самодостаточная сущность.

Сохранилось около восьми десятков древних музыкальных крюковых рукописей XI–XIII вв. (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. — М., 1984.) Полагают, что в XI–XIII вв. на Руси обращалось около 140 тысяч книг, приходившихся на семимиллионное население. (Сапунов Б. В. Книга в России XI–XIII. — Л., 1976.) Из этих книг значительное число было музыкально-певческих. Это была целая книжная академия, рассредоточенная по городам и весям Руси. И слова летописца о заботе, проявленной Ярославом к книгам, отнюдь не пустой звук. Однако книга в древности была дорогой. До XIV в. главным материалом для создания книг служила свиная или телячья кожа, именовавшаяся харатью — от греческого слова хартия. В XIV в. научились производить бумагу. На коже и бумаге писали чернилами. Чернила издревле изготовляли из желудей дуба.

В основе и во главе древнерусских певческих жанров стоит распевное чтение — простое, находящееся на грани пения и чтения. Это был жанр народных былин и песен. Эволюция древнерусского церковного песнопения являла собой постепенное слияние народной русской музыки и греческих песнопений. При этом греческое музыкальное начало постепенно вытеснялось и кристаллизовались древнерусские по сути распевы: большой знаменный, столповый, малый, демественный. Можно сказать, что стихия народной музыки Руси слилась с музыкой церковной и в значительной степени ее поглотила. И стали читаться священные тексты в стенах русских храмов, как читались за их стенами былины.

Изысканное византийское церковное пение на Руси существовало по преимуществу в крупных городах. Это был сольный кондакарный певческий стиль. Ему в XI–XIV вв. противостоял знаменный хоровой речитативный распев. Кондакарное пение было весьма сложно и предполагало наличие профессионально подготовленных певцов. Во многом из-за этого к началу XIV в. оно на Руси исчезло. И основным распевом стал столповый знаменный.

Главные певческие книги Древней Руси — Октоих, Ирмологий, Праздники, Минеи, Тиодь — распеты столповым знаменным распевом.

Запись музыки производилась особыми знаками, выражавшими знаменную нотацию. Позже такие записи стали именоваться крюковыми. Знаменная нотация служила для записи церковных песнопений знаменного распева. Кондакарная нотация использовалась для пения кондаков, киноников и прокимнов. Экфонетическая нотация служила для чтения нераспевных книг: Евангелия, Апостола, Пророчеств.

Знаки знаменной нотации XI–XIII вв. (Полиграфическая таблица знаменных нотаций XI–XVIII вв. из книги Т. Ф. Владышевской «Музыка Древней Руси». — М., 1993 г.):

1. Параклит
2. Крюк
3. Столица
4. Запятая
5. Палка
6. Статья простая
7. Статья мрачная
8. Статья светлая
9. Крыж
10. Стрела простая
11. Стрела громная
12. Два в челну
13. Переводка
14. Голубчик борзый
15. Чашка
16. Змиица
17. Паук
18. Челюстка

Помимо церковного песнопения Русь X–XIII вв. наполнялась музыкой мирской, перемежавшейся звуками множества разнообразных струнных и духовых инструментов. Пиры, происходившие на сених княжеских и боярских теремов, являли собой театральные действия с играми, плясками, пением и шутовством. Среди прочих инструментов использовались небольшие органы. Стихия народной музыки захватывала торжища и посады и, перехлестнув городские валы, разливалась по матушке Руси то былинным сказанием, то жалостным плачем, то могучим хорovým многоголосием, то звонкой песней, подобной пению соловья.

В 1047 г. Ярослав, верный союзу с Казимиром, выступил в Мазовию против князя Моислава. В результате Моислав погиб, а Мазовия была присоединена к Польше. Киев был заинтересован в сохранении единой Польши.

В 1150 г. в феврале скончалась суруга Ярослава. Было ей от роду 30 лет.

В 1151 г. Ярослав поставил митрополитом Руси Илариона. Решение князя было оглашено и подтверждено собранием епископов в Софии киевской. Иларион был первым русским митрополитом в Киеве.

Прежде Иларион жил в пригороде столицы, в Берестове, и служил пресвитером. Много времени Иларион проводил на берегу Днепра, в том месте, где ныне стоит Печерская лавра. Тут Иларион молился и тут же, в склоне горы, вырыл пещеру, укрывавшую от непогоды и служившую местом уединения.

Илариону принадлежит «Слово о Законе и Благодати». В нем Иларион объясняет, что Ветхий Завет, именуемый митрополитом Законом, — это законы, данные иудеям. Новый Завет Иларион именует Благодатью и объясняет, что это благодать для всех народов.

Той порой в Любече жил человек, при пострижении обретший имя Антоний. Этот любечанин совершил поездку в Грецию, на святую гору (Афонскую), и там умолил игумена постричь его. По возвращении на Русь Антоний принялся ходить по монастырям. Были они в ту пору либо городскими, либо подгородными, располагавшимися неподалеку от укреплений. Антоний искал инога. Он начал ходить по лесным дебрям, в местах безлюдных, лишенных людского шума. И господь привел Антония на гору, где ранее Иларион вырыл пещеру. Место

Антонию понравилось, он тут поселился, и скоро вокруг него стала собираться братия.

В 1052 г. скончался старший сын Ярослава Владимир, оставивший в Новгороде чудную память — храм Софии. В стенах новгородской Софии Владимира Ярославовича погребли.

В 1053 г. у сына Ярослава Всеволода от дочери византийского императора Мономаха родился сын, нареченный Владимиром и прозванный впоследствии Мономахом. Рождение мальчика было большим праздником для Руси, ибо Мономах был последним могучим правителем единой Киевской Руси.

20 февраля 1054 г. скончался великий киевский князь Ярослав Владимирович. Зимой Ярослав приехал в Вышгород. В ту пору Изяслав Ярославович княжил в Турове, Святослав сидел во Владимире Волынском, а при Ярославе находился более других им любимый Всеволод.

В Вышгороде Ярослав занемог и умер. Всеволод положил тело отца в сани и повез в Киев. Ярослава упокоили в Софии, им построенной. От роду Ярославу было 76 лет.

Предчувствуя скорую кончину, полный забот о государстве, Ярослав загодя разделил Русь между сыновьями. Изяславу был дан Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск. При этом Ярослав завещал сыновьям «не преступати предела братня». Но это были лишь благие пожелания мудрого князя.

Десятью годами ранее, в 1044 г., скончался полоцкий князь Брячислав Изяславович. Отец его Изяслав Владимирович († 1001) был родным братом Ярослава, и по существу полоцкое княжение уже полвека было под самостоятельным управлением. Но то было лишь начало будущего раздробления русского государства.

Еще около столетия князья и бояре на Руси осознавали необходимость мощной центральной власти. Враги у Руси были сильные и стерегли миг для вторжения. Кроме того, экономические интересы государства требовали единой структуры производства и сбыта продукции, да и отдельные союзы славян, и прежде всего вятичи и хорваты, в XI в. были еще достаточно организованы и располагали собственной знатью. Бояре и княжеские сыновья, приезжавшие из Киева на окраины государства, не всегда чувствовали себя удобно среди дремучих лесов и хмурых лиц славян, ходивших в длинных полотняных рубахах и в остроносых кожаных сапогах. В XI в. многочисленные бояре, сотские, тысяцкие, вирники, гридни, отроки и христианские священники нуждались в сильном киевском князе как в гаранте утверждения их собственных прав и владений. В XI в. привелигированные сословия лишь усаживались среди народа, и власть их была зыбка.

Во второй четверти XII в. знать настолько прочно пустила корни на местах, что Киев стал восприниматься в провинциях не как покров, а как путы, и Русь начала распадаться на уделы, каждый из которых имел собственных князя, епископа и боярство. В XII в. от былой признательности к киевскому князю за земли и города, данные в кормление, не осталось и следа.

Глава 7

ПРАВЛЕНИЕ ТРЕХ ЯРОСЛАВОВИЧЕЙ

Изяслав I Ярославович (1057–1078)

Вслед за эпохой Ярослава на Руси наступила эпоха Ярославовичей. Всеволод Ярославович оказался на переднем крае противостояния со степью. Зимой 1055 г. Всеволод водил дружину на торков, тюркский народ, тревоживший рубежи Руси набегами.

В 1055 г. на границе с Русью впервые показались половцы. Это были новые тюркские кочевники, сменившие в степях Северного Причерноморья печенегов. Половцы стали страшным бичом для Руси.

Всеволод сотворил мир с Блушем, предводителем кочевников. С тем стороны разошлись.

В 1057 г. в Смоленске скончался Вячеслав Ярославович и посадили Игоря Ярославовича, выведя его из Владимира Волынского.

В 1058 г. Изяслав I выступил в поход на берега Оки и в лесной край ее левых притоков рек Угры и Протвы. Тут киевский князь столкнулся с восточнобалтским народом, именуемым летописцами голядь. Дворов княжеского боярства и гридьбы на верхней Оке в XI в. еще не ставили.

В 1059 г. кто-то вступился за брата Ярослава, «всаженного в поруб», Судислава. Возможно, здоровье несчастного и оклеветанного дяди Ярославовичей стало так слабо, что скорая кончина была очевидна. Изяслав, Святослав и Всеволод подвели Судислава к кресту и постригли в монахи.

В 1060 г. в Смоленске скончался Игорь Ярославович. Кажется странным, что два молодых Ярославовича столь быстро умерли в одном городе.

В 1060 г. Изяслав, Святослав, Всеволод и полоцкий князь Всеслав Брючиславович объединили силы, собрав «воинов без числа», и на лошадях и в ладьях двинулись на торков. Это стало катастрофой для тюркских кочевников. Близилась зима, и бежавшим торкам пришлось гибнуть не только от мечей Ярославовичей, но и от голода, мора и холода. Общерусский поход 1060 г. смирил торков, и более вреда Руси они не причиняли. Киев еще имел немалую силу, и польза в том для государства была очевидная.

А в 1061 г. впервые на Русь вторглись половцы. И была открыта новая страница в истории восточных славян, полная пожаров, избиений мирных жителей и иных кошмаров.

Путь половцам заступил Всеволод. 2 февраля дружина Переяславля столкнулась с половцами и проиграла сражение. Это первое зло от половцев на Руси. Князя кочевников звали Сокал.

В 1061 г. в Новгороде поставили архиепископом Стефана. То, что в Новгороде располагалась кафедра архиепископа, предполагало присутствие на севере Руси епископских кафедр. Вскоре они стали появляться.

В 1063 г. скончался несчастный чернец Судислав Владимирович. Погребли его в церкви св. Георгия, но неясно, киевский это храм или какой-либо иной.

В 1064 г. из Руси в Тмутаракань умчался отряд. Во главе отряда был князь Ростислав Владимирович, сын Владимира Ярославовича Новгородского. Князя сопровождали Порей и Вышата, сын Остромира, новгородского воеводы.

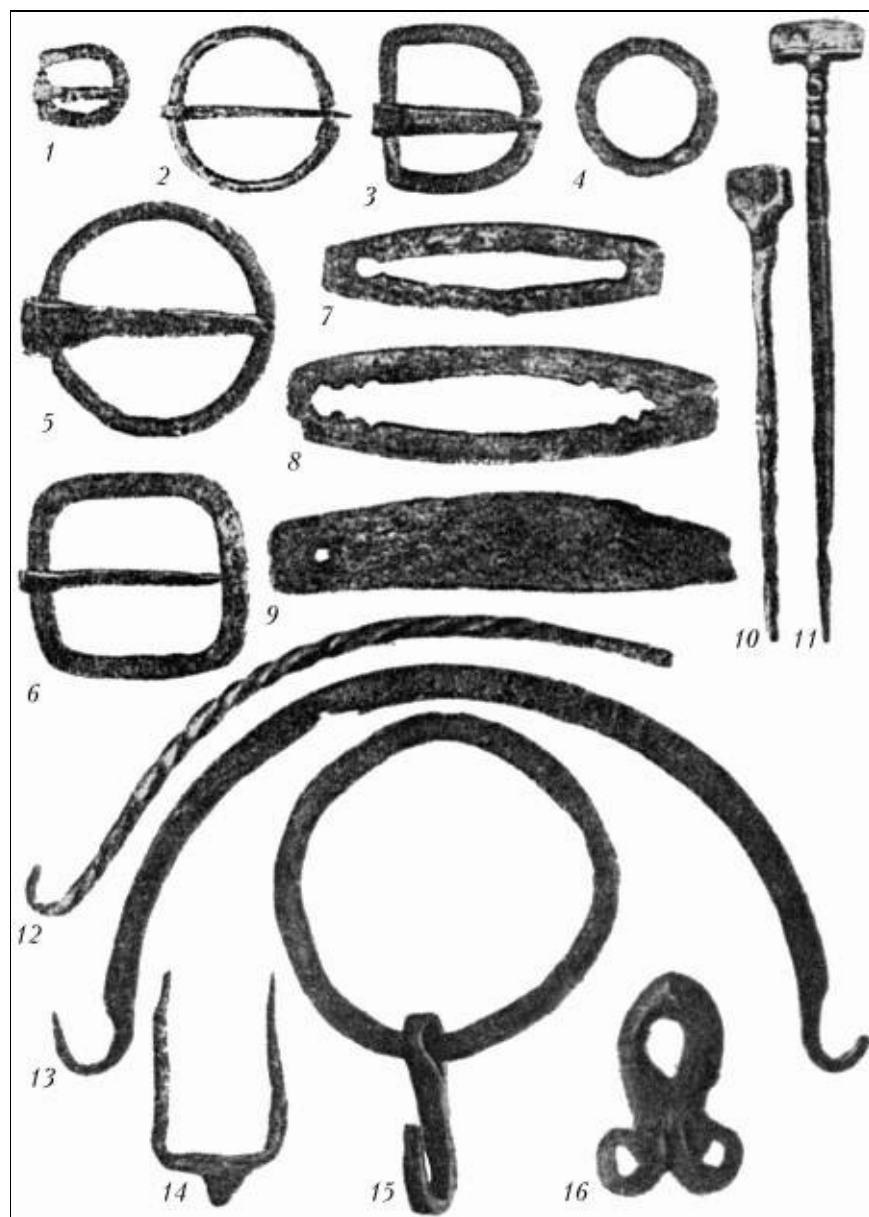
Трудно сказать, что подвигло Ростислава на рискованное предприятие, скоро закончившееся его гибелью. То ли Ростислав на Руси остался без земли и власти, то ли его прельстила романтика черноморских портовых городов. Мы помним, как в середине X в. прапрадед Ростислава могучий Святослав Игоревич стремился на Дунай и сложил в походе голову.

Из Тмутаракани Ростислав изгнал сидевшего в городе Глеба Святославовича и занял его

стол.

В 1065 г. из Чернигова к Тмутаракани выступил Святослав Ярославович. Ростислав, завидя стяги дяди, вышел из Тмутаракани. В городе снова водворился сын Святослава Глеб. Но стоило стихнуть гулу копыт и плеску весел дружины Святослава Ярославовича, как Ростислав, успевший обзавестись в Тмутаракани друзьями, выгнал из города Глеба, и тот отправился вслед за отцом.

Ростислав сел в Тмутаракани крепко и подобно Мстиславу Владимировичу, брату и сопернику Ярослава, брал дань с касогов, и не с них одних. Это не могло устроить греков. Сильный русский князь на берегу Черного моря их пугал. На пиру подосланный убийца отравил Ростислава, 3 февраля князь скончался. А грека, подсыпавшего в княжеский кубок яд, побили камнями в Корсуни.

В 1067 г. началось новое противостояние Киева и Полоцка. Князь Всеслав Брючиславович «заратисяс» подобно отцу и деду. И вновь жертвой полочан стал Новгород.

Как только весть о том достигла Киева, Изяслав, Святослав и Всеволод, собрав силы, зимой выступили к Старому Меньску, располагавшемуся к юго-западу от современного Минска. Город взяли штурмом, мужчин посекли, а жен и детей полонили.

После того Ярославовичи двинулись на север, к реке Немиге. Тут южнорусские полки ожидала рать Всеслава. В день битвы, 3 марта, снег был глубок. Это стесняло движения полков, и начавшаяся битва была жестокой. На Немиге пало множество воинов. В конце концов Всеслав

бежал.

Ярославовичи не удовольствовались победой на Немиге. В июне Изяслав и Всеслав целовали крест к Всеславу и просили прийти для переговоров к Орше на Днепр и заверяли «не створи зла». Всеслав переехал Днепр в ладье и вошел в шатер к Изяславу. И «яша Всеслава на Рши оу Смоленьска преступивше крестъ». Изяслав «всадил» Всеслава с двумя сыновьями «в поруб» в Киеве. Но на этом история с полоцким князем не закончилась.

В 1068 г. на Русь снова пришли половцы. Изяслав, Святослав и Всеволод с дружинами стали на реке Л то. И разыгралась трагедия. Летописец сообщает, что русские князья «поидоша противу собе, грехъ ради нашихъ». Это можно понять как несогласованность действий полков, то, что впоследствии сгубило русское войско в битве с монголами на реке Калка. И среди ночи «попусти Богъ на ны поганья». И побежали русские воины. Изяслав и Всеволод направили коней к Киеву. Святослав помчался к Чернигову.

Узнав черную весть, киевляне, а было их в ту пору не менее пятидесяти тысяч, собрали на торговище вече. Послали к князю просить коней и оружие — сражаться с половцами. Среди жителей столицы было немало людей, владевших усадьбами и дворами, стоявшими за валами города, и с присутствием половцев в русских землях никто мириться не желал. Когда Изяслав требуемого не дал, народ стал роптать на княжеского воеводу Косняча. Пришли на гору, ко двору воеводы, но Косняч заблаговременно исчез.

Тогда киевляне стали у двора покойного полоцкого князя Брячислава (отца Всеслава), имевшего собственную резиденцию в Киеве, и решили высадить из поруба Всеслава Полоцкого и его дружину. Часть народа устремилась к погребу, а часть, пройдя мост, отправилась на княжеский двор, в город Владимира.

Изяслав, сидя «на сенехъ» в окружении дружины, с тревогой наблюдал за запрудившим двор народом. Киевляне «начаша претися съ княземъ». Князь глядел в окно и ожидал совета от своего окружения и «ре Тукы, Чюдине брат, Изяславу — видиша княже людье възвыли, поели ать блюдутъ Всеслава».

Тем временем киевляне освободили Всеслава, и весть о том мгновенно облетела Киев. Время Изяславом было упущено. Дружина еще советовала Изяславу «се зло есть поели ко Всеславу, ать призвавше ко оконьцю и пронъзнути и мечемъ, и не послуша сего князь». А киевляне стекались к порубу, окружая Всеслава.

Изяслав и брат его Всеволод сели на коней и, хорошенько их пришпорив, помчались прочь из Киева.

Киевляне кинулись на опустевший княжеский двор и принялись грабить «бещисленное множество злато и сребра, и кунами и скарюю».

Изяслав, нигде подолгу не задерживаясь, скакал в Польшу, ко двору Болеслава II. Польша в ту пору была сильна и надежды Изяслава в дальнейшем оправдала.

Пока в сентябре в Киеве неистовствовали восставшие половцы, жгли на Руси все, к чему могли подобраться, и полонили не успевших укрыться в городах людей.

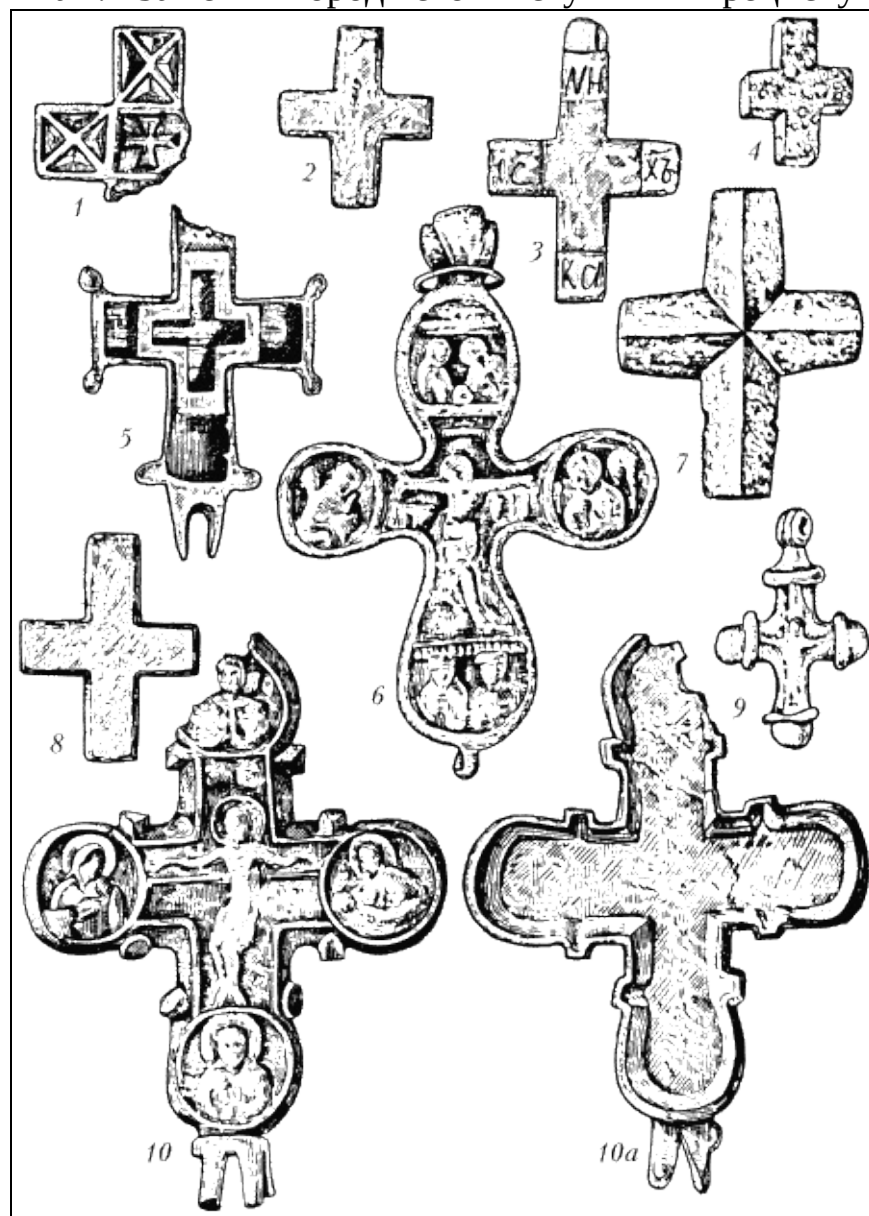
Наконец, Святослав вывел из Чернигова три тысячи воинов и подошел к городу Сновску. Тут русские увидели превосходивших их численно в несколько раз половцев. Святослав промолвил дружине: «потягнемъ». Началось сражение, и русские одолели. Часть половцев перебили, часть перетопили в реке Сновь. Это было 1 ноября 1068 г.

А Всеслав Полоцкий сел в Киеве, и продлилось его княжение в столице семь месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву из Польши шли войско Болеслава II и дружина Изяслава Ярославовича. Бояре и гридьба Изяслава не менее самого князя рвались расквитаться с киевлянами. На Руси у них остались дворы, земли, жены.

Всеслав с киевлянами стал в Белгороде, в западном пригороде столицы. Полоцкий князь с

тревогой выслушивал сообщения о приближении неприятеля и в ночь «оутайся Кьянь, бежа из Белагорода къ Полотьску». Поутру бегство Всеслава открыли, и киевляне вернулись в город. Собрали вече и послали к Святославу и Всеволоду с речью: «Мы же зло створили... князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю лядьскую, и пойдете в град оца своего». Далее киевляне пригрозили Ярославовичам: «Зажегши городъ свои и ступити в Грецискую землю».

Всеволод и Святослав задумались над речами горожан и послали к Изяславу сказать, что Всеслав бежал в Полоцк и ляхов вести в Киев не следует, ибо «противнаго ти не тутъ». Киевляне помнили приход Болеслава I, и Болеславу II никто на Руси рад не был. Прошло всего полвека, живы были старики, стерегшие ляхов по темным углам города кто с топором, кто с косой, а кто и с рогатиной.

Изяслав оставил ляхов вне города, сам же с Болеславом II приступил к Золотым воротам. В Киев послали сына Изяслава Мстислава.

Мстислав расправился с семьюдесятью киевлянами, высадившими Всеслава из поруба. Иных горожан ослепили, а «другыя без вины погубивъ не испытать».

2 мая 1069 г. Изяслав сел в Киеве на столе отца и деда. Ляхов распустили по городу на прокорм. И снова киевляне стали избивать их «отаи». Скоро Болеслав II покинул Русь и вернулся в Польшу.

Всеславу спокойно сидеть в Полоцке не дали. Всеслав бежал из своей столицы, а в Полоцке Изяслав Ярославович посадил сына Мстислава. Но не было жизни молодому князю на Западной

Двине. Скоро Мстислав умер. Вероятно, его отравили местные бояре, не желавшие пускать к себе южнорусского князя с его боярами и дружиной. Но и Изяслав не захотел отступить и в Полоцке посадил другого сына — Святополка.

В 1070 г. у Всеслава Полоцкого родился сын Ростислав.

А в Киеве велось широкое строительство. В монастыре на Выдобичи, стоявшем среди леса под киевскими горами, заложили каменную церковь Михаила.

При Изяславе пору бурного развития переживал Киево-Печерский монастырь. После кончины Ярослава Мудрого имя инока Антония из Любеча получило широкую известность на Руси. Сам Изяслав с дружиной считал необходимым приходить к отшельнику за благословением. Стала стекаться в пещеры под киевские горы братия отовсюду. Антоний начал постригать в монахи. Но Антоний избегал мирского шума и, когда братия умножилась, посчитал за лучшее подняться на гору и вырыть новую пещеру.

Над пещерами воздвигли небольшую церковь в честь пресвятой Богородицы. В братии народу прибывало и послали к Изяславу просить, «дабы ны вдаль гору... ту яже есть надъ пещерою». Изяслав без колебаний исполнил просьбу. Начали ставить монастырь и большую, видимо деревянную, церковь. Игуменом поставили Варлама.

Тем временем Изяслав принял за строительство княжеского монастыря св. Димитрия и вывел в него на игуменство Варлама. Печерская братия обратилась к Антонию, практически не покидавшему пещеры, за советом. Решили поставить игуменом Феодосия.

Антоний скончался, не выходя из пещеры, и было ему от роду сорок лет.

Когда печерская братия увеличилась до ста человек, стали искать правила монастырского жития. А на Русь пришел черноризец Михаил. Он был монахом греческого студийского монастыря. Михаил сопровождал митрополита Георгия. Так был обретен устав студийский.

А мирская жизнь шла своим чередом. В 1071 г. половцы вторглись на Русь и воевали «оу Растовца, и оу Неятина».

Тем же летом Всеслав выгнал из Полоцка Святополка Изяславовича. Видимо, во второй половине XI в. бояре крепко пустили корни по землям русского государства и смена князей была для бояр крайне нежелательна и грозила землевладельцам радикальным переделом власти и земли. И стали бояре держаться своей княжеской ветви, ибо она была единственным гарантом боярских кормлений и свобод. Князь, пришедший извне, должен был кормить своих бояр и дружинников. Этого все страшились.

Еще один сын Изяслава — Ярополк — одолел Всеслава в сражении «оу Голотичьска». Но военные победы киевских князей решали не все.

В 1071 г. Русь сотрясли народные выступления, во главе которых стояли волхвы. Киевское восстание 1068 г. можно поставить в один ряд с событиями 1071 г. Но старый строй жизни безвозвратно уходил, и сил у него для борьбы с князьями и духовенством было недостаточно.

В Киев, полный христианских соборов, пришел волхв, посол языческой Руси, и заявил, что Днепр пять лет будет течь вспять, «а землямъ переступати на ина места, яко стати Гречкой земли на Руской земли, а Руской на Гречком, и прочимъ землямъ изменитися».

Год 1071-й был неурожайным для ростово-суздальских земель. В Ярославле появились два волхва, объявившие, что им «свемы кто обилье держить, и пойдоста по Волзе». Народ испытывал крайнюю скудость в продуктах. Волхвы, приходя в приволжские погосты, объявляли народу «лучшия жены глаща яко си жито держать, а сии медь. а сии рыбы, а сии скору». Тех, на кого указывали волхвы, убивали, а именье их «имаша собе».

Так волхвы в сопровождении трехсот спутников с Волги по реке Шексне поднялись к Белому озеру.

И случилось оказаться на Белом озере Яну, сыну Вышатины. То был боярин князя

Святослава Ярославовича, посланный на северо-восток Руси для сбора дани. Яну сообщили о волхвах. Он стал выяснять, «чья еста смерда и оуведевь яко своего ему князя, пославь же къ нимь яко смерда еста моего князя».

Ян выступил навстречу волхвам с двадцатью отроками. В возникшей свалке убили попа, пришедшего с Яном. Волхвы же бежали в лес. И Ян прибег к испытанному средству. Он заявил белозерцам, что не уйдет из их города, пока волхвы не будут схвачены. Горожане привели волхвов, и скоро волхвы были убиты.

В тот год в Новгороде вспыхнуло восстание, во главе которого также стали волхвы. Князь Глеб, сын Святослава Ярославовича, с дружиной расположился на дворе епископа, то есть в детинце. Народ стал вокруг волхва. Глеб спрятал под плащом топор, подошел к волхву и спросил, все ли ему известно о будущем. Волхв ответил: «Все ведаю». Глеб вытащил топор и убил им волхва. После того народ разошелся.

Правда Ярославичей

Христианство в XI в. стало на русскую землю, но стопы его постоянно нуждались в опоре. И в 1072 г. Изяслав, Святослав и Всеволод организовали упокоение останков Бориса и Глеба во вновь отстроенной каменной церкви в Вышгороде. Это был один из множества шагов по утверждению христианства на Руси.

Однако собрались Ярославичи в Вышгороде не только для дел церковных, но и для узаконения правил мирских. Летописец сообщает: «Правда оуоставлена Роуськои земли, еда ся съвокупилъ Изяслав, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ, Кьянин, Чудинъ, Микула». Некоторых бояр из приведенного списка мы знаем из описания восстания киевлян 1068 г. Коснячко был воеводой Изяслава, и его двор стоял на горе в Киеве. Чудин также был близок Изяславу, это следует из фразы летописца: «...реТуки, Чюдине брат, Изяславу...»

«Правда Ярославичей» восходит к «Правде Ярослава». Оба памятника, написанные несколько отличным языком, а следовательно, создававшиеся в разное время и, возможно, в разных местах, слившись, породили «Краткую Правду».

«Правда Ярослава», или «Свод древнерусских законов первой половины XI в.» восходит к русским законам X в. Языческие корни «Правды Ярослава» видны в сочетании кровной мести с вирой.

По Академическому списку половины XV в. приведем отрывок из «Краткой русской правды».

«Правда роськая.»

1. Оубьетъ моужъ моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за голову; аще боудеть роусинъ, любо гридинъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгой боудеть, любо словенинъ, то 40 гривень положитиза нь...

3. А ще ли кто кого оударить ботогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривене; аще сего не постигнуть, то платити емоу, то тоу конецъ».

Молодое русское христианство, в недрах которого велось летописание, не могло сохранить для нас русских узаконений эпох Олега, Игоря и Святослава. Единственным свидетельством, касающимся законов Руси X в., являются сохраненные летописцами тексты договоров киевских князей с греками. Кстати, они содержат ссылку на «закон русский».

В договоре Игоря с греками, заключенном в 945 г., читаем:

«...аще ударить мечемъ или копьемъ, или кацемъ любо оружьемъ Русинъ Гръчина или Гръчин Русина, да того деля греха заплатитъ сребра литр 5, по закону рускому.

10. Аще ли челядинъ съкрыется любь оу варяга, любо оу кольбяга (выходец из г. Колобжег), а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривне за обиду».

Волна народных выступлений, захлестнувшая Русь в 1068–1071 гг., стала едва ли не главным побудителем к установлению Ярославичами «Краткой Правды». Князья и бояре ощутили жизненную необходимость в юридической защите порядка вещей и явлений, которые обеспечивали власть и все, что за этим стоит.

«Правда Ярослава» представлена в первых статьях «Краткой Правды», вплоть до слов: «Правда оуоставлена Роуськой земли».

В Новгородской первой летописи младшего извода (написана в первой половине XV в.) под 1016 г. помещено сообщение: «...и отпусти их всех домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамоте ходите; яко же списах вамъ, такоже держите. А се есть правда руская», то есть «Правда Ярослава».

Софийская I летопись под 1019 г. говорит о «Ярославовой грамоте». Под 1035 г. та же летопись говорит, что Ярослав посадил в Новгороде сына Владимира, епископа Жидяту и дал новгородцам грамоту.

Текст «Краткой Правды» («Правда Ярослава» + «Правда Ярославовичей» — Вышгород, 1072 г.) близок новгородским памятникам и включен в состав Новгородской I летописи.

В XII в. на Руси появилась «Пространная Правда», ставшая органичным развитием предыдущих сводов законов.

«Пространная Правда» составлена из двух частей:

1. Начало — «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская».

2. «Устав Володимерь Всеволодича».

«Краткая Правда» была использована при составлении данного документа вкупе с Уставом Владимира II Мономаха. В упомянутый Устав вошли постановления о взимании процентов и закупках — это были отголоски киевского восстания 1113 г., речь о котором впереди.

В 1068 г, когда Изяслав шел на Киев из Польши, князю пришлось столкнуться с недовольством населения западных областей Руси. А в Дорогобуже пролилась кровь. О том мы узнаем из статьи «Краткой Русской Правды».

21. *«А въ княжи тивоуне 80 гривенъ. А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуоставиль Изяславъ въ своем конюсе, его же оубиле Дорогободъци»*,

Интерес представляет соотношение денежных единиц, приведенных в сводах русских законов.

26. *«За кобылоу 60 резанъ, за воль гривноу, а за коровоу 40 резанъ, а третьякъ 15 коунъ, а залонъщиноу полъ гривне, а за теля 5 резанъ, за яря ногата, за боранъ ногата»*.

Итак, за кражу скота взыскивали резаны. Гривна кун XI в. прообразом имеет древнее индоевропейское шейное украшение, на которое было возможно поместить двадцать пять кунных шкурок.

Векша-веверица — это одна беличья шкурка.

Из «Пространной Правды» первой четверти XII в. видно такое соотношение денежных единиц или их эквивалентов:

Гривна кун = 20 ногат = 50 кун (кун сравнился с резаном) = 200 векшей, вевериц.

Ранее соотношение было таково:

Гривна кун = 20 ногат = 25 кун = 50 резан = 200 векшей.

Одной гривне серебра соответствовали 4 гривны кун.

Святослав Ярославович (1073–1076)

В 1073 г. между Ярославовичами возникла распря. Святослав сумел настроить Всеволода против Изяслава, и тому пришлось покинуть Киев и знакомой дорогой уехать в Польшу.

Это произошло в марте, и весна лишь робко заявляла о скором торжестве.

Святослав переехал из Чернигова в Киев, а точнее в столичный пригород — Берестово. Видно, в Киеве у Изяслава было много сторонников. То, что Святослав Ярославович рассылал своих детей и бояр в Тмутаракань и на север Руси, говорит об энергии черниговского князя, о его честолюбии. А разгром половцев в 1068 г. под Сновском указывает на мужество Святослава.

Новый киевский князь поспешил внести собственную лепту в строительство столицы и его пригородов. В 1073 г. Святослав заложил первый камень в основание главного храма Печерского монастыря. Игуменом в обители был Феодосий. Собор Успения Богородицы строился в 1073–1077 гг. Это был чудный одноглавый шестистолпный каменный храм с тремя апсидами на востоке. Киево-Печерский патерик сообщает: «Придоша от Царяграда мастера церковнии, четыре мужи».

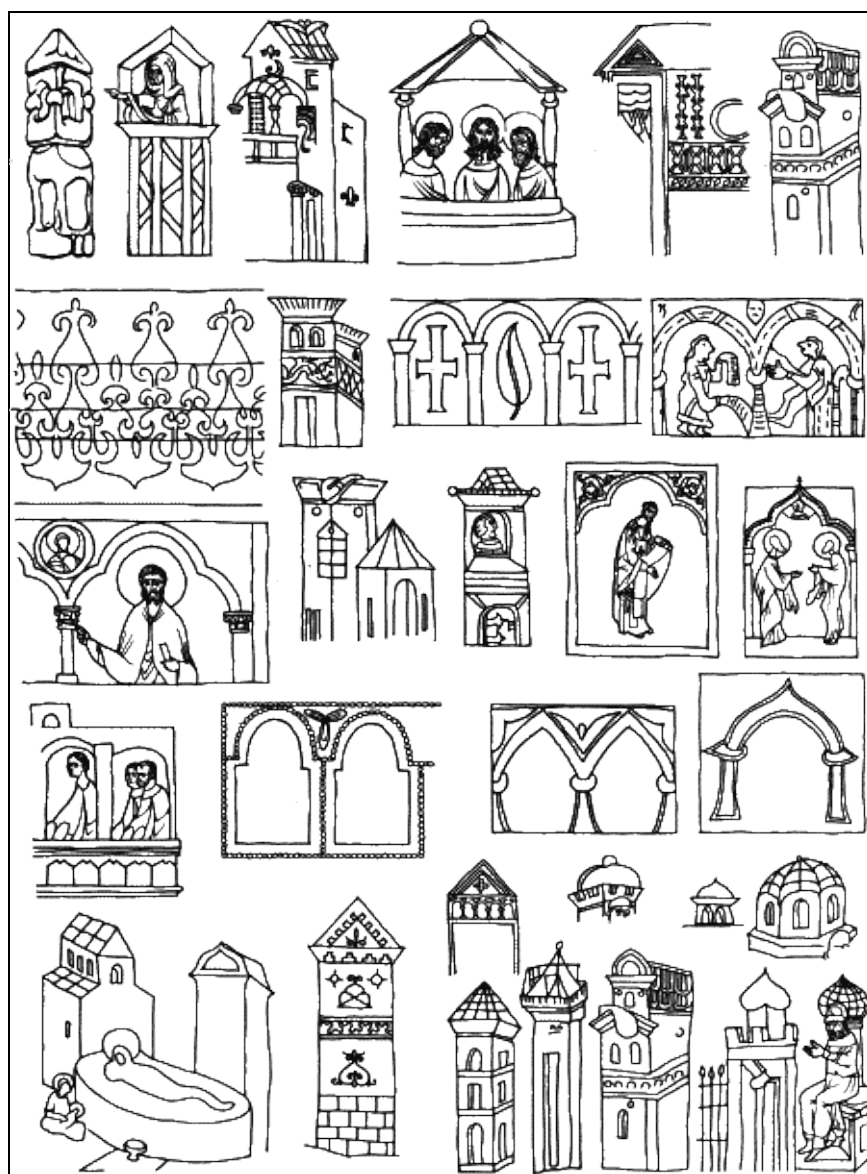
Величина подкупольного квадрата храма более, нежели у киевской Софии, — 8,6 м. Но в целом Печерский храм размерами уступал Софии, остававшейся крупнейшим зданием Руси до XV в.

Вскоре на Руси стали строить множество каменных храмов, подобных Печерскому. Столицы отдельных княжений и главные города волостей и уделов начали украшаться однокупольными каменными соборами.

В 1074 г. скончался игумен Феодосии. До нас дошло «Житие Феодосия». Полагают, что его автором был монах Печерского монастыря Нестор, один из редакторов «Повести временных лет».

В Житии говорится, что родители Феодосия жили в Василеве, в городе, стерегшем подход к Киеву с юга. Юный Феодосий с родителями переехал в Курск. Слава о блаженном Антонии достигла ушей Феодосия, и вскоре оба подвижника соединили молитвы под киевскими горами.

В 1075 г. из Германии к Святославу в Киев прибыло посольство. Святослав распахнул перед гостями двери княжеских кладовых, и глазам пришедших представилось множество «злат и сребра, и паволок».

О цели визита посольства мы узнаем из летописной фразы: «...реша се ни во что же есть, се бо лежить мертво». По-видимому, при дворе Генриха IV Саксонского были наслышаны о богатстве Руси, но увиденное потрясло и еще более утвердило Германию в необходимости вовлечения Руси в орбиту своего экономического, политического и религиозного влияния. Однако с Русью дело обстояло не так понятно, как с латинизированными Польшей, Чехией и Хорватией. Греческая церковь накрепко заняла западный рубеж Руси, и штурм этого бастиона занял не одно столетие.

В 1076 г. два двоюродных брата — Владимир II Всеволодович Мономах и Олег Святославович выступили в Польшу помогать Болеславу II против чехов. Польша боролась с Германией, Чехией и Поморией, и союз с Русью имел для нее величайшее значение.

Когда широкие русские поля и темные леса укрыл снег, а реки сковало льдом, скончался князь Святослав Ярославович. Это произошло 27 декабря 1076 г. Погребли князя в Спасском соборе, по-видимому, в Чернигове.

А 1 января 1077 г. Всеволод Ярославович сел на великокняжеский стол в Киеве.

В ту же зиму у Владимира II Мономаха родился сын Мстислав, в свое время ставший Великим киевским князем.

В 1077 г. с западных рубежей до Киева долетела тревожная весть — Изяслав Ярославович, подкрепленный польскими отрядами, выступил на Русь. Недаром дочь Изяслава Евпраксия была замужем за сыном Болеслава II.

Всеволод уступил Киев старшему брату, и в июле 1077 г. Изяслав въехал в ворота русской

столицы. Встал вопрос раздела колоссального наследства покойного Святослава Ярославовича. И дети Святослава едва могли в споре тягаться с дядьями.

В апреле 1078 г. из Чернигова в Тмутаракань бежал Олег Святославович. В тот же год в далеком новгородском Заволочье убили Глеба Святославовича. В июле Глеба упокоили в Спасском соборе Чернигова.

В Новгороде Изяслав Ярославович посадил сына Святополка II. Ярополк Изяславович сидел в Вышгороде, а Владимир II Всеволодович — в Смоленске.

В 1078 г. Олег Святославович и Борис (Вячеславович), внуки Ярослава Мудрого, пришли на Русь «искать отчины» и привели в помощь половцев. Так русские князья начали раскачивать государство, не успевшее окончательно сформироваться.

Всеволод сошелся с племянниками на реке Сежице. Началось сражение. Половцы одолели, и много русских бояр было побито. Летописец среди погибших в сражении 26 августа 1078 г. упоминает знакомого нам Тюку — Чудина брата, Ивана Жирославовича, Порея.

Олег и Борис сели в Чернигове, а русичи почувствовали недоброе, предвидя печальную будущность, полную братоубийственных войн.

Всеволод приехал в Киев к брату Изяславу, и тот утешил гостя словами: «...brate не тужи, видиши бо колко ся мне сключи зла... не изгнаста ли вы мене брата своя, и не блудих ли по чюжимъ землямъ. именья лишень быхъ...»

Скоро к Киеву подошли Ярополк Изяславович из Вышгорода и Владимир II Всеволодович из Смоленска. Собралась немалая сила, и Чернигов был осажден.

Владимир II подошел к Чернигову с востока, «от Стржене», овладел воротами и пожег окольный город.

3 октября 1078 г. недалеко от Чернигова, на Нежатиной ниве, произошло сражение. Дрались жестоко — князья за столы, бояре за кормления. Одним из первых сложил голову Борис Вячеславович. С ним угасла одна из ветвей Ярославова древа. Следующей жертвой стал Великий князь киевский Изяслав I Ярославович. Он стоял среди своих воинов «в песцехъ, оунезапу приехавъ один, оудари копьемъ за плеча и тако оубьенъ быс Изяславъ...».

Олег Святославович проиграл сражение и едва ушел с малой дружиной в Тмутаракань.

Тело Изяслава положили в ладью и водами Десны привезли в Киев. А в столице уже был слышен плач.

На киевском столе сел Всеволод Ярославович. Его сын Владимир II Мономах был оставлен в Чернигове. Сына Изяслава Ярополка отправили во Владимир Вольнский, и к тому была придана Туровская волость.

Всеволод Ярославович (1079–1093)

В 1079 г. к городу Воин с половцами подошел еще один обездоленный сын Святослава Ярославовича — Роман. Всеволод закрыл дорогу половцам у Переяславля и заключил со степняками мир. 2 августа 1079 г. половцы отвернули коней от Руси и при этом убили Романа Святославовича.

А в Тамани хазары схватили Олега Святославовича и отправили князя в Византию в заточение. В Тмутаракань приехал посадник Всеволода Ратибор, и дела в южной провинции Руси пошли обычным чередом. Похоже на то, что Олег в запале ненависти к дяде стал чинить помехи черноморской торговле, и все три окружавших князя силы решили с этим покончить.

Племянники требовали своего, но Русь еще была единой и силы ее источались по капле, на первый взгляд незаметно, но неуклонно.

В 1080 г. Киев воевал с торками. На умиротворение тюркского народа Всеволод послал возмужавшего Владимира, и скоро на южных рубежах Руси установилась тишина.

В 1081 г. в Тмутаракань ушли два молодых Ярославовича, оставшихся на Руси без уделов: Давид, сын Игоря Ярославовича, и Володарь, сын Ростислава Владимировича и внук Владимира Ярославовича, строителя новгородской Софии. В мае 1081 г. князя схватили в Тмутаракани наместника Ратибора и сели в шумном торговом и портовом городе. Киев был далеко, и военная экспедиция могла стоить Всеволоду немалых средств.

В 1083 г. к берегу Тамани из Греции подошло судно. На его борту находился Олег Святославович с набранной дружиной. Давида и Володаря схватили, а хазар, в свое время отправивших Олега в византийскую темницу, кроме того, виновных в гибели братьев Олега, посекали. Двоюродного брата Давида и двоюродного племянника Володаря Олег скоро отпустил.

В 1084 г. к Всеволоду в Киев приехал племянник Ярополк Изяславович. Этот князь не ладил с Ростиславовичами, потомками Владимира Ярославовича Новгородского. Звали Ростиславовичей Рюрик, Володарь и Василько. На их умиротворение в вольнские и галицкие земли выступил Владимир II Всеволодович. Это был своего рода ангел-хранитель государства. Пока билось сердце Владимира II Мономаха, тучи над Русью ходили, но никогда не застилали небес свинцовым панцирем. Несмотря на потрясения, Русь XI в. оставалась обласканной солнцем и судьбой, и ручьи крови, струившиеся по ее земле, не превращались в алые реки, а дымы пожаров не делали из дня ночь.

Когда Ярополка водворили на место, а Ростиславовичи разбежались, в Киев пришло известие из низовья Днепра. Давид Игоревич занял Олешье (видимо, производное от древней Ольвии) и разграбил имущество торговавших греков. Всеволод Ярославович понял, что племянник будет безобразничать, пока не получит удела. Греха Ярославовичи без крайней нужды на душу не брали. Давида посадили в вольнский город Дорогобуж.

В 1085 г. Ярополк Святославович бежал из Луцка в Польшу. В городе князь оставил мать и дружину. Ранее Ярополк поссорился с дядей Всеволодом и, устранившись Владимира II Мономаха, выехавшего на «снем» с двоюродным братом, не имел времени на сборы.

Мономах посадил во Владимире-Вольнском Давида (Святославовича). Это был город бежавшего Ярополка. Мать Ярополка, его жену и «дроу жину» Мономах привел в Киев. Туда же было привезено имущество Ярополка.

Всеволод Ярославович, подобно отцу и деду, всеми средствами поощрял христианство. При митрополите Иване в 1086 г. Всеволод в Киеве заложил церковь св. Андрея и устроил при ней монастырь. В обители была пострижена дочь Всеволода Янка, умершая в 1113 г. Христианство скрепляло государство единым нравственным или идеологическим каркасом. В определенной

степени это препятствовало расколу Руси.

Жизнь или история Ярополка Изяславовича, весьма походящая на трагедию, завершилась в 1087 г. Князь приехал из Польши, помирился с Мономахом и сел во Владимире Волынском, в тогдашней столице Западной Руси. Владимир II Мономах удалился в Чернигов.

Во Владимире-Волынском Ярополк сидел недолго. Скоро князь выступил к галицкому городу Звенигороду. В Галиции княжили враги Ярополка Ростиславовичи, и это во многом предрешило гибель Ярополка.

Когда сани Ярополка подвозили князя под стены Звенигорода, человек по имени Нерядец, свесившись с конского седла, пронзил Ярополка саблей.

Нерядец пришпорил коня и помчался к городу Перемышль, к Рюрику Ростиславовичу. Отроки Ярополка Радко, Воикин и иные привезли тело князя во Владимир-Волынский, а оттуда в Киев.

Ярополка Изяславовича погребли в монастыре св. Димитрия в церкви апостола Петра. Монастырь был обязан рождением и расцветом отцу Ярополка Изяславу Ярославовичу.

Всеволод Ярославович разгневался на Ростиславовичей и в том же 1087 г. выступил в поход к Перемышлю.

В 1088 г. в Киеве продолжилось большое каменное строительство и была освящена церковь в монастыре Михаила.

В 1088 г. из Новгорода в Туров поближе к Киеву переехал Святополк II Изяславович. Это был будущий Великий князь киевский, правление которого оставило на Руси глубокий и своеобразный след.

В то же время в Печерском монастыре скончался игумен Никон. А на берегах Оки город Муром оказался взят войском Волжской Булгарии. В дальнейшем Северо-Восточная Русь и Булгария вплоть до нашествия монголов постоянно обменивались ударами. Возможно, это связано с тем, что торговля, некогда процветавшая на Волге, в XI–XIII вв. стала хиреть и взаимные грабежи стали казаться привлекательнее, нежели торговля. Но, вне всякого сомнения, торговля на Волге никогда абсолютно не замирала.

В 1089 г. Русь, умиротворенная политикой Всеволода Ярославовича, переживала крупное религиозное событие. В Киев съехались митрополит Иван, епископ белгородский Лука, епископ ростовский Исая, епископ черниговский Иван, епископ юрьевский Антоний. Были большой праздник для паствы и демонстрация силы и единства христианской Руси. Поводом для съезда епископов было возведение церкви в честь пресвятой Богородицы в Печерском монастыре.

В 1089 г. Янка (Анна) Всеволодовна плавала в Грецию. Это была демонстрация дружбы двух православных государств. В 1090 г. Янка возвратилась на Русь с новым митрополитом — Иоанном-скопцом.

При правлении Всеволода большое каменное строительство развернулось в Переяславле. В городе выстроили каменный храм Михаила. Над воротами города поставили церкви св. Федора и св. Андрея. Переяславль окружили каменной стеной, а городские кварталы деревянной застройки украсили каменными храмами.

Всеволод Ярославович относился к Переяславлю, как к колыбели и любимой вотчине. Любил Переяславль и Владимир II Всеволодович, и гривны из казны русского государства на строительство города шли полноводным потоком.

В 1090 г. в полоцких землях произошли странные события, о которых лучше летописца не скажешь:

«Предивно быс чюдо оу Полотьске... яко члвци рыщуть беси по оулици».

В 1091 г. в далеком Ростове вновь выступили волхвы. Убежищем волхвам уже столетие служили сень лесов и степной ковыль, в городах же они «погибе».

1092 г. был подобен гулу невидимого урагана. Страшных бедствий на Руси не произошло, но атмосфера была тягостной.

Лето выдалось жарким, и погорело множество боров. До глубокой осени дымили торфяники. Половцы заняли три города, посекали население Прилук и разорили немало сел. Возможно, горели в сухой год и срубы, бывшие в основе Змиевых валов.

На западе Руси Василько Ростиславович с дружиной закрутился в кровавом водовороте сражений и засад с половцами и ляхами. В 1092 г. умер старший из трех братьев Рюрик Ростиславович, сидевший в Перемышле.

Эти события происходили на фоне мора, унесшего жизни семи тысяч человек, и зловещих знамений, начавшихся у города полоцкой земли Друцка.

Летописец свидетельствует: «... яко кругъ быс посреде неба привеликъ».

Образ полоцкой земли киевскими летописцами постоянно связывался с проявлениями нечистой силы, злая воля которой заставляла людей содрогаться и по ночам с тревогой взирать на крепкие засовы жилищ.

В 1093 г. скончался последний из сыновей Ярослава Мудрого Всеволод. Произошло это весной в начале апреля. Князя упокоили в киевской Софии.

С уходом последнего представителя поколения сыновей Ярослава Русь перешла в качественно новое состояние, ибо племянников у Всеволода было гораздо больше, нежели братьев.

Владимир II Всеволодович Мономах знал, что, сев в Киеве, он будет «иметь рать» с двоюродным братом Святополком II Изяславовичем, ждавшим своего часа в Турове и внимательно следившим за здоровьем дяди. Изяслав был старшим братом Всеволода, а Владимир II Всеволодович уважал законы и дорожил миром в государстве. Мономах послал за Святополком II в Туров, а сам поехал в Чернигов. Брата своего Ростислава Всеволодовича Мономах посадил в Переяславле.

Глава 8

СВЯТОПОЛК ІІ ИЗЯСЛАВОВИЧ (1093–1113)

Война с половцами 1093 г.

С вокняжением в Киеве Святополка II на Руси началась эпоха правления внуков Ярослава. А правнуки Ярослава поначалу играли роль вспомогательную. Когда же они сменили отцов, Русь оказалась разодранной на уделы и государство уподобилось разлетающейся на куски массивной хрустальной вазе, играми детей сбитой со стола.

Год 1093-й был трагичен для Руси. Прослышав о кончине Всеволода, половцы отправили послов к Святополку II. Великий князь, не «здума с болшею дружиною отнею и строя (дядю) своего но светъ створи с пришедшими с нимъ», взял да и посадил послов в погреб. И началась война.

В то время в долине Роси сидели ранее смиренные торки — бывшие тюркские кочевники. На них и напали половцы. Святополк II отправил в степь послов с просьбой о мире, но было поздно.

Стали собирать воинов. Князю посоветовали обратиться за помощью к Владимиру II. При этом «смысленни же глуху... наша земля оскудила есть от ратии и продажъ».

Владимир II приехал в Киев и встретился со Святополком II у собора Михаила. Между двоюродными братьями возникла распря. До пригородов столицы ветер доносил пепел и дым горевших в поросье городов. И княжеские мужи обратились к братьям с речью: «По что вы распрю имата межи собою, а погании губять землю Рускую».

Владимир II предлагал заключить со степью мир. Святополк II настаивал на рати.

Наконец из ворот столицы на юг, к Треполю, выехали Святополк II, Владимир II и его родной брат Ростислав Всеволодович. За князьями следовали дружины. Над остроконечными шлемами воинов развевались княжеские стяги.

Русское войско стало на берегу Стугны. Это был второй рубеж обороны Киева. И снова Владимир II, некто Ян и многие иные выступили с предложениями о мире. Киевляне настаивали на сражении. Пожарища, занявшиеся над их усадьбами, требовали отмщения. Русское войско переправилось на правый берег Стугны.

А Стугна «бе бо тогда наводнилася велми». Русское войско изполчилось. Справа «на десноу стороне» стал Святополк II. Слева стал Владимир II. В центре развернулся полк Ростислава. В боевом порядке русские прошли мимо Треполя и «проидоша валь» (змиев) увидели половцев. «Нашимъ же ставшимъ межи валова и поставиша стяги своя и изидоша стрилци из валу, и Половци пришедшие к валови». Началось сражение. Прежде всего половцы ударили по воинам Святополка II «и възломиша полкъ его». Люди побежали, и последним обратил коня на север Святополк II. Половцы навалились на полк Владимира II. Скоро воины побежали к берегу Стугны.

На переправе Ростислав Всеволодович, облаченный в тяжелую кольчугу, стал тонуть. Владимир II хотел подхватить младшего брата, да едва сам не ушел под воду. Скоро вода скрыла Ростислава.

Владимир II, перебравшись на левый берег Стугны, с немногими боярами и дружинниками достиг Днепра, переправился на его левый берег и поехал в Чернигов «печалень велми».

Святополк II с поля битвы примчался в Треполь и до вечера скрывался за его стенами. Ночью князь приехал в Киев.

Половцы разделились. Часть отошла на юг и осадила город Торческ, отведя от него воду, а часть пустилась к северу завоевывать пригороды Киева.

Несчастливая для Руси битва произошла 26 мая 1093 г.

Тело Ростислава Всеволодовича из вод Стугны достали, привезли в Киев и упокоили в

Софии, рядом с могилой отца.

23 июля 1093 г. под Киевом половцам дали еще одно сражение. Жители столицы не могли спокойно взирать с крепостных стен, как от Вышгорода на севере до Белгорода и Василева на юге поднимались дымы пожарищ. Святополк II «вынииде на Желяню», и началась битва, более несчастная для Руси, нежели произошедшая под Треполем.

Торческ, потеряв надежду на помощь, сдался. Его население половцы увели в степь, а город сожгли.

1 октября 1093 г. скончался Ростислав Мстиславович, родной племянник Святополка II. Таким недобрым оказалось начало княжения Святополка II. Недобрым было и его окончание.

События 1094–1096 гг.

В 1094 г. Святополк II заключил мир с половцами и взял в жены дочь хана Тугоркана.

Известия о событиях 1093 г. внимательно выслушивались в Тмутаракани. И в 1094 г. Владимир II со стен Чернигова наблюдал за стягами двоюродного брата Олега Святославовича, окруженного множеством половецких всадников. Чтобы Владимир II быстрее принимал решение, Олег Святославович велел жечь посад и подгородные монастыри и села.

Владимир II с семьей и дружиной выехал из ворот Чернигова и, заключив с Олегом мир, двинулся к Переяславлю. Олег занял Чернигов, некогда принадлежавший его отцу Святославу Ярославовичу.

Владимир II Мономах оставил литературный памятник, именуемый «Поучение Владимира Мономаха». Памятник включает рассказ Мономаха о своей жизни. Приведем отрывок, повествующий о событиях 1094 г. «И потом Олег на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с ним 8 дней о малу греблю, и не вдадуче внити им въ острог: съжаливьси хрестьяных душъ и сел горящих и манастырь, и рех: «Не хвалитися поганым». И вдах брату отца его место, а сам идох на отца своего место Переяславлю. И выидохом на святого Бориса день ис Чернигова, и ехачом сквозе полкы половьчские, не въ 100 дружине, и с детми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з гор, Бог и святой Борис не да им мене в користь, — неврежени доидохом в Переяславлю».

Год 1095-й не был спокойным. Начался он с набегов половцев на греков. Степняков влекло богатство черноморских портовых городов.

К Переяславлю подошли два половецких хана Итларь и Китан. Итларь стал под городской стеной, а Китан раскинул шатры среди змиевых валов, опоясывавших Переяславль многокилометровым овалом. Тюрки желали творить мир с Владимиром II. Князь дал Китану своего сына Святослава «оу таль» (в заложники), и Итларь въехал в Переяславль с отборными воинами.

Тем временем из Киева от Святополка II в Переяславль приехал боярин Славята «на некое орудье», и сел Владимир II думать с дружиной. Ратиборова чадь, приближенная к князю, предлагала погубить Итларя. Владимир II не желал этого. И дружинники сказали, что нет в том греха, а только половцы «губят землю Рускую, и кровь хрестьяньску проливають беспрестани».

Владимир II решил действовать, и в ближайшую ночь Славята с несколькими дружинниками и торками выкрал Святослава Владимировича у половцев и побил Китана и его воинов.

Итларь безмятежно отдыхал «на синици оу Ратибора». Ратибор «пристроил отроков в оружье» и велел затопить «изьбу». От Владимира II к Итларю пришел княжеский отрок Бяидюк и сказал хану, что зовет его князь. Ничего не подозревавший гость с воинами зашел в избу и попал в западню. Избу заперли, и на ее крышу забрались отроки князя «и прокопаша истьбу» (раскидали кровлю).

Ельбех Ратиборович из лука застрелил Итларя и его людей, уподобившихся попавшим в загон овцам.

Святополк II и Владимир II послали к Олегу Святославовичу в Чернигов, веля выступить вместе с ними на половцев. Олег обещал «и пошедь не иде с нима, в путь единь».

Святополк II и Владимир II вышли в степь и разгромили половецкие вежи, взяв «скоты и кони, и вельблуды. и челядь». По возвращении на Русь князья послали к Олегу гонца с гневным укором и требованием либо убить, либо выдать Итларевича, укрывшегося в Чернигове. Олег и на этот раз ослушался двоюродных братьев.

На реке Рось половцы чуть не все лето простояли под стенами города Юрьев. Дело кончилось тем, что половцы помирились со Святополком II и ушли за Рось, а жители Юрьева бежали к Киеву.

Святополк II велел рубить новый город на «Вытечевском холме», вблизи города Треполь, при устье реки Стугны. Юрьевцев с епископом Мюримом поселили в городе Витачов, а Юрьев сожгли.

А на севере русского государства происходило вот что. Князь Давид Святославович, старший и родной брат Олега, выехал из Новгорода к Смоленску. Посольство новгородцев пришло к Ростову и пригласило сидевшего в том городе Мстислава I Владимировича на княжение.

Видно, Давид ушел из Новгорода не по своей воле. Новгородцы не хотели портить отношения с Киевом и Переяславлем, а для этого нужно было избавиться от князя черниговского дома.

Еще один сын Мономаха Изяслав Владимирович выехал из Курска в Муром, схватил в городе посадника, присланного Олегом Святославовичем, и обеспечил отцу контроль над средним течением Оки.

В треугольнике Киев — Чернигов — Переяславль боролись внуки Ярослава. Отголоски этой борьбы мгновенно отзывались в большом круге, очерченном Новгородом — Муромом — Тмутараканью.

В 1095 г. посеы подверглись нашествию саранчи «ядуще траву или проса».

Год 1096-й начался с обычных для Руси тревог. Святополк II и Владимир II послали к Олегу с просьбой прийти в Киев «ать рядь учинимъ о Руской земьле». Олег в лице половцев имел стратегических союзников, и союз с братьями для черниговского князя был подобен удавке.

Когда князя поняли, что в Киев Олег не приедет, они сами подошли к Чернигову. А Олег ускакал в город Стародуб. И началось немирье на Руси.

Стоял май, природа оживала, дыша каждой былинкой и по-детски радуясь лучам солнца.

Пока три двоюродных Ярославовича с дружинами бродили в северских землях, под стенами Киева неистовствовал хан Боняк. Двор великого князя был сожжен. В то же время со стен Переяславля горожане наблюдали за Курей. Переяславль половцы не взяли, зато сожгли город «Оустье» (Городок Остерский).

Олег из Стародуба приехал к Смоленску, но не был принят горожанами. Тогда Олег приехал на берега Оки к Старой Рязани.

Великим князьям сообщили, что под Переяславлем стал тесть Святополка II хан Тугоркан. Ярославовичи спустились к югу от Киева правым берегом Днепра. У горы Заруб князья перешли вброд Днепр незаметно для половцев.

Радости горожан, не чаявших спастись, не было границ, когда они с крепостной стены увидели стяги подходивших к Переяславлю князей. Ворота города распахнулись, и народ, вооруженный кто мечом, а кто и дубиной, вышел на берег реки Трубеж. Владимир II собрался урядить дружину, но было не до того, и русь у Заруба «ударивша в коне» и погнала половцев. Не удалось спастись и самому Тугоркану. Святополк II подобрал тело хана и схоронил в Берестове, в сожженной усадьбе.

Стоял июль, а события года только набирали бег.

Пока Святослав II и Владимир II сражались с половцами под Переяславлем, хан Боняк во второй раз за год появился по Киевом и едва не ворвался в столицу. И снова небо над Киевом застлал дым пожарищ. Не был пощажён и Печерский монастырь.

Одновременно на Оке разыгралась драма. Олег Святославович и его брат Давид, сидевший в Смоленске, подошли к Мурому. Стерегший город Изяслав Владимирович послал за воинами в

Ростов и Суздаль и на Белое озеро и отказался отдать Олегу Муром. Олег же доказывал, что Муром с волостью принадлежал его отцу Святославу Ярославовичу и Изяславу следует идти в Ростов, ибо его отец выгнал Олега из Чернигова.

Спор окончился лютым сражением, произошедшим 6 сентября 1096 г. Изяслав Владимирович был убит, а его воины разбежались по дремучему муромскому лесу.

Тело Изяслава Владимировича привезли в Новгород и погребли в Софии, на левой стороне. В Новгороде сидел еще один сын Владимира II Мономаха Мстислав I, и именно он первым узнал о том, что Олег занял Суздаль, Ростов, Переяславль-Залесский и по всей Залесской земле посадил посадников и начал собирать дань.

Мстислав прислал к Олегу сказать, чтобы он шел в Муром и в чужой волости не хозяйничал. Олег, стоя в поле под Ростовом, помышлял о Новгороде и выслал вперед своего брата Ярослава «въ сторже».

Мстислав выслал свою стражу во главе с Добрыней Рагуиловичем. Боярин Мстислава похватал посланных Олегом для сбора дани людей.

Ярослав Святославович стоял на берегу реки Медведицы, и как услышал о Добрыне, тотчас бежал из негостеприимных северных лесов к Олегу под Ростов.

Тем временем Мстислав с новгородцами подошел к Волге. Олег начал отступать. По пути он сжег Суздаль. Жители Суздаля не могли простить Олегу сражения под Муромом. Во всем Суздале от огня уцелело лишь подворье Печерского монастыря с церковью св. Димитрия.

Олег вошел в леса к югу от Клязьмы и скоро достиг Мурома. Но мира это не принесло.

Мстислав I узнал, что Олег появился на Клязьме вблизи устья реки Колокши. Вокруг Мстислава стали собираться новгородцы, ростовцы, суздальцы. Из Южной Руси в помощь Мстиславу подошел брат Вячеслав Владимирович с половцами.

Когда полки стали строиться, Мстислав I дал стяг своего отца Мономаха половчанину Куману. Стяг Мономаха вознесся над правым крылом войск Мстислава. Олег и его воины, увидев стяг Мономаха, испугались, но предотвращать сражение было поздно. Полк Олега стал биться с полками Вячеслава и Мстислава. Как только стяг Мономаха зареял в тылу Святославовичей, их полки отступили и поле сражения осталось за Мстиславом.

Олег посадил брата Ярослава в Муром, а сам сел в Старой Рязани. Но теперь уже Мстислав I не пожелал оставлять двоюродного брата в покое. Кроме того, в Муроме и в Старой Рязани Олегом было заточено множество ростовцев и суздальцев. Всех их Мстислав освободил. Олег же бежал из Старой Рязани, и догнал его лишь гонец от Мстислава, передавший, чтобы тот, чем бегать, лучше бы помирился с братьями.

Зимой Мстислав I Владимирович вернулся в Новгород.

Любечский съезд князей 1097 г.

Наступил 1097 г. Это был знаменательный для русской истории год. События 1096 г. убедили Ярославовичей в необходимости съехаться и урядиться. Местом съезда избрали Любеч, стоявший на стыке киевских, черниговских и смоленских земель.

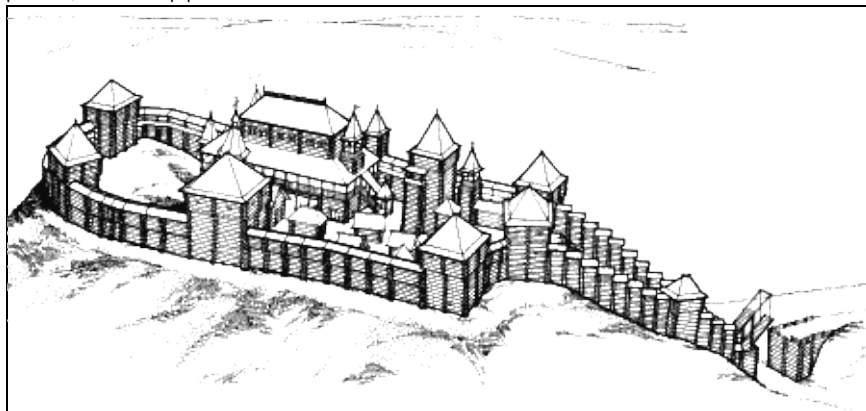
По подъемному мосту в Любеч въехали Святополк II, Владимир II, Давид Игоревич, их двоюродный брат Василько Ростиславович и Олег и Давид Святославовичи. То были внуки Ярослава Мудрого. В их руках были целостность и благоденствие Руси.

На съезде в Любече были произнесены прочувствованные речи о строении мира и о том, «почто губим Рускую землю», а половцы «землю нашу несут роздно».

Решили Ярославовичи, что каждый держит отчюю землю. Святополк II сидит в Киеве, на столе отца Изяслава. Владимир II держит удел отца Всеволода. А Олег, Давид и Ярослав Святославовичи сидят по городам, ранее принадлежавшим Святославу Ярославовичу.

Давид Игоревич должен был сидеть во Владимире Волынском. А два Ростиславовича — Володарь и Василько — удержали Перемышль и Теребовль.

Князья целовали крест и, расходясь, заявили «да аще отसेле кто на кого встанеть, то на того будемъси и честный крсть». Но к великой печали Руси намерения Ярославовичей не всегда соответствовали их делам. А чем более множилось племя Ярославовичей, тем более мельчали не только уделы, но и дела князей.

Давида Игоревича его жадное до вотчин окружение заверило, что Владимир II Мономах уговорился с Васильком Ростиславовичем покуситься на Святополка II и на самого Давида.

Давид поверил тому тем охотнее, что его волынские земли граничили с галицкими владениями Ростиславовичей. В разговоре со Святополком II Давид напомнил, что Ярополка Изяславовича, младшего брата киевского князя, в 1088 г. убили Ростиславовичи. И «Стополкъ же смятеся оумомъ».

5 ноября 1097 г. Василько Ростиславович переправился на правый берег Днепра, к Выдобицкому монастырю, и направился в храм Михаила поклониться иконам. Стали звать Василька в Киев, и ничего не подозревавший князь поехал в столицу.

На дороге Васильку встретился отрок. Он поведал князю «хотять тя яти». Василько не поверил и совершил роковую ошибку. Но был ли он в том повинен?

Василька Ростиславовича ослепили и «оузложиша и на кола яко мртва и повезоша и Володимерю» (во Владимир-Волынский, город Давида).

Когда подвода с ослепленным князем проезжала через город Здвижень, на мосту, у местного торговища, с Василька стащили окровавленную сорочку и дали выстирать попадье.

Во Владимире-Волынском полумертвого Василька посадили во двор боярина Вакея и приставили стражу во главе с княжескими отроками Оуланом и Колчей.

Узнав об ослеплении Василька, Владимир II ужаснулся и заплакал. Придя в себя, князь

молвил: «Сего не было есть, оу Русьской земли, ни при дедехъ наших, ни при оцихъ нашихъ сякого зла».

Владимир II снесся с Олегом и Давыдом Святославовичами и предложил им встретиться у Городца Остерского. Князь велел гонцу передать Святославовичам слова: «В насъ братьи иже оуверже в ны ножь да аще сего не поправимъ болше зло въстанеть в насъ и начнетъ братъ брата заколати и погыбнетъ земля Русьская».

Князья съехались. Послали в Киев к Святополку II с вопросом, что тот сотворил, ослепив брата. Из Киева приехал гонец и объяснил, что Давид виновен и что именно он заверил Святополка II в том, что Василько вознамерился овладеть Туровом, Пинском, Берестьем и городами погорынья (стоящие на реке Горынь) и сговорился с Владимиром II, что тот сядет в Киеве, а Василько — во Владимире-Волынском, на столе Давида.

Святополк II велел передать: «...и не язъ его слепиль, но Двдъ». В Киев послали сказать, что ослепили Василька не в городе Давида, но в Киеве.

Утром Владимир II с Олегом и Давыдом Святославовичами собрались на правый берег Днепра. Святополк II, увидя ладьи и стяги братьев, засобирався прочь из столицы. Киевляне не выпустили князя и отправили на левый берег Днепра послов с мольбой не губить Руси и с напоминанием о недремлющих половцах.

Владимир II, услышав укоры киевлян, снова искренне заплакал. Наконец, в Киев отправилась супруга Мономаха, и решили, что на Давида пойдет сам Святополк II.

А Давид, прослышав о происходившем в Киеве, стал сулить незрячему Васильку города на выбор: Всеволож, Шеполь, Перемиль. И вместе с тем Давид попытался овладеть уделом Василька, но дорогу закрыл Володарь Ростиславович.

Давид заперся в городе Бужске. Володарь взял город в осаду. В переговорах с Володарем Давид свалил вину за ослепление Василька на Святополка II. В конце концов Василько оказался в своем городе Теробвле, но вернуть князю зрение никто не мог.

Когда Давид приехал во Владимир-Волынский, к стоящему неподалеку городу Всеволожу подошли Володарь и Василько Ростиславовичи. Всеволож был «взяста копьемъ» и сожжен. Василько велел сечь ни в чем не повинных людей. Вслед за тем братья подошли под стены Владимира-Волынского.

Горожанам послали сказать, что пришли не на них, а на «Туряка. и на Лазоря и на Василя ти бо суть намолвили Двда». Стало известно, что бояр этих в городе нет. Ранее их послали к Луцку. Туряк бежал из Луцка в Киев, а Лазорь и Василь оказались в городе Турийске. Их и выдали Ростиславовичам. Бояр Лазоря и Василя повесили и расстреляли стрелами.

Тем временем в Берестье пришел Святополк II с намерением изгнать из Волыни Давида. Давид обратился к Владиславу I Польскому за помощью. Просьбу Давид сдобрил пятьюдесятью золотыми гривнами.

Поляки золото взяли, подошли на берег Западного Буга и стали мирить князей.

Святополк II, имея обязательства перед Мономахом и Святославовичами, проявил непреклонность, и Владиславу I пришлось заявить Давиду «не послушаетъ мене Стополкъ».

Давид вернулся от Берестья во Владимир-Волынский, а Святополк II поехал собирать воинов. Князь посетил Пинск и Дорогобуж и, набрав достаточно сил, выступил к Владимиру-Волынскому.

Осада столицы Волыни заняла у Святополка семь недель. Наконец Давид вышел из города, переехал в Червень и скрылся в Польше.

Святополк II занял Владимир-Волынский и начал промышлять насчет Володаря и Василька Ростиславовичей. Вскоре произошло сражение, и Святополк II проиграл его Ростиславовичам. С рубежей Галиции во Владимир-Волынский Святополк вернулся с двумя сыновьями и с сыном

Давыда Святославовича (Черниговского), прозванного за набожность Святошей.

Уезжая в Киев, Святополк II оставил во Владимире-Волынском сына от наложницы — Мстислава. Еще одного сына Ярослава Святополк II послал в Венгрию, ко двору короля Коломана «вабя Оугры на Володаря». И закрутился новый кровавый сюжет из русской истории.

Ярослав с Коломаном и с венгерскими полками подступил под стены Перемышля. В том городе закрылся Володарь Ростиславович. В то же время из Польши приехал Давид Игоревич. Этот князь посадил свою жену у Володаря, у временного союзника, а сам отправился к половцам в степь.

Встретил Давида сам хан Боняк, и все было оговорено к общему удовольствию.

В начавшейся битве у венгров было 100 000 воинов. Сила немалая. Половцы «сбиша Оугры в мячь, яко соколь галице убиваеть и побегоша Оугре и мнози истопоша оу Вягру, друзии же въ Сану». Венгров в сражении было убито 40 000.

И все эти события происходили в 1097 г., в год съезда Ярославовичей в Любече.

Ярослав бежал в Польшу через Берестье, а Давид занял города Сутейск, Червень и внезапно появился под стенами Владимира-Волынского. К тому времени от сидевшего в столице Волыни Мстислава бежали берестейцы, пиняне и вышгородцы. Мстислав поднялся на оборонительную стену города и «внезапу вдарень быс подь пазуху стрелою, на заборолехь скважнею». Ночью Мстислав скончался.

Жители Владимира-Волынского отправили гонца в Киев к Святополку II, требуя помощи. Без поддержки город был бы вынужден сдаться Давиду.

Великий князь киевский послал на Волынь воеводу Путятю. Воевода приехал в Луцк и застал там Святошу, сына Давыда Святославовича Черниговского.

Описываемые события происходили в августе 1097 г.

Когда жители Владимира-Волынского заметили приближавшиеся от Луцка стяги Святоши и Путяты, они вышли из города и напали на Давида. Тому не осталось иного, как бежать прочь от города.

Во Владимире-Волынском был посажен посадник Святополка II Василий. Святоша вернулся в Луцк, а Путята уехал в Киев.

А Давид Игоревич во второй раз за год сидел в шатре хана Боняка. Долго уговаривать половцев не пришлось, и скоро их стан раскинулся под стенами Луцка. Святоша выехал из города и ушел к отцу в Чернигов. Давид овладел Луцком. Посадник Василий сам выбежал из Владимира-Волынского, и Давид вернул себе столицу Волыни.

На этом кампания 1097 г. была завершена.

В 1098 г. Владимир II съехался с Давыдом и Олегом Святославовичами «оу Городца» против Святополка II. Но все обошлось миром. Год прошел относительно спокойно. В Переяславле Владимир II заложил каменную церковь в честь пресвятой Богородицы.

В 1098 г. при впадении реки Остер в Десну Владимир II заложил крепость. Это была будущая твердыня ростово-суздальского княжения в Южной Руси.

Съезд в Уветичах 1099 г.

В августе 1099 г. «въ Оуветичихъ» Ярославовичи съехались вновь. Немирье на Волыни продолжалось. Святополк II не ладил с Давидом Игоревичем, и в их споры вмешивалась, причем не бескорыстно, Польша. А венгры снова потерпели поражение под Перемышлем.

В Уветичах князья съехались на конях, и позади каждого стояла дружина. Давида Игоревича в круг не пригласили, и он ожидал решения Ярославовичей в стороне.

Посоветовавшись, князья послали к Давиду бояр: от Святополка II Путятю, от Владимира II Ратибора, от Давыда и Олега Святославовичей Торчина. Решение Ярославовичей было таково: стола Владимира-Волынского Давиду Игоревичу не видать «зане оувергъ еси ножь в ны». Но дали Давиду волынские города Божеск, Острог, Дубен и Черторыйск, и это было дано от Святополка II. От Владимира II и от Святославовичей Давиду дали гривны.

Давид Игоревич прожил в Дорогобуже после съезда в Уветичах подозрительно мало.

Владимир-Волынский отдал сыну Святополка II Ярославу, близкому товарищу венгерского короля Коломана.

В апреле 1101 г. скончался полоцкий князь Всеслав Брючиславович, правнук Владимира I, не входивший в клан Ярославовичей и правивший достаточно автономно от Киева. Со смертью Всеслава полоцкое княжество стало дробиться на уделы многочисленными сыновьями князя. Этим было дано много поводов для вмешательства в дела полоцкой земли со стороны Киева, Смоленска, а позже Литвы.

В 1101 г. на историческую арену стали выдвигаться правнуки Ярослава. Стоит ли говорить, что число правнуков превосходило число внуков. Крепости Руси это не прибавило.

Племянник Святополка II Ярослав Ярополкович закрылся в Берестье и тем прогневал дядю. Святополк II сам выехал в Берестье, ибо именно через этот город шел путь по Западному Бугу в Польшу. С купцов в Берестье собирали немало гривен и кун.

Племянника заковали и привели в Киев. В столице цепи с Ярослава сняли, решив, что преподавшего урока достаточно.

Съезд в Золотчи в 1101 г.

В 1101 г. Святополк II, Владимир II, Давыд и Олег Святославовичи съехались на очередной съезд «на Золотчи». Прибыли сюда и послы от половцев.

Старшие Ярославовичи поняли, что отступи они от единства, пусть шаткого, и Русь у них вырвут из рук либо половцы, либо «меньшая братия».

Посоветовавшись с половцами, Ярославовичи решили ехать на встречу с ханами в город Саков. Там заключили мир с половцами «пояша таль межи собою». Произошло это в сентябре 1101 г.

В 1101 г. Владимир II Мономах на холме, господствующем над Смоленском, заложил белокаменный собор, посвященный Богородице. Это была будущая епископская кафедра смоленской земли.

Собор Мономаха был взорван в начале XVII в. смолянами в тот момент, когда поляки занимали город.

В октябре 1102 г. мятежный племянник Святополка II Ярослав Ярополкович бежал из Киева и доставил немало беспокойств дяде. Скоро Ярослава схватили и заковали. В результате 1102 г. Ярослав Ярополкович не пережил.

В 1102 г. в Польше скончался Владислав I, и его место занял Болеслав III. И в ноябре 1102 г. Святополк II выдал дочь Сбыславу за нового польского короля.

В 1102 г. у Владимира II родился сын Андрей.

Съезд в Долобске в 1103 г.

В 1103 г. Святополк II и Владимир II съехались с дружинами на новый съезд «на Долобське». Думали, как оборонять Русь от степи. Дружина Святополка II заявила, что весной воевать не время. Владимир II сказал: «Оже начтень смердь орати (пахать) и Половчинь приеха ударить смерда стрелою, а кобылу его поиметь а в село въехавъ поиметь жену его и дети и все именье его возметь, то лошади его жалуешь а самого чему не жалуешь».

Олег Святославович, сославшись на здоровье, в поход на половцев идти отказался. Зато Святополк II, Владимир II, Давыд Святославович, Вячеслав Ярополкович (племянник Святополка II), Мстислав (внук Игоря Ярославовича), Ярополк Владимирович с дружинами в ладьях и на лошадях пошли по весне 1103 г. в степь. И стала русская сила «ниже порогъ... въ Протолчехъ и в Хортичимъ острове (остров Хортица)». Тут всадники осмотрели коней и снаряжение, пешие воины вышли из ладей, воеводы рассчитали припасы, и войско пошло в глубь степи. После пяти дней пути русь подошла к «Сутинь».

Половцы выслали навстречу руси стражу во главе с Алтунопой. Русские «сторожи въстерегоша Алтунопу, и объступиша Алтунопу и въбиша и, и сущая с нимъ». И тут на половцев напал страх.

Когда русские полки, отмеченные стягами князей, ринулись на половцев, степняки, не «доступив до русского строя», развернулись и без сражения побежали. Началась сеча. Это было возмездие хищникам.

В ту пору был апрель, и снег едва сходил.

В августе Святополк II заново срубил город Юрьев на Роси, восстановив после сожжения.

В марте 1103 г. Ярослав Святославович, сидевший в Старой Рязани, сражался с мордвою, но успеха не достиг.

В 1104 г. на Руси было заключено несколько династических браков. В июле Володарь Ростиславович выдал дочь за «Олезиничь» в Византию. Святополк II отдал дочь «Передьславу» за венгерского короля Коломана. Тем были обозначены приоритеты во внешней политике Руси — Польша, Венгрия, Греция.

В декабре 1104 г. в Киев из Византии приехал новый митрополит — грек Никифор.

В 1104 г. скончался еще один племянник Святополка II Вячеслав Ярополкович. В результате пресеклась династическая ветвь, способная соперничать с детьми Святополка II.

А в полоцкой земле обозначились разногласия между потомками Всеслава, и из Киева в Минск выехал воевода Путята. Из Переяславля в полоцкие земли поехал сын Владимира II Ярополк. А из северской земли на берега Западной Двины выехал Олег Святославович. Его дружина шла против Глеба Всеславовича, ранее схватившего своего младшего брата Давыда Всеславовича.

В 1104 г. у Святополка II родился сын Брячислав.

В 1105 г. митрополит Никифор поставил епископов по русским городам. Во Владимир-Вольнский на кафедру был отправлен Анфилохий. В августе в Переяславле поставили епископом Лазоря. В ноябре в Полоцк выехал епископ Мина.

Зимой 1105 г. под гору Заруб, на брод через Днепр, подходил хан Боняк.

В 1106 г. половцы воевали около «Заречьска». Святополк II выслав из Киева Яна, Иванка, Захарьича и Казарина. Воеводы гнали половцев до Дуная и отняли у степняков полон. Это была главная добыча, ради которой кочевники ежегодно совершали набеги на Русь.

В 1106 г. постриглась в монахини вернувшаяся из Европы дочь Всеволода Ярославовича Евпраксия. Ранее ее выдали замуж за Генриха IV.

В 1106 г. скончалась супруга Владимира II. По-видимому ею была Гида, дочь английского короля Гаральда.

В мае 1106 г. Боняк захватил лошадей под Переяславлем. Летом половецкие ханы Боняк, Шарукан и прочие стали под городом Лубны. К реке Сула выступили объединенные силы Святополка II, Владимира II и его детей Мстислава, Ярополка, Вячеслава. Приехала дружина Олега Святославовича.

Как только русские вступили в воды Сулы, половцы кинулись прочь.

В 1106 г. Святополк II похоронил свою супругу. Внуки Ярослава с каждым годом все более полагались на своих сыновей, а собственные силы восполняли жизненной мудростью.

В 1106 г. Владимир II, Давид и Олег Святославичи ходили «на мир» к хану Аяпе.

В 1108 г. Святополк II заложил церковь Михаила в Киеве. В тот же год закончилось строительство трапезного корпуса в Печерском монастыре. На это строительство выделил средства один из полоцких князей Глеб Всеславович.

В 1108 г. умерла сестра Владимира II Ирина и было окончено строительство церкви Богородицы Влахернской «на Клове».

В 1109 г. Святополк II, Владимир II и Давид Святославовичи ходили на половцев, но вернулись от города Воиня. А половцы грабили и жгли села под Переяславлем.

В начале 1111 г. Владимир II «сретостася на Долобське» со Святославом II. Мономах предложил выступить в степь и не ждать, пока по весне крестьяне начнут «орати лошадью тою» и половец ударит его под сердце стрелой и уведет в полон жен и детей, а села сожжет. Святополк II ответил: «...се язъ, брате, готовъ есмь с тобою».

Послали за Давидом Святославовичем, веля прибыть. Князья вышла в степь во вторую неделю великого поста и вели за собой детей и правнуков Ярослава.

Скоро кони русских напились из Сулы, а днем спустя из Хорола. На Хороле полки оставили сани, ибо снег стал сходить. Русь достигла реки Псел и, пройдя далее, стала на реке Голте. Дождались подходов с Руси воинов и двинулись на Ворсклу.

В шестую неделю поста русь подошла на берег Дона. «И обличишася во броне, и полки изрядиша, и поидоша ко град Шаруканю». Русским поднесли рыбу, вино и поклонились.

Князья подошли к иному половецкому городу на Дону — Сугрову — и подожгли его.

24 марта 1111 г. русь отвернула от берега Дона и двинулась к Днепру. Тем временем половцы собрались с силами и дали руси сражение «на потоци Дегея». Русь одолела.

27 марта произошло второе сражение «на реце Салнице». И снова русь одолела. Пленных половцев спросили, отчего в таком числе и силе так скоро побежали. Те ответили: «Како можемъ битися с вами, а друзии ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни, иже помогаху вамъ».

В 1112 г. сын Святополка II Ярослав ходил в поход на ятвягов. Вслед за тем Ярослав женился на внучке Владимира II Мономаха, дочери Мстислава I.

А Мономах отдал свою дочь Евфимию за Коломана венгерского. Ранее за Коломана была выдана замуж Предслава, дочь Святополка II.

25 мая 1112 г. скончался Давид Игоревич, двоюродный брат Владимира II. Тело князя упокоили в церкви Богородицы Влахернской «на Клове». В том же году умерла сестра Мономаха Янка. Ее погребли в церкви св. Андрея, выстроенной ее отцом.

Кончина Святополка II Изяславовича

На пасху 1113 г. занемог Святополк II Изяславович, в крещении Михаил. 16 апреля 1113 г. князь скончался за Вышгородом и был привезен в Киев в ладье.

Бояре и дружина искренне скорбели из-за смерти князя. Этого нельзя сказать о киевлянах. И именно поэтому тело Святополка II тайно положили в сани и привезли в созданную им церковь Михаила о золотых верхах. Овдовевшая княгиня принялась раздавать имущество мужа церквям и монастырям.

Когда киевляне узнали о кончине Святополка II, столицу охватили волнения. Летописец свидетельствует: «Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ тысячького, идоша на жиды и разграбиша я».

Дело было в том, что Святополк II вел на Руси реформу. Результатом ее стало то, что ростовщики посадили в долговую яму большую часть населения столицы. Бояре имели прямое отношение к реформе, и именно они, опасаясь населения, принялись слать гонцов в Переяславль к Владимиру II с настойчивой просьбой поскорее приехать в Киев.

На первое предложение Мономах ответил отказом. Тогда киевские послы стали настойчивее стучать в ворота Переяславля, моля Мономаха такими словами: «Пойди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло оуздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на монастыре, и будеши ответь имель, княже, оже ти монастыре разграбять».

У Владимира II Всеволодовича Мономаха не осталось иного выбора, как сесть на коня и выехать с дружиной к броду на Днепре.

Глава 9

ВЛАДИМИР ІІ ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ (1113–1125)

Когда Владимир II въехал в ворота Киева, «все люде ради быша, и мятежь влеже». Новый великий князь положил конец реформам Святополка II, к которым никогда не питал симпатий и того не скрывал, и вздохнувшая Русь умиротворилась.

Как только весть о кончине Святополка II достигла половецких веж, степняки подошли к городу Вырь. Навстречу кочевникам вышел Владимир II с сыновьями. Подошел и Олег Святославович. Видя силы руси, половцы бежали.

Вернувшись в Киев, Владимир II посадил вывезенного из Смоленска сына Святослава в Переяславль. Другого сына Вячеслава Мономах отправил в Смоленск. А сына Романа Мономах женил на дочери Володаря Ростиславовича. Тем самым Мономах умиротворил Галицию и приблизил ее к Киеву.

В 1113 г. еще один сын Мономаха Мстислав I, сидевший в Новгороде, заложил на княжеском дворе, у городского торгового каменного храма св. Николая.

В 1114 г. в Переяславле скончался Святослав и Мономах посадил на его место сына Ярополка. Святослава Владимировича упокоили в храме св. Михаила в Переяславле.

1113 г. в Юрьеве поставили нового епископа Даниила, а в Белгороде поставили епископом Никиту.

В 1114 г. Мстислав I Владимирович развернул на русском севере широкое строительство. В Старой Ладогe посадник Павел строил каменную крепость. А в Новгороде Мстислав I перестраивал город «болии перваго». Ранее, в 1103 г., Мстислав I выстроил каменный храм на Рюриковом Городище.

Князья, даже такие, как Мстислав I, чувствовали себя в Новгороде неуютно, и стремление вынести резиденцию за стену города понятно. В самом начале XII в. новгородская София из веденья князей перешла во власть владыки. Таким образом новгородская София превратилась в символ народовластия Северной Руси, противостоявший княжеской деспотии Руси Южной.

Заложенная в 1113 г. в Новгороде церковь св. Николая прообразом имеет Успенский собор Киево-Печерской лавры. Это трехнефный шестистолпный храм с хорами в западной части здания. Первоначально храм нес пять глав, и это было исключение для новгородской архитектуры. Ныне над храмом красуется одна глава.

Николо-Дворищенский храм стал княжеской дворцовой церковью в начале XII в., придя на смену Софии. Сразу после строительства храм св. Николая расписали, и живопись походила на роспись киевской Софии.

В 1115 г. Владимир II, Давид и Олег Святославовичи организовали перенесение мощей св. Бориса и Глеба во вновь отстроенную каменную церковь в Вышгороде.

На торжества сошелся народ и съехались епископы: из Чернигова Феоктист, из Переяславля Лазорь, из Белгорода Никита, из Юрьева Данила. Прибыло много священников и игуменов — Прохор из Печерского монастыря, Сильвестр из храма Михаила, Сава от св. Спаса, Григорий от св. Андрея, Петр Кловский и многие иные духовные и мирские лица.

Раку Бориса переносили из старой, видимо деревянной, церкви. Когда раку «въставиша и навозила, и поволокоша» от множества князей, бояр, чернецов и простого народа «и не бе лзе вести».

Владимир II не поскупился, и рака была отделана «сребромъ и златомъ».

1 августа 1115 г. скончался Олег Святославович. Его положили в черниговском соборе св. Спаса, рядом с отцом Святославом Ярославовичем. Так один за другим уходили внуки Ярослава, союз которых держал Русь «не розно, но едино», и соседние державы о том знали не

понаслышке.

Судьба Олега Святославовича богата страданиями, изгнаниями, скитаниями. Но князь сумел добиться отцовского наследия, а впоследствии и послужил Руси верой и правдой.

В 1115 г. Владимир II выстроил мост через Днепр, объединив Киев и Чернигов, подобно тому, как объединились Святославовичи и Всеволодовичи. Но нет ничего вечного на свете.

В 1116 г. Владимир II организовал поход на полоцкого князя Глеба Всеславовича. В Киеве стало известно, что Глеб завоевал земли союза дреговичей и сжег город Слуцк. Летописец замечает, что Глеб «и не каешеться о семь».

Владимиру II помогали его сыновья. Сел на коня и Давыд Святославович с сыновьями покойного Олега Святославовича.

Вячеслав Владимирович взял стоящие над Днепром города «Ръшю и Копысу». А Давыд Святославович и Ярополк Владимирович «оузя Дръютескъ на щить».

Владимир II подошел к Смоленску, где «затворися Глебъ въ граде». Это значит, что прежде Глеб Всеславович овладел Смоленском. Владимир II вывел Глеба из Смоленска и дал ему Минск. Это был новый Минск, ибо от старого осталось лишь заброшенное городище со слоем углей под дерном.

После того Мономах вернулся в Киев. А Ярополк Владимирович «сруби городъ Жельди Дръючаномъ, их же бе полонилъ».

Тем временем Мстислав I ходил в поход на чудь. С дружиной князя шли новгородцы и псковичи. Мстислав I овладел городом Медвежья Голова и привел в Новгород большой полон.

В 1116 г. Киев вернулся к старой политике, пытаясь расширить влияние Руси на нижний Дунай. В 1018–1187 гг. Болгария была во власти Византии. В 1081–1118 гг. империей ромеев правил Алексей I. Дочь Владимира II Мария была замужем за греческим принцем Леоном.

В 1116 г. Леон овладел несколькими городами на нижнем Дунае. 15 августа греки взяли «Дельстре». И интересы Византии и Киева столкнулись.

Видимо, власть греков над нижнедунайскими городами не была прочной. Узнав о занятии греками нижнедунайских городов, Владимир II выслал на Дунай войско во главе с Иваном Войтищечем. Приказано было посадить по городам русских посадников, но власть их едва ли была твердой.

Предпринял Владимир II еще один шаг, достойный прапрадеда Святослава Игоревича. На Дон с Руси выступили Ярополк Владимирович и племянник Давыда Святославовича Всеволод Олегович.

На Дону русские князья взяли три половецких города — Сугров, Шарукан, Балин.

Из похода Ярополк Владимирович вернулся с полоненной им дочерью ясского князя. Он женился на девице, и была она «красну велми».

Иван Войтищеч не решил всех вопросов на нижнем Дунае, и в 1116 г. на Дунай с Руси выехали Вячеслав Владимирович и Фома Ратиборович. Русь подошла к Доростолу «и не въспевше ничто же, воротишася».

В 1116 г. на Дону русь два дня сражалась с половцами, торками и еще бродившими в степях Северного Причерноморья печенегам.

А среди Ярославовичей в 1116 г. произошли такие события. Скончалась черница Предслава (быть может, дочь Святополка II, бывшая замужем за Коломаном). В 1116 г. в полоцких землях умер старший сын Всеслава Роман. В 1116 г. умер Мстислав, внук Игоря Ярославовича, один из князей-изгоев, живший милостью киевского князя.

В 1116 г. Владимир II выдал дочь Агафью за Всеволодка (не совсем понятно, кто этот князь).

В 1117 г. Владимиру II пошел шестьдесят пятый год, и князь решил, что пора перевести

сына и преемника Мстислава I из Новгорода ближе к столице, в Белгород.

В Новгороде Мстислав I оставил о себе светлую память. В 1117 г. князь выстроил собор Рождества Богородицы Антониева монастыря под Новгородом. Добраивали и расписывали собор при сыне Мстислава I Всеволоде.

Собор Антониева монастыря стоит в одном ряду с Николо-Дворищенским храмом. Но есть у Антониева собора особенность — цилиндрическая башня на северо-западном углу здания. Внутри башни заключена лестница, ведущая на хоры. Собор Антониева монастыря увенчан тремя асимметрично поставленными главами. К росписи собора приступили в 1195 г. В росписи просматривается особенность новгородской художественной школы с резкостью и контрастностью форм.

В 1117 г. Мономах выступил в поход к Владимиру-Волынскому на Ярослава, сына Святополка II. Великий князь простоял шестьдесят суток под стенами города, пока не заключил с племянником мир. При этом Мономах наказал Ярославу приходить в Киев «когда ты позову». В конце концов Ярослав бежал в Венгрию, ибо был оставлен боярами.

И в 1117 г. Мономах послал во Владимир Волынский сына Романа. А 6 января 1118 г. Роман умер и вряд ли своей смертью.

В 1117 г. в Болгарию, едва контролировавшуюся Византией, пришли половцы. Болгары поднесли половецкому хану Аепе питье с отравой. Тот выпил сам и дал выпить своим спутникам, и «все помроша».

В 1117 г. из среднедонского города Руси Белой Вежи, отвоеванной в X в. у хазар Святославом, жители пришли на Русь. В начале XII в. Русь утратила контроль и над Тмутараканью, отнятой половцами.

В 1117 г. Владимир II, ведущий гибкую политику со степью, женил сына Андрея на внучке хана Тугоркана.

Не забывал Владимир II и о полоцких делах. Великий князь вывел мятежного Глеба Всеславовича из Минска.

В 1117 г. Владимир II «црковь заложи на Лъте».

В 1118 г. княжить во Владимир-Волынский поехал Андрей Владимирович.

В 1119 г. Владимир II снова озаботился полоцкими делами. Глеб Всеславович овладел Минском, и Мономаху пришлось привести князя в Киев. А 13 сентября 1119 г. Глеб Всеславович умер в Киеве, и вряд ли его смерть была естественной.

События 1120–1125 гг.

В 1120 г. на древнерусскую историческую сцену выступил один из ярчайших героев — младший сын Мономаха Юрий, прозванный Долгоруким. Отец отправил Юрия в ростово-суздальские земли, в край глухой и далекий от столичной жизни.

В 1120 г. Юрий пошел в поход по Волге в Булгарию и вернулся от устья Камы с большим полоном, а Андрей Владимирович с Волыни вторгся в Польшу.

В 1121 г. Владимир II изгнал из пределов Южной Руси тюркских кочевников — берендеев, торков, печенегов.

Покой западных рубежей державы нарушил Ярослав Святополкович, подошедший с ляхами к городу Червень. Посадник Фома Ратиборович не сплеховал, и Ярослав от стен Червеня ушел «не въспевше ничто же».

В 1121 г. в Киеве умер митрополит Никифор. Это стало правозвестием волны назначений новых епископов. Между тем в Киеве, остававшемся громадной, ослепительно красивой столицей все еще единой и могучей Руси, продолжалось каменное строительство. В Копыревом конце, в пригороде Киева, была заложена церковь св. Ивана.

Старался не отстать от Киева Новгород. Внук Мономаха Всеволод Мстиславович в 1119 г. отстроил недалеко от загородной резиденции князей (на Рюриковом Городище) Георгиевский собор Юрьева монастыря. Это здание на севере Руси уступало лишь новгородской Софии. Строил собор русский мастер Петр. Собор представляет собой трехнефное шестистолпное здание с палатами в западной части.

Георгиевский собор, как и собор Антониева монастыря, увенчан тремя главами. Башня Георгиевского собора включает в себе лестницу, ведущую на хоры. Башня расположена в северо-западном углу здания и имеет квадратную в плане форму. Вскоре после постройки Георгиевский собор расписали.

Не исключено, что Петр, создававший Георгиевский собор, имел прямое отношение к строительству Рождественского собора Антониева монастыря и Николо-Дворищенского собора Новгорода.

Из Византии на Русь приехал новый митрополит Никита. К тому времени скончались епископы юрьевский Данило и владимирский (волынский) Анфилофий.

В 1121 г. поляки схватили Володаря Ростиславовича. А из Новгорода в Белгород князю Мстиславу I Владимировичу привезли вторую жену «Дмитровну Завидову внуку». От этой жены Мстислав I имел двоих сыновей — Святополка и Владимира — и дочерей, одна из которых была выдана за Всеволода II Ольговича.

Первой супругой долго жившего в Новгороде Мстислава I была Христина, дочь конунга Швеции Инга Стенкильсона. Христина родила Мстиславу I старших сыновей: Всеволода, Изяслава и Ростислава.

В 1123 г. скончался еще один внук Ярослава Мудрого Давыд Святославович. На его столе в Чернигове сел родной брат Ярослав Святославович, кроме того владевший Старой Рязанью.

Продолжали уходить епископы. В 1123 г. скончались Сильвестр, епископ Переяславля, и Феоктист, епископ Чернигова.

Продолжал беспокоить западные рубежи Руси изгой Ярослав Святополкович. Набрать в Польше, Чехии и Венгрии охотников до легкой поживы на Руси не представляло труда. Не питали большой любви к Киеву и в Галиции. В 1123 г. вся эта буйная сила сошлась под стенами Владимира-Волинского.

Андрей Владимирович, сын Мономаха, принялся с тревогой вглядываться на восток — не

пылит ли под копытами киевской дружины дорога. Но дело решилось без вмешательства Мономаха.

Ночью два поляка, по-видимому подкупленных, подстерегли Ярослава Святополковича, повалили в телегу и оскопили. Несчастный князь той же ночью умер. Поляки и венгры ушли от греха восвояси, а Владимиру II послали богатые дары.

В 1124 г. Русь пережила землетрясение — «земля потрясется мало». У церкви Михаила в Переяславле обвалился верх.

В 1124 г. за князя Всеволода Давыдовича, внука Игоря Ярославовича, выдали замуж «ляховицю Мюрому».

В 1124 г. Русь пережила жестокую засуху, отозвавшуюся, помимо прочего, пожарами городов. В Киеве погорел Подол, а вслед за тем «въ оутрии же днь погоре Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горе въ граде, и жидове».

В 1124 г. один за другим скончались Василько и Володарь Ростиславовичи. Их династическая ветвь сумела глубоко пустить корни в Галиции, и история потомков Ростиславовичей имеет немало ярких страниц.

28 февраля 1125 г. умерла супруга Святополка II.

А с девятого на десятое мая 1125 г. скончался Великий киевский князь Владимир II Всеволодович Мономах. Тело князя положили в киевской Софии, рядом с телом его отца. Князь был воистину добрый страдалец за русскую землю. Слава о Владимире II Мономахе «произиде по всимъ странамъ». Народ искренне «по немь плакахуся, якоже дети по отцу или по матери...».

Мономах был сильным, мудрым и добрым князем. Это понимаешь, не только знакомясь с историческими источниками, но и читая «Поучение князя». Каждая строка Поучения проникнута удивительно светлым духом его создателя.

Мономах пишет: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дал себе упокоя, что было надобе, весь наряд, и в дому своемъ то я творил есмь. И в ловчих ловчий наряд сам есмь держал и в конюсех, и о соколех и о

ястрябех... Тоже и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм силным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал... Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы Бог подасть».

Только весть о кончине Мономаха достигла половецких веж, тюрки тотчас явились «къ Баручю». Ярополк Владимирович подошел к Переяславлю, и половцы отступили к реке Сула.

Кочевников страшило одно имя Владимира II Мономаха. Но и сыновья могучего князя умели усмирить степь.

Глава 10

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕДИНСТВА РУСИ

Мстислав I Владимирович (1125–1132)

В X — начале XI в. князья правили Русью единовластно, однако ко второй половине XI в. выработалась система коллегиального управления. Изяслав I, Святослав и Всеволод Ярославовичи держали Русь до 1093 г. в целостности и в относительном благоденствии. Следовали подобной политике и их дети. Правда, шли они к этому не прямыми путями. В 1093–1125 гг. Святополк II Изяславович, Давыд и Олег Святославовичи, Владимир II Всеволодович не утратили взаимного контакта и, хлебнув лиха в усобицах, сплотились в могучую державную десницу, способную не только оборонить Русь, но и возвысить. Двоюродные Ярославовичи сходились на частых съездах. Относительная независимость полоцких Всеславовичей и галицких Ростиславовичей на рубеже XI–XII вв. не стала той критической массой, которая могла бы развалить Русь изнутри.

Во второй четверти XII в. троюродные Ярославовичи не удержали Русь в единстве, и громадное государство на глазах одного поколения превратилось в объединение полузависимых, а часто враждебных друг другу уделов — княжеств. Каждое княжество имело прообразом Киевскую Русь XI в. и содержало собственных епископа, собор, летописца, войско и прочее. Однако подобие уступало прообразу в десятки раз по всем показателям, и мощь отдельных русских княжеств была тенью Руси X–XI вв.

К середине XII в. некогда малообжитые просторы востока Европы превратились в достаточно благоустроенные для своего времени, пространство и соблазн независимости у князей и бояр пересилили рассудок и заглушили инстинкт самосохранения. А степь не дремала. Ее глаза и уши постоянно присутствовали на Руси, и все, что вело к ослаблению организма могучего государства, подавало надежду на хорошую поживу.

В 1127 г. скончалась супруга Владимира II Мономаха.

1128 г. начался распрей между потомками Святослава Ярославовича. Всеволод II Ольгович крепко обидел дядю — Ярослава Святославовича. Всеволод II посек в Чернигове дружину Ярослава. Сам Ярослав сидел в муромо-рязанских землях, фактически отделившихся от некогда обширного Черниговского княжества.

Мстислав I Владимирович возмутился поступком Всеволода II и послал в черниговскую землю брата Ярополка. Всеволод II, в свою очередь, привел семь тысяч половцев. Кочевники стали «оу Ратьмире дубровы за Выремель».

Ярополк схватил посадников, сидевших на Локне, рвавшегося к абсолютной власти в черниговской земле Всеволода II. Половцы, не имея вестей от Всеволода II и не желая встречи с киевской дружиной, от греха бежали восвояси.

В начавшихся переговорах Всеволод II стал молить у Мстислава I прощения, при этом не забывая щедро одаривать киевских бояр. А приехавший из Мурома Ярослав Святославович стал требовать возмездия племяннику. Но толком ничего не добившись, Ярослав вернулся в Муром.

Летописец, повествуя о событиях 1128 г., замечает, что Владимир II Мономах «самъ собою постоя на Дону, и много пота оутерь за землю Роускою». Сын его Мстислав I «моужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгоу, за Гиикъ (река Яик — Урал) и тако избави Бъ Роускою землю от поганыхъ».

В 1128 г. Мстислав I организовал грандиозный общерусский поход в полоцкие земли. Киев задумал разом покончить с независимостью сыновей Всеслава.

Из Турова выехала дружина Вячеслава Владимировича. Из Владимира Волынского выступил Андрей Владимирович. Из Городка вышел Всеволодко (быть может, сын Мстислава I, сидевший в Новгороде). Из Клечска выехала дружина князя Вячеслава Ярославовича (внука

Святополка II).

Эти четыре князя должны были идти к городу Изяславлю.

Всеволод II Ольгович с братьями должен был идти на «Стрежевь къ Борису».

Киевский воевода Иван Воитишич повел на город Логожск торков — тюркский народ, обитавший в бассейне реки Рось.

Из Смоленска на Друцк выступил сын великого князя Ростислав Мстиславович.

Из Курска на Логожск вышел Изяслав Мстиславович.

Приказ Мстислава I по всем русским силам был краток: «Въ единъ днь всимъ пустити на воропъ, мсца августа въ первый на десять днь».

Первым в центре полоцких земель оказался Изяслав II Мстиславович. Город Логожск сдался ему без сражения.

Вячеслав и Андрей Владимировичи осадили город Изяславль, и началось сражение с горожанами.

Изяслав Мстиславович простоял у Логожска два дня, поймал своего зятя Брючислава (Борисовича), внука Всеслава полоцкого, пытавшегося помочь отцу, и выступил к городу Изяславлю в помощь дядьям.

Осада Изяславля из трагедии превратилась в трагикомедию. Горожане, понимая бессмысленность сопротивления, обратились к Вячеславу Владимировичу, сидевшему в Турове и бывшему ближайшим соседом полоцким землям: «Призови ны Ба, яко нас не даси на шить».

Изяславль сдался, и ночью произошло то, чего опасались жители. Тысяцкий Воротислав Андреев и Иванко послали отроков в город, и начался грабеж. Ярославовичи едва спасли добро дочери великого князя Мстиславны, ранее выданной в полоцкую землю замуж. Возвращались русские полки по своим городам и волостям с большим полоном.

Опоздали к разгару кампании 1128 г. лишь новгородцы. Их вел Всеволод Мстиславович «къ Неключю». С водораздела Ловати и Западной Двины новгородцы повернули домой.

Тем временем в Полоцке горожане поспешили «сътъснувшеси» изгнать ненавистного Киеву Давида Всеславовича с сыном и посадить на стол лояльного к столице Рогволода Борисовича, внука Всеслава.

Однако участь потомков Всеслава была предрешена. Вскоре после похода 1128 г. скончался Борис Всеславович, сидевший в Друцке. И полоцкие земли снова стали не управляемы для Киева.

После того как с берегов Западной Двины в ответ на требование выступить в поход на половцев последовал отказ, Мстислав I в 1130 г. преступил крестное целование и заточил полоцких князей с женами и детьми и отправил в ссылку в Византию.

Ладьи вниз по Днепру унесли Ростислава и Святослава Всеславовичей, Василя и Ивана Рогволодовичей. Судьба иных полоцких князей в годы, следовавшие за 1130 г., неясна. Но уже в 1132 г. народное собрание на полоцкий стол посадило князя Василька Святославовича, сына Святослава Всеславовича. Год 1132-й был годом кончины Мстислава I.

13 декабря 1128 г. умер Изяслав Святополкович. Его дед Изяслав I Ярославович был старшим братом Всеволода Ярославовича. Но в 1128 г. и речи не шло о том, чтобы кто-то из потомков Святополка II сел на киевский стол. Право родового старшинства в вопросе престолонаследия должно было подкрепляться силой, в противном случае оно ничего не стоило.

Весна 1129 г. была знаменательна обильной вешней водой. Паводок «потопи люди и жито, и хоромъ внесе». Особо пострадал Новгород. Зима была необыкновенно холодной и снежной. Мало того, что вымерзли озимые хлеба, вешняя вода смыла с полей семена. В результате север Руси поразил жестокий голод.

Между тем киевские горы продолжали украшаться каменными соборами. В 1129 г.

Мстислав I заложил в Киеве храм св. Федора, а в 1130 г. из Ростова в Киев приехал Юрий Долгорукий с тысяцким и оковал на свои средства гроб Феодосия Печерского.

25 июля 1130 г. скончался единственный сын сидевшего в Турове Вячеслава Владимировича Михаил. Бездетность князя впоследствии стала причиной милости племянников к Вячеславу.

В 1130 г. в Муроме умер Ярослав Святославович, бывший основоположником самостоятельности рязанского и муромского княжений.

В 1131 г. Мстислав I отправил сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава в поход на чудь. Князья без труда справились с заданием и возложили на чудь дань.

В 1132 г. Мстислав I с сыновьями и Ольговичами выступил в поход на Литву. Поход не был удачным. Позади княжеских дружин «особе» шли киевляне. Их и побили литовцы.

В 1132 г. у Мстислава I родился сын Владимир. Вскоре Мстислав I Владимирович скончался. На стол в Киеве сел его родной брат Ярополк Владимирович. В ту пору была середина апреля. Гроб с князем поставили в отстроенной им церкви св. Федора.

Никто не решался открыто выступить против Киева. Однако спокойствие было обманчиво, ибо уже назревал разлад внутри гнезда сыновей и внуков Мономаха. Трещины, прошедшие по этой могучей ветви ярославского древа, разошлись по всей Руси глубокими разломами.

Ярополк Владимирович (1132–1139)

Ярополк, сев в Киеве, вызвал племянника Всеволода Мстиславовича из Новгорода и посадил в Переяславле. На это была предсмертная воля Мстислава I, желавшего видеть старшего сына своим преемником. Это крайне не понравилось Юрию Долгорукому. Он изгнал Всеволода из Переяславля, и Ярополку пришлось посадить в тот город Изяслава Мстиславовича, что несколько успокоило Юрия.

В 1134 г. скончался внук Олега Святославовича Изяслав Глебович. Но силы Ольговичей росли, и очень скоро потомки Мономаха это ощутили.

Ранее некий Мирослав послал с Руси на юг за доской от гроба господня. В 1134 г. Дионисий привез в Киев доску, на которой впоследствии была написана величайшая икона Руси — Богоматерь Владимирская.

А вокруг Переяславля в 1134 г. продолжилось хождение князей. Город служил последней ступенью к Киеву, и обладание им было залогом будущего великого княжения. Дяди гнали племянников, а Ярополк был не в силах установить порядок.

Ранее Всеволод Мстиславович из-за Переяславля оставил Новгород. Вернувшись на север, Всеволод не был принят новгородцами. Свободолюбивые горожане еще в 1132 г. избрали посадников для Новгорода и Пскова. Новгородская летопись свидетельствует: «Мирославу даша посадницати въ Пльскове, а Рагуйлови в городе (Новгороде)». Правда, скоро Всеволода Мстиславовича все же приняли в Новгороде. Ранее, в 1127 г., Всеволод возвел в Новгороде храм Ивана на Опоках.

В 1135 г. Всеволод выстроил последний княжеский храм в Новгороде — Успения на Торгу. Это был трехнефный шестистолпный собор, в нем отсутствовала башня с лестницами, и на хоры вели узкие ходы, заключенные в западной стене здания. При этом древнейшая на Руси крестовая в сечении форма столбов была заменена квадратной и круглой.

В более позднее время новгородцы не допускали княжеского строительства в черте города. Князья продолжали строить в загородной резиденции — на Городище. Да и то строительство по большей части было деревянным, ибо князья в Новгороде превратились во временщиков. Они не знали, когда придется спешно выезжать подальше от распаленных гневом горожан.

Не дремали и полочане. Стоило умолкнуть цокоту копыт уехавшего в Переяславль Изяслава II Мстиславовича, как полочане выгнали его брата Святополка Мстиславовича и посадили княжить вернувшегося из Византии Василька Рогволодовича.

Однако и Изяслав II ехал в Переяславль напрасно. Этот желанный город, словно единственный на Руси, у князя отобрал дядя Вячеслав Владимирович. Но и Вячеслав зимой лишился Переяславля и поехал вопреки уговорам Ярополка в свой Туров. В результате Изяслав II был лишен данного ему Турова (взамен на Переяславль). А в Переяславле сел Юрий Долгорукий. Добиваясь от Ярополка Переяславля, Юрий посулил великому князю часть своей волости и среди прочих городов Суздаль и Ростов.

В спор потомков Мономаха вмешались потомки Олега Святославовича. Поводом послужили споры потомков, якобы задевавшие интересы Ольговичей.

В результате Великий князь Ярополк с братьями Андреем и Юрием Владимировичами подступили к Чернигову. Всеволод II Ольгович по обычаю своего рода послал за половцами. Ярополк, простояв несколько дней у Чернигова, вернулся в Киев и распустил воинов.

Тем временем к Всеволоду II подошла половецкая помощь. Приехали к нему и обиженные племянники великого князя Изяслав и Святополк Мстиславовичи. Их сердца пылали ненавистью к дядьям. Скоро эта сила пошла жечь и сечь все вплоть до Переяславля и левого

берега Днепра «и Городецъ зажгоша на стго Андрея днь».

Бесчинства продолжались три дня. После этого Всеволод II вернулся к Чернигову и начались переговоры. Ольговичи требовали отчины, в противном случае предупреждали Ярополка и его братьев «то на васъ буди кровь».

Помирились к зиме, лишь после того как Ярополк собрал всю силу Киева, а Юрий — силу Переяславля. И стояло воинство пятьдесят дней под столичными городами.

Всеволод II Ольгович примирился. А Ярополк среди своей ближайшей родни урядил так: Андрей Владимирович сел в Переяславль, а Изяслав II Мстиславович поехал во Владимир-Волынский, где ранее сидел Андрей. Отныне судьба Изяслава II была неразрывно связана с Западной Русью, а его потомкам суждено было владеть Волынью и Галицией. Сам Изяслав II был прозван Волынским.

Между тем наступил 1136 г. В начале августа 1136 г. Всеволод II Ольгович с братьями подошел к Переяславлю. Три дня у епископских и княжеских ворот города шло сражение. Всеволоду II стало известно, что в верховьях реки Супой находится Ярополк с дружиной и братьями. Всеволод II поспешил навстречу Ярополку, и 8 августа произошло сражение.

Ярополк не был искусен ни в политике, ни в военном деле. Полки свои он не «нарядившеся

гораздо» двинул на Ольговичей, полагая, что те не в силах стать против киевской дружины. Поначалу надежды Ярополка сбывались. Главная сила киевлян опрокинула союзных Чернигову половцев и погналась за ними, оставив позади Ярополка с братьями Вячеславом, Юрием и Андреем и не самых крепких воинов. А тем временем битва лишь разгоралась.

Ольговичи стали теснить детей Мономаха «Василко Леонович чревичь оубьень быс, и быс брань люта, и мнози от обоихъ падаху». Полк Мономашевичей дрогнул и начал отступать к Днепру.

Не подозревавшие худого бояре и дружинники Ярополка, вернувшись с погони за половцами, угодили в руки к Ольговичам. Всеволод II взял стяг Ярополка и пленил «Двда Ярославича тысячьскаго и Станислава Доброго Тудьковича и причих мужии».

В сражении погиб внук Мономаха Василий, сын Марии Владимировны и греческого принца Леона, сына императора Алексея I.

Ярополк с братьями вернулся в Киев. Андрей Владимирович заперся в Переяславле.

Всеволод II Ольгович переправился на правый берег Десны, стал против Вышгорода и спустя семь дней уехал в Чернигов.

29 декабря 1136 г. Ольговичи с половцами перешли Днепр и принялись воевать вокруг Киева, от Треполя, Василева и Красна на юге до Белгорода на севере. Стрелы их из-за Лыбеди долетели до стен столицы.

Ярополк отовсюду собрал воинов, но решиться на новое сражение не мог и пошел на мирные переговоры. 12 января в присутствии митрополита Михаила Ярополк и Всеволод II целовали крест и Ярополк «вда... Олговичемъ отчину свою, чего и хотели; и тако оутеши... брань ту лютую».

В 1137 г. в Смоленске учредили епископскую кафедру. Во главе нее поставили пришедшего из Греции к Мстиславу I скопца Мануила. И был тот епископ «Певечь гораздни».

В 1137 г. сидевший в Смоленске князь Ростислав Мстиславович написал знаменитую грамоту, даровавшую епископу десятину с княжеских доходов. Мы вернемся к рассмотрению грамоты Ростислава при описании смоленских земель.

В 1137 г. в ростово-суздальских землях, у Ждановой горы, среди густых лесов, окружающих Плещеево озеро, произошло еще одно сражение. Новгородцы бились с суздальцами.

Сидевший в Новгороде Всеволод Мстиславович желал овладеть частью волости дяди Юрия Долгорукого во многом из-за обиды своего брата Изяслава II Мстиславовича. В первом походе Всеволод Мстиславович дошел до Дубны и, не решившись идти далее, вернулся. Новгородцы заволновались. Им нужен был безопасный путь по Верхней Волге, ибо от этого зависели поставки хлеба на север Руси.

На умиротворение Новгорода из Киева приехал митрополит Михаил. Новгородцы задержали митрополита, и 31 декабря выступили в новый поход на Суздаль.

26 января 1137 г. на Ждановой горе полки новгородцев и суздальцев сошлись, и началась жестокая сечь. С обеих сторон пало множество народа. Далее на восток новгородцев не пустили, и они были вынуждены вернуться домой без победы. Скоро митрополита Михаила освободили, и он выехал на юг, в Киев.

В 1137 г. Всеволод Мстиславович отдал дочь Верхуславу замуж в Польшу.

В 1138 г. буйство новгородцев не ограничилось лишь сбрасыванием чиновных бояр с моста в Волхов. На вечернюю площадь помимо новгородцев приехали послы от Пскова и Старой Ладogi. Всеволоду Мстиславовичу припомнили грехи — и то, что прежде всех ушел со Ждановой горы, и то, что искал стола в Переяславле, что не блюдет простого народа, а забавляется собаками да ястребами. Напомнили князю и о многом другом.

Несчастливого Всеволода Мстиславовича с женой (дочерью Святоши, сына Давыда Святославовича) и тещей посадили в дом епископа и приставили тридцать стражников. Князь просидел в доме владыки семь недель. А новгородцы ожидали приезда Святослава Ольговича, призванного защитить север Руси от гнева Мономахевичей.

По прибытии Святослава Всеволода освободили, и князь, оставив в Новгороде сына Владимира, поспешил в Киев, к дяде Ярополку.

Ярополк дал Всеволоду Мстиславовичу Вышгород и смирился с тем, что север Руси склонился перед Ольговичами.

Долго сидеть на вышгородском холме над Днепром Всеволоду не пришлось. В 1138 г. в Киев приехали псковичи и среди них новгородский посадник Константин и псковский боярин Жирята. Псковичи взяли в свой город на княжение Всеволода Мстиславовича. Причиной тому было решение Пскова отделиться от Новгорода.

Тем временем страсти в Новгороде накалялись. Сторонник изгнанного князя Георгий Жирославович полетел с моста в Волхов. При этом новгородские бояре и сам посадник держали сторону Всеволода Мстиславовича, но совладать с горожанами не могли и в конце концов ушли из Новгорода к Всеволоду.

А Всеволоду Мстиславовичу по дороге в Псков довелось встретить вернувшегося из византийской ссылки полоцкого князя Василька Рогволодовича. Но он не попомнил Всеволоду дела его отца Мстислава I и проводил гостя до границ полоцкой и псковской земель.

Когда в Новгороде узнали, что Всеволод приехал в Псков, горожане разграбили дома

сторонников этого князя — Кснятин, Нежатин и прочие. Иных же обложили пенями, а вырученные 1500 гривен ссудили купцам «крутитися» на заготовку военного снаряжения.

Воистину Новгород XII в. был городом неукротимым, и ни один князь на Руси не мог смирить его буйство.

Тем временем новгородцы избрали нового посадника Якуна Мирославовича. А смущенный северным темпераментом Святослав Ольгович «съвкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глеба съ Куряны и съ Половци, и идоша на Пльсковъ».

Псковичи это вовремя устерегли и принялись устраивать засеки по лесным дорогам. Святослав Ольгович повернул в Новгород от Дубровны, отстоящей от Пскова за три дневных перехода.

Очень скоро великий князь киевский лишил Новгород хлебного подвоза из центральных областей Руси, и по северной столице покатила новая волна неудовольствия. На сей раз гнев новгородцев пал на голову Святослава Ольговича. Святослав женился на новгородской женщине. Местное духовенство в лице архиепископа Нифонта отказало князю в благословении. Тогда Святослав «веньяся своими попы у святого Николы», то есть в Николо-Дворищенском храме, служившем князьям духовным убежищем.

Святослав Ольгович поспешил уладить отношения с духовенством и определил архиепископу 100 гривен из казны князя помимо причитавшегося. Мы коснемся, и весьма подробно, Уставной грамоты Святослава Ольговича, описывая новгородские земли.

Подобный шаг не мог спасти положение князя, и весной 1139 г. новгородцы изгнали из города Святослава Ольговича. При этом в Новгороде были оставлены бояре Святослава и княгиня, позже сосланная в монастырь св. Варвары.

Вскоре в Новгород въехал сын Юрия Долгорукого Ростислав. А Святослав Ольгович был задержан в Смоленске и помещен в монастырь, стоящий над рекой Смядынь. И на юге Руси разгорелось немирье между Мономаховичами и Ольговичами.

11 февраля 1138 г. в Пскове скончался Всеволод Мстиславович, в крещении нареченный Гавриилом.

4 апреля 1139 г. умерла Евфимия Владимировна, одна из дочерей Мономаха.

Когда Всеволод II Ольгович подошел с половцами к городу Прилуки и взял ряд иных городов по реке Сула, терпению Ярополка пришел конец.

К Киеву стали съезжаться братья и племянники Великого князя. Повсюду от Ростова и Суздаля до Смоленска, Полоцка и Турова тысячи воинов облачались в кольчуги и брали в руки оружие. Подошла помощь из Венгрии. Пришли к Киеву тридцать тысяч берендеев, тюркских кочевников из-за Роси. Став под стяги Святополка Владимировича, эта тяжкая сила перешла Днепр и двинулась к Чернигову.

Когда Всеволод II Ольгович со стен Чернигова увидел несметное войско, ставшее под городом, сердце его заныло. Всеволод II понял, что следует просить мира.

Ярополк, стоявший у города Моровийска, пошел на мир с Всеволодом II. Князья целовали крест и разошлись по своим волостям.

18 февраля 1139 г. великий князь Ярополк Владимирович скончался. Его погребли «въ Янцине манастыри оу стго Андрея».

В Киев въехал брат Ярополка Вячеслав Владимирович.

А от Чернигова к Киеву уже спешил Всеволод II Ольгович. С князем ехали хлебнувший лиха в Новгороде брат Святослав Ольгович и двоюродный брат Владимир Давыдович. Князья подошли к Вышгороду.

Глава 11

ПРАВЛЕНИЕ ОЛЬГОВИЧЕЙ

Всеволод II Ольгович (1139–1146)

4 марта нового, 1140 г. Всеволод II Ольгович подошел к Копыреву концу Киева и начал зажигать дворы. Вячеслав выслал к Всеволоду II митрополита, и тот обратился к Ольговичу с такими словами: «Иди опять Вышегороду, а язъ днсь идоу въ свою волость, а то тебе Киевъ». Дед Вячеслава Всеволод Ярославович был младшим братом деда Всеволода II Святослава Ярославовича. В этом была причина того, что Мономашевичи уступили Ольговичам Киев.

5 марта 1140 г. Всеволод II Ольгович въехал в Киев. В столицу приехал и брат князя Игорь Ольгович, напомнивший Всеволоду, что тот давно обещал дать ему Чернигов. Всеволод II Чернигов дал двоюродному брату Владимиру Давыдовичу. Стоит ли говорить, что согласия в стане Ольговичей от такого решения не добавилось.

А на Русь возвращались сосланные в Византию полоцкие князя Василий и Иоанн Рогволодовичи, Ростислав и Святослав Всеславовичи (и Давид Всеславович).

Всеволод II Ольгович, сев в Киеве, потребовал от Мономашевичей изъявления покорности. Мономашевичи же стали обмениваться гонцами и выражать покорность не спешили.

Всеволод II был проницателен и решил утверждать единовластие силой. Всеволод II, пригласив брата Святослава Ольговича, выехал с полком к Переяславлю попытать силу Андрея Владимировича.

Уезжая из Киева, Всеволод II велел своему двоюродному брату Изяславу Давыдовичу с половцами и при поддержке галицких князей Владимира Володарьевича и Ивана Васильковича выступить против сидевшего на Волыни Изяслава II Мстиславовича и княжившего в Турове Вячеслава Владимировича. Это была фронтальная атака на потомков Мономаха. Неспокоен был в Смоленске и Ростислав Мстиславович, ибо под ним Ольговичи также искали удел.

Стен Владимира-Волынского воинство Ольговичей не увидело, «дошедше Горинки». Зато полон из Волыни привели большой.

Подойдя к Переяславлю, Всеволод II послал к Андрею гонца с речью: «Коурьскоу изволи ити». Андрей ответил: «Лепши ми смръть».

В произошедшем сражении дружина Андрея Владимировича опрокинула полк Святослава Ольговича и гнала его «до Коране». Далее дружинников не пустил Андрей. Всеволод II, ничего не добившись, заключил с сыном Мономаха мир и вернулся в Киев.

А на западе Руси царило немирье. Галицкие князья «привабиша к собе Изяслава Мьстиславича, и не върядивьшеся, възратишас».

Изяслав Мстиславович чувствовал себя на Волыни одиноко и, собрав сыновей, поехал в Туров на реку Припять к дяде Вячеславу Владимировичу. Так Мономашевичам было спокойнее.

Скоро Изяславу донесли, что ляхи, помогая Всеволоду II, вторглись на Волынь. Раздоры на Руси всегда открывали пути на ее земли соседям. А те несли разрушение и горе.

Изяслав Мстиславович и Вячеслав отправили в Киев гонца к Всеволоду II с предложением «рядится». Ольгович понимал, что расчистить от Мономашевичей путь к единовластному правлению Руси не в его силах, а губить державу не хотелось. Всеволод II поцеловал крест и помирился с ожидавшими ответа князьями.

Тем временем у Всеволода II родился сын Ярослав.

Немирье, потрясавшее Южную Русь, не могло не отозваться в Руси Северной, и Новгород по-прежнему походил на гудящий улей. 1 сентября 1139 г. из Новгорода изгнали сына Долгорукого Ростислава. У этого события очевидная подоплека. Настрадавшись без подвоза хлеба, новгородцы были вынуждены уважить Ольговичей, державших Киев. Но все было бы ничего, если бы Юрий Долгорукий не подошел к Смоленску и не затребовал от Новгорода помощи против Всеволода II Ольговича. Тут вече встревожилось не на шутку и поспешило выдворить из города сына Долгорукого. В Киев новгородцы отправили гонца с просьбой прислать на княжение Святослава Ольговича. Но мира Новгород не добился.

Юрий Долгорукий отнял у Новгорода город Новый Торг. Это были хлебные ворота, закрывая которые, Долгорукий обрекал Новгород на голод. Козыри получила партия, державшая в Новгороде сторону Мономашевичей.

На вече новгородцы стали корить приехавшего на север Святослава Ольговича «про его злобу». Князь ранее познал нрав северян и послал брату в Киев сообщение: «Тягота, брате, в людехъ сихъ, а не хочу в нихъ быти, а кого тебе любо, того поели во нь».

Всеволод II поступил так. В Новгород поехал боярин Иван Воитишич. Вернулся в Киев Иван с делегацией «лепшихъ» новгородцев. Всеволод II стал наряжать в Новгород сына Святослава на смену дяде Святославу Ольговичу. Но тут Киева достигли тревожные вести. Говорили, что новгородцы встали на вече и избивают сторонников Ольговичей.

Тысяцкий во время шепнул Святославу Ольговичу: «Княже, хотять ты яти». Князья, сидевшие в Новгороде, недаром городу предпочитали пригородное Городище. Те из князей, кто оказывался нерасторопен, вмиг попадали под замок в епископские хоромы, стоящие в городском детинце. Но у Святослава Ольговича опыт был немалый. Как только тревога мутным крылом коснулась его двора, князь сел на коня, усадил на коней жену и дружину да еще новгородского посадника Якуна и, едва разбирая дорогу, помчался сначала на Полоцк, оттуда на Смоленск и далее в Киев.

Несчастливого Якуна новгородцы схватили на реке Полисте и «обнаживше яко мати родила и свергша и съ моста». Тысяцкий остался жив и, как сообщает новгородский летописец, «прибрде къ берегу».

С Якуна взяли 1000 гривен пени. С брата его Прокопка взыскали 100 гривен. При этом не забыли взыскать и с иных сторонников бежавшего Ольговича.

Пока новгородцы творили суд над Якуном, их владыка Нифонт приехал в Киев. Владыка сказал Всеволоду II: «Дай намъ снъ твои, а Стослава брата твоего не хотимъ». Всеволод II собрался было отправить на север сидевшего в Чернигове сына, как новгородцы «сдоумавше» обратились к великому князю с речью: «Не хотимъ сна твоего, ни брат». Всеволод II озаботился и задержал владыку. А когда Великому князю новгородцы заявили более определенно: «Дай ны шорина своего Мъстиславича», — Всеволод II погрузился в глубокие раздумья.

Допускать, чтобы Новгород перешел в руки Мономашевичей, Всеволод II не хотел. Владыку Нифонта и новгородских послов Великий князь задержал до конца зимы. А тех, кого желали видеть в Новгороде — Святополка и Владимира Мстиславовичей, — Всеволод II отправил княжить на западную границу, в Брест.

Пока Русь решала внутренние дела, на ее южные рубежи подошли половцы. Пришлось Всеволоду II Ольговичу и Андрею Владимировичу выехать навстречу кочевникам «къ Малотиноу» и сотворить с ними мир.

Всеволод II Ольгович имел двух дочерей. Обеих замуж выдали в Польшу. Это означает, что стратегическое партнерство Руси и Польши продолжало иметь место.

Польша после 1139 г. разделилась на ряд уделов, и Всеволод II выдал дочерей за наиболее влиятельных братьев Владислава и Болеслава.

В 1141 г. в Переяславле поставили нового епископа Ефимия. А в Галиции скончался Иван Василькович, сын ослепленного в 1097 г. Василька Тербовльского. Власть в Галиции принял двоюродный брат Ивана Владимир Володарьевич. Резиденцией галицких князей в XII в. стал город Галич, отодвинувший на второй план Перемышль, Звенигород и Тербовль.

В 1141 г. продолжилось интригующее развитие событий в Новгороде. Могучий город, по сути бывший государством, имел уязвимое место — хлеб. Собственного жита северяне выращивали немного. Пока новгородцы находились в ссоре с Ольговичами и с Мономашевичами, «жито к нимъ ни идяше ни отколь же».

Поехали новгородцы за Ростиславом Юрьевичем, сыном Долгорукого. Как только о том узнал Всеволод II, тотчас же был занят «Городечъ Вьстрьскый». Этот город принадлежал Долгорукому и расположен при впадении реки Остер в Десну.

Приехавший из Новгорода Святослав Ольгович стал в Стародубе и, не уладившись с Всеволодом II о волостях, пошел в Курск. К тому Всеволод II дал брату в утешение пригород столицы Белгород. Тянул к Святославу Ольговичу и Новгород Северский, так что по большому

счету вырвавшемуся из новгородского котла князю горевать было не о чем.

22 января 1141 г. скончался Андрей Владимирович. Похоронили князя в Переяславле в церкви Михаила.

С течением лет Всеволод II Ольгович все более ненавидел и боялся Юрия Долгорукого, сидевшего далеко от Южной Руси, в землях, куда ни половцы, ни ляхи не дойдут, да и дружина Ольговичей без значительного урона не доберется. Не мог простить Всеволод II Юрию и Новгорода. И начал мстить великий князь Долгорукому всеми доступными средствами. Ольговичи стали занимать города Южной Руси, принадлежавшие Долгорукому. Не гнушались Ольговичи забирать скот, коней и товар Долгорукого. Но сокрушить Юрия было невозможно.

По-прежнему не были простыми отношения между дядьями и племянниками Монамашевичей. Изяслав Мстиславович обратился к своей сестре, бывшей замужем за Всеволодом II Ольговичем, поискать для брата Святополка Мстиславовича Новгорода. Такое решение могло устроить всех, исключая Долгорукого.

В конце 1141 г. скончался Всеволод Городенский, сын печально памятного Давида Игоревича, внука Ярослава.

В начале 1142 г. скончался черниговский епископ Пантелеймон. А в Новгород поехал Святополк Мстиславович, внук Мономаха. Ростислава Юрьевича новгородцы отправили к отцу в Суздаль.

Всеволод II перевел Вячеслава Владимировича из Турова в Переяславль. Туров Великий князь отдал сыну Святославу. Это обозлило братьев Великого князя Игоря и Святослава Ольговичей.

Ольговичи обратились к старейшему в своем роду с речью: «Волости бо даеть енви, а братьи ненадели нечимъ же». Всеволод II Ольгович стал собирать князей. Сам Великий князь «сташа во Ольжичихъ». Святослав и Игорь Ольговичи и Изяслав и Владимир Давыдовичи стали «оу Городьча».

Святослав съехался с Игорем и спросил, что дает ему Всеволод II. Игорь ответил: «Берестии и Дорогычинь, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчине свое не дасть Вятичь». Ольговичи разгневались на старшего брата и послали к Всеволоду II просьбу — дать им Черниговскую и Новгородскую волости. Великий князь настаивал на своем и «Вятичь не състоупяшетъ».

Наконец, Ольговичи пригрозили Всеволоду II «аже ны не даси, а намъ самемъ о собе поискати». Скоро выяснилось, что слова эти были не пустой угрозой. Ольговичи выехали ратью на Переяславль, в котором сидел Вячеслав Владимирович. Всеволод II послал в помощь Переяславлю Лазоря Саковского с печенегам.

Не остался в стороне и Изяслав II Мстиславович. Как прослышал о беде своего дяди, тотчас выехал с полком к Переяславлю. Ольговичей отбили.

На беду Ольговичей из Смоленска к Киеву долиной реки Сож шел Ростислав Мстиславович. Узнав о происходящем вокруг Переяславля, Ростислав стал воевать с Ольговичами вокруг Гомия (Гомеля). Изяслав II Мстиславович, услышав о приближении брата, принялся воевать по Десне вокруг Чернигова.

А стоило Мстиславовичам выехать из волостей Ольговичей, как те вновь появились под стенами Переяславля и бились три дня, прежде чем вернулись восвояси.

Всеволод II на умиротворение князей послал своего двоюродного брата Святошу, сына Давыда Святославовича. Этот князь к тому времени принял монашеский постриг, и его слово было последней надеждой Всеволода II.

Надежды Великого князя оказались оправданны. Братья приехали в Киев. При этом Давыдовичи отступили от союза с Ольговичами, чем сильно облегчили задачу Всеволода II «и оуладивься о волости».

Игорю Ольговичу дали «Городечь, Гюрговь и Рогачевъ». Святославу Ольговичу достались «Клеческъ и Черторыескъ». Давыдовичам дали «Берестии, Дорогичинъ и Въщижи, Орминоу».

Тогда же Вячеслав Владимирович с ведома великого князя перешел в свою старую волость в Туров, а в Переяславле сел Изяслав II Мстиславович.

Освободившийся стол во Владимире Волынском занял сын Великого князя Святослав Всеволодович.

Ольговичи вновь возроптали, жалуясь, что Всеволод II посадил вокруг себя Мстиславовичей «а намъ на безголовие и безъместье».

В 1142 г. Киев вмешался в дела Польши. А происходило там вот что. Болеслав III Кривоустый оставил пять сыновей. Двое из них — Владислав II и Болеслав — были женаты на дочерях Всеволода II Ольговича. Причем за Болеслава Великий князь выдал дочь Звениславу в 1142 г.

После смерти Болеслава III сыновья начали усобицу. В нее и вмешался Всеволод II, стремясь помочь зятю и старшему сыну покойного короля Владиславу II.

В Польшу с Волыни выступил Святослав Всеволодович, из Галиции Владимир Володарьевич и шел Изяслав Давыдович. Двигались русские полки против Болеслава, младшего брата Владислава II.

Русские князья съехались в «Чернечьска» (г. Червень). Дело обошлось без сражения с братьями Владислава II, и князья вернулись на Русь «въземъше более мирныхъ, нежели

ратныхъ».

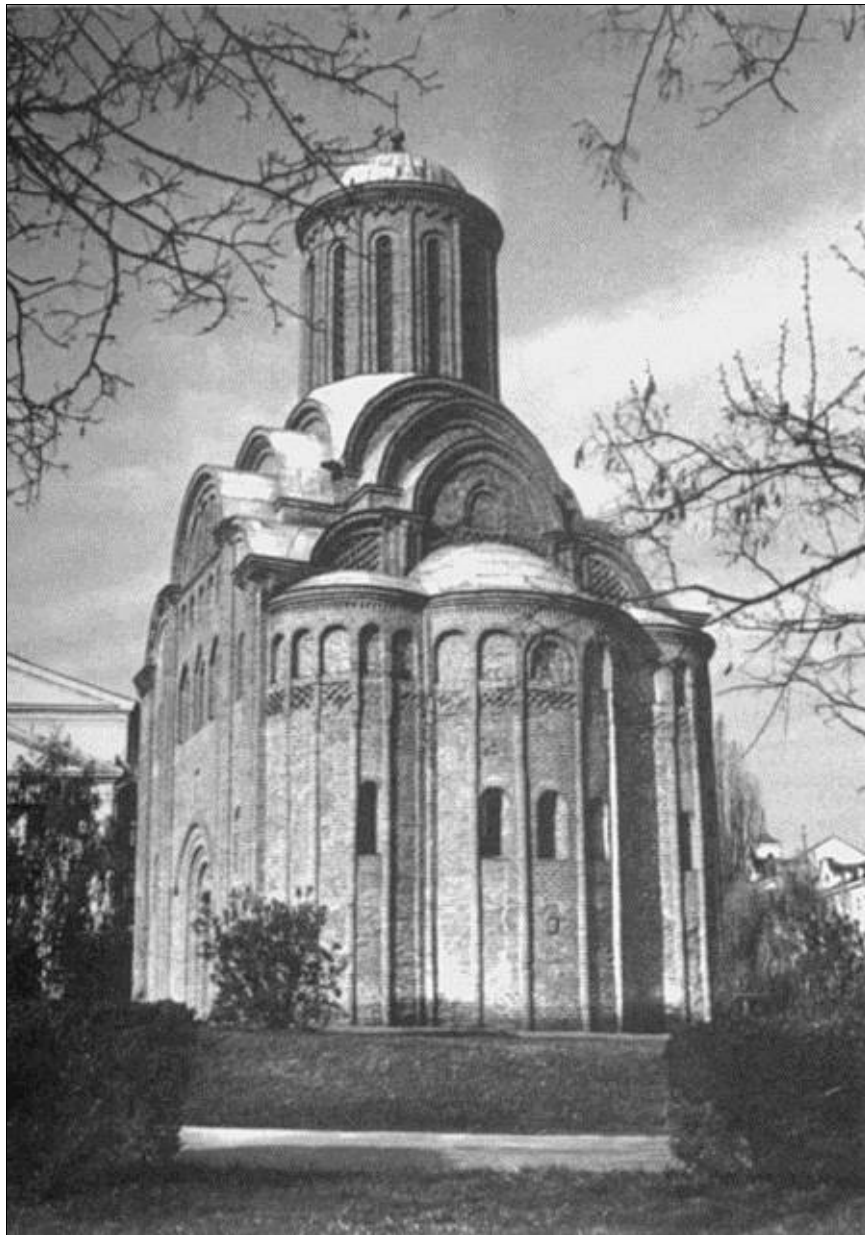
Владислав II бежал на Русь, а позже в Германию.

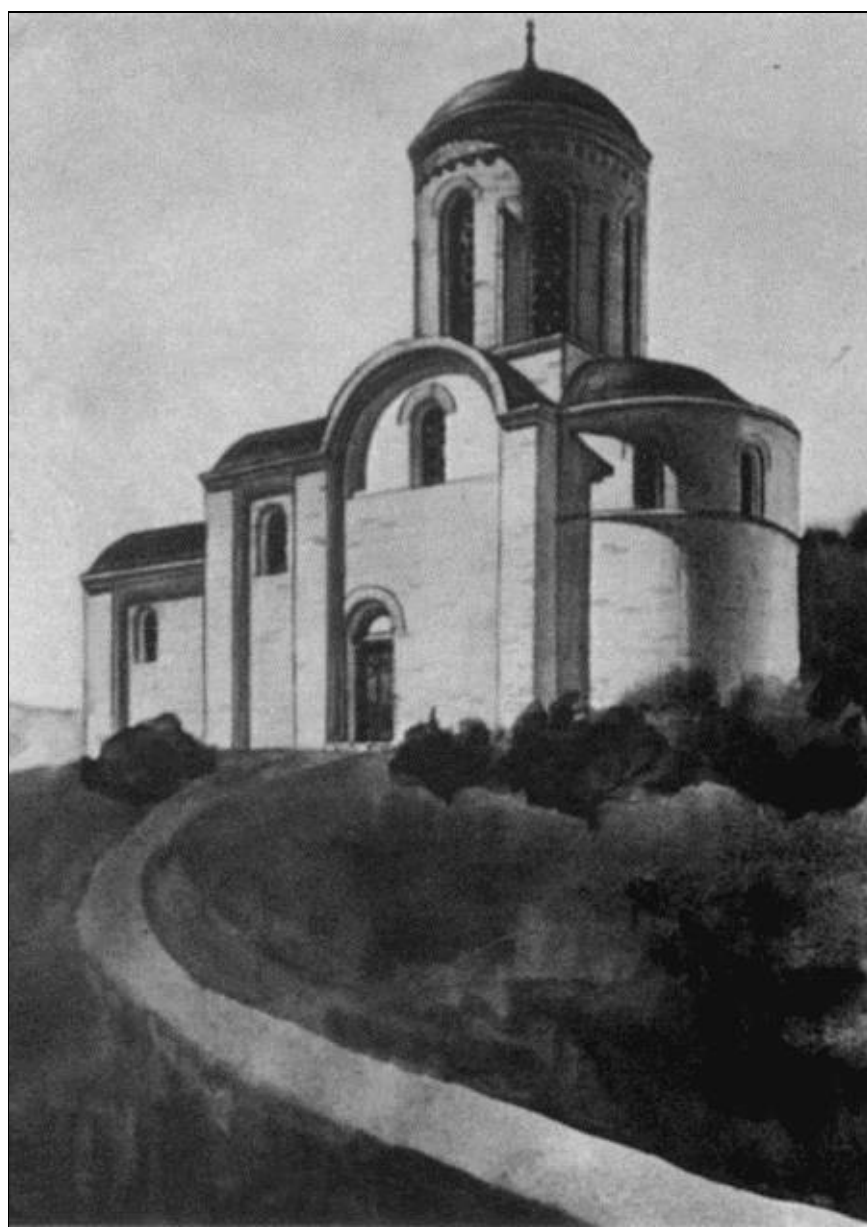
А на севере Руси в 1142 г. происходили такие события. Конунг Швеции с епископом на 60 «шнекъ» пришли «на гость» в воды Финского залива. Далее Старой Ладogi шведы едва ли могли проникнуть. Потеряв три судна и сто пятьдесят человек, шведская флотилия ушла на запад. Княжил в эту пору в Новгороде Святополк Мстиславович.

В 1143 г. Всеволод II собрал «братья вся и безбожни ляхове» на пир. Там сыграли свадьбу сына Великого князя Святослава и дочери полоцкого князя Василя Рогволодовича. Так Киев улаживал дела со свободолюбивыми провинциями.

Зимой Изяслав II Мстиславович ездил к дяде Юрию в Суздаль. Поладить князья не сумели. А говорили они наверняка о Киеве.

Выехал Изяслав из Суздаля в Смоленск к брату Ростиславу Мстиславовичу. Оттуда Изяслав поехал в Новгород к другому брату Святополку Мстиславовичу и, дождавшись конца зимы, вернулся в Переяславль.

Вскоре состоялся новый княжеский пир. На нем Изяслав Мстиславович выдал дочь за полоцкого князя Рогволода Борисовича. Торжество почтил присутствием Всеволод II Ольгович с супругой и боярами.

Не забывали и о делах церковных. В Полоцк на кафедру епископом поставили Кузьму.

В 1143 г. у города Котелнича была страшная буря «и не остана оу клетехъ ничтоже».

В 1144 г. в Турове епископом поставили Акима. Русь делилась на уделы, и вместе с ней на уделы делилась церковь. Вновь создаваемые епископии нуждались не только в соборах, но и в главах. А епископы нуждались в десятине, шедшей с доходов князей.

В 1144 г. главные события происходили в Галиции. Всеволод II Ольгович не желал мириться с тем, что Владимир Володарьевич после смерти родных и двоюродных братьев единовластно правил обширной и богатой провинцией. Сам Владимир Володарьевич на раздражение Великого князя «възверже емоу грамотоу хрстьяноюю». Галицкий князь послал за помощью в Венгрию.

Всеволод II Ольгович двинул в Галицию громадную силу. Шли братья Великого князя Игорь и Святослав Ольговичи, шел Владимир Давыдович. Выехали с полками Мономахевичи — Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславовичи. Шел в Галицию и сын Великого князя Святослав Всеволодович. Он сидел во Владимире-Волынском и помнил, как галицкий князь пытался отнять у него стол.

Ехали в Галицию и два внука Давида Игоревича (давнего ненавистника галицких князей)

Борис и Глеб Всеволодовичи. Шел в Галицию и полоцкий князь Ростислав Глебович.

Выступил из Киева в Галицию и Владислав II Польский.

Такая сила сошлась к Галичу, и рати разделила река Белка. Всеволод II велел князьям чинить гати — каждый своему полку. Силы Великого князя стали обходить полк Владимира Володарьевича.

А галицкий князь «исполчивься перед городомъ на болоньи». Галичане, видя, как их обходят, взмолились к князю: «Мы еде стоимы, а онамо жены наша возмоуть».

Владимир Володарьевич обратился к брату Великого князя Игорю Ольговичу. Он просил помирить его с Великим князем. В награду Владимир Володарьевич посулил Игорю Ольговичу поддержать его после смерти Всеволода II «про Киевъ. и тако прельсти Игоря».

Хлопоты Игоря Ольговича подкрепили 1400 гривен. Великий князь вернул Владимиру Володарьевичу галицкие города «Оушную, Микоулинъ». После того полки ушли из Галиции.

Жители Галича не любили своего князя. Когда Владимир Володарьевич выехал за городские ворота «в Тисмяничю на ловы», галичане послали в Звенигород за племянником князя Иваном Ростиславовичем, позже прозванным Берладником. Когда Владимир Володарьевич подошел к Галичу, ворота города были заперты.

Началась трехнедельная осада. Наконец Иван Ростиславович выехал из Галича, и началось сражение. Многие из полка Ивана были побиты, и сам Иван в Галич вернуться не мог. Пришлось Ивану Ростиславовичу гнать коня к Дунаю. Ехать через Галицию князь не решался. С Дуная Иван приехал в Киев к Всеволоду II.

Галичане после отъезда Ивана бились с князем неделю, но были принуждены сдаться. Войдя в город, Владимир Володарьевич дал волю чувствам — «многы люди и сече, а иныя по казнью злою».

В июне 1144 г. Всеволод II заложил в городе Канев церковь «стго Георгия». Каменные храмы на Руси стали строить меньших размеров, но число их увеличилось. Каждый, пусть небольшой, город стремился иметь собственный каменный храм.

Зимой 1144 г. Всеволод II Ольгович выдал замуж «две Всеволодковне Володимери вноуце» — одну за Владимира Давыдовича, другую — за «Ярославича за Дюрдя» (за Ярослава Юрьевича) «обе единой неделе».

Заключение династических браков было тончайшим политическим кружевом и одновременно оружием князей, и Всеволод II владел этой наукой в совершенстве.

В 1145 г. Всеволод II Ольгович собрал князей в Киеве, «на сенях хором», и объявил, что наследовать великокняжеский стол будет его младший брат Игорь Ольгович. Особо просили целовать крест к Игорю Ольговичу Изяслава II Мстиславовича. Целовал крест и Игорь Ольгович «яко имети братью въ любовь».

Тогда же Всеволод II сказал князьям, что «повабливаетъ» Владислав II выступить в Польшу на мятежных младших братьев. Это давало возможность добычи, и русские князья долго себя упрашивать не заставили. Правда, Изяслав Мстиславович, сидевший во Владимире-Волынском, не пожелал портить отношения с соседями и, сославшись на болезнь, в поход не выступил.

Пошли в Польшу Игорь и Святослав Ольговичи и Владимир Давыдович. Вышел с полком в поход и сын Великого князя Святослав Всеволодович «и идоша на середь земли лядской».

Против руси выступили два брата Владислава II. Однако они благоразумно отгородились от неприятеля болотами. Начались переговоры. Поляки поклонились Игорю Ольговичу, целовали крест между собой и дали Владиславу II четыре города. Русь получила «Визноу».

Возвратились русские полки из Польши «многъ полонъ возьмеше».

Зимой 1145 г. в Муроме скончался Святослав Ярославович, сын Ярослава Святославовича Рязанского. В Муроме сел брат покойного Ростислав Ярославович. А в Старой Рязани посадили

его сына Глеба. Так укоренялись местные княжения. Потомство удельных князей множилось, и сами уделы начинали делиться на более мелкие волости.

А в Польше зимой 1145 г. Владислав II поймал одного из своих недругов — «Петрка». Несчастному отрезали язык, выкололи глаза, разграбили дом и полумертвого с женой и детьми выгнали прочь. Это был тот самый Петр, который в 1122 г. лестью пленил галицкого князя Володаря Ростиславовича.

В 1146 г. Всеволод II Ольгович во второй раз вывел полки в поход на Галицию. Владимир Володарьевич не умел мирно ужиться с Киевом. Шли на запад Руси ранней весной. Снег сошел, пошли дожди прежде ожидаемого срока, и громадная армия отовсюду стекалась в Галицию «на колихъ и на саняхъ», утопая в мешанине грязи и снега. Природа, казалось, восстала против похода.

К Звенигороду пришли Всеволод II с сыном Святославом, Игорь Ольгович, Владимир Давыдович. Пришли и послушные Великому князю Мономахевичи — Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславовичи. Подошел к Звенигороду и польский князь Болеслав (младший брат Владислава II). Приехали из степи «половце дикеи вси».

Несметные полчища «облегли» Звенигород отовсюду. День горожане, помертвев от ужаса, со стен наблюдали за громадным неприятельским лагерем. На второй день звенигородцы собрались на вече и решили «предаться» Великому князю. Но тут вмешался муж, верный Владимиру Володарьевичу Галицкому. Он схватил трех горожан, призывавших к сдаче, и убил их.

Началась осада. Запылали посады и сам город. Но овладеть Звенигородом Всеволод II не сумел и отступил в Киев.

Уже в столице Всеволод II узнал, что Владимир Володарьевич взял Прилуки. Великий князь собрался снова выступить, но разболелся и скоро понял, что пора слать за братьями.

Игорь и Святослав Ольговичи приехали к брату. В эту пору Всеволод II был «подъ Вышегородомъ въ Острове». Пригласили киевлян.

Всеволод II Ольгович объявил собравшимся, что Игорь Ольгович будет новым Великим князем. Горожане «пояша Игоря в Киеве».

В столице сошелся народ и целовал к Игорю крест «рекоуче ты намъ кнзь». Утром Игорь выехал в Вышгород, и там к нему целовали крест горожане.

Успел Всеволод II послать к Изяславу II Мстиславовичу, спрашивая, верен ли он крестному целованию. Чувствовало сердце Великого князя, что не все вокруг ладно.

1 августа 1146 г. Всеволод II Ольгович скончался. А его младший брат Игорь Ольгович въехал в Киев.

Игорь Ольгович († 1147)

На ярославовом дворе, в центре Киева, собралось вече. Киевляне вновь целовали крест к Игорю Ольговичу. А в то же время собиралось иное вече «оу Тоуровы божнице». Послали за Игорем. Князь, чувствуя недоброе, вперед выслал брата Святослава Ольговича, а сам стал с дружиной невдалеке.

И киевляне высказали Ольговичам все, что накопилось на сердце за годы княжения Всеволода II Ольговича. Обвинили, по обыкновению, чиновников «тиоуна... Всеволожа... Ратью» и «тивоуна Вышегородьского... Тоудора».

Святослав и Игорь Ольговичи стали целовать крест к киевлянам, обещая, что впредь насилия не будет. Но стихия народного гнева уже расходилась. Горожане ринулись на «Ратьшинъ дворъ грабить... и на мечники». В помощь своим Игорь Ольгович выслал Святослава с дружиной «и одва оутиши».

Игорь Ольгович предвидел, что удар его клану киевляне могут нанести в любую минуту, но он не мог быть сокрушительным. Страшили Игоря Мономашевичи. Из Киева в Переяславль выехали послы с требованием к Изяславу II Мстиславовичу подтвердить крестное целование к Игорю. В ответ последовало молчание.

Да и что мог ответить Изяслав, если его хоромы уже осаждали киевляне, подобно тому как в 1113 г. они осаждали его деда Владимира II Мономаха в том же Переяславле с мольбой прийти в столицу. Отовсюду Изяслав слышал: «Поиде кнже к намъ хоцемъ тебя».

Изяслав не заставил уговаривать себя долго. Князь сел на коня, подъехал к броду через Днепр, под гору Заруб, и скоро все поросье присягало Мономашевичу, повторяя: «Ты нашъ кнзь а Олговичъ не хоцемъ, а поеди в борзе».

Изяслав II Мстиславович подошел к «Дерновоумоу». Тут под его стяг съехались «вси Клобоуци и Поршане». Пришли жители Белгорода и Василева. Приехали киевляне и сказали князю: «Быти акы в задничи кде оузримъ стягъ твои тоу и мы с тобою готови есмь».

Игорь Ольгович, надеясь удержать Киев, послал к двоюродным братьям Владимиру и Изяславу Давыдовичам, прося помощи. Те запросили много волостей.

Заговор против Игоря Ольговича развивался по классическим канонам. Почувствовав, к чему идет дело, столичные бояре «Оулебъ тысячкой же Иванъ Воитишичь. и Лазоръ Саковьскыи а въ Стославли полкоу, Василь Полачанинъ и Мирославъ Хиличь вноукъ» собрали вокруг себя киевлян и стали думать, как «перельстити кнзя своего».

Послали к Изяславу II Мстиславовичу, прося идти к Киеву. При этом Изяслава II заверили, что, как увидят стяги Мономашевичей, покидают собственные стяги и побегут.

В то же время Игорю и Святославу Ольговичам окружающие неустанно твердили, чтобы шли против Изяслава II.

Изяслав II подошел к Киеву и стал у «Надово озеро, оу Шелвова борку». С князем шел сын Мстислав II Изяславович.

Вышли из Киева Игорь и Святослав Ольговичи с полками. Киевляне стали в стороне «особно... въ Олговы могылы».

Киевляне послали к Изяславу II и, взяв у князя тысяцкого, привели к себе. «Берендичи» переехали реку Лыбедь и взяли у ЗолотяВорот Киева товары Игоря Ольговича.

Игорь Ольгович съехался с братом Святославом Ольговичем, племянником Святославом Всеволодовичем, Оулебом тысяцким, Иваном Воитишичем и, сказав: «Как бог рассудит», — распустил их по полкам.

Как только Оулеб и Иван Воитишич приехали к полкам, тотчас повергли стяги и кинулись

к «жидовьскымъ воротамъ».

Сражение окончилось, не начавшись, и разыгралась трагедия Ольговичей. Игорь Ольгович въехал на коне в болото «Дорогожичьское» и увяз в трясине. У князя болели ноги, и выбраться из болота он не мог.

Святослав Ольгович помчался к берегу Днепра, переплыл на левую сторону и спас себе жизнь. Святослав Всеволодович въехал в Киев, укрылся в монастыре св. Ирины и там был схвачен.

Гнали дружину Ольговичей до Вышгорода и берега Днепра. Всюду тех дружинников секли и топили.

Глава 12

КИЕВ ПОШАТНУЛСЯ

Изяслав II Мстиславович (1146–1154)

Изяслав II Мстиславович въехал в Киев и сел на столе отца и деда в августе 1146 г. Всю Русь с киевских гор увидеть было нельзя, но она была чудесной. Росшие повсюду города стремились если не уподобиться Киеву, то хотя бы походить на него.

В середине XII в. русские города стали украшаться каменными храмами. Под Смоленском при князе Ростиславе Мстиславовиче возвели каменную четырехстолпную одноглавую церковь Петра и Павла. Храм расположили при княжеской усадьбе. Впоследствии он перешел в веденье городской общины.

В Пскове в первой половине XII в. был выстроен собор Ивановского монастыря. Это был шестистолпный трехглавый храм, следующий традициям новгородского зодчества. Но он был ниже новгородских храмов XII в. и украшен скромнее. А скромность эта вылилась в тонкое своеобразие псковской архитектурной традиции — она несколько асимметрична, но трогательно проста, по-северному строга и одновременно по-русски сердечна.

В Старой Ладогe в середине XII в. выстроили одноглавую шестистолпную церковь Успения Богородицы. При устье Волхова редко видели южнорусских князей, и строительство велось силами горожан и жителей посадов. Храм получился строгим и крепким, как сама природа, окружающая Старую Ладугу — эти ворота в необозримые просторы севера.

Во второй половине XII в. в Старой Ладогe возвели собор св. Георгия. Он во многом походит на храм Успения, но образ его одноглавого силуэта собраннее и строже своего предшественника.

Это храмы русской архитектуры. Византийское влияние претерпело на Руси столь сильное преломление, что ставить в один ряд эти две архитектурные традиции едва ли возможно без серьезных оговорок.

Однако не забывали на Руси и чисто византийских приемов в возведении храмов. Примером того может служить собор Мирожского монастыря в Пскове, строившийся в 1136–1156 гг. Это бесстолпная крестообразная в плане церковь, отвечающая византийской архитектурной традиции. Широкого распространения данная конструкция храмов на Руси не получила.

Русь, несмотря на усобицы князей, в XII в. оставалась в достаточной степени единым государством, объединенным одним славянским этническим типом (хотя и делившимся на отдельные весьма своеобразные союзы), языком, в котором, впрочем, уже намечались местные особенности диалектов, религией, архитектурной традицией в строительстве крепостей, зданий, соборов. Жители Галича, Перемышля или Бреста не воспринимались жителями Пскова, Смоленска или Суздаля как люди нерусские. Напротив, именно Галиция и вышедшие из нее мастера вложили значительную лепту в становление и расцвет архитектурной традиции северовосточной Ростово-Суздальской Руси. Купцы, монахи, воины, путешествуя по Руси, всюду находили благожелательный прием, теплый кров и ласковое слово. Иначе в столь обширной стране было невозможно ни ездить, ни жить. Широта Руси, простор ее полей и подавляющая сознание мощь лесов формировали русский характер — добрый, наполненный теплом ко всякому приходящему, но и диковатый, а подчас буйный и страшный, когда стихия народного выступления, сплотив воедино все вековые обиды рядового человека на власть, запылает подобно пожару в сухой ветренный день и займется багровым заревом на полнебосклоне.

Прелесть русских городов можно ощутить, пройдя несколько десятков верст густыми лесами, полями, оврагами и заросшими кустарником пустошами и выйдя наконец к широкой

речной долине, где-нибудь в бассейне Оки, в центре России, в сгущающихся сумерках увидеть далекие огоньки стоящего на возвышении, над рекой, города. Сколько тепла, красоты и широты в этой картине. Русское сердце дрогнет, и на глазах выступят слезы при виде широкой панорамы, где поля, леса и небеса сливаются в единое полотно, посреди которого теплятся огоньки какого-нибудь ныне забытого города Оболенска или Дедославля. Это поэзия русского мира — неброская в деталях, но величественная и покоряющая сердце в целом.

Но вернемся в Киев 1146 г., к князю Изяславу II Мстиславовичу. Время его правления изобиловало походами, войнами, и каждый год при подробном рассмотрении мог бы составить целый роман о Руси, ее быте, радостях и горе.

Первым делом Изяслав II велел позвать Святослава Всеволодовича, сына покойного Всеволода II Ольговича. Князья были «сестричи», ибо супруга Всеволода II доводилась родной теткой Изяславу II.

Новый великий князь худого Святославу не сделал, но далеко от себя не отпускал.

Вторым делом Изяслава II было поймать бояр, сидевших в Киеве, в лояльности которых новый Великий князь не был уверен. «Изоимаша Данила Великого, и Гюргя Прокопья, Ивора Гюргевич Мирославля вноука» и многих иных. И «на искоупе поустиша» этих бояр.

Спустя четыре дня после занятия Изяславом II Киева в болоте «емше» несчастного Игоря Ольговича. Изяслав II отправил князя в монастырь на Выдобиче. Тут Игоря заковали и повезли в Переяславль, где всадили в поруб в монастыре св. Иоанна.

Пока шли события, связанные со сменой власти, киевляне и дружинники Изяслава II творили свой суд. Они грабили имения Ольговичей в Киеве и в окрестных землях.

Счастливо избежавший гибели Святослав Ольгович приехал в Чернигов, но, не чувствуя себя в безопасности, оставил в городе посадника «Къстяжка» и уехал подальше от Киева и поближе к степи в Курск, а оттуда в Новгород-Северский.

Половцы, узнав о случившемся в Киеве, по обыкновению послали к Изяславу II «мира просяче».

Между тем несчастья Святослава Ольговича не закончились, а лишь начались. Из Чернигова от «Коснятко» к князю прислали сказать, что его двоюродные братья Давыдовичи «доумают о тебе хотять яти» и ездить к ним не следует. Святослав Ольгович и ранее догадывался о корыстолюбии родни, и веские доказательства скоро были представлены.

По здравому размышлению Святослав понял, что опереться ему можно не на двоюродных братьев, а на дядю великого князя, считавшего, и не без оснований, себя обделенным киевским столом, Юрия Владимировича Долгорукого, потихоньку обживавшего Северо-Восточную Русь.

Вскоре из Новгорода Северского в Суздаль помчался гонец с приглашением Долгорукому прийти «в Роускою землю».

Одновременно к Новгороду Северскому стали сходить все, считавшие себя обделенными на Руси. Из Старой Рязани приехал Владимир Святославович, внук Ярослава Святославовича Рязанского, в свое время изгнанного Всеволодом II из Чернигова.

Подошел к Новгороду Северскому с полком и знакомый нам Иван Ростиславович Берладник, изгой галицкого княжеского дома. Отозвались на призыв Святослава Ольговича половцы. Их ханы доводились родственниками по матери Святославу Ольговичу, и взаимопонимание между Ольговичами и степью было полным.

Так на берегах Десны и Сейма собралась сила, которой в Южной Руси не было места и с которой Изяславу II пришлось бороться.

Для того чтобы число врагов день ото дня не множилось все более, Изяслав II дал Святославу Всеволодовичу «Боужьскыи и Межибожье» и пять иных городов. При этом Владимир-Волынский, столицу края, великий князь у Святослава Всеволодовича отобрал.

Не успел Изяслав II уладить дела, как пришлось вспомнить о дяде Вячеславе Владимировиче, сидевшем в Турове. Бояре напомнили Вячеславу, что именно он старший среди Мономашевичей. Князь приободрился и занял все города, которые ранее у него отнял Всеволод II Ольгович. Занял Вячеслав и Владимир Волынский и посадил в нем сына своего покойного брата Андрея Ярополка.

Изяслав II не мог мириться с действиями дяди и снарядил в поход на Туров брата Ростислава Мстиславовича и Святослава Всеволодовича. Туров у дяди отняли и увели из города епископа Акима и посадника Жирослава Яванковича, а в городе оставили сына великого князя Ярослава Изяславовича.

Вячеславу Владимировичу велели сидеть в волынском городе Пересопнице или Дорогобуже.

Скитания Святослава Ольговича

В то же время Изяслав II обратил взор на Восток от Днепра. Великий князь приехал на «снемь» с Давыдовичами и велел им идти на двоюродного брата Святослава Ольговича. В помощь Давыдовичам Мстислав II дал сына с переяславцами и берендеев.

Поход вылился в грабеж богатого имения Святослава Ольговича. Первым делом посланники великого князя убили «Дмитра Жирославича и Андрея и Лазоревича» и стали у «Мелтекове селе». Тут-то и начался разгром имения. Пришедшие стали в «лесе в Порохни». Рядом паслось громадное стадо Ольговича, состоявшее из трех тысяч кобыл и тысячи жеребцов. Скоро запылали окрестные села и затрещало пламя над дворами и полными убранного жита амбарами.

Святослав Ольгович со стороны наблюдал над занявшимся над его волостью заревом и не имел сил вступиться. Князь лишь послал к Долгорукому гонца с мольбой о помощи.

Как только Изяслав II узнал, что Долгорукий выступил походом в северские земли, он тотчас послал гонца к рязанскому князю Ростиславу Ярославовичу, и тот принялся воевать волости Северо-Восточной Руси.

Юрий Долгорукий стоял в Козельске, когда узнал о действиях рязанского князя. Долгорукому пришлось вернуться в Ростово-Суздальскую землю, а в помощь Ольговичу отправить сына Ивана.

А в северской земле продолжился разгром имений и волостей Ольговичей. Силы великого князя подошли к селу, принадлежавшему сидевшему в заточении Игорю Ольговичу. И «бе оже тоу готовизни много, въ бретьяничахъ и в погребех вина и медове и что тяжкого товара, всякого, до железа и до меди, не тягли бяхоуть от множества всего того вывозити».

Активно участвовали в дележе Давыдовичи. Они велели добро «имати на возы себе и воемъ и потомъ повелеста зажечи дворъ и црkvь стго Георгия».

Близилось Рождество Христово. Стояла глубокая зима, и сани Давыдовичей, едва влекомые лошадьми от обилия товаров, скрипя полозьями, ехали к Путивлю. В городе стоял Изяслав II с «силою Киевскою».

Пришел великий князь в Путивль не случайно. Под городом располагалась усадьба Святослава Ольговича, и едва она уступала богатством двору Игоря Ольговича. Киевляне мстили Ольговичам за годы правления Всеволода II Ольговича и разоряли их гнезда.

Имение Святослава Ольговича было обильно «немочно двигноути». Погреба усадьбы скрывали пятьсот «берковъсковъ медоу». Там же стояло восемьдесят корчаг вина. В княжеской церкви Вознесения «облупиша съсуды серебряныя... и книги и колоколы». Скоро в имении «не оставиша ничто же». В довершение поделили челядь, которой в усадьбе было семьсот человек. Не забыли поделить скот.

Святослав Ольгович оказался не просто ограблен, но был лишен возможности существования в собственной волости, ибо у него «нетоуть ни жита ни что». И князь повернул коня на север, в леса вятичей, где еще его отец Олег и дед Святослав искали спасения от потомков Всеволода Ярославовича. Те леса давали защиту, куда более надежную, нежели стены городов Северной земли.

Святослав Ольгович от Новгорода-Северского уехал к Карачеву. Часть дружины пошла за князем, часть осталась, сев по дворам и усадьбам. Ехали за Святославом и дружинники его брата Игоря. Ехали с князем жена и дети.

Стоял январь 1146 г. (январь 1147 г. по новому летоисчислению). Вслед за Святославом Ольговичем на север двинулись великий князь, Давыдовичи, берендеи и Святослав Всеволодович — родной племянник гонимого князя. Шли среди глубоких снегов, под высоким морозным небом, от Путивля «на Севьско» (г. Севск) и далее на «Болдыжь». Это был кратчайший путь на Карачев.

Святослав Ольгович, узнав о идущих к Карачеву, выехал в дремучие брянские леса и, не теряя времени, пошел «оу Вятиче».

С волостью Святослава Ольговича поступили так. То, что принадлежало Игорю Ольговичу, отошло Изяславу II, а то, что было за Святославом Ольговичем, Изяслав II поделил с Давыдовичами.

Зимой, сидя в холодном порубе в Переяславле, разболелся Игорь Ольгович. Он послал к Изяславу II просить постричь его. Поруб разобрали, принесли полуживого от холода и болезни

Игоря в келью и постригли. Вслед за тем Игоря Ольговича перевезли в Киев, в монастырь св. Федора.

А в вятичских землях, среди снегов и стужи, продолжали ходить князья с дружинами. Стаи волков с удивлением наблюдали из-под еловых лап за сытыми конями, пар от дыхания которых застилал глухие лесные дороги.

Изяслав и Владимир Давыдовичи подошли к Брянску, а Святослав Всеволодович приехал в опустевший Карачев, где все говорило о недавнем присутствии дядиной дружины. Улицы города и посада были устланы клоками сена и конским навозом. А дорога, уходившая на север, за лес, к Козельску, была укатана санями и истоптана множеством копыт.

Изяслав II в брянские леса не поехал и вернулся в Киев. О том тотчас донес в Козельск дяде Святослав Всеволодович. И предупредил, чтобы тот в Козельске не засиживался, ибо Ростислав Мстиславович Смоленский с Давыдовичами в Брянске до лета сидеть не собираются.

Святослав Ольгович выехал из Козельска, пересек Оку и приехал в вятичский город Дедославль, на водораздел между Окой и Доном. Но и тут князь подобно затравленному погоней зверю долго оставаться не решался. Накормив людей и лошадей, обогревшись и поев, князь выехал далее к северо-востоку, на реку Осетр.

На Осетре от Святослава Ольговича уехал Иван Берладник. Святослав дал князю-изгою, товарищу по несчастью, двести гривен серебра и двадцать одну гривну золота. Иван Берладник уехал к Ростиславу Мстиславовичу Смоленскому.

С Осетра Святослав Ольгович вышел на берег Оки к городу Колтеск (район г. Каширы). К северу от Оки на сотни верст простирались густые заснеженные леса — владения Юрия Долгорукого. Тут дружина Ольговича вздохнула свободнее. Скоро с севера по льду Оки к Колтеску подошла помощь Долгорукого. Князь слал «тысячу Бренидьець, дружины Белозерское».

Тем временем зима, а вместе с ней и год 1146-й клонились к завершению. В Колтеске серьезно занемог сын Долгорукого Иванко. Поход от Путивля до Колтеска сгубил юношу, и 24 февраля, в ночь на масленую неделю, Иванко умер. Утром из Суздаля приехали два его брата — Борис и Глеб Юрьевичи. Тело Иванко положили в сани и повезли к отцу в Суздаль.

Пока болел Иванко, Святослав Ольгович хотел пойти к Дедославлю, навстречу Давыдовичам. Но болезнь Иванко смутила князя, и он уехать от него на захотел. Тогда созвали вятичей в Дедославле и велели им воевать с шедшими с юга князьями.

В феврале 1146 г. Долгорукий решил отомстить рязанскому князю Ростиславу Ярославовичу. К Старой Рязани были посланы Ростислав и Андрей Юрьевичи. Рязанский князь, понимая, что уповать на помощь Киева поздно, выехал из города и пошел в степь к половецкому хану «Ельтоукови».

В конце февраля Святослав Ольгович отпустил с дарами в степь служивших ему половцев и пошел от Колтеска вверх по Оке «на оусть Поротве в городе Лобыньске».

В Лобынск, с чьего холма видны широкая лента быстрой полноводной Оки, устье ее левого притока Протвы и густые заокские леса, покрывающие подобно амфитеатру поднимающуюся

приречную террасу, к Святославу Ольговичу приехали сани с дарами от невидимого, но могучего покровителя Юрия. Из-под покрывал извлекли лари с «паволокою и скорою».

Весна, а вместе с ней и 1147 г. начались походом Долгорукого на новгородский город Новый Торг.

Город был взят, и далее суздальская дружина по еще стоявшему льду поднялась в верховья реки Тверцы и, минуя Вышний Волочек, вступила в долину реки Мсты. А это была прямая дорога к Новгороду.

Не дремал и Святослав Ольгович. Князь пошел долиной рек Протвы в ее верховья «и взя люди Голядь верхъ Поротве». Верховьем Протвы владел смоленский князь Ростислав Мстиславович, и воевать те земли для Ольговича было делом законным.

На берега Протвы к Святославу Ольговичу пришло приглашение от Юрия «приде ко мне брате въ Московъ». Это был небольшой укрепленный город над рекой Москвой. Ничуть не более Лобынска. Стояла Москва среди моря труднопроходимого леса, словно юная девушка, не ведавшая своей судьбы.

Святослав Ольгович обрадовался приглашению, выслал вперед сына Олега, который подарил Долгорукому «пардоусь», и с малой дружиной выехал следом в никому на Руси неведомый дотоле город Москву.

Юрий, стоя на Боровицком холме, за деревянной городней, среди рубленых теремов, обнял Святослава Ольговича, расцеловал и устроил отдыхать с дороги. Были князья троюродными братьями.

Наутро Долгорукий «оустроити обедъ силенъ». Отпустил Юрий Святослава с великими дарами и обещанием прислать в помощь сына.

Святослав Ольгович выехал из Москвы, спустился с Боровицкого холма, переехал реку Москву и углубился в леса, открывшие перед князем свой полог лишь на Оке при устье Протвы, там, где над низким левым берегом, затопляемым по весне талой водой, высится холм, некогда увенчанный городом Лобынском.

Святослав Ольгович долго не просидел в затерянном в земле вятичей, словно иголка в стоге сена, Лобынске и, собрав дружину, «иде къ Нериньскоу, перешедъ Окоу». Местоположение Неринска непонятно. Можно лишь сказать, что в районе Каширы.

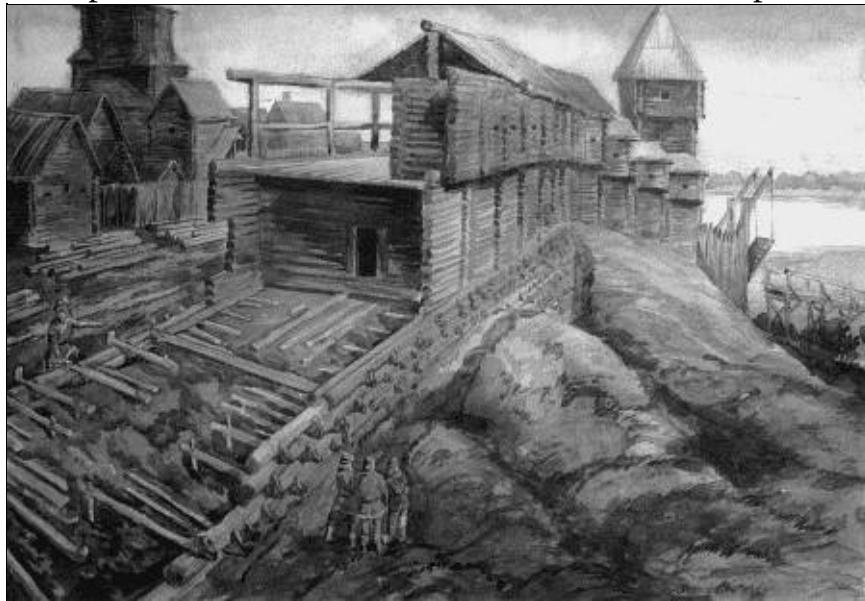
На вербное воскресенье, в пору, когда торжество весны выливается в буйство распускающейся листвы, в дружине Святослава скончался слуга его отца (Олега Святославовича) «добрый старечь Петрь Ильичь». Было ему девяносто лет, и от старости он не мог залезть на боевого коня. Видимо, зимой 1146 г. от Путивля в Лобынск старца везли на санях в сене, закутанного в овчинный тулуп. Бог знает, не видели ли выцветшие глаза того воина Тмутаракань, уже давно утраченную погрязшей в усобицах Русью, и Византию, где его князь Олег провел не один тревожный месяц.

Изяслав II в 1147 г. поставил митрополитом Руси «Клима Смолятича». Это был русский монах-схимник, сидевший в городе Заруб, на одноименной горе, охранявшей брод через Днепр. Был Клима книжником и философом, каких на Руси «не бяшеть».

Новое назначение вызвало бурю в церковной среде. Епископы Белгорода, Переяславля, Юрьева, Владимира-Волынского, Новгорода, Смоленска в один голос заявили, что нет такого закона, чтобы ставить митрополита без благословения византийского патриарха. Так оно прежде и было, но Русь в XII в. уже была не та, что в XI в. Держава обрела христианство и стремилась обрести независимость в установлении иерархов. Понятно, что яростнее всех против этого возражали греки.

Пока Изяслав II настаивал на избрании нового митрополита в Киеве, в вятичском городке Неринске, затерянном между Лобынском и Дедославлем, Святослав Ольгович принимал послов

от половцев, от «оцевь его» (родственников по матери). Приехал из степи Василий Половчин. В вежах всех интересовало, призовет ли Ольгович «к себе со силою прити».

Приехали в Неринск «децкы» из «Роуси» и сообщили Святославу, что Владимир Давыдович сидит в Чернигове, а Изяслав Давыдович — в Стародубе.

Святослав Ольгович, узнав, что за ним никто не гонится, переехал из Неринска в Дедославль. За стенами Дедославля, к югу, расстилались донские степи. В том краю были редки люди, но часты волчьи стаи. В Дедославль к князю приехали друзья половцы Токсобичи. Князь дал в помощь половцам «Соудимира Коучебича» и Горена и послал их в верховья Угры воевать смоленские волости.

Скоро ситуация стала складываться в пользу Святослава Ольговича. Как только это почувствовали посаженные зимой по вятичским городам посадники, словно сговорившись, они побежали из «Вятичь, изъ Бряньска и изъ Мьченьска, и изъ Блеле». Святослав Ольгович подошел к городу «Девягорьскоу» (быть может, город Волхов).

Пока Святослав Ольгович стоял у Девягорска, вятичские земли «и Добрянеськь и до Воробиинь Подеснье Домагошь и Мценеськь» были освобождены от посадников Давыдовичей и склонились перед Святославом.

А из степи к Девягорску подходили охотники ополониться на Руси. Среди них летописец называет «Бродничи». Это могли быть славяне, настолько вжившиеся в образ воинов, бродивших между Днепром и Доном, что существование в городах и весях Руси пугало их обыденностью, что называется, пуще неволи. Условия жизни Руси VIII–XIII вв. и позднейшей России XIV–XIX вв. по большому счету на южных рубежах были схожи, и бродившие без семей и домов русские воины, для которых пика и конь составляли все достояние, а ковыльная степь была отчизной, были явлением для Руси естественным и даже необходимым.

Подошел к Девягорску и Глеб Юрьевич из Суздаля. Князья сели на лошадей и повели дружины к городу Мценску.

Когда Святослав Ольгович погнался за Изяславом Давыдовичем, у города Спаш (быть может, г. Спас у современного г. Орел) Давыдовичи от своего имени и от имени Святослава Всеволодовича послали к Святославу Ольговичу гонца с речью: «Боудемы вси за одинь моужь и не помяни злобь нашихь, а крсть к намь целоуи». Отчину Святославу Ольговичу обещали вернуть, как и взятое имущество.

Не остыл еще крест, который целовали Ольговичи и Давыдовичи, как из Чернигова в Киев к великому князю уже скакал Изяслав Давыдович с сообщением, что Святослав Ольгович занял «Вятиче». Изяслав Давыдович стал просить Изяслава II Мстиславовича выступить на Суздаль

против дяди. Великий князь не заставил себя долго упрашивать. Однако о целовании креста в Киеве еще не знали.

Святослав Всеволодович оставался под зорким оком бояр великого князя и держал пожалованные ему города на западе Руси «Божьски и Мечибие Котелницу а всих пять городовъ». Но тянуло князя в Чернигов, чувствовало его юное сердце, что место его по левую сторону Днепра, среди бояр отца, среди половцев и вятичских лесов. Князь сказал Изяславу II, что намерен просить волости у Давыдовичей. Великий князь подумал, да и пустил Святослава Всеволодовича впереди себя к Чернигову.

Когда великий князь объявил киевлянам, что намерен идти на Суздаль, на дядю Юрия Владимировича Долгорукого, сына Монамаха, киевляне ответили: «Кнже не ходи с Ростиславом на стрья своего, лепле ся с нимъ оулади Ольговичем веры не ими...» Изяслав II такому ответу был не рад, и киевляне пояснили: «Кнже ты ся на нас не гневаи, не можемъ на Володимире племя роуки въздаяти».

Решили идти не на Долгорукого, а на Ольговичей. Против этого киевляне никогда не возражали.

Вышли к реке Лто и двинулись далее к «Снежатиноу и отгъ Нежатиноу» шли до «Роусотины». К Чернигову послали Оулеба.

Киев тем временем охранял брат великого князя Владимир Мстиславович. А началось вот что. Оулеб в Чернигове узнал, что Давидовичи целовали крест к Святославу Ольговичу. Стало понятно, что просьба Давидовичей к Изяславу II идти на Юрия — ловушка. На самом деле черниговским Давидовичам было «любо яти во Игоря место» самого Изяслава II (то есть «всадить» Мономашевича в поруб).

Изяслав II был «оубити лестью». Придя в себя, он послал в Чернигов к Давидовичам за объяснениями. Те искренне ответили, что им жаль Игоря, и сами задали вопрос великому князю, понравилось бы ему, если бы держали в неволе его брата. Изяслав II «поверже имъ грамоты хрстьныя». Это означало разрыв.

Изяслав II послал гонца в Смоленск, прося Ростислава не выходить на Юрия, но идти в Киев. Еще один гонец от стен Чернигова поехал в Киев, к Владимиру Мстиславовичу и к тысяцкому «Лазореву». Надлежало собрать горожан у св. Софии и объявить им о лести черниговских князей. Изяслав II просил киевлян идти к нему в помощь под Чернигов, у кого есть конь — верхом, иных плыть в ладьях.

Киевляне не отказали в помощи Изяславу II, но прежде решили уладить одно дело. Вспомнили об Игоре Ольговиче, сидевшем в монастыре св. Федора в Киеве. За Игоря вступились Владимир Мстиславович, тысяцкий Лазарь, Рагоуило (тысяцкий Владимира), митрополит. Но куда там!

Владимир выхватил Игоря из рук толпы и укрыл во дворе своей матери. В начавшейся драке стали бить Игоря, когда Владимир вступился, досталось и ему. И тут вмешался некий Михаил. Князья воспользовались заминкой и ускользнули за ворота двора. С Михаила же сорвали цепь с крестом, тянувшим на золотую гривну. Скоро сломали ворота во дворе княгини, схватили Игоря, и ему пришла погибель.

Игорь Ольгович еще дышал, когда его нагого повергли на землю, связали «оужемъ» ноги и «оуворозиша» поволокли со двора княгини Мстиславны через Бабин Торжок на княжеский двор. Там князя добились. Тело Игоря положили на «кола», привезли на Подол, на торговую площадь, и подвергли поруганию. Как удивительно схожи народные выступления.

Владимир Мстиславович послал тысяцкого за телом Игоря. Погребли Игоря Ольговича в монастыре св. Семеона, на окраине Киева. Это была обитель, пользовавшаяся особым вниманием черниговских потомков Святослава Ярославовича.

Весть о гибели Игоря застала Изяслава II в верховье реки Супой. Князь сказал среди прочего: «...а тамо намъ всим быти».

Сын великого князя Мстислав II Изяславович в ту пору сидел в Курске. Когда куряне узнали, что к их городу подходит Святослав Ольгович с сыном Долгорукого Глебом, они заявили Мстиславу II то же, что и киевляне его отцу: рады биться с Ольговичами, но на племя Мономаха руки поднять не можем. Мстислав II выехал из Курска, и в городе сел посадник Долгорукого.

Вслед за тем Глеб Юрьевич со Святославом Ольговичем подошли к городу Вырю и также посадили посадника. Город Папац пришлось брать штурмом, ибо горожане никаким князьям открывать ворота не желали, боясь половцев. А город «Быхань» и иные города в долине нижнего Сейма и верхней Сулы избежали сдачи.

К Изяславу II подошла помощь от дяди Вячеслава Владимировича из Владимира-Вольнского. Великий князь отступил к Переяславлю и там узнал от гонцов, что его младший брат Ростислав идет от Смоленска и уже сжег Любеч («Любець»).

Изяслав II встретился с Ростиславом у Черной могилы. Князья решили идти в верховья Сулы навстречу Ольговичам. Как только о том стало известно в лагере Святослава Ольговича, большая часть половцев ночью ушла в степь. Святослав с оставшимися союзниками пошел на «Глебль к Черниговоу» (Глебль располагался между верховьями Сулы и Черниговом).

Изяслав II, узнав о происходящем в стане противника, сел думать с дружиной и братом, куда двигаться. Черные клобуки (тюрки, севшие в XII в. в поросье и служившие Киеву) посоветовали идти к Всеволожу (город, лежащий между Черниговом и Глеблем) «перекъ» (наперекор) неприятелю. Однако Ольговичи предусмотрительно обошли Всеволож стороной. Изяслав II и Ростислав подошли к Всеволожу и взяли город на щит.

Когда в ближайших к Всеволожу городах «Оунеже, Белавежа, Бохмачь» стало известно о случившемся, население этих городов и многих иных побежало полем к Чернигову. Но уйти от дружины Мстиславовичей в чистом поле было непросто. Брошенные города занялись зловещим заревом.

Жители Глебля, узнав о судьбе соседей, заперли ворота и принялись с утра до вечера отбивать приступы воинов великого князя. Город устоял, а Мономашевичи пошли в Киев.

Ростислав должен был вернуться в Смоленск. Прощаясь, Изяслав II наказал Ростиславу стоять на севере против Долгорукого. Сам великий князь обещал управиться с Ольговичами и Давыдовичами.

Когда мороз заковал льдом реки, Ольговичи и Давыдовичи послали дружину с половцами на Днепр «воевать» город Брагин. Видимо, это была месть за сожженный Любеч. А Глеб Юрьевич занял Городец Остерский, некогда принадлежавший его отцу.

Изяслав II, узнав о том, просил Глеба приехать в Киев. Глеб, напротив, послушав боярина Жирослава, поехал к Переяславлю, уверовав, что горожане тому будут рады. В Переяславле сидел Мстислав II Изяславович. Когда его дружинники вошли в палаты, князь лежал. Ему сказали: «Не лежи княже. Глебъ ти пришелъ на тя».

Глеб подступиться к Переяславлю не решился. Мстислав II, выехав из ворот, погнался за гостями и настиг Глеба у Носова, на реке Роуде (быть может, совр. Носовка к юго-западу от г. Нежина). Глеб, потеряв несколько дружинников, успел скрыться в Городце Остерском.

Зимой Изяслав II подступил к устью реки Остер. Помощи из Чернигова Глеб не получил. Великий князь простоял под Городцем три дня, пока Глеб не выехал из ворот и не поклонился Изяславу II.

Когда Изяслав II вернулся в Киев, Глеб послал к Владимиру Изяславовичу сказать, что целовал крест к великому князю поневоле.

В 1148 г. князья продолжили выяснение отношений. В марте, в пору, когда еще глубок снег и крепок лед на реках, Изяслав II собрал полки с правобережья среднего Днепра, из Вольни, привел помощь из Венгрии, призвал берендеев и выехал из Киева на восток к Чернигову.

Ольговичи и Давыдовичи, заперевшись по городам, не смели дать Изяславу II сражение. Стали воины великого князя «воевать» Северские земли «и до Боловосо».

Поняв, что из Чернигова никто не выйдет, Изяслав II решил идти к «Любчю» (Любечу) «идеже их есть вся жизнь». Переход от Чернигова до Любеча занял пять дней.

Тем временем черниговские князья приободрились, собрались с силой, дождались половцев и рязанских родственников и также подошли к Любечу. Тут черниговские князья «заложились» рекой (притоком Днепра) и начали перестрелку с силами Изяслава II.

Весна входила в права. Ночью шел дождь, а наутро Изяслав II с тревогой обнаружил, что лед на Днестре «казится». Великий князь был мудр и опытен и в сражениях, и в жизни и в тот же день обратил внимание воинов, что Днепр за их спинами «располивает».

Стоило Изяславу II с полками перейти на правый берег, как наутро Днепр «роушился». Начался весенний ледоход, и льдины, со страшным треском ломая друг друга и наползая одна на другую, устремились к югу, к порогам. Долины рек наполнились вешней водой. Дороги стали труднопроходимы, превратившись в месиво из глины и кусков смерзшегося пористого, ноздреватого снега. Приехав в Киев и сев в тереме у очага, Изяслав II поблагодарил Бога за благополучный исход дела, ибо «бе ледъ лихъ», и отправил гонца в Смоленск к брату Ростиславу с рассказом о зимних делах.

Венгры, охотно ходившие на Русь, но часто терпевшие урон, и на этот раз потеряли нескольких воинов, провалившихся под лед на озере, видимо, бывшем старицей Днестра. Вернувшись на родину, венгры едва сожалели о походе. Кто-то вез с Руси наложницу, кто-то гривны, а кто-то целую голову и был рад.

Ольговичи и Давыдовичи были напуганы и раздосадованы событиями весны 1148 г. Отправили послов к Юрию, коря суздальского князя за то, что не подал помощи, а угрожал Ростиславу Смоленскому.

Глеб Юрьевич выехал из ворот Городца Остерского и пустился вскачь к Переяславлю да едва ушел от Мстислава II Изяславовича. Когда ворота Городца Остерского закрылись за Глебом, князь понял, что многих из своей дружины увидеть уже не доведется. Скоро Глеб и сам бежал в Чернигов.

По возвращении послов из Суздаля Давыдовичи и Ольговичи, поняв, что помощи от Долгорукого не будет, стали слать послов в Киев. Скоро Изяслав II услышал такие речи: «Мирь стоять до рати, а рать до мира... оже есмы оустали на рать».

Дело было и в том, что весна звала крестьян в поле пахать, боронить, сеять. Война истощала не только крестьянские дворы и амбары, но и княжеские усадьбы. Словом, было время — воевали, и делали то на Руси по преимуществу зимой, а пришло время «оуладили».

Изяслав II снесся с Ростиславом, прося совета, и из Смоленска пришел ответ: «Оумирися».

Вскоре из Киева выехало духовенство, и в Чернигове Ольговичи и Давыдовичи целовали к великому князю крест, обещая «ворожбоу про Игоря отложить. а Роускоу земли блюсти, и быти всимъ за одинъ братъ».

Лето 1148 г. прошло мирно, урожай собрали, и осенью, в пору, когда на полях желтели стога, а лес подернулся многокрасьем отживавшей листвы, у Городца Остерского съехались Изяслав II и два Давыдовича — Владимир и Изяслав. Скоро в окружении великого князя

появился старший сын Долгорукого Ростислав Юрьевич. Этот князь пожаловался Изяславу II (а были они двоюродными братьями), что отец не дал ему волости в Суздальской земле. Не знаю, подумал ли тогда Изяслав II, что его гость мог лукавить, но дал приехавшему города «Божьский. Межибжие. Котелницу. и ина два города».

Сидя за столом в Городце Остерском, Изяслав II напомнил Давыдовичам о крестном целовании и объявил, что зимой выходит в поход на Долгорукого. Суздальский князь обижал Новгород, отнял у города дани «и на поутех имъ пакости деять». А пути новгородцев нередко пролегали по верхней Волге, и тут уж Суздаль не давал проходу.

План зимнего похода был таков. Как станет на реках лед, Давыдовичи со Святославом Ольговичем пойдут к Ростову через земли вятичей. Изяслав II выступит к Смоленску, к брату Ростиславу. В итоге всем надлежало «снятися на Волзе».

Съезд в Городце окончился пиром. Изяслав II собрал за столом князей и бояр и дал им обед «и прибывше оу весельи и оу любви». На том князья разъехались.

Мир потомки Мономаха и Олега решили скрепить брачными узами. Ростислав попросил у Святослава Ольговича дочь за своего сына Романа. 9 января 1148 г. из Новгорода-Северского в Смоленск привезли Святославну и тут же повенчали с Романом.

Когда полки собрались в Киеве и Изяслав II выезжал из столицы, великий князь обратился к Ростиславу Юрьевичу, прося его идти в «Божьский» и не возвращаться в Киев до окончания похода. Изяслав II добавил, прощаясь, «постерези земле Роуской оттоле». Киев остался стеречь младший брат великого князя Владимир Мстиславович.

Переяславль — форпост Изяслава II в левобережном поднепровье — продолжал удерживать Мстислав II Изяславович.

Когда со стен Смоленска увидели стяги Изяслава II, город возликовал, Изяслав II одарил Ростислава дарами «от Роуский земле и от всих црьских земель» (из Греции). Ростислав преподнес брату дары от «верхнихъ земель и от Варягъ».

Изяслав II недолго пробыл в Смоленске и с малой дружиной ускакал в Новгород. Великого князя встретили со слезами. Новгородцы вышли к Изяславу II за три дневных перехода от города. А за один дневной переход горожане «всими силами оусретоша» великого князя. Среди бескрайних лесов, глубоких снегов, лютых морозов Изяслав II погрузился в море любви и слез. Бороды, мохнатые шапки, кони, соболя и бобровые шубы, сани, монашеские скуфейки — все смешалось в тот день под стенами Новгорода. Северяне умели крепко любить, но умели и крепко ненавидеть. И все проявления душевных порывов русского человека, а тем более новгородца, не знали границ — либо целует и плачет, либо бьет так, что ни головы, ни ног потом не найти.

В Новгороде Изяслава II ожидал сын Ярослав. Великого князя прежде всего повели в Софию, и там, стоя на хорах, среди кряжистых, словно дубы, своенравных и одновременно способных на беззаветную преданность новгородских бояр, Изяслав II прослушал обедню. Вслед за тем по улицам Новгорода побежали «подвоискеи и бириче» великого князя, созывая народ на обед. Это был славный пир, и никто не держал на соседа под кольчугой кинжала.

На следующий день утром на Ярославовом дворе собралось вече новгородцев и псковичей. Изяслав II услышал на нем: «Ты наш кнзь ты наш Володимиръ, ты наш Мьстиславъ, ради с тобою идемъ своихъ дея обидъ».

Изяслав II выступил с новгородцами, псковичами и с союзными Новгороду карелами к устью Медведицы. Через четыре дня туда же пришел и Ростислав Смоленский «съ всими Роускими силами» и со смолянами.

Великий князь стал двигаться вниз по замерзшей Волге и отправил послов к Юрию. Из Суздаля ответа не последовало, и посол не вернулся. Тем временем Изяслав II подошел к

волжскому городу Кснятину. Скоро стало ясно, что Юрий мириться с племянником не спешит. И пошли воевать вниз по Волге до «Оуглече поле» и далее до устья Мологи.

Сюда к Изяславу II пришла весть, что Давыдовичи со Святославом Ольговичем стоят в «своих Вятичехъ», ждут, чем дело кончится. К устью Медведицы, как было условлено, черниговцы идти не собирались.

Изяслав II от устья Мологи пустил новгородцев и «Роусь» воевать дядины земли ниже по Волге вплоть до Ярославля.

Тем временем наступила весна, и в вербное воскресенье «быс вода по Волзе и по Молозе по Чрево коневу на ледоу».

Изяслав II с Ростиславом, пока новгородцы отводили душу под Ярославлем и полонились, решили «оже юже реки ся роушаютъ» пора идти домой. Ростислав выступил к Смоленску, а Изяслав II пошел к Новгороду, и так разошлись «во свояси».

В Киеве Изяслава II ожидали с нетерпением. О Ростиславе Юрьевиче, сыне Долгорукого, поведали великому князю, что, помоги господь Долгорукому зимой, не видать белого света семье Изяслава II. Бояре объяснили, что пригрозил Изяслав II врага на свою голову.

Разговор Изяслава II с Ростиславом Юрьевичем состоялся на днепровском острове, напротив собора Михаила, что в Выдобицком монастыре. Великий князь послал за Ростиславом «насадъ» (лодку) и поместил его в шатре «особно».

Разговор двоюродных братьев был краток. Ростислава с четырьмя отроками посадили в насад и отправили прочь от Киева. Дружину и «товарь отяша».

Нетрудно представить, каков был разговор Ростислава с отцом в Суздале. Впрочем, Долгорукий и без того был готов к походу на племянника.

Юрий Долгорукий выступает к Киеву

24 июля 1148 г. из Залесской земли в вятичские леса выступила сила Ростово-Суздальской Руси. В ту пору Залесский край еще оставался далекой деревянной провинцией златоглавой Руси Киева, Чернигова, Владимира-Волынского.

Между Ольговичами, Давыдовичами и Киевом начали ездить гонцы. Святослав Ольгович спросил Юрия «въ правдоу ли идещи». А Изяславу II Святослав Ольгович сказал — возврати именье Игоря Ольговича, тогда буду с тобой. Давыдовичи держали сторону Изяслава II.

Юрий Долгорукий стоял у «Ярьшева», когда к нему приехал Святослав Ольгович. Князья вместе обедали. В те дни у Святослава родилась дочь Мария.

Под Ярьшевом на обеде решили, что Изяслав II общий враг, и стали слать послов к Давыдовичам. Те «отрекостася» от Юрия и послали в Киев сказать, что Долгорукий близко.

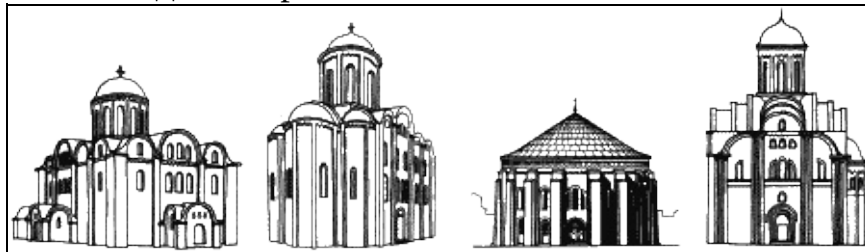
Юрий пришел к Беловеже Старой и стоял тут месяц, ожидая половецкой помощи. Далее Юрий пошел к реке Супой. На Супой съехалось множество половцев и подошел понуждаемый дядей Святослав Всеволодович.

Изяслав II дождался Ростислава у Витачева и перешел Днепр. Юрий двинулся было к Переяславлю да не прошел и стал у «Кудьнова селца... перешедше Стряковъ».

С великим князем от Витачева шел Изяслав Давыдович, хранивший верность Киеву. Когда Изяслав II подошел к реке Лто, ему сообщили, что неприятель в полудне пути и движется через «Стряковъ къ Городоу».

Когда полки Изяслава II стали по берегу реки Трубеж под Переяславлем, Юрий Долгорукий уже три дня стоял «оу Стрякве».

На заре наступившего дня неприятели «исполчились» и стали между переяславскими «валомы», по обе стороны от Трубежа. День бились о реку стрелки. Юрий прислал к Изяславу II гонца с укором и с просьбой отдать Переяславль. Изяслав II не согласился.

На следующий день Изяслав II отслушал обедню в храме Михаила и, выходя из храма, услышал слова плачущего епископа — помирись с дядей, много спасения примешь от бога и землю избавишь от великой беды. Великий князь «ста на болоньи» и товары поставил «за огороды».

Юрий стал «за Янциномъ селцемъ».

23 августа произошло сражение. Изяслав II перешел Трубеж и двинулся на Юрия. Суздальский князь стал отступать, но, увидев подхлывшие полки неприятеля, повернулся, поставил сыновей по правую руку, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича по левую и «поидоша полци к собе яко слнцю въсходящю». Началось ожесточенное сражение.

Первыми от Изяслава II побежали «Поршане». Затем отвернул коня Изяслав Давыдович. Дрогнули не желавшие сражаться с Долгоруким киевляне «и быс лествъ въ Переяславцехъ рекоуче Гюрги намъ кнзь».

Изяслав II сражался, как лев. Великий князь прорубился через полки Святослава Ольговича и Юрия и увидел, что его полки бегут.

Изяслав II перешел Днепр вброд у Канева «толко самъ третий» и поехал в Киев.

Юрий Долгорукий вошел в Переяславль, помолился в храме Михаила и на третий день

выехал к Киеву.

В Киеве горожане просили Изяслава II и Ростислава Мстиславовичей не губить их окончательно, а идти в свои волости. И заверили князей, что, как увидят их стяги, «ту мы готовы, ваю есмь».

Изяслав II с женой и детьми поехал во Владимир-Волынский. С князем на Волынь ушел поставленный им ранее митрополитом Климент Смолятич из Заруба.

Ростислав простился с братом и с остатками полка поехал в Смоленск.

Юрий Долгорукий занимает Киев

Когда Юрий Владимирович Долгорукий поставил стяги под киевскими горами, на лугу, против куполов церкви Михаила, из городских ворот к князю пошел народ. Киевляне поклонились новому великому князю.

Скоро в столицу приехали союзники Долгорукого — Владимир Давыдович и Святослав Ольгович. Юрий отдал Святославу Ольговичу волости: Посемье с Курском, «сновьскоую тысячу» (отнятую у опального Изяслава Давыдовича), «Слоучьскъ и Кльчьскъ и вси дрегвиче».

Уладив дела с союзниками, Юрий занялся собственными детьми. Старшему Ростиславу дали Переяславль. Андрея (Боголюбского) посадили в Вышгороде. Бориса отправили в Белгород, Глеба в Канев. Василек же поехал княжить в отцовский Суздаль.

Казалось, что отныне Киевская Русь от потомков Мстислава I Владимировича перейдет в руки потомков его младшего брата Юрия Владимировича. Но...дело было не только в том, какой князь сядет в Киеве, но и в том, как тесно он связан с местным боярством, духовенством и всем миром. За Долгоруким в Киеве признали силу, но едва ли князя полюбили. В конечном счете триумф закончился для Юрия гибелью. Впрочем, обо всем в свое время.

Изяслав II, сев во Владимире Волынском, принялся слать послов в Венгрию, Чехию и Польшу, прося помощи. Гейза II венгерский (зять Изяслава II), Владислав II чешский и польские князья Болеслав, Межко и Индрих вскоре прислали ответы. Гейза II обещал прислать полки. Польские князья обещали прийти вдвоем, а третьего оставить стеречь землю. Владислав II обещал прийти сам с полками. И вновь в соседние королевства с Волыни помчались гонцы. На этот раз позади них ехали сани с ларями, скрывавшими богатые дары.

Изяслав II просил венгров выступить на Рождество. Гейза II выслал десять тысяч войска, сам же решил подступить к Галиции, дабы сковать инициативу тамошнего князя.

Из Польши выступили Болеслав и Индрих. Межко остался стеречь землю от «прусь».

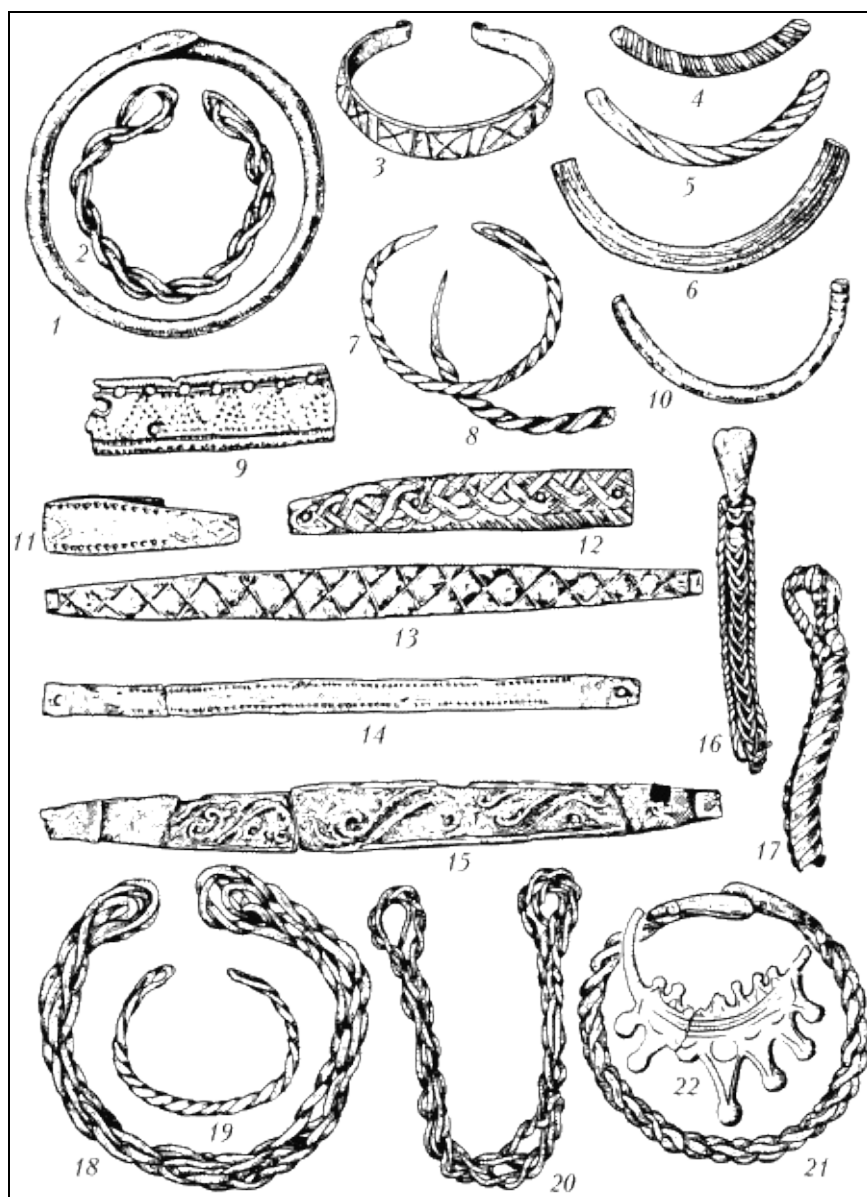
Стало известно Изяславу II и то, что его дядья Вячеслав и Юрий Владимировичи ужиться не могут. Это был добрый знак князю.

Юрий Долгорукий зимой был в курсе сношений Изяслава II с союзниками и привел на Русь половцев.

Когда венгры, чехи и поляки съехались на Волынь, Изяслав II дал им обед и наутро союзники выступили к Луцку. Простояли у того города три дня. Тем временем к Пересопнице ехали два сына Долгорукого Ростислав и Андрей. Они должны были подать помощь союзнику отца Владимиру Володаревичу Галицкому, шедшему к Шумску.

В Пересопнице сидел Вячеслав Владимирович. Вскоре к нему приехал Юрий.

Изяслав II с союзниками от Луцка пришел на «Черемина на Олыче». Тут поляки, венгры и чехи стали слать гонцов к Долгорукому с просьбой помириться с племянниками. Результата те действия не возымели, и союзники разъехались по своим королевствам.

Изяслав II требовал от Юрия «всих дани к Новугороду». Долгорукий ответил отказом.

Юрий с Вячеславом и сыновьями выступили к Луцку. Впереди шли Ростислав и Андрей Юрьевичи. Став на ночь у «Муравици», половцы с воеводой Жирославом бежали прочь, ибо до света в лагере был «пополохъ золь». Андрей Юрьевич, дождавшись рассвета, понял, что тревога была ложной, и поблагодарил бога за крепость духа. Тем не менее Юрьевичи отступили к Дубне и стали ждать помощи от отца.

В Луцке сидел брат Изяслава II Владимир Мстиславович. Долгорукий осадил Луцк и простоял под его стенами шесть недель. Изяслав II понимал, что должен подать помощь брату, и собрался выступить к Луцку. И тут из Галича подошел Владимир Володарьевич и стал между Владимиром-Вольнским и Луцком «на Полонои».

Изяслав II стал сноситься с Владимиром Володарьевичем, прося хлопотать перед Юрием о мире. Против мира выступил обиженный на днепровском острове Ростислав Юрьевич. Андрей же стал просить отца помириться с племянником. Обратился к Юрию и Вячеслав, говоря, что его волости будут сожжены, если не будет мира и Юрий не уедет в Киев.

Юрий решил пойти на мир. Дани новгородские условились вернуть Изяславу II. Осаду с Луцка сняли, и силы Долгорукого вернулись в Пересопницу.

В Пересопницу к дядьям приехал Изяслав II. Целовали крест. Решили, что все взятое в сражении под Переяславлем должно быть возвращено хозяевам. Изяслав II послал тиунов искать челядь и скот «своего деля товара». Юрий того «не оуправи». Изяслав II стал жаловаться дяде Вячеславу на Юрия, и в том была сокрыта угроза.

Так закончился 1149 г. Наступила весна 1150 г. Князьям пришло время мириться, ибо освободившаяся из-под снега земля ждала крестьянских рук.

Весной 1150 г. Юрий Долгорукий выдал дочь за Святослава Ольговича. А другую дочь Юрий выдал за галицкого князя Ярослава Владимировича, впоследствии прозванного Осмомыслом. Так были закреплены русские приоритеты в политике ростово-суздальской земли. Изяслав II с братьями и детьми оказался в клещах между Суздалем, Черниговом и Новгородом-Северским на востоке и Галичем на западе.

Юрий хотел посадить на стол в Киеве старшего брата Вячеслава, да бояре отговорили, сказав не будет Киева ни ему, ни тебе. Похоже, что Долгорукий скучал по Суздалью и Ростову. Юрий вывел сына Андрея из Вышгорода и посадил в город Вячеслава.

На Волыни, в городах погорынья, в Пересопнице и Дорогобуже, далеко на запад от отца и братьев сидел сын Юрия Глеб.

Этот князь стоял выше Пересопницы (по течению р. Горынь) «на Стоубле» с «товары», когда дружина Изяслава II, подобно внезапно налетевшему ветру, нагрянула, и Глеб едва успел спастись за городскими стенами. Товары, коней и дружину Юрьевича «заяша» Изяслав II.

Находясь посреди волынской равнины, Глеб не смел и помышлять о борьбе с Изяславом II. Глеб выехал, поклонился и был приглашен на обед к Изяславу II. Вместе князья выехали на восток к Дорогобужу. Изяслав II велел смотреть за Глебом сыну Мстиславу II. Молодые князья поехали далее на восток, и когда достигли города «Коречьска» (Корческ-Корец), что в бассейне реки Случь, Мстислав II сказал Глебу — езжай к своему отцу, а то волость (Волынь) отца моего по реку Горынь.

Глеб поехал к отцу на «Оушескъ», в верховья реки Уж, в дебри древлянских лесов.

Изяслав II двинулся на «Гольско да Кунилю». Это был рубеж, шедший по реке Случь и отделявший Волынь от земель киевского княжества. Сюда к Изяславу II с Роси приехали черные клобуки.

Юрий Долгорукий оказался не готов к новой схватке с племянником и, взяв сыновей, переплыл Днепр и поехал в Городец Остерский.

Изяслав II возвращается в Киев

Путь от реки Случь до Киева недолог, и скоро Изяслав II беседовал с дядей Вячеславом, сидевшим на сених своего дома в столице. Поначалу Вячеслав заявил, что скорее умрет, нежели поедет в Вышгород. Но делать было нечего, и волю племянника пришлось исполнить.

Изяслав II посадил сына Мстислава II в Канев и велел ему добывать Переяславль. Тот город удерживал Ростислав Юрьевич, и как только он прослышал о намерении Мстислава II, тотчас отправил гонца к отцу в Городец Остерский, прося помощи.

К Переяславлю из устья реки Остер выехал Андрей. Ростислав оставил брата в городе, а сам с дружиной поехал к Сакову ловить половцев Турпеев, шедших на помощь к Мстиславу II.

Тем временем Долгорукий отправлял послов к Давыдовичам и Ольговичам, прося поддержки.

А Изяслав II стал слать людей в Вышгород к дяде Вячеславу. Изяславу II доложили, что из Галиции выступил союзник Долгорукого Владимир Володарьевич и уже «перешел Болохово, идет мимо Мунаревъ к Володареву». Галицкий князь обходил Волынь с юга, минуя враждебные волости.

Изяслав II послал к Мстиславу II, веля собрать берендеев, а сам с боярами поехал в Вышгород к Вячеславу, прося дядю сесть на стол в Киеве. Вячеслав гневно спросил племянника, почему не дал в другое время.

Изяслав II с братом Владимиром, сыном Мстиславом II, полком дяди Вячеслава и киевлянами выехал к юго-западу от Киева к пригородной крепости Звенигород. Стало известно, что галичане идут через «Перепетово». Изяслав II выехал к Тумашу, на рубеж реки Стугны. Сюда из поросья подошли черные клобуки, предварительно заперев жен и детей по городам.

Спустя два дня Изяслав II перешел реку Стугну и речку Олшаницу. Галицкий князь стоял в верховье Олшаницы. Началась перестрелка. Тут от Изяслава II стали уходить черные клобуки и киевляне, говоря: «Ты наш князь, коли силен будешь, а мы с тобою, а ныне не твое время, поеди прочь».

Изяслав II вернулся в Киев и застал на дворе Ярослава дядю Вячеслава Владимировича. Князья сели обедать. Тем временем Долгорукий с Давыдовичами и Ольговичами стоял на левом берегу Днепра, против киевских гор.

Киевляне стали в «насадехъ» перевозить дружину Юрия на Подол.

Изяслав II с Вячеславом условились, что один поедет во Владимир-Волынский, а другой — в Вышгород. Изяслав II велел дружине собираться у «Дорожичь» и, дождавшись ночи, выехал из Киева.

Галицкий князь целовался с Долгоруким, Ольговичами и Давыдовичами «Оу Сетомля на болоньи». Не забыли и о Изяславе II. В погоню за ним послали молодежь — Святослава Всеволодовича и Бориса Юрьевича. Князья гнались за Изяславом II до «Чертова леса».

Владимир Галицкий, как подобает русскому князю, объехал киевские соборы и монастыри и поклонился праху прапрадеда Ярослава и его отца Владимира I.

Тем временем Изяслав II занял города по реке Горынь и, оставив в Дорогобуже сына Мстислава II, уехал во Владимир-Волынский.

Возвращаясь в Галицию, Владимир Володарьевич взял с собой сына Долгорукого Мстислава. Когда галичане подошли к Дорогобужу, Мстислав II Изяславович убежал из города в Луцк. Тут сидел брат его отца Святополк. Скоро со стен Луцка увидели стяги галичан. Но на приступ или осаду галичане не решились и скоро удалились в свои земли.

В городе Пересопнице, как и в начале года, водворился сын Долгорукого Мстислав.

Юрий Долгорукий снова в Киеве

Наступала осень. После встречи сентябрьского праздника воздвижения креста Господня Русь стала ожидать зиму.

Юрий дал сыну Андрею (Боголюбскому) города Туров, Пинск, Пересопницу. Андрей сел в Пересопнице. Позже этот период в жизни Андрея отзовется в истории ростово-суздальских земель. В жизни ничего не бывает случайного и ничто не проходит без следа.

С началом зимы Русь укрылась снегом, стали подо льдом реки, укатали санями дороги, и князья в городах не могли усидеть спокойно. Зима издревле на Руси была временем жатвы, только не хлебной, а ратной. Накормленные овсом кони храпели по конюшням. Князьям не спалось, их тянуло в походы.

А Русь, укрытая толстым снежным одеялом до крыш, дышала печными трубами и дымоходами курных изб и, казалось, уснула до весны.

Изяслав II стал слать в Пересопницу к Андрею, прося хлопотать перед отцом за волости по реке Горынь. А в Венгрию Изяслав II отправил брата Владимира просить короля «полези же на коне». Венгры стали собираться в зимний поход на Русь. О том стало известно галицкому князю, стоявшему у города Белз. Зная, что венгры прошли Карпаты и взяли город Санок, князь помчался к городу Перемышль. Села вокруг Перемышля уже грабили, а в обозе венгров на санях со связанными руками и ногами сидел посадник из Санока.

Владимир Володарьевич не решился на войну с венграми и поступил так. Князь послал множество золота епископам и придворным венгерского короля. И «оумолвиша короля пойти домови». Король и сам стал подумывать о том, что реки «смерзывают» и лучше «пойдемь домови».

В Венгрию с королем поехал брат Изяслава II Владимир. Князю в Венгрии подыскали невесту «оу бана дчерь».

Отправляя Владимира на Волынь, Гейза II сослался на то, что «явиши црь на мя Грецкьи въставаеть ратью» и зимой и весной король не выступит на Русь.

Изяслав II послал пришедших с Владимиром венгров «на покормь» к городу Устилуг и принялся хлопотать по организации свадьбы брата и венгерской бановны «н. быс радость велика и веселие».

Зимой Святослав Ольгович увез останки брата Игоря из церкви св. Семена в Копыревом конце Киева в Чернигов и упокоил их в соборе св. Спаса.

Торжества во Владимире-Волынском закончились тем, что Изяслав II вновь отправил брата Владимира в Венгрию за помощью. Владимир в ту же зиму вернулся на Волынь с десятью тысячами венгерских всадников. Вскоре Изяслав II выступил к Киеву.

Он вновь подошел к Пересопнице, где сидел Андрей Юрьевич. Полки стали выше города, по реке, и зажгли «заречеекъ», и тут Изяславу II стало известно, что из Галиции выступил Владимир Володарьевич.

Дружина заволновалась, и Изяслав II произнес: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли своихъ сель и своихъ жизни лишився». О себе князь сказал, что либо голову сложит, либо «очину свою налезу, и вашу всю жизнь...»

Стеречь Владимир-Волынский остался брат Изяслава II Святополк Мстиславович.

Жители Дорогобужа встретили Изяслава II с крестами и поклонами. Горожане испугались венгров. Изяслав II объяснил, что водит венгров не на своих людей, «но кто ми ворогъ на того вожую».

Перешли реку Горынь и, одолев водораздел с рекой Случь, полки Изяслава II подошли к

городу «Коречьску» (Корец). Горожане вышли навстречу князю с поклонами. Князь обошел город и не дойдя до русла Случи, стал лагерем. Впереди были земли Киева.

В то время Владимир Володарьевич послал к Андрею Юрьевичу Василька Ярополковича (кто — неясно), и князья встретились у «Милеска» (быть может, Млинов).

Изяславу II сообщили, что неприятель стоит у него в тылу, у Дорогобужа, и переправляется через Горынь.

Ждать далее было нечего, и Изяслав II решился идти на Киев. Полки перешли Случь и двинулись через «Чертовъ лесъ» к городу Ушица. Стоило полкам и обозам Изяслава II переправиться через реку Уж, как на оставленном берегу появились стрелки галицкого князя. Изяслав II выставил своих стрелков, и начали через реку биться.

Изяслав II из-под стен Ушицы подошел к «Стославлі Кринице». От пленного узнали, что галицкий князь укрылся в лесу. Решили сражения ему не давать. Полки галичан и волянян разделяла река Уж.

В наступившей ночи разложили костры. Изяслав II с дружиной решил ночью двинуться к городу Мичску на реку Тетерев. Костры при этом князь велел развести «великыи, тако накладъше огни».

На Тетерева Изяслава II ожидали, как и полагал князь. Жители Мичска вышли навстречу князю с поклонами. Изяслав II переехал замерзшее русло Тетерева, сошел с коня, выпался, пообедал и к вечеру был в городе «Въздвигдени» (Здвиждень), стоящем в верховье реки Здвиж.

На совете решили послать вперед к Белгороду Владимира Мстиславовича с молодежью. Изяславу II было важно перейти через «Обрамль мост», соединявший берега реки Ирпень.

В Белгороде в княжеском тереме на сених пировал сын Долгорукого Борис с дружиной и с «попы» белгородскими.

Мост через Ирпень стерег мытник — сборщик проездной пошлины (мыта). Для мытника появление полков волянян стало полной неожиданностью. Мост не разметали на бревна, и скоро Борис услышал звуки труб и, не теряя драгоценных минут, сел на коня и помчался прочь из Белгорода.

А горожане уже шли к мосту, навстречу Владимиру Мстиславовичу с поклонами. Из Белгорода к Изяславу II послали сказать, что ни Борис, ни Юрий Долгорукий не имели вестей о приближении волянян и следует спешить к Киеву.

Когда Борис прискакал в Киев, Долгорукий был на Красном дворе. Выслушав сына, Юрий сел в «насадъ» и, переправившись на левый берег Днепра, поспешил в Городец Остерский.

Изяслав II возвращается в Киев зимой 1150 г.

Киев торжественно встретил Изяслава II. Начались пиры и пышные службы в св. Софии. При этом не забыли переловить по городу ни о чем не ведавших дружинников Долгорукого. Оповестить их у Юрия не было времени.

Киевляне с удивлением рассматривали венгров, игравших на «фарехъ» и «скокохъ», сидя во множестве посреди Ярославова двора. Особое любопытство горожан вызвали «кметьства» (копья) и «комонемъ» (кони) венгров.

О происходящем в Киеве не знал галицкий князь, стоявший под стенами Мичска, на реке Тетерев. Наконец, от стражи узнали, что Долгорукий в Городце Остерском, а Изяслав II в Киеве. Владимир Володарьевич не смог скрыть гнева и обратился к Андрею: «Так с отцом правите».

Стали собираться в Галицию. Жителям Мичска сказали, что либо они дадут серебро, либо будут взяты на щит. Горожане собрали серебро из «оушью» и с «шии», слили в гривны и дали Владимиру Володарьевичу. Так галицкий князь и собирал серебро со всех волынских городов, пока не дошел до своих земель.

Андрей Юрьевич с сыном Владимиром поехал от Мичска к устью Припяти «на Двдву боженку», дабы объехать Киев. Оттуда князь пришел к отцу в Городец Остерский.

Из Вышгорода в Киев приехал старейший из Мономашевичей, бездетный дядя Вячеслав Владимирович, и сел рядом с племянником Изяславом II Мстиславовичем на стол дедов и прадедов.

В тот же год в Переяславле скончался старший сын Долгорукого Ростислав. Его положили в храме Михаила.

Тем закончился 1150 г. Началась весна, а вместе с ней и год 1151-й.

С венграми из Киева уехал сын Изяслава II Мстислав II. Дары на берега Дуная весной 1151 г. везли немалые.

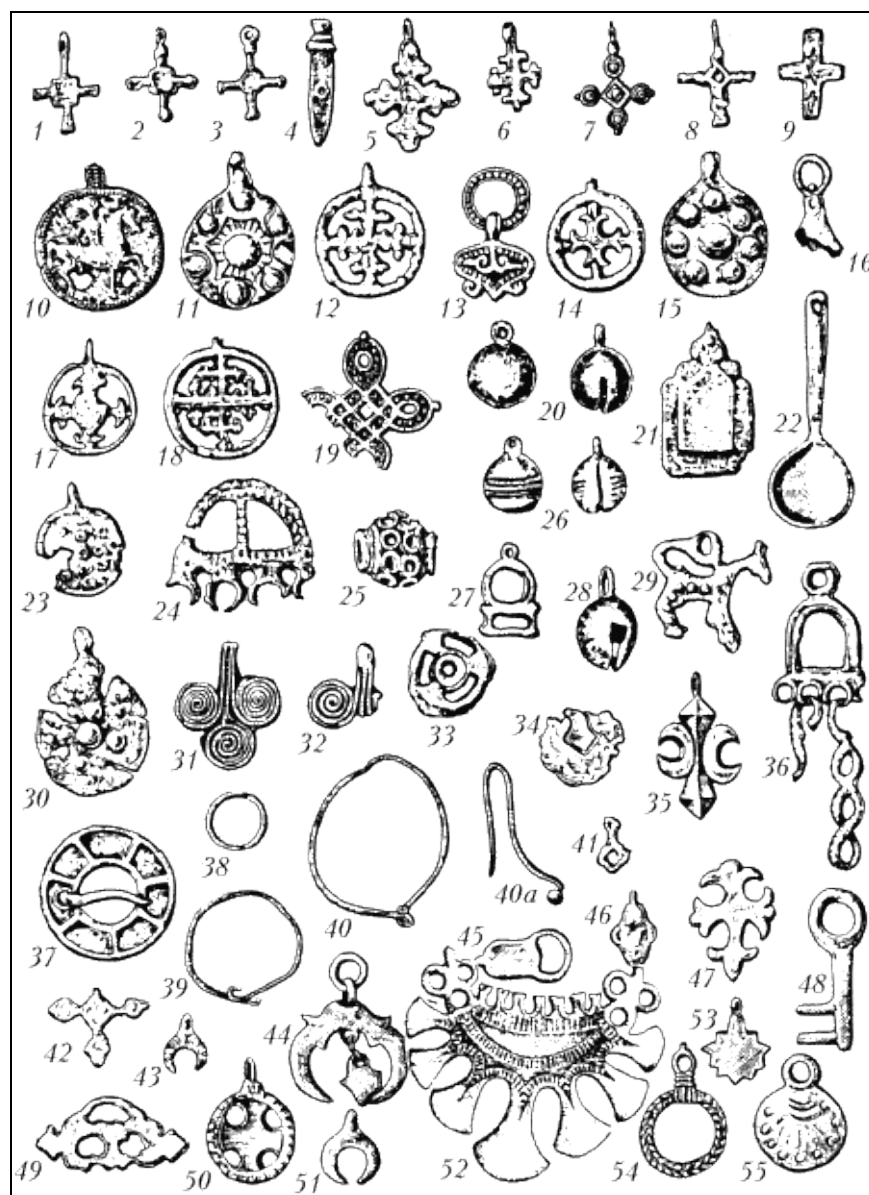
Отправили гонца в Смоленск, к Ростиславу Мстиславовичу. Просили выступить в Киев. В Новгороде сидел сын Изяслава II Ярослав. Рассчитывали в столице и на его поддержку.

А Долгорукий слал гонцов в Чернигов и в Новгород Северский к Давыдовичам и Ольговичам. В один из дней пасхальной недели у Святослава Ольговича родился сын. В крещении его нарекли Георгием. Мирское его имя было Игорь. Это родился герой «Слова о полку Игореве», воспевшего неудачный поход в степь, состоявшийся в 1185 г.

Князя из Чернигова к устью Остра пришли в ладьях. Долгорукий всматривался в гладь набухшей от весеннего паводка Десны и, узрев стяги Владимира Давыдовича и Святослава Ольговича, вздохнул с облегчением. Это была твердая порука в борьбе с племянником.

Еще один черниговский князь — Изяслав Давыдович — предпочел поехать в Киев и стать у «Городка». Подошел к Киеву и Ростислав Мстиславович.

Скоро к Киеву выступил Долгорукий. Став в «Родоунии», Юрий дождался половцев и вышел на левый берег Днепра.

С обоих берегов в Днепр спустили лодки-насады и стали сражаться на воде. Изяслав II, препятствуя переправе Юрия, нарастил лодки досками, и гребцы в них оказались неуязвимы для стрел неприятеля.

Юрий понял, что следует идти к броду, под город Витачев. Вывести ладьи из устья Десны не решились, страшась киевских стрелков, и перетащили ладьи в озеро «Лубеиское» (очевидно, старица Днепра). Из озера ладьи волоком перетащили в «Золотчю» и по ней ввели в Днепр.

Изяслав II без труда разгадал замысел Юрия и стал под Витачевом у «Мирославьского села». Юрий решил идти далее на юг, к броду под город Заруб.

Тот брод охранял Шварно «съ сторожи». Первыми брод под Зарубом перешли половцы, а вслед за ними Юрий с союзниками.

Изяслав II стоял «оу Ивана», когда пришла весть о том, что Юрий перешел брод под Зарубом. Черные клобуки поспешили на Русь за детьми и женами, дабы те не попали в руки Долгорукого. С черными клобуками поехал брат Изяслава II Владимир. Черные клобуки — это турки, герои степной истории юга Восточной Европы раннего Средневековья — торки, печенеги, берендеи, «кооци».

Изяслав II с Ростиславом и дядей Вячеславом от Витачева отступил к Треполью, а наутро выехал к Киеву через «Брокъ» (бор).

Изяслав II в столицу не вошел, а расположился с «товарь» перед Золотыми воротами «оу Язины». Изяслав Давыдович стал по правую руку между Золотыми и Жидовскими воротами Киева, против «Бориславлю двору». Ростислав Мстиславович с сыном Романом стал перед

Жидовскими воротами. «Городеньский Борись» (внук печально известного Давида Игоревича, выколовшего глаза Васильку) закрыл своим полком Лядские ворота Киева.

Между полками князей «на конехъ и пеши» стали тысячи киевлян. Когда столицу окружило вышеописанное войско, появились черные клобуки, двигавшиеся к Киеву от Роси подобно туче. Шли они «с вежами и съ стады и скоты их и мноое множество». Тюркская конница опоясала Киев с юга и запада вторым полукольцом.

Объехав полки и установив порядки, Изяслав II так отозвался о шедшем от Заруба неприятеле: «То те не крилати соуть, а перелетевше за Днепръ сядуть же».

Вячеслав Владимирович снесся с братом Юрием Владимировичем гонцами. Долгорукий, стоявший у Василева на Стугне, отвечал на упрек упреком. Тем переговоры и кончились.

Миновала ночь, к утру Юрий подошел к берегу Лыбеди, и началась перестрелка. В урочище Сухая Лыбедь реку перешел Андрей Юрьевич с половцами. Но атака успеха не имела, и до вечера бились у Лыбеди стрелки.

Наконец Изяслав II двинул полки вперед и, побив перешедших Лыбедь, подошел к реке. Долгорукий отступил от Лыбеди и пошел прочь от Киева, поняв, что на сей раз легкой победы не будет. Стали уповать на галичского свата, верного союзника Долгорукого.

Всю ночь полки Юрия шли бором к Белгороду навстречу галичанам. Белгород ворот не открыл, и Юрий двинулся через бор к «Верневу» и далее «за валь», пока не стал «оу Бъзьянице».

Изяслав II шел за Юрием, следя, чтобы тот не соединился с галичанами. Стали на ночь у Звенигорода. На следующий день подошли к Василеву. Киевляне шли за дружиной Изяслава II кто пеший, кто конный, и все дороги, ведущие из Киева в Василев, были заполнены толпами вооруженных горожан.

Во время обеда в Василев к Изяславу II приехал посол из Венгрии. Гейза II и Мстислав II сообщали, что венгерское войско прошло Гору (Карпаты). Решили не ждать венгров и, перейдя Стугну у Василева, подошли к валу и стали на ночь у «Перепетовыхъ».

Наутро встали до восхода солнца. Прошли вал и выступили в чистое поле. Долгорукий отступил «за Руть ста».

На следующий день Изяслав II стал своими полками наседать на Юрия, тот отступал, ожидая помощи галичан. И опустилась на поле такая мгла, что не видно было конца копья. Пошел дождь. Неприятели стали по обе стороны озера. Бились крылья, и к вечеру Юрий пошел за «шоломя», на верх озера. Изяслав II двинулся за ним.

Юрий зашел за Малый «Роу тець», перешел грязь и стал на ночь. Изяслав II стал лагерем на полет стрелы от Юрия.

Утром забили бубны и запели трубы. Юрий отступил на верх «Рутьгуя». Изяслав II шел следом. Юрий стремился укрыться за «Роуть» и дожидаться галичан. Его полки пошли к «Великому Рутови» и их преследовали стрелки и всадники Изяслава II. Стали отнимать у Долгорукого возы.

Когда Юрий увидел это и понял, что перейти за Руту трудно, князь развернул полки и стал против неприятеля.

Изяслав II по своим силам послал сказать, чтобы все смотрели на его полк — как он пойдет, следует начать сражение.

Андрей Юрьевич (Боголюбский) съехался с неприятелем и преломил копье. Шлем с Андрея сбили, щит отняли, а раненный в ноздрю конь «нача соватис под нимъ».

Изяслав II с копьем въехал «одинъ в полкы ратныхъ». Копье сломал, был ранен в руку и в «стегно». И началась злая сеча — одна из множества на матушке-Руси.

Первыми побежали половцы, не успев выпустить и по стреле. Следом побежали Ольговичи. Последним бежал Юрий с сыновьями. Многие утонули в Руте, иные, увязнув в грязи, были

избиты, иные пленены. Тут погиб черниговский князь Владимир Давыдович.

Изяслав II лежал на поле битвы раненый. Один пеший киевлянин собрался убить князя. Изяслав II воскликнул: «Кнзь есмь». Киевлянин ответил: «Такъ ны еси и надобе». Киевлянин вытащил меч и принялся сечь им по шлему князя «и тако вшибеся шеломъ до лба».

Изяслав II снял с головы шлем. Князь истекал кровью и скоро услышал плач. Это плакал Изяслав Давыдович, стоявший над телом брата Владимира. Изяслав II забыл о ране, подошел к Изяславу Давыдовичу и сказал: «Сего нама оуже не кресити... а ты брате сему оуже не стой, но нарядися возма же своего брата поеди же Чернигову, а яз ти помочь приряжю, буди же нын до вечера оу Вышегороде». В помощь дали Романа Ростиславовича.

Ночью переправились через Днепр и наутро выехали к Чернигову. Там Изяслав Давыдович сел на стол своего брата.

Юрий с детьми перешел Днепр у Треполя и поехал в Переяславль. Половцы ушли в степь.

Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодович перешли Днепр выше Заруба и поспешили в «Городецъ». Узнав, что Чернигов занят, князья поехали в Новгород-Северский.

Когда Владимир Володарьевич узнал о произошедшем, он развернул полк и пошел в Галицию.

А Изяслава II, Ростислава и Вячеслава на подъезде к Киеву встречал митрополит Клим (Смолятич из Заруба), верный спутник великого князя. Иконы, хоругви, стяги, пики, шлемы и белые холщовые рубахи в тот день смешались. Киев молился, веселился и плакал «и тако начаша жити».

Скоро Ростислав уехал в Смоленск, а Изяслав II с дядей Вячеславом собрались в поход к Переяславлю.

Тем временем на Волыни случилось вот что. Мстислав II Изяславович остановился с венгерским войском под городом Сапожин. Из расположенного неподалеку Дорогобужа в лагерь привезли хмельное. Венгры напились до бесчувствия.

Между тем Мстислава II сидевший в Дорогобуже Владимир Андреевич (быть может, сын Андрея Владимировича, внук Мономаха) предупредил, что с востока подходит галицкий князь. Венграм о том сказали, да непонятно, поняли ли они, о чем речь. Мстислав II выставил на ночь стражу и лег спать. В полночь князя разбудили. Подходил Владимир Володарьевич. Мстислав II с дружиной сели на коней и принялись будить венгров. Но те были мертвецки пьяны. На рассвете галицкий князь ударил по лагерю. Шел его полк с востока, и солнце было за головами галичан, слепя неприятеля. Почти всех венгров убили. Мстислав II ускакал на запад в Луцк.

Когда Изяславу II сообщили о случившемся под Сапожином, князь сказал: «Не идет место къ голове, но голова к месту».

Под Переяславлем с Долгоруким бились три дня. Наконец послали в город сказать Юрию: «Иди в Суздаль, а сына посади в Переяславле». Переговоры закончились целованием креста. Юрий оставил в Переяславле сына Глеба, а сам поехал в Городец Остерский.

Андрей (Боголюбский), навоевавший на Волыни и под Киевом, обратился к отцу с просьбой отпустить его в Суздаль. Юрий пустил сына, сам же сел в устье Остра.

К тому времени помирились потомки Давыда и Олега. Князья поделили волости между Черниговом и Новгородом-Северским так, как было при отцах.

Долгорукого принудили уйти из устья Остра. Там сел его сын Глеб. А Переяславль Глебом был оставлен.

Долгорукий ушел к Новгороду-Северскому. Святослав Ольгович принял князя с честью «и повозы да ему». И поехал Юрий через разукрашенные осенью вятчские леса на северо-восток, в Суздаль.

Переяславль занял сын Изяслава II Мстислав II.

В 1151 г. в полоцких землях произошли такие события. Жители Полоцка схватили своего князя Рогволода Борисовича (внука Всеслава Брючиславовича), привезли в Минск и держали «оу велице нужи». Позже князь бежал из заточения в Друцк, где его с радостью приняли. В Друцке Рогволод Борисович оказался в 1162 г. А в 1171 г. Рогволод Борисович приказал выбить надписи на знаменитых «Рогволодовых камнях», разбросанных всюду в полоцкой земле.

В 1151 г. половчане посадили у себя «Глебовича» и послали в Новгород-Северский, прося Святослава Ольговича быть им отцом, обещая быть послушными.

В том же 1151 г. скончалась супруга Изяслава II.

Весна, а вместе с ней и 1152 г. на Руси начались с того, что подожгли «божницу» Михаила в Городце Остерском. Глеба Юрьевича не тронули.

Тем временем Гейза II прислал в Киев сказать, что выходит в Галицию на Владимира Володарьевича. Из Киева в Венгрию послали Мстислава II Изяславовича.

Изяслав II со всеми силами подошел к Дорогобужу. К Изяславу II присоединился стерегший Волынь брат Владимир. Подошли к Пересопнице. Сюда к Изяславу II вышел Владимир Андреевич и подъехал брат Святополк из Владимира-Волынского.

Полки шли на встречу с Гейзой II. Стеречь Волынь оставили Святополка. Изяслав II вошел в Галицию с севера и, перейдя вброд реку Сан, встретил послов Гейзы II. Король сообщал, что ожидает Изяслава II уже пять суток.

Изяслав II поспешил к городу Ярославлю, стоящему на реке Сан ниже Перемышля. Сюда,

навстречу русскому князю, выехало более тысячи венгерских всадников. Вскоре Гейза II встретился с Изяславом II, обнялся и пригласил в шатер обдумать кампанию.

Наутро выстроили полки над Саном ниже Перемышля. Владимир Володарьевич стал прикрывать броды на Сане, стремясь не пропустить неприятеля. Полки Изяслава II и Гейзы II одновременно вступили во все броды, и началось избиение галичан. Сам Владимир Володарьевич едва ушел в Перемышль с «Избыгневом же съ Ивачевичем».

Хотя Перемышль некому было защищать, брать его не спешили. Воины занялись грабежом загородной усадьбы галицкого князя. Она стояла на «Лузе надъ рекою надъ Саномъ».

Владимир Володарьевич прибег к такому приему. Он послал к венгерскому архиепископу и придворным сказать, что ранен. То же передали и Изяславу II. Вместе с тем гонцы галицкого князя привезли победителям «многы дары...златомъ и сребром, и съ суды златыми, и сребреными и порты». И Гейзу II «оумолили».

Наутро Гейза II встретился с Изяславом II. Великий киевский князь вспомнил все провинности Владимира Володарьевича и предложил взять его волости. Гейза II слушал епископа и расправу чинить над галицким князем отказался.

К Владимиру Володарьевичу отправили крест. Его везли боярин Изяслава II Петр Борисович (один из предполагаемых редакторов летописи) и люди Гейзы II. Галицкий князь крест целовал и обещал быть с Изяславом II. Целуя крест, Владимир Володарьевич «лежа, творяся акы изнемагая с рань но рань на немъ не было». Скоро Гейза II и Изяслав II разъехались по своим землям.

Из Владимира Вольнского Изяслав II послал посадников в города Бужеск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу. Владимир Володарьевич целовал крест на том, что уступит Изяславу II эти города на пограничье Волыни и Галиции. Владимир Володарьевич не пустил приехавших посадников в города, и с тем они и возвратились.

Изяслав II, двигавшийся к Киеву, уведомил о произошедшем Гейзу II.

В Суздале Юрий Долгорукий, узнав о пожаре в Городце Остерском, вновь готовился выступить в Южную Русь. Послали в Старую Рязань за помощью, и тамошние князья не посмели послушаться. О военных приготовлениях на северо-востоке стало известно в Киеве. Изяслав II послал в Смоленск сказать Ростиславу, чтобы стерег свою и новгородскую земли, и если Юрий двинется туда, Киев поможет, если же Юрий пойдет в Южную Русь, следует помогать Киеву.

Долгорукий вошел в земли вятичей и объединился с Ростиславом Ярославовичем Рязанским и Муромским и со всей его братией. В земли вятичей ехали охотники из степей.

Начал Юрий занимать города в землях вятичей и северян — Мценск, Спашь, Глухов.

Не сидел спокойно в Галиче и Владимир Володарьевич. Узнав о выступлении Юрия, князь поспешил выступить к Киеву. Впрочем, узнав, что Изяслав II вышел из Киева и идет навстречу, галицкий князь вернулся в свой город.

Святослав Ольгович боялся открыто поддержать Юрия и выходить из Новгорода-Северского не спешил.

Юрий подошел к «Березому» (Березна — город к востоку от Чернигова) и стал у «Свини». Наутро Юрий подошел ближе к Чернигову и стал у «Гюричева» (быть может, Бобровничи — пригородное село).

В Киеве решили помочь Изяславу Давыдовичу, сидевшему в Чернигове. Ростислав из Смоленска подошел к Любечу и скоро вместе со Святославом Всеволодовичем въехал в Чернигов. Город запер ворота, разметал мосты и, поднявшись на заборолу, принялся всматриваться в линию горизонта.

От Гюричева к Чернигову Долгорукий послал половцев. Степняки взяли большой полон и

сожгли Семьинь, стоящую к западу от Чернигова. Тем самым город оказался в осаде.

Князья велели населению из острога отступить в детинец.

Утром следующего дня Юрий с полками стал у Семьини. Вскоре запылал острог, и началось сражение. Особо под Черниговом отличился Андрей Юрьевич.

В то же время Изяслав II с дядей Вячеславом стоял на правом берегу Днепра у «Лжичь» (Ольжич). Узнав о происходящем в Чернигове, князья переправились через Днепр и подошли к «Моровииску» (Моровск). Тут произошло столкновение со стражей Долгорукого. Половцы схватили киевского ратника, и тот, представ перед Долгоруким, поведал, кто идет.

Узнав новость, рязанские князья и Святослав Ольгович «оубоявшеся». А половцы стали от греха «отиматися прече».

Юрий отступил от Чернигова за реки Свинь и Снов на восток.

Скоро со стен детинца увидели стяги Изяслава II и Вячеслава. Князья стали под городом на «Боловесе». Из Чернигова выехали Ростислав, Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович. Князья встретились и сели на совет.

Той порой по утрам заморозки схватывали траву инеем, вода стала холодной, а зори зябкими. Людей тянуло к очагу, за дубовую стену. Хотелось закутать ноги лисьей шубой и, обняв жену и забыв о делах, предаться безмятежному отдыху. Наступало время дружеских пиров, свадеб и посольств. Князья решили разъехаться по городам и ждать зимы, пока реки «оустановятся» льдом.

Юрий приехал в Новгород-Северский и скоро вышел далее на восток к городу Рыльску. Половцы гнали полон на Путивль и, перейдя на левый берег Сейма, поспешили в степь.

Когда Святослав Ольгович, стоявший под Черниговом, узнал, что из Рыльска Долгорукий собирается идти в Суздаль, он послал к Юрию просьбу остаться.

Мало того, что полки Долгорукого потравили жито вокруг северской столицы, Святослав Ольгович оставался один на один с могучими противниками.

Юрий оставил Святославу сына Василька с пятью десятками дружинников, а сам поспешил к Суздалю.

Когда мороз сковал реки льдом, Изяслав II попросил Ростислава держать северные земли, а на юг прислать сына Романа Ростиславовича.

Скоро Изяслав II стоял с полками «на Лте». Вячеслава отправили в Киев. Изяслав II сказал дяде: «Ты еси оуже старь а тобя не достоить трудитися».

В феврале Изяслав II подошел к Всеволожу. От города князь послал сына Мстислава II в степь на половецкие вежи. Сам же князь пошел к Новгороду-Северскому. По дороге к Изяславу II подошли Роман из Смоленска и Святослав Всеволодович, и Изяслав Давыдович из Чернигова.

Новгород-Северский взяли в осаду, овладели воротами острога и ворвались в предградье. На третий день Святослав Ольгович запросил мира. Зима заканчивалась. Реки вот-вот должны были сломать лед, а там подходило время сева. Поспешил к Суздалю и Василько Юрьевич.

В Чернигове Изяслав II принял гонца от сына Мстислава II. Тот сообщал, что разбил половцев на «Оулле и на Самаре». Русский полон Мстислав II отнял и привел к Переяславлю.

Тем зимняя кампания 1152 г. закончилась. Но произошло в конце года еще одно интересное событие.

Посольство Петра Бориславовича в Галич

Изяслав II отправил из Киева в Галицию к Владимиру Володарьевичу посла Петра Бориславовича. Знакомый нам боярин вез в Галич крестные грамоты, скрепленные в том же году целованием креста князьями под Перемышлем. Изяслав II просил Владимира «оузвороти моя городы».

Владимир высказал послу свою обиду на Изяслава II «и короля еси на мя възвелъ». Галицкий князь обещал отомстить. Петр Борисович стал возражать, говоря, что Владимир крест целовал к Изяславу II и к королю. Владимир ответил, что «сии ли крстць малый». Петр возразил — «крсть малъ но сила велика его есть».

Разговор кончился тем, что Владимир велел Петру «полези вонъ», а боярин, уходя, положил перед князем крестные грамоты.

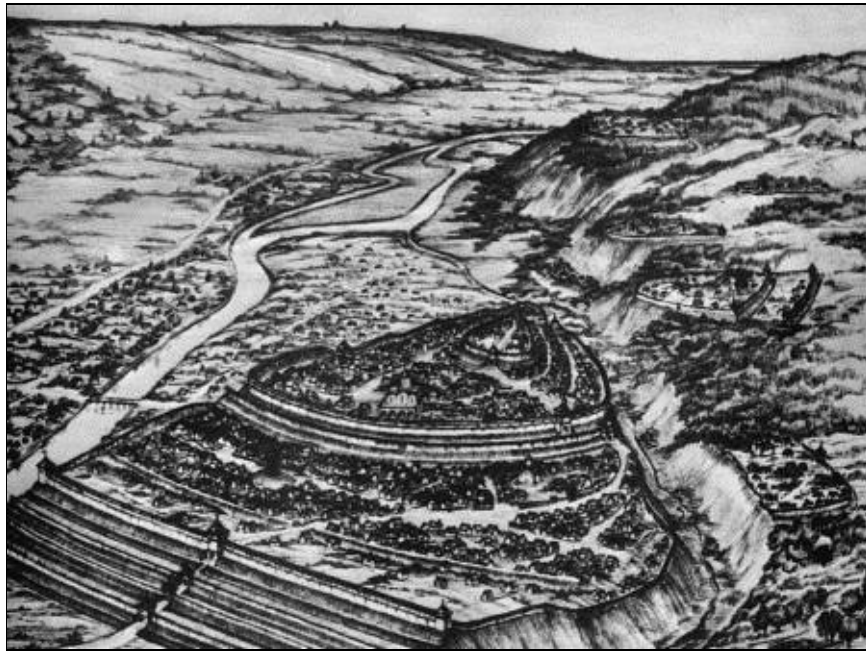
Не дали Петру Бориславовичу в Галиче ни повоза, ни корма, и поехал боярин в Киев «на своих конихъ».

Когда ворота княжеского двора распахнулись, чтобы выпустить Петра, князь Владимир пошел по галерее из терема в церковь св. Спаса к вечерней службе. Проходя галереей, князь увидел выезжавшего Петра и «поругася ему», говоря «поеха мужъ Рускии обуимавъ вся волости».

Отстояв службу, Владимир возвращался в покои галереей, и когда ступил на место, где поругался на Петра, остановился и молвил: «Оле те некто мя оудари за плече». Князь едва не упал. Его подхватили под руки и, принеся в горенку, положили в постель.

Наступившей ночью Владимир Володарьевич умер. А Петр Бориславич, выехав из Галича, под вечер расположился на отдых «оу Болшеве». Тут к боярину подошел «детский» из Галича и велел никуда не выезжать. Петр опечалился, не ведая о причинах повеления. На следующий день, до обеда, из Галича прислали к Петру сказать, чтоб шел на княжеский двор.

Боярин был удивлен еще более, увидев на дворе слуг, одетых в черные «мятлих». Зайдя в сени, Петр увидел Ярослава Владимировича, сидевшего на отцовском месте и также облаченного в черное. Ярослав был юн, смерть отца не могла не расстроить его, и князь искренне расплакался перед Петром.

Отпустили Петра Бориславовича в Киев по-иному, нежели накануне. Ярослав велел кланяться Изяславу II и обещал ездить у стремени великого князя.

Союз Галича и Суздаля

Союз Юрия Долгорукого с Владимиром Володарьевичем галицким помимо военной имел еще одну, быть может, более значимую для столетий плоскость.

В 1152 г. в княжеской усадьбе под Суздадем, в Кидекше, выстроили каменный храм Бориса и Глеба. Ранее каменное строительство в ростово-суздальских землях вел Владимир II Мономах. КиевоПечерский патерик сообщает, что в 1101 г. в Суздаде Мономахом был выстроен собор, подобный Успенскому в Киево-Печерском монастыре.

Храм в Кидекше, учитывая отношения Долгорукого с Изяславом II, едва ли создавался при участии киевских зодчих. И весьма вероятно, что для создания четырехстолпной одноглавой церкви были приглашены в Суздаль мастера из союзного Галича.

Отличие храма в Кидекше от храмов киевских состоит, помимо прочего, в том, что он сложен не из плинфы, а из белокаменных кубов и квадратов. Однако соответствие или кратность величины подкупольного квадрата отдельным частям храма на северо-востоке русских земель была соблюдена.

При этом Юрий Долгорукий при строительстве храма строго следил за соответствием их архитектуры традициям греческих канонов и не допускал широко распространенного в Галиции влияния центральноевропейской архитектурной традиции.

В 1152–1156 гг. в Переяславле-Залесском, на берегу Плещеева озера, в кольце городских укреплений был выстроен еще один белокаменный четырехстолпный однокупольный храм Спаса Преображения.

Северо-восток Руси при Юрии Владимировиче не только укреп, но и украсился. В гуще лесов междуречья Оки и Волги, среди нив суздальского ополья, рубили стены десятков городов. Из-за их заборол вырастали макушки деревянных церквей. А каменные храмы своим рождением ознаменовали начало возвышения нового колосса русской истории.

Выше говорилось, что в XII в. каждое крупное княжество Руси, размерами и структурой походившее на государство, стремилось отстроить собственные каменные храмы, поставить во главе церкви епископа и жить под своим князем, отцов и дедов которого хорошо знали, к ним привыкли и на юных княжичей смотрели как на величайшее достояние, гарантировавшее защиту от внешних посягательств. Русь XII в. из ладей и седел IX–XI вв. пересела к очагам в теремах, раскиданных по добротным усадьбам и городам. Князья еще спорили за стол в Киеве, но их походы более походили на грабительские набеги. Ограбив соседнюю волость зимой, всяк к весне стремился под защиту собственных крепостей. Важно было пересидеть лето, посеять и убрать урожай, а как станут реки — новый поход.

Русь дробилась, семьи потомков Владимира и Ярослава множились, а помыслы князей мельчали. Впрочем, Русь в XII в. была еще могуча и по большому счету едина. Однако эпоха былинных героев клонилась к закату.

Весной 1153 г. Изяслав II отправил сына Мстислава II к реке Псел, ибо в Киеве стало известно, что половцы «пакостяхуть» по Суле.

Лето 1153 г. прошло спокойно. Осенью Изяслав II отправил Мстислава II с Владимиром Андреевичем и берендеями в поход в низовья Днепра «до Олешья» (до развалин Ольвии в днепровском лимане).

А в северской земле встретились двоюродные братья Святослав Ольгович и Изяслав Давыдович. Князья съехались на границе своих волостей в городе «Хоробря» (Мена). Целовали крест, обещая «за единь мужь быти».

1153 г. закончился походом Изяслава II на юного галицкого князя Ярослава Владимировича, впоследствии прозванного Осмомыслом. Галичане не желали уступить Изяславу II требуемых городов. В Галицию выступили полки Изяслава II, его дяди Вячеслава, сына Мстислава II. Из Чернигова пришел полк от Изяслава Давыдовича. Приехали черные клобуки.

Когда Изяслав II подошел к городу Тихомель, к верховью реки Горынь, из Дорогобужа приехал брат Владимир Мстиславович, а из Владимира-Волынского — брат Святополк Мстиславович. Из «Берестья» на Волынь пришел Владимир Андреевич.

Встреча с галицкими полками произошла на реке «Сереть». Изяслав II подошел к городу Теробовлю. Ярослав Владимирович узнал о том под вечер и пошел через реку «Сновь» к Теробовлю.

Когда рассеялась спустившаяся с небес тьма, неприятели увидели друг друга. Бояре Ярослава стали уговаривать князя уехать в Теробовль, говоря: «Оць твои кормиль и любиль (бояр) а хочемъ за отца твоего четъ, и за твою головы своя сложити». Ярослав не желал уезжать, и ему стали объяснять «ты еси оу нас кнзь одинь. оже ся тебе што оучинить то што намъ деяти». Так галицкие бояре увезли Ярослава в детинец Теробовля.

Началось сражение. Бились от полудня до вечера. «С наступлением темноты между сражавшимися возникло смятение, ибо никто не мог понять, кто выиграл сражение. Побежали от Теробовля братья Изяслава II Святополк и Владимир Мстиславовичи, поехал прочь и сын Мстислав II. И остался в зимней ночи на поле сражения один Изяслав II. Галичане укрылись за стенами Теробовля».

Изяслав II не стал ожидать утра, так как его дружина была малочисленна и со стен Теробовля это могли увидеть. Пленных галичан князь велел «сечи», а «лутшии мужи со собою поя». С рассветом Изяслав II выступил к Киеву. А позади князя разразился «плачь великъ по всей земли Галичьстеи».

В начале 1154 г. на Руси произошло много событий. Мстислав II привел из «Обезь» (Осетия или Адыгея) жену отцу. Изяслав II встретил новую супругу в порогах и повез в Киев. А Мстислав II сел в Переяславле стеречь Русь от степи. Скоро в Киеве сыграли свадьбу.

А в Новгороде жителей вновь обуял мятежный дух, и они изгнали сына Изяслава II Ярослава. Пригласили новгородцы Романа Ростиславовича из Смоленска.

Тогда же скончался брат Изяслава II Святополк Мстиславович «оу Кочерьска» (быть может, Корец). Во Владимир-Волынский послали Ярослава Изяславовича на смену дяде.

Засобирались Юрий Долгорукий в поход на «Русь». Только не было князю удачи. Померли кони. Стоял Юрий в ту пору в земле вятичей, к северу от Козельска. Сюда приехали союзные Долгорукому половцы. Подумав, решили послать Глеба Юрьевича к половцам, а полку надлежало вернуться в Суздаль.

А 13 ноября 1154 г. в Киеве скончался великий князь Изяслав II Мстиславович. Тело его положили в церкви св. Федора в монастыре, основанном отцом князя Мстиславом I Владимировичем.

Когда Вячеслав Владимирович плакал над телом племянника, ему сообщили, что к перевозу на Днепре из Чернигова подъехал Изяслав Давыдович. Этот князь доводился Вячеславу троюродным братом и имел, в силу старшинства его деда над дедом Вячеслава, формальное преимущество в вопросе наследования киевского стола.

Вячеслав послал на перевоз сказать Изяславу Давыдовичу «пошто еси приехал, и кто тя позвалъ, еди же оу свои Черниговъ». Изяслав заверил, что приехал оплакивать великого князя, но в Киев его не пустили. В столице ждали Ростислава Мстиславовича из Смоленска. А постеречь Киев Вячеслав до приезда смоленского племянника пригласил Святослава Всеволодовича.

Неудивительно, что в те же дни из Чернигова и Новгорода-Северского в Суздаль помчались гонцы с сообщением о событиях в Киеве.

А на киевских горах уже встречали Ростислава Мстиславовича. Вячеслав сказал племяннику, что стал стар и всех рядов рядить один не может. Ростислав ответил, что рад иметь Вячеслава отцом, как и брат его имел.

Святославу Всеволодовичу «сестричичу» Ростислав дал Туров и Пинск.

Стояла поздняя осень, снег укрыл землю белой шубой, реки сковал лед.

Скоро Ростиславу сообщили, что к Переяславлю подошел Глеб Юрьевич с множеством половцев. Когда Ростислав с сыном Святославом стоял у Пересечена, поджидая съезжавшихся из усадеб и сел дружинников и бояр, от Мстислава II Изяславовича из Переяславля прискакал гонец. Он сообщил, что под городом идет перестрелка с неприятелем.

Ростислав выслал к Переяславлю сына, и когда половцы увидели, что в город вошла помощь, снялись и ушли за Сулу. Ростислав, не заходя в Киев, собрал силы, дождался Святослава Всеволодовича и Мстислава II Изяславовича и, переправившись на левый берег Днепра у Вышгорода, собрался, упреждая Долгорукого, идти к Чернигову на Изяслава Давыдовича.

Поутру Ростиславу сообщили, что в Киеве скончался дядя Вячеслав Владимирович. На недоуменный вопрос Ростислава: «А мы вчера ехали а онъ добръ и здоровъ» — гонец ответил, что ложился спать был весел, а как лег, более не встал.

Это была черная весть для Ростислава, ибо с кончиной Вячеслава старшим среди потомков Мономаха стал Юрий Долгорукий.

Ростислав оставил полки на берегу Днепра и поспешил в Киев. Положили Вячеслава Владимировича в св. Софии рядом с отцом Мономахом и прадедом Ярославом.

После похорон Ростислав приехал на «Ярославль» двор, созвал мужей покойного дяди и стал раздавать имущество Вячеслава. Вскоре Ростислав уже стоял на берегу Днепра с дружиной и князьями. Ростислав хотел идти к Чернигову. Мужики его «боряняхуть» (противились), говоря, что следует поехать в Киев с людьми «оутвердися».

Ростислав того не послушал и спустя несколько дней поставил стяг под Черниговом на «Боловесе».

Изяслав Давыдович слал к Долгорукому, прося идти быстрее. А тут к Чернигову подошел Глеб Юрьевич с половцами. Вышли к «Воловесу» и стали стрелять о реку (вероятно, Боловес — это брод через Десну).

Ростислав смутился, испугавшись множества половцев, и послал к Изяславу Давыдовичу сказать, что даст ему Киев и Переяславль. Тут возмущился Мстислав II Изяславович и, сказав Ростиславу: «Не будет мне Переяславля, ни тебе Киева», — повернул коня и стал биться с

половцами отдельно.

Через два дня полк Ростислава побежал. Следом побежали и остальные. Ростислав перешел Днепр у Любеча и поехал в Смоленск. А Мстислав II с двоюродным братом Святославом Ростиславовичем прискакали в Переяславль «пойма жену свою» и поехали на Волынь, в город Луцк.

Святослав Всеволодович под Черниговом угодил в руки к половцам. Вызволил князя Изяслав Давыдович.

В Киев Изяслав Давыдович послал сказать, что хочет приехать. Горожане выслали к князю каневского епископа Демьяна и ответили согласиём. Киевляне боялись степи, и князь им был необходим как ворота на проездной башне крепости.

Пока Изяслав Давыдович гадал со Святославом Ольговичем, что первый сядет в Киеве, а второй в Чернигове, под Переяславлем половцы жгли села и «Летьскую» божницу.

А под Смоленском стояли полки Долгорукого. Именно тут, в зимнем лагере на верхнем Днепре, Юрий узнал о кончине старшего брата Вячеслава. Узнал Юрий и то, что его сын Глеб уже в Переяславле, а Изяслав Давыдович на пороге Киева.

Узнали о том в Новгороде и зимой поспешили взять у Долгорукого сына Мстислава на княжение.

От Смоленска Долгорукий пошел в волости Ростислава, дабы отомстить тому. Ростислав стал под Зарубом, прикрывая свою волость, и послал к Юрию просить мира. Князя целовали крест, и Юрий выступил к Киеву.

Долгорукий шел к столице через леса междуречья Днепра и Десны. У «Синина мосту, оу Радоща» (у современного города Погар — Радогощ) Юрия встретил Святослав Ольгович. Это был рубеж северского княжества.

У Стародуба навстречу Юрию выехал Святослав Всеволодович, ранее послуживший Изяславу II. Святослав повинился перед Юрием, говоря «избезумилъся есмь». Вступился за племянника и Святослав Ольгович. Целовали крест и пошли к Чернигову.

С дороги Святослав Ольгович послал в Киев к Изяславу Давыдовичу, прося уйти из столицы, и предупредил, что идет Долгорукий. От Чернигова вновь послали в Киев. Изяслав Давыдович покидать Киев не спешил. Юрий стал «оу Моровииска», а Святослав Ольгович — в Чернигове.

Тут сам Юрий послал в Киев, и Изяслав Давыдович послушаться не посмел.

Глава 13

**ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДОЛГОРУКИЙ (1155–
1158)**

Сев в Киеве, Юрий роздал сыновьям волости. Андрей сел в Вышгороде, Борис — в Турове, Глеб — в Переяславле, а Василька отправили на берега реки Рось.

Осенью 1155 г. на Рось пришли половцы. Василько Юрьевич с берендеями «спостигъ» кочевников.

А в Новгород-Северский к Святославу Ольговичу приехал племянник Святослав Всеволодович и целовал к дяде крест. Тот уступил племяннику три города — Сновск, Корачев, Воротыньск. Святослав Всеволодович поехал в Сновск.

Юрий изгнал Мстислава II Изяславовича из Пересопницы далее к западу, в Луцк. В поход на Вольнь ходили Юрий Ростиславович (сын рязанского князя Ростислава Ярославовича) с Жирославом и с «Вячеславлі внуки» (не понятно, кто именно). В Галич Долгорукий прислал сказать зятю Ярославу Владимировичу, чтобы выступил к Луцку.

Мстислав II оставил в Луцке брата Ярослава, а сам с Владимиром Мстиславовичем «мачешичемъ», стал под городом, но «рати ни с кем не имел и воротился в Луцк».

Долгорукий слал гонцов в Смоленск, прося Ростислава Мстиславовича приехать на «семо».

Вступить в открытую борьбу с Долгоруким половцы не решались. Они встретились с Юрием у Канева, к северу от устья Роси, и просили отдать пленных, взятых Васильком Юрьевичем. Долгорукий преподнес дары берендеям, не желавшим выдать половцам пленных, и отпустил пленников в степь.

Из Суздаля через Смоленск по Днепру проезжала супруга Юрия с детьми. Она и привела к Долгорукому Ростислава Мстиславовича. Смоленский князь стал просить за сидевших на Вольни братьев. Послали за ними. Приехали в Киев Владимир и Ярослав Мстиславовичи и Ярослав Изяславович. А Мстислав II Изяславович остался во Владимире Волынском, не доверяя Долгорукому.

В Киеве князя целовали к Юрию крест.

Супруга Долгорукого ехала в Киев через Смоленск неспроста. Изяслав Давыдович не желал мириться с тем, что Юрий сидит в Киеве, и поездка через леса вятичей была опасна для княгини.

Когда Юрий узнал, что половцы пришли под Дубницу и стали в верховьях Супоя, он вышел к Каневу, желая помириться со степняками. С Долгоруким на устье Роси пришли Ростислав Смоленский, Владимир и Ярослав Мстиславовичи и подошедшая из Галиции помощь. Половцы

подъехали к Каневу, подивились на силу Руси и, обещав приехать наутро, ночью бежали в степь.

От зрелища русских полков с их топорами, мечами, пиками и палицами у тюрок проходил по телу озноб, и они поворачивали коней на юг, не решаясь вступить в открытое сражение. Это была эпическая, воспетая былинами русская сила.

Позже, во многом из-за усобиц князей, эта сила оказалась распылена. Вновь в полной мере Русь обрела силу в 1380 г. на поле в верховьях Дона, и давно забытый озноб, от которого у кочевников руки становились ватными, а ноги стремились прочь, вернулся к хищникам.

Долгорукий был сыном Мономаха и хорошо знал силу единой Руси. Оттого Юрий щадил Смоленск и Волынь. Нападать на сильного равносильно самоубийству. Слабого пнет ленивый и трусливый. Будь сильным, и на твоей земле будет мир, соседи же станут искать твоей дружбы. Юрий хорошо знал эту науку.

Вернувшись из Канева, Долгорукий послал в Чернигов к Изяславу Давыдовичу. Князь целовал к Юрию крест, понимая, что за кем сила, за тем и правда. И лишь после этого Юрий отпустил в Смоленск Ростислава, а братию его — в Луцк.

Вскоре Юрий встретился с Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем в «Лоутавы». Отдадим должное мудрости Долгорукого. Изяславу Давыдовичу великий князь дал город на Волыни «Корческь», а Святославу Ольговичу — город на нижней Припяти — Мозырь. Тем Юрий обезоружил недовольных, без боя выбив у них из рук оружие.

В 1155 г. в Южной Руси произошло весьма знаменательное событие, символизировавшее преемственность в русской истории от Киева к возвышавшейся Владимиро-Суздальской Руси.

Андрей Юрьевич, недаром прозванный Боголюбским, посидев в Вышгороде менее года и устав от неприязненных взглядов местного боярства и гридьбы, без спроса у отца уехал в Суздаль. Из Вышгорода Андрей повез икону Богородицы, взятую из киевской церкви Пирогощей, а ранее привезенную на Русь из Византии. Шел на северо-восток Андрей водами Днепра «въ единомъ корабли». Напротив князя в ладье стояла икона — защитница Владимирской, а позже Московской Руси.

Боголюбский не пожалел средств на украшение образа, и покрывало скрыло не просто икону, но и оклад, вылитый из тридцати гривен одного золота и серебра и украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

В послушном Долгорукому Новгороде по воле отца Мстислав Юрьевич женился на дочери Петра Михалковича. Похоже, что это был брак семьи Долгорукого с новгородским боярством.

Из Чернигова в Киев зимой привезли дочь Изяслава Давыдовича и выдали за Глеба Юрьевича.

Зимой рязанские князья целовали крест к Ростиславу Смоленскому.

А на Волыни мирно княжили Владимир Мстиславович и его племянники Мстислав II и Ярослав. Владимир Мстиславович отпустил в Венгрию мать. Гейза II «вда много имения тещи своей».

Весной нового, 1156 г. в Киев приехал новгородский епископ Нифонт. Владыка ожидал прибытия из Византии митрополита Константина да разболелся и скоро умер. Это был один из епископов, ранее возражавший против назначения митрополитом Климом Смолятича. Но то были времена Изяслава II. Со сменой мирской власти нередко менялась власть церковная.

Между тем племя потомков Ярослава Мудрого множилось, и на Руси князьям становилось все теснее. Начались споры за города между ближайшими родственниками внутри одной волости или княжества. Из города «Березаго» во «Вщижь» бежал «Владимеричь, сыновец» (то есть племянник) Изяслава Давыдовича. Князь занял города по Десне и позвал на помощь Ростислава Смоленского. Опасаться, по-видимому, следовало Святослава Ольговича, и князья у

Стародуба сели в «засаду».

Подобное произошло и на Волыни. Мстислав II Изяславович пошел «изъездомъ» на дядю Владимира Мстиславовича. Мстислав II въехал во Владимир-Волынский, схватил дядину жену и мать, посадил на возы и отправил в Луцк. Дружину дядину племянник ограбил и товар весь «отя». Сам Владимир едва успел ускакать в Перемышль. Оттуда князь уехал за Гору, в Венгрию, к своему зятю Гейзе II.

А Юрий неустанно пекся о безопасности государства. В конце года он вышел к горе Заруб, на съезд с половцами. С Долгоруким к днепровскому броду приехали Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович. Мир со степью заключили.

Изяслав Давыдович часть половцев повел к Березому на Святослава Всеволодовича.

Вскоре Киев встречал приехавшего из Византии митрополита Константина. Собрались епископы и «испръвергъше» все, что осталось от Клима Смолятича.

Новый, 1157 г. начался походом Юрия Долгорукого на Владимир-Волынский, дабы отнять город и волость у Мстислава II Изяславовича. Ольговичей и Давыдовичей в поход не пригласили, а вот Ярослава Владимировича Галицкого привлекли. Выступил на Волынь и Владимир Андреевич, племянник Долгорукого. Якобы Юрий целовал крест к брату Андрею Владимировичу († 1141), что после кончины того удержит волость за сыном Андреем.

Юрий встретился с Ярославом Галицким «оу Свинусехъ в селе». Подошли к Владимиру Волынскому и стали в «Хвалимичихъ». Тут Долгорукий увидел стяги пришедшего из Венгрии дяди Мстислава II Владимира Мстиславовича. Так обстоятельства подчас сводят непримиримых врагов в один стан.

Приблизились к городу. Юрий стал у «Гридшиных» ворот, Ярослав — у «Киевських» с луга.

Несчастный племянник Долгорукого поехал к городу «Червну». Там он стал требовать, чтобы горожане отворили ворота, ибо он их князь. Из города один человек «потягнувъ стрелою оудари в горло».

Долгорукий десять дней стоял под стенами Владимира Волынского. И все дни лилась кровь. Юрий увидел «непорьство» вольнян и понял, что, возьми он город и волость, добра все равно не будет.

Полки поднялись и пошли одни в Галицию, другие в Киев. Мстислав II шел следом за Юрием до Дорогобужа.

Долгорукий посадил в Турове сына Бориса, а в городах над Горынью, в Дорогобуже, Пересопнице и прочих, Долгорукий посадил племянника Владимира Андреевича (это не совсем понятно, ибо князь был поражен стрелой в горло под Червенем).

В 1157 г. история с галицким князем-изгоем Иваном Ростиславичем Берладником имела продолжение. Князь приходился двоюродным братом Ярославу, и отец Ивана был старшим братом отца Ярослава. Отсюда понятно, почему Берладник оказался в Суздале. Этого от Долгорукого требовал Ярослав.

Закованного Берладника привезли в Киев. Туда же из Галича приехали посланные Ярославом князь Святополк (непонятно, кто именно) и «Кснятина Серославича» с дружиной. Все было готово к передаче на расправу Берладника, но за несчастного князя вступились митрополит и игумены. Они укорили Юрия, и он, устыдившись, отправил Берладника назад в Суздаль. Про это узнал Изяслав Давыдович. Этот князь послал «перекы мужи своя, и поя и к собе Чернигову».

Весной 1158 г. Изяслав Давыдович собрался выступить против Долгорукого. Нашлись у черниговского князя союзники — Ростислав Смоленский и Мстислав II Изяславович. Лишь Святослав Ольгович не решился выступить к Киеву.

Странная кончина Юрия Долгорукого в Киеве

В день, когда из ворот Чернигова должна была выехать дружина Изяслава Давыдовича, а из Владимира-Волынского двигался Мстислав II, к Изяславу Давыдовичу пришла весть от киевлян: «Гюрги тиоумерль». У Изяслава при этих словах на глазах выступили слезы.

Киевляне объяснили Изяславу обстоятельства, предшествовавшие кончине Долгорукого: «Пивь бо Гюрги въ осменика оу Петрила». К ночи князь разболелся и, пролежав пять дней, скончался 15 мая 1158 г.

Обстоятельства, предшествовавшие смерти Юрия, указывают на то, что недругов у суздальского князя в Южной Руси было больше, чем друзей. Киевляне не любили не только Долгорукого, но и пришедших с ним из-за лесов вятичей и суздальцев. Когда Юрия Владимировича отпевали в монастыре св. Спаса, киевляне «разъграбиша дворъ его красный и другъи дворъ его за Днепромъ разъграбиша». Долгорукий называл свой загородный двор раем. Разграбили двор Василька Юрьевича. И пошли киевляне «избивахуть Суждалци. по городомъ и по селомъ. а товаръ ихъ грабаче».

Столь откровенная неприязнь киевлян к одному из сыновей Мономаха указывает на то, что к середине XII в. население отдельных областей Руси обособилось настолько, что искусственное вживание элементов одной провинции в естество другой неминуемо вызывало взрыв. На суздальцев киевляне смотрели, как на силу, посягающую не просто на власть, но и на усадьбы, мыта и иные видимые и невидимые ресурсы, принадлежавшие киевлянам.

Глава 14

РУСЬ 1158–1168 гг.

Изяслав Давыдович в Киеве (1158–1159)

В середине мая (15 мая) 1158 г. в Киев въехал Изяслав Давыдович. Поспешили к Киеву Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович. Изяслав в столицу князей не пустил, и им пришлось отступить от Киева и стать за «Свиною» рекою, под Черниговом. В результате переговоров Святослав Ольгович получил Чернигов, а Святослав Всеволодович сел в Новгороде-Северском.

Когда в ростово-суздальских землях стало известно о кончине Юрия Долгорукого, на стол отца посадили Андрея Юрьевича Боголюбского. Князь был старшим из живых сыновей Юрия.

8 апреля 1158 г. Андрей заложил во Владимире, в молодом городе, стоящем на высоком левом берегу Клязьмы, шестистолпный собор о пяти «верховь и все верхы золотомъ оукраси». Это был Успенский собор. Высота собора превзошла высоту киевской и новгородской Софий (32,3 м). Собор устремился ввысь, подобно севшей на высоком речном берегу могучей орлице, смотрящей за ленту Клязьмы в бескрайние зеленые просторы муромских лесов.

Золотые купола Успенского собора придали суздальскому ополью державный блеск. Их мощь и великолепие положили начало возвышению владимирской Руси, отмежевавшейся от Киева и ставшей предтечей Руси московской.

Белокаменные стены Успенского собора покрыло чудное «узорочье» из камня. Скульптура из тонко вырезанного камня в убранстве собора — это было отступление от киевской и новгородской архитектурных традиций. Боголюбский сознательно шел на то, закладывая основу не только самостоятельной архитектурной школы, но создавая остов нового великого государства, будущность которого во многом составила историю России XIII–XVII вв.

В 1185 г. Успенский собор Владимира пережил пожар. Тогда же внешние стены собора с трех сторон скрыли широкой белокаменной галереей. Одновременно собор украсился четырьмя новыми главами, дополнившими центральную главу.

Андрей Боголюбский дал Успенскому собору много «имения, и свободы купленья, и с даньми, и села лепшая, и десятины въ стадехъ своих, и торгъ десятый». В соборе Андрей «створи» епископскую кафедру.

Одновременно со строительством Успенского собора Андрей расширил размеры города Владимира-на-Клязьме. На правом склоне Ерофеевского спуска по сей день во Владимире-на-Клязьме сохранились валы, возведенные по воле Владимира II Мономаха в 1108 г. Боголюбский доводился Мономаху внуком. Он насыпал валы выше дедовых, надстроил по их гребню клетигородни и превратил Владимир-на-Клязьме в новую столицу Северо-Восточной Руси.

В Новгороде, как узнали о кончине Долгорукого, сразу выгнали его сына Мстислава Юрьевича и пригласили из Смоленска Святослава Ростиславовича. Нельзя не отдать должного практичности и сметливости новгородцев.

Во второй половине 1158 г. Изяслав Давыдович десять недель простоял под стенами Турова, пытаясь отнять город у сына Долгорукого Ярослава Юрьевича. Успеха Изяслав не добился, и вернулась его дружина в Киев пешей из-за мора лошадей.

Во втором часу ночи 3 января 1158 г. скончалась супруга полоцкого князя Глеба Всеславовича, дочь Ярополка Изяславовича, зарезанного в Галиции в 1088 г. Княгиня сорок лет прожила вдовой, и было ей от роду восемьдесят четыре года.

Интересно свидетельство летописца о вкладах князей в Печерский киевский монастырь.

Отец княгини Ярополк Изяславович «вда всю жизнь свою. Небльскую волость, и Дерьвьскую, и Лучьскую. и около Киева».

Супруг княгини Глеб Всеславович († 1119) «вда въ животе своемъ. съ княгинею» шестьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота Печерскому монастырю. После кончины Глеба его княгиня дала монастырю сто гривен серебра и пятьдесят гривен золота. А после кончины Глебовой вдовы Печерский монастырь получил пять сел с крестьянами «и все да и до повоя».

В начале 1159 г. скончался Борис Юрьевич. Его погребли в отцовской усадьбе под Суздалем, в Кидекше, в церкви Бориса и Глеба над тихой рекой Нерль. Успенский собор во Владимире-на-Клязьме еще строился.

В 1159 г. на полоцкой земле разгорелась война. Началом послужил приезд в Слуцк одного из внуков Всеслава Брючиславовича Рогволода Борисовича. Князь выехал из Чернигова от Святослава Ольговича искать «себе волости». Все было забрано братьями.

Из Слуцка Рогволод Борисович попал в Друцк. Горожане выехали навстречу Рогволоду более чем в трехстах ладьях. Сидевший в Друцке Глеб Ростиславович бежал к отцу в Полоцк.

А в Полоцке «мятежь быс великъ... мнози бо хотяху» Рогволода Борисовича. Ростислав Глебович сумел задарить и успокоить полочан и выступил с братией к Друцку на непрошеного двоюродного брата-изгоя. Рогволод Борисович был своего рода полоцкий Берладник.

Рогволод Борисович отстоял Друцк и прилегавшую к городу волость. Но тем дело не кончилось. Полочане стали слать в Друцк к Рогволоду Борисовичу, прося князя приехать, и обещали поддержку. При этом полочане просили прощения у Рогволода за то, что в свое время схватили князя и выдали Глебовичам, двоюродным братьям. Ростиславу Глебовичу донесли о посольстве полочан в Друцк и о намерениях горожан.

Полоцкий князь имел резиденцию вне города, за лентой Западной Двины «на Белцици». Это была усадьба при монастыре. Ростислава Глебовича полочане пригласили на Петров день «оу братьщину» (невольно вспоминаются славянские братчины на Балканах и на русском севере), стоявшую около церкви Богородицы. Князь «изволочивься въ броне подъ порты». Полочане это заметили и не посмели на Ростислава «дъръзнути».

Утром следующего дня в Белчицах Ростислав вновь выслушал приглашение прийти в город. Князь выехал. Навстречу ему из Полоцка примчались «дятьский его». Они сообщили, что в городе собралось вече, дружину избивают, а князя хотят схватить.

Ростислав Глебович вернулся в Белчицу, собрал дружину и выехал в Минск к брату Владимиру.

В июле 1159 г. Полоцк встретил Рогволода Борисовича. Вскоре Рогволод выступил с полочанами к Минску. В помощь Рогволоду из Смоленска приехали Роман и Рюрик Ростиславовичи.

Прежде Рогволод подошел к городу Изяславлю. Всеволод Глебович выехал из того города с поклоном. Рогволод отобрал у князя город и отправил Всеволода Глебовича в «Сътрежевь». А город Изяславль получил родной брат Рогволода Брючислав Борисович «того бо бяше отцина».

Вскоре стяг Рогволода увидели со стен Минска. Дело обошлось целованием креста с Ростиславом. После Рогволод выступил в Полоцк.

Еще один князь полоцкой земли — Владимир Глебович — креста к Рогволоду Борисовичу не целовал, ибо «ходяше подъ Литвою в лесах».

Но вернемся в Южную Русь. Ярослав недаром был прозван Осмомыслом. Стремясь расправиться с двоюродным братом Иваном Берладником, он склонил на свою сторону множество русских князей и даже поляков и венгров.

Скоро Изяславу Давыдовичу в Киеве пришлось принять послов: «Избигнева» от Ярослава Осмомысла, «Жирослава Иванковича» от Святослава Ольговича из Чернигова, «Жирослава Васильевича» от Ростислава Смоленского и от Мстислава II Изяславовича, «Онофрья» от Ярослава Изяславовича, «Гаврилу Васильевича» от Владимира Андреевича, «Киянина» от Святослава Всеволодовича. Кроме того, приехали в Киев послы из Польши и Венгрии.

Изяслав Давыдович был вынужден сказать, что Ивана Берладника в Киеве нет. Сам же «отпусти я». Стоит ли говорить, как Иван тогда «оуполошивься». Гонимый князь понял, что никто на Руси не посмеет принять его и не выдать в Галич, и уехал в степь к половцам.

Скоро Иван оказался на нижнем Дунае и «изби две кубаре». Берладник принялся грабить галицких рыбаков, водами Днестра спускавшихся на промысел к черноморскому лиману. Затем Иван с половцами подступил к городку «Кучелмину». Далее Иван приблизился к юго-восточному форпосту Галиции к «Оушици».

В пограничный город успело войти войско («засада»), верное Ярославу Осмомыслу. Простой народ приветствовал Ивана, и триста «смерди скачюч чересь заборола къ Иванови». Взять Ушицу половцам помешал сам Иван Ростиславович Берладник. Половцы разгневались на князя и ушли в степь.

Через некоторое время на берегу среднего Днестра появились люди из Киева. Они привели Ивана Берладника к Изяславу Давыдовичу. И вновь Изяслав Давыдович узнал, что отовсюду хотят идти на него ратью.

Скоро из Киева в Чернигов отправили «Глеба Ракошича». Изяслав Давыдович велел передать Святославу Ольговичу, что дает ему города «Мозырь и Чичерскъ». Святослав Ольгович понял, что двоюродный брат боится не удержать Киева и ему, возможно, придется выезжать из Чернигова.

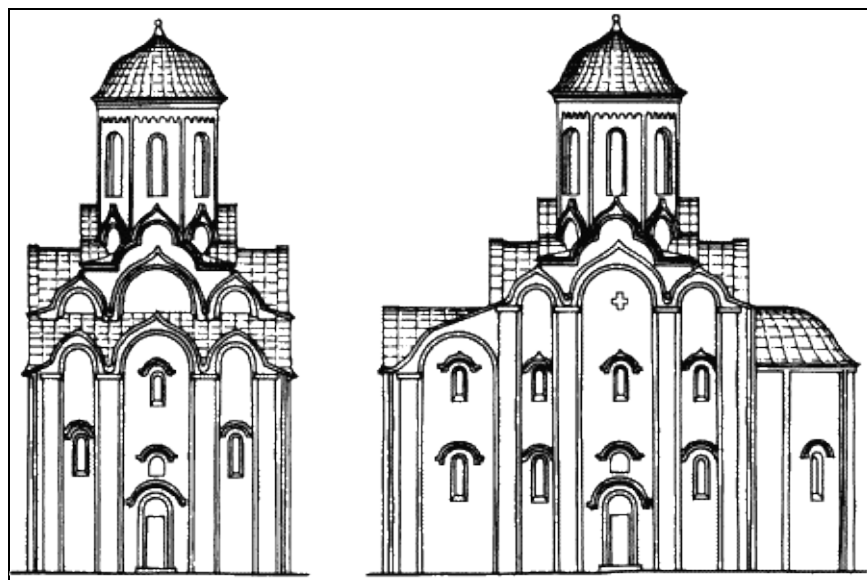
В «Лутаве» встретились Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович с сыновьями Олегом, Игорем (героем похода 1185 г.). Приехал и Святослав Всеволодович.

Три дня князя пировали, одаривая друг друга. Были отправлены послы в Галич и Владимир-Волынский «поведаюче свою любовь». Такой шаг возымел действие, и с запада Руси

походов на Киев не последовало.

Ранее, в 1158 г., новгородцы изгнали ростовского епископа Леона, ибо он «грязь попы». 1 августа 1159 г. в Новгороде епископом был поставлен Аркадий.

Скоро опасения Изяслава Давыдовича насчет западнорусских князей оправдались. Изяслав хотел упредить удар, однако остался без поддержки Святослава Ольговича. Изяслав обидел двоюродного брата, неосторожно бросив черниговскому послу («Георгия. Ианович Шакушаня брате») такую фразу: «Почнешь поползывать и Щернигова к Новугороду». Святослав Ольгович на угрозу ответил, что Изяслав Давыдович сам держит волость (Черниговскую), ему же дал лишь Чернигов и семь городов пустых — «Моровиевскъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь» и прочие (а сидят в тех городах псари да половцы), и из Чернигова грозит выгнать. Словом, братья не поладили.

Изяслав Давыдович сам выступил на запад Руси. Когда великий князь дошел до «Мунарева» и послал к половцам, веля приехать, стало известно, что из Галича вышел Ярослав, а с Вольни идут Мстислав II и его дядя Владимир Мстиславович.

Изяслав Давыдович отступил к столичному пригороду Василеву. И тут к Изяславу приехал племянник Святослав Всеволодович и подошли половцы. Ездил в ту пору с Изяславом и Иван Берладник. Были б силы у Изяслава, посадил бы он Ивана в Галиче.

Изяслав Давыдович, зная, что неприятель близко, закрыл дорогу к Киеву с запада от Белгорода. А Белгород занял Мстислав II Изяславович.

Дело кончилось тем, чем оно кончалось всегда, когда киевляне не поддерживали князя. Против Изяслава Давыдовича сложился заговор. Командовавшие берендеями «Тудоръ Сатмазовичъ, Каракозь Мнюзовичъ и Карась, Кокеи» ночью послали отрока Кузьмы Сновидича в Белгород к Мстиславу II. Берендеи просили себе любви и по городу «лепшему». За то они обещали: «мы на том отступимъ» от Изяслава Давыдовича.

Ночью отрок Кузьмы привел к берендеям «Олбыря Шерошевича». Вскоре берендеи поскакали к Белгороду. Изяслав Давыдович, «врозуме лесьть ихъ», с племянником Святославом Всеволодовичем «побегоша» к Вышгороду.

Переправившись на левый берег Днепра, князья поехали к «Гомью». Тут Изяслав Давыдович задержался, ожидая княгиню. А та из Киева бежала к зятю Глебу Юрьевичу в Переяславль. Вскоре княгиня выехала в «Городокъ» и далее на «Глебль», «Хороборъ», «Ропескъ».

Супруга Изяслава Давыдовича, наверное, и далее металась бы между городами, если бы в «Ропеске» ее не настиг Ярослав Всеволодович, племянник ее супруга. Племянник «оутешивъ» княгиню и привел до «Гомья» к Изяславу Давыдовичу.

Изяслав Давыдович занял свою старинную волость «Вятиче». Это не понравилось Святославу Ольговичу. Когда Святослав узнал, что взята «Обловь» и заняты земли вятичей, в Чернигове стали грабить бояр Изяслава Давыдовича. У бояр взяли жен и «има на них искупъ».

22 декабря 1159 г. в Киев вошел Мстислав II Изяславович. Следом в ворота столицы въехали дядя князя Владимир Мстиславович и младший брат Ярослав Изяславович.

В Киеве от в спешке бежавшего мимо столицы Изяслава Давыдовича взяли «много... дружины, золота и серебра, и челяди, и кони, и скота». Все это добро Мстислав II на санях по зимней накатанной дороге отправил во Владимир-Волынский. Затем Мстислав II снарядил в путь вверх по Днепру к Смоленску брата Ярослава «вябиче» (приглашая) дядю Ростислава Мстиславовича на киевский стол.

Ростислав Мстиславович отправил в Киев «Ивана Ручечника и Якуна», представлявших смолян и новгородцев. И тут между дядей и племянником возник спор. Мстислав II желал видеть митрополитом Руси Климасмолятича, ставленника отца Изяслава II Мстиславовича. А Ростислав Мстиславович настаивал на кандидатуре Константина. Мстислав II крепко «пряшеся по Климасмолятичу», говоря, что не быть Константину митрополитом «зане клял ми отца». И то было правдой.

В Смоленск поехал Иванко, а в Киев выехал Роман Ростиславович. Наконец, Мстислав II «оусрете» с дядей Ростиславом в Вышгороде. Спор продолжался. Константин был «сщень» в митрополиты Руси византийским патриархом и собором. Но Мстислав II стоял за Климасмолятичу.

Князья, не решив спора, «отложиста» вопрос до тех пор, пока из Византии не приедет новый митрополит.

Ростислав Мстиславович (1160–1168)

Внук Мономаха и праправнук Ярослава Мудрого Ростислав Мстиславович сел на стол в Киеве 12 апреля 1160 г.

Приезд Ростислава киевляне не могли не заметить загодя. С севера, от Вышгорода, ехал князь, и его алый плащ и стяг были заметны среди тающего снега. Это зрелище наверняка у многих соратников брата, отца и деда Ростислава вызвало слезы.

1 мая Ростислав приехал в город «Моровииски». Сюда безо всякого «извета» приехал Святослав Ольгович. Князья сели за полный яств стол и принялись одаривать друг друга «соболами и горностаими, и черными кунами, и песци и белыми волкы, и рыбьими зубы».

Утром Святослав Ольгович пригласил на обед Ростислава, и началось веселье более прежнего. Святослав преподнес Ростиславу «пардусь, и два коня борза, оу ковану седлу». Скоро князья разъехались по городам.

Возможно, дружба Святослава Ольговича с Ростиславом стоила первому того, что сын Долгорукого Ярослав, сидевший в Турове, вторгся в волость Ольговичей.

Ярослав Юрьевич, перейдя Днепр, появился под Путивлем. Скорее всего, о том загодя было известно половцам, и они также появились на берегах Десны.

Жители города «Вырь» затворили перед Ярославом ворота. Князь пошел в «Зартыи» (Зарытый), но скоро вновь вернулся к Вырю.

Святослав Ольгович выступил в поле сам и вывел из усадеб и городов бояр, перебил много половцев и среди них хана «Сантуза».

А Ростислав Мстиславович в «насадахъ» вниз по Днепру, в «Олешье», послал мужей «Гюрга Нестеровича и Якуна» на несчастного галицкого изгоя Ивана Берладника. В Киеве стало известно, что Иван взял Олешье, но главной причиной похода могло быть обязательство Ростислава, взятое им перед Ярославом Осмомыслом ранее.

Берладника настигли у «Дуиня» (Дуная) и «избиша е».

По мере того как отдельные земли Руси стремительно обособлялись и сила князей уменьшалась сообразно с размерами их все более мельчавших уделов, степь не дремала. Половцы уважали силу и понимали, что новое поколение Ярославовичей это не Мономах и не Мстислав I.

В 1160 г. орда кочевников появилась на рубеже Волыни и Галиции между «Мунаревомъ и Ярополчемъ». Выступили Ярослав Изяславович и Владимир Андреевич с Волыни и подошли галичане. Половцев избили и много народа, уведившегося на невольничьи рынки юга, «отполониша». Воевали с половцами и верные Киеву берендеи поросья. В тот год они избили половцев в «облазне».

В 1160 г. продолжилось немирье в полоцкой земле. Рогволод Борисович получил помощь от Ростислава из Киева. На берега Западной Двины пришли три сотни «торков с Жирославомъ, съ Нажировичем». Судьба их была печальной. Торки начали умирать с голода и вернулись на Днепр «пеши», не дождавшись завершения кампании.

Тем не менее Рогволод Борисович выступил с полочанами к Минску на Ростислава Глебовича. Полочане простояли у Минска шесть недель, пока не заключили мира с Ростиславом Глебовичем. Минский князь высадил из поруба «Володшю» (брата) и снял железо с Брячислава (двоюродного брата).

В 1160 г. к Изяславу Давыдовичу к «Выреви» подошли приглашенные им половцы. Князь выступил к Чернигову, к своей старой отчине, стремясь изгнать из города Святослава Ольговича.

Изяслав Давыдович стал на левом берегу Десны «по Крырову. оли до оустья а в низь до Стоняничь».

Святослав Ольгович в Чернигове не остался в одиночестве. В городском детинце сидели племянник Святослав Всеволодович и сын великого киевского князя Рюрик Ростиславович.

Стали биться через реку. Со стен Чернигова были видны столбы дыма, поднимавшиеся над заречными селами. Половцы зажигали тесовые и соломенные кровли изб и овинов, а людей сгоняли на дорогу и вели в степь, в полон (полон — от слова полный).

Послали за помощью в Киев. Ростислав отправил к Чернигову «Ярославич Зяславич», Владимира Андреевича и галичан. Как только о том стало известно Изяславу Давыдовичу, левый берег Десны опустел. Напрасно Святослав Ольгович со Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславовичем целый день бродили за рекой.

Изяслав Давыдович стоял у «Игорева броду». Сюда к князю приехал гонец из Чернигова с сообщением, что Святослав Ольгович болен, а дружина и союзники разошлись. Видимо, многие в Чернигове желали восстановления на столе Изяслава Давыдовича.

Изяслав повернул полк и половцев назад и скоро стал «противу Свенковичемъ». С наступлением зори Изяслав начал переправляться через Десну.

Святославу Ольговичу доложили, что неприятель близко и «селце стго Сспа» (село, принадлежавшее Спасскому собору Чернигова) зажгли. Это было неожиданностью, но Святослав Ольгович сумел собрать начавшие расходиться силы. Вернулся и «Тудорь Елчичь» с галицкой помощью.

К ночи Изяслав Давыдович отступил от Чернигова к «Выреви». К Вырю подошел Владимир Андреевич и пожег острог. Изяслав Давыдович скрылся в степи.

А в Выре сидел хорошо нам знакомый Иван Ростиславович Берладник с княгиней.

Владимир Андреевич подошел к «Зарытому» и, «повоевав окрестности», повернул домой, на Вольнь.

Война тем не кончилась. К Изяславу Давыдовичу подошли новые половецкие силы, и князь выступил к «Воробеине и к Росусе». Навоевавшись, Изяслав пошел к городу своего племянника «Вщижу».

Наступила зима, и Изяслав Давыдович разорил часть земель в смоленском княжестве. То была месть за помощь Святославу Ольговичу. Половцы зимой вывели из смоленской земли «дшь боля тмы (10 000) а иныя исекоша».

Изяслав Давыдович понимал, что с помощью одних половцев Чернигова не вернуть. И Изяслав обратился к Андрею Боголюбскому, прося у него дочь за своего племянника Святослава Владимировича.

Боголюбский, хотя и был занят широким строительством, послал в помощь Изяславу сына Изяслава с полком и муромцами.

Святослав Владимирович сидел во «Вщижи» в осаде, с нетерпением ожидая дядю с помощью. Как только Святослав Ольгович узнал, что зимними дорогами ко Вщижу идут суздальские полки, осада с города была снята. Память о Долгоруком была крепка в Южной Руси.

Зимой 1160 г. во Вщиже справили свадьбу Святослава Владимировича с дочерью Боголюбского.

Изяслав Давыдович сыновей не оставил, а единственный племянник, породнившись с домом Долгорукого, фактически пресек ветвь Ярославова древа, известную как Давыдовичи.

В конце зимы 1160 г. Святослав Ольгович вновь осадил Вщиж и простоял под его стенами пять недель. Возможно, Ольговича напугал союз Давыдовичей с Боголюбским. Стояли под Вщижем, греясь у костров, помимо киевских и смоленских союзников Святослава Ольговича и

Всеслав Васильевич из Полоцка и «Кстытинъ Серославичъ с галичань».

Дочь Боголюбского с облегчением вздохнула, когда ее супруг поцеловал крест к Святославу Ольговичу, обещая быть «въ всей воли его».

Зима, а вместе с ней и 1160 г. закончились на Руси двумя событиями. Андрей Боголюбский встретился с Изяславом Давыдовичем на «Волоце» (Волок Ламский). Князя отправили в Новгород посла с требованием склонить голову перед Боголюбским.

На Ярославовом дворе над Волховом стали собирать одно вече за другим. И стали новгородцы «мясти». Это был удар Боголюбского по Киеву и Чернигову.

Не преминул последовать ответный удар. Мстислав II Изяславович с союзниками три недели продержал в осаде Туров, но ничего не добился от сидевшего в городе «Гюргя» Глеба Юрьевича.

Наступивший 1161 г. не назовешь спокойным. Сказалось то, что было заложено в предыдущем году. Новгородцы потребовали от сидевшего под городом на Городище Святослава Ростиславовича убрать из Нового Торга младшего брата Давыда Ростиславовича. Новгородцы объяснили князю, что не могут «дву кнзю держати». Святослав отправил Давыда в Смоленск и тем оголил рубеж с Боголюбским.

И снова зашумело вече в Новгороде. Скоро новгородцы схватили Святослава Ростиславовича и «запроша в ыстебке». А княгиню отправили в монастырь. Дружину «исковаша», товар князя «разъграбиша». В конце концов, Святослава Ростиславовича отвезли в Старую Ладугу.

Когда о пленении сына узнал Ростислав Мстиславович в Киеве, он велел схватить всех новгородцев и «оуметати е оу Пересеченьскыи погребь». В том погребе за одну ночь задохнулось четырнадцать новгородцев. Скоро Ростислав выпустил новгородцев из погребов, но развез их по городам.

Тем временем в Суздале Андрей Боголюбский принимал послов из Новгорода. Просили у Андрея сына. Боголюбский предложил брата Мстислава Юрьевича, ранее сидевшего в Новгороде. Послы возразили, и пришлось Боголюбскому отправить в Новгород племянника Мстислава Ростиславовича.

Когда в Суздале решили вопрос с новым князем, в Старой Ладого освободили Святослава Ростиславовича. Князь добрался до Полоцка, а оттуда Рогволод Борисович (союзник Ростислава) проводил Святослава до Смоленска.

В 1161 г. Рогволод Борисович вновь ходил к Минску на Ростислава Глебовича, а затем, заключив мир, вернулся в Полоцк.

А в северо-восточных землях завершали строительство Успенского собора во Владимире-на-Клязьме. Когда работы закончили, в Ростове сгорели все церкви и среди них соборная «дивная великая», каких не было «николиже» и «ни будеть». Ростовские церкви были деревянными, и их гибель в момент рождения белокаменного колосса на Клязьме по-своему символична. В права новой столицы залесской земли вступал новый город, средоточием силы и красоты которого был Успенский собор.

А в Южной Руси произошел скандал, к концу года приведший к войне. Началось с того, что Ростислав Мстиславович послал к Святославу Ольговичу просить прислать в Киев сына Олега. Великий князь объяснил: пусть юноша познает «кияны лепшия», берендеев и торков.

Олег Святославович приехал в «Олжиче», а Ростислав Мстиславович стоял у «Шелвовее селца. подь Боркомь». Два дня шли пиры, а на третий день Олег «оусрете» Ростислава. Тот предупредил Олега: «стерезися: хотять тя яти».

Олег Святославович сослался на болезнь матери и стал проситься у великого князя в Чернигов. Ростислав и в помыслах не держал зла на Олега, не имея «лиха въ срдци». Кому-то не

нравилась дружба Ольговичей и Ростислава Мстиславовича.

Олег, приехав в Чернигов, не передал слышанного отцу, но «погневался на отца в тайне» стал проситься подалее на восток к «Курьску».

Когда Олег приехал в Курск, к нему, на берег Сейма, поспешили послы от Изяслава Давыдовича. Скоро между Олегом и Изяславом был заключен союз. Сделал то Олег «безь отня света».

Святослав Ольгович «велми быс печалень», узнав, что его сын Олег и племянник Святослав Всеволодович «сложилися любовью» с Изяславом Давыдовичем.

Бояре Святослава Ольговича не любили сидевшего в Киеве Ростислава и всячески настраивали своего князя против него. Скоро и сам Святослав Ольгович стал подумывать о дружбе с двоюродным братом Изяславом Давыдовичем.

Изяслав Давыдович возвращается в Киев и гибнет

Тем временем Изяслав с половцами и союзными Ольговичами подошел к Переяславлю. В городе сидел зять Изяслава Глеб Юрьевич, сын Долгорукого. Пока Изяслав две недели уговаривал Глеба выступить в Киеве, Ростиславу сообщили о происходившем на левом берегу Днепра.

Великий князь выступил к Треполью. Когда Изяслав Давыдович узнал о том, он немедленно укрылся в вятичских лесах, а половцы умчались к своим вежам.

В августе 1161 г. Киев встретил прибывшего из Византии нового митрополита Федора.

Мир на Руси стоял недолго. Изяслав Давыдович собрал силы, включая половцев, и пошел к Киеву «за Вышегородъ къ божници».

Там же «оу боженки» полки перешли Днепр и начали подступать к Киеву.

Стал Изяслав Давыдович «в виду столицы на болоньи, в лозах противу Дорогожичу». Утром 8 февраля полки Изяслава подошли к Подолу.

Ростислав Мстиславович не ждал зимой Изяслава и сил в Киеве имел немного. Волынь и Галиция были далеко. Великий князь стал подле «столпье», защищавшего пригород «от горы, оли и до Днепра». Началось сражение. И было оно таково, что «страшно бе зрети яко второму пришествию быти». Изяслав Давыдович побеждал. Половцы принялись рубить частоколы и бревенчатые клетки-городни и начали въезжать в город «и зажгоша дворъ Лихачевъ поповъ и Радьславль».

Дружина посоветовала Ростиславу отступить к Белгороду и дожидаться помощи. Князь, успев взять в Киеве супругу, отступил в Белгород.

Сюда к Ростиславу подошли племянники Ярослав и Ярополк Изяславовичи. А Андреевич (не понятно — Ярополк или Владимир), двоюродный брат Ростислава, поехал в Торческ за торками и берендеями.

12 февраля Изяслав Давыдович въехал в Киев. Князь вошел в св. Софию, и едва ли горожане были тому рады.

Скоро Изяслав выступил к Белгороду и простоял под тем городом четыре недели. Острог Белгорода сжег севший в детинце Ростислав.

Из Чернигова к Изяславу Давыдовичу приехали гонцы. Святослав Ольгович просил Изяслава заключить мир и ехать на левый берег Днепра, говоря, что там «вся твоя правда будет». Изяслав в Чернигов послал ответ: «Не могу ити а оу Выри не могу голодомъ мерети, а лепле хочю еде оумерети». Видно, не сладко было жить Изяславу и его боярам в вятичах.

Наступила весна 1162 г. Из Владимира Волынского выступил Мстислав II Изяславович с галицкой помощью. У «Котелницы» эта сила объединилась с Рюриком Ростиславичем, Владимиром Андреевичем и Васильком Юрьевичем (сын Долгорукого). С «Торцьского», из поросья, привели берендеев, торков, печенегов.

Выступили на «Мутижирь» к Белгороду. Когда стояли на «Кучари», вперед выехали черные клобуки. Половцы, в свою очередь, «оустерегоша» Мстислава II и о том сообщили Изяславу Давыдовичу. Этого было достаточно для того, чтобы Изяслав побежал от Белгорода.

Ростислав Мстиславович с Ярославом и Ярополком Изяславовичами выехали из белгородского детинца и расцеловались с Мстиславом II.

Начали погоню за отступившим к Днепру Изяславом Давыдовичем. Торки настигли возы его на «желяни». Отступавших начали настигать «от Буличь». Стали сечь бежавших. Многих пленили. «Яша... и Шварана, и Милятича оба, Степана и Якуна, и Нажира Переяславича».

Изяслава Давыдовича настиг «Воиборъ Геиечевичь», когда князь «постигоша къ озерямъ

въездяча въ Борокъ». Щадить Изяслава не стали. Когда подоспел Мстислав II, Изяслав Давыдович был еще жив. Князя отправили в монастырь св. Семеона в Копыревом конце Киева. 6 марта 1162 г. Изяслав Давыдович умер.

Изяслава Давыдовича хоронил двоюродный брат Святослав Ольгович в Чернигове «въ отни ему цркви» св. Бориса и Глеба 13 марта 1162 г.

Произошедшее в Киеве тотчас отозвалось в Новгороде. Горожане «пояша» Святослава Ростиславовича «к собе княжить, опять», а «Гюргевича внука» прогнали.

В 1162 г. скончались два русских князя. В Старой Рязани похоронили Владимира Святославовича, внука Ярослава Святославовича Рязанского.

В тот же год в «Селуни» в Греции скончался галицкий князь-изгой Иван Ростиславович Берладник. Говоря о его кончине, многие на Руси «молвахуть яко съ отравы бе ему смръть».

В полоцкой земле в 1172 г. случилось вот что. Рогволод Борисович с полочанами выступил к «Городцу» (непонятно местоположение). В том городе сидел Володарь Глебович. Ночью из города предприняли вылазку, причем Володарь выступил «с Литвюю». Полочанам нанесли чудовищный урон. Рогволод Борисович бежал в «Случьскъ» и, пробыв в городе три дня, выехал в «Дрютескъ». В Полоцк князь ехать не смел «занеже множество погибе Полотчанъ».

Полочане посадили на стол «Василковича» (Всеслава Васильевича).

В Киеве также не все было ладно. Мстислав II уехал на Волынь «розыневавъея» на дядю Ростислава, заботившегося о своих детях. И много «речи въета межи ими». К тому же Давыд, сын Ростислава, «без отня повеления» выгнал из Торческа посадника Мстислава II «Вьшка». О том ли помышлял Мстислав II, когда мартовскими снегами вел волынские и галицкие полки к Белгороду на выручку Ростиславу?

В Белгород Ростислав посадил сына Мстислава. Наконец у Мстислава II не выдержали нервы, и он, выйдя из Владимира-Волынского, подошел к Пересопнице и, став на «Вьбучи», послал к сидевшему в городе Владимиру Андреевичу требование «отступити» от Ростислава.

Ростислав Мстиславович, посадив по городам вокруг Киева детей и посадников, послал крест в Чернигов, заботясь о восточном рубеже. Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович с готовностью крест целовали.

Заботился о крепости власти и Андрей Боголюбский. Он выгнал из Суздаля епископа Леона и младших братьев Мстислава и Василька и «два Ростиславича сновца своя» (племянников). Изгнал из Суздаля Боголюбский и «мужи отца своего передний». Андрей Юрьевич вознамерился «самовлас тець быти всей Суждальскои земли», и в том князю могли помешать даже отцовские бояре.

Над Леоном Андрей смилостивился и вернул из изгнания, но не в Суздаль, а в Ростов. Скоро Леона вновь изгнали, и он нашел убежище в Чернигове у Святослава Ольговича. Тут епископа утешили и отправили в Киев.

В том году половцы подошли к «Гюргеву (Юрьеву) и стали воевать по «Роту» (р. Руть). Тут погиб секший Изяслава Давыдовича «Вьбора». Набег отразили черные клобуки. Они нагнали половцев на «Реи» (р. Рось), отняли полон, многих половцев перебили, а пять сотен взяли в плен и среди них двух знатных «Сатмазовичей».

В конце 1162 г. из Слуцка, из земли дреговичей, изгнали брата Великого князя Владимира Мстиславовича. Гнали его Ольговичи черниговские, Юрьевичи суздальские с «Кривьскими кнзми». Ростислав дал беглецу Треполье и к нему еще четыре города.

В Византию уехали изгнанные Боголюбским младшие братья Мстислав, Василько «съ матерью».

Плыл в ладье к стенам Византии и самый младший брат Боголюбского Всеволод. Это был предок Александра Невского, Дмитрия Донского и Ивана Грозного.

Император Эммануил I милостиво встретил русских князей. Васильку были даны четыре города в «Дунай». Мстислав получил волость «Отскалана». А юный Всеволод Юрьевич остался

в столице империи дивиться красоте и величию ее дворцов и соборов.

В 1163 г. Ростислав Мстиславович помирился с племянником Мстиславом II, вернув ему города «Торьский» в Поросье, Белгород, взамен Треполья отдал Канев.

В 1163 г. Ростислав женил сына Рюрика на дочери половецкого хана Белуковне. Тем самым закрепили мир с половцами.

В том же году в Киеве скончался митрополит Федор, всего десять месяцев проживший на Руси. Поляки воевали около «Червьна» и это было начало польской экспансии на западнорусские земли.

В 1164 г. из Византии приехал новый митрополит Иван. В устье Днепра, в «Олешья», великий князь отправил боярина «Гюряту Семковича». Ростислав не желал принимать Ивана, но хотел «отправить» Клима Смолятича в «митрополью».

Из Олешья в Киев Гюрята вернулся с митрополитом Иваном, послом Эммануила I и с многочисленными дарами. Из ладей на Подоле выгрузили «оксамоты и наволоки и вся оузорочья разноличная». Посол передал киевскому князю слова императора: коли примешь с любовью Ивана, снизойдет на тебя благословение «от стья Софья». Византия была заинтересована в том, чтобы митрополитом на Руси был грек, а не русский.

15 февраля 1165 г. в Чернигове скончался Святослав Ольгович, старейший из правнуков Ярослава Мудрого. В Новгороде Северском сидел племянник умершего князя Святослав Всеволодович. Он был старейшим среди Ольговичей. К нему и прислал известие о смерти дяди черниговский епископ, бывший греком. От сына умершего князя Олега эту новость таили три дня.

Святослав Всеволодович, получив уведомление от епископа, послал сына в «Гомии» (Гомель), а по иным городам разослал посадников. Сам князь поспешил в Чернигов.

Олег Святославович, узнав, что двоюродный брат в Чернигове, стал слать послов «ладячась о волостех». Решили, что Святослав Всеволодович как старший сядет в Чернигове, а Новгород-Северский займет Олег Святославович. С крестом в Чернигов Олег послал «Ивана Радьслалича».

Таким разделом была недовольна дружина покойного князя и «тысячкы... Гюрги». Ей надлежало покинуть Чернигов. Однако епископ «Гречинь... леть тая в себе» оказался хитрее и расторопнее сыновей и бояр покойного Святослава Ольговича.

Паводок 1164 г. был необычайно силен в Галиции. Вода вышла из берегов Днестра и хлынула в «болонье», в прибрежную луговину, дойдя до «Быковаго болота».

Наводнение было столь неожиданно и стремительно, что утонуло более трехсот человек, везших соль из «Удеча». Многие спасались в кронах деревьев и на «кола» (на колесных телегах) «иже бе вода възмятала».

28 октября 1164 г. во Владимире-на-Клязьме хоронили сына Андрея Боголюбского Изяслава. Князя упокоили под сводами Успенского собора, красовавшегося пока единой золотой главой над городнями новой залесской столицы.

В 1165 г. из Византии в Галич, ко двору Ярослава Осмомысла, приехал «братань урвь кюръ» Андроник (брат Эммануила I, племянник Иоанна II, в 1183–1185 гг. ставший императором).

Ярослав дал греческому царевичу «некоliko городовъ на оутешение». В том же году в Галицию от Эммануила I приехали два митрополита «вабя и к собе». Ярослав отпустил Андроника в Грецию, приставив к нему своего епископа Кузьму и «мужа, своя передняя».

В июне 1165 г. Ростислав Мстиславович, следуя мудрой политике отцов и дедов, выдал дочь Агафью за Олега Святославовича. И тут невозможно удержаться от одного замечания. Глядя на генеалогическое древо потомков Владимира I Святославовича, невольно подмечаешь, что всякий раз, как отдельные княжеские ветви сочетаются браками, потомство их скоро вырождается.

В 1165 г. сын Великого князя Давыд Ростиславович сел в Витебске. А Роману «Вячеславлю внуку» (выходит, у Вячеслава Владимировича, сына Мономаха, был внук, быть может, от умершего в 1129 г. сына Михаила) Ростислав Мстиславович пожаловал города вблизи столицы «Васильевъ и Краснь».

Южные рубежи Руси в 1165 г. оборонял Василий, сын Ярополка Изяславовича. Мало того, что Василий с дружиной побил много половцев, князь отобрал у степняков много оружия и лошадей и «искупа много има на нихъ».

В 1166 г. в Новгороде епископом был поставлен Илья. Родом он был из Новгорода. В свое время Илья обвенчал дочь Святослава Ольговича с Ярополком Изяславовичем. Похоже на то, что в XII в. на Руси епископов желали видеть русскими.

В 1166 г. скончался сын Долгорукого Ярослав Юрьевич, не угодивший в Грецию лишь потому, что имел собственную волость вне Суздаля. Андрей Боголюбский упокоил младшего брата в Успенском соборе Владимире-на-Клязьме.

А 12 апреля 1166 г. умерла супруга Святослава Ольговича.

В 1167 г. окончательно увяла мужская линия Давыдовичей. Во «Вщижи» скончался Святослав Владимирович. Наследие, оставленное последним Давыдовичем, разделили Ольговичи. Святослав Всеволодович во «Вщижи» посадил сына, а брату тот князь дал «лепшнюю волость».

Великий князь Ростислав озаботился тем, что обидели Олега Святославовича, и обратился к Святославу Всеволодовичу. Тот не слушал. Тогда Олег выступил к Стародубу (волость Давыдовичей), да опоздал, ибо в городе уже сидела «помочь» Ярослава Всеволодовича, двоюродного брата. Олег разгневался не на шутку, вспомнил и то, как утаили смерть отца и не дали ему Чернигова. Возвращаясь в Новгород-Северский, Олег завоевал волость двоюродных братьев и взял полон.

Святослав Всеволодович послал к Новгороду-Северскому брата Ярослава с половцами. Но те дошли до «Молочный» и, не дойдя пятнадцати верст до города, вернулись к Чернигову.

Олег Святославович в ту пору расхворался «велми яко не мощи ему ни на конь всести».

Великого князя встревожили вести, приходившие из-за Днепра, и он велел Ольговичам мириться. Олег послушался. А Святослав Всеволодович дал Олегу четыре города.

В 1167 г. у Олега родился сын, в миру названный Святославом, а в крещении — Борисом.

Только помирились Ольговичи, как в Киеве стало известно, что половцы «в пороги начаша пакостити Гречникомъ». На юг Ростислав послал «Володислав Ляха» с полком. Греческих купцов «възведоша» вверх по Днепру к киевскому Подолу.

Не был мирным 1167 г. для полоцкой земли. Из Городца к Полоцку выступил Володарь Глебович. В Полоцке сидел Всеслав Василькович. Он выступил с полочанами навстречу неприятелю, да не уберегся. Володарь Глебович ударил «изнезапы». Полочане побежали. Сам Всеслав Василькович едва домчался до «Витебску».

Володарь Глебович занял Полоцк, и обескураженные горожане целовали крест к князю. Но тем Володарь не удовольствовался. Он выступил к Витебску на Всеслава Васильковича и сидевшего в городе Давида Ростиславовича.

Полки неприятелей стали биться через Западную Двину. В полночь «быс громъ силенъ. Яко воянь бродящимъся чересь реку». Дружина Володаря Глебовича решила, что от Смоленска подходит Роман Ростиславович. И «побеже Володарь от Витебска».

Скоро в Полоцк въехал Всеслав Василькович.

В 1167 г. было заключено несколько брачных династических союзов. Ярослав Галицкий женил сына Владимира на дочери Болеслава, герцога польского. А сидевший на Волыни, в Луцке, Ярослав Изяславович привез сыну Владимиру из Турова дочь покойного Ярослава Юрьевича — «Дюргя».

В северской земле умерла супруга Олега Святославовича «Андреевна». Олегу пришлось сражаться с половецким ханом «Бонякомъ».

Под Переяславлем половцы схватили «Шварна», дружину его избили, а за него самого взяли «искупа множество».

В начале 1168 г. Ростислав Мстиславович собрал князей всего правобережья среднего Днепра, включая галицкую «помочь», с полками и стал с силой у Канева. Отсюда великий князь грозил половецким вежам.

Стояли русские полки под Каневом до тех пор, пока не «взиде Гречникъ и Залозникъ». Так Ростислав защищал днепровский путь, связывавший Киев с Византией.

Последний поход Ростислава Мстиславовича

Решив вопрос на юге, Ростислав оборотился на север, к Новгороду. Сыну его Святославу Ростиславовичу приходилось на берегах Волхова несладко, ибо горожане не «добре живяху» с князем.

Ростислав, выступив из Киева, подошел к «Чичьрьску». В городе сидел зять Ростислава Олег Святославович. Праздничные обеды шли два дня. На них князья без устали одаривали друг друга «болшими дарми».

Позже Ростислав выехал к Смоленску в свою старинную волость. Бояре смоленские и «лутшии мужи» встретили Ростислава за триста верст от города и привезли князю внуков. Вскоре навстречу Ростиславу выехали сын Роман и епископ Мануил. А под стенами Смоленска навстречу Ростиславу вышел «мале не весь градъ». Горожане искренне радовались приезду князя, и дарам их не было конца.

Из Смоленска Ростислав выехал в «Торопечь». Из этого городка, стоящего в верховьях Западной Двины, среди необозримых лесов Оковского леса, Ростислав послал в Новгород уведомить сына Святослава о приезде и с просьбой выехать к нему навстречу.

Когда Ростислав достиг «Луки» (Великие Луки), он был уже «нездравуя велми». Сюда приехал Святослав с новгородцами. Стали новгородцы целовать крест, обещая Ростиславу не искать иного князя, кроме его сына.

От Великих Лук к Смоленску Ростислав ехал с дарами. Сестра Рогнеда ежедневно с тревогой наблюдала, что князь «велми изнемагающа». В Смоленске Рогнеда стала уговаривать Ростислава лечь «въ своемъ ему зданьи». Но князь просил везти его в Киев, в обитель св. Феодосия.

Игуменом в Печерском монастыре в ту пору был Поликарп. Ростислав загодя попросил у игумена «келью добру». А шел великий пост. Князь принялся молиться, стремясь освободиться от «суетнаго света сего, и мимотекущаго и многомятежнаго жититья».

Доехать до Киева Ростислав не успел. Князь остановился в селе «Рогънедине в Зарубе» и обратился к «Иванкови Фроловичу покладнику своему и Борисови Захарьичу», прося позвать «Семьюна попа». Ростислав, чувствуя скорую кончину, стал молиться. 14 марта 1168 г. Ростислав Мстиславович скончался. 21 марта тело погребли в Киеве у св. Феодора «въ отни ему монастыри».

Зимой 1168 г. Ольговичи ходили в степь на половцев. Олег Святославович взял вежи «Козины», а Ярослав Всеволодович — «Беглюковы».

Глава 15

РУСЬ 1169–1176 гг.

Мстислав II Изяславович (1169–1171)

Схоронив Ростислава Мстиславовича, киевляне послали во Владимир-Волынский к Мстиславу II Изяславовичу. Князь выступил к столице, а вперед отправил «Володислава Воротиславича» с просьбой к Васильку Ярополковичу «седети Киеве до себе».

Поехали к Киеву бояре Мстислава II. И тут до князя дошла весть, что дядя Владимир и двоюродные братья Рюрик и Давид Ростиславовичи подумывают самостоятельно разделить волости на Руси.

Послали за помощью в Польшу и Галич. От Ярослава Осмомысла пришли пять полков. У «Микулице» к Мстиславу II приехали берендеи, торки, печенеги и черные клобуки поросья.

Когда о приближении Мстислава II стало известно его дяде Владимиру Мстиславовичу, он переехал из Треполя в Вышгород, взяв жену и детей.

В Вышгороде Владимир пробыл недолго. Он выехал на Волынь, и на «желяни оу Дорогобужа» князя настигли берендеи. Эти всадники преследовали Владимира Мстиславовича до «Всеволожа. манастыря».

Мстислав II подошел к Киеву с юга, от Василева. Киевляне отворили князю ворота, но в душах их покоя не было.

Мстислав II двинулся к Вышгороду и пустил берендеев в «наворопь». На «болоньи о Днепра» запылал двор «Радилов». Это был двор «тысячкого» Давида Ростиславовича. Запылали в округе еще семь дворов.

После перестрелки Мстислав II «уладился» с дядей и двоюродными братьями «о волость», и князя, к общему облегчению, «целоваша хрсть».

19 мая 1169 г. Мстислав II Изяславович въехал на старокиевскую гору, и одному богу ведомо, что чувствовал князь, глядя с сеной дворца на золотые купола столицы, на голубую ленту Днепра и на неоглядные дали Руси. Какая красота и сила была заключена в тех видах!

Но не все было ладно на Руси. Владимир Мстиславович не желал мириться с тем, что племянник сел в Киеве. О том Мстиславу II стало известно от Давида Ростиславовича, о том же поведал и муж «Василь Настасичь».

Владимир Мстиславович, узнав, что о его мыслях известно племяннику, поспешил в Печерский монастырь «оправливатися». Мстислав II приехал в обитель и велел дяде сесть в «икономли кельи», а сам сел в «игуменьи кельи».

Владимир послал к племяннику дьячка «Имормыжа». Так князя стали сноситься друг с другом. Наконец, послали в Вышгород к Давиду Ростиславовичу. Тот князь отправил в обитель «Василя Настасича» «натяжую». К Василью приставили «Радила тысячьскаго и Василья Волковича».

Владимир Мстиславович выслал своего мужа «Рагуила Михаля» и стали «спиратися» с «Василем Настасичем».

Дело кончилось тем, что Мстислав II просил дядю целовать крест, дабы не искал племяннику «лиха». На том и разошлись. Владимир Мстиславович с облегчением выехал из Киева в «Котелницю».

Но скоро Владимир вернулся к прежним помыслам. Подтолкнули к тому князя жившие на русском пограничьи тюрки «Чегровичи. Чекъманъ и брат его Тошманъ и Моначюкъ», советовавшие Владимиру проучить племянника. Владимир Мстиславович «радъ бывъ думе ихъ». Обратился князь к своим друзьям «Рагуилови Добрыничу и къ Михалевич къ Завидови», делаясь помыслами.

Не поддержала Владимира его дружина, ответив: «А не едем по тебе мы того не ведали».

Тогда Владимир обратил взор на «децкыя» и сказал: «А се будутъ мои бояре».

Владимир с «децкими», которые против будущего боярства не возражали, встретился с берендеями ниже «Растовця». И произошло вот что. Берендеи, видя, что Владимир приехал без дружины и братьев, укорили князя в обмане и начали в него «пущати стрелы». Две стрелы достались Владимиру. Князь проникновенно изрек: «Не дай Бъ поганому веры яти». Владимир Мстиславович едва добрался до Дорогобужа «ту же бе и жена его бежала перед нимъ».

Мост через реку Горынь «Андреевичъ же перемета» (Ярополк Андреевич). Пришлось Владимиру с Вольни ехать на «радимиче». Далее князь поехал в Суздаль к Боголюбскому, зная, что он его Киеву не выдаст. Боголюбский отправил Владимира в Старую Рязань к Глебу Ростиславовичу. Дети Владимира остались в «Глухове оу Всеволозии».

В Киеве Мстислав II предложил матери Владимира идти в «Городокъ а оттуда камо тебе годно».

Старая княгиня из Городца поехала в Чернигов к Святославу Всеволодовичу.

В Новгороде после смерти Ростислава Мстиславовича народ заволновался. Стали «вече деяти в тайне по дворомъ». Святославу Ростиславовичу, сидевшему за городом «на Городище», поведали о том. Стал князь думать с дружиной, ибо нором новгородцев ему был известен.

Весной нового, 1170 г. Мстислав II Изяславович собрал в Киеве братию и среди прочего обратился к ней с такими словами: «А оуже оу нас и Гречьский путь изъоттимають, и Солоньи, и Залозныи». Мстислав II призвал братьев «поискати оць своихъ и дедъ своихъ пути».

Это можно понять так, что к 1170 г. на нижнем Днепре не стало проходу от половцев, и Киеву, если он желал сохранить доступ к Византии, следовало военным путем расчистить путь по Днепру.

Послали в Чернигов к Ольговичам и Святославу Всеволодовичу, веля с детьми быть в Киеве «бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли».

Скоро в Киеве собралось множество русских князей с обоих берегов Днепра. Приехали из Переяславля дети Долгорукого — Глеб и брат его Михалко Юрьевичи.

2 марта 1170 г. русские полки выступили из столицы. От братьев отстал Ярополк Изяславович. Князь разболелся и слег в «Тумащи». Мстислав II из Канева к родному брату Ярополку послал печерского игумена Поликарпа и своего попа Данилу. Они и схоронили Ярополка Изяславовича на седьмой день марта в церкви св. Феодора в Киеве рядом с отцом.

Когда русские полки девятый день шли нижнеднепровской степью, половцам была послана весть «от кощя от Гаврилкова от Иславича» о том, что идут русские князья. Половцы побросали в вежах жен и возы и «побегли».

Русские князья с дружинами пришпорили коней. Охранять обоз оставили Ярослава Всеволодовича. Стали брать вежи половецкие на «Оугле реце а другые по Снопороду». Половцев настигли у «Черного леса». Прижали их к труднопроходимым дебрям и часть побили, часть пленили. И погнало половцев дальше за «Вьсколь».

Скоро русские воины «ополонились до изобилья и колоднигы и чагами и детми ихъ и челядью, и скоты и конми». Было выпущено на волю множество русских, ранее уведенных в степь.

Русь в походе потеряла немногих: «два оубьена быста: Кснятинъ Васильевичъ Яруновъ брат и седелникъ Ярославъ Изяславича, и Кснятинъ Хотовичъ ять бые». Вернулись полки на Русь на пасху.

Вскоре Мстислав II снова собрал братию в Киеве. Из Луцка приехал Ярослав Изяславович, из Дорогобужа — Владимир Андреевич, из «Вроучего» (Овруча) пришел Рюрик Ростиславович, из Вышгорода приехал Давид Ростиславович, а из Турова пожаловал Иван Юрьевич, сын Долгорукого. Мстислав II предупредил князей, что половцы будут мстить за весенний поход, и

предложил упредить половецкий разбой на нижнем Днепре в отношении «гречнику нашему и залознику».

Спустя немного времени русские полки стояли у Канева, к северу от устья Роси. Торговый караван из Киева в Византию и обратно прошел благополучно, а среди князей начались раздоры.

Хорошо нам знакомый по посольству в Галич (к Владимиру Володарьевичу) боярин Петр Бориславович и Нестер стали нашептывать Давиду Ростиславовичу злые речи на Мстислава II. Бояре были крепко обижены великим князем, ибо он их «отпустил от себе» за то, что их холопы «покрале коне Мьстиславли оу стаде и пятны (клейма) свое въсклале».

Давид боярам поверил, решив, что Мстислав II и вправду хочет его «яти», и стал о том говорить с братом Рюриком Ростиславовичем. Мстислав II, не зная об интригах изгнанных бояр, позвал на обед братию. Это было тем естественнее, что незадолго до того Мстислав II принимал дары, сидя за обедом у Глеба Юрьевича.

Давид и Рюрик на обед не приехали. Мстислав II «оужасеся мыслью» и стал думать с дружиной, как беде помочь. Ближние объяснили великому князю, что «злии члвци завидяче твоей любви, юже къ брате имеши», и добавили, что «золь бо члвкъ противу бесу, и бесъ того не замыслить, еже золь члвкъ замыслить». К счастью, дело кончилось тем, что князья целовали друг к другу крест.

Той порой, видимо, под Каневом Владимир Андреевич стал просить у Мстислава II волости. Князю было отказано, и он «разгневавъся» поехал в Дорогобуж.

В Киеве Мстислава II ожидали послы от Новгорода. Стали просить у великого князя сына. Мстислав II дал новгородцам Романа. Это еще более разожгло неприязнь к великому князю со стороны двоюродных братьев Ростиславовичей, ибо новгородцы изгнали Святослава Ростиславовича. Новгороду требовался князь, семья которого на Руси имела силу и власть. Битая карта изгонялась новгородцами быстро и без сожаления. Северорусское боярство и купечество отличалось особой прагматичностью и железной хваткой.

Когда стали подо льдом реки и землю скрыл белый снежный полог, из далекой Залесской земли к Киеву выступил сын Боголюбского Мстислав Андреевич. И на Мстислава II отовсюду ринулась ближняя и дальняя родня. Это была трагедия для Киева, позже вылившаяся в трагедию для Руси.

С северо-востока на Киев шли одиннадцать князей и с ними Борис Жидиславович. Из Переяславля выступил Глеб Юрьевич. Из Смоленска выехал Роман Ростиславович. Из Дорогобужа выступил Владимир Андреевич. Рюрик Ростиславович вышел из Овруча, а Давид Ростиславович — из Вышгорода. Подходили к Киеву и Ольговичи. Среди них шел Игорь Святославович, герой «Слова о полку Игореве». И даже юный Всеволод Юрьевич, младший сын Долгорукого, успевший вернуться из Греции, ехал с братьями к Киеву.

У Мстислава II под рукой остался лишь один сын Долгорукого — Михалко. Великий князь поспешил отправить его в Новгород, к сыну Роману, за помощью. На свою беду, Мстислав II с Михалком на север послал и «Бастеевою чадью». Эта чадь «льсть издея». Когда Михалко ехал за «Межимостьюемъ ко Мозырю», о том стало известно в Смоленске. Скоро Михалка схватили.

В начале марта нового 1171 г. «сошедшиися отовсюду» к столице полки встретились в Вышгороде и стали на «Дорогожичи» под «стымь Курилом». Киев окружили, и дружина Мстислава II стала отбивать приступы. Берендеи и торки три дня простояли под Киевом и, поняв, чья берет, изменили Мстиславу II.

Дружина подступила к Мстиславу II и, сказав, что неприятеля «не перемочи», посоветовала князю «поеди из города». Мстислав II, выехав из Киева, пошел на юг к Василеву. Тут князя настигла «Бастеева чадь». Отступавшим стали стрелять в спину и схватили многих из дружины Мстислава II: «Дмитра Хороброго, и Олексу Дворьского. Сбыслава Жирославича и Иванка

Творимирича Рода тивуна» и иных.

Мстислав II встретился с братом Ярославом Изяславовичем за «Оуновью» и поехал во Владимир-Волынский.

А в Киев вошел Мстислав Андреевич, сын Боголюбского. Это было 8 марта 1171 г. И начался грабеж русской столицы, длившийся два дня. Подобного ранее творить с Киевом никто не смел. Грабили «весь град Подолье и Гору, и монастыри, и Софью и Десятинную Бцю и не быс помилования никому же ни откудуже». В Киеве воцарилась «скорбь не оутешимая и слезы непрестаньныя».

Киевское княжество к 1171 г. было раздроблено на уделы и являло собой проекцию Руси на ее центр. Сам Киев без Овруча, Вышгорода и иных городов противостоять Смоленску, Суздалю, Чернигову, Новгороду-Северскому, Переяславлю и Дорогобужу, вместе взятым, был не в силах.

Глеб Юрьевич (1171–1173)

Итак, 8 марта 1171 г. в Киеве сел Глеб Юрьевич, сын Боголюбского, ждавший своего часа в Переяславле. В Переяславль князь отправил сына Владимира.

Скоро Мстислав Андреевич с полками уехал в Суздаль к Боголюбскому. А Мстислав II Изяславович с братом Ярославом и галичанами подошел к Дорогобужу. В том городе сидел один из сыновей Боголюбского — Владимир Андреевич. Стали города восточной Вольни переходить на сторону Мстислава II.

28 января 1171 г. Владимир Андреевич умер, и смерть его странна, ибо князь был молод. Вспомним, как после пира умер дед этого князя Юрий Долгорукий, добившийся вождя стола в Киеве и там же вскоре сошедший в могилу. Потомки Долгорукого были сильны и умели воспользоваться противоречиями между другими княжескими семьями, но любви в Южной Руси они не имели и оставались чужими.

Владимира Андреевича привезли в Вышгород. За телом князя из Киева приехали печерский игумен Поликарп и игумен монастыря св. Андрея Семеон.

Сам Глеб Юрьевич переехал на левый берег Днепра и пошел в Городец Остерский, а оттуда в Переяславль. Так в дни тревоги поступал его отец Долгорукий.

О кончине дорогобужского князя узнал Владимир Мстиславович (дядя Мстислава II), сидевший в «Полонемь». Этот князь подошел к Дорогобужу, но в город его не пустила дружина покойного. Она стерегла не только овдовевшую княгиню, но и пожалованные ей окрестные села. Владимир Мстиславович стал целовать крест, обещая затворившимся в городе людям, чувствовавшим себя, как рыбаки на оторвавшейся льдине, «не позрети лихомь». Князя пустили в город.

Наутро Владимир Мстиславович погнал из Дорогобужа княгиню, и та, взяв юного княжича, поехала в Овруч и далее в Вышгород. Сам Владимир Мстиславович стал промышлять «на имение и на села, и на стада». И был тот князь «верьтливь».

Скоро из Владимира-Волынского к Киеву выехал Мстислав II Изяславович с братом Ярославом и с галичанами.

А игумены Поликарп и Семеон все еще находились при теле покойного Владимира Андреевича. В Киеве сидел Давид Ростиславович. Этот князь не пустил овдовевшую княгиню с телом супруга в Киев, говоря, что имеет весть, будто Мстислав II стоит в Василеве.

Похоронили Владимира Андреевича 15 февраля в монастыре св. Андрея.

Давиду Ростиславовичу дружина сказала: «Ты самъ ведаеши что есмы издеали Кияномъ, а не можмъ ехати — избьють ны».

Мстислав II прежде пошел к торкам на Рось. Далее князь подступил к Треполю. Отсюда Мстислав II «вшедь» в опустевший Киев. В столице Мстислав II стал рядить «ряды» с братией. А пришли в Киев брат Мстислава II Ярополк Изяславович, дядя Владимир Мстиславович, галичане и еще два князя — Святополк Юрьевич (правнук Святополка II Изяславовича) и Всеволодкович (быть может, один из сыновей Всеволода Мстиславовича).

В Вышгороде укрепился Давид Ростиславович. Князь сжег окружавший детинец острог и отстреливался от торков и берендеев.

К Вышгороду подошел Мстислав II и стал «подъ бором». Давид Ростиславович получил помощь из-за Днепра. Глеб Юрьевич прислал «Григоря тысячкаго своего». Подошли от половцев «Концакъ с родомъ». Приехала от берендеев «Бастеева чадь».

К Мстиславу II подошли галичане. Они заявили, что их князь Ярослав Осмомысл велел более пяти дней не стоять под Вышгородом. Мстислав II возразил, что Ярослав велел не пускать

галицких полков, пока он не договорится с братией. Тогда галичане, «съписавыше грамоту ложьную», послали ее Мстиславу II и пошли в Галицию.

Мстислав II отступил к Киеву и стал перед Золотыми воротами «въ огородахъ». Из Вышгорода то и дело налетали половцы и наносили заметный урон. Им удалось схватить «тысячкою Всеволодковича».

Когда пришла весть о том, что Глеб Юрьевич «бродится» с половцами на правый берег Днепра, Мстислав II, поддавшись уговорам братии, вышел из Киева и пошел на Вольту.

Давид Ростиславович в погоню за Мстиславом II послал «Володислава. Ляха с Половци». Те настигли князя «оу Борохова» и после перестрелки вернулись к Давиду.

Глеб Юрьевич отпустил половцев в вежи. Они стали за «Васильевомъ оу седелниковъ», поджидая отставших. А в городе Михайлове сидел князь Василько, сын покойного Ярополка Изяславовича, племянник Мстислава II. Ночью Василько с дружиной выехал из города и, проблудив до рассвета, на восходе солнца ударил по половцам. Только сил юный князь не рассчитал. Дружину его половцы «съ седелники» частично избили, частично переловили. Сам Василько едва успел скрыться в Михайлове.

К Михайлову подошел Глеб Юрьевич с Рюриком и Давидом Ростиславовичами. Город сожгли, а «гроблю роскопаша».

В 1172 г. изгнанный из Новгорода Святослав Ростиславович воевал с новгородцами на «Волоце» (Волок Ламский). Там князь и умер. Тело его привезли в Смоленск и погребли у «стен Бци въ епискупье».

В 1172 г. у Мстислава Андреевича, сына Боголюбского, родился сын, в крещении нареченный Василием. Это единственный известный нам внук Боголюбского. И не ветви Боголюбского пришлось продолжить дело Долгорукого. Бог знает, быть может, так отомстила судьба за позор и унижение Киева 1171 г.

Отметим еще вот что. После того как Боголюбский построил во Владимире-на-Клязьме Успенский собор, Киев, а вместе с ним и Южная Русь лишились сил. То, чего не мог добиться Долгорукий войнами, Боголюбский достиг созиданием на собственной земле.

В 1172 г. Андрей Боголюбский изгнал из Владимира-на-Клязьме «гордаго лестьця лживаго влдку Федорьца». Боголюбский велел ему ехать в Киев «ставиться къ митрополиту». Федор того не пожелал. Летописец так о нем отзывается: «Бъ до егда хочеть показнити члвка отиметь оу него оумъ тако же и надъ симъ съ твори». Причиной подобной характеристики стало то, что Федор, поссорившись с Боголюбским, запер все церкви во Владимире-на-Клязьме и, взяв ключи, лишил горожан звона колоколов и церковного пения.

8 мая владыку изгнали. Отметим, как велика была епископская власть на Руси XII в. Владимирский владыка сажал в «заточенья» и подвергал «грабленья» не только простой народ, но и «игуменомъ и ереемъ». Народу владыка Федор головы «порезывая и бороды», а иным «очи выжигаше, и языки вырезывая» и «распиная по стене». И творил это владыка «хотя вьсхьтити от всих имения».

Когда Боголюбский все же отослал Федора в Киев к митрополиту Константину, тот обвинил владимирского владыку «всими винами» и велел отправить в «Песий островъ». Там с Федором поступили так, как он поступал со своими жертвами. Ему «языка оурезаша... и руку правую отсекоша, и очи ему выняша».

Заключая рассказ о владыке, скажем словами летописца: «Еюже мерою мерите възмерится вамъ».

В 1172 г. половцы подошли к Южной Руси двумя отрядами. Первый стал у Переяславля, второй — у Корсуня, по обе стороны Днепра. Пока Глеб Юрьевич мирился с половцами под Переяславлем, орда, стоявшая под Корсунем, подъехала к Киеву и, взяв села, погнала «коне и

скоты и овец с мужи и съ женами» в степь.

Глеб Юрьевич узнал о случившемся, когда собирался переправляться на правый берег Днепра и стоял на «Перепетовьстемь поле». Глеб поскакал к Киеву, да берендеи «яша коня» его за повод, говоря, что ехать следует в «велике полку».

Глеб выслал навстречу половцам младшего брата «Михалка». С князем поехал воевода «Володиславъ Яневъ братъ». Сражение с половцами было неравным, ибо сто переяславцев и полторы тысячи берендеев бились с семью тысячами половцев. Но Михалко Юрьевич одолел половцев и отбил громадный полон.

А во Владимире-Волынском разболелся Мстислав II Изяславович. Князь из Луцка пригласил младшего брата Ярослава и «о детехъ своихъ оурядивса добре», дал брату крест целовать, дабы «волости подь детми» его не искал.

19 августа 1173 г. Мстислав II Изяславович скончался. Тело положили в кафедральном соборе Владимира-Волынского, самым князем построенном.

Во второй половине XII в. в отдельных княжествах Руси повторялось то, что ранее происходило в Киевской Руси. Князья делили уделы, и их поступки все более походили на семейные свары.

В 1173 г. союз смоленских Ростиславовичей и суздальских Юрьевичей обрушился на сидевшего в Новгороде Романа Мстиславовича. Андрей Боголюбский послал в поход не только сына Мстислава, но и князей Старой Рязани и Мурома и «Бориса Жирославича воеводу же своего». Из Смоленска к Новгороду подошли Роман и Мстислав Ростиславовичи.

Новгородцы закрылись в городе и с ужасом наблюдали с «забарол» крепостной стены, как горят окрестные села.

Начали сражаться под городом. Неизвестно, сколько могла длиться осада, если бы не поразивший пришедших мор в «конехъ и въ полкохъ».

Когда Новгорода достигла весть о кончине Мстислава II Изяславовича, Роман Мстиславович, послушав совета дружины, выехал на Волынь «къ братьи».

В 1173 г. в Берестье скончался младший сын Мстислава II, имени которого мы не знаем.

С уходом Мстислава II фактически правителем Руси стал Андрей Боголюбский. Именно он послал Рюрика Ростиславовича в Новгород. 8 августа 1173 г. Рюрик сел на Городище, под новгородскими стенами, и одному богу было ведомо, что подумали горожане.

А в Северной земле у князя Игоря Святославовича родился сын. Его назвали Владимиром, а в крещении Петром.

Поздней осенью 1173 г. сидевший в Киеве Глеб Юрьевич стал серьезно прихварывать. Пришли половцы, «ополонились» под Киевом и поспешили в степь. Глеб послал за ними братьев Михалка, подростка Всеволода и воеводу Владислава. Нагнали половцев за рекою «Бмь». Отбили полна четыре сотни душ. Половцев посекали.

20 января 1173 г. скончался в Киеве Глеб Юрьевич. Князя положили в монастыре св. Спаса рядом с отцом Долгоруким. Оба князя сидели в Киеве недолго, и едва это было случайно.

События в доме Ярослава Осмомысла

В 1173 г. произошла трагедия в Галиче. Супруга Ярослава Осмомысла убежала из города с сыном Владимиром в Польшу. С княгиней из Галича бежали «Кстятинъ Серославичъ и мнози бояре». У Ярослава в Галиче была незаконная супруга «Настасъка».

Когда галицкая княгиня прожила в Польше восемь месяцев, к ней обратился князь Святополк (Юрьевич, правнук Святополка II), приглашая на Русь.

Юного Владимира Ярославовича отправили на Волынь к Святославу Мстиславовичу просить города «Червьна». Галицкий княжич говорил Святославу: «Ать ми будетъ ту сядячи добро слати в Галичь». И обещал волынскому князю: «Сяду в Галичи то Бужьскъ твои возвъорочу» и к тому еще три города. Святослав дал Владимиру Червень.

Когда юный князь с матерью обживал новую волость, из Галича пришла весть от Святополка (Юрьевича). Сообщали, что «оца ти есмы яли и приятели его Чаргову чадъ избиле а се твои ворогъ». А самым интересным было то, что «Настасъка Галичани же накладъше огнь сожгоша».

Был у несчастной Настасьи сын, прижитый от Осмомысла. Сына галичане в заточение «послаша». Самого Осмомысла галичане водили к кресту «яко ему имети княгиню въ правду».

Зимой 1173 г. Андрей Боголюбский послал сына Мстислава с воеводой Борисом Жидиславовичем и с муромскими и рязанскими князьями в поход на волжских болгар.

Мстислав Андреевич подошел к Городцу-на-Волге и встретил муромских и рязанских князей. На устье Оки князья две недели прождали свои дружины. Да не дождались «зане непогодье есть зиме» и «в малом числе» пошли на болгар. Шесть сел взяли, население седьмого городка побили и с полоном вернулись к устью Оки.

В погоню выступили шесть тысяч болгар. Двадцати верст не дошли болгары до русских князей. А те от устья Оки отпустили дружины по домам и вернулись в свои города.

Зимой Давид и Мстислав Ростиславовичи послали в Дорогобуж, к дяде Владимиру Мстиславовичу «вабяче» (приглашая) в Киев. И князь, преступив крестное целование к Мстиславовичам, поехал в Киев. В Дорогобуже он оставил сына Мстислава.

То, что Ростиславовичи пригласили в Киев дядю, понятно, ибо то был их родной дядя, а следовательно, киевский стол оставался за потомками не только Мономаха, но и Мстислава I, и наследовать дяде должны были Ростиславовичи.

15 февраля 1173 г. в Киев приехал Владимир Мстиславович, внук Мономаха, бывший старше Боголюбского. Но просидел князь в Киеве четыре месяца. 30 мая 1174 г. Владимир Мстиславович скончался. Его погребли в отцовском монастыре св. Федора. Князь всю жизнь пробегал перед племянником Мстиславом II «ово в Галичь, ово Оугры, ово в Рязань, ово в Половцихъ».

Андрею Боголюбскому еще в феврале пришлось не по нраву появление двоюродного брата в Киеве, и он уже тогда сказал, что в Киеве сядет Роман Ростиславович. Когда Владимира Мстиславовича похоронили, Боголюбский послал в Смоленск за Романом, и в июле 1174 г. тот князь сидел на старокиевской горе.

Роман Ростиславович (1174–1177)

Похоже на то, что после 1171 г. Южной Киевской Русью фактически правила Северо-Восточная Русь с центром во Владимире-на-Клязьме. При этом этот Владимир словно перевесил Владимир-Волынский.

28 марта скончался сын Боголюбского Мстислав. Это была невосполнимая потеря для отца. Похоронили князя в златоглавом белокаменном соборе над Клязьмой.

В Новгороде Рюрик Ростиславович просидел недолго. Новгородцы быстро сообразили, кто на деле правит на Руси, и послали к Боголюбскому за сыном. Тот им дал Юрия Андреевича.

Когда Рюрик Ростиславович ехал из Новгорода в Смоленск на вербную неделю, в «Лучине» у его супруги родился сын. В честь деда его назвали Ростиславом, а в крещении нарекли Михаилом. В Лучине Рюрик поставил церковь, а город дал малютке сыну.

В 1174 г. у Ярослава Владимировича, сына незадолго до того умершего в Киеве князя, родился сын Ростислав, в крещении названный Иваном.

Половцы продолжали «пакость творити по Рьси» (р. Рось) и по всей Южной Руси. И на Петров день, в конце лета 1174 г., из северской земли за «Ворьсколь» выехал подросший Игорь Святославович, герой бессмертной поэмы. В поле поймали «языка», и тот сообщил, что ханы Кобяк и Кончак пошли к Переяславлю. Игорь Святославович переехал реку «Вьросколь оу Лтавы» (у Полтавы) и поспешил к Переяславлю. Скоро половцы, ранее воевавшие у «Серебряного и оу Баруча» и шедшие с полоном, увидели стяг Игоря. Хищники побежали, да поздно.

В 1174 г. до Владимира-на-Клязьме дошла истина о странной кончине Глеба Юрьевича. Боголюбский послал в Киев к Ростиславовичам требование выдать «Григоря Хотовича, и Степаныда и Олексу Стословця, ято те суть оумориле... Глеба». Ростиславовичи от греха отпустили «Григоря» и скоро получили из Владимира-на-Клязьме грозное повеление Боголюбского: «а поиде с Киева (Роман), а Двдъ исъ Вышегорода, а Мьстиславъ из Белагорода». Князя, не смея послушаться, уехали в Смоленск.

В Киев должен был приехать из «Торцького» младший брат Боголюбского Михалко. Но князя в 1174 г. не так, как прежде, стремились сесть в Киеве, где потомков Долгорукого попросту травили ядом. Михалко Юрьевич послал в Киев брата Всеволода, позже прозванного Большое Гнездо, и племянника Ярополка Ростиславовича.

Просидел Всеволод Юрьевич в Киеве пять недель. Однажды ночью в ворота столицы ворвались Ростиславовичи с дружиной, схватили Всеволода, его племянника Ярополка, «Ляха Володислава и Михна. и бояры все». Но всем тем людям Ростиславовичи худого сделать не посмели.

Рюрик Ростиславович (1174)

После описанных событий в Киеве сел Рюрик Ростиславович. А в Чернигове в 1174 г. Святослав Всеволодович заложил каменную церковь в честь Михаила. Храм украсил княжеский двор Чернигова.

В 1174 г. в Галиции произошел новый скандал. К Ярославу Изяславовичу в Луцк прибежал сын Осмомысла Владимир. К самому Осмомыслу подошла помощь из Польши. Ярослав оценил услуги поляков в три тысячи гривен серебром и в два города.

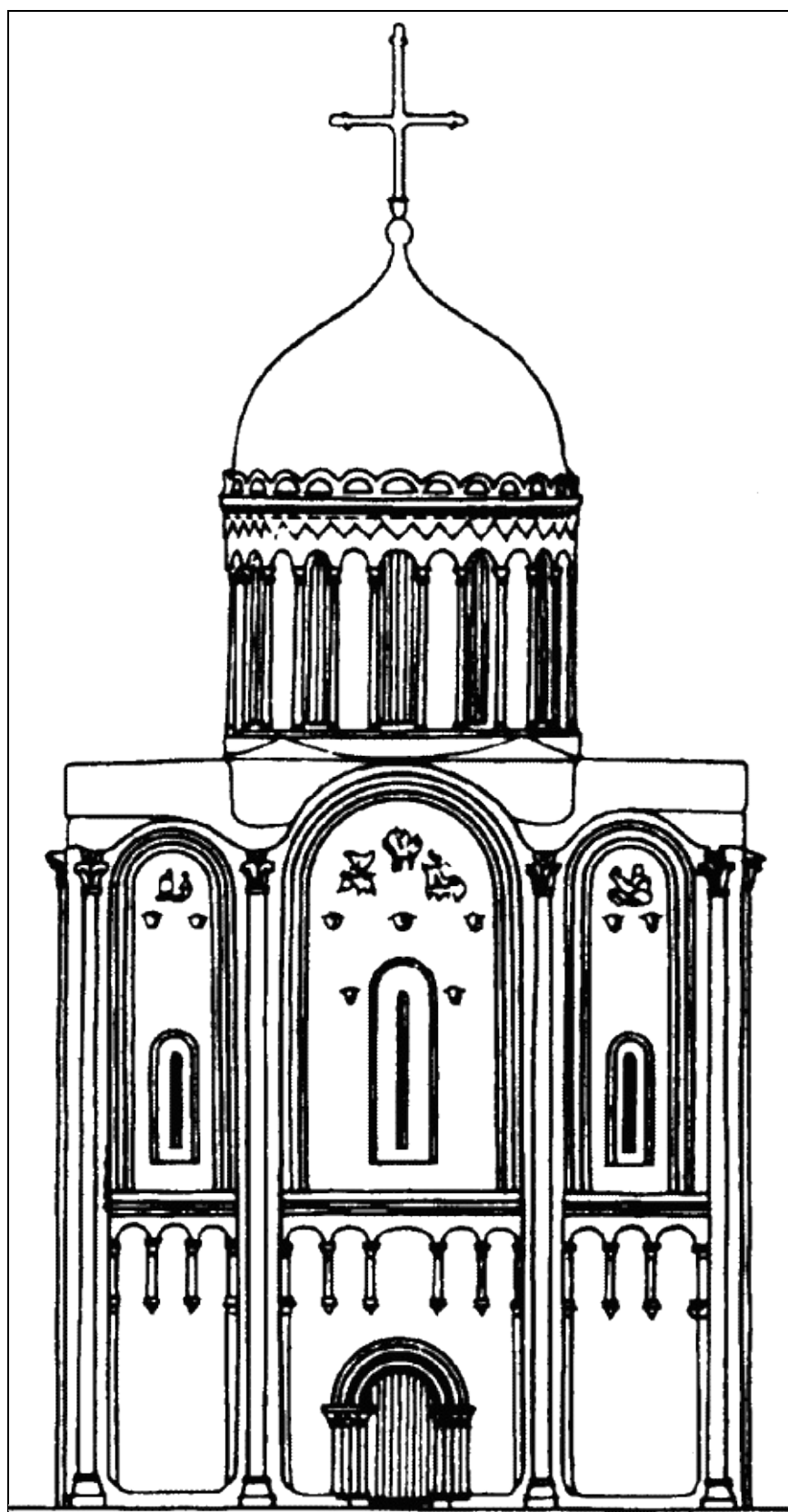

Стали из Галича в Луцк ездить послы с требованием отпустить к отцу Владимира. Ярослав Изяславович, испугавшись за свою волость, отправил Владимира в «Торцькыи» к Михаилу Юрьевичу на берега реки Рось. Поехала в Торческ и мать Владимира. Михалко ей доводился ни много ни мало родным братом. (Княгиню звали, как следует из летописи, Ольга.)

Ростиславовичи, удерживая Киев, стремились укрепить свою власть. Вскоре они подступили к «Торцькому», в котором заперся Михалко Юрьевич. На седьмой день осады Михалко пошел на союз с Ростиславовичами. Те посулили Юрьевичу Переяславль. От нового передела в Южной Руси пострадали и иные князья.

Очень скоро гнев Боголюбского переполнил чашу его терпения. Поводом к разрыву послужил отказ выдать Григория Хотовича, убийцу Глеба Юрьевича.

Тут во Владимир-на-Клязьме пожаловали послы от Ольговичей. Черниговские князья тонко «поводяче» Боголюбского на Ростиславовичей. Ольговичи заявили: «Кто тебе ворогъ. то ти и намъ. а се мы с тобою готови».

И вот к Киеву с берегов Клязьмы поспешал, погоняя лошадь, знакомый нам, ранее изгнанный из столицы «Михна мечник». Михна заявил Ростиславовичам в Киеве: «Коли не ходите в воле Боголюбского, то сделаете так, Рюрик пойдет в Смоленск, а Давид в Берладь» (город на реке Сирет, где в свое время скрывался Иван Ростиславович Берладник).

Мстислав Ростиславович, самый младший среди братьев и от «оуности» не «оуполошится» от гнева Боголюбского, взял да и велел «Михну мечнику постричи голову передь собою, и бороду». К тому Мстислав велел передать Боголюбскому, что если он с «сякими речьми прислаль», говоря с Ростиславовичами не как с князьями, а как с подручниками и «просту члвку», то пусть, что «оумыслиль еси», то и делает.

Когда Андрей Боголюбский, сидя во дворце под Владимиром-на-Клязьме, увидел остриженную голову Михны, да еще услышал о речах Ростиславовичей, «образъ лица его попуснелъ».

Скоро из Ростова, Суздаля, Владимира-на-Клязьме, Переяславля-Залесского, с Белого озера, из Новгорода, Мурома и Старой Рязани пошли полки в Южную Русь. Рать собралась в пятьдесят тысяч, и во главе нее Боголюбский поставил сына Юрия и воеводу Бориса Жидиславовича. Велено было Рюрика и Давида из Киева выгнать, а Мстислава привести в село Боголюбово, к очам князя Андрея Юрьевича.

Князья полоцкие, туровские, пинские, не смея ослушаться воли Боголюбского, выступили на Ростиславовичей. Вышел из Чернигова к Киеву и Святослав Всеволодович. Более того, из Смоленска к Киеву был принужден выступить сын Романа Ростиславовича Мстислав со смолянами. Подошли к левому берегу Днепра, против Киева, и жители Городца Остерского.

Ростиславовичи не стали обороняться в Киеве. Рюрик поехал в Белгород, а Мстислав «затвориша» в Вышгороде. В вышгородском детинце сел полк Давида. А сам Давид Ростиславович поспешил в Галич, к Ярославу Осмомыслу «помочи дея».

На рождество силы Боголюбского окружили вышгородский детинец подобно весеннему паводку, затопившему луговину. Под стенами Вышгорода стояли стяги более чем двадцати князей. Старейшим из них был Святослав Всеволодович — свидетель и участник многих крупнейших событий Руси середины XII в.

Когда Мстислав Ростиславович с «городен» Вышгородского детинца увидел стяги, он нисколько не растерялся, но, снарядив полки, выехал на «болоньи», и началась перестрелка.

Против Мстислава стали три полка: новгородцы и ростовцы по краям и Всеволод Юрьевич в центре. Мстислав Ростиславович «сшибеся с полкы ихъ и потопташа середнии полкъ». И пошел по оболони днепровской «ломъ копииньи и звукъ оружьиньи».

Полки разошлись. Но это было сражение Мстислава Ростиславовича, прозванного на Руси Храбрым, с «моложьшими» людьми и князьями. Главные силы подошли под Вышгород спустя сутки.

Осада Вышгорода продлилась девять недель. А кончилась кампания вот чем. Видя заминку в Киеве, из Луцка с волынскими полками к Вышгороду подошел Ярослав Изяславович (брат покойного Мстислава II). Стал он сноситься с Ольговичами, «ища собе старешиньства». Но Ольговичи «не ступишас ему Кыева». Тогда Ярослав Изяславович обратился к двоюродным братьям Ростиславовичам «и оурядися с ними о Кыевъ».

Скоро полки Ярослава Изяславовича поставили стяги под Белгородом рядом со стягами Рюрика Ростиславовича.

Среди осаждавших Вышгород прошел слух о идущей из Галича помощи и о черных клобуках. И среди ночи, «не дождавъше света», полки «возмятошася» и в «смятеньи велици... побегоша чересь Днепръ». Многие из бежавших в ночь «потопе» в Днепре.

Мстислав Ростиславович, видя, а вернее, догадываясь по звукам в ночи о происходившем на «болонье», перекрестился на вышгородский каменный храм Бориса и Глеба и выехал с полком за ворота. Князь «гнавьше» бегущих и «оударишася на товаре ихъ, и много колодникъ. изымаша».

Так полки, послушные Боголюбскому, «отидоша в дома своя».

Ярослав Изяславович (1174–1175)

В Киеве сел Ярослав Изяславович. И обратился к Ярославу Святослав Всеволодович, говоря, что «право ли, криво ли» тот сел в Киеве, а следует его, Святослава, наделить волостью в Русской земле. Ярослав Изяславович отправил в Чернигов ответ: «Чему тебе наша отчина тебе си сторона не надобе» (правобережье Днепра). Святослав Всеволодович возразил, говоря, что он не «Оугринъ ни Ляхъ, но одного деда есмы внуци».

Переговоры кончились тем, что Ольговичи поехали «изъездомъ» к Киеву, а Ярослав Изяславович побежал в Луцк.

Так в Киев въехал Святослав Всеволодович. В столице ему досталось имение бежавшего Ярослава «бещисла». Попали в руки Святослава и княгиня Ярослава с сыновьями и княжеская дружина. Всех их Ольговичи отправили в Чернигов. Уехал из Киева и сам Святослав Всеволодович.

В Киев вернулся Ярослав Изяславович и, увидя произошедшее, «замысли тяготу Кыяномъ». Князь обвинил горожан в том, что они «подъвели... Стослава», и велел киевлянам «промьшляйте чимъ выкупити княгиню и детя». И на двор к Ярославу Изяславовичу со всего Киева пошли «игумены и попы и черньце». Пришли к князю и «Латину и госте» (купцы из Западной и Центральной Европы).

Однако помогли Ярославу Изяславовичу не гривны киевлян, а неурядицы среди Ольговичей.

Олег Святославович, сидевший в Новгороде-Северском, завоевал Черниговскую волость двоюродного брата Святослава Всеволодовича. Святослав Всеволодович поспешил помириться с ограбленным Ярославом Изяславовичем и, видимо, вернул княгиню и сыновей без выкупа. Вскоре загорелись села в волости Олега Святославовича.

А в Суздале, в соборе, построенном Владимиром Мономахом в 1110 г., Андрей Боголюбский 11 января 1174 г. схоронил брата Святослава Юрьевича. Тело князя от рождения до смерти терзала «болезнь зла». Хороня его, говорили, что тело князя мучилось, а душа спасалась.

19 января 1174 г. в Муроме скончался Юрий Ростиславович (внук Ярослава Святославича)

Рязанского). Упокоили князя в его городе, в соборе, им же построенном.

Зимой Ростиславовичи послали к Боголюбскому, прося согласия на то, чтобы посадить в Киеве Романа Ростиславовича. Андрей Юрьевич ответил, что послал к братьям в «Русь» и, как будет от них весть, будет и ответ.

Но ответа Ростиславовичи не дождались. 28 июня 1175 г. в загородной резиденции под Владимиром-на-Клязьме, в Боголюбове, отстоящем как «Вышегородъ от Кыева», заговорщиками был убит Андрей Юрьевич Боголюбский.

У Боголюбского был любимый слуга «Якимъ». Тот Яким прослышал, что князь велел казнить его брата. Слуга обратился к товарищам со словами: «Днсь того казнилъ а насъ завутра а промыслимы о князе семь». Всего в Боголюбове собралось двадцать заговорщиков. Среди них были: «Петръ Кучьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичъ». С наступлением ночи люди «поймавъме оружья» пошли к «ложници» Андрея Юрьевича. И тут их охватил страх. Поняв, что трезвыми они не посмеют сотворить задуманного, заговорщики бежали с княжеских сеней в «медушу и пиша вино». Как только «оупившеся виномъ», они вновь «поидоша на сени».

Когда Андрей услышал, что у дверей ложницы (спальни) стоят люди, он спросил, кто там, и, почувствовав неладное, окликнул «паробъче...Прокопья». Заговорщики выломали дверь. Андрей кинулся за мечом, да не нашел его. Меч выкрал «Амбалъ ключникъ». А то был меч необычный, некогда он принадлежал св. Борису.

На Боголюбского кинулись двое. Одного князь повалил, а товарищ, решив, что на полу распростерт князь, «оуязвиша и свои другъ». Стали звать князя, и борьба возобновилась.

Боголюбский был очень силен. Его били саблями и копьями. Наконец, решив, что князь мертв, заговорщики взяли раненого товарища и пошли вон из дворца. Скоро они услышали, что Боголюбский спустился под сени. Зажгли свечи и по кровавому следу стали искать князя. Нашли его сидящим, «Петръ же оття ему руку десную» (правую руку). Тут князя и убили.

Пришлось заговорщикам убить и «Прокопья млтсьника» Андреева. Он прибежал, услышав стоны князя.

До рассвета убийцы поспешили в княжеский дворец и стали грабить «золото, и каменя дорожное, и жемчугъ, и взяко оузорочье». Драгоценности погрузили на лошадей и отправили затемно подальше от Боголюбского.

С наступлением дня заговорщики стали собирать вокруг себя дружину. Послали во Владимир-на-Клязьме, говоря, что учинили расправу «не насъ бо одинехъ дума но и о васъ». Горожане ответили: «Да кто с вами в думе то буди вамъ, а намъ не надобе».

И начались грабежи в залесской земле такие, что «страшно зрети».

Нашелся человек по имени «Кузмище Киянинъ», пришедший в Боголюбово и ставший искать тело князя. Ему ответили, что князь лежит «выволочень в огородъ». И приказали «но мози имати его... вси хочемъе и выверечи псомъ» и добавили, что тот, кто подберет князя, будет убит.

Когда Кузьма сидел, плача над телом, к нему подошел «Амбалъ ключникъ Ясинъ Родомъ». Кузьма попросил у него ковер. Тот велел Кузьме уходить прочь, повторив, что князь должен быть «выверечи псомъ».

Кузьма Киянин обратился к ключнику с такой речью: «Помнишь ли Жидовине въ которыхъ порътехъ. пришелъ бяшетъ. ты ныне в оксамите стоиши. а князь нагъ лежитъ».

После тех слов Кузьме дали ковер «и корзно», и, обернув князя, Кузьма собрался положить тело в «божницу». Но ее не отомкнули. Боголюбский два дня пролежал в притворе собственной церкви, прикрытый «корзномъ». На третий день пришел игумен обители св. Кузьмы и Демьяна Арсений. Подошли из Владимира-на-Клязьме «Клирошани». Божницу отомкнули. Тело Андрея положили в каменный гроб и начали отпевание.

А тем временем усадьба князя стояла разграбленной. А по землям Северо-Восточной Руси народ княжеских «посадниковъ и тивуновъ дома пограбиша. а самехъ и деские его и мечники избиша». У народа было «обидь много». Грабить княжеское и боярское добро приходили «ись сельъ». Предавались грабегам и жители города, отстроенного Боголюбским: Владимира-на-Клязьме.

И стал по улицам Владимира ходить «Микулиця» с иконой пресвятой Богородицы в руках, напоминая народу, что тот, кто противится власти, противится закону божию, и всякая власть от бога.

На шестой день после убийства Боголюбского горожане выслали за телом князя игумена Федора с клирошанами. Когда игумен с телом Андрея Юрьевича возвращался из Боголюбова, у ворот Владимира-на-Клязьме стояли все духовенство с иконой Владимирской Божией Матери, облаченное в ризы, и все горожане. Когда люди увидели княжеский стяг, возникший со стороны загородного дворца, полились слезы, и над толпой поплыли многоголосия причитаний и воплей.

Князя положили в златоглавом белокаменном Успенском соборе города, в его детище, послужившем усыпальницей.

Пока игумены и клирошане пели над телом Андрея, к Владимиру-на-Клязьме съехались дружины из Ростова, Суздаля и Переяславля-Залесского. Сын Боголюбского Юрий сидел в Новгороде, а братья сидели в Южной Руси. На совете решили послать в Старую Рязань к князю Глебу Ростиславовичу (не имевшему отношения к потомкам Долгорукого) просить у него шурина (то был племянник Боголюбского Ярополк Ростиславович или Мстислав Ростиславович). Советчиками в деле были «Дедилця» и Борис.

А в Чернигове находились младшие братья Боголюбского Михалко и Всеволод Юрьевичи. Там же оказались и дети Ростислава Юрьевича — Ярополк и Мстислав. Братья дали старшинство Михалку и на том целовали крест у черниговского епископа.

Сыновья Долгорукого «приехаста на Москву».

В Москву приехали гонцы из Ростова. Они просили Ярополка Ростиславовича поспешить в Переяславль-Залесский, и князь тайно из Москвы уехал. Когда Михалко Юрьевич увидел, что племянника в Москве нет, он поспешил во Владимир-на-Клязьме.

А во Владимире-на-Клязьме войска не было. Оно ушло к Переяславлю-Залесскому целовать крест к Ярополку Ростиславовичу.

Рати, пришедшие из Ростова, Старой Рязани и Мурома, осадили Владимир-на-Клязьме, и семь недель Михалко Юрьевич бился, отстаивая город.

Наконец голод заставил жителей подступить к Михалку с требованием «мирися, любо промышляй собе». Михалко Юрьевич «поеха в Русь» (в Южную Русь).

Во Владимире-на-Клязьме сел Ярополк Ростиславович (внук Долгорукого), а в Ростове Великом сел его брат Мстислав Ростиславович.

Зимой привез Ярополк Ростиславович из Смоленска жену, дочь витебского князя Всеслава Васильевича. И 3 января 1175 г. под золотым куполом Успенского собора клирошане и игумены пели на княжеской свадьбе.

В Смоленске горожане изгнали сына Романа Ростиславовича Ярополка и посадили княжить героя обороны Вышгорода Мстислава Ростиславовича.

А в Ростовской волости произошла такая история. Мстислав Ростиславович роздал посадничество по городам «Русьскимъ децькимъ». Это были юноши, приехавшие в залесскую землю из Южной Руси. Они-то и сотворили «тяготу людемь»... «продажами и вирами». Сам князь был молод и слушал бояр. А те, ясное дело, «оучахуть на многое имание». Дошло до того, что отняли дани у церкви. Народ призадумался и вспомнил времена Боголюбского.

Стали люди вести такие разговоры с князьями и их окружением: «Акы не свою волость

творита... оу насъ седети грабита. не токмо волость всю но и цркви».

Горожане Суздаля, Ростова и Владимира-на-Клязьме начали обмениваться гонцами, думая, как помочь беде. Ну, а бояре тех князей «крепко держахуся».

На юге Руси, на берегах Десны, тем временем Олег Святославович пошел ратью на Святослава Всеволодовича к Чернигову. В помощь Олегу подошли смоленские Ростиславовичи и Ярослав (Изяславович). Сожгли «Лутаву и Моровиескъ». Тут князья целовали друг к другу крест, и союзники от Олега ушли. Сам Олег пошел к Стародубу. Города князь не взял, зато по окрестным селам собрал скот и погнал его к Новгороду-Северскому.

Тут и Святослав Всеволодович подступил к Новгороду-Северскому. Дружина Олега, выйдя из Городца, скоро побежала. Острог был сожжен. А князья (двоюродные братья) помирились.

Зимой у Игоря Святославовича родился сын Олег, в крещении нареченный Павлом.

Зимой 1175 г. Ярослав Изяславович покинул Киев, уйдя в Луцк. А на старокиевскую гору взошел приехавший из Смоленска в помощь сидевшим по пригородам столицы братьям Роман Ростиславович.

Создается впечатление, что после разгрома Киева детьми Долгорукого в 1171 г. тот город стал интересовать Ярославовичей не более чем столицы их уделов.

Наступил 1176 г. Слухи о настроениях, царивших в залесской земле, достигли Южной Руси. И 21 мая из Чернигова выступили сыновья Долгорукого Михалко и Всеволод Юрьевичи. В помощь им Святослав Всеволодович дал сына Владимира. Когда войско стало на реке «Свине», Михалко почувствовал себя плохо. До «Кучкова, рекше до Москвы» князя несли на носилках.

На Боровицком холме московского детинца Юрьевичей поджидали жители Владимира-на-Клязьме.

Когда князья с послами сели за стол обедать, в деревянный терем вошли гонцы с вестью, что Ярополк Ростиславович выступил из Владимира-на-Клязьме. Юрьевичи поспешили выехать к Владимиру. Когда о том стало известно Ярополку, он сошел с дороги на Москву, не желая столь откровенной встречи с дядьями. Когда «Москвляне» узнали, что Ярополк движется к их городу, они поспешили назад, к боровицкому холму «блюдуче домовъ своихъ».

Шедшие от Москвы полки перешли реку «Лакшу» и стали на поле «Белехове». Им навстречу из «загорья» выступил полк Ростиславовичей.

Это было 15 июня 1176 г. Рать Ростиславовичей шла вся в «броняхъ яко во всякомъ леду». Михалко Юрьевич был болен, и его несли на носилках. Заслышав, что неприятель ударил «изнезапа», Михалко заволновался и велел дружине поспешать вперед. Скоро над полем поднялись стяги детей Долгорукого, и случилось чудо. Полки племянников Ярополка и Мстислава Ростиславовичей, не дойдя до противника, «повергоша стягъ и побегоша».

Мстислав Ростиславович скрылся в новгородских лесах. А Ярополк Ростиславович поспешил к зятю в Рязань.

На том поле Михалко и Всеволод Юрьевичи одарили помогавшего им в походе Владимира Святославича и отпустили его в Чернигов.

Сами Юрьевичи пошли во Владимир-на-Клязьме. Впереди князей вели несчастных колодников.

Когда в Чернигове стало известно о том, что Юрьевичи молятся в Успенском соборе над Клязьмой, а народ, обливаясь слезами, с содроганием вспоминает убийство Боголюбского и все за тем произошедшее, Святослав Всеволодович послал в залесскую землю жен Михалка и Всеволода. С княгинями черниговский князь отправил сына Олега «проводити до Москве».

От Москвы Олег Святославович поехал в свою волость в «Лопасну» (городище напротив устья р. Лопасни — левый приток средней Оки). Из Лопасни Олег Святославович скоро выехал, чтобы занять «Сверилескъ» (низовья р. Москвы, севернее Коломны). Князь укреплял границы

неспроста — Москва была пограничем Юрьевичей, а среднее поочье издревле было «волость Черниговская». О том наверняка успели урядиться Ольговичи с Юрьевичами, пока шли к Владимиру-на-Клязьме.

На «Свирильске» на Олега Святославовича выехал племянник рязанского князя Глеба Ростиславича. Произошло сражение, и черниговский полк был бит, а князь едва спасся.

Началась весна, а вместе с ней пришел новый, 1177 год.

В Южную Русь, как и обычно, вторглись половцы «на роусалной недели». Степняки взяли шесть городов в поросье у берендеев и двинулись к «Растовцю». Из Киева Роман Ростиславович послал на половцев брата Рюрика и сыновей Мстислава, Бориса и Ярополка. Под Растовцом произошло сражение, и оно было несчастно для русских. Князья едва успели укрыться в Растовце. Бояр же многих половцы «изъимаша».

Когда о несчастье стало известно на Руси, более всего обрадовались черниговские Ольговичи. Скоро Роман Ростиславович выслушал речь от Святослава Всеволодовича: «Рядъ нашъ такъ есть ежеся князь извинить, то въ волость, а моуж оу головоу». Это означало, что если князь Давид Ростиславович опростоволосился под Растовцом, то Роману Ростиславовичу следует съезжать с киевских гор.

Глава 16

СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ (1177–1194)

Год 1177-й. Битва на Липецком поле

Скоро Днепр перешли черниговские Ольгови. У «Витечева» стал Святослав Всеволодович. Князь был далеко не молод и весьма мудр. Он знал, что Западная Русь раздроблена, а Русь Суздальская занята собственными делами. И помешать Ольговичам вернуть киевский стол (в 1139–1146 гг. принадлежавший Всеволоду II Ольговичу) едва ли кто сумеет.

К Витечеву приехали киевляне и сообщили князю, что Роман ушел в Белгород.

В день Ильи-пророка Святослав Всеволодович въехал в Киев. Город был тих, и никто тому не радовался.

А в Северских землях все увеличивалась семья Игоря Святославовича. В 1177 г. у него родился сын Святослав, в крещении нареченный Андреем.

Тишина, царившая в Киеве, не могла не насторожить Святослава Всеволодовича. Черниговские Ольговичи прекрасно знали, как к ним относятся киевляне. Когда на старокиевской горе стало известно о приближении полка Мстислава Ростиславовича Храброго (в свое время отстоявшего Вышгород и всю Западную Русь от Боголюбского), Святослав Всеволодович без размышления кинулся к Днепру на устье Лыбеди. Бегство Ольговичей было столь стремительно, что множество их людей утонуло в днепровских водах.

Переведа дух, Ольговичи прибегли к старой тактике (то, за что их не могли любить в Киеве): они послали за половцами.

Скоро половцы ловили арканами людей под Торческом.

Ростиславовичи хорошо знали русскую историю и «не хотяче гоубити Роуской земли» отдали Киев Святославу Всеволодовичу. А Роман Ростиславович поехал в Смоленск.

Год 1177-й не был простым и для Залесской земли, и для всей Северо-Восточной Руси.

20 июня на Волге в Городце скончался князь Михалко Юрьевич. Его положили в каменный гроб в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

Вскоре владимирцы, стоя перед Золотыми воротами, целовали крест к Всеволоду Юрьевичу, впоследствии прозванному Большое Гнездо.

А бояре Ростова Великого, не желая возврата старых времен эпохи Боголюбского, когда князь возвышал свой новый город, а бояр и древнейшие их гнезда в Ростове и Суздале ни во что не ставил, послали в Новгород за Мстиславом Ростиславовичем. Поводом к приглашению послужила смерть Михалка.

Князь в Ростов приехал. Собрались бояре, гридьба, пасынки и дружина и выступили к Владимиру-на-Клязьме.

Выступил и Всеволод Юрьевич с владимирцами и дружиной навстречу племяннику. С дороги Всеволод послал бывшего у него под рукой еще одного племянника Ярослава Мстиславовича в Переяславль-Залесский, прося помощи.

Когда Всеволод прошел Суздаль, его полку явилось видение: образ Владимирской Богоматери и город, отстроенный Боголюбским над Клязьмой.

Всеволод послал к племяннику сказать, что отдает ему Ростов, себе берет Владимир, а Суздаль будет общим. Против выступили ростовские бояре Добрыня Долгий (Высокий), Матвей Шибутович и иные.

Всеволод Юрьевич тем временем подъехал к Юрьеву-Польскому и стал ожидать помощи от Переяславля.

Невдалеке у Липици стал Мстислав Ростиславович с ростовцами. Началась перестрелка. А 27 июня 1177 г. поле под Юрьевом покрылось воинами, и началось сражение.

Мстислав Ростиславович, видя, что ростовская сила не может выстоять, повернул коня и

поскакал на берег озера Неро. Владимирцы стали избивать ростовских бояр. Убили Добрыню Долгого и Иванка Степанковича. Многих бояр ростовских повязали веревками.

А после окончания сражения владимирцы принялись за боярские села. Из усадеб стали выгонять коней и скот, а в кладовых сбивать с сундуков и ларей крепкие запоры.

Во Владимир-на-Клязьме полк Всеволода Юрьевича возвращался, ведя множество колодников и утопая в пыли от громадного стада скота и лошадей.

Возможно, именно в этот день жители Владимира-на-Клязьме утвердились раз и навсегда в выборе князя. А ведь Всеволод Юрьевич был не просто одним из Ярославовичей, он был дедом Александра Невского и предком Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Чем более дробилась и слабела Русь Южная, Киевская, тем все более крепла и возвышалась молодая Русь Северо-Восточная, Владимирская. Это походило на рост сына и утрату сил отца.

Мстислав Ростиславович не задержался в Ростове и поспешил в Новгород. Но не так просты были новгородцы. Битый князь им был не нужен и лишь сулил неприятности с подвозом хлеба из южных земель. И пришлось Мстиславу Ростиславовичу поехать в Рязань, к зятю Глебу Ростиславовичу.

Рязанский князь, казалось, только того и ждал. Осенью он пришел к Москве и сжег город и окрестные села.

Всеволод Юрьевич, узнав, что Москва горит, поехал к Переяславлю-Залесскому. Когда Всеволод стоял под Шернским лесом (лес по берегам реки Шерны, левый приток Клязьмы), к нему подошли новгородцы «Милонежькова чадь» (Лаврентьевская летопись). Новгородцы предложили Всеволоду союз, но просили не выступать против рязанцев. Всеволод послов послушал и вернулся во Владимир-на-Клязьме. А Глеб Ростиславович, налюбовавшись на пожар Москвы, вернулся в Старую Рязань.

Как только стал на реках лед и накатали по дорогам санные пути, Всеволод Юрьевич выступил к Оке, на Старую Рязань. Подошли полки из Ростова и Суздаля, подоспела помощь из Чернигова, от стратегического союзника Святослава Всеволодовича. Черниговский полк привели Олег Святославович и знакомый нам Владимир, ранее помогавший Михалку и Всеволоду.

Когда Всеволод Юрьевич стоял под Коломной, при устье реки Москвы, стало известно, что Глеб Рязанский стоит под Владимиром-на-Клязьме и «воюет волость». Рязанцы прошли на Клязьму лесами Мещеры лишь им ведомым путем. Привели рязанцы на Клязьму половцев.

Пока Всеволод глубокими снегами, от спешки и досады едва переводя дух, поспешал к своей волости, рязанцы и половцы выбили ворота в княжеской усадьбе в Боголюбове и грабили церкви и кладовые. А вокруг занимались пламенем села и боярские усадьбы и вели в полон жен и детей владимирских.

На масленицу Всеволод подошел к Владимиру-на-Клязьме. Глеб «заложились» рекой Колакшей. С Глебом стояли Мстислав Ростиславович, половцы и многочисленный полон.

Лед на реке был тонок, и переходить по нему было страшно. И Всеволод Юрьевич прибег к хитрости. Он послал вперед возы, и неприятель на те возы «исполчился». Тут Всеволод послал племянника Владимира (быть может, Глебовича) на Мстислава Ростиславовича вслед за возами.

В это время Глеб Рязанский с сыновьями перешел Колакшу и двинулся навстречу Всеволоду Юрьевичу на Прускову гору. Когда до полка Всеволода оставалось расстояние, покрываемое пущенной стрелой, Глеб Рязанский увидел, что на другой стороне Колакши Мстислав Ростиславович бежит. Постояв немного, без сражения побежал и Глеб Ростиславович с сыновьями и рязанским полком.

Началась погоня. Схватили самого Глеба, его сына Романа и шурина Мстислава Ростиславовича. Переловили и дружину и среди прочих знакомого нам Бориса Жидиславовича,

«Дедилця и Ольстина». Много в тот день погибло половцев.

Во Владимир-на-Клязьме Всеволод Юрьевич въехал, ведя пленных князей и их дружину. На третий день горожане подступили к Всеволоду, требуя либо казнить, либо ослепить пленников. Это не было в обычае у Ярославовичей, и Всеволод посадил пленников в поруб, ожидая, когда горожане утихнут.

Послали в Старую Рязань требование о выдаче Ярополка Ростиславовича. Да пригрозили рязанцам — коли не выдадут, выступят на них походом. Рязанцы подумали, к чему пропадать за чужого князя (мало того, что собственный пропал), и поспешили к южному рубежу своей земли, на средний Дон, в Воронеж. Тут на высоком правом берегу реки Воронеж, чуть выше устья, среди городищ вятичей, скрывался Ярополк Ростиславович. Рязанцы князя схватили и привезли во Владимир-на-Клязьме.

Скоро владимирцы вновь подступили к Всеволоду, желая ослепить пленников.

Тем временем за Ярополка и Мстислава Ростиславовичей вступился Святослав Всеволодович. Из Чернигова на берега Клязьмы приехали епископ Порфирий и игумен Ефрем. Но и владыка не сумел помешать владимирцам исполнить их замыслы.

30 июня Глеба Рязанского убили. Сыну его Роману жизнь сохранили. А Мстислава и Ярополка Ростиславовичей вывели из поруба, ослепили и пустили по белому свету.

События, произошедшие во Владимире-на-Клязьме, смутили не только Киев и Чернигов, но и Новгород. Стали новгородцы слать к Мстиславу Ростиславовичу Храброму, прося прийти княжить. Видно, слава о героической обороне Вышгорода покорила суровые сердца северян. Князь идти не хотел, да братья уговорили. Бояре новгородские тому были рады. В Новгороде князя встретили епископ и игумены с крестами и иконами. Повели Мстислава на хоры св. Софии и запели чудным знаменным распевом, величая князя.

Мстислав Ростиславович в Новгороде

Новгородцы приглашали Мстислава Ростиславовича так настойчиво еще и потому, что в том же 1178 г. Всеволод Юрьевич, быть может, желая отомстить за поддержку племянников, подошел к Новому Торгу и потребовал дани. Дружина Всеволода, заявив князю, что не кресты пришла целовать, взяла город на щит. Новый Торг сожгли, а людей, коней и скот погнали в суздальское ополье.

Отправив полон на берега Клязьмы и Нерли, Всеволод Юрьевич с дружиной поехал к еще одному новгородскому городу — Волоку на Ламе. Скоро вокруг высокого крутобокого холма, увенчанного волоколамским детинцем и обведенного руслом Ламы, запылало жито. В Волоке Ламском схватили племянника Всеволода Ярослава Мстиславовича.

По приезде в Новгород деятельный Мстислав Храбрый решил выступить в поход на чудь. Собрали двадцать тысяч воинов и пошли на Чудское озеро.

По возвращении Мстислав заехал в Псков. Тут князь «изыма» сотского своего племянника (Мстислава Романовича) Бориса. Тот пришелся не по нраву северянам.

Когда зима миновала, Мстислав Ростиславович в Новгороде не усидел и выступил в Полоцк на своего зятя Всеслава Васильковича. Новгородцы припомнили полочанам давний поход Всеслава Брячиславовича и грабеж церквей, и то, что полоцкий князь «погость одинъ завель» на их земле.

Мстислав Ростиславович решил давнюю обиду «оправити» и подошел к Великим Лукам.

Когда о том узнал сидевший в Смоленске Роман Ростиславович, он поспешил отправить в Полоцк помощь от брата, послав сына Мстислава (Бориса). А в Великие Луки приехали послы из Смоленска. Они сказали, что обиды у Мстислава на полоцкого князя быть не может, но коли он идет на Полоцк, то прежде пусть идет на Смоленск.

Мстислав Ростиславович, не желая ссоры со старшим братом, от Лук повернул к Новгороду. На Волхове князь разболелся, от него уходили силы и отнимался язык. Перед кончиной Мстислав поручил сыновей заботам Бориса Захарьевича и братьев. 13 июня 1179 г. Мстислав Ростиславович Храбрый, правнук Мономаха, скончался. Хоронили князя епископ Илья и все новгородцы. Мстислава положили рядом с сыном Ярослава Мудрого Владимиром, строителем новгородской Софии. Новгородцы искренне плакали по Мстиславу Храброму. Это был настоящий южнорусский князь, для которого год, прошедший без похода, казался наказанием. И плакали о храбром князе не только в Новгороде, но и в Киеве и на берегах реки Рось.

В 1179 г. Святослав Всеволодович привез сыну Всеволоду жену из Польши — «Казимерноу». Ольговичи пытались этим браком найти опору на правом берегу Днепра. А с Владимиром-на-Клязьме Ольговичи завязали еще один брачный узел. Всеволод Юрьевич пригласил к себе племянника великого князя Владимира Святославовича и выдал за него свою племянницу, дочь покойного брата Михалка.

А в Старой Рязани в 1179 г. скончалась супруга погибшего на Клязьме Глеба Ростиславовича.

К Переяславлю в 1179 г. подошел половецкий князь Кончак.

Святослав Всеволодович в ту пору стоял на Днепре, ниже Треполья, поджидая из Смоленска помощи. Сюда из Переяславля пришла весть о том, что половцы воюют под городом.

Русские полки перешли за реку Сулу и стали у «городища. Лоукомля». Узнав о том, половцы поспешили в степь.

16 января 1179 г. скончался Олег Святославович. Его город Новгород-Северский занял брат Игорь. В Чернигове же сидел Ярослав Всеволодович. Этот князь, следуя политике Ольговичей, направленной на союз с потомками Долгорукого, 2 ноября 1179 г. отдал дочь за сына отравленного ранее в Киеве Глеба Юрьевича — за Владимира, сидевшего в Переяславле.

В 1180 г. Святослав Всеволодович собрал Ольговичей в Любече. А в Киеве, на горах, загорелись дворы. Пламя коснулось и св. Софии. Всеволод Юрьевич повел с рязанскими князьями, детьми покойного Глеба Ростиславовича, спор за волость вокруг Коломны при устье реки Москвы. Святослав Всеволодович в споре принял сторону рязанцев и послал им в помощь сына Глеба.

Всеволод Юрьевич пригласил князя к себе. Глеб Святославович ехать не хотел, но все же поехал и оказался в оковах. Скоро Глеба в санях везли во Владимир-на-Клязьме. А под Коломной переловили пришедшую из Чернигова дружину.

Когда стража Романа Глебовича, перейдя Оку, встретила с суздальцами, рязанцы побежали и частично были перебиты, частично пленены, а частично утонули. Роман Глебович скрылся в степи к югу от Старой Рязани. В городе остались его братья Игорь и Святослав. Всеволод Юрьевич взял приокский город Борисов-Глебов и, подойдя к Старой Рязани, принудил местных князей «целовать к нему крест на всей его (Всеволода) воле».

Когда о том стало известно в Киеве, Святослав Всеволодович «располося гневомъ и раждься яростью». Но гнев был отчасти порожден бессилием сидевшего в Киеве князя. По пригородам столицы сидели Ростиславовичи (смоленские), и сила великого князя ограничивалась его собственной дружиной.

Как раз в то время Давид Ростиславович с княгиней плавал в ладье под Вышгородом вдоль правого берега Днепра, ловя рыбу. А напротив, на левой черниговской стороне Днепра, ловил рыбу Святослав Всеволодович. И вот князь, посоветовавшись с супругой и с «Кочкарень, милостьникомъ своимъ» и не сообщив о своем намерении «моужемъ своимъ лепшимъ», устремился к правому берегу Днепра, стремясь схватить Давида Ростиславовича.

Давид едва успел прыгнуть в ладью и с княгиней отплыть от берега, где уже грабили его товары и хватали дружину. Стрельба по ладье не дала результата. Тогда Святослав Всеволодович поспешил к Вышгороду, но и там не обнаружил Давида.

Вслед за тем уже сам Святослав Всеволодович почувствовал себя на правом берегу Днепра неуютно и поспешил в Чернигов. Там князь собрал всех Ольговичей и сел с ними думать, куда идти — то ли к Киеву, то ли к Смоленску.

А Давид Ростиславович сидел у брата (Рюрика) в Белгороде и рассказывал дикую историю, произошедшую на Днепре. Подумав, Ростиславовичи решили действовать решительно. Вскоре в Киеве уже сидел Рюрик Ростиславович, а с Волыни к нему ехали двоюродные племянники — Всеволод и Ингвар (дети Ярослава Изяславовича, сидевшего в Луцке). От Ярослава Осмомысла также шла помощь с «Тоудоромъ съ Гальчичемъ». В Смоленск за помощью от брата Романа поехал счастливо спасшийся Давид Ростиславович. Когда князь стоял на «Сковъшине бороу», ему пришла весть о кончине Романа Ростиславовича. Давид искренне и горько заплакал и поспешил к Смоленску. Отпевал Романа епископ Константин. Над гробом князя в соборе, венчавшем смоленскую гору подобно драгоценной шапке Мономаха, рыдала безутешная княгиня. Сквозь слезы она говорила и то, что ее супруг «многия досады прия от Смолнянь» и был так добр и терпелив, что против их «злоу» зла им не воздал.

Видимо, дорожили свободой на Руси не только новгородцы и ростовцы, но и смоляне. Князь же тем городам был нужен лишь потому, что существовало множество иных князей, алчность которых нередко оборачивалась сгоревшими городами и порубленными или полоненными жителями.

Роман Ростиславович создал в Смоленске каменную церковь св. Иоанна. Когда в Киеве Рюрик Ростиславович оплакивал старшего брата, в Чернигове Святослав Всеволодович собирал полки Ольговичей и поджидал половцев.

Однако пошел Святослав Всеволодович не к Киеву, а к Суздалью. Отцу хотелось выволить из неволи сына Глеба. Стеречь Чернигов остались родной брат князя Ярослав Всеволодович и двоюродный брат Игорь Святославович. Разделили и половецкую силу: часть пошла к Суздалью, а часть осталась на Десне.

В походе участвовал и племянник Всеволода Юрьевича Ярополк Ростиславович. Это был еще один князь-изгой, искавший убежища у врагов своих родственников.

На пути к Святославу Всеволодовичу из Новгорода, имевшего давние счеты с Суздаlem, подошел княживший в том городе сын Владимир Святославович. Этот князь сменил в Новгороде Мстислава Ростиславовича Храброго, и в том была железная логика новгородцев, ибо отец Владимира сидел в Киеве.

Всеволод Юрьевич собрал свои силы, вызвал полки из не смевших ослушаться Рязани и Мурома и встретил черниговского князя на «Велни реце». Силы Суздаля стали на высоком берегу реки.

Спустя две недели Всеволод Юрьевич послал на противоположный берег рязанских князей. Те перетопили и потоптали «товарь» черниговского князя. Но вскоре Святослав Всеволодович собрал силы и ударил по рязанцам. Те едва успели уйти. В стычке схватили рязанского боярина «Ивора Мирославича».

Наконец Святослав Всеволодович послал попа к Всеволоду Юрьевичу. Князь предлагал сыну Долгорукого либо отступить от реки и дать Святославу Всеволодовичу перейти реку, а там как бог рассудит, либо Юрьевичу перейти реку.

Всеволод Юрьевич попа схватил, отправил во Владимир-на-Клязьме и ответа не дал.

Тем временем близилась весна. Святослав Всеволодович «оублюдъся теплыни» пошел из Суздальской земли, спеша, пока не вскрылись реки. Суздальцы взяли много добра в покинутом стане, но преследовать неприятеля не стали.

Святослав Всеволодович с досады сжег город «Дмитровъ» и поехал, взяв сына Владимира, в Новгород. Братия князя пошла в Южную Русь.

Пока Святослав Всеволодович ходил выволять сына в дикие леса в междуречье Оки и Волги, оставшиеся в Чернигове братья времени даром не теряли. Князья задумали идти в поход к «Дрютьскоу», взяв с собой и половцев с их князьями Кобяком и Кончаком. Стеречь Чернигов

Ольговичи оставили Всеволода Святославовича (брата Игоря) и Олега Святославовича.

В полоцкой земле у Ольговичей нашлись союзники. Было известно, что с севера от Новгорода к Друцку подступит Святослав Всеволодович. Знал об этом и сидевший в Смоленске Давид Ростиславович. Он поспешил в Друцк с полком на выручку сидевшему в городе князю Глебу Рогволодовичу.

А у Глеба Рогволодовича в полоцкой земле было немало врагов. И пошли к Друцку князья: Брячислав Василькович из Витебска, его брат Всеслав Василькович из Полоцка. Шли с теми князьями и «Либь, и Литва», и «Всеславъ Микоуличъ из Логажеска», и «Андреи Володышичь, и сновець его Изяславъ, и Василко Бряцьславичъ».

Вся полоцкая сила пошла вдоль реки Друть к северу навстречу Святославу Всеволодовичу.

А Давид Ростиславович Смоленский неделю бился через Друть с Ольговичами. Как подошел с севера Святослав Всеволодович, Ольговичи велели ладить гать через реку, желая идти на Давида. Наутро же Давида на противоположном берегу Друти не было. Он поспешил к Смоленску.

Святослав Всеволодович подошел к Друцку, сжег острог, детинца брать не стал (были дела поважнее) и двинулся на Днепр, к Рогачеву. А из Рогачева по Днепру князь поплыл к Киеву.

Под стенами Вышгорода в те дни уже стоял Игорь Святославович с Кончаком и Кобяком.

Когда Рюрик Ростиславович разглядел со старокиевской горы стяги Ольговичей, он покинул город и поехал в Белгород.

В Киев въехал Святослав Всеволодович, и город притих, со страхом глядя из-за заборов дворов на стоящих в лугах, на болонье, половцев — весомую силу Ольговичей.

Пускать в Киев половцев Ольговичи не хотели, и те попросились у Святослава Всеволодовича «лежахоуть» (распасти лошадей и отдохнуть) «по Долобьскоу» с князем Игорем Святославовичем. Половцам позволили.

Узнал о том Давид Ростиславович. И послал князь на половцев своего двоюродного брата Мстислава Владимировича с черными клобуками. Отправил в поход Давид и своего воеводу Лазаря с молодежью, и «Бориса Захарьинича со Сдеславомъ со Жирославичемъ» из Треполья.

Половцы не ожидали нападения и «лежахоуть без боязни».

Черные клобуки, почуяв поживу, не слушая русских воевод, кинулись в «товары» половцев. Скоро черные клобуки, получив отпор, побежали прочь, и оттого «возмятошася» дружина Мстислава Владимировича.

Но дело спасли воеводы Лазарь, стоявший с полком Рюрика Ростиславовича, и Борис Захарьевич и Сдеслав Жирославович. Они и ударили по половцам как следует. Многие из степняков утонули в речке «Черторьи». Когда Игорь Святославович увидел, что половцы бегут, он вскочил с Кончаком в ладью и поплыл к Городцу Остерскому и далее к Чернигову.

В скоротечном сражении погибло немало половецкой знати. Называют «Козла Сотановича, и Елтоута, Кончакова брата, и два Кончаковича яша, и Тотоура, и... кобоу, и Коунячука батого, и Чугая».

Отполонили и немало христиан. Интересно, ведь Игорь Святославович стоял с половцами в одном стане и спокойно созерцал тот полон.

Несмотря на победу, Ростиславовичи решили оставить Ольговичам Киев, но удержать за собой всю «роускою» землю, то есть окрестности Киева. Ругался Рюрик Ростиславович на своего двоюродного брата Мстислава Владимировича, говоря, что если бы не бояре — быть беде. Рюрик отобрал у того князя Треполье и отдал город Ольговичам.

Всеволод Юрьевич отпустил из заточения в Суздале сына Святослава Всеволодовича Глеба и помирился с Ольговичами. Мир скрепили свадьбой Мстислава Святославича с «Ясынью». Это была Всеволода Юрьевича «свесть».

А Глеба Святославовича женили на дочери Рюрика Ростиславовича, сидевшего в Белгороде. Свадьбы играли в начале 1182 г.

На севере Руси тем временем все складывалось не так гладко. В Новгороде сидел сын Святослава Всеволодовича Владимир. В Новый Торг новгородцы посадили Ярополка (Ростиславовича — внука Долгорукого). Этот князь принялся громить приволжские волости своего дяди Всеволода Юрьевича. Вскоре Всеволод осадил Новый Торг. После месячной осады город сдался. Жителей увели в полон, а Ярополка (Ростиславовича) «яша». Спустя немного времени новоторжцев отпустили обратно в их город. Причиной милости мог быть стратегический союз Ольговичей с Юрьевичами.

Поход на Волжскую Булгарию

В 1182 г. (по Лаврентьевской летописи — в 1184 г.) Всеволод Юрьевич выступил в поход на Волжскую Булгарию. Святослав Всеволодович в помощь прислал сына Владимира.

Из Старой Рязани, не смея ослушаться, выехали дети погибшего на Клязьме Глеба Роман, Игорь, Всеволод и Владимир. Из Мурома вышел Владимир Юрьевич, принадлежавший муромской ветви потомков Ярослава Святославовича Рязанского. Шел в тот поход на болгар и Мстислав Давидович (сын Давида Ростиславовича, сидевшего в Белгороде).

Подошел полк с Белого озера. Он спустился к Волге руслом рек Шексны и Мологи.

Шли по Волге в ладьях. Доплыв до острова «Исади», расположенного против устья реки «Цевце», войско высадилось на берег. Там же оставили «насады и галее» (суда). Охранять их поставили полк белозерцев с воеводами Фомой Назаковичем, Дорожаем и иными.

Полки пошли берегом Волги и на два дня стали у Тухчина-городка. Впереди располагалась столица «Серьбреныхъ Болгарь» — Великий Булгар. Это был крупный торговый город на средней Волге при устье Камы.

Когда Всеволод Юрьевич пытался сообразить, как тем городом овладеть, к нему приехали гонцы от половцев. Они передали, что на помощь князю воевать с булгарами пришли «половцы Емакове».

Вскоре началась осада Великого Булгара. Внук Долгорукого Изяслав Глебович (племянник Всеволода) с дружиной поспешил к городским воротам, где неприятель сделал вылазку. Тут князь изломил копье, и его под сердце через бронь ударила стрела.

Князя привезли в лагерь, и вскоре он скончался.

А болгары, узнав, где русь оставила ладьи, пошли вверх по Волге в лодках, а из «Торцьскаго» на лошадях на ладьи, охранявшиеся белозерским полком.

Только маневр оказался для болгар неудачным. Более тысячи их воинов утонуло в Волге. Многих побили белозерцы. Видимо, болгары, а шло их к ладьям около пяти тысяч, не ожидали встретить столь мощный заслон.

Взять столицу Волжской Булгарии Всеволод Юрьевич не сумел. А по возвращении во Владимир-на-Клязьме схоронил племянника в златоглавом Успенском соборе.

24 июня 1182 г. в Печерской обители под Киевом скончался игумен Поликарп. В свое время игумен схоронил немало князей и мог многое поведать об истории Южной Руси XII в.

После его смерти братия не могла избрать нового игумена. Наконец ударили «в било» и, сойдясь в храме на молитву, решили послать к «Васильеви попови на Щьковицу». Поп Василий был изумлен, когда выслушал просьбу монахов.

Скоро на пострижение Василия съехались митрополит «Микифоръ», епископ туровский Лаврентий, полоцкий епископ Никола и все игумены.

Интересно: если в Киево-Печерском монастыре в 1182 г. били не в колокола, а в «било», то когда же на Руси появились колокола? Следует отметить и еще одно. В Западной Европе раскачивают колокол и тем добиваются звона. А на Руси поступили иначе. Тут стали раскачивать язык колокола, и звон приобрел совсем иное звучание, а колокола на русских звонницах достигли колоссальных размеров. Соответственно мощь и тональность колокольного боя были на Руси отличны от западноевропейских.

В конце зимы половцы с Кончаком и с «Глебомъ Тириевичемъ» приходили воевать к «Дмитрову».

Святослав Всеволодович со сватом Рюриком Ростиславовичем стал у «Олжичъ», ожидая из Чернигова Ярослава Всеволодовича. Когда Ярослав приехал, он и присоветовал князьям не идти на половцев зимой, но дожждаться лета.

Весной 1183 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович послали на половцев молодых князей Игоря Святославовича Северского и Владимира Глебовича (Рязанского), который просил Игоря с киевским полком идти впереди, говоря, что князья русские «на передке ездити в Роуской земли». Игорь на то не согласился, а Владимир разгневался, из похода вернулся, да еще пограбил северские города.

Тогда Игорь Святославович отправил киевский полк в столицу, послав с ним двоюродного племянника Олега Святославовича, а сам стал собирать собственные силы.

С Игорем Святославовичем в степь поехали брат Всеволод Святославович, князья Андрей и Роман (непонятно, кто именно) и черные клобуки с «Коульюремъ и с Коунътоувдеемъ».

Ночью полки Игоря подошли к реке «Хырии». Накануне прошел обильный дождь. Река разлилась, и бежавшие от Игоря половцы потопили множество скота в «Хырии».

В 1183 г. скончался полоцкий епископ Дионисий. Скончался вскоре и ростовский епископ Леон. В Киеве на епископскую кафедру Ростова поставили Николая. И был он «Гречинъ».

А у Всеволода Юрьевича на это был свой взгляд. Николая он не принял и отправил в Киев к митрополиту Никифору на утверждение своего кандидата — смиренного игумена Луку (из монастыря св. Спаса на Берестове). Митрополит Никифор утвердил Луку с большой неохотой под нажимом Святослава Всеволодовича и Всеволода Юрьевича.

11 марта 1183 г. (1185 г. по Лаврентьевскому списку) в Киеве была проведена пышная служба — хиротония, на которой кроткого игумена Луку посвятили в епископы Ростова, Суздаля и Владимира-на-Клязьме.

А 18 апреля 1183 г. (1185 г. по Лаврентьевскому списку) Владимир-на-Клязьме едва не весь сгорел. Пламя не пощадило нескольких десятков церквей и Успенского златоглавого собора. Белокаменное здание занялось огнем с крыши, видно, силен был ветер и стояла сухая погода. Народ кинулся выносить из объятых пламенем помещений книги, куны, паволоки, золотые и серебряные сосуды. Пытались спасти горожане и «портъ», расшитые золотом и жемчугом, которые по праздникам вешали в две «верви» от Золотых ворот города до сеней владыки. Но

пламя ничего не щадило, пожирая сокровища со скоростью ветра и с жадностью голодного волка.

А летом 1183 г. (1185 г. по Лаврентьевскому списку) русские князья решили выступить в поход на половцев, как и замыслили зимой в Ольжичах. Из Киева послали гонцов к «окольные кнзи». Вскоре отовсюду на средний Днепр пошли полки.

Из Переяславля выехал Владимир Глебович (внук Долгорукого).

Из Луцка вынесли стяги Всеволода Ярославовича и его брата Мстислава.

Из смоленских земель подходили Мстислав Романович и Изяслав Давидович.

Шел «Городеньский Мъстиславъ» (неясно, кто).

Из Пинска выехал Ярослав, а из Турова и Дубровиц — Глеб Юрьевичи (правнуки Святополка II).

Из Галича шла помощь от Ярослава Осмомысла. Воистину смьшленным был этот князь, ибо редко выезжал из своей волости, отсылая в походы полки во главе с воеводами. Впрочем, Осмомысл и не мог выезжать из Галича, не рискуя потерять стол.

В поход вышли сыновья Святослава Всеволодовича Мстислав и Глеб. Собирался в степь и Рюрик Ростиславович. Подходили к Киеву полки с Волыни, из Луцка и Владимира-Волынского. И с ними подходил князь Мстислав Владимирович (ранее лишившийся Треполя).

Не спешили в поход лишь Ольговичи. Они сослались на то, что боятся оставить свою землю «поусты», но обещали подойти к Суле. Святослава Всеволодовича едва ли обрадовали тем братья и племянники.

Русские полки спустились по правому высокому берегу Днепра до брода, именуемого «Инжирь», и перешли на левый берег реки.

Искать половцев в степь послали молодых князей, дав им в помощь две тысячи сто берендеев. Половцы, завидев стяги русских князей, побежали.

Когда русские полки стали в местности, именуемой «Ерель» (р. Орель), «его же Роусь зоветь Оуголь» (излучина Днепра), половецкий князь (или, вернее, хан, ибо половцы, судя по именам, были тюрки) Кобяк, решив, что русь отступает, напал на те полки, и началась перестрелка через реку.

Скоро о том доложили Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславовичу, шедшим следом за молодежью. Князья послали к Орели большие полки и поспешили за ними сами.

Когда половцы увидели подошедшую к Орели помощь и решили, что идут Святослав и Рюрик, их стремление сражаться тотчас улетучилось.

Это счастливое для Руси событие произошло 30 июля 1183 г. (1185 г.) в день памяти св. Ивана Воиника.

Схватили в тот день немало половцев, и следует привести их имена, дабы понять, что это был за народ.

«Яша, Кобяка Карлыевича, со двеима снома, Билюковича Изоя, и Товлыя снмъ, и брата его, Бокмиша, Осалоука Барака, Тарха, Данила, и Съдвака, Коулбичкого яша жъ, и Корезя Калотановича тоу, оубиша, и Тарсоука».

Вскоре русские князья с великой честью вернулись в свои города.

В это время в северных землях нашел убежище сын Ярослава Осмомысла Галицкого Владимир, некогда бежавший от отца в Польшу.

Когда Владимира Ярославовича изгнали из Галича, он первым делом приехал во Владимир Волынский к Роману Мстиславовичу. Но князь, испугавшись гнева Осмомысла, не дал страннику у себя «опочити», и вскоре Владимир Ярославович уже стоял у ворот Дорогобужа. Сидевший в том городе Ингвар Ярославович (двоюродный брат Романа) также побоялся принять галицкого гостя.

Далее Владимир Ярославович оказался под стеной Турова, на Припяти. Сидевший в городе Святополк (Юрьевич) также не принял гостя.

Давид Ростиславович не впустил Владимира в Смоленск. И даже в Суздале у Всеволода Юрьевича, могучего владыки Северо-Восточной Руси, беглец из Галиции не смог обрести покоя. Так велик был его отец Ярослав Осмомысл. Никто не желал с ним ссориться.

В конце концов, Владимир Ярославович приехал в «Поутивлю» к «зяти» своему Игорю Святославовичу.

Два года галицкий князь прожил у Игоря. На третий год Игорь сумел помирить Владимира с отцом и провожать князя в Галицию отправил для верности сына Святослава Игоревича (зятя Рюрика Ростиславовича).

В 1183 г. погорел «Городень» (Городец Остерский) от «блистанья молние и шибения грома». Сгорела в городе и каменная церковь.

А 1 января 1183 г. в Киеве на «велицемь дворе» митрополит с духовенством освятил церковь св. Василия. Храм на свои средства воздвиг Святослав Всеволодович. И в честь освящения князь дал пир. На сени княжеских хором пригласили митрополита Никифора, епископов, игуменов и «всь стльский чинъ и Кияны». И было на том пиру великое веселье.

В 1184 г. на Русь к реке Хорол пришел половецкий хан Кончак. Хан привел с собой некоего мужа «бесоурменина иже стреляше. живымъ огньмъ». И был у хана лук-самострел, который едва могли пятьдесят воинов «напрящи».

С Хорола Кончак послал «с лестью» в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу. Князь, поверив Кончаку, послал на Хорол своего мужа «Ольстина Олезча».

Святослав Всеволодович предупредил брата, чтобы не доверял половчину, и выступил совместно с Рюриком Ростиславовичем на Хорол. Вперед князья выслали Владимира Глебовича (из Переяславля) и Мстислава Романовича (из Смоленской волости, впрочем, может, и из-под Киева).

Молодые князья, придя на Хорол, не обнаружили половцев в месте, где те еще недавно стояли. Тогда князья перешли реку и въехали на «шоломя», высматривая неприятеля.

А Кончак стоял «оу лоузе», и ехавшие по «шоломени» князья его минули, не заметив. Но вскоре Кончака увидели, и хотя хан попытался «оутече чересь дорогоу», его «яша». Там же схватили «бесоурменина», у которого был «живыйи огнь». Вскоре пленники предстали перед очами Святослава Всеволодовича, и воины разглядывали попавших им в руки коней и оружие.

Это случилось 1 марта наступившего вместе с новой весной 1185 года.

Впрочем, радость от победы омрачил скорый побег Кончака. В погоню послали «Коунътоугдыя», да без результата.

Ярослав Всеволодович из Чернигова к Хоролу не вышел, сославшись, что послал мужа своего «Ольстина. Олезича» к половцам и на своего мужа поехать не может.

А 21 апреля 1185 г. посланный Святославом Всеволодовичем Роман Нездилович с берендеями взял половецкие вежи и вернулся на Русь с большим полоном и множеством лошадей.

Тогда же Святослав Всеволодович, не чуя худого, поехал к городу «Корачевоу» рядить свои дела.

Поход к Дону князя Игоря Святославовича

23 апреля 1185 г., во вторник, из ворот Новгорода Северского выехал Игорь Святославович. Этот князь был праправнуком Ярослава Мудрого, и от роду ему шел тридцать четвертый год.

Игорь был молод и искал славы.

Из «Трубечка» (Прубчевска) в поход выступил брат Игоря Всеволод. Из Рыльска выехал племянник Игоря Святослав Ольгович. Из Путивля вышел сын Игоря Владимир, а из Чернигова от Ярослава Всеволодовича подошел в помощь полк, шедший под рукой «Ольстина, Олексича, Прохорова внука».

Когда полки подошли к Северскому Донцу, «...тогда Игорь взре на светлое солнце и виде оть чего тьмою вся своя воя прикрыты» («Слово о пълку Игореве...»). Это было солнечное затмение. Муже Игоревы поникли головами и сказали князю: «Се есть не на добро знамение». Этого не мог не понимать и сам Игорь, да только молодость взяла свое, и князь обратился к полкам с речью: «Хошу бо копие приломити конец поля Половецкаго, съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». Скоро Игорь подошел к реке Оскол и два дня там стоял, ожидая брата Всеволода. Этот князь подходил к Осколу от Курска. Встретившись, русские полки подошли к реке «Салнице».

На берегу Сала Игоря встретили его «сторожи», ранее посланные в степь за языком. Они сообщили князю, что впереди ездят ратные люди в доспехах и, надо либо спешить вперед, либо воротиться домой. И еще добавили сторожа князю: «Не наше есть время».

Игорь подумал с братией и решил, что вернуться без сражения срам, хуже смерти. И поехали полки через ночь в глубь степей к Дону. А в ту пору: «Уже бо беды его пасеть птицъ по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ, на кости звери зовуть, лисици брешуть на чръленья щиты» («Слово о пълку Игореве...»).

Наутро в пятницу русские всадники увидели полки половецкие. А впереди, за рекой «Сюоурлия», стояли жены и дети половцев.

Игорь стал со своим полком в центр, по правую руку поставил полк брата Всеволода, а по левую руку стал полк племянника Святослава Ольговича. Впереди Игоря стали его сын Владимир и черниговская помощь с «Ольстиномъ Кооуеве».

Перед русскими полками рассыпалась цепь стрелков.

От половцев выехали лучники и, пустив по стреле, ускакали.

И воины Святослава Ольговича, Владимира Игоревича и Ольстина пришпорили коней и помчались на половцев. Полки же Игоря и Всеволода, не смешивая рядов, двинулись следом.

Вскоре половцы дрогнули и побежали в вежи.

Русские дошли до веж и «ополонились».

В наступившей ночи князья собрались на совет. Возникла идея в ночи отступить. Было известно, что половцы времени даром не теряли и сила у них собиралась немалая. Святослав Ольгович сказал, что его кони, гоняясь за половцами, устали и дорогой он отстанет. То же повторил и Всеволод.

Между тем занялась утренняя заря субботнего дня. В первых лучах солнца взорам русских князей предстало бесчисленное половецкое войско. Игорь, оглядывая ряды неприятеля, сказал братьям, что половцы собрали всех: и «Кончака, и Козоу, Боурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича».

Русичи слезли с коней, говоря, что «убежать то можно, да черные люди (пехота) останутся, а то грех будет». И решили либо умереть, либо остаться живыми в одном месте.

Хотели русские воины, сражаясь пешими, дойти до Дона. А в то утро русские полки стояли

на реке Каяле. Началась битва. Игоря ранили в руку, и она омертвела. А впереди его полка половцы ранили княжеского воеводу, и они же утащили его прочь с поля сражения. Воины Игоря опечалились.

Сеча шла весь субботний день. К вечеру в рядах русских было много раненых и убитых.

На рассвете следующего дня прочь с поля сражения побежали пришедшие из Чернигова «Ковоуеве». Игорь поскакал за ними верхом, желая вернуть. Поняв, что далеко отъехал от своих и узнав, князь снял с головы шлем и поспешил обратно к своему полку. А от бежавших вернулся лишь «Михалко Гюрговичь». Он узнал Игоря.

Вновь началось сражение. Игорь, сидя на коне, наблюдал, как бился с половцами его брат Всеволод. Полк Всеволода стал у озера в круг и молча яростно отбивал атаки степняков, прикрываясь червленными щитами и рубя неприятеля что было сил.

Игорь пожелал скорее умереть, чем увидеть, как падет Всеволод. И тут Игорь вспомнил свой грех. Ранее князь взял на щит город Глебов у Переяславля, и живые в городе завидовали мертвым. Игорь вспомнил, как секли мужей и оскверняли жен, и решил, что на реке Каяле он искупает грех.

Действительно, Ольговичи едва ли не каждый год приводили на Русь половцев и, борясь с князьями, напускали кочевников на русские города и села и опустошали целые волости. И сам Игорь не раз наблюдал, как союзные Ольговичам половцы уводили в степь русский полон. Во многом несчастная битва на реке Каяле была искупительной жертвой Ольговичей, и рано или поздно трагедия должна была произойти, хотя сам Игорь с братом, племянником и сыном были менее всего в том повинны. Это была трагедия для всей Руси.

«Бишася день, бишася другьи, третьего дни къ полуднию падоша стязи Игоревы» («Слово о пълку Игореве...»).

Сражение закончилось, и половцы, разобрав пленных, стали разъезжаться в вежи. Князь Игорь достался «Тарголове моужь» по имени «Чилбоукъ». Всеволода на поле сражения пленил «Романъ Кзичь». Святослава Ольговича в свою вежу повез «Елдечюкъ въ Водоурцевичехъ». Владимира Игоревича повез «Копти в Оулашевичихъ».

Там же, на поле сражения, Кончак поручился «по свата Игоря», указав на его рану. Чилбоук не посмел отказать хану.

Немногие из пришедших с Руси к реке Каяле сумели уйти со страшного поля. И все же, когда Святослав Всеволодович пришел из Корачева, где он собирал воинов для летнего похода на Дон, к Новгороду-Северскому, Ольговичи сообщили старейшему брату о произошедшей трагедии.

Многие новости разносили купцы. Они были желанными гостями повсюду, и именно их свидетельства нередко были самыми свежими и достоверными.

Игорь Святославович был честолюбив и ушел в поход к Дону тайно, наверняка зная, что летом Святослав Всеволодович сам собирался выйти в степь со всей русской силой.

Когда Святослав Всеволодович в ладье из Новгорода-Северского приплыл в Чернигов, его уже ожидал живой свидетель несчастного похода. Это был «Беловолодъ Просовичь». Выслушав его рассказ, Святослав вздохнул, утер слезы и сказал, что дал ему господь «притомити поганья», не смог удержать «оуности», а та своей горячностью «отвориша ворота на Роусьскоую землю».

А в ту пору по берегам реки Сейм «возмятошася городи». По всем волостям вокруг Чернигова, Новгорода-Северского, Курска и Рьльска народ стал хватать князей и избивать их дружины. Те события походили на происходившие в Суздальской земле после гибели Боголюбского. И там, и тут земли остались без твердой княжеской власти, к тому же многие из простых (черных) людей не вернулись из похода, да еще вспомнились стародавние застарелые

обиды на власть, и начались восстания.

Тушить пожар Святослав Всеволодович на Сейм отправил сыновей Олега и Владимира. А в Смоленск к Давиду Ростиславовичу Святослав послал сказать, чтобы шел князь на половцев да постерег русскую землю. Давид спустился вниз по Днепру и стал у Треполя.

«Изрядил» свой полк в Чернигове и Ярослав Всеволодович.

А тем временем у половцев, возгордившихся победой над Игорем, шел спор: идти ли к Киеву (и за то выступал Кончак) или идти на Сейм, где жены и дети остались без защиты и был готовый полон. Боняк и Кза настаивали на походе на Сейм. В конце концов, силы половцев разделились на две, и Кончак подступил к Переяславлю, осадил город и день бился под его стенами. Сидевший в Переяславле Владимир Глебович (внук Долгорукого) был «дерзь и крьпокъ. к рати». Князь выехал в поле с немногими дружинниками и стал биться с половцами. Когда из города увидели, что князя обступили отовсюду, ворота распахнулись, вышла помощь и князя «отяша». А Владимир уже был ранен тремя копьями.

Из Переяславля к Святославу Всеволодовичу и Давиду Ростиславовичу поспешили гонцы, прося помощи. Святослав послал к Давиду в Треполье. Стоявшие в том городе смоляне собрали вече и заявили князю, чтобы шли до Киева, и если надо, то сражались бы. А иных битв им не нужно «оуже ся есмы изнемогле». Но помощь к Переяславлю все же шла. Когда половцы увидели, что Днепр переходят полки, над которыми развивались стяги Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича, они сняли осаду с Переяславля и двинулись в степь.

Отступая, половцы остановились у города Римов. И произошло несчастье. Горожане затворились в городе и сидели на деревянных городнях, глядя за ров на неприятеля. Две городни, представлявшие собой деревянные срубы, «летеста» с вала «к ратнымъ». Это был дурной знак, и горожан объял ужас.

Часть горожан, вышедшая из крепости и бившаяся по «Римьскомоу болотоу», сумела «избыша плена» (избежать плена). Те же, кто сидел в городе, «вси взяти быша».

Помощь, которую просил Владимир Глебович, двигалась медленно, ибо Святослав и Рюрик «опоздися сжидающе Двда Смолняны», и Римову никто помочь не сумел.

А вторая половецкая орда под началом Кза пожгла острог вокруг Путивля и повоевала села по Сейму.

Но вернемся к князю Игорю Святославовичу. Половцы приставили к нему пятнадцать своих сыновей — «сторожовъ». Кроме того, у князя было пять слуг.

Воли Игорю дали, сколько желал. Сторожа исполняли все его приказы, но следовали за князем повсюду неотступно.

Привезли Игорю и попа из «Роуси» со «стою слоужбою».

И ездил князь Игорь по степи с ястребом на плече или на руке, охотясь на дикую живность. А было ее в изобилии.

А над Сеймом на забороле крепостной стены в Путивле стояла супруга Игоря, княгиня Ярославна, и, плача и всматриваясь в неоглядные заречные дали, говорила: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычещи хиновьские стрелки на своєю нетрудною крилюю на моя лады вой? Мало ли ти бяшетъ горе подъ облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развел».

Наступал новый день, и снова Ярославна выходила на заборолу путивльского детинца и, плача, говорила: «О Днепре Словутицу! Ты пробиль еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеяль еси на себе Святослави носады до пльку Кобякова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

И слезы Ярославны помогли Игорю. Среди половцев нашелся один по имени «Лаворъ». Этот человек предложил Игорю бежать на Русь. Князю мысль в сознание запала, но доверия к

половцу у него не было.

Около Игоря находились его конюх и сын тысяцкого. Они и стали уговаривать князя пойти в Русь. Сказали Игорю и о том, что вернувшиеся из похода под Переяславль и Путивль половцы, по слухам, хотят убить князя и всю русь. И не будет Игорю с того «ни славы, ни живота».

Игорь тому поверил и «оуполошас» возвращения половцев с Руси.

С заходом солнца князь послал к «Лаврови» своего конюшого передать, чтобы тот с конем ждал Игоря за рекой «Тора».

Ночью сторожа Игоря напильсь «коумыза». Когда к Игорю подошел конюший и сказал, что «Лаворъ» его ждет за рекой, князь затрепетал, и неизвестно, чего более было в его душе — страха или нетерпения. Игорь перекрестился на образ и, подняв полог шатра, оказался под звездами.

Сторожа его, решив, что князь спит, безмятежно играли и веселились. Игорь перешел реку, сел на коня и пошел сквозь вежи.

Одиннадцать дней Игорь шел «пешь» до русского города Донца, в верховья Северского Донца. Ехать верхом по степи было слишком опасно. Князя могли заметить и поймать. И пришлось Игорю днем таиться по оврагам и двигаться, скрываясь в густой траве и в зарослях кустарника и приречных рощ, а ночью, ориентируясь по севшему солнцу, а быть может, и по звездам и луне, спешить к Донцу.

«А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, вввръжесе на бръзь комонь и скочи съ него бусымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подь мылами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине» («Слово...»).

Из Донца Игорь Святославович приехал в Новгород-Северский. И были возвращению князя искренне рады на Руси.

Однако города в Посеймье волновались, и Игорь попросил помощи из Чернигова. Ярослав Всеволодович помощь обещал.

Скоро Игоря встречали в Чернигове, а спустя немного времени князь ехал по Боричеву спуску Киева «къ святей Богородици Пирогощеи». И были рады Игорю Святослав Всеволодович и сват Рюрик Ростиславович.

В 1186 г. в Чернигове была освещена церковь Благовещения. Строилась она на средства Святослава Всеволодовича.

А Всеволод Юрьевич в 1186 г. организовал новый поход на волжских булгар. Вниз по Волге отправились жители Городца (Волжского) во главе с княжескими воеводами. Вернулись из похода с большим полоном.

Новгородцы тем временем изгнали сидевшего у них Ярослава Владимировича (сын Владимира Мстиславовича?) и пригласили представлявшего весомую силу в Южной Руси Мстислава Давидовича.

Главные же события на Руси в 1186 г. произошли на рязанской земле. Дети покойного Глеба Ростиславовича перессорились друг с другом. Старшие сыновья Роман, Игорь и Владимир поднялись на младших братьев Всеволода и Святослава.

Зимой 1186 г. собрался Давид Ростиславович идти со смолянами в поход на Полоцк. Из Новгорода к Полоцку должен был выйти его сын Мстислав. Собирались идти к Полоцку и отдельные князья местной линии (потомки Всеслава Брячиславовича). Из Логожска должен был выступить Василий Владимирович, а из союзного Смоленску Друцка Всеслав (Васильевич). Мелкие князья полоцкой земли боролись за первенство. Смоленск же, вмешиваясь в споры, стремился утвердить собственное влияние на Западной Двине. Эта река в XII–XIII вв. имела весьма большое значение для смолян, ибо через нее шла торговля с балтийским островом Готланд и с городами Германии и Поморий.

Полочане, решив не пустить смолян и новгородцев в свою волость, вышли к межам и, поклонившись и одарив пришедших, «урядились с ними без рати».

Во многом схожая с полоцкой история в 1186 г. произошла в некогда бывшей Черниговской волостью рязанской земле. Дети покойного Глеба Ростиславовича перессорились, деля земли и города друг с другом. Старшие Роман, Игорь и Владимир поднялись на младших братьев Всеволода и Святослава. Первые стали «твердить» Старую Рязань, вторые затворились в Пронске. Стали князья отвоевывать села друг друга.

Скоро о том узнал Всеволод Юрьевич и поспешил отправить послов в Старую Рязань на увещевание Романа, Игоря и Владимира. Однако мир не водворился.

В ворота Владимира-на-Клязьме въехали послы из Пронска. Они передали Всеволоду Юрьевичу, что младшие братья Всеволод и Святослав просят у него помощи. С берегов Клязьмы в Пронск прибыло триста дружинников в помощь.

Когда о том узнали в Старой Рязани, Пронск взяли в осаду и стали биться через ров.

Всеволод Юрьевич озаботился более прежнего и выслал в помощь Пронску свояка (Ярослава Владимировича, изгнанного из Новгорода) и князей из Мурома Владимира и Давида Юрьевичей.

Когда помощь стояла у Коломны, Роман, Игорь и Владимир, устранившись, сняли осаду с Пронска и поспешили к Старой Рязани.

В 1187 г. в ростово-суздальских землях была «болезнь силна». Не было во всем крае ни одного двора без больного. А во многих избах некому было и воды подать.

А в Ростове епископ Лука расписывал церковь Богородицы.

В конце 1187 г. Всеволод Юрьевич решил проучить рязанских князей, надеясь, что на сей раз Ольговичи не прогневаются. С князем Всеволодом Оку перешли его свояк Ярослав Владимирович, муромский князь Владимир Юрьевич и стоявший весь тот год у Коломны Всеволод Глебович.

Пошли к «Попову». Повоевали по Оке села, взяли полон и вернулись зимовать по домам.

В Южной Руси в 1187 г. происходило вот что. 30 июля 1187 г. (1189 г. по Лаврентьевской летописи) Всеволод Юрьевич отдал дочь Верхуславу за сидевшего в Белгороде Рюрика Ростиславовича. Всеволод с супругой ехал провожать дочь в Южную Русь и плакал. Была Верхуслава всего «осми летъ». Молодых венчал епископ Максим в деревянной церкви св. Апостолов в Белгороде.

Была свадьба «велми силноу», каких прежде на Руси не бывало. Одних князей приехало более двадцати. Невесте Рюрик помимо многих даров пожаловал город Брагин на Днестре.

В ту же неделю Рюрик Ростиславович отдал собственную дочь «Ярославоу» за Святослава Игоревича в Новгород-Северский. И были жених и невеста очень молоды.

Кроме того, Игорь Святославович в Новгороде-Северском «сотворил» свадьбу вернувшегося из половецкого плена сына Владимира с «Коньякавною» (дочерью хана Кончака). Венчали Владимира Игоревича с половчанкой и с их «детятель», прижитым в степях на водоразделе между Доном и Днестром.

Когда Святославу Всеволодовичу и его свату Рюрику Ростиславовичу стало известно, что половцы стоят на днепровском броде на «Татинци», князья решили без обоза «изъездомъ» пойти на половцев. Владимир Глебович, выйдя из Переяславля, стал проситься поехать вперед. Святослав Всеволодович впереди желал видеть своих сыновей. Но Рюрик вступился за внука Долгорукого, говоря, что князь этот крепок на рать и всегда стремится на добрые дела.

Спор был напрасным. Половцы бежали за Днепр. А Владимир Глебович, возвращаясь в Переяславль, тяжело занемог. В город его принесли на носилках, и 18 августа 1187 г. (1188 г. по Лаврентьевской летописи) князь скончался. Его положили в соборе Михаила и искренне по князю плакали. О Владимире Глебовиче как о мужественном защитнике «Оукраина много постана». Под Оукраиной следует понимать земли на левобережье среднего Днепра.

В Южной Руси не было житья ни Долгорукому, ни севшему в Киеве вслед за отцом Глебу Юрьевичу, ни их потомку Владимиру Глебовичу.

В мае 1187 г. в Вышгороде скончался Мстислав Давыдович, один из внуков Ростислава Смоленского. Похоронили князя в монастыре св. Федора в Киеве.

Лето 1187 г. было беспокойно. В Поросье воевал половецкий хан Кончак. Он же беспокоил Черниговскую волость.

Зима 1187 г. выдалась необычно суровой. Никто не помнил столь жестоких морозов. Святослав Всеволодович поехал в Чернигов собрать полки Ольговичей к зимнему походу. А Рюрик Ростиславович собрал свои силы.

Снег был так глубок, что русские полки могли двигаться лишь руслом замерзшего Днепра. Когда лентой реки дошли до «Снепорода», то «изъимаша тооржы Половецкые». Тут стало известно, что вежи и стада половецкие находятся у «Голоубого леса».

Ярослав Всеволодович сказал брату Святославу, что идти далее, да еще в сторону от Днепра, не может, ибо земля его «далече», а дружина «изнемоглася».

Рюрик Ростиславович, напротив, стал настаивать на продолжении похода, говоря, что половцы лежат и их вежи в одном дне пути. Святослав Всеволодович с Рюриком согласился, да

не захотел бросить Ярослава. Полк черниговский был пеш. Так и вернулись русские князья по домам.

В Галиции в 1187 г. (1188 г.) 1 октября скончался Ярослав Владимирович Осмомысл. О князе автор «Слова о полку Игореве» сказал: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперь горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды ряда по Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями...»

На второй день после кончины Ярослава положили в церкви пресвятой Богородицы в Галиче.

Ярослав застроил Галицию городами, церквями и монастырями, и жило княжество под его рукой как самостоятельная держава. Однако от Руси Галиция при Ярославе не отбивалась и угров и ляхов на свои земли не пускала.

Чувствуя скорую кончину, Ярослав собрал бояр и духовенство, покаялся в грехах и велел раздать имущество. И три дня по всему Галичу княжеские мужи раздавали золото и серебро.

Осмомысл, умирая, завещал галицкий стол младшему сыну Олегу, прижитому от сожженной горожанами наложницы. Старшему Владимиру Осмомысл давал Перемышль.

На том Владимира и галицких бояр водили целовать крест. Осмомысл надеялся оградить любимого Олега Настасьича от бед, да тщетно.

Не успело тело Ярослава остыть, как Галицию охватил мятеж. Олег Настасьич едва убежал в Овруч, к Рюрику Ростиславовичу. А на столе в Галиче сел Владимир Ярославович.

А у Рюрика Ростиславовича в 1187 г. родился сын Владимир, в крещении нареченный Димитрием.

В конце 1187 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович отправили в степь за Днепр на половцев воеводу «Романа Нездиловича» с черными клобуками. Однако половцы, бросив вежи, поспешили «в Доунай».

В 1188 г. в Галиции не было покоя. Владимир Ярославович оказался «любезнивъ питию многомоу». Мало того, Владимир «поя оу попа женоу» и стал с поповной жить как с супругой. От этой женщины у Владимира было два сына.

Понятно, что при такой жизни Владимир Ярославович избегал советов своих мужей, ибо едва ли кто одобрял его поступки.

За всем внимательно следил Роман Мстиславович (сын Мстислава II Изяславовича), сидевший во Владимире-Волынском. Прежде всего он выдал свою дочь за старшего сына Владимира Ярославовича Галицкого. И в том был дальний расчет. Проявлял интерес Роман Мстиславович и к настроениям галичан. Те же не уставали возмущаться Владимиром «через его женолюбие», ибо где «оулюбивъ женоу или чью дочерь. поимашеть насильемъ».

Начал Роман Мстиславович слать к галичанам «без опасы», призывая их изгнать беспутного князя, а его пригласить в Галич.

Галичане собрались с силами, поцеловали к Роману крест и восстали против Владимира. Но ни схватить, ни убить Владимира галичане не решались. Побаивались мести сторонников князя.

Наконец послали к Владимиру сказать, что восстали не против него, но потому, что «не хочемъ кланятися попадьи».

Владимир Ярославович не сомневался, что галичане при первой возможности расправятся с его попадьей, как в свое время расправились с любовницей его отца. И собрав какое мог золото и серебро, взяв попадью, двух сыновей и дружину, Владимир Ярославович поехал в Венгрию, ко

двору короля Бела III (1173–1196).

Галичане успели лишь отнять «Романовноу Федороу» (дочь Романа Мстиславича) у Владимира.

Скоро об отъезде галицкого князя в Венгрию стало известно во Владимире-Волыньском. Роман Мстиславович дал свой город младшему брату Всеволоду, сказав, что «боле ми того не надобе», и поспешил в Галич.

Однако просидел Роман в галицком детинце недолго. Скоро князю сообщили, что Бела III с войском стоит по другую сторону Карпат. Роман, взяв какой мог «добытокъ Володимерь», поспешил к Владимиру-Волыньскому. Поехали на Волынь с Романом и многие галичане.

Но Романа ожидала новая неприятность — его брат Всеволод затворился во Владимире-Волыньском и ворот города отпирать не собирался. (Мы помним историю с Изяславом Давыдовичем, опрометчиво оставившим, уходя в Киев, свою «очину» — Чернигов — Ольговичам, да так туда более и не попавшим.)

Роман отправил жену в Овруч «с Галичаньками» по дороге через Пинск под опеку Рюрика Ростиславовича, а сам поехал за помощью в Польшу.

Однако в Польше помогать Роману не стали, и поехал князь в Белгород к Рюрику Ростиславовичу, своему тестю.

Когда Бела III вошел в Галич, то первым делом посадил на стол своего сына Андрея и «даде весь нарядъ Галичанамъ». А Владимира Ярославовича Бела III увез назад в Венгрию. Да еще король «ноужею отима добытокъ» (то есть доход, поступавший от налогов) у Владимира.

В Венгрии король посадил Владимира Ярославовича с поповной «на столпъ» (в башню).

Князь Роман Мстиславович вышел в Галицию и послал вперед в город «Преснескъ». Только город успели занять венгры и противные Роману галичане. И далее Роману в том походе пройти не удалось.

Тогда Роман отпустил брата своей супруги Ростислава (шурина) в Белгород, а сам вновь поехал в Польшу к Казимиру.

И вновь помощь ляхов не пошла Роману впрок. Роман подошел с поляками к Владимиру-Волыньскому. Но Всеволод и не помышлял открыть ворота города. Ляхи уехали домой. А Роман поехал к Рюрику Ростиславовичу в Белгород.

Тесть дал Роману «Торцькьи» (г. Торческ в поросье), а Всеволоду Мстиславовичу пригрозил так, что тот скоро выехал из Владимира-Волыньского и поспешил в свою волость в Белз.

Роман Мстиславович вернулся в свои хоромы в детинце Владимира Волыньского и наверняка некоторое время наслаждался покоем отчих стен.

А на севере Руси в 1188 г. новгородцы попросили у Всеволода Юрьевича его свояка Ярослава Владимировича на княжение. А во Владимире-на-Клязьме 16 февраля был страшный гром. И «зарази двое чади, и храмину зажже» (Лаврентьевская летопись 1188 г.).

В 1189 г. Бела III прислал в Киев к Святославу Всеволодовичу просить сына. Так как речь в значительной степени шла о судьбе Галиции, Святослав Всеволодович, утаив от Рюрика Ростиславовича весть о переговорах, послал к венгерскому королю сына Глеба.

Скоро о том стало известно в Белгороде, и Рюрик Ростиславович отправил к Беле III Святослава Владимировича (сына то ли Владимира Мстиславовича, то ли Владимира Андреевича). Тогда же Рюрик стал слать с упреком к Святославу Всеволодовичу. В спор князей вступил митрополит и заметил, что, чем препираться, лучше бы отняли у венгров свою «отчину» — Галицию.

Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович с сыновьями и братьями выступили было к Галичу, да скоро вернулись, «не урядившись о волостях». Святослав предлагал Галич Рюрику

за земли вокруг Киева (гг. Белгород, Вышгород, Торческ и пр.). Рюрик же того не желал.

А в ту пору в Смоленске, при дворе Давида Ростиславовича жил сын галицкого изгоя Ивана Ростиславовича Берладника по имени Ростислав (в честь деда). К нему послали галичане гонцов, прося идти на княжение. Долго Ростислава Ивановича уговаривать не пришлось, и скоро он стоял на «Оукраине Галичькой», заняв два города.

Но галичане не были едины в отношении Ростислава Ивановича. Те, чьи дети и братья служили Андрею Венгерскому, стояли за королевича.

Узнав о распрях в Галиции, Бела III послал военную помощь в Галич. А Андрей без устали водил галицких бояр к кресту на присягу.

Когда Ростислав Иванович подъехал к стенам Галича, надеясь, что народ, побросав стяги, кинется под его руку, пришедшие с ним люди поняли, что дело неладно. Стали говорить Ростиславу о лести галичан. Многие из тех, кто ехал с князем от Смоленска, уехали прочь. Но Ростислав сказал, что, чем блудить в чужих землях, лучше сложить голову в своей. И поехал князь к галицким полкам, оставив свою немногочисленную дружину. Галичане и венгры обступили Ростислава и «сбодоша» его с коня.

Еле живого Ростислава Ивановича на руках внесли в Галич. Горожане «возмятошася. хотяче и изотяти». Венгры напугались и приложили «зелье смртьное» к ранам Ростислава.

Упокоили Ростислава Ивановича в церкви монастыря св. Иоанна.

Венгры, поняв, что без приглашения галичан Ростислав бы не появился, начали мстить горожанам. От мужей стали отнимать жен и дочерей «на постеле к себе». А в «божницахъ почаша кони ставляти». Галичане пожалели, что выгнали своего беспутного князя, пьяницу Владимира Ярославовича.

А на другом конце Руси, в Суздальском Ополе, 10 ноября 1189 г. (по Лаврентьевскому списку) скончался епископ Лука. 11 ноября Всеволод Юрьевич с игуменами, монахами и клирошанами положили Луку в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

В 1189 г. 24 сентября у Всеволода Юрьевича умер сын Глеб. И в том же году родился другой сын, названный в крещении Георгием (Юрием) в честь деда Долгорукого. Недаром Всеволода прозвали на Руси Большое гнездо. Дети у этого князя рождались едва ли не ежегодно.

19 апреля 1190 г. скончался Святополк Юрьевич, шурин Рюрика Ростиславовича. Его погребли в Киеве в каменном соборе св. Михаила, построенном его прадедом великим князем Святополком II Изяславовичем в 1093–1113 гг. С кончиной правнуков Святополка II его потомство по мужской линии на Руси фактически пресеклось. Видно, сказала и дурная слава Святополка II. Отшатнулись от его потомков и бояре, и черные люди, и жили они на Руси скромно, кормясь в небольших уделах милостью более жизнеспособных кланов Ярославовичей.

В 1190 г. в Белгороде похоронили епископа Максима, и Рюрик Ростиславович посадил епископом своего духовного отца — игумена св. Михаила «Андреяна Выдобычиского».

А из Суздальской земли в Киев приехали послы от Всеволода Юрьевича просить митрополита Никифора назначить епископом Залесской земли духовника князя Иоана. 23 января 1190 г. в Киеве Иоан был посвящен в епископы. А 25 февраля Иоан уже служил в Ростове Великом.

Сам Всеволод Юрьевич в это время находился там же, в Ростове «в полюдьи» (Лаврентьевская летопись — 1190 г.). Видно, русские князья XII в. не чуждались обычаев русских князей X в. и сами подобно киевскому Игорю каждую зиму, если не находились в военном походе, выходили в полюдье.

Впрочем, Русь Северо-Восточная в XII в. своими объемами едва уступала Руси Южной Киевской IX–XI вв. Только земли ее были севернее, лесистее и климат суровее. Власть же в ней в XII в. была в одних руках. На уделы земля не дробилась, и мощь Владимирской Руси малопомалу сравнялась с мощью Руси Киевской, а позже и превзошла ее.

Но уже в XIII в. дети Всеволода Юрьевича стали дробить Северо-Восточную Русь на отдельные княжества, и их земли стали переживать то же, что и Киевская Русь в XII в., — усобицы и наведение степняков на противников.

Но мы забежали вперед. 10 марта 1190 г. Всеволод Юрьевич выехал из Ростова в Суздаль. И 13 (или 17) марта князь приехал во Владимир-на-Клязьме. Это были вехи зимнего полюдья Всеволода. Ибо 20 февраля 1190 г. у Всеволода родился сын, в крещении нареченный Федором, и «тогда сущю князю великому в Переяславли в полюдьи» (Лаврентьевская летопись — 1190 г.).

Маршрут зимнего полюдья Всеволода Юрьевича получается таков: 23 января 1190 г. — Ростов Великий; 20 февраля — Переяславль Залесский; 10 марта (уже 1191 г.) — вновь Ростов Великий; 13 (или 17) марта, проехав Суздаль, Всеволод вернулся во Владимир-на-Клязьме. А вскоре должны были начать вскрываться реки.

Но вернемся к делам Западной Руси. В 1190 г. они приняли весьма интересный оборот.

Бела III поставил для своего пленника Владимира Ярославовича шатер на вершине башни. С «веже каменое» и осматривал красоты Центральной Европы Владимир, утешаемый попадьей и двумя сыновьями.

Но то был сын Осмомысла, русский князь Ярославович. В одну из ночей Владимир изрезал шатер, свил «оужище» и «свесися» с башни, да не один, а с поповной и детьми. Среди сторожей у Владимира было двое «во приязнь». Эти люди довели князя до Германии.

Когда Генрих VI узнал, что попавший к его двору русский есть не кто иной, как «сестричичь» Всеволода Юрьевича, он принял Владимира с величайшей лаской и честью.

Скоро германский король отправил Владимира к Казимиру Польскому, веля довести князя до Галиции. Владимир Ярославович, стремясь оправдать подобное обхождение, посулил при германском дворе давать церкви (латинской) две тысячи гривен серебра «до года».

Казимир приставил к гостю своего мужа «Миклая» и отправил их в Галич.

Стоит ли говорить, что галичане, заслышав, что Владимир Ярославович близко, тотчас выгнали Андрея Венгерского и с радостью распахнули ворота пусть и перед беспутным, зато своим князем.

Сев в Галиче, Владимир Ярославович стал слать в далекий Владимир-на-Клязьме, моля «оуеви» своею Всеволода Юрьевича помочь удержать волость.

Это была попытка возобновить старый союз Галиции и Суздаля эпохи Долгорукого. Всеволод перспективы подобного союза оценил положительно и разослал послов ко всем русским князьям и даже к «королеви в Ляхы», дабы те целовали крест на том, чтобы не искать галицкого стола под Владимиром. И никто не посмел преступить крестное целование.

А в Киеве в 1190 г. Святослав Всеволодович оценил своего внука Давида Ольговича с «Игоревною» (уж не с дочерью ли Игоря Святославовича Северского?).

В первой половине 1190 г. половцы не посмели вторгаться на Русь и охотно примирились со Святославом Всеволодовичем и с Рюриком Ростиславовичем. И поехали те могучие князья, в относительном согласии правившие Южной Русью, в ладьях к устью «Тесмени». Там князья охотились и пировали и «так наглоумистася» вернулись по своим теремам.

Осенью 1190 г. Святослав Всеволодович велел схватить князя торков «Кондоувдыя» по своей на него «обиде». За что Святослав обиделся на торка, неизвестно.

За «Кондоувдыя» вступился Рюрик Ростиславович. Это тем более понятно, что Торческ, столица поросья, находился в его ведении. Может быть, князь торков и попал в опалу к Святославу, что не ходил в его воле, а больше слушал Рюрика.

Святослав не мог не считаться со сватом Рюриком и «Кондоувдыя» отпустил. А князь торков, «не стерпя сорома», поехал не на Русь, а к половцам в степь.

Вскоре «Кондоувдыя» с радостью встречали у половецкого хана «Тоглыеви». Тюрки быстро нашли общий язык, и мысли их потекли в одном направлении. Стали думать, как отомстить Святославу Всеволодовичу.

А Святослава в Киеве не было. Он уехал за Днепр на встречу с братией своей — Ольговичами. Уехал из Белгорода в Овруч и Рюрик Ростиславович. И остался в городе Торческе лишь Ростислав Рюрикович.

Ипатьевская летопись повествует, что Кондоувдый с половцами осенью 1190 г. сжег острог города «Чюрнаевъ» и взял там двух жен и челядь. Правда, неясно, чьи были жены и челядь (уж не наложницы ли Святослава Всеволодовича?). После того половцы «Легоша по Висемь». А как отдохнули кони, кочевники поехали к «Боровомоу» и, узнав, что в Торческе сидит Ростислав Рюрикович, отступили в степь.

А отношения Ростиславовичей и Ольговичей стремительно охлаждались. Но, к счастью для Южной Руси, дело окончилось миром, и Святослав Всеволодович поцеловал крест к Ростиславовичам «на всей ихъ воле».

Зимой Ростислав Рюрикович со своими «мужами» и черными клобуками поехал изъездом до «Протолчии» вниз по Днепру и в «лоузе» Днепра (на луговине) захватил множество половецкого скота и полона. С тем князь стал отступать на Русь.

Половцы перешли Днепр вброд и в трех днях пути от Днепра на «Ивле» настигли Ростислава Рюриковича. Половцев вели «Колдечи, Кобань, Оуроусовича оба, и Бегъбарсь

Акочаевич четвероже». Приехал к орде со своим полком и «Ярополкь Томзаковичь». Судя по имени этого хана, знать Руси и половецкой верхушки смешивалась. Особенно тесно родством с половцами были связаны Ольговичи.

Увидев вознесшиеся в небо стяги Ростислава Рюриковича, половцы оторопели. Этого князя никто в степи не ждал. Шестьсот их воинов черные клобуки схватили, а остальных посекли. За хана Кобана взяли «искупь».

Вернувшись в Торческ, Ростислав Рюрикович засобирался к отцу в Овруч. А Рюрик Ростиславович сидел в Пинске у тещи и был поглощен организацией похода на Литву. Там же, в Пинске, справляли свадьбу Ярополка Юрьевича (правнука Святополка II).

С походом на Литву ничего не вышло, ибо снег «стече» и в леса, на берега Немана, ни на санях, ни на колесах пройти было невозможно.

Зимой половцы подошли к Руси и взяли языка «во Воротцехь», стремясь узнать, кто из князей где находится. Половцы узнали, что Святослав Всеволодович с полками стоит у «Коульдерева». Этого оказалось достаточно для того, чтобы половецкие кони помчались в степь. Святослав Всеволодович послал в Канев сына Глеба, а сам поехал в Киев.

И снова, как только в степи стало известно, что Святослав уехал от южных рубежей Руси, половцы с «Коунтоувдеемь» поспешили к «Товароמוу». Глеб им закрыл дорогу у Товарова, и половцы побежали к Роси.

Лед под половцами обломился, и те, кого не побили, утонули. Но многим удалось ускользнуть за Рось в поле, и среди счастливицков был «Коунтоувдеи».

В 1191 г. хорошо нам знакомый Игорь Святославович Северский, бывший в ту пору зрелым и мудрым мужем сорока лет, выступил в степь. Но так далеко, как в 1185 г., князь не заходил и, набрав скота и коней, скоро вернулся на Сейм.

Зимой 1191 г. Игорь с братом Всеволодом, женатым на дочери хана Кончака, вновь ходил походом в степь. С Игорем шли три сына Святослава Всеволодовича — Всеволод, Владимир и Мстислав. Пустил в зимний поход сына Ростислава и Ярослав Всеволодович. Еще один Ольгович — Олег Святославович пустил в поход сына Давида. Игорю старшие Ольговичи доверяли как себе, считая, что северский князь весьма искушен в ведении степной войны.

Полки двигались до реки Оскол. Половцы отвели в глубь степи вежи и стали ожидать Ольговичей. Игорь, побоявшись повторения трагедии 1185 г., ночью отступил от Оскола. На рассвете половцы поспешили в погоню, да не угнались. Опыт Игоря сказался и в том, что в зимний поход 1191 г. шли лишь всадники и войско было мобильно и не рисковало тем, что может отстать пехота.

Все лето Святослав Всеволодович с Рюриком Ростиславовичем простояли с полками у Канева «стерегоучи земли Роуские».

Осенью «лепшие моужи» из черных клобуков стали просить у Рюрика Ростиславовича сына Ростислава идти в поход на половцев «на Доунаи». И сам Ростислав просился в поход и послал к отцу мужа «Рогъволода».

Но урок несчастного похода к Дону 1185 г. был свеж в памяти князей старшего поколения, и Рюрик сына к Дунаю не пустил.

Зимой Рюрик Ростиславович послал своих людей к половцам по «Коунтоувдею». Половцы бежавшего торка схватили, сделав это не бескорыстно, и привезли к Рюрику. Князь отпустил половцев с дарами, а «Коунтоувдею» дал город «Дверень» на Роси.

В Залесской земле 28 июля 1192 г. в древнем Суздале Всеволод Юрьевич устроил «постригы» сыну Юрию. Это был старинный индоевропейский обычай, упоминавшийся при рассказе о западных славянах. Он ознаменовывал передачу отрока от опеки матери заботам отца. Юного Юрия называли в честь деда Долгорукого, и его постриг имел особое значение для

суздальцев. Ведь именно Суздаль служил резиденцией Долгорукому.

После пострига Юрия посадили на коня, и великое торжество охватило Суздаль. Присутствовал на древнем языческом по сути празднике и новый епископ Северо-Восточной Руси Иоанн.

К слову сказать, обряд пострижения при посвящении в монахи у христиан едва ли старше славянской традиции пострижения отроков при их возмужании и переходе в разряд юношей.

В 1192 г. Ростово-Суздальская земля продолжала расцветать под заботливой и твердой десницей Всеволода Юрьевича. Во Владимире-на-Клязьме 22 августа владыка Иоанн в присутствии князя торжественной службой освятил начало строительства храма Рождества Богородицы. В то же время побелили известью Успенский собор Владимира и обновили церковь пресвятой Богородицы в Суздале.

В 1192 г. Всеволод Юрьевич вел работы по расширению и укреплению владимирского детинца.

В 1192 г. в большом княжеском гнезде Всеволода появился еще один птенец, названный в честь прадеда Мономаха Владимиром, а в крещении нареченный Димитрием.

Осенью 1193 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович съехались с половцами в Каневе. Ростислав Рюрикович привел в Канев ханов «Акоуша и Итоглыя», именуемых «Лоукоморци». Это были тюрки, кочевавшие в Северном Причерноморье, у Луки моря. Такую луку Черное море выгибает при устье Днепра и Днестра, хотя Азовское море при устье Дона также представляет собой своеобразную луку, скорее походящую на острый угол.

Половцы «Лоукоморские» охотно шли на примирение с Русью, ибо наверняка так или иначе участвовали в обмене товарами между Восточной Европой и греческими городами Крыма, Малой Азии и юга Балкан. Выгоды от мира и торговли для лукоморских половцев (как в свое время для нижнеднепровских скифов) были предпочтительнее сомнительной удачи на войне.

Сложнее обстояло дело с половцами левобережного поднепровья. От их веж приехали «Боурчевичи» и стали за рекой напротив Канева. «Боурчевичи» заявили, что русские князья должны приехать к ним за Днепр. Святослав и Рюрик возразили, что ни при дедах, ни при отцах их того не бывало, чтобы русские князья ехали к половцам. Так Боурчевичи и уехали прочь, не помирившись.

А «Лоукоморци» искренне просили мира. Да Святослав Всеволодович не пожелал, хотя Рюрик его и уговаривал на мир.

Не помирившись с половцами осенью, Рюрик предложил Святославу зимой пойти походом в степь «земле стеречи». Святослав отказался, сославшись на то, что «жито не родилось».

Рюрик Ростиславович засобирався в зимний поход на Литву «десяти ороудей своих». Это не понравилось Святославу Всеволодовичу, ибо он зимой собирався поехать на левый берег Днепра «своихъ деля ороудей» (решать свои дела). Пришлось Рюрику остаться стеречь Русскую землю.

Как только пришла зима и замерзли реки, приехали послы от черных клобуков к своему любимцу Ростиславу Рюриковичу звать в поход на половецкие вежи. Князю предложение пришлось по душе, и он забросил зимнюю охоту в устье Припяти и поспешил от «Чернобыля в Торцькыи» на Рось, не повидав отца. Ростислав сказал своей дружине, что до того, как отец выступит наконец в Литву, они успеют сходить в степь. Сборы в поход заняли три дня. Послали в «Треполь» к Мстиславу Мстиславовичу (быть может, сын Мстислава Ростиславовича Храброго, умершего в Новгороде, но он был очень юн в 1193 г.). Тот князь приехал за Рось с «Здеславомъ с Жирославичемъ». И пошла молодежь изъездом по степи. На реке «Ивле» удалось схватить стражи половецкие. От них узнали, что стада лежат в одном дне пути «по сей стороне

Днепра по Роуской» (то есть на правобережье Днепра). Князя с дружиной и черными клобуками всю ночь по снегу мчались в указанное место и на рассвете, словно внезапно налетевший ветер, напали на половцев. Видно, Ростислав шел так быстро, что даже половецкие кони не могли донести весть о его приближении к вежам. Урок похода 1185 г. пошел впрок русским князьям.

На Рось спутники Ростислава гнали тучи скота, коней и полон. Половцы настигли Ростислава, но, увидев его силу, побоялись напасть. Так и шли кочевники до змиевых валов над Росью, по-волчьи глядя на реявший в ясном зимнем небе стяг Ростислава Рюриковича.

Ростислав приехал в Торческ на рождество и сразу поспешил в Овруч к отцу с «саигаты» (с дарами).

А Рюрик все собирался в поход на Литву. Да снова некстати приехали послы от Святослава Всеволодовича, говоря, что, если сын «зачаль рать», следует идти в «Роусь» стеречь землю. Пришлось Рюрику Ростиславовичу с полками оставшиеся зимние месяцы простоять под Василевом на р. Стугне. А сын его отпросился к дяде Давиду в Смоленск. Скоро подарки, привезенные из степи, раскладывали перед Давидом Ростиславовичем в хоромах при устье Смядыни под Смоленском. Дядя, глядя на племянника, наверняка подумал, что не перевелись молодцы среди Ярославовичей. У самого Давида в 1193 г. родился сын Мстислав, в крещении нареченный Федором.

Когда Всеволод Юрьевич узнал, что Ростислав Рюрикович в Смоленске, а был князь зятем Всеволода, он пригласил его к себе с дочерью в Суздаль.

А во Владимире-на-Клязьме 23 июня 1193 г. в полночь начался пожар, бушевавший до заката. Погорели четырнадцать церквей и половина города.

Остаток зимы 1193 г. Ростислав провел в Залесской земле, одаривая могучего тестя «саигаты». И лишь по весне князь с дарами вернулся в Южную Русь.

А половцы воевали по «Оубережи» (по берегу Днепра, ниже устья реки Стугны).

В начале весны Святослав Всеволодович поехал в город Карачев, на южное пограничье дремучих вятических лесов. Скоро Святослав созвал Ольговичей в «Роговь». Из Чернигова приехал Ярослав Всеволодович, а из северских земель приехали Игорь и Всеволод Святославовичи. Решили Ольговичи вернуть Чернигову его бывшую волость — Старую Рязань. Послали в Суздаль к Всеволоду Юрьевичу, зная, что у него к рязанцам свой счет. Но Всеволод был занят далеким от войны делом. И пришлось Святославу Всеволодовичу из Карачева ехать не к Старой Рязани, а к среднему Днепру.

По пути из Карачева князь занемог, и везли его летом в санях, ибо «нечто изверглось емоу на нозе». В Вышгороде Святослав, плача, поцеловал гробницы Бориса и Глеба и хотел приложиться к гробу своего отца Всеволода Ольговича, да поп отошел с ключом. И поехал Святослав, досадуя, в Киев.

В Вышгороде Святослав был в пятницу, а в субботу князь молился в церкви св. Кирилла в Киеве. Это была последняя церковная служба великого князя, и он это чувствовал.

В понедельник Святославу Всеволодовичу доложили, что из Византии приехали сваты просить за царевича внучку князя Офимью, дочь Глеба Святославовича. Святослав выслал к сватам киевских бояр. А у самого князя силы убывали с каждым часом. Стал отниматься язык. Святослав принял монашеский постриг и послал к свату Рюрику Ростиславовичу.

В июле 1194 г. Святослав Всеволодович, старейший из Ольговичей, скончался. Его положили в монастыре отца — св. Кирилла.

Со смертью Святослава закончился хрупкий мир, зиждившийся на равновесии интересов различных княжеских семей, городов, бояр и волостей.

Глава 17

РУСЬ 1194–1215 гг.

Рюрик Ростиславович (1194–1215)

Летним утром киевляне стояли под сводами Софии и, распевая церковные песнопения и широко крестя грудь, поглядывали на алый плащ Рюрика Ростиславовича, правнука Мономаха. При том присутствовали и бояре Всеволода Юрьевича.

В 1195 г. в Городце Остерском стучали топоры плотников. Обновлял обгоревшие городни крепости Долгорукого «тивун» Всеволода Юрьевича Гюря. Интерес к южнорусской вотчине у залесского князя был не случаен, и момент подобран неспроста.

Впрочем, топоры плотников 29 июля 1195 г. застучали и в Переяславле-Залесском. Стали рубить венцы городен крепости, окружившей неправильным овалом белокаменный Георгиевский собор.

В Старой Рязани в 1195 г. скончался Игорь, один из старших Глебовичей.

В 1195 г. послал Рюрик Ростиславович в Смоленск к брату Давиду, прося приехать и подумать с братией о «Володимере племени».

На «роусальной неделе» смоленские ладьи причалили под «вышегородским детинцем», и князь Давид Ростиславович, ступив на землю Киевской Руси, перекрестился на главу каменного собора Бориса и Глеба.

Вскоре Давид сидел на обеде у брата Рюрика. Затем Давид поехал на обед к племяннику Ростиславу Рюриковичу в Белгород. Всюду князья веселились и одаривали друг друга.

Давид позвал Рюрика к себе на обед. Затем Давид дал обед игуменам киевских монастырей, а позже пригласил на обед черных клобуков, и верные Руси тюрки, стражи поросья, «попишася» и едва ушли с княжескими дарами.

Наконец, сами киевляне дали приехавшему из Смоленска правнуку Мономаха свой пир и оказали на нем Давиду Ростиславовичу честь великую, словно то был его прадед.

Давид не остался в долгу и пригласил на обед к себе киевлян. Конечно, так Ольговичей в днепровской столице не встречали и не провожали.

Скоро Давид с Рюриком «ряды вся оуконча», и князь засобирался в Смоленск.

А на западе Руси, в городе Белз, в апреле 1195 г. скончался Всеволод Мстиславович (сын Мстислава III, в свое время не пускавший брата Романа во Владимир-Волынский. Хоронил князя местный епископ с игуменами и попами в каменном соборе Владимира-Волынского.

Стоило Ростиславовичам разъехаться из Киева, как к Рюрику прибыли послы от Всеволода Юрьевича из Суздальской земли. Всеволод был старейшим из потомков Мономаха и знал, что в Киеве без оглядки на него едва ли решатся на сколько-нибудь серьезный шаг. Послы Всеволода передали Рюрику недовольство своего князя по поводу того, что, «рядя русскую землю» (Южную Русь), не дали Всеволоду волости. Рюрик Ростиславович стал интересоваться у послов, какие города Всеволод желал получить. И обнажилась одна из черт суздальского князя — коварство.

Послы заявили Рюрику, что их князь просит «Горцького. Треполя. Корьсоуня. Богоуславля. Канева». То были города к югу от Киева, отданные Ростиславовичами их двоюродному племяннику и к тому же зятю Рюрика Роману Мстиславовичу, сидевшему во Владимире-Волынском. Всеволод Юрьевич, стремясь влиять на события, происходящие в Южной Руси, действовал по принципу «разделяй и властвуй», чтобы все были разобщены и за помощью и советом приезжали на берег Клязьмы.

Рюрик сильно озаботился требованиями Всеволода Юрьевича, ибо ему не хотелось обижать Романа Мстиславовича.

Вообще создается впечатление, что Киев до середины XII в. был сам по себе с прилегавшей

к нему землей союза полян, чрезвычайно лакомым куском для Ярославовичей. И в ту пору Киев и его волость, от Канева до Вышгорода, были самостоятельной, цельной и весомой силой.

Во второй половине XII в. Ярославовичи, обжив свои уделы, превратили Киев с волостью в некий составной пирог, и каждый крупный удел Руси имел в Киеве не только собственный княжеский двор и монастырь, но и ряд городов около Киева — своего рода долю в наследстве Ярослава Владимировича Мудрого.

Отсюда вывод: самое устойчивое правление на Руси то, в котором представлены все наиболее могучие силы государства. Интересы слабейших этой могущественной коллегией рублились на корню.

Первую группу князей, практически совместно управлявших Русью, представляют дети Ярослава Мудрого — Изяслав I, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Один из этих князей был великим киевским, но без опоры на братьев ни одного крупного вопроса решать не мог.

Вторая группа Ярославовичей, правящих Русью совместно, представлена так: Святополк II Изяславович, Олег Святославович и Владимир II Всеволодович Мономах.

Но следует оговорить, что совместное правление Ярославовичей было вынужденно, князья шли на это поневоле и не оставляли собственных интересов, в частности стремясь овладеть Киевом.

Святослав Всеволодович, представлявший интересы Ольговичей, правил, сообразуя свои действия с потомками Ростислава Мстиславовича Смоленского. И эта власть была в состоянии оградить Русь от более крупных внутренних конфликтов. Со смертью Святослава Всеволодовича устойчивость власти оказалась утраченной, и первым это понял Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Рюрик Ростиславович не мог решиться отнять города у Романа и прибег к совету митрополита Никифора.

Митрополит, поняв, что лучше обидеть младшего, чем иметь рать со старшим, снял с Рюрика крестное целование к Роману на себя и посоветовал уважить Всеволода Юрьевича.

Роман Мстиславович киевским послам сказал, что не возражает против иной волости на Руси, но может за то взять и «коунами».

Юрьевич получил требуемые города: Торческ, Корсунь, Богуслав, Треполь и Канев.

И коварство Всеволода Юрьевича проявилось вновь. Торческ Всеволод отдал своему зятю Ростиславу Рюриковичу, а по остальным городам посадил посадников.

Такой пощечины Ростислав Мстиславович уже не вынес. Он решил, что Рюрик нарочно сослался на волю Всеволода Юрьевича, дабы дать Торческ сыну Ростиславу. Это Всеволоду Юрьевичу и было нужно. Потомков Мстислава I Владимировича он поссорил. Роман начал слать к Рюрику, коря, что он «смолвился» со Всеволодом Юрьевичем. А это означало, что Западная Русь единой уже не будет.

Послал Роман «мужей» к Ольговичам в Чернигов, в терем Святослава Всеволодовича, ища союзников в борьбе с тестем Рюриком Ростиславовичем.

О том стало известно Рюрику, и уже он послал к Всеволоду Юрьевичу, прося помощи, а к Роману Юрий отправил гонца, и тот поверг крестные грамоты к ногам князя. Роман Мстиславович испугался и поехал в Польшу к «Казимиричемь».

А польские князья сказали, что рады помочь Роману, да дядя их «Межька» хочет отнять у них волости. Так Роман Мстиславович оказался на одном поле с Межкой. Сражение с Казимировичами Роман проиграл, потерял много воинов и едва укрылся в ближайшем городе.

Во Владимир-Волынский Романа принесли на носилках. Невольно вспоминается история, как Роман Мстиславович, ища стола в Галиче, едва не потерял собственный стол на Волыни и

лишь благодаря заступничеству Рюрика Ростиславовича снова вокняжился во Владимире-Волынском.

И снова Роман Мстиславович свои походы в Польшу и дипломатические ходы на Руси окончил посольством к тестю Рюрику Ростиславовичу, только уже не в Белгород, а на старокиевскую гору. Вступился за Романа и митрополит Никифор. Рюрик смилостивился и отправил послов во Владимир-Волынский с крестом. Роман крест к тестю целовал да еще получил «Полоны и поль търтака Корьсоуньского» (быть может, половину налогов, взимающихся в Корсуне).

Урожай 1195 г. сильно пострадал от саранчи. Осенью Рюрик Ростиславович решил укрепить свою власть в Киеве дипломатическими шагами. Князь отправил послов к свату Всеволоду Юрьевичу и к брату Давиду Ростиславовичу в Смоленск. Рюрик предложил им отправить бояр и духовенство к Ольговичам, чтобы те целовали крест на том, чтобы не искать чужих волостей. Ольговичи в свою очередь собрались и подумали.

Ответ их был таков: мы не «Оугре ни Ляхове, но единого деда есмы вноуци» и при жизни Рюрика, Давыда и Всеволода волостей искать не станем, а там как Бог даст.

Такой ответ ни Киев, ни Смоленск, ни Владимир-на-Клязьме удовлетворить не мог. Всеволод Юрьевич даже засобиралися в зимний поход на Ольговичей, да те, испугавшись, прислали на Клязьму игумена «Деонисья». Игумен сумел умаслить Всеволода, и князь хотя и с неохотой, но с коня слез.

Сумели Ольговичи убедить в своих мирных намерениях и Рюрика Ростиславовича. Тот князь поцеловал крест, распустил на зиму полки и по обыкновению уехал в Овруч «своихъ деле орудеи». А зимой 1195 г. во вторник на Федоровой неделе в девять часов утра Киев и вся его волость пережили землетрясение. Земля дрогнула, каменные и деревянные церкви задрожали, а люди, крестясь и моля бога о милости, падали ниц.

Игумены предрекли, что это недобрый знак народу «на падение многимъ и на кровопролитье».

В феврале 1195 г. скончался князь Изяслав Ярославович, названный Меньший. Это был внук Владимира Мстиславовича, всю жизнь пробегавшего от племянника Мстислава II Изяславовича. Меньшим же князь был назван оттого, что на Руси за ним не стояли ни города с волостями, ни бояре с дружиной. О всем том не позаботился в свое время дед князя, и ветвь в древе Ярославовичей увяла сама собой. А бороться за волости могли лишь крупнейшие семьи Ярославовичей — потомки Мстислава I Владимировича, дети и внуки Юрия Владимировича Долгорукого, Ольговичи, рязанские Глебовичи да полоцкие потомки Всеслава Брячиславовича. Остальные отпрыски Ярославовичей и потомков Владимира I подминались сильнейшими княжескими кланами и переходили сначала в разряд меньших князей — подручников, а потом и вовсе превращались во владельцев одного или нескольких сел. Однако князья эти сохраняли титул. Оттого и в наши дни, если хорошенько поискать по миру, можно найти немало отпрысков княжеских семей.

Изяслава Ярославовича похоронили в обители св. Феодора в Киеве рядом с отцом.

Честолюбие Ольговичей

Зимой 1195 г. «в великое говение» Ольговичи решились преступить крестное целование к Рюрику Ростиславовичу — не воевать, пока Ольговичи не договорятся с Давидом Ростиславовичем Смоленским и Всеволодом Юрьевичем Суздальским. Сидевший в Чернигове Ярослав Всеволодович послал с племянниками рать на Давида Ростиславовича в удерживаемый под контролем Смоленска Витебск, важный торговый город на западновинском пути в Балтику. Ольговичи понимали, насколько удар был болезнен для Ростиславовичей, и намеренно стремились отнять у соседа ресурс, который во многом подпитывал его могущество.

Рюрик Ростиславович в ту пору сидел в Овруче и пребывал в безмятежном неведении.

Ольговичи, не дойдя до Витебска, не удержались от того, чтобы повоевать Смоленскую волость. Давид Ростиславович, о том узнав, послал навстречу Ольговичам племянника Мстислава Романовича и Ростислава Владимировича (вероятно, один из меньших князей) с полком да еще своего зятя, рязанского княжича Глеба Владимировича со смолянами.

Когда Ольговичи узнали, что к ним подходит сила из Смоленска, они остановились и утоптали вокруг себя снег. А был он зимой очень глубок.

Мстислав Романович, завидев у леса неприятеля, изрядил свой полк и сразу помчался на Ольговичей. В начавшемся сражении смоляне посекали Давида Ольговича (внука Святослава Всеволодовича), тысяцкого «Михалко». Вскоре стяги Ольговичей пали. И объятый пылом сражения Мстислав Романович погнался за остатками их рати в лес, разметывая облака снега из-под копыт.

Но на беду смолян рядом с Ольговичами стоял полк подошедших им в помощь полоцких князей (противники Ростиславовичей).

Полочане, увидев, что Мстислав Романович «с передними» погнался за Ольговичами, ударили в тыл смолянам. Так поле сражения оказалось в руках полоцких князей, союзников Ольговичей.

Когда смоляне вернулись из погони на поле, они не сразу поняли, что попали в стан неприятеля. Ростислав Владимирович, рязанский князь Глеб Владимирович едва ускользнули к Смоленску. А Мстислава Романовича полочане схватили.

Когда Олег Святославович со своим черниговским полком обернулся назад, то увидел стяги Мстислава Романовича павшими. Ольговичи развернули коней и приехали на несчастное для смолян поле сражения. Олег Святославович «испроси» у Бориса (одного из полоцких князей), сидевшего в Друцке, плененного Мстислава Романовича — самый дорогой трофей сражения. Тогда же в Чернигов была отправлена весть о победе.

Новость всколыхнула Ольговичей, и вскоре зимней дорогой к Смоленску шли их полки, утопая в клубах шедшего от дыхания сытых коней пара.

Но вмешался Рюрик Ростиславович. Из Овруча на «перекры» Ольговичам приехал посол с крестными грамотами. Рюрик велел ему передать, что пусть Ольговичи идут на Смоленск, он же пойдет на Чернигов, а там как бог даст.

Ольговичи повернули полки на юг и поспешили в волости, усеивая зимние дороги клоками сена и лошадиным навозом.

Скоро Рюрик Ростиславович слушал посла Ольговичей. Тот приехал «оправливаясь во крестное целованье», то есть выгораживая Ольговичей. А Давида Ростиславовича посол винил «про Витебськ», говоря, что он помогает зятю — одному из полоцких князей. Рюрик возразил послу, говоря, что уступил Витебск Ольговичам и посла с уведомлением отправил к Давиду в Смоленск, да только Ярослав Всеволодович Черниговский «того не дождавъ» пустил

племянника к Витебску, тот же «воевал волость Смоленскую».

Так Ростиславовичи и Ольговичи препирались и в ту зиму не «оуладишас».

В конце зимы 1195 г. скончался князь Глеб Юрьевич, сидевший в Турове. Это был один из правнуков Святополка II. Глеб был шурином Рюрика Ростиславовича, и тело его отпевал в златоглавом соборе Михаила в Киеве митрополит Никифор.

Потомство Святополка II вымирало, и их Турово-Пинская волость переходила в руки потомков Мономаха. И тут помощь Мономашевичам оказала тонкая политика продуманного заключения брачных союзов.

В 1196 г. распри Ярославовичей переросли в вооруженное противостояние, ибо баланс сил на Руси утратил устойчивость и каждый при новом разделе стремился отстоять побольше.

Рюрик Ростиславович послал мужей к Всеволоду Юрьевичу, прося князя сесть на коня и «снятися» всем потомкам Мономаха у Чернигова. Рюрика, кроме прочего, бесило пленение племянника Мстислава Романовича, и идти на Ольговичей он собрался всерьез.

От Всеволода Юрьевича вестей не было все лето. Ольговичи закрыли все пути и дороги в своих землях и не пускали гонцов из Киева ни к Смоленску, ни к Владимиру-на-Клязьме. Рюрик Ростиславович все то время собирал полки, привел союзных половцев (быть может, от Луки моря) и, перейдя на левый берег Днепра, начал воевать волости Ольговичей.

Ответ Рюрику, полученный от Всеволода Юрьевича, гласил: «...ты починай а язъ готовъ с тобою».

Ярослав Всеволодович из Чернигова стал слать мужей к Рюрику, изъявляя волю к миру. Рюрик потребовал от Ярослава, чтобы Ольговичи дали пути «слати» в Смоленск и Суздаль.

Но Ярослав этого допустить не желал, резонно полагая, что пользы ему от сношений Мономашевичей не будет.

Так и шла война между Рюриком Ростиславовичем и Ольговичами все лето до осени.

А еще раньше, в мае 1196 г., в стане Ольговичей была великая печаль. Скончался северский князь Всеволод Святославович, брат Игоря.

Всеволод был среди Ольговичей, согласно летописи, самым добрым, мужественным и воспитанным. Князя в черниговском соборе отпевали местный епископ и игумены.

Осенью волости Рюрика Ростиславовича с запада, из Волыни, принялся покорять зять Роман Мстиславович. Этот князь сумел снестись посольствами с Ольговичами, целовал к ним крест и решил, что с ними ему по пути. Более того, Роман собрался постричь в монахи свою супругу, дочь Рюрика.

Зимой 1196 г. Роман Мстиславович, поняв, что война с тестем до добра не доведет, отправился воевать с северными соседями — балтским народом ятвягов. Волыняне мстили ятвягам за набег.

А у Всеволода Юрьевича в его большом гнезде 26 марта 1196 г. появилось пополнение — сын, в крещении нареченный «Таврило». А 1 мая 1196 г. владыка Иоанн над городскими воротами Владимира-на-Клязьме заложил каменный храм во имя «Акыму и Анны». 3 ноября 1197 г. (по Лаврентьевской летописи) храм освятили. А 10 января 1197 г. из греческого Солуня во Владимир привезли «Дека».

Северо-Восточная Русь продолжала пребывать под рукой единого правителя и с каждым годом стремительно превращалась в наиболее весомую силу на Руси.

В Смоленске 24 апреля начавшегося весной 1197 г. скончался Давид Ростиславович. Он княжил в Смоленске восемнадцать лет и помимо прочего оставил после себя в Смоленске Каменную церковь архистратига Михаила, «какой нъе в полоунощной стране».

Хоронили князя епископ смоленский Семеон «и вси игоумени и попове» с боярами. Присутствовал на похоронах и племянник покойного Мстислав Романович, счастливо

выбравшийся из темницы Ольговичей.

Тело Давида положили в церкви Бориса и Глеба, выстроенной его отцом Ростиславом Мстиславовичем в монастыре на Смядыни.

Перед смертью Давид принял монашеское пострижение. Вслед за ним в монахини постриглась его княгиня.

Давид Ростиславович смоленский стол оставил племяннику Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отправил «в Роусь» к брату Рюрику.

Рюрик Ростиславович 6 декабря 1197 г. в Белгороде, в городе, где княжил долгие годы, «созда» каменный храм св. Апостолов. На освящение храма приехал митрополит Руси Никифор с епископом Юрьевским и Белозерским Андреяном.

По окончании богослужений Рюрик дал пир духовенству и пригласил на него «епископа Андреяна Юрьевского, епспа и архимандрита Василя Печерского, игоумена Моиисея, игоумена Михаила Выдобычьского» и много иных игуменов, черноризцев, пресвитеров и весь священнический чин. И ни один с пира не ушел без княжеского подарка.

В 1197 г. Рюрик Ростиславович «создал» церковь св. Василия в Киеве на «Новом дворе». Освящали церковь 1 января 1198 г. митрополит Никифор и епископ Юрьевский и Белгородский Андреян.

Новгородская вольница

Интересна природа новгородской независимости. Князя Ярославовичи для бояр Новгорода, да и всего русского севера, были лишь своего рода охранной грамотой, могуществом семьи ограждавшие Новгород от обид. Менялся расклад сил в Южной и Суздальской Руси, и тот же час в Новгороде менялся князь. Откуда проистекала такая сила новгородского боярства? Ведь на иных землях Руси князя Ярославовичи и Владимировичи уже несколько столетий как прибрали к рукам города, волости и всю делили и рядили между служившими им боярами села, еще недавно населявшиеся абсолютно независимыми хлебопашцами. И никто на Руси с княжеско-боярской системой совладать не мог. А вот новгородцы князей почти ни во что не ставили и держали за наемных воевод и пугал для соседей. Более того, новгородцы князя и дружину могли запросто избить, заковать и посадить под стражу, а княжну спровадить в монастырь.

Независимость Новгорода могла держаться прежде всего на том, что ни один княжеский клан в северорусских землях не имел корней или материальной базы, за исключением княжеской резиденции — Городища под Новгородом. Ярославовичам по большому счету не на что и не на кого было опереться в Новгороде. Быть может, это связано и с тем, что север Руси в VIII–XIII вв. фактически представлял собой труднопроходимую тайгу. Двигаться по землям можно было лишь узкими лентами рек. На их берегах были разбросаны редкие погосты, служившие маяками в безбрежном море вечнозеленой хвои, топей, озер и поросших мхом валунов. Князьям просто негде было зацепиться и укрепиться хлебопашцев. Мало того, что на севере Руси их было намного меньше, чем на юге или в суздальском ополье, они всегда могли сняться с места, и ищи их среди лесов и мхов хоть до скончания века. А это значит, что князья были лишены возможности в зимнем полюдьи закладывать из золотых и серебряных гривен и кун основу того могущества, власть и богатство которого впоследствии обеспечивали им обладание всем краем.

Недаром и в XVII–XIX вв., в пору крепостничества, русский север продолжал оставаться свободным от рабства и в этом смысле смыкался со степями юга Восточной Европы. Там бушевала казачья стихия, и появление бояр в ее среде было немыслимо и грозило последним расправой, а часто и гибелью. Кстати, неспроста донские казаки до XVIII в. не заводили у себя оседлого хлебопашества и не имели семей. Уроки русской истории буйным головушкам были хорошо известны.

К Олеговичам послали требование — отступить от Романа Мстиславовича Волынского и выгнать из черниговских земель Ярополка Ярославовича (непонятно, почему именно этот Ольгович должен был быть изгнан). Просил Всеволод у Ольговичей и своего свата Мстислава

Романовича (тогда непонятно, кто помогал Владимиру Галицкому под Каменцом). Ярослав Всеволодович Черниговский обещал отдать Мстислава и выгнать Ярополка, а отступить от Романа не пожелал.

Дело кончилось тем, что Ярослав Всеволодович целовал крест, поклявшись «не искать под мономашичами волостей». Всеволод Юрьевич о том уведомил Рюрика Ростиславовича и 7 октября вернулся во Владимир-на-Клязьме.

Новость привела Рюрика в ярость. Он послал к Всеволоду мужа и напомнил суздальскому князю его слова: «Кто мне ворогъ, то и тебе ворогъ». Припомнил Рюрик Всеволоду и то, как он поссорил его с зятем Романом из-за волостей. В конце концов Рюрик отнял у Всеволода злосчастные пять городов к югу от Киева и роздал их своим братьям.

Новгородцы зимой 1196 г. выгнали свояка Всеволода Ярослава Владимировича (быть может, сын Владимира Мстиславовича), никого по большому счету не представлявшего и на Руси прав новгородцев отстаивать неспособного. Приехали послы из Новгорода к Всеволоду Юрьевичу, слезно прося дать сына «любо иного кого». Всеволод «ихъ воли не створи». И поехали новгородцы в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу просить младшего сына на княжение. А Всеволод Юрьевич посадил свояка Ярослава Владимировича в Новый Торг и тем поставил под контроль хлебный транспорт, шедший с верхней Волги в Новгород.

Люди Романа Мстиславовича приехали в «Полоны» (пожалование Рюрика Ростиславовича) и оттуда разоряли волости Давида Ростиславовича и Ростислава Рюриковича.

Узнав о том, Рюрик Ростиславович послал мужей в Галич к знакомому нам Владимиру Ярославовичу и просил его завоевать волость зятя Романа Мстиславовича.

Это была цепная реакция на войны и союзы. Клань Ярославовичей превратились в слоеный пирог, полный яда и взаимных упреков.

Владимир Ярославович Галицкий, взяв племянника Рюрика Мстислава (Романовича) (к тому времени Ростиславовичи вызволили его из плена Ольговичей), принялся жечь области Романа у «Каменця» и, ополонившись челядью и скотом, вернулся в Галицию.

Осенью Ярославу Всеволодовичу в Чернигове доложили, что Всеволод Юрьевич и Давид Ростиславович жгут «Вятыския городы». Ольговичи собрались, подумали и выступили навстречу Всеволоду Юрьевичу. В Чернигове Ольговичи оставили Олега и Глеба Святославовичей. Затворили еще пять городов «блюдяся» от Рюрика Ростиславовича.

Ольговичи стали устраивать по дорогам засеки, а по рекам велели мосты «подсечи». И «заложившись», послали к Всеволоду Юрьевичу мужей, предлагая помириться.

Всеволод Юрьевич сел думать с Давидом Ростиславовичем, рязанскими князьями и боярами. Всеволод склонялся к миру. Давид предлагал идти к Чернигову, как и уговорились с Рюриком Ростиславовичем. Хотели идти к Чернигову и рязанские князья. Но Всеволод настоял на своем.

В 1198 г. Всеволод Юрьевич послал в Киев к митрополиту на утверждение нового епископа северо-восточных земель Павла. А 28 августа 1198 г. (1197 г. по Ипатьевской летописи) у Всеволода родился младший и последний сын, в крещении нареченный Иоанном.

В 1198 г. в Чернигове скончался старейший из Ольговичей Ярослав Всеволодович. Князя отпевали черниговский епископ с игуменом и братией и похоронили в Спасском соборе города.

На столе в Чернигове сел Игорь Святославович, герой несчастного похода 1185 г.

А у Ростислава Рюриковича по другую от Ольговичей сторону Днепра родилась дочь, нареченная Ефросиньей. Прозвали княжну, видимо из-за ее красоты, «Изморагдъ» — по названию драгоценного камня.

В Киеве искренне любили Мономашевичей, и весть о рождении княжны встретили с радостью. В Вышгород за Ефросиньей приехал дядя Мстислав Мстиславович с супругой Предславой. Девочку повезли в Киев «дедоу и к бабе» (к Рюрику Ростиславовичу и его супруге). Воспитали Ефросинью-Изморагд «в Киеве на Горахъ».

В 1199 г. Рюрик Ростиславович, фактически бывший Великим князем киевским, отдал дочь «Всеславу» в Старую Рязань за одного из тамошних князей Ярослава Глебовича. Так был закреплен союз Киева и Смоленска со Старой Рязанью, призванный сдерживать черниговских Ольговичей.

Не забывал Рюрик и о церковном устройении Южной Руси — чудной, златоглавой, увенчанной крестами страны на берегах могучего Днепра. 2 июля 1199 г. Рюрик заложил стену каменную под церковь Михаила под Днепром на «Выдобычи». Этот монастырь построил прапрадед Рюрика Всеволод Ярославович, и вклад князя в устройство обители был его лептой в каменном летописании. Рюрик Ростиславович имел «любовь несытноу о зданьихъ» и строил, в меру возможностей, добротнo и не скупясь. А княгиня Рюрика Анна, стремясь не отстать от супруга, раздавала щедрую милостыню для «маломощехъ и всихъ бедоующихъ» и пеклась о церковных «потребах».

Рюрик Ростиславович, помимо строительства, пекся об украшении храмов. В 1199 г. для росписи стен Михайловского собора Выдубичского монастыря князь пригласил художника и своего друга по имени «Милонегъ Петръ».

А Всеволод Юрьевич 30 апреля 1199 г. (по Лаврентьевской летописи) вышел со старшим сыном Константином в поход на половцев. Как только о том стало известно в степи, тюрки содрогнулись. О сопротивлении не могло быть и речи, ибо одно имя князя Северо-Восточной Руси превращало руки половцев в плети.

Спешно собравшись, кочевники погнали скот к морю, на юг, подальше от стягов Всеволода Юрьевича. И ходил князь с сыном и полком своим, поблескивая на солнце кольчугами, шлемами и лезвиями мечей, по половецким зимовищам «възле Донь».

А тихий батюшка Дон один ведал, что ожидает Русь в близившемся с каждым заходом солнца тринадцатом столетии.

В июне 1199 г. Золотые ворота Владимира-на-Клязьме распахнулись перед Всеволодом Юрьевичем, но еще до того, как его полк стал втягиваться под увенчанный золотой главою свод ворот, городни и заборолы города от основания вала до охлупня и флажка на вершине башен были усеяны напряженно всматривающимся в ряды воинов народом. Владимир ликовал.

Но 25 июля во время литургии город занялся пламенем и сгорел едва ли не наполовину.

Наступила весна 1200 г., а вместе с ней Русь шагнула во многом в страшное для себя тринадцатое столетие. Недаром люди боятся этого таинственного числа.

Однако жизнь шла своим чередом, и 24 сентября 1200 г. Рюрик Ростиславович с княгиней, сыновьями Ростиславом и Владимиром, дочерью «Предьслагою» и «снохою Ростиславлею» пожаловали в Видубичский монастырь и поставили «коутью» (угощение). Рюрик дал духовенству и всему народу «пирь не малъ и тряпезоу». Были на осеннем пиру и игумен Моисей с братией от св. Михаила и пили, провозглашая здравицу князя «яко единили оусты».

Любили киевляне потомков Мономаха (исключая Долгорукого и его сыновей) искренне «добраго ради оуряжения», и пиры, даваемые князьями, бывали многолюдны и веселы.

И стояла Киевская Русь под рукой Мономашевичей «славою поче звездъ небеснихъ. не токмо и в Роуских концехъ ведома, но и соущимъ в море далече».

Стремился не отстать от Южной Руси и Всеволод Юрьевич. 15 июля 1200 г. (по Лаврентьевской летописи) во Владимире-на-Клязьме, в княгинином монастыре, при епископе Иоанне Всеволод заложил каменную церковь Успения Богородицы.

Осенью 1200 г. из Новгорода к Всеволоду Юрьевичу пришли «лепшие мужи. Мирошьчина чадь» просить у князя сына. Видимо, крепко суздальцы пережимали новоторжский канал поступления хлеба к Новгороду. И пришлось гордым северорусским боярам, владения которых были поболее иных уделов Ярославовичей, ломать шапку перед Всеволодом.

Князь велел новгородцам целовать крест на всей его (Всеволодовой) воле и дал гостям сына Святослава, епископа Иоанна и образ пресвятой Богородицы. 12 декабря 1200 г. из ворот Владимира-на-Клязьме выехал юный Святослав с новгородцами к Волхову. Вслед за ними, провожая зимней дорогой, ехали братья Святослава. Это было почти все большое гнездо Всеволода Юрьевича.

Величие Романа Мстиславовича

На западе Руси в 1201 г. произошли большие изменения. Сидевший во Владимире-Волынском князь Роман Мстиславович вернулся к давнему намерению — овладеть галицким столом. Причиной послужила кончина Владимира Ярославовича, сына Осмомысла. Следует сказать, что законной супругой Владимира Ярославовича Галицкого была Болеслава, дочь сидевшего в Киеве Ольговича — Святослава Всеволодовича. От этого брака у Владимира Ярославовича помимо сына была дочь. И именно эта Владимировна была замужем за Романом Мстиславовичем. А это была неоднозначная заявка на сам Галич, ибо тягаться сыну галицкого князя Владимира с Романом было не по силам.

Таким образом в 1201 г. из соперничества различных ветвей Ярославова древа за обладание волостями Руси был исключен еще один ствол.

10 августа 1201 г. Всеволод Юрьевич, по всей видимости по договоренности с Рюриком Ростиславовичем, посадил сына Ярослава в «Переяславль в Русьский». Это была часть суздальских Мономашевичей на Русской земле.

Но вернемся к делам Западной Руси. Роман Мстиславович состоял в родстве с польским князем Казимиром Справедливым. Елена, дочь сидевшего в Белзе Всеволода Мстиславовича, с 1168 г. была супругой Казимира.

Поляки решили поддержать Романа, и вскоре стяги Лешко, сына Казимира, реяли в долине верхнего Днестра. Из Галича к Лешку поспешили бояре, умоляя посадить на их земле наместника. Галичане предчувствовали, что правление Романа им ничего хорошего не сулит, и пустили в ход подкуп, предлагая полякам золото, серебро и прочие дары. Но Лешко остался верен данному Роману слову, и князь водворился на столе в Галиче.

Польский епископ Каблук свидетельствует, что Роман Мстиславович, имевший давние счеты со свободолюбивым и своенравным галицким боярством, в новой волости принялся жестоко мстить своим явным и скрытым недругам. Галицких бояр живьем зарывали в землю, четвертовали, расстреливали из луков и предавали множеству иных изощренных мучений. Оставшиеся в живых пытались скрыться за рубежами Галиции. Роман Мстиславович сулил беглецам милость, те верили, возвращались и... по прошествии некоторого времени гибли. Сам Роман Мстиславович при этом приговаривал — не угнетая пчел, меду не есть.

Но счастье изменчиво, и в 1202 г. стяги Романа Мстиславовича развевались на берегу Днепра. К шатру князя съезжались послы, а ворота городов словно по волшебству распаивались перед полками Романа.

Дело решили тем, что Рюрик Ростиславович уехал в Овруч, Ольговичи сели в своих волостях за Днепром, а в Киеве Роман посадил двоюродного брата Ингвара Ярославовича, пришедшего из Луцка. Это была реставрация власти волынских князей в Киеве. Но ни Смоленск, ни Чернигов мириться с тем не пожелали.

Роман Мстиславович от Киева поспешил к нижнему Дунаю на помощь грекам. Император Алексей III Комнин, не в силах совладать во Фракии с половецким опустошением, обратился к Роману, и князь, «повоевав вежи», отвлек кочевников от пределов империи.

Разорение Киева

А в начале января (1–2) 1204 г. (по старому летоисчислению 1203 г.) Киев постигло второе грандиозное разорение. Рюрик Ростиславович с Ольговичами и половцами завладели городом, и древняя столица была предана варварскому надругательству. Были ограблены монастыри и храмы, включая древнейшие — Десятинный и Софийский соборы. Население избивали, купцов грабили, над киевскими горами занялось зарево пожарища, а за ворота города выгоняли многочисленный полон.

После подобного потрясения униженный и разграбленный Киев окончательно утратил былые величие и блеск. Это было провозвестие грядущего в XIII в. падения древнерусской столицы.

В феврале к Овручу, где заперся Рюрик Ростиславович, подошел Роман Мстиславович. Против ожидаемого князя легко помирились и скоро вместе ополонились в половецких вежах. И вот тут, находясь в Треполе, Роман и расправился с Рюриком, своим тестем.

Рюрик Ростиславович был схвачен, пострижен в монахи и отвезен в один из киевских монастырей. Постригли и супругу Рюрика и их дочь (жену самого Романа). Сын Рюрика и зять Всеволода Юрьевича Ростислав с меньшим братом были отправлены в Галич. Впрочем, скоро Ростислав был отпущен из Галиции и благодаря хлопотам Всеволода Юрьевича сел на старокиевской горе. Ярославовичи в начале XIII в. были слишком заняты собственными волостями, чтобы подолгу ломать копья из-за униженного Киева.

Символично, что в 1204 г. под ударами крестоносцев пала Византия — столп восточного христианства. В одновременности потрясений, постигших Киев и Византию, заложена малопонятная человеку мистика, или закон невидимого мира, руководящего делами земными.

Весной Роман Мстиславович воевал в Сандомирской области Польши, помогая своему союзнику Лешку (сыну Казимира Справедливого). Противником Романа и Лешка выступал Мечислав.

Когда Роману сообщили о кончине Мечислава, князь перестал воевать под Сандомиром, и языки паламени над польскими деревнями сменились клубами дыма, покрывавшими остывавшие пепелища. Но скоро стало известно, что сын Мечислава сел в Кракове.

Тем временем Лешко решил удалить из Польши Романа, и за неимением средств для оплаты услуг русского князя предметом расчета выступил город Люблин с областью. Галицко-Волынское княжество включило город в сферу своего влияния.

Вскоре Роман Мстиславович принял послов от римского папы Иннокентия III. Слава о западнорусском князе достигла святого престола, но попытка купить Романа посулами, даровать королевскую корону и иные привилегии и блага не увенчалась успехом. Видимо, Русь домонгольская была настолько богата, что ни князья, ни бояре, ни простой народ Руси не были падки до ценностей и идеалов заморских государств.

Судьба оказалась немилосердной к Роману Мстиславовичу. Князь пошел в поход на Польшу и, став лагерем над Вислой, имел неосторожность отъехать от полка на незначительное расстояние. Поляки Романа подстерегли, перебили бывших с ним дружинников и убили князя.

Согласно Длугошу и иным западным источникам, Роман Мстиславович погиб 19 июня 1205 г. Кроме того, Длугош пишет, что Роман не получил благословения на несчастный поход от епископа Владимира-Волынского.

Как только весть о гибели Романа достигла Рюрика Ростиславовича, он снял монашеское одеяние и сел на киевском столе. Княгиня Рюрика сделать то же отказалась и приняла схиму.

Видимо, потрясение, пережитое Киевом во время разгрома в январе 1204 г., пресекло

столичное летописание, и события XIII в. в Ипатьевском списке освещены западнорусскими источниками. К сожалению, даты, указанные галицко-волынскими хрониками, не всегда точны и требуют сравнения с иными свидетельствами.

В частности, поход Рюрика Ростиславовича к Галичу, последовавший за гибелью Романа Мстиславовича, в Ипатьевской летописи указан под 1202 г., в то время как мы знаем, что он не мог произойти ранее лета 1205 г.

К Галичу, где на стол был посажен сын Романа юный Даниил, Рюрик Ростиславович двинулся, собрав много «Половц и Роуси». У города «Микоулича», на реке Серет, навстречу Рюрику вышли бояре Галича и Владимира-Волынского. Стали «биться о реку». К вечеру бояре отступили к Галичу.

А тем временем покровительство юному Даниилу Романовичу оказал венгерский король (Андрей), приехавший для встречи с вдовой Романа в город Санок. В Галиче Андрей оставил в помощь Даниилу «засадоу Мокъя великаго слепского и Корочюна Выдита, а сна его Витомира. и Благоино иныи Оугры многи».

Рюрик Ростиславович, не добившись успеха, отступил к Киеву.

Ольговичи в Галиции. Возвышение Всеволода Святославовича Чермного

Галичане не могли довольствоваться княжением малолетнего Даниила Романовича и поставили своеобразный эксперимент. С берегов Десны в Галицию были приглашены Ольговичи — сыновья хорошо нам известного Игоря Святославовича. В Галиче бояре посадили Владимира Игоревича.

А ранее вдова Романа, схватив Даниила и его младшего братика Василька, бежала во Владимир-Волынский. Но и в вотчину Романа Владимир Игоревич прислал галицких бояр с полком, веля сказать горожанам, чтобы детей Романа выдали, а у себя посадили Святослава Игоревича.

Утром о посольстве узнала вдова Романа и, посоветовавшись с боярином «Мирославомъ и с дядькомъ», ночью, взяв Даниила, «изыде дырею градною» из Владимира-Волынского и поспешила в Польшу. Крошку Василька вслед за княгиней несли поп Юрий и кормилица.

Несмотря на то, что перед гибелью Роман не ладил с Лешком, польский князь проявил великодушие «не помяноу вражды» и принял семью Романа с честью. Западнорусский летописец заметил, что Романа с Лешком поссорил некий «Володиславъ». Этот боярин, интригуя, «зазоръ имеа любви» князей.

Скоро Лешко отправил Даниила в Венгрию, придав юному князю своего посла «Вячеслава Лысого». Поляки напомнили Андрею Венгерскому данное им покойнику Роману обещание заботиться о родственниках друг друга. Василько с матерью остались у Лешка в Польше.

С усилением позиции Ольговичей в Западной Руси на среднем Днепре возвысился старейший из Ольговичей — Всеволод Святославович, прозванный Чермным. Этот князь занял Киев, удалив из него Рюрика Ростиславовича, и посадил по городам Южной Руси своих посадников.

Рюрик Ростиславович укрылся от Ольговичей в Овруче. Сын его Ростислав (зять Всеволода Юрьевича) сел в Вышгороде, а Мстислав Романович, удерживавший за собой Смоленск, занял Белгород.

И тут Всеволод Святославович Чермный совершил непоправимую ошибку. Он велел юному сыну могучего Всеволода Юрьевича Ярославу (в свое время искавшему галицкий стол) покинуть Переяславль и ехать к отцу в Залесскую землю. Ярослав Всеволодович не посмел послушаться Ольговичей.

Однажды Всеволод Святославович увидел под стенами Киева стяги Рюрика Ростиславовича и Романа Мстиславовича Смоленского и предпочел спешно покинуть столицу.

Создается впечатление, что после середины XII в. силы южнорусских князей в целом уравнились и многое стало зависеть не от ратной доблести Ярославовичей, а от дипломатического таланта и внезапности и оригинальности предпринимаемых шагов. Исключением были северо-восточные земли, пребывавшие под рукой единого князя.

Скоро и Всеволод Святославович подступил к занятому Рюриком Ростиславовичем Киеву. Ольговичи сплотились. Из Галича подошел Владимир Игоревич, а из туровских земель приехали потомки Святополка II.

И вновь Рюрик Ростиславович выехал в Овруч. Мстислав Романович затворился в Белгороде, но рад был выбраться в Смоленск. Половцы принялись грабить города и села по Стугне и Роси, а Ольговичи заняли Киев. Описанные события происходили в 1207 г.

Могущество Всеволода Юрьевича

В августе 1207 г. Всеволод Юрьевич решил вмешаться в дела Южной Руси. У Москвы князь объединил силы с пришедшим с севера сыном Константином. Он привел Всеволоду новгородцев, псковичей, ладожан и новоторжцев. 28 февраля 1207 г. Константин встречался с отцом и братьями на реке «Шедашце». Там могли условиться об осеннем походе.

При устье реки Москвы, на Оке, Всеволод встречался с рязанскими и муромскими князьями. И произошло неожиданное для рязанцев событие. То ли на несчастных князей донесли, коря за симпатии к Ольговичам, то ли, и это более вероятно, Всеволод Юрьевич решил подорвать могущество рязанского княжения и повод к нанесению удара без труда был найден. В стане рязанцев нашлись недовольные, и их Всеволод пригласил в свой шатер. Это были племянники, наверняка притеснявшиеся дядьями, Глеб и Олег Владимировичи. Прочие шесть рязанских князей обедали в стане Всеволода Юрьевича, но сидели в отдельном шатре.

Выслушав племянников, Всеволод сел в «полстиници» (в постельной) и послал в шатер к рязанцам верного себе муромского князя Давида Юрьевича и своего мужа Михаила Борисовича «на обличенье».

Гневу Всеволода подверглись Роман Глебович, Святослав Глебович Пронский с сыновьями Мстиславом и Ростиславом и их племянники (дети Игоря Глебовича) Ингвар и Юрий Ингваровичи. Шестерых рязанских князей заковали и увезли во Владимир-на-Клязьме. Позже их перевезли еще далее — в Петров (Ярославская губерния — по Воскресенской летописи).

Расправы с князьями для нейтрализации местной власти в рязанских землях было недостаточно, и Всеволод Юрьевич осадил город Пронск. Сидевший в городе юный князь Кир-Михаил Всеволодович поспешил уехать к тестю Всеволоду Святославовичу Черному в Южную Русь. Горожане затворили ворота, сели в осаду и пригласили к себе еще одного рязанского князя пятого поколения Изяслава Владимировича.

Всеволод Юрьевич поставил полки напротив городских ворот. У одних ворот, на горе, стал Константин Всеволодович с новгородцами и белозерцами. У других ворот стал Ярослав Всеволодович с переяславцами. У третьих ворот поставили Давида Юрьевича с муромцами. А Всеволод Юрьевич поставил свой стяг за рекою Проней в поле. С князем стояли сыновья Юрий, Владимир и два рязанских союзника Глеб и Олег Владимировичи.

Горожане бились, выходя из ворот Пронска «не брани деля, но жажды ради». После трех недель осады 18 октября 1207 г. мучимый жаждой Пронск сдался. В городе был посажен угодный Всеволоду Олег Владимирович.

Из Пронска вывезли немало ценностей и впридачу к ним супругу бежавшего к Ольговичам Кира-Михаила.

Старая Рязань решила не испытывать судьбу и прислала к Всеволоду Юрьевичу епископа Арсения с мольбой о пощаде. Епископ недавно учрежденной епархии застал Всеволода на берегу реки Прони, у села Добрый Сот, перед тем как наутро Всеволод собирался перейти Проню вброд.

За рязанцами, помимо прочего, водился и тот грех, что они нападали на шедшие по Оке ладьи с провиантом для полков Всеволода. А произошло следующее. От Пронска к Оке Всеволод Юрьевич выслал полк с Олегом Владимировичем «къ лодьямъ по кормъ». Когда полк стоял у «Ожьска», пришла весть, что из Старой Рязани вышел Роман Игоревич с полком и уже сражается с «лодейники у Лгова». Полки Всеволода поспешили к Ольгову и отразили Романа Игоревича.

Неудивительно, что одного визита епископа к Всеволоду оказалось недостаточно. Между

тем осень близилась к завершению, и Всеволод, подойдя к Оке, не смог переправиться на ее левый, северный берег из-за того, что «икры по ней идяху». По прошествии трех дней лед установился, и Всеволод, перейдя Оку, стал в Коломне. На следующее утро прошел дождь и пронеслась буря и лед был сломан. По чистой воде в ладье к Коломне во второй раз привезли рязанского епископа Арсения «с мольбою отъ людей и отъ Княгинь».

21 ноября Всеволод Юрьевич возвратился во Владимир-на-Клязьме. Вскоре на Клязьму рязанцы прислали оставшихся у них князей с «княгынами».

Когда Всеволод Юрьевич стоял в рязанских землях, Рюрик Ростиславович в очередной раз изгнал из Киева Всеволода Святославовича Чермного. Зимой Ольговичи подошли к Киеву, но, не сумев завладеть городом, вернулись на левый берег Днепра.

Зимой (1207 г.) Всеволод Юрьевич послал в Новгород сына Святослава, а Константина оставил в залесских землях и дал ему Ростов и еще пять городов.

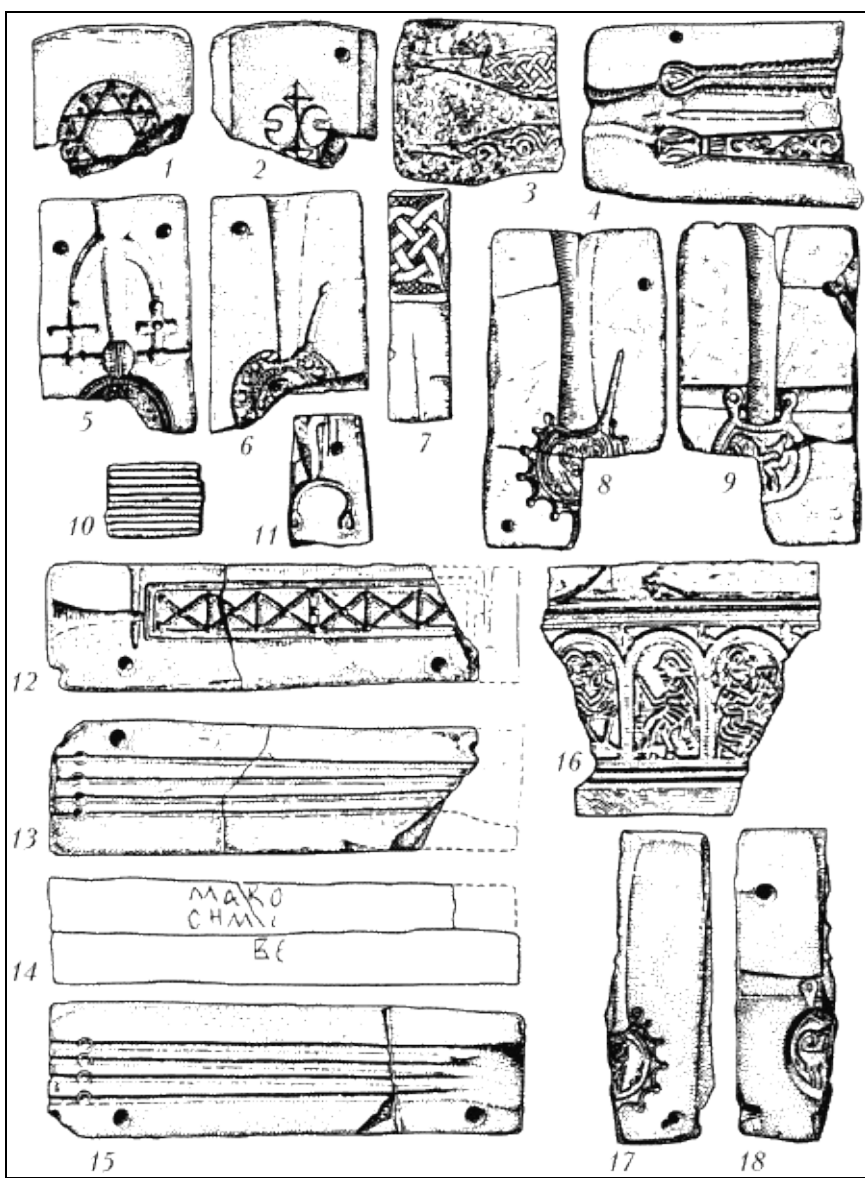
Всеволод Юрьевич простился с новгородцами в Коломне и там же дал им «волю всю и уставы старыхъ Кнзь». Да еще добавил им «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Сам же князь подал новгородцам не лучший пример. В марте 1207 г. (по Новгородской летописи 1208 г.) от Всеволода Юрьевича в Новгород приехали «Лазорь... и Борисъ Мирошкиницъ». Князь велел тем мужам убить новгородца «Ольксу Сбыславиця», да еще сотворить это на «Ярославли дворе». 17 марта казнь была совершена, и наутро следующего дня у образа св. Богородицы из церкви св. Якова на Неревском конце выступила слеза.

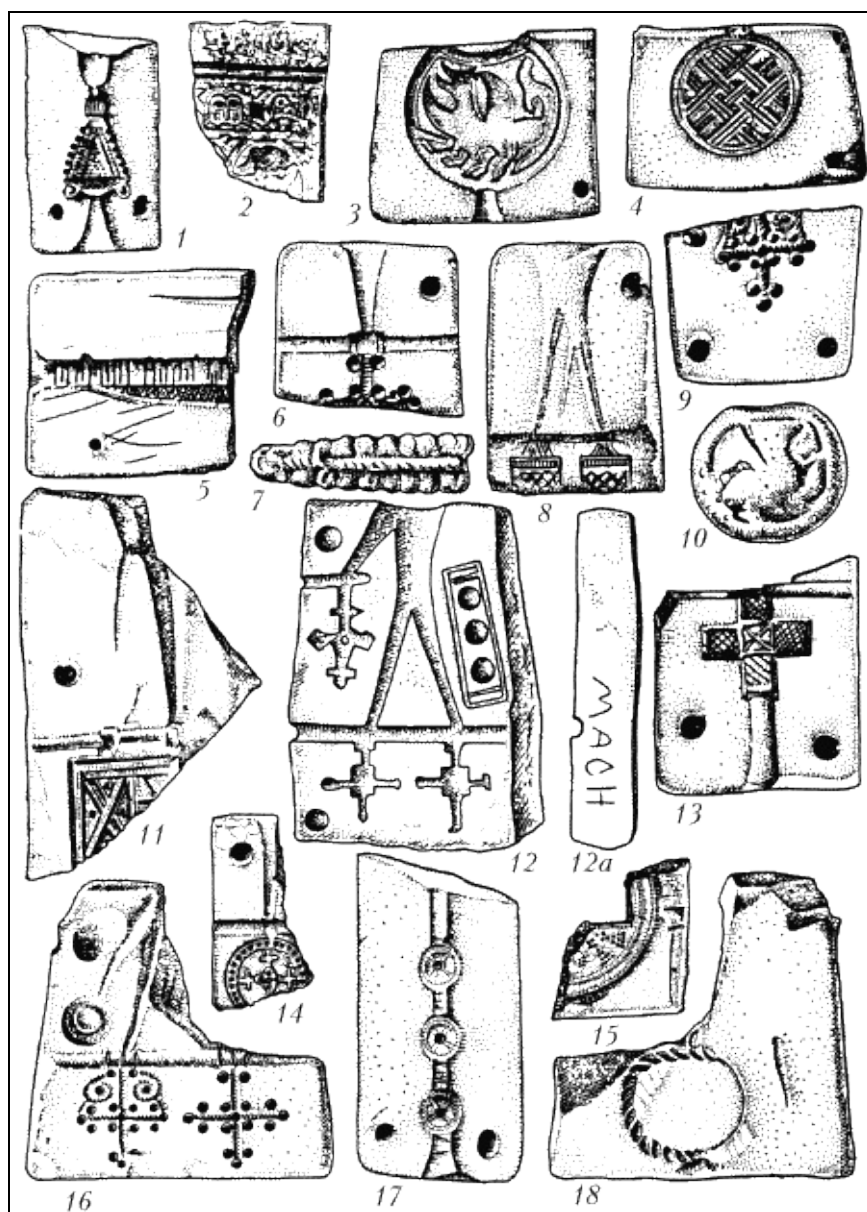
Когда новгородцы вернулись из похода 1207 г. на берега Волхова, они не преминули воспользоваться советом Всеволода — злых казнить. На вече досада горожан излилась на посадника Дмитрия и его братьев. Чиновников обвинили в том, что они велели с новгородцев «сребро имати», а по волостям «куры брати», с купцов «виру дикую» взимать (платеж за невыевленного убийцу) и «повозы возити». Причиной выступления против посадников среди прочего было и то, что самого Дмитрия, раненного в походе 1207 г., и семь иных знатных новгородцев Всеволод Юрьевич задержал во Владимире-на-Клязьме.

Скоро имущество посадника принялись делить. Горожанам досталось по три гривны и «избытъкъ разделиша по зубу». И походил раздел на грабеж, и кто «потай похватиль, а того единъ Богъ ведаеть».

Вскоре посадник Дмитрий скончался во Владимире-на-Клязьме, и его тело привезли в Новгород. Горожане хотели сбросить тело с моста в Волхов, да не дал архиепископ Митрофан. Тело Дмитрия захоронили в Юрьевом подгородном монастыре подле могилы отца.

Кое-что из имущества посадника досталось князю Святославу Всеволодовичу. Новое посадничество дали «Твѣрдиславу Михалковицю». И князь пошел навстречу новгородцам, сослав в Суздальскую землю ненавистных горожанам бояр «детий Дмитровыхъ... Володислава, Бориса,... Твѣрдислава Стакиловица, и Овстрата Домажировица».

Святослав Всеволодович был в ту пору еще очень юн и служил своего рода оберегом Новгороду. Военные походы северяне совершали под стягом иного князя — Владимира Мстиславовича, сына знаменитого и любимого новгородцами Мстислава Ростиславовича Храброго.

Новгородцы погнали литовцев, совершавших набег, «въ Ходиницихъ» и избили их с князем Владимиром Мстиславовичем и посадником Твѣрдиславом.

В 1208 г. Всеволод Юрьевич отправил брата Ярослава в Старую Рязань. И это был откровенный шаг, который не мог не вызвать глубокого недовольствия рязанцев. Горожане целовали к Ярославу крест и вскоре похватили людей и князя, заковали, а некоторых посадили в погреба и «засыпавше измориша».

Неудивительно, что, когда о расправе узнал Всеволод Юрьевич, он поспешил выступить с сыновьями к Старой Рязани.

Скоро стяг Всеволода реял на окском берегу под стенами и валами города. Из ворот Старой Рязани выехал Ярослав Всеволодович и расцеловался с отцом.

А рязанцы отправили к Всеволоду посла, и тот произнес «буюю» (буйную) речь «по своему обычаю и непокорьству». Всеволод Юрьевич велел народу выйти из Старой Рязани, а город

приказал сжечь.

Вслед за этим Всеволод подошел к расположенному неподалеку Белгороду и сжег и этот город.

Во Владимир-на-Клязьме Всеволод Юрьевич возвращался с сыном Ярославом, ведя рязанцев и их епископа Арсения.

Описанные события происходили летом и осенью 1208 г. А зимой того года рязанские князья (нашедшие убежище в Южной Руси) Кир-Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович «повоевали волость» вокруг Москвы. Всеволод Юрьевич послал к Москве сына Юрия, и он людей рязанских князей частично избил, а частично повязал. Самим же князьям удалось ускользнуть.

Скоро на севере Руси пришло следующее событие. В 1209 г. в Новгород прислал своего мужа сын Мстислава Ростиславовича Храброго Мстислав. Этот князь лишился волости (Горческа) в Южной Руси. Она была отнята Ольговичами.

Как только новгородцы узнали, что Мстислав просит у них стола, они заключили Святослава Всеволодовича в дом архиерея и принялись готовиться к шумной, полной ликования встрече нового князя. Всеволод Юрьевич не начал войну с Новгородом, но довольный тем, что Святослав приехал на Клязьму невредимым, отпустил задержанных новгородских купцов восвояси и до времени сохранял мир. Святослава из Нового Торга через Тверь привез старший брат Константин.

Мстислав Мстиславович от Нового Торга отступил к Новгороду, а оттуда уехал в Торопец в свой удел в смоленской вотчине.

В декабре 1209 г. в Ростове у Константина родился сын. В крещении младенца нарекли Василием. В 1209 г. Всеволод Юрьевич женился во второй раз. Его супругой стала дочь витебского князя, одного из потомков Мстислава Полоцкого Василька Брючиславовича. Первая супруга Всеволода Юрьевича по имени Мария родом была «Ясыня». Она умерла 19 марта 1206 г., а 2 марта Мария приняла пострижение.

Кстати будет заметить, что в XIII в. на Руси первое славянское имя, некогда бывшее основным, было заслонено именем, дававшимся в крещении и часто имевшим не славянскую, а греческую природу.

В 1210 г. Всеволод Юрьевич послал «меченошню» (меченосца) «Кузьму Ратьшича» с полком на реку «Тепру» (р. Пра), в мещерские леса к северо-востоку от Старой Рязани.

Вернулся во Владимир-на-Клязьме Кузьма Ратьшич с большим полоном. Этот поход в землю рязанцев не мог не насторожить Ольговичей, и из Киева от Всеволода Святославовича Чермного к Всеволоду Юрьевичу приехал митрополит Матфей. Всеволод Юрьевич целовал к Ольговичам крест и отпустил митрополита в Южную Русь.

Всеволод Святославович в 1210 г. сидел в Киеве, Рюрик Ростиславович, как это ни странно, в Чернигове. Ольговичи, дабы удержать Киев, поступились своим родовым гнездом.

Весной 1210 г. половцы воевали под Переяславцем и ушли в степь с большим полоном.

18 июня 1210 г. в Ростове у Константина Всеволодовича родился сын, в крещении нареченный Иоанном.

В следующем, 1211 г. Ольговичи и большое княжеское гнездо северо-восточных земель, дабы укрепить союз, сочетали браком сына Всеволода Юрьевича Георгия и дочь Всеволода Святославовича Чермного. Венчал молодоженов епископ Иоанн в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

В мае 1211 г. погорел едва ли не весь Ростов Великий. В городе сгорело пятнадцать церквей. Константин был у отца на Клязьме. Узнав о пожаре, князь поспешил в Ростов и, оглядев по приезде пепелище, утешил горожан, сказав: «Бог дал, бог и взял, да будет имя

Господа благословенно отныне и до века».

Западная Русь 1208–1212 гг.

Но вернемся к делам Западной Руси. Малолетние дети покойного Романа Мстиславовича Даниил и Василек все еще оставались крохами и никого не могли заставить с собой считаться. Приехавшие из-за Днепра Ольговичи, потомки знаменитого Игоря Святославовича, перессорились друг с другом.

Роман Игоревич, сидевший в Звенигороде, уехал в Венгрию и, возвратившись, с помощью короля Андрея изгнал из Галича брата Владимира и сам водворился в городе. Владимир Игоревич бежал в Путивль. Остававшаяся в Венгрии вдова Романа надеялась, что король отдаст Галич ее старшему сыну Даниилу, и немало удивилась произошедшему. События эти происходили около 1208 г.

Нечто схожее произошло на Вольни. Лешко и Конрад польские подошли под стены Владимира-Волынского. Среди польских стягов горожане разглядели стяг одного из потомков Мономаха Александра Всеволодовича, сына покойного Всеволода Мстиславовича, некогда спорившего за город с самим Романом.

Горожане без особого страха открыли ворота и скоро о том пожалели. Владимир-Волынский был ограблен поляками. Народ укрылся в церкви Богородицы, крепкие двери которой поляки не могли «исечи». Там и спасся «останокъ» горожан.

Сидевшего во Владимире-Волынском Ольговича Святослава Игоревича схватили и увезли в Польшу.

Из Бреста к Лешку Польскому, когда тот шел к «Орельскоу», приехали просить младшего сына Романа Мстиславовича Василька. Лешко просьбу исполнил, и «Берестьяне» встретили мальчика «яко великаго Романа».

Во Владимире-Волынском Лешко посадил Александра Всеволодовича.

В то время в Пинске поляки и бывшие с ними Ингвар и Мстислав (сын Ярослава Изясловича Луцкого) Ярославовичи схватили Владимира (либо бежавший из Галича Владимир Игоревич, либо один из потомков Мономаха).

Скоро Ингвар Ярославович был посажен поляками во Владимире-Волынском. Лешко Польский женился на дочери того князя (Гремислава). А Александр Всеволодович переехал в волость отца в Белз.

Ингвар Ярославович был чужим во Владимире-Волынском и с местным боярством жил плохо. В конце концов город Владимир-Волынский перешел под руку Александра Всеволодовича. А вдова Романа прислала к Лешку в Польшу боярина «Мирослава» просить волостей для юного Василька. Лешко придал к Бресту город Белз, а Александр Всеволодович взамен получил города «Оугревскъ, Верещинъ, Столпъ, Комовъ».

Получается, что поляки и венгры после гибели Романа Мстиславовича практически безраздельно вершили судьбы Западной Руси.

Мало того, Западную Русь стали тревожить набеги литовцев и ятвягов. В городе «Червньне» сидел брат Александра Всеволодовича Всеволод. Литва и ятвяги воевали у «Тоурискъ», «Комова» и подошли к Червеню. У городских ворот княжеская застава схватилась с Литвой. Там побили «Матяя, Любова зятя и Доброгостя», выехавших «оу сторожа». Вольнь приуныла, пригорюнилась.

В Галиче также творилось неладное. Венгерский король Андрей послал в Галич своего мужа Бенедикта с полком. Романа Игоревича (в 1208 г. посаженного в Галиче венграми) схватили в бане «мьющаяся» и отправили в Венгрию.

И начали венгры творить в Галиче произвол. Свидетель событий Тимофей, выводивший

свой род из Киева и бывший «премоудрь книжник», сравнил Бенедикта с антихристом. И был Бенедикт «томитель бояромъ и гражданамъ». Венгры «блоудь творя и оскверняхоу жены же и черници и попадьи».

Обезумевшие от бесчинств венгров галичане поспешили к вольнскому городу Пересопнице и привели из него Мстислава Ярославовича (сына Ярослава Изяславовича Луцкого).

Когда Мстислав Ярославович подошел к Днестру, боярин «Щепановичъ Илия» привел князя на курган, именованный «Галициноу могилоу». Боярин засмеялся, говоря Мстиславу: «...оуже еси на Галицини могиле поседель тако и в Галиче княжилъ еси». С тем Мстислав Ярославович и воротился в Пересопницу.

Тем временем Ольгович (Роман Игоревич) сбежал из Венгрии. А галичане, по-прежнему томимые Бенедиктом, обратились к его брату Владимиру Игоревичу, прося, несмотря на изгнание князя, прийти и избавить область от истязателей.

Владимир Игоревич подступил к Галичу. Бенедикт бежал в Венгрию, и Ольговичи вновь сели княжить в Западной Руси: Роман Игоревич в Звенигороде, Владимир Игоревич в Галиче, а Святослав Игоревич в Перемышле. Сын Владимира Игоревича Изяслав получил Тербовль, другой сын Всеволод был отправлен в Венгрию к королю Андрею с дарами.

А в Венгрии Андрей с придворными всерьез подумывал над тем, чтобы выдать дочь замуж за Даниила Романовича. Оба отрока были юны для брака, да у Андрея не было сына-наследника.

В 1208 г. «Оубьень быс црвь великыи Филипъ Римскый». Сестра Андрея принялась молиться, дабы брату был послан богом помощник. В результате отдали дочь (Андрея) за «Лонокрабовича за Лоудовика» (ландграфа). Сестру звали «Альжьбитъ», а прежде «Кинека».

Ольговичи не сумели мирно ужиться со своенравным галицким боярством. Стандарты княжеской власти, распространившиеся к востоку от Днепра, в Галиции вызывали яростное сопротивление. В результате Ольговичи после совместного совета скатились до избиения бояр и тем подписали себе смертный приговор.

Убили шутившего у кургана Галицкая могила боярина Илью Щепановича. Убили и боярина Юрия Витановича. Всего погибло от рук Ольговичей пятьсот галицких бояр. И были это «велиции бояре». Оставшиеся из городов разбежались, укрывшись в своих усадьбах-гнездах на вершинах Карпатского кряжа.

Один из бояр «Володислав же кормиличичъ» сумел бежать в Венгрию. Приехали за ним следом и «Соудиславъ и Филипъ». И принялись галицкие бояре отыскивать в чужом королевстве юного Даниила Романовича. А был князь еще «Детьска соуца». Однако далее терпеть Ольговичей или Бенедикта галичане были не в силах и наверняка в глубине души подумывали, что напрасно в свое время не удержали вдову Романа Мстиславовича.

Стали просить у Андрея Венгерского Даниила. Король согласился и придал воспитаннику собственные полки в «силе тяжце». В Галицию король отправил «великого дворьского Пота», поставив его воеводой над полками. С Потом ехали «первый Петръ Тоуровичъ, вторыи Банко, трети Мика Брадатый, четвертый Лотохароть, пятый Мокьянь, шестыи Тибрець, седмы Мороцель и инии мнозии».

Когда силы венгров подошли к Перемышлю, боярин Владислав подъехал к стенам города и обратился к стоявшим на забороллах галичанам: «Брате почто смьшляетеса не ольговиче ли избили отцов ваших и братьев, имение разграбили, а дочерей ваших выдали за рабов ваших, а очьствию вашими инии пришельци, за тех ли хотите душу положить». Город был сдан, а сидавший в нем Святослав Игоревич выдан.

Далее венгры с Даниилом Романовичем подошли к Звенигороду. Горожане закрылись и, сев в осаду, принялись люто биться с пришельцами, не пуская их ни к детинцу, ни к острожным воротам. Звенигородцы могли опасаться венгров и оттого упорствовали, предпочитая княжение

Романа Игоревича.

Но на беду Ольговичам на Звенигород, а вместе с тем и на Романа Игоревича ополчились все князья Западной Руси. Из Белза от сидевшего там Василька Романовича к Звенигороду приехали «великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ и Дъмьянъ и Воротислав и иннии бояре мнозе и вой от Белза». От Лешка Польского подошли «Соудиславъ Бернатовичъ со многими поляны». От Пересопницы приехал Мстислав Ярославович «Немый» (в свое время стоявший на кургане Галицкая могила). Из Владимира-Волынского пришли Александр и Всеволод Всеволодовичи. С Волыни Ингвар Ярославович прислал сыновей. Подошла помощь и к Роману Игоревичу. Это были старые союзники Ольговичей — половцы.

На «Лютой рецы» между половцами и противниками Ольговичей произошла перестрелка. Скоро Роман Игоревич понял, что дело его в Галиции проиграно, и выехал из Звенигорода, стремясь найти помощь в «Роускыхъ князехъ». Мог, хотя и теоретически, рассчитывать Роман Игоревич и на помощь троюродного брата Всеволода Святославовича Чермного, сидевшего в Киеве. Однако на берег среднего Днепра галичане Ольговича не пустили, зная, чем это может для них обернуться.

В городе Шумске «на Мосце» Роман Игоревич был схвачен «Зерьнькомъ и Чухомою» и скоро оказался в стане юного Даниила Романовича.

Когда в Звенигороде узнали, что Роман Игоревич пленен, город сдался. До того момента звенигородцы могли ожидать стяги Ольговичей под своими стенами. В Галиче сидел Владимир Игоревич. Этот князь поспешил убежать из города, как только узнал о подходе неприятеля. Едва ли галичане сожалели об отъезде Владимира Игоревича и его сына Изяслава.

За Ольговичами отрядили погоню. Нагнали их у реки «Незды». Изяслав Владимирович принялся сражаться, но потерял коня.

А в Галич въехала вдова Романа Мстиславовича с сыном Даниилом, и в церкви пресвятой Богородицы чествовали нового князя. Съезжавшиеся в Галич уцелевшие после правления Бенедикта и Ольговичей западнорусские бояре наверняка украдкой смахивали скупые мужские слезы с властных упрямых лиц.

Тогда встал вопрос о плененных Ольговичах: Романе, Святославе и Ростиславе Игоревичах. Венгры собрались отвезти их к своему королю, да их великими «дарми» разубедили галичане.

Вскоре галичане Ольговичей «повесили мести ради». События эти происходили в 1212 г. Они лишней раз указывали на то, что в XIII в. Ярославовичи что-то означали лишь в собственных вотчинах, в чужих же уделах уподоблялись вырванному с корнем дереву, обреченному засохнуть.

Скоро нрав галичан проявился. Даниила стали разлучать с матерью. Юный князь заплакал, и когда «Олександръ тивоунъ Шюмавиньскый» взял его коня за повод, Даниил выхватил меч и принялся рубить им тиуна. Мать забрала из рук Даниила меч, успокоила, как могла, сына и уехала в Белз.

О том изгнании сожалел Андрей Венгерский. Организатором изгнания вдовы Романа был боярин Владислав, который ее же с Даниилом привез в Галич из Венгрии.

Спустя год к Галичу подошел Андрей Венгерский. Он привез изгнанную вдову Романа. Приехали к Галичу и Ингвар Ярославович из Луцка и другие западнорусские князья и бояре из Владимира-Волынского.

Боярин Владислав при малолетнем Данииле Романовиче практически самолично правил Галицией.

Дело кончилось тем, что Владислава заковали и увезли в Венгрию, однако братьям честолюбивого боярина «Яволодоу и Ярополкоу» удалось добраться до Пересопницы, где сидел князь Мстислав (Ярославович Немый).

Скоро Мстислав с галицкими боярами выступил в поход и оказался у «Бозкоу» (Божска). Из того города выбежал в Галич посадник «Глебъ же Подковичь... и Станиславичъ Иванко и братъ его Збыславъ».

Как только обо всем узнала вдова Романа, она, взяв Даниила с «Вячеславомъ Тольстымъ», поспешила в Венгрию. Княгине был хорошо знаком нрав галичан. Второй сын Василько Романович с «Мирославомъ» из Галича поехал в свою волость в Белз.

Но вернемся к повествованию об истории северо-восточных земель Руси. 13 апреля 1212 г. скончался князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Он единовластно правил ростово-суздальскими землями 37 лет, и под его рукой этот некогда далекий от Киева и малозначащий регион преобразился в силу, являющуюся наиболее мощной во всей Руси.

Конечно же, проистекало это из единства северо-восточных земель. Позже ростово-суздальские земли переживут тот же период, что и Южная, и Западная Русь переживали в XII–XIII вв.

Всеволод Юрьевич был так силен, что фраза летописца о том, что от одного его имени «трепетаху вса страны, и по всей земли изиде слух его», абсолютно справедлива.

Рукотворным памятником Всеволоду Юрьевичу остался созданный им каменный собор св. Дмитрия, украсивший двор князя во Владимире-на-Клязьме.

Отпевал Всеволода епископ Иоанн с игуменами, черноризцами и всеми попами владимирскими в златоглавом Успенском соборе. Там князя и упокоили.

С кончиной Всеволода Юрьевича северо-восточные земли стали дробиться на уделы и начали утрачивать мощь и значение. Дети Всеволода расселись по городам и начали самостоятельно княжить каждый в своей волости. Юрий Всеволодович после кончины отца отпустил восвосяи рязанских князей и епископа рязанской епархии Арсения. Рязанские княгини благодаря хлопотам киевского митрополита (Матвея) были отпущены еще Всеволодом Юрьевичем.

Разногласия в Большом Гнезде начались в 1212 г. Юрий и Ярослав Всеволодовичи ходили к Ростову Великому, но, к счастью, скоро помирились со старшим братом Константином и вернулись в свои волости. 23 мая 1212 г. в Ростове Константин Всеволодович устроил «постригы» возмужавшим сыновьям Васильку и Всеволоду, и в XIII в. в христианской Руси не забыли древнего славянского обряда. Ростовцы на празднике веселились от души.

Конфликт между Константином и Юрием корнями уходил в 1211 г. Тогда Всеволод Юрьевич послал за Константином в Ростов, желая оставить его своим преемником во Владимире-на-Клязьме, а Ростов отдать Юрию. Константин не выехал к отцу, желая к Ростову получить и Владимир-на-Клязьме. Всеволод послал вторично за Константином и в конце концов отдал первенство Юрию.

Германцы в Прибалтике

В то время как Ярославовичи, борясь друг с другом, разорили и унизили Киев, Германия, практически завершив покорение земель полабских славян, вышла на новые восточные рубежи в Пруссии и Прибалтике.

Еще в 1186 г. в Ливонию приплыл латинский миссионер Меингард. Прежде чем приступить к десятилетней деятельности, Меингард испросил позволение у полоцкого князя и получил согласие. В 1196 г. Меингард скончался. С течением времени архиепископ Бремена стал рукополагать епископов Ливонии.

Епископ Ливонии Бертольд (1197–1198) был убит. Третьим епископом Ливонии был Альберт. Он и основал в устье Западной Двины в 1201 г. город-крепость Ригу. Тем самым Германия каменной пробкой закупорила важный для Смоленска и Полоцка торговый путь в Балтику.

В 1201 г. епископ Альберт, стоя под сводами рижского замка, основал орден меченосцев. Папа Иннокентий III дал ордену устав рыцарей храма. Началось активное обращение балтов и эстонцев в католицизм. В 1201 г. с епископом Альбертом заключила мир Литва. Скоро литовцы напали на земгалов (данников Полоцка), но полочане отразили литовцев. В 1202 г. германцы возвели еще одну крепость в Прибалтике — Дюнамюнде.

Полоцкие князья, имевшие в низовьях Западной Двины крепости, рано поняли, чем грозит обернуться германское присутствие в Прибалтике. Полоцкий князь Владимир осадил крепости Кирхгольм и Иксукуль. Осада была снята после получения дани с ливов и вести о том, что неприятельский флот подошел в воды Рижского залива. Это приплыл датский король Вольдемар, откликнувшийся на просьбу папы помочь рижскому епископу.

В 1205 г. в Прибалтику с рыцарями-крестоносцами вернулся епископ Альберт. Скоро Альберт отдал рыцарям треть склонившей голову Ливонии, и Прибалтика стала стремительно застраиваться замками, подобными каменным гнездам.

В нижнедвинской крепости Куkenойс сидел один из полоцких князей Вячко. Оказавшись среди покорных германцам земель, Вячко заключил с рижским епископом мир. В 1206 г. полоцкие князья приняли послов ливов, жаловавшихся на притеснения от германцев, и послов от рижского епископа, добивавшихся от Полоцка невмешательства в дела Прибалтики.

В 1207 г. полочане совместно с литовцами осадили германскую крепость Гольм, но завладеть ею не сумели. В 1207 г. крещение Ливонии германцами было завершено. В 1208 г. германцы подошли к землям латгалов (восточных латышей). И началось вытеснение полочан из крепостей в низовьях Западной Двины.

Сидевший в Куkenойсе князь Вячко опирался на поддержку балтских народов латгалов и селлов, но в 1207 г. был вынужден уступить часть своих земель германцам. В 1208 г. Вячко сам сжег город и ушел в полоцкие земли.

В 1209 г. германцы приступили к завоеванию второй твердыни полочан в низовьях Западной Двины — города Герцике.

Город пал, но был отдан в лен ранее сидевшему в нем князю Всеволоду. Князь был женат на литовке. Епископ Риги отнял у Всеволода супругу и потребовал расторгнуть союз с Литвой. В 1214 г. Герцике окончательно перешел в руки германцев.

Из-за ограниченности ресурсов далее на восток орден продвигаться пока не стремился, и еще в 1210 г. епископ Альберт, заботясь о нейтралитете русских, отправил в Полоцк рыцаря Арнольда с мирными предложениями. Полоцку было не до нижнедвинских князей и городов, и на мир с епископом он согласился. Тем самым фактически был сдан Герцике.

Между прочим Арнольд спросил у Владимира Полоцкого, не откроет ли он рижским купцам доступ в свои земли. И началась эпоха договоров Полоцка и Смоленска, с одной стороны, и Риги и балтийского острова Готланд — с другой.

При заключении договора 1212 г. Владимир Полоцкий потребовал от Риги прекратить крещение ливов. Ранее, в 1211 г., Рига взимала дань с ливов.

Когда Рига завладела землями современной Латвии, она принялась за лежавшие севернее земли эстов. За помощью эсты обратились к Владимиру Полоцкому. Князь собрался выступить на их защиту, но в 1215 г. скончался. Так для Руси была окончательно утрачена некогда покорная ей Прибалтика.

Не мог помочь полочанам и сидевший в Новгороде Мстислав Мстиславович, сын любимого на севере Руси князя.

Мстислав Мстиславович

В 1211 г. из Южной Руси в Новгород пришел «Дмитрь Якуницъ». Старый посадник эпохи Всеволода Юрьевича «Твердислав» добровольно уступил должность «Дмитру». Это было окончание смены власти в Новгороде. В Великие Луки на укрепление южных рубежей новгородских земель Мстислав Мстиславович отправил «Дмитра» (посадника). Сам князь выступил на границу с ростово-суздальскими землями на «Търъжкъ», дабы «блюсть волости». В то время Всеволод Юрьевич уже не грозил Торжку, занимаясь вопросами престолонаследия, и Мстислав Мстиславович поехал в Смоленский удел-город Торопец и далее к Великим Лукам. В этом городе Мстислав посадил родного брата Владимира Мстиславовича, выведенного им из Пскова.

Летом 1212 г. Мстислав Мстиславович пошел на чюдъ (на эстов), именуемую «Торму». Вернулся князь в Новгород с большим полоном и множеством скота.

Зимой 1212 г. Мстислав подошел к городу эстов Медвежья голова. По прошествии восьми дней осады горожане, страдая от голода, откупились от Мстислава четырьмястами гривнами, данными ногатами.

Подобными походами русский князь едва ли мог оградить эстов от рыцарей рижского епископа.

Упомянем об одном весьма примечательном для древнего Новгорода происшествии. 22 января 1211 г. (по новому летоисчислению 1212 г.) новгородцы повели своего архиепископа в Торопец, на север смоленских земель. И тут очень кстати в Новгород из Константинополя приехал некогда изгнанный (митрополитом Митрофаном) «Добрыня Ядренковиць». Этот новгородец ранее принял монашеское пострижение в монастыре св. Спаса на Хутыне, основанном в конце XII в. Варлаамом. Князь Мстислав Мстиславович отправил Добрыню в Киев к митрополиту на утверждение, а вернулся Добрыня в Новгород архиепископом Антонием.

Кажущееся сумасбродство новгородцев было тщательно продуманным политическим шагом, имевшим целью устранить в духовной сфере влияние Большого Гнезда ростово-суздальских князей.

После кончины Всеволода Юрьевича его сыновья сели по городам некогда обширного единого княжества. Старший Константин удерживал Ростов и Ярославль. Юрий владел Владимиром-на-Клязьме и Суздаlem. Ярослав сел в Переяславле-Залесском и поддерживал Юрия. Примкнул к их союзу и Святослав, владевший Юрьевом-Польским. Константина поддерживал лишь один из братьев — Владимир-Димитрий. В 1213 г. этот Владимир поехал княжить в малозначимый городок Москву. (Скоро Юрий и Ярослав вывели из Москвы Владимира.) Но прежде из Ростова Владимир выехал в Волок Ламский и уже там получил уведомление Константина идти к Москве. Братья не могли помириться. Скоро Юрий, Святослав, Ярослав и юный Иоанн, пригласив с собою Давида Юрьевича Муромского, с полком подошли к Ростову. Тем временем полк Константина сжег Кострому и захватил людей в плен.

Когда Юрий с братией подошли к Ростову, неприятели стали по оба берега реки Идши (Вексы) и начали через нее битву. Окрестные села занялись пламенем, и если это видел из иного мира Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, душа его облилась слезами. Северо-восточные земли пошли вслед за Южной Русью, и силы ее потекли сквозь пальцы князей, как вода.

К счастью, под Ростовом Всеволодовичи помирились, целовали крест и разъехались по волостям.

В 1213 г. Константин отправил своего меньшего брата Владимира-Димитрия из Москвы в

Южную Русь, в Переяславль. В 1215 г. Владимир женился на дочери одного из Ольговичей Глеба Святославовича (после кончины Рюрика Ростиславовича занявшего Чернигов).

В том же 1215 г. Владимир Всеволодович выступил из Переяславля навстречу шедшим на Русь половцам и, проиграв сражение и потеряв воинов, попал в плен и был уведен в вежи.

Однако Ярославовичи не пропадали без следа в половецких вежах. В 1218 г. Владимир Всеволодович предстал перед братьями невредимым и получил в удел город Стародуб, стоящий на реке Клязьме, ниже Владимира.

Между тем Константин Всеволодович активно вел в своей волости церковное строительство. 25 апреля 1213 г. князь заложил в Ростове церковь Богородицы на месте ранее рухнувшего храма.

А 23 октября 1213 г. у Юрия Всеволодовича родился сын, названный Всеволодом, в крещении нареченный Димитрием. Назвали младенца в честь знаменитого деда в надежде на его великую будущность.

В 1214 г. старый епископ Иоанн, спутник Всеволода, постригся в чернецы в Боголюбове и удалился от суетного мира.

В 1214 г. у Константина Всеволодовича родился сын Владимир, в крещении названный Димитрием. В том же году Константин отправил в Киев своего духовника, игумена обители св. Петра Пахомия. Митрополит Руси Матфей 10 ноября утвердил Пахомия новым епископом ростовским. И 28 января (1215 г.) епископ Пахомий вернулся в Ростов.

В 1214 г. Константин, следуя примеру отца, дяди и деда, заложил на своем дворе в Ростове церковь в честь св. Бориса и Глеба.

Тем временем Юрий Всеволодович решил создать независимую от Ростова епископскую кафедру. В споре со старшим братом Константином это было немаловажным фактором. Князь отправил в Киев к митрополиту игумена обители Рождества св. Богородицы Симона, и скоро Русь обрела нового владыку Суздальского и Владимирского.

В 1215 г. Константин заложил в Ростове храм в честь Успения Богородицы.

В 1216 г. скончался недавно поставленный епископом в Ростове Пахомий. Прежде он пять лет был иноком Печерского Киевского монастыря, тринадцать лет Пахомий служил игуменом в ростовском монастыре св. Петра.

Хоронили владыку в соборе пресвятой Богородицы в Ростове князь Константин и приехавший из Суздаля епископ Симон.

В 1216 г. в Ростове епископом был поставлен суздальский черноризец обители св. Димитрия Кирилл.

Строил церкви Константин не только в Ростове. В 1216 г. князь заложил в Ярославле каменную церковь в монастыре Спаса Преображения. В следующем, 1217 г. в северо-восточных землях Руси случилась большая беда, но мы несколько отвлечемся от данного повествования и обратимся к иным землям Руси.

В 1215 г., как упоминалось выше, скончался в Чернигове Рюрик Ростиславович. Имя этого князя не может быть прославлено в русской истории из-за варварского разорения Киева (1204 г.).

Вскоре после кончины старейшего в Южной Руси Мономаховича Ольговичи во главе с Всеволодом Святославовичем Чермным изгнали детей и племянников Рюрика из волостей и уделов киевских земель. Предлогом к изгнанию послужило повешение сыновей Игоря Святославовича (одного из Ольговичей) в Галиче в 1212 г. В трагедий обвинили покойного Рюрика Ростиславовича и его родню.

Мономаховичи удалились из Южной Руси в смоленские земли и сели в ней по уделам.

А на севере Руси творилось следующее. В 1213 г., на Петрово говение, Псков подвергся

нападению литовцев и был сожжен. Сидевший в городе князь Владимир Мстиславович (брат Мстислава Мстиславовича) был изгнан псковичами за тесные сношения с рижским епископом Альбертом. Владимир Мстиславович обратился за помощью к полоцкому князю, да, ничего не добившись, уехал в Ригу. Этот князь доводился тестем брату епископа Дитриху.

Мстислав Мстиславович прислал в Псков своего двоюродного племянника Всеволода (Мстиславовича-Борисовича, сына Мстислава-Бориса Романовича).

Когда в 1214 г. Мстислав Мстиславович узнал, что германские отряды вступили в пределы эстов, он собрал войско из пятнадцати тысяч новгородцев и двинулся к западу от Чудского озера. «На Ереву... к морю». С Мстиславом выступили из Торопца брат Давид Мстиславович и племянник из Пскова.

Германцы заблаговременно укрылись в рижском замке, и русские князья, осадив город эстов Воробьин-Верпель взяли с жителей семьсот гривен ногатами, «повоевали» селения и вернулись в свои волости.

Мстислав две трети добычи отдал новгородцам, треть оставил своей дружине.

В 1215 г. Новгород постигло известие о кончине Рюрика Ростиславовича и об изгнании Мономаховичей из Южной Руси. Мстислав собрал на Ярославовом дворе Новгорода вече и объявил о намерении идти в поход на Ольговичей к Киеву.

Ответ, данный новгородцами Мстиславу, звучал так: «Камо княже очима позриши ты, тамо мы главами своими вржемь». («Куда князь очами посмотрит, туда мы головы свои повернем».) 8 июня 1214 г. Мстислав Мстиславович с ополчением выступил из Новгорода к Смоленску.

В городе новгородцы поссорились со смолянами и в драке одного убили (смолянина). Вслед за тем новгородцы объявили Мстиславу, что далее не пойдут. Князь пытался уговаривать новгородцев, да напрасно. Но когда Мстислав с братьями и племянниками выехал за стены Смоленска, новгородский посадник Твердислав тронул сердца северян прочувствованной речью, и те догнали Мстислава в дороге.

В поход на Ольговичей к Киеву кроме Мстислава с новгородцами выступило немало потомков Мономаха. Из Смоленска вышли Мстислав-Борис Романович, Владимир Рюрикович, Константин и Мстислав Давидовичи. С Вольни, из Луцка, к Киеву двинулся Ингвар Ярославович (троюродный брат смоленских внуков Ростислава Мстиславовича).

Мономаховичи продвигались к Киеву долиной Днепра и прежде всего завладели городом Речицей. Далее они стали брать днепровские города Ольговичей, пока не подошли к стенам Вышгорода. Тут произошло сражение, и Мстислав Мстиславович пленил двух Ольговичей — Ростислава и Ярополка Ярославовичей. Вышгород отворил Мономаховичам ворота, а сидевший в Киеве Всеволод Святославович Чермный поспешил на левый берег Днепра, перетопив на переправе множество народа.

Мстислав Мстиславович вернулся в Новгород и в 1216 г., собрав вече, объявил горожанам о намерении пойти в Южную Русь. Сославшись на безотлагательность в решении важных дел, Мстислав обещал новгородцам в случае необходимости помощь. Скоро она и в самом деле понадобилась.

Посоветовавшись, новгородцы отправили к Ярославу Всеволодовичу в Переяславль-Залесский «Иванковиця Посадника и Якуна Тысяцкаго и купць старейшихъ» десять мужей. Первой супругой Ярослава Всеволодовича была половчанка. А во второй раз Ярослав женился на дочери Мстислава Мстиславовича.

Ярослав Всеволодович на просьбу откликнулся, и из Новгорода навстречу князю выехал архиепископ Антоний, бывший знакомым нам Добрыней Ядренковичем.

Но ужиться Ярослав Всеволодович с новгородцами не сумел, чем его появление на Волхове напомнило злосчастное правление Ольговичей в Галиче. Князь, недовольный своеволием

северорусских бояр, принялся их хватать, надеясь проучить и что-то изменить в Новгороде. Взяли «Якуна Зуболомица». В Торжок послали за тамошним посадником Фомой Доброщаницей. Заковав, его отправили в «Тьхверь» (Тверь), бывший малозаметным городком при устье реки Тверцы. «Федор Лазутиницъ и Ивор Новотържць» оклеветали перед князем «Якуня Тысяцкого Намнежиця».

Новая княжеская метла мела в Новгороде вовсю, и нашлись такие, кому это пришлось по вкусу. Ярослав Всеволодович знал, на каких струнах горожан можно сыграть, и, собрав вече, изблещил на нем Якуна тысяцкого. Скоро двор Якуна оказался разграблен, а жена тысяцкого была схвачена.

Наутро Якун с посадником пришел к князю, но добился лишь того, что схватили его сына Христофора.

Казалось, политика Ярослава Всеволодовича, организованная по принципу «разделяй и властвуй», приносила желанные плоды, ослабляя норовистое северорусское боярство руками самих новгородцев и как бы выгораживая князя, но тут народная стихия вышла из берегов.

Новгородцы, почувствовав вкус к безнаказанному грабежу, принялись громить уже по своему усмотрению. Горожане убили «Пруси-Овстрата и сынъ его Лугошу и вьвргоша и вь греблю мьртвь».

Ярослав Всеволодович, поняв, что выпущенное им же наружу пламя неуправляемо, поспешил покинуть Новгород и поехал к Новому Торжку, взяв с собой «Твьрдислава Михалковиця, Микифора Полюда, Сбыслава Смена, Ольску» и много иных бояр. В Торжке Ярослав одарил бояр и отпустил в Новгород.

А между тем осенью 1216 г. на севере Руси был собран ничтожно малый урожай. Вокруг Новгорода «поби мразь обилье по волости». У Нового Торга урожай, напротив, оказался цел. Ярослав Всеволодович сообразил, как проще всего досадить новгородцам. Он перестал пускать через Торжок к Новгороду «ни возы, ни ладьи с хлебом».

Скоро новгородцы поняли, какая зима их ожидает, и послали к Ярославу Всеволодовичу «Смена Борисовиця, Вячеслава Климятиця, Зубца Якуна». Князь послов задержал, а цены на продовольствие в Новгороде взлетели до небес. За кадушку ржи давали десять гривен, за ту же меру овса давали три гривны. За воз репы платили две гривны. Дети принялись собирать для питания «одьрень» (древесную кору). В Новгороде и в Водской Пятине население от голода стало умирать. Те, кто остался жив, стали расходиться кто куда. В конце концов, «останекъ живыхъ» послали в Торжок к Ярославу Всеволодовичу «Иванковица Посадника и Степана Твьрдиславиця и иных мужей». Князь и это посольство задержал, а в Новгород отправил «Ивораича Поноса», и тот привез Ярославу супругу (дочь Мстислава Мстиславовича). Видно, и в самом деле не по-доброму уехал Ярослав Всеволодович из Новгорода.

Наконец, в Новгород приехал из Южной Руси Мстислав Мстиславович. Он заковал «Хото Григоревиця», наместника Ярослава Всеволодовича, и всех иных его сторонников, а в Торжок послал «попа Гюргя св. Иоанна».

Мономаховичи двинулись вслед за Ольговичами к Чернигову и простояли под его стенами двенадцать дней (по иным данным три недели). В городе заперся брат Чермного Глеб Святославович. Сам Всеволод Святославович Чермный не пережил произошедшего и вскоре скончался. Пригород и окружающие Чернигов села были сожжены, и в итоге Ольговичи и Мономаховичи целовали друг к другу крест и помирились.

Глава 18

ЭПОХА КНЯЖЕНИЯ МСТИСЛАВА РОМАНОВИЧА (1215–1223)

Поход Мстислава Мстиславовича в Залесскую землю

Мономаховичи так сели в Южной Руси. В Киеве вокняжился Ингвар Ярославович. Этот князь сидел в Киеве ранее, в 1202 г. Мстислав Романович сел в Вышгороде. Скоро Ингвар Ярославович уехал в Луцк, а в Киеве сел Мстислав Романович.

Мирные предложения Мстислава Ярослав Всеволодович отверг и отправил в Новгород сто новгородских мужей изгнать Мстислава. Сам же тем временем по всем зимним путям от Новгорода лес «засекоша».

Между тем сотня новгородцев, благополучно вернувшись в свой город, и не помышляла изгонять Мстислава. Ярослав Всеволодович с досады собрал оставшихся в Торжке новгородцев на поле за городом, заковал их и разослал по городам своей волости в заключение.

Были и такие в Новгороде, кто предпочел с женами и детьми бежать к Ярославу Всеволодовичу. Их звали «Владислав Завидиц, Гаврила Игоревич, Гюрьгий Ольксиниц, Гаврилц Милятиниц».

В помощь Мстиславу Мстиславовичу из Ливонии приехал младший брат Владимир Мстиславович. У этого князя не все гладко складывалось в данной ему тестем Дитрихом (братом рижского епископа Альберта) области. Она располагалась между Ригой и Вендином (совр. Валмиера) и именовалась Идумеей. Рыцари выразили Владимиру неудовольствие в отношении его правления, и князь покинул Ливонию. Спустя несколько месяцев князь Владимир с супругой и детьми возвратился в Идумею и водворился в замке Метимня. И вновь обозначились противоречия между князем и орденом. Священник Алобрант, недовольный чрезмерным корыстолюбием Владимира, заметил ему, что едва ли, обирая население, можно утвердить христианство. Владимир ответил Алобранту, что заставит разделить с ним его собственные богатства. С тем Владимир Мстиславович вернулся под стяг своего брата Мстислава.

1 марта (1217 г.) Мстислав Мстиславович выступил против Ярослава Всеволодовича (своего зятя). Пройдя по еще замерзшему озеру Селигер, князь вступил в свою волость, в Торопец. Вперед, вниз по Волге, Мстислав выслал новгородцев «въ зажитая» (на заготовку фуража), прося при этом не притеснять населения, так как земли те граничили со Смоленским княжеством и находились в зависимости от него.

Тем временем город Ржев, тянувшийся к Смоленску, осадил десятитысячный отряд во главе со Святославом Всеволодовичем. Гарнизон Ржева насчитывал сотню воинов, а командовал ими посадник Ярун.

Мстислав с Владимиром, имея пятьсот воинов, поспешили к Ржеву, и осада с города была снята.

Далее Мстислав подошел к стоявшему ниже по Волге, недалеко от Ржева, городу Зубцову, уже не принадлежавшему Смоленску, и взял его. Затем Мстислав овладел долиной реки Вазуза (правый приток верхней Волги). К устью Вазузы из Смоленска подошел двоюродный брат Мстислава Владимир Рюрикович. Смоленские князья, встав на реке Холохольне (левый приток Волги у г. Старица), послали в Торжок к Ярославу «о миру». Ответ Ярослава гласил: «Мира не хочу; пошли есте, пойдите же».

Князья стали спускаться вниз по Волге, завоеывая села чужой волости. Владимира Рюриковича на совете князья решили отправить к Новому Торгу, а сами собрались подступить к Переяславлю-Залесскому. Идти со всеми силами к Новому Торгу не стали, так как волость та была новгородской и могла пострадать. А где находится Ярослав Всеволодович, никто не знал.

К северу от Переяславля-Залесского расположен Ростов. Сидевший в городе Константин

Всеволодович был недругом своим младшим братьям, в том числе и Ярославу. Поэтому с Константином стремились объединить силы смоленские князья.

За Тверью отряд во главе с ржевским посадником Яруном столкнулся с сотней воинов из стражи Ярослава Всеволодовича. Стало известно, что Ярослав от Нового Торга пришел в Тверь и «ездяху въ зажитие не боящися».

Мстислав с полками от Твери двинулся вниз по Волге, сжигая принадлежавшие неприятелю «Шешю, Дубну и Кснятинъ и все Поволжье». А в Ростов к Константину послали боярина Владимира Мстиславовича «Волода».

Из Ростова от Константина к Мстиславу Мстиславовичу приехал «Еремей» с пятью сотнями ратников. Встреча была теплой, с взаимными поклонами и изъявлениями любви. В Ростов послали Всеволода Мстиславовича, приходившегося Константину шурином.

Подступив к Переяславлю-Залесскому, встали на «Городищи». Смоляне и новгородцы по дороге «возы пометавше» и шли на конях. Лед на реках изломала весна, а лесные полевые дороги превратились в потоки, замешанные на мерзлой глине и пористом потемневшем снеге.

Послали в Ростов еще одного князя — Владимира Мстиславовича. Видно, смоленские князья поторапливали Константина Всеволодовича. Под Переяславлем-Залесским схватили одного горожанина и допросили его. Выяснили, что Ярослава Всеволодовича в городе нет. Он ушел на соединение с братом Юрием, сидевшим во Владимире-на-Клязьме.

Из Торжка Ярослав Всеволодович вышел, ведя с собой «старейшие мужи» новгородские и молодых «изборомъ». Кроме того, Ярослав повел «новоторжцы вси», а в Переяславле Залесском «скопи волость свою всю». Еще раньше в Торжок братья прислали Ярославу в помощь «Михаила Борисовича воеводу с полкомъ». Не теряли весной времени даром и Юрий и Святослав Всеволодовичи с братией. К их суздальским и владимирским полкам подошли «Муромцы и Бродницы», приехали воины из Городца-на-Волге. Согнали бояре народ из «поселей и до пашецъ».

(«Бродницы» принимали участие в борьбе Долгорукого и Ольговичей с потомками Мстислава I Владимировича в 1145 г.)

Липицкое поле в 1217 г.

Наконец, силы неприятелей сошлись в широком суздальском ополье по оба берега реки Кзы, невдалеке от Юрьева-Польского. У князя Юрия Всеволодовича над полками взвилось семнадцать стягов. Его воинов ободряли звуки, издаваемые сорока трубами и сорока бубнами. Воины Ярослава Всеволодовича стояли под тринадцатью стягами, но в рядах их находилось шестьдесят труб и бубнов.

Мстислав Мстиславович послал к Юрию Всеволодовичу сотского Лариона на переговоры. Тот заявил о приверженности к миру, но потребовал, чтобы Новгороду были возвращены волости Торжок и Волок Ламский и были отпущены насильно удерживаемые новгородцы. Юрий не мог принять предложений, и даже не из-за упрямства брата Ярослава, но из-за спора за обладание Владимиром-на-Клязьме со старшим братом Константином Всеволодовичем. Не изъявил стремления к миру и Ярослав.

Не имело успеха и второе посольство, отправленное Мстиславом Мстиславовичем к Юрию и Ярославу.

Вскоре Всеволодовичи с боярами сели в шатер пировать и стали беседовать о происходящем. Нашелся один мудрый боярин по имени Творимир (по Никоновской летописи Андрей Станиславович), предупредивший Всеволодовичей о силе Мстислава и о превратностях военного решения споров. Только последовать тем советам никто не пожелал. Напротив, Всеволодовичи дали указания своим воинам: «Человека кто иметь живаго, тотъ самъ будетъ убить». Тех неприятелей, кто сумеет ускользнуть с поля сражения, Всеволодовичи велели «вешати или распинати». А чтобы воины вовсе отбросили смущение, добавили: «Аще и золотомъ шито оплечье будет, то убей, да не оставимъ ни единаго живаго». Не забыли князь пообещать ратникам добычу «вамъ же будутъ брони, кони и порты», пояснив, что сам пришел им «товаръ въ руки». Но оказался товар сильно горяч.

Всеволодовичи загодя поделили Русь, ибо сомнений в исходе предстоящей битвы у них не было. Киев решили дать Ольговичам, Ростов Юрий Всеволодович брал себе, а Новгород отдавал брату Ярославу. Смоленск прочили меньшей братии. Вспомнили и о далеком Галиче, да решили управиться с ним позже, как бог даст. Написали Всеволодовичи грамоту, закреплявшую раздел.

Наконец, Всеволодовичи велели младшему Святославу сообщить неприятелю о месте сражения. Это было широкое поле над речкой Липицей.

Мстислав Мстиславович со своими силами ночью под пенье труб выступил из лагеря и стал на месте, называемом «Юрьева гора». А через ручей «Тунегъ» Юрий и Ярослав Всеволодовичи с полками заняли гору «Авдова». Место было защищено «плетенемъ и насовано колья». Воины Всеволодовичей ночь простояли за щитами, с тревогой прислушиваясь к реву труб Мстислава.

Неприятели снеслись с гонцами. Мстислав предложил Юрию выйти из укрытия и сразиться в поле либо помириться.

Юрий ни того, ни другого не желал, но пригласил Мстислава поступить к нему самому, говоря: «Пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дебрь сию».

Мстислав пустил к укреплениям неприятеля молодежь. Сражались до вечера, но победы ни одна из сторон не добилась. На рассвете следующего дня Мстислав решил выступить к Владимиру-на-Клязьме, да Константин Всеволодович отговорил, сославшись на то, что неприятель в тылу весьма опасен. Тогда Мстислав начал готовиться к серьезному сражению и вместе с братом, новгородцами и псковичами занял центр. По крыльям стали Константин Всеволодович и Владимир Рюрикович Смоленский.

Новгородцы слезли с коней и заявили Мстиславу, что, как отцы их бились на «Кулачьске»

(р. Колакша), так и они сразятся. Слезли с коней и смоляне. Их воевода Ивор «въ дебри» потерял своего коня.

Началось сражение. Смешались дебри, колья, плетень, люди, копья, щиты, княжеские стяги. Слышны были удары металла о металл и глухое уханье воинов. Скоро стали слышны стоны раненых и хрип умирающих. Страшная битва начала собирать кровавую жатву.

Князь Мстислав имел в руке топор с «проворозою» (с петлей) и трижды верхом проехал полки Всеволодовичей «секущи людье». Следом за Мстиславом прорубался его брат Владимир. В помощь Мстиславу от Константина Всеволодовича подошел витязь «Александр Поповичъ» (по Никоновской летописи). Мстислав против того возразил, да Попович ответил князю: «Егда убо ты глава убиень будеши, камо дети». С Поповичем в сраженье вступили его слуга Тороп, Добрыня Резанич Златый Пояс и Нефедий Дикун.

Ярослав Всеволодович в битве стоял с бродниками, муромцами и с воинами из Городца-на-Волге, сражаясь с полком Владимира Рюриковича Смоленского. И бились они на одном крыле. В центре Мстиславу Мстиславовичу, новгородцам и псковичам противостоял Юрий Всеволодович. Меньшие Всеволодовичи на противоположном крыле дрались со старшим братом Константином Всеволодовичем и его ростовской дружиной.

В сражении наступил перелом. Полк Юрия Всеволодовича не выдержал удара обозленных зимней голодовкой, сбросивших сапоги новгородцев. Строй дрогнул, и воины побежали. Увидев, что центр бежит, воины Ярослава Всеволодовича «вергше кии (копья, дубины), а инии топоры», смешали ряды, отступили назад и побежали. Тут подсекли стяг Ярослава. Подоспел Ивор со смолянами и подсек второй стяг Ярослава.

Если у новгородцев в битве интерес был не в корысти, а в мести за изуверскую хлебную блокаду и они гнали неприятеля сколько могли, то смоляне кинулись на «товаръ» бежавших, «одираху мертвыя».

В оцепеневшем от ужаса городе Юрьеве-Польском народ слышал крики множества раненых. Многие из бежавших утонули в реке (Липице).

Мстислав Мстиславович потерял в сражении пятьсот пятьдесят воинов «кроме пешцевъ» (по Воскресенской летописи лишь пятеро убитых, что маловероятно). У Всеволодовичей погибло семнадцать тысяч двести воинов «кроме пешцевъ» (выходит дело, всадников).

Среди новгородцев называют павшими «Дмитра Плесковичина, Антона котелника, Ивана Прибышница опоньника, а в загоне Иванка Поповиця, Сьмьюна Петриловиця, Търьскаго данника». Особенно Мстислав оплакивал «сильных зело Иева Поповича и слугу его Нестора, вельми храбрыхъ».

Ярослав Всеволодович в одиночестве примчался в Переяславль-Залесский на пятом коне. Четыре коня под князем пали. В городе Ярослав похватал новгородцев и смолян «иже бяху зашли гостьбою» (купцов) и, приказав бросить их в погреб и гридницу, «издуши ихъ», сто пятьдесят душ, а смолян пятнадцать человек «не изомроша».

Юрий Всеволодович примчался к стенам Владимира-на-Клязьме в полдень несчастного дня сражения (или следующего после 21 апреля) на четвертом коне также в одиночестве. Князь был в одной сорочке и выбросил из-под седла «войлочный подклад».

Горожане решили, что это гонец с вестью о победе, да скоро услышали голос князя, кричавшего, чтобы укрепляли город. К ночи к воротам города стали подходить и подъезжать раненые и невредимые воины, бросившие по пути оружие. Наутро следующего дня Юрий Всеволодович собрал горожан и начал их призывать к обороне Владимира. Горожане ответили, что ни сил, ни оружия не имеют.

Мстислав Мстиславович сутки простоял на Липицком поле и сделал это нарочно, щадя бежавших. Спустя два дня стяг Мстислава увидели со стен Владимира-на-Клязьме. В

наступившей ночи новгородцы и смоляне увидели, что в городе занялось зарево пожара. Новгородцы собрались ворваться в город, Мстислав, зная, что это означает, не пустил. Не пустил в город смолян и их князь Владимир Рюрикович.

На третий день Юрий Всеволодович с двумя юными сыновьями приехал в лагерь Мстислава и сдался на его милость.

Во Владимире-на-Клязьме сел старший в Большом Гнезде Константин Всеволодович. Князя встретили духовенство и горожане, и Константин одарил их чем мог. А Юрий, коря брата Ярослава в своих несчастьях, сел с княгиней в ладью и водами Клязьмы поплыл в Городец-на-Волге. Тот город еще называли Радилы. Последовал за князем на Волгу и епископ Симеон, первый владыка созданной Юрием в 1215 г. епархии Владимирской и Суздальской.

Осенью 1217 г. Константин вернул из Городца Юрия, дал ему Суздаль и, водя ко кресту, одарил дарами. 11 сентября 1217 г. Юрий Всеволодович въехал в ворота Суздаля. Константин провозгласил Юрия своим преемником и надеялся, что Юрий не обидит его собственных детей.

Из Владимира-на-Клязьме Мстислав Мстиславович пошел к Переяславлю-Залесскому. В пятницу на третью неделю после пасхи князь стал на берегу Плещеева озера. А во вторник на четвертой после пасхи недели из Переяславля вышел Ярослав Всеволодович и «ударил челомъ» Константину. Мстислав близко к городу не подошел, но забрал от Ярослава свою дочь. Ярослав просил княгиню оставить, но Мстислав увез ее в Новгород, да еще освободил всех задержанных ранее новгородцев.

Из Новгорода деятельный, мужественный Мстислав поехал в Киев. В Новгороде остались его сын Василий и дочь, супруга Ярослава Всеволодовича. В Южную Русь Мстислав взял «Гюргия Иванковиця, Сбыслова Степаниця, Ольку Путиловиця».

Зимой 1217–1218 гг. Владимир Мстиславович Псковский пошел походом в хорошо ему знакомую Ливонию. Пока Мстиславовичи бились с потомками Долгорукого на Липицком поле, литовцы завоевали села в Шелоньской пятине Новгорода, а германские рыцари укрепились в Оденпе.

Владимир Мстиславович привел под замковую гору Оденпе около двадцати тысяч воинов. Среди его союзников была и чужь (эсты), терпевшая от рыцарей притеснения. Оденпе был взят в осаду, и скоро сидевшие в нем люди стали терпеть сильные лишения из-за недостатка воды и пищи. В реку под замковой горой осаждавшие бросали тела погибших, дабы из нее нельзя было брать воду.

В один из тех дней рыцари совершили вылазку и добрались до обозов Владимира Мстиславовича, но скоро с уроном вынуждены были вернуться в замок.

Наконец орден в лице сидевшего в замке магистра Вольквина запросил у Владимира мира. Князь получил в заложники своего тестя Дитриха (брата епископа Риги), хотел увезти его в Псков, да не дали новгородцы и отвели его в свой город. Так оно было вернее.

Рыцарей выпустили из Оденпе, отобрав у них семьсот лошадей.

Скоро из Киева в новгородские земли возвратился Мстислав Мстиславович. Дела требовали вмешательства князя. Мстислав заковал «Станимира Дърновиця съ сыномъ Нездилою». В 1218 г. Мстислав посетил Торжок и схватил там «Борислава Некуришница». Русский север умиротворился, мздоимцы и разбойники притихли и до времени затаились.

Но тут случилось несчастье. Господь отнял у Мстислава единственного сына Василия. Из Торжка в Новгород юношу привезли мертвым и упокоили в св. Софии, в головах у деда Мстислава Ростиславовича Храброго.

В Новгороде Мстислав Мстиславович объявил о своем намерении ехать в Южную Русь освобождать от иноплеменников Галич. И просил князь похоронить его в св. Софии. Новгородцы горевали, но удержать князя не смогли.

Трагедия рязанских князей

Мы же, прежде чем описывать дела Западной Руси, коснемся еще одного события 1217 г., происходившего в рязанских землях.

Выпущенные на свободу после кончины Всеволода Юрьевича рязанские князья мирно ужиться не сумели.

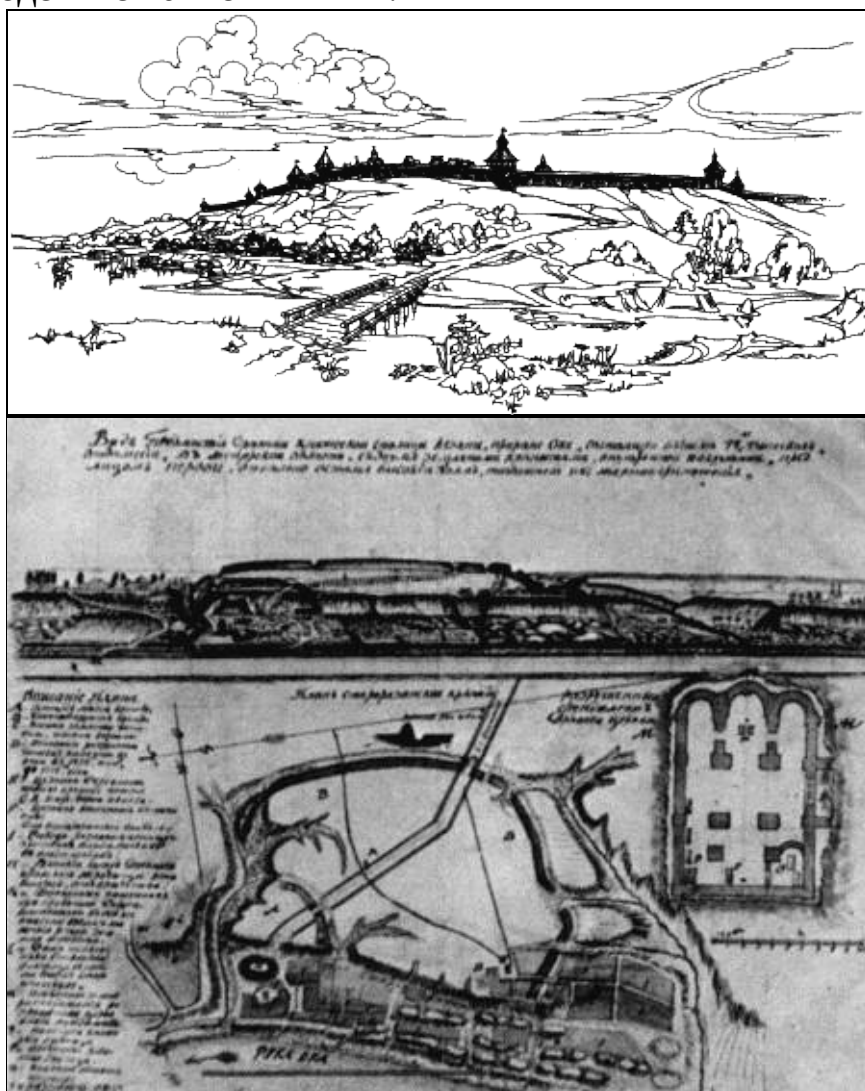
Глеб и Константин Всеволодовичи задумали уничтожить братьев. Съехались рязанские князья на «Исадех» (у Рязани есть село Исады) на «порядь».

Глеб Владимирович стал звать братию в свой шатер на пир. Князья Изяслав Владимирович, Кир-Михаил Всеволодович Пронский, Ростислав Святославович, Роман Игоревич, Святослав и Глеб с боярами и слугами без боязни в шатер пришли. На страшный пир опоздал лишь один из приглашенных князей рязанских, Ингвар Игоревич.

Глеб Владимирович в стоявшем неподалеку шатре «в польстници» скрыл своих слуг, половцев и одного из дядьев во всеоружии.

Как только начали князья с боярами пить и веселиться, Глеб Владимирович выхватил меч и с сидевшими в засаде порубил всех приглашенных.

Случилось это злодеяние 20 июня 1217 г.

Западная Русь 1214–1223 гг.

Однако вновь вернемся к событиям, происходившим в Западной Руси. После того как в очередной раз вдова Романа, устрешенная боярами, с сыном Даниилом бежала из Галича в Венгрию, а второго сына Василия с боярином Мирославом отправила в Белз, в дела Западной Руси вмешался польский князь Лешко.

Этот князь подошел к Белзу и посадил в том городе своего тестя Александра Всеволодовича (двоюродного брата Даниила и Василия). Василий уехал из Белза в Каменец. За ним последовали все бояре, еще помнившие эпоху Романа Мстиславовича и с интересом наблюдавшие черты могучего князя в его подраставших сыновьях.

Галич удерживал Мстислав Ярославович Немый (двоюродный брат Романа Мстиславовича).

А при дворе Андрея Венгерского находился хорошо нам знакомый честолюбивый боярин Володислав. Этот боярин сумел убедить короля в выгодах взаимной дружбы и был отпущен из заточения. Более того, когда Андрей выступил с войском в поход, дабы изгнать из Галича Мстислава Ярославовича Немого, боярин Володислав был отправлен вперед. Видно, Андрей либо исполнился доверием к Володиславу, либо имел на него виды, как на возможного наместника, способного умиротворить Галицию и удержать ее под венгерским влиянием. И случилось непредвиденное. Когда Андрей остановился в монастыре «Лелесове», Венгрию охватило восстание. Противные королю феодалы убили супругу Андрея Гертруду. Шурина короля едва спасся. В то время в Венгрии «мнози немци избити быша». Тут уж Андрею было не до похода на Галич. А боярин Володислав поехал к Галичу, из которого, узнав о походе венгров, бежал Мстислав Ярославович Немый.

Вдова Романа, видя, что в Галиче сел Володислав, и потеряв надежду на венгерскую помощь, с Даниилом поехала в Польшу. Андрей дал на это свое разрешение, а Лешко принял княгиню с великой почестью. В Польше княгиня пробыла недолго и вскоре с Даниилом уехала в Каменец к сыну Василию. В том городе Романовну «бояре вси сретоша и с великою радостью».

Все те события происходили до 1214 г. Лешко Польский взял из Каменца Даниила, из Владимира-Волынского Александра Всеволодовича, а из Белза Всеволода (Ярославовича) с их боярами и воинами и двинулся к Галичу. В походе Лешко, смотря на многочисленных бояр, окружавших юного Даниила и некогда служивших его отцу, понял, на кого в Западной Руси следует делать ставку.

Боярин Володислав оставил в Галиче своих братьев «Ярополкоу и Яволодоу», сам же с венграми, чехами и галичанами подошел на реку «Бобрькоу». Там его ожидал Лешко. Началось сражение. От Даниила Романовича на рать устремились «Мирослав и Дъмьян». От князя Мстислава Ярославовича Немого (также примкнувшего к Лешку Польскому), пришедшего из Пересопницы, в сражение пошли «Глебъ Зеремеевичъ и Пркопъичя Юрья». Дрались жестоко, но в конце концов «одолеша Ляхове и Роусь». Боярин Володислав, потеряв множество воинов, бежал. Лешко не сумел завладеть Галичем, и дабы поход его не был напрасным, а казна не оскудела, пошел воевать вокруг галицких городов «Теребовля и около Моклекова и Збыража и Быковень». Позаботился Лешко и о юных Данииле и Васильке. Им добыли города «Тихомль и Перемиль», отняв у Александра Всеволодовича. Но Александр (недаром он был тестем Лешка) продолжал удерживать одну из двух главных жемчужин Западной Руси — Владимир-Волынский. Даниил и Василий не переставали вспоминать о городе, некогда принадлежавшем их отцу, но вернуть его не имели сил, ибо были очень молоды. Когда Андрей Венгерский оправился от восстания и смут в собственном королевстве, он решил вернуться к активной

политике в Галиции и выступил против Лешка Польского.

Лешко отправил к Андрею послов «Лесьтича и Пакослава воеводу». Предложения поляков Андрею были таковы: не «лепо» боярину Володиславу сидеть за князя в Галиче и не лучше ли выдать дочь Лешка за сына венгерского короля, за Коломана, и их посадить в Галич? Андрею предложение понравилось. Он встретился с Лешком в «Зьпиши», и там повенчали польскую принцессу и венгерского принца.

Боярин Володислав в Галиче был схвачен, заточен и вскоре умер, лишний раз доказав своим несчастным примером сомнительные преимущества служения иностранцам, пусть и в собственных интересах. Более того, саму память о Володиславе возненавидели в его собственном отечестве. Боярин «нашедь зло племени своемуу и детемъ своимъ княжения дяля». Русские князья, от которых бояре весьма зависели, если не сказать более, «не призряхоу детии его». Это значит, что потомков Володислава оставили без земли и без службы.

Так в 1214 г. в Галиче водворился венгерский принц Коломан с юной полькой Саломеей (есть свидетельство, что Саломее при венчании не было и трех лет). Но скоро союзники поссорились. Андрей отнял у Лешка доставшийся полякам ранее (по согласию) Перемышль.

Польский воевода Пакослав за хлопоты на дипломатической ниве получил от монархов город «Любечевъ», и до него венграм дела не было. Перемышль, напротив, был подобен узлу, стягивавшему торговые нити Восточной и Центральной Европы воедино, и был слишком лакомым куском, чтобы не соблазнить Андрея.

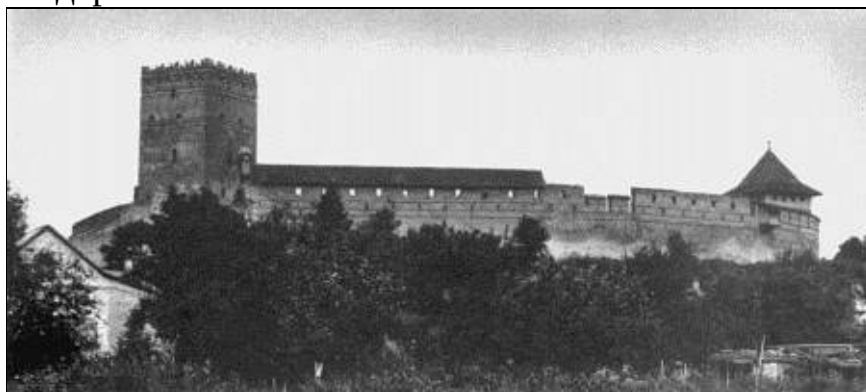
Тем временем Даниил и Василько подрастали, и Лешко вывел из Владимира-Волынского своего тестя Александра Всеволодовича и дал столицу Волыни сыновьям Романа. Так советовал Лешку и благоволивший к Романовичам воевода Пакослав.

Когда Лешко узнал, что Перемышль более ему не принадлежит, он «сжалися о срамоте своей» и отправил гонца к Мстиславу Мстиславовичу в Новгород, приглашая князя в Галич.

Были причины к смущению и у галичан. Венгры галицкого «епископа и Попы изгна изъ церькви, а свои Попы приведе Латыньские на службу». В 1214 г. Коломан обменялся посланиями с папой Иннокентием III, заверяя того, что галичане не прочь стать под руку святого престола, но просят сохранить служение на славянском языке и не отменять обрядов древних. Гонение на православное духовенство началось после того, как епископ краковский Кадлубек (по иным данным гранский или стригонский архиепископ) обвенчал в Галиче Коломана и Саломею.

В 1219 г. Мстислав Мстиславович выступил из Киева к Галичу. В Киеве сидел Владимир Рюрикович. Этот двоюродный брат Мстислава вполне мог сопровождать князя до Галича.

Когда о походе стало известно в Галиче, из города от сидевшего в нем боярина Судислава во Владимир-Волынский к Даниилу Романовичу отправили гонца, приглашая князя занять Галич. Даниил мудро воздержался от этого шага.

Скоро из ворот галицкого детинца, погоняя лошадь, выехал печально известный венгерский сановник «Бенедиктъ Лысы» с боярином «Соудславомъ». А галичане уже высматривали стяги

русского князя Мстислава Мстиславовича. Думаю мало радости было в тот день у венгерских и польских чиновников.

В Галич к Мстиславу из Владимира-Волынского приехал Даниил и взял у князя замуж дочь Анну. Впоследствии Анна Мстиславовна родила Даниилу много детей.

Даниил Романович пожаловался Мстиславу на Лешка, говоря, что он держит его вотчину. Мстислав помощи не дал, и Даниил с братом Василием сам поехал в города, некогда принадлежавшие отцу «Берестий, и Оугровескъ, и Верещинъ и Столпъ Комовъ, и всю Оукраиноу» (то есть Украину Волыни). Лешко, считавший, что дети Романа ему многим обязаны, узнав о том, страшно разгневался на Даниила.

Весной 1220 г. поляки стали воевать по берегам верховий Западного Буга. Даниил против поляков выслал «Гаврила Доушиловича. и Семена Олоцевича Василка Гавриловича». Вероятно, это были старые бояре Романа Мстиславовича, никого на свете давно не боявшиеся. Бились с поляками до «Соухои Дорогви». У вольнян пал один воин «Климъ Хрстиничъ». Крест его, вероятно каменный, был установлен на «Соухои Дорогви». Поляков весной многих побили и гнали до реки «Вепря».

Лешко решил бороться не с Даниилом, а с Мстиславом и не собственными силами. Лешко отправил послов в Венгрию к Андрею, призывая короля выступить к Галичу. Уговаривать Андрея не пришлось, тем более, что Лешко от доли в Галиции отказывался в пользу своего зятя принца Коломана, изгнанного Мстиславом.

Осенью 1220 г. силы Лешка с полками венгров объединились под Перемышлем. Сидевший в городе тысяцкий «Яронови» бежал. Мстислав послал навстречу неприятелю к «Городкоу» бояр «Дмитра Мирослава Михалка Глебовича». В Городце сидели люди галицкого боярина Судислава, и город от Мстислава отвернулся.

К Городцу подступил Дмитр-Мирослав и завязал с горожанами сражение. Скоро подошли поляки и венгры, и Дмитр бежал от Городца. Под стенами Городца из лука был застрелен «Василь дьякъ рекомый Молза». Убили и «Михалка же Скоулоу». Боярину отсекли голову «на Щиреце» и сняли с тела три золотые цепи. Голову Михалка принесли Коломану.

Венгры и поляки в 1220 г. не могли представить, что Галиция может ускользнуть из их рук, и глумились над русскими, как над беглыми рабами.

Мстислав в эту пору стоял на «Зоубрьи» (река Зубря течет от Львова к Днестру). Сюда примчался растерявший людей Дмитр. Выслушав боярина, Мстислав понял, что сил для борьбы недостаточно, и попросил Даниила и Александра Всеволодовичей закрыться в Галиче. Даниил сел в детинце Галича, а Александр не решился, видимо, понимая, что Галич принадлежать ему никогда не будет.

В это время вдова Романа приняла монашеский постриг, видимо, стремясь защитить юного сына Даниила.

Вскоре венгерские и польские полки подошли к Галичу. Стали биться на «Кровавомъ бродоу». Выпал снег. Брод русь оставила, и Коломан двинулся на Мстислава за «Рогожиноу». Отступая, Мстислав послал в Галич, веля сказать Даниилу, чтоб город оставил. Даниил выехал из Галича с «Дмитромъ» тысяцким и с «Глебомъ Зеремеевичемъ и со Мирославемъ». Когда Даниил стоял против «Толмачю», его нагнал «неверный Витовичъ Володиславъ» (уж не сын ли покойного Володислава?). У боярина отобрали коня, а самого прогнали.

Шедшего от Галича к Владимиру-Волыньскому Даниила преследовал неприятель. Иногда по целому дню приходилось биться, а подчас и устремляться «на бегъ». Однажды ночью Даниил и его боярин «Глеб Зеремеевичъ» сражались до рассвета и схватили «Яньца».

Утром князя нагнал «Глебъ Васильевичъ». Даниил развернулся и погнал того боярина «дале поприща». Ушел Глеб лишь «борзости ради коньское».

Когда Даниил пришел «Оноуть», люди князя сильно страдали от голода. Ехать из Галича пришлось спешно и без обоза. Неожиданно на глаза князя и его дружины попали груженные провизией «вози», шедшие к «Плавоу». Вozy захватили, и люди наелись. Скоро отряд Даниила подошел к берегу Днестра ниже «Коучелемина». Стали думать, как переправляться на другой берег реки. Поздняя осень 1220 г. остудила воду, и возможность перейти реку вброд казалась маловероятной.

Люди Даниила увидели плывущие по Днестру ладьи. Плыли ладьи из устья Днепра из «Олешья», с торгова, где некогда процветал греческий город Ольвия. Ладьи остановили и переправились на них через Днестр, вволю насытившись «рыбъ и вина».

Даниил встретился со своим тестем Мстиславом. Князь, выслушав рассказ о походе зятя, похвалил юношу и, расчувствовавшись, преподнес Даниилу среди прочих даров «конь свои борзый сивый». Расставаясь, Мстислав сказал Даниилу, чтобы шел во Владимир-Волыньский. А Мстислав собрался ехать за половцами «мъстиве сорома» венграм и полякам.

В 1221 г. Волынь и тяготевшие к ней земли в верховьях Немана (г. Гродно и пр.) установили дипломатические отношения с все более крепшей и сохранявшей язычество Литвой. К вдове Романа и ее сыновьям Даниилу и Василию литовские князья прислали послов для заключения мира.

Западнорусский летописец привел имена литовских князей первой четверти XIII в.: «Живинъ боудъ, Давъять, Довъспроункъ, брат его Мидогъ, брат Довъяловъ, Виликаиль». А вот «Жемотьскый кнзя Ерьдивиль, Выкыить, Роушковичевъ, Кинтибоуть, Вонибоут, Боуовить, Вижеикъ, и снъ его Вишлии, Китении, Пликосова и се Боуевичи, Вишимоут».

Поляки не перестали беспокоить западные рубежи Волыни. Кончилось тем, что Волынь навела на Польшу литовцев, которые немало повоевали за Западным Бугом.

Тем временем сидевший в Белзе Александр Всеволодович принял сторону Лешка, своего зятя, и помирился с венграми. Даниилу и Василию можно было надеяться только на Мстислава Мстиславовича. В 1221 г. Мстислав выступил в новый поход на Галич. Навстречу Мстиславу вышел венгерский воевода «Филя древле пригордци», надеявшийся «объяти землю, потребите море». С Филей шли венгры, поляки и некоторые из галицких бояр: Соудислав (тесть Филей), Лазарь и иные. Многие из галичей разбежались. Остался в Галиче Коломан.

Одновременно выступил Лешко Польский к «Щекаревоу» на Даниила Романовича, тем самым «бороня» (мешая) идти на помощь Мстиславу.

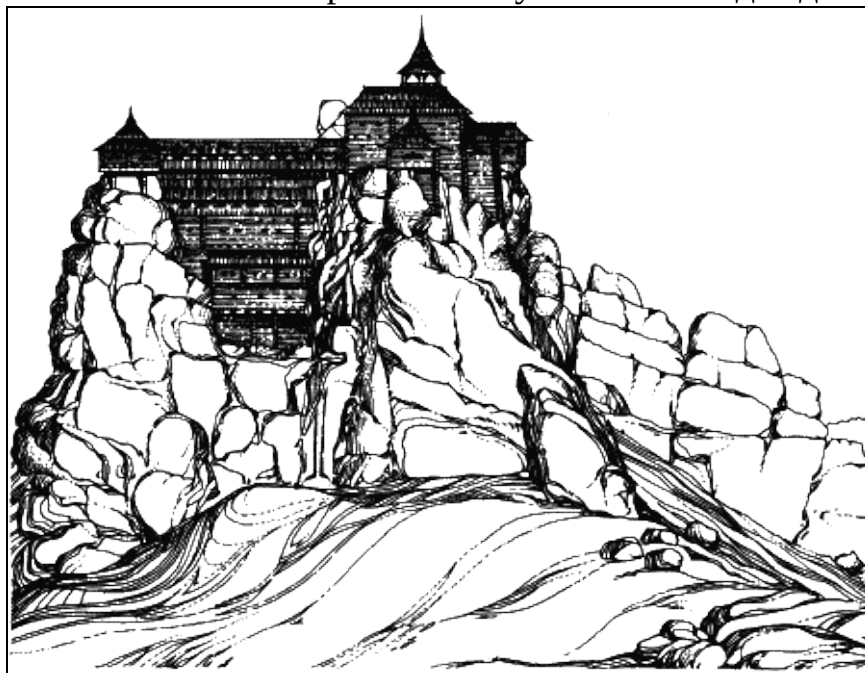
К Щекареву подъехал и брат Лешка Конрад, владевший Мазовией (провинция на северо-востоке Польши). Мазовецкий князь имел с Волынью общую границу и, обеспокоенный набегами литовцев, постарался помирить Лешка с Даниилом. Конрад, зная намерение брата, отсоветовал Даниилу ехать в стан к Лешку и, кто знает, быть может, тем спас жизнь юному и еще простосердечному князю.

Утром на «каноунъ стой Бци» полки Мстислава вступили в сражение с венграми и поляками. С Мстиславом подошли половцы, «и быс брань тяжка». Наконец венгры и поляки дрогнули и побежали. Началось преследование и избиение. Прегордый воевода Филя был схвачен «паробкомъ Добрынинымъ».

Мстислав подъехал к Галичу и копьем ударил в ворота города. С Коломаном закрылись «Иванъ Лекинъ и Дмитръ». Оборонявшиеся по веревкам забрались на закомары собора

пресвятой Богородицы и оставили лошадей под стенами храма.

Собор заранее превратили в крепость. На его крыше был «градъ сътворень». С крыши собора оборонявшиеся метали камни и стреляли из луков. Но жажда сделала свое дело.

В Галич к Мстиславу с малой дружиной приехал Даниил с «Демьяномъ тысячкымъ». Пока князья целовались и поздравляли друг друга, повсюду в Галиции били венгров и поляков. Многих из иноплеменников перетопили в реках, а иных «смерды избьени».

К Мстиславу привели боярина «Соудислава», тестя Фили. Видимо, галицкое боярство вслед за западнорусскими князьями стало рано завязывать брачные узы со знатью Центральной Европы. Князь Мстислав был мудр и зря кровь лить не любил. Боярин, поняв, что казнить его не станут, обнял ноги князя, «обещая работе быти емоу». Мстислав словам поверил и дал «Соудиславу» город «Звенигородъ».

В руки Мстислава попал и Коломан. Андрей отправил к Мстиславу придворного Яроша, дабы он уговорил князя отпустить Коломана и иных венгерских пленников, пригрозив войной. Мстислав угрозу проигнорировал. Но в дело вмешались галицкие бояре. Они не хотели видеть в Галиче ни Мстислава, ни Даниила. Боярам более по нраву были венгры. Глебу Зеремеевичу и знакомому нам «Соудиславу» удалось убедить Мстислава, что, передай он Галич Даниилу, не видать ему (Мстиславу) Галиции во веки веков. Совсем другое дело, по мнению бояр, венгры. Будет Мстиславу нужно — он их вмиг выгонит. Простые галичане хотели иметь князем Даниила, только их никто не спрашивал.

Дело кончилось тем, что Мстислав отдал одну из дочерей за сына Андрея Венгерского, также носившего имя Андрей. А так как жених и невеста были уж очень молоды, свадьбу с 1221 г. решили отложить до 1224 г. Именно в 1224 г. в Галиче должен был водвориться венгерский принц, бывший зятем Мстислава. Но вместо этого произошла новая война, и речь об этом впереди. А пока Мстислав отдал венгерскому принцу Перемьшль, отобрав город у Лешка.

Сидевший в Белзе Александр Всеволодович до событий 1221 г. принял сторону Андрея, Лешка и сидевшего в Галиче Фили. После изгнания венгров из Галича и набегов литовцев на Польшу Лешко заключил мир с Даниилом и Васильком Романовичами и с их послами и боярами «Дръжиславомъ Абрамовичемъ и Творианомъ Вѣтиховичемъ». А Даниил и Василий помирились с «Демьяномъ тысяцкымъ». В результате Лешко от союза с Александром Всеволодовичем отрекся.

В одну из субботних ночей 1221 г. Даниил и Василий не оставили вокруг Белза «камень на камени». В том году Александр заключил мир с Даниилом Романовичем.

Между 1221 г. и 1223 г. Даниил основал и отстроил город Холм, к западу от верховий Западного Буга. В городе Даниил основал епископию и поставил во главе ее владыку Асафа, ранее возглавлявшего кафедру во Владимире-Волынском. На Волыни Даниил поставил епископом Ивана «от клироса» каменного собора пресвятой Богородицы.

Северная и Северо-Восточная Русь 1217–1220 гг.

Взяв верх в споре князей Большого Гнезда (1217 г.), старший из братьев Константин Всеволодович в дела соседей не вмешивался, а стремился более обустроить свои земли.

В мае 1218 г. во Владимире-на-Клязьме «на торговищи» князь заложил каменный храм в честь «Въздвиженъе» креста честного. 14 сентября 1218 г. церковь была «свершена» и освящена. Следует подивиться быстроте и искусству русских мастеров, за один сезон возводивших каменный храм. Имели мастера лишь веревки-ужи, лошадей с возами, да собственные головы и руки. В 1218 г. у Юрия Всеволодовича, сидевшего в Суздале, родился сын. В 1218 г. во Владимир-на-Клязьме из занятой крестоносцами Византии приехал полоцкий епископ с множеством христианских святынь. Князь Константин привезенные святыни установил в монастыре Вознесения против Золотых ворот и, отпев в Успенском соборе заутреню, с сыновьями, боярами и духовенством пошел крестным ходом от выстроенного отцом храма св. Димитрия через весь город с пением и молитвами.

В Ростове 25 августа 1218 г. епископ Кирилл освятил церковь во имя св. Бориса и Глеба. При этом присутствовали князь Константин с сыновьями Васильком, Всеволодом и Владимиром со всеми боярами. После службы устроили пир, и князь роздал милостыню.

В 1218 г. во Владимир-на-Клязьме из половецкого плена вернулся упоминавшийся ранее Владимир Всеволодович. Князю дали город Стародуб-на-Клязьме.

Константин был молод, тридцати лет от роду, но, видимо, хворал и, предчувствуя скорую кончину, заранее позаботился об уделах сыновей. Василька князь посадил в Ростов, а Всеволода — в Ярославль. Старшинство Константин завещал Юрию, шедшему вторым по рождению. Константин надеялся, что Юрий, помня проявленное к нему великодушие, не обидит племянников.

2 февраля 1218 г. Константин Всеволодович скончался. Во Владимир-на-Клязьме съехались Юрий, Ярослав и младшая братия «и плакоша по нем вельим акы по оци».

Константина положили в Успенском соборе. Княгиня его над гробом постриглась в монахини с именем Агафья. Монахиня ненадолго пережила супруга и 24 января 1220 г. была погребена в церкви пресвятой Богородицы в Ростове.

Во Владимире-на-Клязьме сел Юрий Всеволодович. Князь продолжил церковное строительство, и в 1219 г. в одном из столичных монастырей епископом Симеоном была освящена церковь в честь пресвятой Богородицы.

В 1219 г. продолжилось кровавое разбирательство среди рязанских князей. Глеб Владимирович, перебивший в Исадах братьев, был вынужден бежать в степь, ибо поступок его на Руси прощен не был. В Старой Рязани сел отсутствовавший на кровавом пиру Ингвар Игоревич, племянник Глеба.

Глеб Владимирович привел в рязанские земли половцев. Из Старой Рязани выступил Ингвар с уцелевшей братией и в сражении одолел Глеба. Перебили множество половцев, а Глеб едва «оутече». Более на Руси Глеб Владимирович не появлялся.

В 1219 г. у Ярослава Всеволодовича родился первенец, нареченный Федором.

Непросто у Владимирской Руси складывались отношения с Волжской Булгарией. В 1219 г. болгары овладели городом Устюг Великий, стоящим над рекой Сухоной при устье реки Юг. Пытались болгары, но без успеха, захватить и Унжу, городок на реке Унжа (приток Волги). Возможно, набеги болгар на богатые пушниной районы севера толкнули Всеволодовичей на поход 1220 г. Юрий Всеволодович в поход отправил брата Святослава и дал ему свой полк с воеводой Еремеем Глебовичем. Из Переяславля-Залесского выступили полки Ярослава. В Ростов

к Васильку Константиновичу Юрий послал сказать, чтобы он выставил полк. В поход шли муромские князья Святослав Давидович и Всеволод Юрьевич. С берегов Сухоны, от Устюга Великого к Каме двинулись пострадавшие от набега устюжане.

Силы князей объединились при устье Оки. Воины пребывали «въ насадехъ и въ лодияхъ». Стали спускаться вниз по Волге. На «Исадехъ», напротив города болгар «Ошель», вышли на берег.

15 июня 1220 г. Святослав Всеволодович снарядил полки. Сам с муромскими князьями стал в центре, ростовцев поставил справа, переяславцев слева. Полки пошли от берега через лес на поле. Тут стояли конные болгары со своим князем. Булгары пустили по стреле и умчались. Святослав подошел к городу. Булгары стали биться из-за «заткания» на валу. Русь подожгла деревянные укрепления города, но, оказавшись в дыму, отступила от вала. Город «Ошель» был взят и сожжен.

Когда Святослав с полками вернулся к людям, началась буря с дождем. Ветер был так силен, что угрожал судам. Святослав отвел ладьи за речной остров, в «заветрие», и войско «облеже» на ночь. Утром полки сели по ладьям и, ударив веслами, пошли вверх по Волге. Тем временем к «Исадамъ» стали подходить болгары. Святослав, увидев неприятеля, велел своим воинам облачиться в брони и стяги «наволочите». Музыканты взяли за бубны, трубы и сопели (сурны). Булгары шли берегом Волги вслед за ладьями.

При устье Камы (значит, «Ошель» стоял ниже устья Камы) Святослав остановился и скоро увидел подходивших водами и берегами Камы устюжан, боярина Воислава Добрынича и ростовцев с большим полоном.

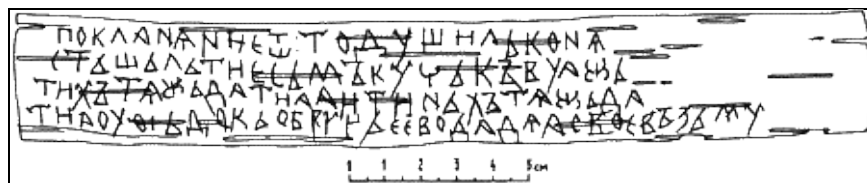
До Городца-на-Волге Святослав Всеволодович шел в ладьях. Далее князь поехал «конехъ». Юрий вышел встречать брата к Боголюбову на реку «Сурамль». Святослав преподнес Юрию дары и поехал в свой город Юрьев-Польский.

А в Киеве 19 августа 1220 г. скончался митрополит Матфей.

Северная Русь 1218–1224 гг.

1 августа 1218 г. в Новгород из Смоленска приехал Святослав Мстиславович, двоюродный племянник Святослава Мстиславовича. Князь не умел приспособиться к норovu новгородцев, и стихия народных волнений расходилась не на шутку.

Началось с того, что зимой из Новгорода побегал некий «Матей Душильцевиць», связав при этом некоего «Моисения Бириць Ябедниць». В этом усмотрели нарушение закона. Бежавшего догнали, и посадник «Твърдиславъ» выдал Матея на суд Святославу Мстиславовичу на Городище. Ревностное исполнение закона посадником вызвало неудовольствие у новгородцев. Ночью зазвонили у св. Николы Онополовици. Заволновались жители Неревского конца. Заходили горожане «копяче людье на Твърдислава». Утром 27 января 1219 г., узнав о волнении в Новгороде, князь отпустил Матея. Только пользы не было: «Онополовици изодетии въ бръняхъ» и «Неревляне» выступили во всеоружии. Навстречу им шел посадник Твердислав с «Людинымъ концемъ и съ Прусы».

У городских ворот началась сеча. Люди Твердислава побежали, переметав за собой мост. «Онополовици» переехали реку в ладьях и начали преследовать бежавших. Тогда «убиша мужъ прусь, а концянь» (жителя Людина конца). Убили «Ивана Душильцевиця», брата Матея. В Неревском конце побили «Кснятина Прокопииниця» и шестерых иных мужей. С обеих сторон было много раненых.

Когда волнения улеглись, Святослав Мстиславович на вече уведомил новгородцев, что отстраняет посадника Твердислава. Тут горожане вступились за посадника, которого ранее едва не убили. Скоро князь понял, что логика в данном случае не поможет и следует полагаться на интуицию.

Скоро князь уехал в Южную Русь. На его место в Городище под Новгородом приехал младший брат Всеволод Мстиславович. Дело в том, что в Киеве сидел Мстислав Романович, и именно его детей новгородцы считали необходимым держать у себя князьями.

Княжение Всеволода Мстиславовича также нельзя назвать спокойным. Зимой 1219 г. «Семьюнь Еминъ» с новгородцами пошел в «Тоймокары» (окрестности рек нижней и верхней Тоймы, созвучно и названию города Тотьма). Дорогу новгородцам перегородили ладьи Юрия и Ярослава Всеволодовичей.

«Семьюнь Емин» вернулся на Волхов в ладьях и раскинул под Новгородом шатры. А в городе распространился слух, что посадник Твердислав и княжеский тысяцкий Якун тайно снеслись с Юрием и Ярославом и уведомили князей, дабы они не пустили через свои земли (район Белого озера и Вологды) на Северную Двину новгородцев. Горожане переизбрали посадника.

Зимой 1219 г. Всеволод Мстиславович с новгородцами ходил в поход в Прибалтику, к «Пертуеву» (быть может, Пярну). В сражении с германцами, литвой и либью (ливами) новгородцы одержали победу.

Вскоре после похода на Пертуев новгородцы восстановили в должности посадника Твердислава.

В 1220 г. Всеволод Мстиславович по своим делам ездил в Смоленск. Зимой князь из Смоленска приехал в Торжок, и тут Всеволод прогневался на посадника Твердислава «безъ

вины». В Новгороде за Твердислава вступились «Прусь и Людинъ Конецъ и Загородци» и выставили пять полков. Князь решил избежать кровопролития и послал к горожанам владыку Митрофана. Он и помирил Всеволода с Твердиславом.

С епископами в Новгороде также не все было просто. В 1218 г. в Новгород из Владимира-на-Клязьме пришел ранее изгнанный архиепископ Митрофан. Посадили Митрофана к «св. Богородици Благовещению». Да только в Новгороде был собственный архиепископ Антоний. Его в 1219 г. горожане проводили в «Тържъкъ», а Митрофана посадили на двор архиепископа. Это не могло понравиться владыке Антонию, и он вернулся в Новгород и сел в церкви св. Спаса в Нередицах.

Тяжбу разрешил киевский митрополит. Митрофана оставили в Новгороде, а Антония отправили в Перемышль, на запад Руси.

В 1220 г. посадник Твердислав занемог. Посадничество передали «Иванко Дмитровицю». Твердислав, проболев семь недель, тайно от родных ушел к св. Богородице в «Аркажь» монастырь. 8 февраля 1221 г. Твердислав постригся. В то же время приняла постриг и супруга Твердислава у св. Варвары.

В 1222 г. (в 1221 г. по Лаврентьевской летописи) новгородцы послали владыку Митрофана (смена владык служила прелюдией к смене княжеских фамилий) и посадника Иванка Димитровича во Владимир-на-Клязьме к Юрию Всеволодовичу.

Юрий дал Новгороду восьмилетнего сына Всеволода и отпустил послов с дарами на Волхов. Так Новгород переориентировался с Киева и Смоленска на ростово-суздальских соседей, чинивших немало трудностей если не в Новом Торге, как прежде, то на Белом озере и на Сухоне. Кроме того, Новгород не мог не замечать роста мощи Ливонии, и противостояние рыцарям требовало наличия сильного союзника.

В летний поход 1222 г. на Ливонию новгородцев и псковичей повел Святослав Всеволодович, организатор похода на болгар. Была опустошена долина реки Аа, разрушены латинские храмы и монастыри.

У города Кес Святослав объединился с литовцами. Привел литовцев сын Владимира Мстиславовича Псковского Ярослав. Кес осадили, но взять не смогли.

Латыши, стремясь отомстить за опустошения, стали разбойничать вокруг Пскова. Осенью псковичи выступили в землю латышей и повоевали ее. Наконец германцы с ливью и латышами подступили к Новгороду и, разграбив предместья, церкви и спалив несколько сел, отступили восвояси.

Зимой 1221–1222 гг. чудь (эсты) дважды вторгалась в Ижорскую область. В те годы за земли современной Эстонии вели жестокую борьбу Германия, Дания и Швеция.

В 1218–1219 гг. на горе, высящейся над Таллинским заливом, датским королем Вальдемаром II была основана крепость Ревель. Стоявший в том месте замок Линданиссе был разрушен. Вскоре Ревелю пришлось отражать приступ эстов.

В 1220 г. в Эстонии высадился шведский король Иоанн. В замке Леале, в месте, называемом Роталией, Иоанн оставил гарнизон и покинул Эстонию. Эти события не понравились Риге.

Эсты разбили шведов и взяли приступом датскую крепость на Эзеле, восстала едва ли не вся Прибалтика, и гнев ее обратился против германских рыцарей. Эсты и латыши стали убивать и изгонять не просто рыцарей, купцов и духовенство, но они стали повергать христианство, видя в нем олицетворение силы, их порабоцавшей.

В 1222 г. (или в 1223 г.) юный Всеволод Юрьевич ночью тайно покинул княжескую резиденцию под Новгородом и уехал к отцу во Владимир-на-Клязьме. Новгородцы, забыв прежние обиды, прислали посольство к Ярославу Всеволодовичу в Переяславль-Залесский, приглашая на княжение.

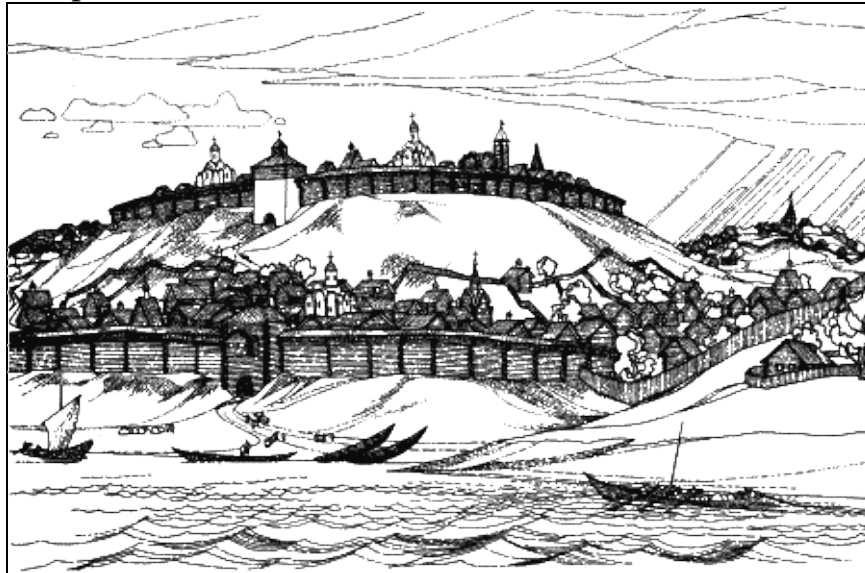
Юрий Всеволодович в 1222 г. был занят в Суздале перестройкой каменного храма, выстроенного Владимиром Мономахом и епископом Ефремом. У здания обрушился верх, и Юрий практически отстраивал храм заново.

Ранее, в 1221 г., при устье Оки Юрий заложил Нижний Новгород, главную твердыню Руси на средней Волге.

Водворившись в знакомой резиденции на Городище, Ярослав Всеволодович быстро понял, что звали его на Волхов неспроста. Под Торопцом воевала литва. Ярослав с новгородцами преследовал литву до Усвята, да не догнал.

В 1220 г. литовцы доходили аж до Черниговской волости. Мстиславу Святославовичу, брату Всеволода Чермного, удалось литву догнать, побить, а полон отнять. Но эти вторжения были лишь провозвестием грядущего усиления Литвы и ее влияния на земли Западной и Южной Руси.

В 1223 г. Ярослав Всеволодович выступил в поход к Ревелю. Русские называли город Кольванью. Ярослав вел двадцать тысяч воинов. Эсты ожидали прихода русских, ибо сами их о том просили, и стали выдавать Ярославу сидевших в чуждских землях германцев. Ворота городов Юрьев и Одение перед русскими распахнулись. Ярослав собрался идти на Ригу, да был от того отговорен, и выступил к Ревелю на датчан. Новгородцы, хотя и воевали с Германией в Прибалтике, с ней же и торговали.

Под Феллином глазам Ярослава предстали ранее оставленные в городе новгородцы, повешенные германцами. Ярослав повоевал область вокруг Феллина, и от гнева князя пострадали ни в чем не повинные местные жители.

Четыре недели Ярослав держал город Ревель в осаде. Датчане защищались мужественно. Наконец осаду сняли, и Ярослав с новгородцами вернулся на берега Волхова, отягощенный добычей.

В том же 1223 г. Ярослав Всеволодович с княгиней (дочерью Мстислава Мстиславовича) и детьми уехал из Новгорода в Переяславль-Залесский. Новгородцы просили князя остаться, только Ярослав не мог мириться с сидением на Городище и ожиданием вестей с веча. Князь стремился наследовать отцу и деду.

Новгородцы попросили у Юрия Всеволодовича хорошо им знакомого отрока Всеволода, и Юрий позволил увезти сына в городище под Волховом.

В 1224 г. новгородские бояре уступили город Юрьев (Тарту) князю Вячку, изгнанному орденом из города Кукенойсе в низовьях Западной Двины.

Вячко имел две сотни воинов и не только удерживал Юрьев, но и контролировал значительную территорию к западу от Чудского озера, не пуская в нее орден.

Рижский епископ Альберт собрал какие мог силы и выступил с ними к Юрьеву. Город осадили. Новгород не помог, и Юрьев пал. Вячко погиб вместе со своей дружиной. Жизнь сохранили одному суздальскому боярину. Ему дали коня, и он возвестил в Новгороде о падении Юрьева. Новгородцы выступили к Юрьеву и в ту пору стояли у Пскова. Город Юрьев был сожжен, и восстанавливать его новгородцы не стали.

В 1224 г. посадник города Старой Русы Федор выехал навстречу совершавшим набег на новгородские земли литовцам.

В завязавшемся сражении литовцы одолели и, убив «Домажира Търлиница» с сыном и «Богшю», остальных разогнали по лесу.

В 1223 г. Русь впервые столкнулась с монголами, иначе именуемыми татарами. (Заметим, что отождествление двух народов не совсем правильно.) Это событие ознаменовало завершение эпохи сравнительного благоденствия восточных славян, и в дальнейшем им ежегодно пришлось отстаивать свои земли не только от монголов и татар на востоке и юге, но одновременно от германцев, литвы, поляков и венгров на западе. Судьба отпустила восточным славянам несколько столетий на то, чтобы как следует уселиться на Русской равнине, и, начиная со второй четверти XIII в., стала испытывать их на прочность. В итоге Русь выстояла и вышла победительницей из всех единоборств, но достались ей победы большой кровью, горем, слезами, унижением и столетиями жесточайшей борьбы.

Битва на реке Калке 1223 г.

В первой четверти XIII в. на Центральную, Среднюю и Переднюю Азию из глубины Евразийского континента накатилась очередная волна восточных кочевников, стоявшая в общем ряду с нашествиями гуннов (IV–V вв.), авар-обров (VI–VIII вв.), болгар, печенегов, половцев (VII–XII вв.). Это было новое извержение тюркского мира, шедшее из самого его чрева и ломавшее не только родственные тюркские государственные образования, но захлестнувшее мир восточных славян и смешавшее его в огне, крови и слезах подобно смерчу.

Известное дравнерусскому летописцу имя новых азиатских завоевателей таумены (Лаврентьевская летопись) — татары, туркмены, тюрки или турки указывает на этническую природу народа. Удар, пришедшийся по Восточной Европе в первой половине XIII в., был страшен, но Русь устояла и в конечном итоге одолела татар.

Во многом русские были обязаны предшествующим столетиям созидательного труда дедов славян, заложивших прочную материальную и духовную основу бытия не только в лесостепях Восточной Европы, но и на ее севере, в лесной полосе, малодоступной для татарских всадников. В XIV–XV вв. сила татаро-монгольского мира Евразии стала убывать, и русские стали продвигаться на восток, имея конечной целью побережье Тихого океана.

Весть о приближении к Руси татар принесли половцы (куманы). Татары гнали половцев до мест в левобережном поднепровье «идеже зовется валь Половечский» (змиев вал). Это были юго-восточные рубежи Руси. О татарах или монголах на Руси «никтоже добре ясно не весть кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которого племени» (Лаврентьевская летопись — 1223 г.).

К 1223 г. Чингисхан владел едва ли не половиной Евразийского континента. Рассказ половцев о татарах заставил русских князей собраться на совет в Киеве. Половецкий хан «Юрьи Кончакович», бывший старшим среди своей знати, обратился к русским князьям с такой речью: «Мы ныне исечени быхомъ а вы наоутрее исечени боудете».

Совещались в Киеве весной 1223 г. Великий князь киевский Мстислав Романович, Мстислав Мстиславович, сидевший в Галиче, Мстислав Святославович, владевший Черниговом и Козельском, и «то бо беахоу старейшины в Роуской земли». Вокруг старейших Мономашевичей и Ольговичей сидели молодые князья: Даниил Романович, Михаил Всеволодович (сын Чермного), Всеволод Мстиславович (сын киевского князя). Запад Руси оставили стеречь сидевшего во Владимире-Волынском юного Василия Романовича.

Старейший из князей северо-восточных земель Юрий Всеволодович на съезде в Киеве отсутствовал, но о происходящем был уведомлен и отправил в Южную Русь племянника Василька Константиновича, сидевшего в Ростове.

К сражению на Калке Василько Константинович опоздал и, узнав о происшедшем, повернул в Ростов от Чернигова, крестясь на многочисленные в ту пору церкви.

Страх на половцев татары нагнали такой, что весной 1223 г. на Руси крестился великий хан половецкий «Басть».

В Киеве решили выступить походом в степь. В апреле 1223 г. под гору Заруб, к острову «Варяжскомоу», к броду через Днепр, со всех концов Руси стали сходить полки. Подошли киевляне, черниговцы, смоляне, куряне, трубчане и путивльцы (жители Курска, Трубчевска и Путивля), галичане и вольняне. Подошли к Зарубу и жители множества других городов Руси со своими князьями. К Зарубу приехали и половцы, два столетия терзавшие Русь и теперь стремившиеся найти у нее защиту.

К Зарубу пожаловали десять послов от татар. Они заверили русских князей в своей дружбе

и утверждали, что единственно стремятся наказать половцев. Послы были перебиты.

Днепр полки перешли посуху, «яко же покрыта воде быти от множества людий». И шли те силы «коньми». А по Днестру в тысяче ладей спускались «выгонцы Галичкыя». Эта флотилия вошла в устье Днепра и поднялась его руслом до порогов, остановившись у острова «Хорьтице на бродоу оу Протолчи». Вели галичан «Домамеричь Юрьгии и Держикраи Володиславичь».

К порогам подошли и шедшие от Заруба конные русские полки. Стала Русь у порогов на правом берегу Днепра, заслонившись от неведомого, но ужасного неприятеля рекой.

Навстречу татарам за Днепр поехал Даниил Романович с молодыми князьями и Юрием Домамеричем. Они первыми из русских и увидели татарскую конницу. Это было сочетание низкорослых и выносливых монгольских лошадей, лисьих малахаев, луков, колчанов со стрелами и смуглых широкоскулых лиц невысоких поджарых людей с раскосыми глазами.

Когда отряд Даниила Романовича вернулся в русский стан, Великий князь киевский Мстислав Романович стал спрашивать о виденном. Юрий Домамерич сказал, что татары лучшие, нежели половцы, стрелки и «ратници соуть и добрая вой». Галицкий воевода был опытен, и оценка его была правильна. А молодые князья стремились сразиться с неприятелем.

На семнадцатый день похода к русским князьям на Днепр к Олешью вновь пожаловали татарские послы. Они заявили, что не желали Руси зла, но раз послы перебиты, пусть бог их рассудит. Этих послов князь отпустили невредимыми.

Русские полки перешли на левый берег Днепра и двинулись степями на восток, к побережью Азовского моря. Скоро русские столкнулись с татарскими стрелками. Татар опрокинули и погнали полем, избивая отставших. Воины завладели татарским скотом. Позже выяснилось, что татары нарочно заманили русских подальше в степь.

Поели восьмидневных переходов русские полки достигли берегов реки Калки. Навстречу русским к реке выехали татарские всадники. В завязавшемся бою были убиты «Ивань Дмитреевичь иная два с нимъ». Татары отошли от Калки, увлекая русских на другой берег реки.

Мстислав Мстиславович, герой битвы на Липицком поле 1217 г., велел Даниилу Романовичу с полками перейти Калку.

Следом сам Мстислав перешел реку.

Мстислав Мстиславович со стражей поехал вперед, и его взору предстал «полкъ Татарскыя». Это было конное азиатское воинство, перегородившее степь от севера до юга на несколько верст. Мстислав вернулся к своим полкам и велел войскам изготовиться к сражению.

Настал день 31 (30) мая 1223 г. (по ряду летописей 1224 г.). Позади передовых русских полков в стане на горе над рекой Калкой стоял Великий киевский князь Мстислав Романович.

Мстислав Мстиславович не сообщил старшему двоюродному брату о том, что татары рядом и сражение начинается «зависти ради бе бо котора велика межю има».

Началось сражение. У русских вперед выехал молодой Даниил Романович. Было князю не более 23 лет (по летописи — 18 лет). За Даниилом последовали «Семьонъ Олюевичь и Василько Гавриловичь». Даниила ранили, но он в пылу сражения этого не почувствовал. Ранили и Василька Гавриловича. На помощь Даниилу ринулся двоюродный дядя Мстислав Ярославович Немый. Этот князь очень любил отца Даниила Романа. А Роман после своей смерти поручил сына заботам Мстислава Немого.

Даниил Романович крепко дрался с татарами. Рядом с ним воевал Олег Святославович Курский. Битва час от часу становилась злее. Мстислав Романович и бывший с ним Мстислав Святославович Черниговский так и не успели в нее вступить, оставшись в тылу русских полков.

Татары были быстры, как ртуть. Они отступали и наступали практически одновременно, изматывая неприятеля.

Наконец русские дрогнули и побежали. Примчавшись к реке, Даниил Романович слез с

коня и стал пить воду. И тут князь понял, что ранен.

Первым к Днепру приехал Мстислав Мстиславович. Переправившись на правый берег, князь велел сжечь, порубить или оттолкнуть ладьи, дабы они не послужили татарам.

Гнавшиеся до Днепра за русскими татары силами двух воевод обступили стоявшего на каменистой горе над Калкой Мстислава Романовича Киевского, так и не вступившего в битву. Князь окружил вершину горы телегами и бился с татарами три дня.

Среди татар были упоминавшиеся древнерусскими летописцами «Бродници». Их воевода «именем Плоскына» целовал крест к Мстиславу Романовичу, заверяя князя в том, что в случае сдачи русским будет сохранена жизнь.

Русские поверили — и напрасно. Одних киевлян в несчастном для Руси сражении погибло десять тысяч. Погибли на Калке Великий киевский князь Мстислав Романович, Мстислав Святославович Черниговский с сыном и семь иных князей. Среди них называют Изяслава (сына Ингвара Ярославовича Луцкого) и волынских князей Святослава Яновского и Святослава Шумского. Указывают и на Юрия Несвижского.

А Никоновская летопись сообщает: «Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича. Златаго пояса». Пало на Калке «боляръ и прочих вой много множество». Тела мертвых и раненых князей татары «подкладше подъ дъски, а сами седоша обедати».

Татары дошли до Новгорода-Северского «Стополчьского», избивая выходивших из городов с крестами жителей, и повернули от берега Десны в степь, на полтора десятка лет исчезнув. И был «плачь и туга в Руси».

Катастрофа 1223 г. характеризовалась западнорусским составителем Ипатьевской летописи: «Быс победа на вси князи Роускыя. тако же не бывало никогда же». Но то была лишь прелюдия к грядущим бедствиям.

Во многом несчастный для Руси поход в степь 1223 г. напоминал воспетый древнерусской литературой поход Игоря Святославовича 1185 г. В 1223 г. Русь была предупреждена. Но могло ли это жестокое предупреждение что-то изменить?

Сама природа словно нарочно стала являть людям недобрые знаки. Летом 1223 г. в ростово-суздальских землях загорелись боры и торфяные болота. Дым от пожаров был столь густ, что люди не могли разглядеть друг друга, а птицы падали замертво.

В 1223 г. на западе небосклона явилась невидимая звезда и, провисев семь дней, испустила к востоку луч и погасла.

Но жизнь брала свое, и скоро раны, нанесенные Руси в сражении на Калке, начали зарубцовываться.

Глава 19

ЭПОХА КНЯЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА РЮРИКОВИЧА (1223–1237)

Западная Русь в 1223–1227 гг.

Повествуя об истории Руси 1223–1237 гг., прежде обратимся к западным и южным землям.

Александр Всеволодович не мог простить Даниилу Романовичу страшной для Белза ночи и, узнав о разладе между Даниилом и Мстиславом Мстиславовичем, стал склонять Мстислава к войне с Даниилом.

В 1225 г. Мстислав подошел на «Лысоую Гороу». А Даниил уехал в Польшу, к Лешку. Вскоре Александр Всеволодович и Мстислав едва успели укрыться в Белзе от Даниила и его союзников. Мстислав вернулся из Белза в Галич, а Даниил с поляками принялся воевать галицкие земли вокруг «Любачева» и пленил всю волость «Бельзеською и Червеньскоую».

Стерегший Вошьнь Василий Романович подивился множеству стад «коньска и кобылья», пригнанных братом. Богатая добыча вызвала зависть у помогавших Даниилу поляков.

В Киеве после гибели Мстислава Романовича весной 1223 г. сел двоюродный брат великого князя Владимир Рюрикович. К нему за помощью против Даниила и поляков обратился Мстислав Мстиславович. Кроме того, Мстислав призвал половецкого хана Котяна. Александр Белзский продолжал уверять Мстислава, что Даниил хочет убить тестя (Мстислава) и добыть Галич.

У Мстислава были основания тому верить, но не забудем, что Даниил доводился зятем Мстиславу, и дело, к счастью, кончилось миром.

Александр прислал к Мстиславу своего мужа Яна, и он стал уверять князя в том, что Даниил во второй раз ведет на Мстислава поляков.

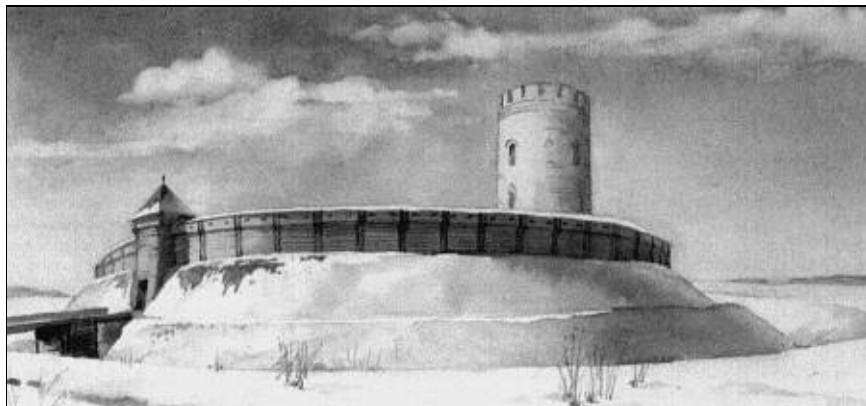
Мстислав встретился с Даниилом в «Перемили» и подарил зятю великолепного коня по прозвищу «Актазь». Не забыл Мстислав и о дочери Анне. Ей князь преподнес множество даров. Там же был утвержден мир на западе Руси.

Ярославовичи предложили Мстиславу отобрать Белз у Александра «за соромь свои». Но Мстислав был слишком мудр, чтобы разменивать честь на волость.

В 1226 г. галицкому боярину «Жирославоу» пришло в голову распустить слух, что Мстислав идет в степь за ханом Котяном, чтобы «избить» галицкое боярство. Любви между князем и боярами в Галиче не было в помине, и это делало злонамеренный слух весьма похожим на правду.

Галицкие бояре собрались и уехали в волость «Перемьшлескою в горы Кавокасьския» (Карпатские). Из свитых на каменистых скалах гнезд приободрившиеся бояре отправили на Днепр к Мстиславу Мстиславовичу послов, веля передать князю сказанное Жирославом.

Мстислав отправил к боярам «отца своего Тимофея» (духовника) с клятвой в том, что князь худого и в голове не держит. Бояре с гор вернулись в города, а Жирослав из Галича был изгнан и нашел прибежище у Изяслава.

Скоро из Перемьшля бежал зять Мстислава, сын Андрея Венгерского Андрей. Принц

послушал еще одного галицкого боярина «Семьюнка Чермьнаго».

Зимой 1226 г. Андрей Венгерский выступил в Галицию и оказался под Перемышлем. В городе сидел «Юрєви тогда тысящюу держащюу». Перемышль был сдан, а Юрий бежал к Мстиславу.

Андрей оставил Звенигород и послал войско к Галичу. Король не смел сам поехать к городу, ибо «вольхвы Оугорьскыя» предсказали Андрею: «Яко оузревшоу Галич не быти емоу живоу».

Андрея Венгерского в походе сопровождал знакомый нам польский воевода Пакослав с полком. От Звенигорода Андрей подошел к Теробовлю и овладел городом. Далее венгры заняли Тихомель и подошли к Кременцу. Под Кременцом королю дали сражение и побили немало венгров.

От Кременца Мстислав послал к Даниилу боярина «Соудислава», прося не отступать от мира. От Кременца венгры отступили к Звенигороду. А Мстислав удерживал Галич.

Наконец неприятели съехались, и произошло генеральное сражение. Мстислав одолел. Русские гнали венгров до их стана, и среди убитых оказался королевский воевода Мартиниш. Сам Андрей Венгерский «смятєся оумомъ» и поспешил прочь из Галиции.

К Мстиславу «ко Городькоу» приехал Даниил Романович с братом Васильком и с Глебом (непонятно, чей сын). Романовичи надеялись получить от тестя вождеденный Галич, но в дело снова вмешались галицкие бояре.

Когда Романовичи призвали Мстислава покончить с Андреем, говоря, что король близко и по «Лохти» ходит, боярин «Соудиславъ», стремясь выгородить венгров и их короля, «имеяше бо в немь надежоу великоу», стал отговаривать Мстислава.

В помощь Андрею Венгерскому выступил Лешко Польский. Даниил стал «бранящюу» ему, не пуская к венграм. Андрею зимой 1226–1227 гг. удалось ускользнуть из Галиции за Карпаты. Следом за королем в Венгрию поехали опальный боярин Жирослав и давший ему приют Изяслав.

Когда венгры окончательно покинули Галицию, боярин Судислав снова подступил к Мстиславу, склоняя князя отдать обрученную ранее с венгерским принцем дочь за Андрея, бежавшего из Перемышля и навлекшего на Галицию короля. Судислав прямо заявил Мстиславу, что галицкие «бояре не хотят тебе», а без них князю Галиции не удержать. Мстислав возражал, не желая возвращать венгров, и хотел отдать Галич Даниилу. Желали видеть Даниила в Галиче и простые люди. Но «Глебови же Зеремеевичю и Соудиславоу» удалось убедить Мстислава отдать Галич венгерскому принцу Андрею.

Венгры вновь вернулись в Галич, к удовольствию боярства и к неудовольствию остального населения. Мстислав взял себе «Понизье», земли ниже Галича по Днестру.

Невольно задаешься вопросом: в чем причина столь убежденного западничества галицких бояр, интригами перечеркивавших результаты выигранных Русью сражений и целых войн? Впрочем, только ли галицкое боярство творило подобные чудеса? К сожалению, эта черта вообще присуща значительной части русской знати.

Тем временем скончался Мстислав Ярославович Немый. Князь, по-отечески относясь к Даниилу, завещал свои города и сына Ивана заботам Даниила Романовича. Иван скоро умер, и города его отца были заняты: Луцк Ярославом Ингваровичем, а Черторыйск жителями Пинска.

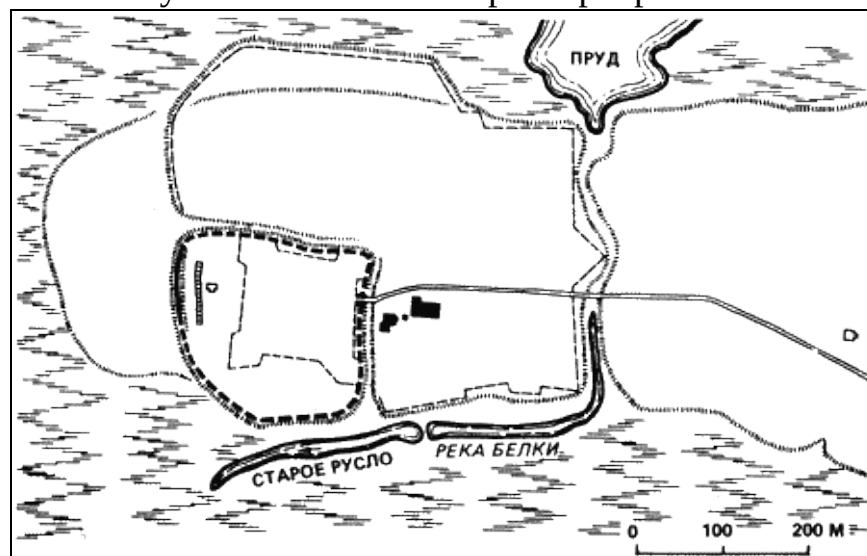
Даниил те города стал требовать себе, и начались бесчисленные «рати и великыя троуды». Однажды Даниил с дружиной приехал на молитву к св. Николаю в «Жидичинь». Там оказался державший Луцк Ярослав. Бояре подступили к Даниилу, говоря, что трудно представить лучший момент для расправы. Даниил ответил, что приехал к св. Николаю и творить иного не желает.

Даниил послал к Луцку своих бояр «Андрея, Вячеслава, Гаврила, Ивана». Ярослав Ингварович ехал к Луцку с женой, но не успел. У одного из воинов Даниила по имени «Олексию Орешкомъ» был очень быстрый конь. Он и догнал Ярослава перед самыми воротами Луцка.

В тот день жители Луцка закрылись, а наутро, увидев стяги Даниила Романовича, сдали город князю. Даниил отдал Луцк и Пересопницу брату Васильку. Ранее Василько овладел Брестом.

В 1227 г. ятвяги завоевали земли вокруг Бреста. Даниил и Василько выехали из Владимира-Волынского и погнались за ятвягами. Князья были молоды, но уже по-мужски сильны и с копьями наперевес, опережая свои дружины, бились с ятвягами.

Решив вопрос с Луцком, Даниил отправил к уехавшему в Торческ тестю Мстиславу Мстиславовичу посла «Демьяна», веля передать, что не подобает пинянам держать Черторыйск. Демьян от Мстислава услышал нечто иное. Мстислав велел Демьяну передать, что он винится и сожалеет, что не отдал Даниилу Галича. Мстислав сказал, что боярин Судислав его обольстил. Мстислав добавил, что той беде можно помочь, совместно выступив к Галичу. Даниилу будет стол отца в Галиче, а Мстиславу — Позимовье. А про Черторыйск Мстислав не возражал.

В субботу утром, под пасху «на великъ днь», Демьян приехал во Владимир-Волынский. А в пасхальное утро Даниил и Владимир подходили к Черторыйску. В ночь на понедельник город обступили со всех сторон. Тогда под Даниилом застрелили коня. Наутро Черторыйск взяли приступом и схватили сидевшего в городе князя.

А в те дни в Торческе умирал Мстислав Мстиславович. В скольких грандиозных сражениях участвовал этот князь! Перед смертью Мстислав пожелал увидеть Даниила, дабы поручить его заботам своих детей. И снова вмешались бояре. «Глебъ же Зеремеевичъ» не допустил Даниила к тестю.

Похоронили Мстислава Мстиславовича в Киеве. Это был один из замечательных русских князей. Его, как и отца, недаром называли Храбрым. А был князь великодушен и по-русски широк душой.

Взятому в Луцке Ярославу Ингваровичу в утешение в 1227 г. дали города «Перемиль и потом ь Межибожие».

В 1228 г. князь Ростислав Пинский (быть может, потомок Святополка II) беспрестанно жаловался сидевшему в Киеве Владимиру Рюриковичу на то, что Даниил пленил его детей и волость. Несмотря на хлопоты митрополита Кирилла о мире, в Киеве было решено выступить против Даниила. Владимир Рюрикович собрал войско. Подошли Михаил Всеволодович Черниговский и половецкий хан Котян. У самого Владимира Рюриковича к Даниилу был

давний счет, ибо сей князь хорошо помнил, что его отец (Рюрик Ростиславович) был пострижен в монахи Романом Мстиславовичем, отцом Даниила. Владимир Рюрикович решил, что долг пора вернуть, и осадил волынский город Каменец. С киевским князем город осадили «князи и Коуряны и Пиняны и Новгородци и Тоуровьци».

Даниил поспешил за помощью в Польшу, а боярина Павла отправил к хану Котяну с предложением о мире. Видно, что-то и сверх того шепнул Павел половецкому хану, ибо вместо того, чтобы стоять под Каменцем, Котян пошел в Галицию, «повоевал» ее земли и ушел в степь. Тем самым был упрежден союзник Владимира Рюриковича и Михаила Всеволодовича Черниговского, сидевший в Галиче венгерский принц Андрей с боярином «Соудиславом».

Осаду с Каменца сняли, и уже Даниил с Васильком и пришедшие с ними поляки с воеводой Пакославом и Александром (Всеволодовичем Белзским) от Владимира-Волынского пошли к Киеву. С Даниилом шли его бояре «Вихала и Воротиславъ Петровичъ Юрии Толигневичъ». К счастью, дело закончилось миром, и поляки вернулись по домам без сражения.

В 1229 г. (по Ипатьевской летописи) в Польше на княжеском съезде «Стополкомъ. Одовичемъ Володиславомъ» был убит союзник Даниила Лешко («Льстько») «светомъ бояръ неверных».

Новым союзником Даниила и Василька Романовичей в Польше стал брат Лешка Конрад Мазовецкий. Скоро Романовичи выступили в поход в помощь Конраду на «Володислава на старого». Стеречь Волынь Романовичи оставили «Володимера Пиньского» (Владимира Ростиславовича Пинского) и «Оугровьчаны и Берестьяны» (жителей городов Угровеска и Берестья). Посадили эту силу в Берестье, ибо стерегли Волынь от ятвягов.

Тем временем польские земли «воевали» литовцы. Считалось, что Литва союзна Волыни, и оттого литовцы без боязни остановились под Берестьем. Владимир Пинский рассудил «оже есте мирни но мне есте не мирни». Быть может, Владимир имел в виду Пинскую волость, страдавшую от набегов литвы. Князь Владимир вышел из Берестья и побил литовцев.

Даниил и Василько Романовичи объединились с Конрадом и выступили к польскому городу «Калешю». Полки союзников подошли к «Ветроу» и утром, перейдя реку «Пресною», продолжили движение к Калешю. К ночи начался такой сильный дождь, что у тех, кто под него попал, было ощущение, будто кто-то противится продвижению войска.

Между тем полки вступили на земли неприятеля и принялись «воевать» села. «Роусь» пошла до «Милича и Старогорода» и, заняв несколько сел «Воротиславских», вернулась в лагерь с немалой добычей.

У поляков не было большого желанья сражаться с соотечественниками. Тем не менее

наутро Романовичи подступили к Калешу. Конрад также поднял свои полки, хотя и не без уговоров.

Подошли к воротам Калеша. На другую сторону города послали «Мирослава». Калеш окружили со всех сторон. В это время разлился весенний паводок. Калеш стоял среди воды подобно острову и был окружен густыми зарослями лозы и вербы. Горожане принялись с «забраль» метать камни. И летели камни на осаждавших подобно дождю и «возводныи мость и жеравецъ вожьгоша».

Осаждавшие стояли в воде и из-за зарослей не видели, где наступают, а где отступают. Загорелись ворота Калеша, но горожане пожар погасили. Романовичи принялись ходить вокруг города и стрелять по оборонявшим стены. К вечеру осаждавшие вернулись в лагерь и стали сушить одежду у костров.

Один из русских бояр «Станислав Микоуличъ» сообщил Даниилу, что в том месте, где он днем стоял, воды не было, ибо там гребень высокий. Князь сел на коня, подъехал к городу и сам в том убедился. Ночью поведал о гребне Даниил Конраду и добавил, что коли «ведеале место се то градъ приять бы быть».

Утром русские подступили к Калешу. Камни со стен на этот раз не летели. Горожане попросили Конрада о переговорах, прося прислать «Пакослава и Мьстиоця». Эти воеводы предложили Даниилу, «изменивъ ризы свое» (сменив облик), присутствовать на переговорах. Даниил ехать не хотел, да его уговорил брат Василий. Даниил надел на себя «шеломъ Пакославъ» и стал позади воеводы.

Стоявшие на «заборолах» крепостной стены люди просили Пакослава передать Конраду, что они такие же поляки, как и он. Еще пристыдили Конрада, говоря, какую он примет славу, если «Роуская хороуговь станеть на забралехъ» Калеша, и кому от того честь будет.

Пакослав ответил горожанам, что Конрад рад поступить милостиво с Калишем, но Даниил «лють зело» и от города отступить не хочет. Пакослав рассмеялся и, показав на стоявшего позади человека, сказал: «А се стоять самъ». Даниил снял при тех словах шлем.

Даниил в этот день много смеялся и «вестовавшоу» с горожанами. Они просили у князя мира. Даниил взял у калишан двух мужей и приехал с ними к Конраду. А Конрад заключил мир с городом, но взял «талъ» (заложников), дабы мир не оказался скоротечным.

Русские воины стали в лагере с множеством набранной в окрестных селах челядью. Тогда же «Роусь и Ляхове» поклялись: если будет война, то не воевать «Ляхомъ Роуское челяди ни Роуси Лядьской». С тем Романовичи вернулись на Волынь «в домъ свои с честью». Гордились Романовичи помимо прочего и тем, что никто до них, кроме Владимира I, так глубоко в землю «Лядскоу» не заходил.

Скоро Василий Романович уехал в Суздаль к Юрию Всеволодовичу на свадьбу своего шурина. С Василием в залесские земли поехали «Мирослав» и другие западнорусские бояре. А Даниил в ту пору находился в «Оугоровьсце». Сюда из Галича прислали весть, что «Соудислав» ушел в Понизье, а в Галиче остался венгерский принц. Даниил давно ожидал такой новости. Он послал «Дъмьяна на Соудислава», а сам с небольшой дружиной поехал из «Оугревеска» к Галичу.

На третий день пути, к ночи, Даниил был под Галичем. Тем временем боярин Судислав «не стерпе передъ Демьяномъ» гнал коня к Галичу.

Даниил нашел ворота Галича запертыми. Тогда князь взял боярский двор Судислава, стоявший под Галичем.

В усадьбе Даниил увидел «вина и воца и корма и копии и стрель. пристраньно видити» и немало подивился складу провизии и оружия.

Пока князь осматривал боярские погреба и службы, его дружинники «испилися» и Даниилу

пришлось отвести их за Днестр.

Ночью в Галич примчался «Соудислав». Об этом стало известно Даниилу, ставшему в «Оугльницехъ» на берегу Днестра. А на Днестре стоял лед.

Из Галича вышли венгры и горожане, и началась перестрелка через реку. К вечеру лед треснул, и вода стала заливать пойму. Недалеко от Галича через Днестр был переброшен мост, и Даниил на него рассчитывал. Но вечером «лихьи Семейюнько подобный лисици» мост зажег.

Даниил опечалился, но скоро в его лагерь приехал «Дьянь» со всеми галицкими боярами «со Милославомъ и со Володиславомъ и с иными боярами». Даниил повеселел, ибо приезд означал присягу галичан новому князю.

К Галичу подошел Владимир Ингварович. Полки перешли Днестр и с четырех сторон приступили к Галичу «от Боброky доже и до реки Оушици и Проута».

Скоро Галич сдался Даниилу Романовичу. Принца Андрея Даниил отпустил, помня доброту его отца Андрея, некогда принявшего у себя Даниила мальшом.

С венграми из Галича выехал бярин «Соудислав». В него народ «Метахоу камение». По приезде в Венгрию он подступил к королю, убеждая идти к Галичу, пока Даниил не окреп.

Войско венгров, выступившее в Западную Русь, возглавил сын короля Бела. Когда венгры шли долинами Карпатских гор, на берегах открылись «хляби нбсныя». Горные ручьи превратились в буйные, сметавшие все на своем пути потоки. Кони стали тонуть, а воины полезли на горы, стремясь не попасть в воду.

Тем не менее Бела дошел до Галича. Даниил, призвав поляков и половцев «Котяневы» в помощь, отправил к Беле послом Демьяна. Переговоры ничего не дали.

За венгров выступили половцы «Беговарьсови». И тут на Белу судьба напустила «раноу фараоновоу» (непонятный недуг). Бела отчаялся взять Галич, бросил войско и поехал в Венгрию. Оставшиеся под городом венгерские «оружники многи и фаревники» стали избиваться галичанами. Немало венгров перетопили в реках. Многие из них умерли от ран или сгинули неведомо как.

Бела от Галича пошел к «Василевоу» и там переправился через Днестр. Далее он поехал к реке Прут.

Так Даниилу Романовичу в 1229 г. удалось не только занять, но и удержать Галич. А это подчас было гораздо сложнее.

В 1230 г. галицкие бояре стали затевать заговоры, стремясь устранить Даниила. Союзником бояр выступил Александр Всеволодович Белзский, двоюродный брат Романовичей и их давний недруг.

Решили сжечь Романовичей вместе с домом, в котором князья располагались. Когда все было готово, Василий вышел из дому и обнажил меч, «играя на слоугоу королева». Слуга, также играя, схватил щит, обороняясь от Василия. Эту сцену довелось увидеть «Малибоговидьчъмь». Бояре решили, что Романовичам стало известно о заговоре, и побежали прочь. Так они выдали свои намерения.

Василий из Галиции уехал во Владимир-Волынский. А Даниила пригласил на пир один из галицких бояр «Филипъ безбожнъй», сидевший в собственной укрепленной усадьбе в Вишне (к западу от Львова). В Вишне хотели учинить расправу над князем. И снова в сговор с боярами вступил Александр из Белза.

Когда Даниил приехал во «Браневича», к нему пришел транспорт с солью от «тысячкого его, Демьяна». Верный Демьян предостерег князя, сказав, что пир у Филипа в Вишне «золь есть». Даниил повернул к Галичу и послал сказать брату Василию, чтобы выступил к Белзу. Александр Всеволодович от Василия убежал в Перемышль. А Василий присоединил Белз к своей волости — Волыни. Затем Романовичи послали «Ивана... седелничего» на бояр

«Молибоговичихъ и по Вольдрисе».

«Сидельничемъ Иваномъ Михалковичемъ» было пленено двадцать восемь галицких бояр.

Даниил ни одному из бояр худого не сделал и скоро отпустил. Спустя немного времени один из тех бояр на пиру «лице зали» Даниилу «чашею». Князь был мудр и терпелив «и то емоу стерпевшоу».

В 1231 г. (по Ипатьевской летописи) Даниил в Галиче собрал восемнадцать ближайших отроков с тысяцким Демьяном на совет и, поведав о намерении выступить против врагов, спросил окружающих, верны ли они ему. Присутствующие поклялись в преданности князю. А «соцкьи же Микоула» повторил сказанное еще Романом о галичанах: «Не погнетши пчель меду не едать».

Даниил помолился, принял в помощь боярина своего «Мирославоу» и с немногими ратниками, выступил к Перемышлю. Галицкие бояре, как и прежде, были неверны Даниилу и шли с ним «мнещеся яко верни соуть».

Александр Всеволодович из Перемышля бежал в Санок, бросив в городе все свое состояние. С Александром ехал «Шельвъ». Был тот муж храбр, да оказался «събодень» (сбит) с коня и скончался. А «невернии же Володиславъ Юрьевич с ним (с Александром) светъ створь».

Оказавшись в Венгрии, Александр увиделся с «Соудиславом». Стоит ли говорить, что при встрече было сказано о Романовичах.

Венгры в который раз выступили в Галицию, и скоро король Андрей с сыновьями Белой и Андреем приблизились к городу «Ярославу». В городе довелось сидеть боярам Романовичей «Давыдови Вышатичю» и «Васильеви Гавриловичи»). Город затворил ворота, и гарнизон «бился» с венграми до захода солнца.

Вечером Давыд Вышатич «оуполошивъшоуся». Виной тому была боярская теща. Эта женщина хранила верность «Соудиславу» и была «кормильчья Нездилова матью бо си наречашеть ю». Теща внушила Давыду, что города не удержать.

Но выступил боярин Василий Гаврилович. Он стал призывать Давыда не губить чести их князя. А Давыд хотел город сдать.

От венгров приехал «Чакови». Он сообщил осажденным, что капитуляции не примут, ибо много жертв у венгров. Василий Гаврилович продолжал крепко биться с городских заборол. Но все же город Ярослав был сдан королю, и венгры двинулись к Галичу.

Боярин «Климьята» с «Голыхъ горъ» перебежал от Даниила Романовича к королю. Следом за Климьятой венграм сдались все галицкие бояре.

Андрей Венгерский из Галиции подошел к Владимиру-Волынскому, стремясь расправиться с Романовичами в их гнезде. Увидев город, король подивился его мощи и сказал, что таких городов «не изобретохъ ни в Немечкыхъ странахъ».

На стенах Владимира-Волынского венгры увидели «оружникомъ стоящимъ... блистахоуся щити и оружници подобии солнцю». В столице Волыни сидел боярин «Мирославъ». Он был храбр, но «смоутися оумомъ» и заключил мир с королем, не имея на то разрешения Романовичей.

Васильку Романовичу пришлось уступить «Бельзь и Червень» пришедшему с королем Александру Всеволодовичу. В Галиче король посадил сына Андрея «светомъ неверныхъ Галичанъ».

Боярин Мирослав заперся в усадьбе около «Чървьна» и «имел укору» от Романовичей. Сам князь Даниил «прия великъ пленъ», у города «Бъзкоу» воюя.

С тем Андрей Венгерский ушел за Карпаты. А жизнь на Руси шла своим чередом. К Даниилу из Киева приехал Великий князь Владимир Рюрикович, прося помощи против шедшего на столицу Михаила Всеволодовича Черниговского. Даниил князей помирил. Но это

не означало, что Ольговичи отказались от честолюбивых замыслов.

За услуги Даниил получил часть «Роуской» земли — Торческ. Даниил отдал город детям Мстислава Ярославовича Немого «шюрятюмъ своимъ», находившимся под опекой Романовичей.

В 1231 г. (по Ипатьевской летописи) Андрей Венгерский вновь выступил на Русь. Венгры двигались к «Белобережью». Из Киева от Даниила в сторожах поехал боярин Володислав. Венгров встретили в Белобережье и «бились» с ними через реку Случь «и гониша до реки Деревное из леса Чертова».

Володислав уведомил Даниила и Владимира Рюриковича в Киеве о столкновении с венграми на Случи. А Даниил сказал Владимиру Рюриковичу, что идут не на него, а на них обоих. Даниил попросил Владимира отпустить его из Киева, дабы он зашел венграм «взадъ».

Поняв этот план, венгры отступили к Галичу. Получалось, что Киев надо было стеречь и от Ольговичей, и от венгров, и потомкам Мономаха надлежало держаться вместе.

Даниил встретился с братом Василием у города Шумска. Там же Даниил «повествоваста» о реку «Велью» с пришедшим против Романовича венгерским королем Андреем и с бывшими у венгров Александром Всеволодовичем Белзским и боярином Глебом Зеремеевичем. Увидел за рекой Вельей Даниил и «князи Болоховьсции» (1231 г. по Ипатьевской летописи).

Это были князья земель (Болоховских), лежащих в верховьях Южного Буга. Летописцы не упоминают ни имен, ни родства болоховских князей. Это позволяет предположить, что они не были потомками Владимира I и его сына Ярослава Мудрого. Мы помним о князьях древлян, вятичей и других восточнославянских союзов X–XI вв. Еще в 1082–1083 гг. Владимир II Мономах ходил в землю вятичей на местного князька Ходоту. Болоховские земли располагаются в лесостепях правобережья среднего и нижнего Днепра, и их зависимость от Киева и от Ярославовичей в X–XIII вв. была невелика. Ярославовичам либо не было дела до болоховских земель, либо они состояли с болоховскими князьями в родстве, либо жить в верховьях Южного Буга было столь небезопасно, что болоховское княжение мало кого прельщало. Так или иначе болоховские князья враждовали с Даниилом и поддерживали венгров.

Поутру Даниил перешел реку Велью «на Шоумьскъ» и, перекрестившись, двинулся к «Торчевоу». Навстречу князю двинул полки венгерский принц Андрей. Даниил и Василий стали на возвышении. Венгры шли на русь равниной.

Даниил повел в сражение большой полк, устроенный «храбрыми людми» и сверкавший «светлымъ ороужьемъ». Венгры постарались избежать столкновения с Даниилом и стали биться с полками тысяцкого Демьяна и Василия Романовича. Демьян сражался с боярином «Соудиславомъ», давним союзником венгров. Даниил заехал венграм в тыл, сломал копье, достал меч и смутил собственного тысяцкого Демьяна, ибо тот «мнящоу яко все ратнии соуть и возбегоша пред нимъ».

Даниил стал пробиваться на помощь брату Василию и встретился со своим боярином «Мирославомъ». Стали «биться» князь и боярин с венграми сообща. На стяг Василия Романовича, собрав венгров, двинулся галицкий боярин «Глебъ Зеремеевичъ». А «сулица» Василия уже была вся в крови, доспехи князя были иссечены ударами мечей.

Полк Василия победил венгров и погнал их до лагеря и стяга принца Андрея. Венгры частично разбежались, частично отступили к Галичу. В полку Даниила было убито пять воинов, но под конец сражения «наворотися дружина Данилова на бегъ».

Среди павших бояр Даниила летописец называет имена «Ратиславъ. Юрьевичъ. Моиси. Степанъ братъ его. Юрьи Яневичъ». Сражение ничего не решило, и Галиция осталась во власти венгров и местных бояр.

Утром следующего после сражения дня Даниил не знал, где находится его мужественный брат и жив ли он. Впрочем, вскоре Романовичи увиделись.

Спустя немного времени приехали к Даниилу и Василию послы от Александра Всеволодовича Белзского. Двоюродный брат, разуверившись в силе венгров, просил Романовичей принять его любовь. Отказано в том не было. Даниил поехал с Александром к городу «Плесньскоу», ибо там сидели враждебные Романовичам бояре «Арьбоузовичи». Плеснек был взят, и из него Даниил поехал во Владимир-Волынский.

В 1233 г. (по Ипатьевской летописи) принц Андрей и боярин Судислав отправили на Даниила Венгерского воеводу «Дьяниша». А Даниил съездил в Киев и привел в помощь половцев и одного из Ольговичей — Изяслава Владимировича. Поддерживал Даниила и Великий князь киевский Владимир Рюрикович.

Изяслав Владимирович, вместо того чтобы воевать с венграми, разорил волость Романовичей, взял город «Тихомль» в верховьях Горыни и вернулся восвояси, предоставив Даниилу, хану Котяну и Владимиру Рюриковичу бороться с венграми самостоятельно.

Неприятели сошлись у волынского города Перемиля и стали «биться о мость» через реку Стырь. Венгры от Перемиля отошли к Галичу и «порокы пометаша». Видно, воевода Дьяниш решил брать приступом едва не сам Владимир-Волынский.

Даниил и Владимир Рюрикович, поняв, что, пока венгры сидят в Галиче, покою от них на Руси не будет, двинулись к Днестру. У города «Боужьска» в верховьях Западного Буга князья встретили Василия и Александра Всеволодовичей.

Из Бужска Владимир Рюрикович уехал стеречь от Ольговичей Киев. Уехал и хан Котян.

В 1234 г. боярин «Глебъ Зеремеевичъ» перебежал от принца Андрея к Даниилу.

Наконец Даниил и Василий Романовичи подступили к Галичу. Видно, несколько лет правления венгров не вызвало к ним любви у населения, и большая половина города вышла на берег Днестра встречать Даниила. Были среди людей и «Доброславъ и Глебъ инии бояре мнози».

Заперевшиеся в Галиче принц Андрей, его воевода Дьяниш и боярин «Соудислав» начали голодать, но города не сдавали. Даниил простоял под Галичем девять недель «жда ледоу», чтобы перейти Днестр. Когда реку перешли, «Соудиславъ» послал к Александру Всеволодовичу, обещая дать ему Галич, если он отступится от Даниила. Александр уехал от города.

И тут умер венгерский принц Андрей. Был он молод, и смерть его странна. Уж не повинны ли... впрочем, о том данных нет.

Галичане, узнав о смерти Андрея, послали к Даниилу «Чермьного Семьюнька» с новостью. Боярин «Соудислав» поспешил с отъездом в Венгрию. А Александр Всеволодович, страшась предательства, поехал в Киев к тестю (Владимиру Рюриковичу).

Даниил Романович сел в Галиче, и, когда узнал о том, что Александр спешит укрыться в Киеве, послал за ним погоню. Догнали Александра в «Полономь» и схватили его в «лоузе Хоморьскомь». Более о том князе известий нет, и судьба его, по-видимому, была печальна.

Даниил, занимая Галич, не спал три дня и три ночи. Князь мечтал об отдыхе. Из Киева в Галич приехал сын Владимира Рюриковича Ростислав. И визит не был просто данью вежливости. На Владимира ополчились Ольговичи, и у Даниила просили помощи. Несмотря на усталость, Даниил собрал полки и выступил к Киеву.

А в это время Михаил Всеволодович, старейший из Ольговичей, уже стоял под Киевом. Узнав о подходе Даниила, Михаил ушел на левый берег Днепра. Это было продолжение старого спора Ольговичей и Мономашевичей за Киев.

Даниил переправился через Днепр и пошел к Чернигову. К Даниилу присоединился один из Ольговичей — Мстислав Глебович. Возможно, он не ладил с двоюродным братом Михаилом Всеволодовичем.

Даниил Романович в походе 1234 г. взял города по Десне «Хороборъ и Сосницю и

Сновескъ» и иные. После этого Даниил подступил к Чернигову.

Город защищался. Под его стенами поставили таран «меташа бо каменемъ полтора перестрела». А камни были таковы, что их едва поднимали четверо здоровых мужчин.

С Ольговичами помирились, и Даниил вернулся в Киев. Один из Ольговичей — Изяслав Владимирович — к миру «не престаше» и привел на Киев половцев.

Даниил с полком, провоевав «от крщния до вознесения», страшно устал. Зная, что половцы воюют под Киевом, Даниил собрался идти на Вольнь «лесною странною», то есть тропами припятского полесья, да Владимир Рюрикович умолил князя не оставлять Киева. О том просил Даниила и его боярин Мирослав.

Половцев русские князья встретили у Звенигорода. Оглядев неприятеля, Владимир Рюрикович и Мирослав решили вернуться в Киев. Но Даниил заявил, что так воину поступать не подобает, но или «победуо прияти или пастися от ратных».

Сразились с половцами у «Торьчского». Под Даниилом застрелили гнедого коня, и сражение было русью проиграно. Владимир Рюрикович отсиделся в «Торцькомъ».

Даниил приехал в Галич. Город стерег Василий Романович с полком. И снова бояре принялись плести паутину интриг. «Борись Межибожьскый», посоветовавшись с «Доброславьлимъ и Збыславлимъ», послал к Даниилу весть, что Изяслав Владимирович (Ольгович) идет с половцами к Владимиру-Волынскому. Это была ложь, призванная разлучить Романовичей. Даниил отправил Василия стеречь город, а сам остался в Галиче.

И бояре «воздвигоша крамолоу». Как ни странно, но Даниил на зиму от боярской смуты укрылся в Венгрии. Это можно объяснить тем, что в 1235 г. власть в королевстве от Андрея перешла к сыну Беле IV (1235–1270).

Зимой 1234–1235 гг. Василий с поляками соединился с возвратившимся из Венгрии Даниилом. Но до Галича Романовичи не дошли и вернулись в Вольнь, в свою «отчину и дедину».

В 1235 г. (по Ипатьевской летописи) галичане и все «Болоховьсции князи» подступили к городу «Каменцю» и, «повоевав по Хомороу» и взяв большой полон, отступили. Каменец располагался на стыке Вольни и киевских земель. К югу от Каменца находились владения болоховских князей.

Набег на Каменец не мог не вызвать реакции у Владимира Рюриковича, продолжавшего удерживать Киев. Великий князь отправил в помощь Даниилу Романовичу «Торцькы и Данила Нажировича». А из Каменца выехали вышедшие из оцепенения бояре Романовичей и, соединившись с княжескими отроками и с торками, настигли галичан и одолели их. Там же были схвачены «вси кнзи Болоховьсции». Пленников доставили во Владимир-Волынский к Даниилу Романовичу.

Воистину мощь русского князя зиждилась на обширности подвластных ему земель, на богатых ремеслами и торговлей городах и на верности служивых бояр, имевших среди владений князя собственные усадьбы и вотчины.

Мог ли князь Александр, владевший одним Белзом с окрестной волостью, тягаться с Романовичами, которым были подвластны земли, по территории сопоставимые с Францией или Германией? Именно в земле и в ее населении была заключена сила князя. Отнимали у князя земли, и его семья уходила в небытие.

Летом 1235 г. Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович стали угрожать Даниилу: «Дай нашоу братью, или придемъ на тя войною». Отсюда можно заключить, что пленные болоховские князья состояли в родстве с Ольговичами. В этом предположении нет ничего невероятного. Во-первых, нам известно о попытке северских Ольговичей, детей Игоря Святославовича, героя «Слова о полку Игореве», сидеть в Галиции, соседствующей с

болоховской землей. Во-вторых, нам известно о родстве Ольговичей с половецкими ханами, а болоховская земля непосредственно соседствует со степью. Уж не были ли болоховские князья действительно дальней родней (о близком родстве летопись едва ли умолчала бы) Ольговичей? Болоховские князья могли продолжить дело Ольговичей, пытаясь получить земли к западу от Днепра. Ольговичи и в самом деле летом 1235 г. предприняли поход на Волынь. Их союзником выступил Конрад Мазовецкий, недавний союзник Даниила. Конрад стал около города «Холмь» и принялся воевать вокруг Червня. Навстречу полякам выступил Василий Романович. Он поймал нескольких из польской знати и привел к Даниилу в «Городок».

Тем временем Михаил Всеволодович стоял на «Подъгораи» (в Погорыньи?), имея намерение объединиться с Конрадом Мазовецким и ожидая Изяслава Владимировича с половцами. Однако половцы, вместо того чтобы идти на Волынь, ограбили Галицию и ушли в степь. С Даниилом Романовичем в его земле они воевать не пожелали, но и добычи не упустили.

Мы помним, что Даниила из Галича в 1234 г. изгнали бояре. Так вот в Галич с рубежей Волыни и поехал Михаил Всеволодович. Выходит, что галичане вновь решили пригласить Ольговичей, дабы те защищали их от волынских князей и одновременно не имели большой власти в самом Галиче.

Подобную политику — частой смены не только князей, но и княжеских домов — кроме Галича проводил Новгород. Похоже на то, что крайние северная и юго-западная провинции Руси имели настолько успешные экономические связи с Европой, что князья им были нужны не для сбора мыта и виры, а лишь для военной охраны рубежей. Остальное, по мнению ведущих широкую торговлю новгородцев и галичан, князей не должно было касаться. Когда Ярославовичи пытались в Галиче или Новгороде применить обычные стандарты власти, распространенные во внутренних областях Руси, это неминуемо приводило к взрыву страстей и смене правителей.

Конрад Мазовецкий отступил от границ Волыни так спешно, что перетопил множество воинов в «Вепрю».

В 1235 г. Романовичи попытались изгнать из Галича Михаила Всеволодовича. В Галич приехало много венгров, видимо, успевших обзавестись на западе Руси не только торговым интересом, но и недвижимым имуществом, а быть может, и родственными связями среди местного боярства.

Оказался в Галиче и Ростислав, сын Михаила Всеволодовича.

Романовичи не сумели овладеть Галичем и воевали вокруг Звенигорода.

Весной 1235 г. Романовичи выступили на ятвягов. Подойдя к Берестью, волыняне увидели, что паводок так силен, что о походе не может быть речи.

Тогда Даниил Романович вспомнил, что часть его вотчины удерживается «крижевником Тепличемь, рекомынь, Соломоничемь». В марте 1235 г. старейшину дерзких крыжевников (крыж — крест) по имени «Броуна» в городе, где он сидел, взяли.

Вероятно, крыжевники — это крестonosцы, а Бруно — один из их предводителей.

Летом Даниил вновь пошел на Михаила Всеволодовича к Галичу. Ольговичи к войне готовы не были, ибо держать много воинов круглый год дорого. Михаил запросил у Даниила мира и дал в залог Перемышль.

Даниил, стремясь отомстить Конраду, навел на Мазовию литовского князя «Миньдога» (и сидевшего в Новгороде Изяслава Владимировича).

А Даниил и Василий Романовичи тем временем уехали в Венгрию к Беле IV. Новый король призвал Романовичей на помощь. Фридрих II ополчился на «герцика» (видимо, на герцога Восточной марки, то есть Австрии). Романовичи собрались вступить за герцога, да Бела IV

помешал. С тем Романовичи вернулись на Волынь.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович из Переяславля-Залесского приехал в Южную Русь и выдворил из Киева Владимира Рюриковича. Скончался Владимир Рюрикович в городе своего отца и деда Смоленске.

Долго в Киеве Ярослав Всеволодович не просидел. Князь не просто не имел в Южной Руси сторонников (временные могли появиться), он не имел под ногами задернованной столетиями почвы, которая удерживает власть множеством едва ощутимых нитей.

В том же 1236 г. у Ярослава Всеволодовича Киев отнял старейший Ольгович — Михаил Всеволодович. В Галиче, имея честолюбивый замысел править всей Русью, Михаил оставил сына Ростислава.

Вскоре окрыленные успехом Ольговичи отняли у Даниила Перемышль.

Ростислав Михайлович из Галиции выступил в поход на Литву. Даниил в ту пору находился в городе Холм. Литовцы были временными союзниками Романовичей.

Узнав, что Галич пуст, Даниил из Холма за три дня добрался до Галича. Князь подъехал под стену города и обратился к галичанам со словами: «Моужи градъстии. доколе хочете терпети иноплеменьныхъ. князии державоу». Горожане, уставшие от боярских смут и от правлений венгров и Ольговичей, воскликнули: «Се есть держатель нашъ Бмъ даньи» — и кинулись к Даниилу «яко дети к очю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источникоу».

Но были в Галиче и те, кто появлению Даниила не был рад. От передачи Галича Даниилу народ удерживали епископ Артемий и «дворьскомоу» Григорий. Видя «яко не можета оудержати града, яко малодша блюдящася о преданьи», епископ со слезами в глазах вышел к Даниилу Романовичу и пригласил князя в Галич. Даниил поставил хоругвь на «Немечьскихъ вратехъ» и вошел в город.

Утром Даниилу сообщили, что Ростислав Михайлович, узнав о передаче Галича, повернул назад, подошел к «бани, рекомеи Родна» и оттуда поехал в Венгрию.

А галицкие бояре в Венгрию не спешили. Их вотчины, а значит и «животы», были не на Десне, а на Днестре. Бояре пришли к Даниилу и пали в ноги, прося милости.

Незаметно приблизился страшный для Руси 1237 г. Но прежде чем описывать нашествие Батые, расскажем о делах, происходивших в северных и северо-восточных землях в годы, предшествовавшие вторжению монголов.

Северная и Северо-Восточная Русь в 1224–1237 гг.

Отношения между Новгородом и потомками Долгорукого в последние десятилетия перед нашествием Батыея складывались не просто. С одной стороны, Новгород не мог эффективно оборонять Северную Русь без княжеской дружины, с другой — князья не сумели приспособиться к своеобразию северорусской вольницы, подобно дикой лошади не знавшей державной узды.

Сын Юрия Всеволодовича в 1224 г. в очередной раз покинул Городище под Новгородом и уехал к отцу. Князья Большого Гнезда, подобно воронам, отовсюду слетелись в Новый Торг. Они понимали, что после несчастной битвы на Калке в 1223 г. южнорусские князья, и в первую очередь Мстислав Мстиславович, не вмешаются во взаимоотношения Суздаля и Новгорода. Оглядываться было не на кого, и в Торжке встретились Юрий и Ярослав Всеволодовичи, их племянник Василько Константинович и сын Юрия, покинувший Новгород. Пожаловал в Торжок и старейший из Ольговичей, шурин Юрия Всеволодовича Михаил Всеволодович Черниговский.

Михаил приехал в Торжок в 1224 г. из страха перед монголо-татарами, подходившими с берегов Калки к Десне. Михаил укрылся на севере Руси от степной бури. Но впоследствии князь не сумел избежать печальной доли.

Новгородцы, помня, чем прежде для них оборачивались блокады Торжка, служившего хлебными воротами на север Руси, отправили к Юрию Всеволодовичу двух послов. Они просили Юрия прислать в Новгород сына и освободить Торжок.

Юрий Всеволодович, в свою очередь, потребовал выдачи новгородцев: «Якима Ивановича, Микифора Тудоровица, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савиница, Вячка, Иваца, Радка».

Новгородцы укрепили стены города, заняли дороги от Торжка и отправили к Юрию новое посольство, составленное из Полюда, Вячеслава Прокшиница, Иванка Ярышевица. Новгород отказался выдать требуемых Юрием людей и приготовился к обороне.

Поняв, что угрозами Новгород к покорности не склонить, Юрий принял компромиссное решение. В Новгород отправили «Романа Тысячсага» и мужа от Михаила Черниговского. Новгородцам предложили принять Михаила Всеволодовича Черниговского, и горожане прислали за князем в Торжок. Так Ольговичи распространили свое влияние на север Руси.

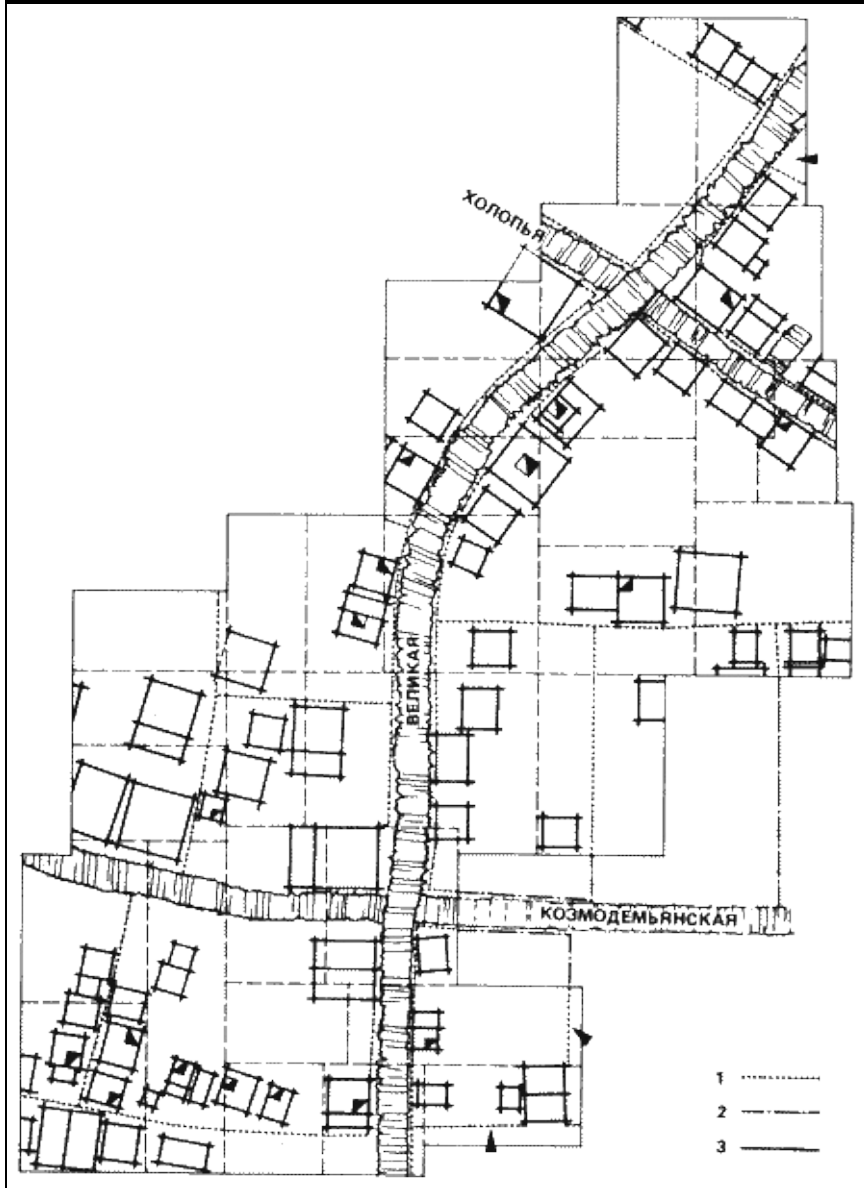
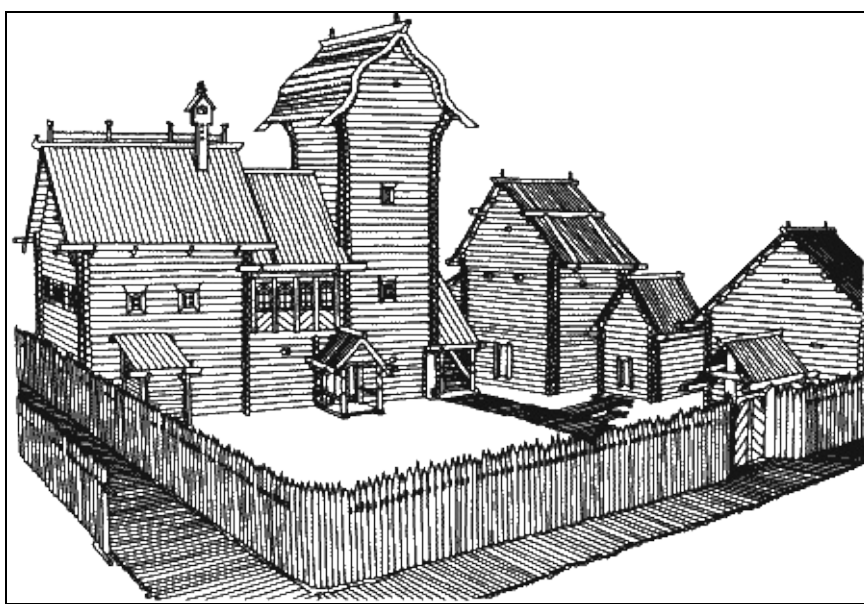
Михаил Черниговский не ссорился с Новгородом, не пытался обобрать его жителей. Ольговичи имели более серьезные намерения. А Новгород тем временем благоденствовал.

Покидая Торжок, Юрий Всеволодович забрал у местных жителей семь тысяч новых гривен. Михаил Черниговский приехал во Владимир-на-Клязьме и склонил Юрия те средства вернуть.

В 1225 г., когда татарская гроза над Южной Русью миновала, Михаила Всеволодовича потянуло в Чернигов. На вече Михаил простился с новгородцами, сказав при этом самые добрые слова, и уехал в Чернигов.

Новгород послал за Ярославом Всеволодовичем в Переяславль-Залесский. Шел 1225 г. Зимой семь тысяч литовцев, воюя, прошли новгородскими землями и, минуя Торопец, не дошли трех верст до Торжка. Отсюда литовцы повернули на запад. Ярослав Всеволодович настиг литовцев у Усвята. Они стояли среди озер, связывающих Западную Двину и Ловать системой волоков, и полагали, что находятся в безопасности.

Ярослав литву частью побил, частью разогнал, отнял полон и пленил князей, ведших хищников. В сражении Ярослав потерял «Василя Меченошу». В походе к Усвяту Ярослава сопровождал торопецкий князь Давид Мстиславович.

Новгородцы зимой 1225–1226 гг. дошли до Старой Русы и вернулись вспять.

А Русь жила обычной жизнью. Казалось, ничто не могло сломать ее размеренного, как сама природа Русской равнины, хода.

6 января 1224 г. в киевской Софии митрополитом был поставлен «блжнии Кириль Гръчинь». Несмотря на то, что Византия оставалась в руках крестоносцев, греческая патриархия продолжала слать на Русь иерархов из сохранявшей независимость Никеи.

В 1224 г. в Ярославле, в монастыре, освятили церковь св. Спаса. Храм заложил Константин

Всеволодович, а освящал его сын Всеволод Константинович.

В 1225 г. Юрий Всеволодович проявил заботу о строившемся при устье Оки Нижнем Новгороде. В городе заложили каменный храм св. Спаса. А 8 сентября 1225 г. в Суздале епископ Симон освятил церковь пресвятой Богородицы.

Епископ Симон, возглавлявший церкви Суздаля и Владимира-на-Клязьме, скончался 22 мая 1226 г. Перед смертью владыка принял схиму по обычаю тех времен. Положили Симона в белокаменном Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

В 1225 г. из Перемышля (из Галиции) в Новгород вернулся архиепископ Антоний, ранее отправленный на запад Руси митрополитом.

В 1226 г. в стане Ольговичей возникли раздоры. Юрий Всеволодович, пригласив в поход племянников Василька и Всеволода Константиновичей, пошел на помощь Михаилу Всеволодовичу Черниговскому. А Михаил был в ссоре с Олегом Святославичем Курским.

Сидевший в Киеве Владимир Рюрикович прислал к Ольговичам митрополита Кирила. Ольговичей помирили, а митрополита Юрий Всеволодович повез во Владимир-на-Клязьме.

В 1226 г. Юрий Всеволодович послал в поход на мордву своего младшего брата Святослава.

14 марта 1227 г. митрополит Руси Кирил во Владимире-на-Клязьме поставил новым епископом для Суздаля, Владимира и Переяславля-Залесского игумена Митрофана. Хиротония (служба, на которой происходит посвящение в епископы) происходила в белокаменном Успенском соборе. На ней присутствовали князь Юрий Всеволодович с детьми, братьями Святославом и Иоанном, с боярами. Среди множества народа, теснившегося полеводами собора 14 марта, находился и автор Лаврентьевской летописи. Сам он о том пишет кратко: «Приключися и мне грешному ту быти и видети дивна и преславна и прославиша всемлстваго Ба и великага князя Гюрга».

А 11 мая 1227 г. Владимир-на-Клязьме занялся пламенем пожарища. Сгорели двадцать шесть церквей и двор покойного князя Константина Всеволодовича с домовою церковью Михаила.

В том же 1227 г. Юрий Всеволодович послал в Переяславль-на-Днепре племянника Всеволода Константиновича. 15 сентября Всеволод Константинович въехал в «Руский Переяславль». Никто в Южной Руси не смел покушаться на вотчину, со времен Долгорукого удерживаемую его потомками.

А 7 января 1227 скончался один из князей Большого Гнезда Владимир (Димитрий) Всеволодович. Погребли князя в Успенском соборе над Клязьмой.

И той же зимой Юрий Всеволодович женил племянника Василька Константиновича на дочери Михаила Всеволодовича Черниговского. 12 февраля молодожены въехали в Ростов Великий «и быс радос велика в граде Ростове».

Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович из Новгорода пошел в поход «за море на Емь», то есть в современную Финляндию. Полон, набранный в походе, был столь велик, что довести его до новгородских земель не сумели.

В 1227 г. Ярослав Всеволодович послал крестить карелов. Окрестили Карелию, давнюю союзницу Новгорода, «мало не все люди».

Между тем христианство укрепилось на севере Руси, еще в XI в. сотрясавшемся от восстаний волхвов и их сторонников. Новгородцы стали столь ревностными христианами, что, отыскав где-то в глуши четырех волхвов, некогда служивших духовными пастырями и судьями, сожгли их на дворе Ярослава. В XIII в. волхвы на Руси перешли в разряд колдунов. Их стали сторониться, и селились они в глухих хуторах, на дальних выселках, вдали от людского шума и поступательного развития цивилизации.

В апреле 1228 г. скончался сын муромского князя Давида Юрьевича. В ту же неделю, приняв схиму, скончался и сам Давид Юрьевич.

А Святослав Всеволодович в 1228 г. отпустил свою княгиню к братии в Муром, дав ей «наделокъ много». В Муроме княгиня приняла пострижение.

В сентябре 1228 г. Юрий Всеволодович послал в поход на мордву племянника Василька Константиновича Ростовского и своего мужа «Еремея Глебовича». Однако воевать русским полкам в 1228 г. с мордвой не пришлось. Стоял сентябрь, и «бяхут бо дождеве велми мнози днь и ноць».

А 11 сентября 1228 г. у Юрия Всеволодовича родилась дочь, в крещении нареченная «Феодора».

5 января 1228 г. над Клязьмой сгорели хоромы Юрия Всеволодовича и две церкви.

А 14 января князь Юрий и Ярослав Всеволодовичи, их племянники Василько и Всеволод Константиновичи и муромский князь Юрий Давидович выступили в очередной поход на мордву. Полки вошли в «Пургасову волость», сожгли жито и уничтожили скот. На берега Клязьмы и Оки послали полон. Мордва из сел разбежалась по лесам «в тверди».

В один из январских дней поутру молодежь из княжеских дружин, «оутаившеся», заехала в темный мордовский лес. Путь оказался открыт. Мордва обошла русских сзади и частично побила, а частично утащила в тверди и там побила незадачливую молодежь. Когда русские князья приехали на место схватки, «не быс кого воевати».

В то же время князь Волжской Булгарии выступил на «Пуреша ротника Юргева», да как только услышал, что полки Юрия Всеволодовича жгут мордовские села, ночью бежал прочь.

По возвращении из зимнего мордовского похода Юрий Всеволодович отправил в «Переяславль Руский на столь» брата Святослава Всеволодовича. Уехавшего в сентябре 1227 г. в Переяславль племянника Всеволода Константиновича Юрий, видимо, из того города вернул в Ростовскую волость. Вскоре мордва с «Пургасомъ», желая отомстить за зимнее вторжение, подступила к активно отстраивавшемуся Нижнему Новгороду. Горожане приступ отбили, но не

сумели уберечь от пламени подгородный монастырь пресвятой Богородицы. По Лаврентьевской летописи это случилось в апреле 1228 г., но вероятнее это был апрель 1229 г., следовавший за зимним походом 1228–1229 гг. (Хотя, быть может, тот зимний поход на мордву был ответом за приступы к Нижнему Новгороду.)

Мордовского князя «Пургаса» окончательно сокрушил «Пурешевъ снъ с Половци». Мордву и «Русь Пургасову» (многие русские к 1228 г. могли жить среди мордвы) побили, и сам Пургас «едва вмале оутече».

В 1228 г. финны решили отомстить новгородцам за поход 1227 г. «Емь» в лодках вошла в воды Ладожского озера и, не решившись напасть на грозную каменную крепость Старой Ладogi, «подошла к Олонцу и стала воевать волость и полонить население».

Весть о том на Спасов день достигла Новгорода. Горожане сели в насады и во главе с Ярославом Всеволодовичем пошли водами Волхова к Ладогe.

Воевода Старой Ладogi «Володиславъ» с ладожанами, не дожидаясь новгородцев, погнался за «емью».

У Олонца «емь» настигли и сразились с ней. В ночь ладожане отступили в «островлець». «Емь» стояла на берегу Ладogi с полоном и воевала на «Исадехъ и Олоньсе».

Кончилось тем, что «емь» побросала свои лодки и кинулась в лес. Лодки сожгли, а в лесах многие погибли.

Новгородцы в насадах несколько дней простояли в Неве, видимо, ожидая отступавшую «емь». Но так как те разбежались по лесу, новгородцы никого не дождались, но собрали вече и едва не убили некоего «Судимира». Спасло несчастного то, что Ярослав Всеволодович укрыл его в своей ладье. Видно, Судимир дал новгородцам неверный совет.

До похода на Неву в 1228 г. Ярослав Всеволодович с посадником «Иванкомъ» и тысяцким «Вячеславом» подступил к Пскову.

Жители Пскова не пожелали принять Ярослава, и князь, постояв на «Дубровне», вернулся на Волхов. Поняв, что новгородцы в поход на Псков выступать не собираются, Ярослав призвал войско из Переяславля-Залесского. Вскоре под стенами Новгорода раскинулись шатры переяславцев. Часть их остановилась по дворам в «Славне». Видимо, жители Славенского конца города не разделяли западнических устремлений новгородцев и были наиболее лояльны к Владимиро-Суздальской Руси.

С приходом полков цены на продукты резко вздорожали. «Купляху хлебъ по две куне, и кадь ржи по три гривне, а пшеницю по пяти гривень, а пшена по семи гривнь». Тем временем псковичи заключили мир с Ригой. В залог союза в Ригу было отправлено сорок псковских

мужей.

Ярослав Всеволодович послал в Псков «Мишу», предлагая городу выступить с его полками в поход на Ригу. К тому князь потребовал выдачи своих недругов в Пскове.

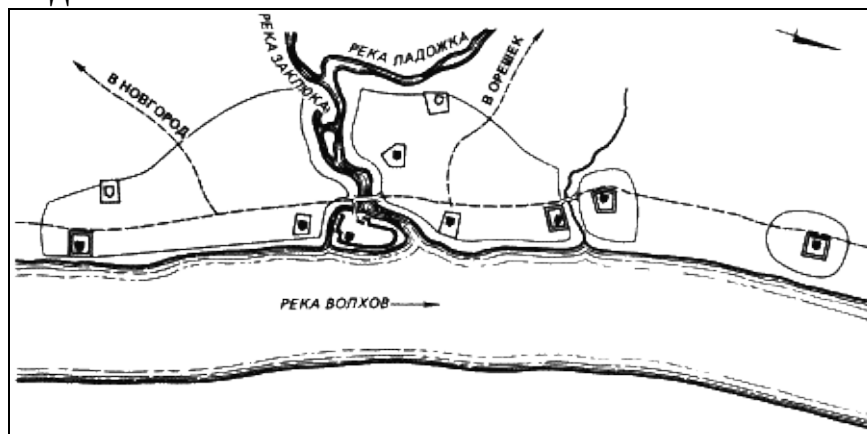
Ответ псковичей укорил Ярослава Всеволодовича в том, что он, осаждая города Кольвань (Таллин), Кесь (Венден), Медвежью Голову, брал откуп и удалялся восвояси. Псковичам же приходилось принимать гнев германцев и прибалтов.

Новгородцы приняли сторону псковичей, отказались выступить в поход на Ригу и потребовали от Ярослава удалить переяславские полки с берегов Волхова.

Ярослав Всеволодович покинул Новгород, оставив на Городище сыновей Федора и Александра с «Феодоромъ Даниловицемъ, съ Тиуномъ Якимомъ».

Когда о том стало известно в Пскове, горожане отпустили от себя ранее приглашенных союзников — германцев, чудь, латышей — и выдворили прочь сторонников Ярослава Всеволодовича.

Не терял времени даром и папа римский Гонорий III. В Риге интересы святого престола представлял епископ Моденский. Он-то, по-видимому, помимо прочих каналов и поставлял информацию о союзнических отношениях Ордена с Псковом. Ранее в 1224 г. епископ Моденский принимал в Риге послов от новгородских земель. А в 1227 г. Гонорий III отправил русским князьям письмо с призывом принять латинское католичество как единственное спасение от грядущих бедствий.

В 1228 г. новгородский архиепископ Антоний по собственной воле покинул кафедру и ушел в монастырь на «Хутино къ Св. Спасу». Освободившееся место занял владыка Арсений, выдвинутый князем и избранный народом.

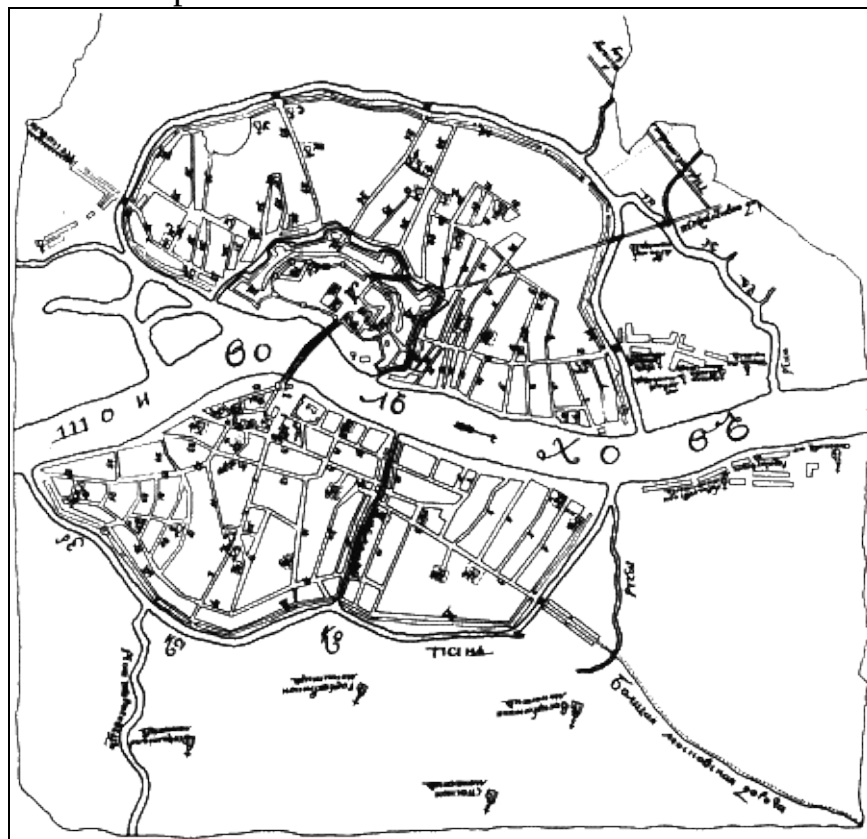
Бедствия Новгорода 1228 г.

А осенью 1228 г. небеса опрокинули на земли севера Руси бесконечные дожди. Урожай хлеба убрать не могли. Необходимое для зимовки скота сено либо гнило на лугах, либо не было скошено или свезено на дворы. Начались бедствия. Народ стал искать виновника несчастья. И выбор пал на владыку Арсения. Решили, что это его козни послужили причиной затворничества прежнего архиепископа Антония, потерявшего речь, в Хутыни. Кончилось дело тем, как обычно и происходило в Новгороде, что, посоветовавшись на вече, народ вывел Арсения из покоев архиепископов и был близок к тому, чтобы убить владыку. Арсений попытался укрыться в Софии, да перешел в Хутынь, стоявшую вдали от шума и страстей вечевого площади Ярослава двора в Новгороде.

Из хутынской обители в Новгород привели немого Антония и придали ему в помощь «Якуна Моисеевица, Микифора щитника». Но на том новгородцы не остановились. Страсти буйной славянской души, разогревавшиеся толпой подобно тому, как пламя нагревает смолу на еловых бревнах, расходились не на шутку. Горожане принялись грабить боярские дворы. Разорили гнездо ненавистного исполнителя княжеской воли тысяцкого Вячеслава. Ограбили двор его брата «Богуслава, и Андреичевъ, Владычня Стольника и Давидковъ Софийского и Судимировъ». Особо новгородцы ополчились на «Душильця на Липньскаго Старосту». Двор его послали грабить, самого же старосту хотели повесить, да он вовремя ускакал в Переяславль-Залесский к Ярославу Всеволодовичу. Схватили лишь жену ненавистного старосты.

У Вячеслава отняли пост тысяцкого и дали его «Борису Негочевичю».

К Ярославу Всеволодовичу новгородцы отправили послов просить князя приехать и «Забожнцье» отложить, и судей по волостям не слать, то есть облегчить страдавшему от ненастья Новгороду налоговое бремя.

Страсти в Новгороде достигли зимой 1228–1229 гг. такого накала, что из Городища, из княжеской усадьбы, тайно ночью, в «Сыропусныя недели», бежали в Переяславль-Залесский «Феодоръ Даниловиць съ Тиуномъ Якимомъ», захватив двух юных Ярославовичей «Феодора и

Альксандра».

Новгород в очередной раз решил сменить княжеский дом, допускаясь на север Руси, и отправил в Чернигов «Хота Станимировиця Гаврилу на Лубяници». Старейший из Ольговичей Михаил Всеволодович с сыном в ту пору находился в небольшом городке, среди земель вятичей, в «Брыну». Предложение новгородцев Михаилом без колебаний было принято, и князь с сыном поспешил к Торжку. Ольговичи в последние годы перед нашествием Батыя на Русь имели серьезные намерения господствовать не только в Галиции, в Киеве, но и на севере, в Новгороде и в окружающих его бескрайних землях, полных пушниной, лесом, рыбой и множеством несметных богатств.

Новгородские послы, ехавшие к Ольговичам, были задержаны сидевшим в Смоленске Мстиславом Давыдовичем, бывшим в дружбе с Ярославом Всеволодовичем. Однако это не помешало Михаилу Всеволодовичу по «Велице дни, Фомины недели исходяче» приехать в Новгород. Князь целовал крест «на всей воли Новгородстей и на всех грамотах Ярославлих». Михаил дал свободу «смердомъ на пять летъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжую землю». Прочим «кто зде живеть» Михаил установил платить дань, как положил «передний Князи».

Тем временем новгородцы продолжили собственный суд и установили свои дани. На «Ярославлихъ любвьницехъ» взяли «кунъ много». Не были забыты и жители пригородного княжеского Городища. С них также взяли немало кун на строительство нового Большого, или Великого, моста через Волхов, выше старого.

А со старым мостом случилось вот что. Осенью 1228 г. в реке Волхов была большая вода. Озеро Ильмень на три дня оказалось скованным льдом. Вскоре южный ветер сломал лед в Ильмене и понес его в Волхов. Льдины «въздре» (задрали) восемь городен старого Великого моста, свидетеля множества буйств и драк новгородцев. Бревна от разрушенных городен ночью река принесла к «Питбе подъ св. Николу». Последняя, девятая городня моста была разрушена льдинами 8 декабря 1228 г. на праздник «Св. Патапия».

Заметим, что год 1228-й оказался неурожайным не только для новгородских земель. Составитель Лаврентьевской летописи под 1228 г. пишет: «Рожь не родися по всей нашей земли, дорого быс жито».

Михаил Всеволодович понимал, что глухой и немощный владыка Антоний не в силах управлять громадной новгородской епархией, и организовал выборы нового архиепископа. Претендентов оказалось трое: волынский епископ Иосаф, некий грек и дьякон Юрьевского монастыря Спиридон.

Жребий положили на алтарь св. Софии. Юный сын Михаила Всеволодовича (Ростислав) взял два, оставшийся указал на Спиридона. 17 декабря 1229 г. дьякон Спиридон поехал в Киев к митрополиту. В мае 1230 г. в Новгород въехал новый архиепископ.

Михаил Всеволодович уехал в Чернигов улаживать дела в Южной Руси и взял с собой некоторых новгородцев — «Богуслава Гориславиця, Сбыслава Якунковиця, Домоша Твърдиславиця, Глеба Посадницъ сынъ, Михаилка Микифоровиця, Михаля Прикупова». В Новгороде князь оставил сына Ростислава.

Тем временем Ярослав Всеволодович овладел новгородской волостью — Волоком Ламским. Михаил перед отъездом в Чернигов отправил к Ярославу послов «Нездилу Прокшиниця, Иванка Тудорковиця», требуя отступить от Волока и других новгородских земель, ранее занятых силой. Ярослав продержал послов все лето и от Волока не отступился.

Не все было спокойно и в ростово-суздальской земле. Под 1228 г. лаврентьевский летописец рассказывает, что Ярослав Всеволодович, слушая «некихъ лъсти... оусумнеся брата своего Юргя». Ярослав привлек на свою сторону ростовских племянников Василька, Владимира и Всеволода Константиновичей и начал всерьез помышлять о противостоянии Юрию. Да не суждено было «лиху быти». Юрий Всеволодович по праву старшего в Большом гнезде созвал братию на княжеский съезд в Суздаль. Там Юрий «исправивше все нелюбье межю собою». Князя целовали крест друг к другу, назвали Юрия своим отцом и господином. В ту пору стоял сентябрь 1228 г. Приспел праздник Богородицы, и князя вместе с епископом Митрофаном встретили праздник, одарили друг друга дарами и разъехались по волостям. А епископ Ростова Великого Кирил в 1228 г. оставил свою кафедру, пришел в Суздаль к св. Димитрию «в свою келью», желая «лечити свою немочь». На съезде в Суздале князя решили отобрать у ростовского владыки Кирилла всю его собственность, говоря, что он богат так, как «ни единъ» епископ «в Суждальстеи области». Кирил поблагодарил за то бога и в сентябре 1228 г. постригся в схиму, приняв имя «Кирьякъ». Остаток имущества владыка роздал «любимым и нищим».

1 апреля 1228 г. в «Великом граде» на Волге при устье Камы болгары засекали христианского купца «инога языка не Руска». Купец попал в мусульманскую Булгарию «гостешбу дея по градом». Несчастливого принуждали отречься от христианства, да напрасно. Составитель Лаврентьевской летописи пишет, что вскоре после убийства погорела большая часть Великого Булгара. Город стал заниматься пламенем чуть ли не ежедневно и сгорел едва не весь.

В 1228 г. на Руси стало известно, что «Саксины и Половци възбегоша из низу» к Волжской Булгарии от татар. Бежали от татар и «сторожеве Болгарьскыи», стоявшие на реке Яик (р. Урал). Это был грозный отголосок несчастного для Руси 1223 года. Но знали ли в Восточной Европе в 1228 г. о том, что произойдет спустя менее чем десять лет с Русью?

1 апреля 1230 г. останки купца-мученика были перевезены из Булгара во Владимир-на-Клязьме.

В 1230 г. ростовские князя Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи послали к Юрию Всеволодовичу и к епископу Митрофану просить игумена и архимандрита монастыря Рождества Богородицы Кирила на епископскую кафедру Ростова Великого. Просьба была удовлетворена, и вскоре весь Ростов вышел навстречу новому владыке.

14 апреля 1230 г. Юрий Всеволодович женил старшего сына на дочери Владимира Рюриковича. Венчал молодых епископ Митрофан в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

Новый ростовский епископ Кирилл недолго занимал место владыки. В 1230 г., в год своего установления, Кирилл скончался. 17 апреля владыку погребли в монастыре св. Димитрия.

Землетрясение 3 мая 1230 г., по воспоминаниям св. Феодосия игумена Печерского, содрогнувшее Южную Русь, прокатилось и по северо-восточным землям. Во Владимире-на-Клязьме, в Успенском соборе, шла литургия, когда земля дрогнула и заходила. На стенах церковью закачались иконы. Под сводами каменных соборов и рубленых церквочек закачались из стороны в сторону паникадила. В Киеве, в Печерском монастыре, каменная церковь пресвятой Богородицы (быть может, Успения Богородицы) на глазах митрополита Кирилла, Великого князя Владимира Рюриковича и множества изумленного народа треснула и «раступися» на четыре части.

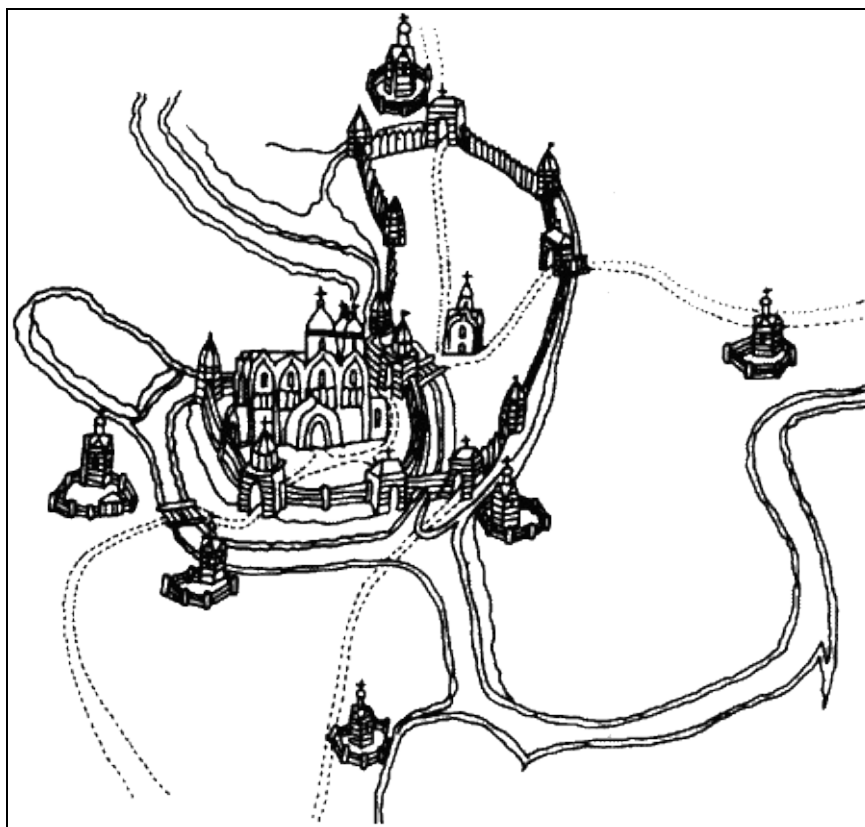
Монастырская трапеза Печерской обители в праздничный день была уставлена столами,

полными угощений. Громада каменного здания дрогнула, и «каменье дробное сверху падая» снесло со столов «корму и питью».

В другом центре Южной Руси, в «Переяславли Руском», каменный собор Михаила «расседес на двое и пад перевод с кровлею». Вслед за землетрясением притихшая Русь с ужасом стала наблюдать страшные небесные знамения. 10 мая на рассвете увидели восходившее солнце, бывшее на четыре угла «яко и коврига». А 14 мая 1230 г. «слнце нач погыбат» и «зрящим всем людмъ мало оастаея его и быс аки мсць» три дня.

В то время, когда в Киеве наблюдали солнечное затмение, на небесах явилось «столпове черлени зелени, синий оба полы слнца» и «сид огнь с нбси». Этот небесный огонь миновал небеса над Киевом «бес пакости и пад в Днепръ».

В мае 1230 г. в Суздале заботами владыки Митрофана приступили к росписи собора пресвятой Богородицы. Этот собор при епископе Симоне князь Юрий Всеволодович «рушилъ» и «опят созда краснеишу первыя». Реконструировали церковь из-за того, что она «обетшала велми от многъ лет». По-видимому то был каменный собор, в 1101 г. выстроенный в Суздале Владимиром II Мономахом.

В 1230 г. Михаил Всеволодович ненадолго приехал из Южной Руси в Новгород. Могучая боярско-купеческая новгородщина продолжала противостояние на западе Литве и Ливонскому ордену, а на юго-востоке Ярославу Всеволодовичу и его Переяславской волости. Новгород нуждался хотя бы в моральной поддержке некоей внешней силы.

В новгородской Софии Михаил Всеволодович совершил обряд пострига сидевшему на Городище юному сыну Ростиславу. И «уя влась» сам архиепископ Спиридон. Как тесно и причудливо переплелись в славянском мире древние языческие обряды с христианским строем жизни и мышления.

Годом ранее, в 1229 г., на место посадника Иоанна новгородцы избрали нового посадника Володовика. И начались новые смуты на севере Руси. Старому посаднику Иванку дали в управление Торжок, да только «не прияша его» новоторжцы. Иванко ушел в Переяславль-Залесский, к Ярославу Всеволодовичу.

А в самом Новгороде перессорился сын некогда могучего посадника Твердислава «Степань

Твърдиславиць» с посадником Володовиком. На сторону Степана стал новгородский боярин «Иванко Тимошкиниць». Этот Иванко на Городище избил людей посадника Володовика. На следующее утро новгородцы собрались на вече на Ярославовом дворе и пошли с него на двор посадника и разграбили его. Тогда посадник Володовик «възвари городъ вьсь». К Володовику примкнул «Смень Борисовиць». И пошли с веча на «Иванка и на Якима Влунковиця и на Прокшу Лашнева». Сторонники Володовика стали грабить дворы своих неприятелей. А на вече убили одного из них «Волоса Блуткиниця». Несчастливого Володовика обвинил в том, что он намеревался зажечь посадский двор. Зажгли «Прокшинъ двор». Яким бежал к Ярославу Всеволодовичу. Иные противники Володовика затаились. Окончилась смута тем, что Володовик убил Иванка и бросил его тело в Волхов.

Мог ли Ростислав Михайлович, бывший мальчиком, вмешаться в ход бурных, окрашенных пламенем и кровью страстей, гулявших по Новгороду подобно ветру над озером Ильмень? А на сентябрьский праздник Воздвиженья креста (27 сентября по новому стилю) «изби мразь... обилье по волости» новгородской. И сразу взлетели цены на продовольствие. Хлеб стали покупать по восемь кун (за меру), «а ржи кадь» по двадцать гривен, пшеница стала продаваться по сорок гривен, пшено по пятьдесят, а овес по тридцать гривен за меру. Сентябрьский мороз побил озимые всходы, еще не успевшие скрыться под снегом, но уже вышедшие из вспаханной и боронованной земли. Это была угроза голода, и народ принялся вкладывать средства в то, что не имело цены, — в собственные животы. Недаром слова «живот» и «жизнь» на Руси практически неразличимы.

В новгородских землях начался голод, люди, бывшие не в состоянии заплатить требуемое за хлеб, умирали. Один горожанин по имени Станил вывез из Новгорода 3030 покойников. Чем мог, стремился помочь голодавшим архиепископ Спиридон (бывший дьякон, волею жребия ставший владыкой), но возможности его были ограничены.

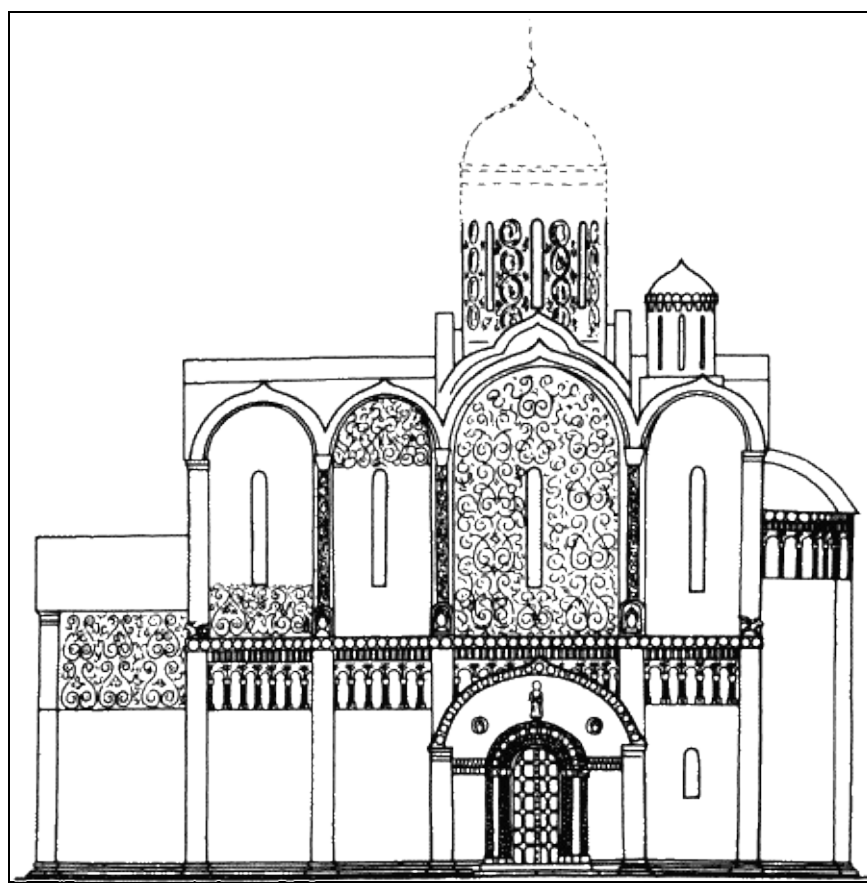
Тем временем возникла прямая угроза столкновения между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским из-за Новгорода. В дело вмешалось духовенство. В северо-восточные земли к князьям Большого гнезда из Киева выехал митрополит Руси Кирилл. Отправил в поездку митрополита Великий князь киевский Владимир Рюрикович. От Ольговичей выехал черниговский епископ «Перфурий». С посольством высшего духовенства в Залесские земли ехал игумен монастыря св. Спаса в Киеве на «Берестовемь» по имени «Петръ Акерович».

Ярославу Всеволодовичу пришлось прислушаться к речам митрополита, владыки, других послов, а главное, к речам старшего брата Юрия Всеволодовича. Так угроза войны Ярослава с Михаилом Черниговским в 1230 г. была устранена. Посольство с дарами вернулось в Южную Русь.

8 декабря 1231 г. Ростислав Михайлович с посадником Володовиком выехал из Новгорода в Торжок. А 9 декабря новгородцы убили боярина «Смена Борисовиця», разграбили его дом и села, «а жену его яша». Погребли боярина в Юрьевом монастыре под городом. Разграбили и посадский «Володовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ Тысячскаго, и Творимиричь и иныхъ много». Когда о том стало известно в Торжке, посадник Володовик «побеже съ Торжку съ братьею, и Борисъ Тысячскый и Новоторжьчи» к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов.

Погром бояр в Новгороде был вызван вестью о примирении Михаила Всеволодовича с Ярославом. Били сторонников Ольговичей, как полагали новгородцы, предавших город.

Посадничество дали «Степану Твърдиславичу», а тысяцкое достоинство — «Миките Петриловицю». То, что осталось от бежавших в Чернигов, разделили по «Стомь», то есть по городским сотням.

В 1231 г. посадник Володовик скончался в Южной Руси. Не вмешайся боярин в дела властные, жил бы он, объезжая свои села и деревни, и лиха не знал.

Новгород пригласил на княжение давнего недруга, бывшего в то же время и ближайшим союзником (при необходимости), Ярослава Всеволодовича. Новгородцы хорошо понимали, что сулят им хлебные блокады, да еще при нейтралитете южнорусских князей.

30 декабря 1231 г. Ярослав приехал в Новгород. На вече князь целовал образ Богородицы «на грамотахъ на всехъ на Ярославлихъ». Пробыл Ярослав Всеволодович в Новгороде две недели, после чего уехал в свою волость, в Переяславль-Залесский. В Новгороде Ярослав оставил своих сыновей Федора и Александра.

Голод 1231 г.

Весной и летом 1231 г. в Новгороде начался страшный голод — следствие сентябрьских заморозков 1230 г. Старые запасы истощились, а озимые не взошли. За кадь ржи платили гривну серебра. За хлеб давали гривну. Более других от голода страдал простой народ, не имевший ни сельских усадеб, ни амбаров и погребов, где что-то да хранилось, и не ведший торговли и оттого не располагавший гривнами и кунами. И принялся отчаявшийся люд «мъхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ». Дошло до того, что «простая чадь резаху люди живыя и ядыху». Ели «конину, псину, кошки». Бояре, жившие запасами, достаточными для того, чтобы существовать не один и не два года, пытались бороться с крайними проявлениями отчаяния обезумевших от голода людей. Иных жгли, иных вешали или секли, да только никому не становилось легче.

Поставили «скудельницу на поли конецъ Чюдиньчеве улици». Это была вторая скудельница в Новгороде. Она быстро наполнилась умиравшим от голода народом. Третью скудельницу бояре и духовенство поставили на «колени, за св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна».

В новгородских скудельницах в 1231–1232 гг. насчитали сорок две тысячи умерших. Дошло то того, что новгородцы стали отдавать детей «одьренъ изъ хльба гостьмъ» (то есть отдавали иностранным купцам).

Неурожай и последовавший за ним голод поразили не один Новгород. В 1231–1232 гг. «се же горе бысть не въ нашей земли одной (в новгородской), нъ по всей области Русстей, кроме Кыева одного».

В большом, многолюдном, богатом Смоленске в четырех скудельницах «положиша» сорок восемь тысяч людей «се же бысть по два лета».

Голод ожесточил людей, те, кто не умер, держались из последних сил и не могли, да и не желали, помочь нуждавшимся.

Весна 1231 г. принесла Новгороду еще одно страшное бедствие. Пламя громадного пожара занялось от «Матвеева двора отъ Вышковиця, и погоре вьсь Коньць Славнскый, оли и до конца Хълма, мимо св. Илию; нъ ублюде Богъ св. церквь». Пожар был столь «лють», что казалось, «яко по воде огонь горяше. ходя чрезъ Вълхово». Спасаясь от пламени, «головъ неколико истопе въ Волхове».

Когда казалось, что «уже бяше при конци городъ сий», из городов Северной Германии и Готланда в Новгород приплыли суда с хлебом.

В 1231 г. ростовский князь Василько Константинович отправил в Киев к митрополиту Руси и к Великому князю Владимиру Рюриковичу своего духовника Кирилла для «установления его епископом Ростову и Ярославлю и Оуглечю полю». 7 апреля 1231 г. в киевской Софии было освящение нового ростовского епископа Кирилла. На «соньме в Кыеве» собралось едва ли не все высшее духовенство Руси. Помимо митрополита Кирилла под сводами Софии стояли «Перфурии Черниговьскыи епспъ, Олекса Полотьскыи епспъ». Кроме них присутствовали епископы «Белогородьскыи и Гюргевьскыи». За расцвеченными золотом и драгоценными камнями митрами и посохами владык были видны аскетические, увенчанные бородами лица игуменов и архимандритов. Среди них находились «Печерьскаг Анкюдинъ игумень, Михаило Выдобытьскыи и игумень Петръ Спсьскыи, Семень Андреевьскыи, Корниль Феодоровьскыи, Афанасии Васильевьскыи Семень Вьскресеньскыи, Климентъ Куриловьскый». От Чернигова на торжествах присутствовал «Иоан игумень Минчьскыи».

Помимо духовенства весенним утром в Софию сошлись многие из князей Руси. Среди их алых, отороченных соболями плащей были видны Владимир Рюрикович, его сын Ростислав. За Великим князем довелось стоять воеводе «тогда держащю тысящя Кыевьскыя. Иоану Славновичю». Там находились и «Михаиль княз Черниговьскыи и снь его Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Ростиславъ Борисович и ини мнози князи».

Это был светлый праздник Киевской Руси. И был он одним из последних. Оттого он кажется необыкновенно трогательным.

После службы духовенство, князя и множество иного народа сели в трапезной Печерского монастыря и принялись за пиршество, не зная, что походило оно скорее на тризну по Руси Киевской.

Когда новый ростовский епископ Кирилл в мае 1231 г. возвращался на кафедру в чудный древний город на берегу озера Неро, навстречу ему вышел князь Василько с княгиней, боярами, игуменами, попами, чернецами и «всеми мужами» ростовскими. Над дорогой высились кресты и хоругви, а над головами людей неслись глубокие, как небеса, древнерусские духовные песнопения.

А 24 июля 1231 г. у Василька Константиновича родился сын, в крещении нареченный Борисом.

14 августа 1231 г. в Ростове Великом владыка Кирилл в присутствии князей, духовенства и бояр освятил церковь пресвятой Богородицы.

В 1232 г. вновь обострились отношения между князьями Большого гнезда и Ольговичами. Сам Великий князь северо-восточных земель Юрий Всеволодович подступил к городу, стоявшему посреди обширного ополья, окруженного дремучими вятичскими лесами, «Сереньску и стоявь станом на Уполозех». Вскоре Юрий отступил во Владимир-на-Клязьме. Зато к Серенску подошли Ярослав Всеволодович и ростовские Константиновичи. Серенск сожгли, волость вокруг города повоевали. Осадили и расположенный неподалеку Мосальск. Под этим вятичским городом застрелили «Олдана Подвойскаго» и отошли, не помирившись с Ольговичами, на север.

Князей ростово-суздальских земель Чернигов раздражал тем, что служил убежищем противных им новгородцев. Вскоре худшие подозрения князей Большого Гнезда оправдались. Из Чернигова на север Руси выступили новгородские изгнанники «Борись Негоцевичъ, Михаль съ братомъ, Петръ Водовиковиць, Глебъ Сменовъ братъ, Миша». Ехали на Север новгородские бояре с одним из Ольговичей — князем «Святославомъ Трубеческымъ».

Когда этот отряд стал в «Буйце, въ селе св. Георгия», стало известно, что истерзанный голодом, мором и пожарищем, едва живой Новгород едва ли решится принять Ольговича. Князь понял безнадежность начатого предприятия и «оттоля вспятися Святославъ въ Русь».

А новгородцам в Чернигове делать было нечего, и они поехали в Псков. В том городе схватили чиновника Ярослава Всеволодовича «Вячеслава» и заковали.

А в Новгороде «бысть мятежь великъ». Ярослав Всеволодович поспешил из Переяславля-Залесского в Новгород. По приезде князь похватал бывших в городе псковичей и посадил их на «Городищи въ гридници». В Псков Ярослав послал требование отпустить Вячеслава и изгнать новгородцев прочь. Псковичи в ответ потребовали прислать жен и «товарь» укрывшихся в их городе новгородцев. Тогда Ярослав предпринял экономическую блокаду Пскова. Все лето он не пропускал в Псков гостей (то есть купцов), и цена на соль в городе взлетела до семи гривен за «бърковьскъ». Наконец псковичи отпустили Вячеслава. В свою очередь, Ярослав отправил жен «Борисовую, Глебовую, Мишную» в Псков.

Ближе к зиме, поняв, что экономическая блокада до добра не доведет и конца ей не видно, псковичи приехали в Новгород, поклонились Ярославу Всеволодовичу, назвав его своим князем. А «Борисове чади» (опальным новгородцам) псковичи «показаша путь съ женами»!

Наместником в Псков Ярослав Всеволодович отправил своего шурина Георгия (непонятно, кто тот Георгий).

В 1232 г. женился один из князей Ростовской волости Владимир Константинович.

В 1232 г. на Руси снова слышали о страшных татарах. Стало известно, что они немного не дошли до Волжского Булгара и перезимовали недалеко от столицы государства, располагавшегося при впадении Камы в Волгу.

Зимой 1232–1233 гг. князь Юрий Всеволодович отправил своего сына Всеволода в поход на мордву. В зимний поход выступили Федор Ярославович и рязанские и муромские князья.

В 1233 г. в Суздале была расписана и украшена мрамором церковь пресвятой Богородицы.

В 1232 г. в Смоленске скончался князь Мстислав Давыдович. И произошла трагедия. Святослав Мстиславович (внук Великого князя Романа Ростиславовича) с помощью полочан на праздник св. Бориса и Глеба взял Смоленск на щит и, «изсече смолнянь много», завладел городом и княжеством.

В 1233 г. изгнанные из Пскова новгородцы ушли в город чудской земли Медвежью Голову (Оденпе).

Там княжил сын хорошо нам знакомого Владимира Мстиславовича, некогда владевшего Псковом. Звали сына Ярослав, и был он по матери немцем.

Ливонские рыцари поддержали Ярослава Владимировича и новгородцев, и вскоре те заняли город-крепость Изборск, служивший западным пригородом Пскова.

Псковичи собрали собственные силы и, взяв в Изборске непрощеных гостей, выдали их Ярославу Всеволодовичу, наблюдавшему за происходящим из Новгорода. Так несчастные новгородские бояре, бежавшие из Торжка в Чернигов, Псков, Медвежью Голову, оказались в вотчине своего злейшего врага, в Переяславле-Залесском. Там же оказался и Ярослав Владимирович.

5 июня 1233 г. внезапно скончался старший сын Ярослава Всеволодовича Федор. Князь собрался жениться, был сварен мед и созваны гости, но дело кончилось тем, что Федора погребли в монастыре св. Георгия.

Разлад в отношениях Северной Руси и Ливонии углублялся, и дело шло к войне. В 1233 г. ливонцы схватили «Кюрила Синкиница» в местечке «Тсеве» и, заковав, посадили в Медвежьей Голове.

Весной 1234 г. Ярослав Всеволодович вступил в пределы, контролируемые Орденом, вызволил томившегося в заключении «Кюрила Синкиница» и подступил к Юрьеву. Германцы сели в осаду в городах Юрьев и Медвежья Голова и выслали отряды навстречу сторожам Ярослава Всеволодовича. Рыцари «бились» с русскими сторожами до подхода «пълку», то есть основного княжеского войска. Удача сопутствовала русским. Они теснили германцев. А на скованной морозом реке «Омовыжи» (Эмбахе) под рыцарями подломился лед и «истопе ихъ много».

Ордену пришлось поклониться Ярославу и заключить с ним мир.

По возвращении из-под Юрьева Ярославу Всеволодовичу не пришлось отдыхать. Дерзкие литовские всадники незаметно подобрались к Старой Русе и стремительным набегом погнали горожан «олы до тьргу». Старорусцы, вооружившись кто чем, сели в засаде. Были там и «Огнищане и Гридба, и кто купець и гости». Литовцев из городского посада выбили, нескольких из них убили и потеряли своих четверых: «Попа Петрилу, Павла Обрядиця и ина два мужа». Литовцы успели разграбить монастырь св. Спаса и убить четырех чернецов.

От Старой Русы литва отступила на «Клинь». Узнав о происходящем, Ярослав Всеволодович с новгородцами сел в «насады» и поспешил вдогонку за хищниками вверх по Ловати. Часть сил Ярослава шла берегом на «конихъ».

Когда ладьи-насады стали у «Моравнина», кончился хлеб. Поход был организован в спешке. Ярослав отпустил лодочников с ладьями к Новгороду и, пересев на лошадь, принялся далее преследовать отступавшую к югу литву.

Настигли литву на «Дубровне на селищи въ Торопчъской волости». Литовцев Ярослав разбил и, разогнав по лесу, взял у них лошадей и оружие. В сражении, произошедшем в чаще густых торопецких лесов, новгородцы потеряли десятерых мужей: «Феда Якуновича

Тысячскаго, Гаврила щитника, Негутина на Лубяници, Нежилу серебряника, Гостилца на Кузмадемьяни улицы, Федора Ума, Князь Детской, другое Городищанинь и инехъ трое».

Походы литовцев не проходили для них даром. Год от года их воинское искусство совершенствовалось, и приобретенный опыт превращал литву в весомую силу.

В 1236 г., согласно Алберту Стадскому (в 1237 или 1238 г. согласно русским летописям), германцы в Риге получили с родины мощное подкрепление. В поход на литовцев рыцари повели кроме чуди двести союзных Риге псковичей.

25 сентября «на Камне засадию» литва разбила неприятеля наголову. В сражении погиб магистр ордена, престарелый Вольквин. В Псков из похода вернулся лишь десятый из ушедших.

В 1234 г. один из князей Большого гнезда Святослав Всеволодович в своем городе Юрьеве-Польском воздвиг каменную церковь в честь св. Георгия. Это живая поэма в камне, одна из немногих сохранившихся до наших дней в северо-восточных землях Руси.

1235 г. прошел на Руси относительно мирно. То было затишье перед бурей.

В третью неделю августа 1236 г. Русь наблюдала знамение в солнце — «быс видети всем акы мсць четыре дни».

Осенью 1236 г. татаро-монголы вошли в пределы Волжской Булгарии и взяли ее столицу Великий Булгар. Население было избито, многочисленные товары купцов взяты, а город сожжен.

А Русь жила собственной мирной домонгольской эпохой. Зимой 1236–1237 гг. великий князь северо-восточных земель Юрий Всеволодович женил своих сыновей Владимира и Мстислава.

В начавшемся 1237 г. епископ Митрофан на средства епархии поставил «кивоть», украшенный «златомъ и сребром», над трапезной в белокаменном Успенском соборе Владимира-на-Клязьме. В том же году был расписан притвор Успенского собора. И это были последние штрихи в украшении и созидании чудной своей красотой могучей домонгольской Руси.

Глава 20

НАШЕСТВИЕ БАТЯЯ (1237–1241)

Монголы вторгаются в Рязанские земли

В 1227 г. Чингисхан скончался. Наследником был провозглашен его старший сын Угедей. Новый хан дал воинов своему племяннику Батью и повелел идти на завоевание земель половцев, болгар и Руси.

Зимой 1237 г. на берег реки Воронеж, на рубеж Рязанского княжества, подошли «безбожнии Татари». Батый прислал к рязанскому князю Юрию Ингоревичу (или Игоревичу) послов — «жену чародейцю и два мужа съ нею». Батый потребовал «десятины во всемъ: и въ людехъ, и въ Князехъ, и въ конихъ, во всеномъ десятое».

Князь Юрий Ингоревич послал просить помощи во Владимир-на-Клязьме к Великому князю Юрию Всеволодовичу. Но тот сам не выступил и помощи не дал. Тогда Юрий Ингоревич стал собирать рязанскую силу — Давида Ингоревича Муромского, Глеба Ингоревича Коломенского, Олега (Ингоревича) Красного, Всеволода Пронского и иных удельных князей.

Вскоре на высокий правый берег реки Воронеж подъехали рязанские князья: Юрий Ингоревич, Олег и Роман Ингоревичи, муромские и пронские князья. За реку послали сына князя Юрия Федора Юрьевича.

Батый принял дары рязанских князей, но потребовал у Федора Юрьевича: «Дай мне княже ведети жены твоей красоту». Русский князь рассмеялся речам Батыя. Федора Юрьевича убили. Тело его подобрал «един от пестун князя» по имени Апоница.

А в рязанских землях князя ожидала супруга Евпраксея. Когда княгине сообщили о гибели мужа, Евпраксея «ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти».

Князь Юрий Ингоревич, обращаясь к братии и боярам, воздел руки к небесам и воскликнул: «О господия и братия моа, еще отруки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти». Помолившись и поклонившись образам, князь поцеловался с княгиней Агриппиной Ростиславовной и, приняв благословение епископа, выступил навстречу Батью.

Началась злая сеча. Происходило сражение на южных рубежах рязанских земель вблизи реки Воронеж. Князья стремились не подпустить врага к своим городам и волостям либо умереть. Рязанцы дрались мужественно — так, как это умеют русские, но силы были слишком неравными. Батый, напротив, был в «силе велице и тяжце». Один рязанский воин «бьяшеся с тысящей, а два со тмою». И это отнюдь не преувеличение.

Юрий Ингоревич увидел, как пал замертво его брат Давид, и воскликнул: «О братие моя милая! Князь Давид брат наш. наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!»

Батый подивился мужеству рязанцев.

«Да противу гневу Божию хто постоит!»

Русские дрались с неприятелем, в десятки раз превосходившим его численно, в открытом поле и полегли все, за малым исключением. Из князей в той битве в живых остался лишь Олег Ингоревич Красный. И его «яша еле жива сущя». Олег истекал кровью от множества ран.

Князя привели к Батю в стан, и великий завоеватель, потрясенный мужеством и красотой Олега, хотел его «изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити». Но князь до конца сохранил гордость и верность своей земле. Отповедь, данная им Батю, распалила гнев татар, но, быть может, именно тогда самыми глубинами рассудка они поняли, что русский народ покорить не удастся и рано или поздно возмездие за бесчинства их настигнут.

Олег пробыл в плену у монголов до 1252 г. и скончался в 1258 г.

Татаро-монголы рассеялись по рязанской земле и принялись города и села «бити, и сечи, и жещи без милости». Города Пронск, Белгород Рязанский, Ижеславец были разорены до основания, а население избито без милости. «И течаша кровь христьянская, яко река силная, и грех ради наших».

Вслед за тем Батый собрал силы и подступил к столице княжества Старой Рязани. Штурм города без перерыва продолжался пять дней. Войско Батые отводилось от стен города на отдых. Горожане бились неотступно. На шестой день осаждавшие подступили к стенам города «овии с огни, а инии с пороки, а иней со тмочисленными лествицами».

Монголы привели в Восточную Европу немало китайских и иных азиатских инженеров, искусных в науке взятия укрепленных городов. У Батые, имевшего грандиозные завоевательные планы на Западе, не было времени на долгие осады, рассчитанные на истощение запасов осажденных. Города брались если не с ходу, то за неделю. Расчет монголов на специалистов по стенобитным машинам и подкопам в 1237–1241 гг. практически полностью оправдался. 21 декабря 1237 г. Старая Рязань, город, стоящий на окруженном оврагами возвышении, над правым берегом Оки, пал. Жителям отступить было некуда, ибо отовсюду стояли монголы, а с севара стлала быстрые холодные воды Ока. Монголы ворвались в соборную церковь пресвятой Богородицы, служившую последним прибежищем осажденным, и посекали под ее высокими каменными сводами княгиню Агриппину с снохами и другими княгинями.

Там же были сожжены епископ и рязанское духовенство. Жителей стали избивать. Город разграбили и подожгли. Чудные красотой и величием каменные соборы Старой Рязани были разорены, а их алтари были залиты кровью. «И не оста в граде ни един живых». (По ряду летописных данных князь Юрий Ингоревич Рязанский погиб не на реке Воронеж, а в Старой Рязани.) Ипатьевская летопись под 1237 г. сообщает, что Батый «взяша град Рязань копьемь, изведше на льсти князя Юрья, и ведоша Прыньскоу бе бо в то врем княгини его Прыньскы, изведоша княгиню его на льсти оубиша Юрья князя и княгини его».

От Старой Рязани Батый выступил на север к Коломне. Идти зимой через леса Мещоры монголы не могли и двигались долинами и руслами рек Оки и Москвы.

Согласно «Повести о разорении Рязани Батыем» один из рязанских бояр по имени Евпатий Коловрат в декабре 1237 г. с князем Ингваром Ингоревичем находился в Чернигове. Узнав о происшедшем, Евпатий с малой дружиной поспешил вслед за Батыем.

По прибытии в Старую Рязань Евпатий увидел страшную картину избиения и сожжения города и всей окрестной земли с селами, церквями и монастырями. Боярин собрал тысячу

семьсот воинов, которых господь «соблюде быша вне града», и погнал коней вслед монголам.

Настиг Батый Евпатий Коловрат к северу от Оки, в пределах владими́ро-суздальской земли. Крошечный отряд Коловрата внезапно, словно оса, вонзился к громадное войско монголов. Началась злая сеча. «Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и сечаша их». И подумали изумленные монголы, что встали мертвые рязанцы. Евпатий проезжал татарские полки насквозь и «бьяше их нещадно».

К Батыю привели пятерых изнемогавших от ран воинов Евпатия. Хан спросил, какой они веры, земли и почему творят ему много зла. Воины ответили, что веры они христианской, люди князя Юрия Ингоревича Рязанского, полка Евпатия Коловрата и посланы князем Ингваром Ингоревичем. Так монголы узнали имя своего противника.

Батый послал на Евпатия Коловрата шурина Хостоврула с полками. Монголы вознамерились взять Евпатия живьем.

Хостоврул сам съехался с Евпатием Коловратом. Рязанский боярин был могучим воином и «раесече Хостоврула на полы до седла». И пошел Евпатий Коловрат сечь монголов по обе от себя стороны, как косарь траву по утренней росе. «Татарове возбоящеся, видя Евпатия крепка исполина», и поняли, что в открытой схватке его не одолеть. А Евпатий тем временем монголов «ових на полы пресекоша, а инех до седла краяше».

Битва кончилась тем, что монголы, не смея подступиться к будто вылитому из железа боярину, стали наводить на Евпатия множество стенобитных «пороков, и нача бити по нем истмочисленных пороков, и едва убиша его».

Тело Евпатия Коловрата монголы принесли в стан к Батыю. Хан собрал своих военачальников и приближенных и, подивившись на русского боярина, сказал: «Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего».

Счастье и крепость Руси-матушки в том, что люди, подобные рязанскому боярину Евпатию Коловрату, врагам не служат. Думаю, что то понял зимой 1237–1238 гг. и Батый.

Тело Евпатия Коловрата отдали оставшимся из его полка воинам. Батый велел монголам людей отпустить и вреда им не делать.

Один из рязанских князей Ингвар Ингоревич из Чернигова от Михаила Всеволодича приехал в свою вотчину. На пепелище Старой Рязани, среди углей, камней разваленных соборов, среди обагренного застывшей на морозе кровью снега и льда, князь отыскал тела матери, снох и родни. И «призва попы из веси, которых Бог соблюде», схоронил мать и снох «кричаше велми и рыдаше». Схоронили всех погибших в Старой Рязани. Город очистили как могли и освятили.

«Земля Рязанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней благо видети — токмо дым и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша».

Схоронил Ингвар Ингоревич и свою братию князей Юрия Ингоревича, Давида Ингоревича Муромского, Глеба Ингоревича Коломенского и других князей, бояр, воевод и «ближних знаемых». Тела принесли в Старую Рязань и отпели.

От Старой Рязани Ингвар Ингоревич ездил в Пронск и там собирал и хоронил погибших. Поехал князь и на реку Воронеж, подобрал тело Федора Юрьевича и упокоил его рядом с телом супруги Евпраксеи и их сына Ивана. Над могилами князь поставил каменные кресты. На месте погребения стояла церковь с образом св. Николая, в 1224 г. принесенного на Русь иереем Евстафием из греческого Херсонеса (Крым). «И от сея вины да зовется великий чудотворец Николае Заразский яко благоверная княгиня Еупраксея и с сыном своим князем Иваном сама себе зарази».

Сел на столе отца Ингоря Святославича князь Ингвар Ингоревич, в крещении нареченный Козма. «И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы

утеши, и люди собра».

Еще один чудом уцелевший после нашествия Батгя рязанский князь Кир-Михаил Всеволодович сел на столе своего отца в разоренном Пронске (Кир-Михаил по данным Новгородской летописи погиб в 1218 г.).

Ипатьевская летопись утверждает, что Кир-Михаил «оутече со своими людьми до Соуждаля и поведа великомуу князю Юрьеву» (Всеволодовичу) о происшедшем в рязанских землях.

Так рязанская земля первой на Руси вступила в новый этап своей истории, пройдя через страшное, во многом очистительное (это свойство огня) пламя и кровь монгольского нашествия. То, как рязанцы встретили более чем стотысячное полчище монголов, было залогом грядущей Куликовской битвы. Русь живет по своим особым законам, никому не ведомым. Но одно из правил тех неписаных законов гласит: всякий пришедший на Русь со злом рано или поздно получит воздаяние и едва устоит при этом.

Вторжение монголов в земли Северо-Восточной Руси в 1238 г.

Князь Юрий Всеволодович, быть может, узнав о судьбе Рязани, и пожалел, что не выступил совместно с рязанцами против Батые. К Коломне, служившей своего рода воротами, запиравшими путь в Северо-Восточную Русь, Юрий Всеволодович выслал одного из сыновей — Всеволода — с полком.

У Коломны Всеволод вступил в сражение с монголами «и быс сеча велика». В полку Всеволода убили воеводу «Еремея Глебовича и иных мужии много». Князь Всеволод с остатками отряда умчался к Владимиру-на-Клязьме. Батый же поднялся вверх долиной реки Москвы и подступил к Москве.

Наступил 1238 г. Маленькая Москва, на сотни верст окрест окруженная заснеженными лесами, вслед за Старой Рязанью, Пронском и Коломной приняла на себя страшный удар армии Батые. К деревянным стенам Москвы подступила не просто монгольская конница, то была армия едва ли не всей Азии. И еле заметный городок, площадь которого едва превышала три — пять гектаров, мужественно дал бой бесчисленной орде.

Москва была взята. В городе монголы убили воеводу «Филипа Нянка». Население Москвы истребили полностью, от старца до младенца. Город, церкви, монастыри и окрестные села были разграблены и сожжены.

В Москве монголы схватили сына великого князя Юрия Всеволодовича Владимира.

Зимой Великий князь с малой дружиной выехал из Владимира-на-Клязьме, «оурядивъ» на свое место сыновей Всеволода и Мстислава. В городе осталась и супруга Юрия со снохами и епископом Митрофаном.

Юрий ехал на север, на верхнюю Волгу. Великого князя в поездке сопровождали три ростовских племянника — Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи. Юрий намеревался собрать все силы северо-восточных земель Руси и остановился в долине небольшой реки Сити (приток Волги). Там ожидали подхода братьев Ярослава и Святослава Всеволодовичей с полками. Воеводство князь Юрий страшной зимой 1237–1238 гг. дал «Жирославу Михайловичу».

3 февраля 1238 г. монголы подошли к Владимиру-на-Клязьме. Князя Всеволод и Мстислав Юрьевичи и воевода их «Петрь Ослядюковичъ» закрылись в городе.

Монголы подъехали к Золотым воротам города и стали спрашивать, есть ли во Владимире-на-Клязьме Великий князь Юрий Всеволодович. Горожане пустили по стреле в монголов. Те в ответ также выпустили стрелы по Золотым воротам и стали просить не стрелять.

Монголы подъехали ближе к воротам и, показав горожанам одного человека, спросили, узнают ли те князя Владимира Всеволодовича, привезенного из Москвы.

Всеволод и Мстислав Юрьевичи стояли на Золотых воротах. Они узнали брата.

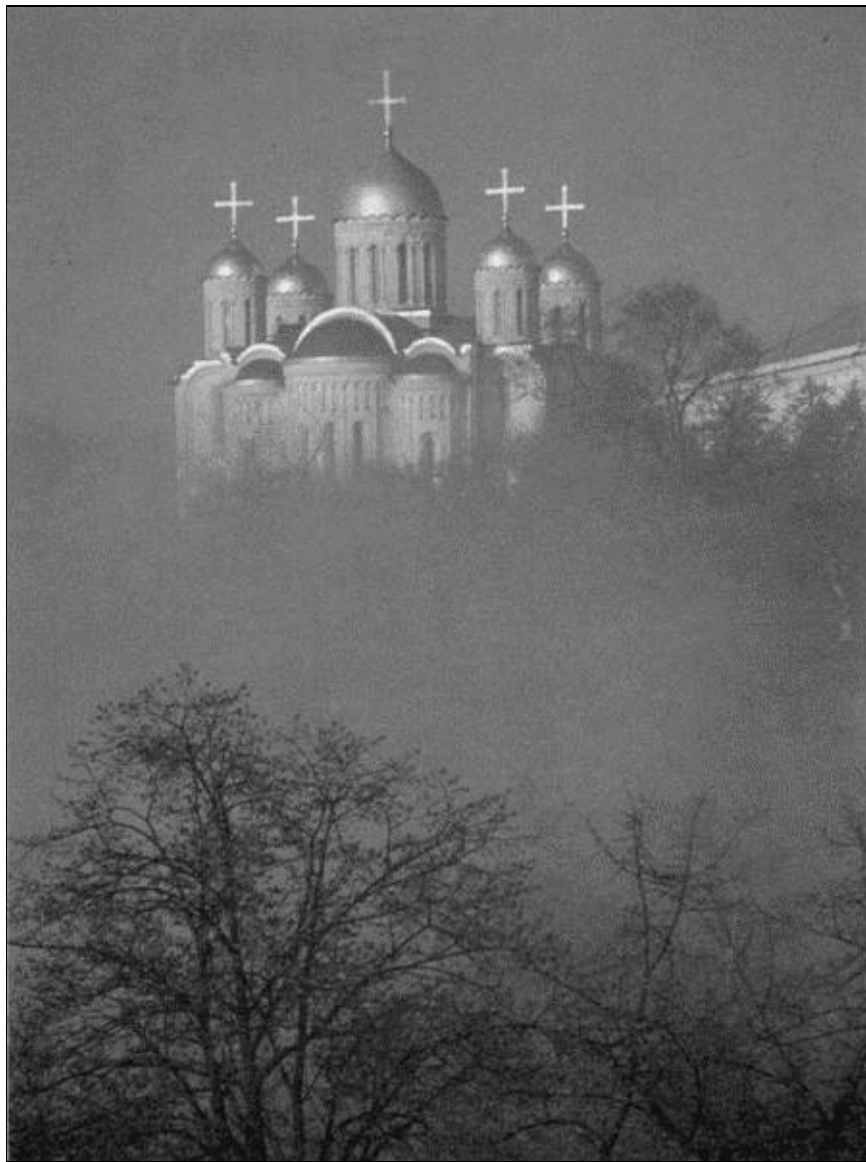
Монголы объехали город и разбили стан против Золотых ворот. От Владимира-на-Клязьме часть сил Батые пошла к Суздалю. Город был взят. Древний собор, выстроенный Мономахом в 1101 г., был разграблен. Княжескую усадьбу в Кидекше, украшенную Долгоруким каменным храмом середины XII в., монголы сожгли. Сгорел и монастырь св. Димитрия «и люди все иссекоша». Оставшихся в живых, по большей части женщин, монголы увели с собой и вернулись к Владимиру-на-Клязьме.

Скоро монголы «почаша наряжати лесы, и пороки ставиша до вечера а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря».

7 февраля монголы приступили к стенам Владимира-на-Клязьме.

До обеда того же дня монголы сумели ворваться в город от Золотых ворот «оу стаг Спса» с

запада, «по примету», с севера от реки Лыбеди (одноименной киевской Лыбеди) «ко Ориным воротом» и к «Медяным», от реки Клязьмы к «Волжским» воротам. Так монголы взяли «Новый град». Князя Всеволод и Мстислав Юрьевичи со всем народом отступили во внутренний «Печернии городъ».

Епископ Митрофан с «княгыни Юрьева, съ дочерью, и с снохами, и со внучаты, и прочие княгини, Володимерея с детми, и множество много боярь, и всего народа людии» закрылись в белокаменном златоглавом Успенском соборе-исполине, в стенах великого и чудного красотой детища Андрея Боголюбского. Это была последняя твердыня погибавшего города.

Монголы подожгли собор. Люди, стена и молясь, гибли в огне и задыхались от дыма. Вслед за тем монголы выбили двери собора и оставшихся в живых «оружьем до конца смрти предаша». Собор Успения Богородицы монголы ограбили. С образа Владимирской Божией Матери, привезенного Боголюбским из Киева, а ранее из Византии, монголы содрали украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями оклад.

Начался грабеж. Принялись отдирать оклады с икон, книг, хватать «крсты чстныя, и ссуды щенныя... и порты блжных первых князии, еже бяху повешали в црквах стхъ на памят себе».

Тогда были убиты «Пахоми», архимандрит монастыря Рождества Богородицы, игумен «Оуспеньский, Феодосии Спський» и многие другие игумены, чернецы, попы и дьяконы «от оуного и до старца, и суцаго младенца, и та вся иссекоша». Тех, кого монголы не убили, вели босыми в свои станы «издыхающа мразом» (морозом).

После падения Владимира-на-Клязьме части войска Батгя выступили к городам Северо-Восточной Руси. Орды монголов и шедших с ними народов подступили к Ростову, Ярославлю, к

Городцу-на-Волге и «типлиниша все по Волзе доже и до Галича Мерьскаго». Другие отряды выступили к Переяславлю-Залесскому «и оттоле всю ту страну, и грады многы все то плениша даже и до Торжку».

Трудно было найти место в ростово-суздальских землях, где бы не появились лисьи малахайи монголов, несших смерть, огонь, разрушение или полон, быть может, более страшный, чем смерть. В залесских землях отряды Батыя за один февраль 1238 г. взяли четырнадцать городов «опричь слободъ и погостовъ».

Когда о происходящем сообщили Юрию Всеволодовичу, стоявшему на Сити, князь «възпи гласмь великым. со слезами, плача». Юрий зимой 1238 г. потерял всех детей, супругу, снох, внуков, бояр, воинов, духовенство, людей и все города и волости. И произошло это в одночасье.

Согласно Ипатьевской летописи, когда один из сыновей Юрия — Всеволод, стоя на стене Владимира-на-Клязьме, увидел «порокы градъ бьющемъ. стрелами бещисла стреляющимъ» и почувствовал сердцем «яко крепче брань належить», князь вышел из города навстречу монголам с малой дружиной с «дары многий». Мог ли знать Всеволод Юрьевич, что у Руси друзья есть лишь тогда, когда никто не дерзает меряться с ней силой? Монголы зарезали Всеволода Юрьевича. Вне стен Владимира-на-Клязьме монголы убили и Мстислава Юрьевича.

Услышав подробности происходящего, Юрий Всеволодович сказал: «Луче бы ми оумрети нежели жити на свете семь, ныне же что ради остав азъ единъ».

Скоро князю сообщили, что к долине Сити подступили монголы, и Юрий, «отложивъ всю печаль».

Следует описать долину Сити, ибо Великий князь Юрий Всеволодович не случайно стал среди ее лугов страшной зимой и весной 1238 г.

Река Сить невелика. Начало она берет в лесах, в двух десятках километров к востоку от новгородского города Бежецк. Верховья Сити отсекаются от среднего и нижнего течения реки лесами и болотами, именуемыми Болотея. Из самого сердца болот и лесов, с севера к руслу Сити подходит одноименная речка — Болотея.

Ниже зеленого зыбучего массива Болотеи, к северо-востоку, по долине Сити шли земли, принадлежавшие владими́ро-суздальским, а позже угличским князьям. Границу, шедшую по Болотее, отделявшую новгородские земли Бежецкой пятины от уделов суздальских князей, отмечает деревня с красноречивым названием Шелдомеж (шел до меж). Небольшая деревенька в XIII в. служила межевым знаком.

Долина средней и нижней Сити с запада и востока обрамлена могучими лесными массивами, полными болот, мха и по сей день едва проходимыми.

К руслу Сити льнут небольшие деревеньки и украшенные церквями села. Ближе к низовью, при устье левого притока реки Каменки, долина Сити раздвигает лес по сторонам и образует небольшое ополье около десяти километров в диаметре. Свободные от леса и болот земли ополья густо застроены селеньями местных жителей — сицкарей.

Сицкари немногочисленны и по сей день славятся плотницким искусством и промыслом по изготовлению речных ладей или баркасов. Своеобразен говор сицкарей. Его особенности указывают на население долины Сити как на обособленную группу славян в восточнославянском массиве населения верхней Волги. Сицкари — кто они, выходцы из словен новгородских или из кривичей полоцкой земли? Интуиция подсказывает, что сицкари пришли на Сить либо из земель западных (полоцких) кривичей, либо вовсе из центра Европы, из бассейнов Вислы и Одера. Причем произошло это достаточно поздно, и именно поэтому сицкари оказались столь своеобразны среди словен новгородских, кривичей и вятичей, заселивших верхнюю Волгу.

Впрочем, мы несколько отвлеклись от повествования. Великий князь Юрий Всеволодович

полагал, что, стоя в долине Сити, он находится в безопасности и защищен природой. В низовьях Сити и по сей день стоит деревня с названием Сторожево. Она венчает с севера ситское ополье и словно запирает подходы к нему от устья реки. Князь ожидал появления монголов именно от устья Сити, то есть с севера. Но подошел неприятель с юга, от верховий Сити. Надежды на леса и незамерзавшие зимой топи Болотеи не оправдались. Следует сказать, что шли монголы по Северо-Восточной Руси в 1237–1238 гг. столь уверенно в значительной степени из-за достаточного количества проводников, прекрасно знавших пути и набранных преимущественно из торгового люда.

Взятие монголами Твери, Волока Ламского, Дмитрова, Кашина, Кснятина, городов верхней Волги и осада Торжка позволили Батью добраться до долины Сити.

Юрий Всеволодович почувствовал неладное со стороны новгородских земель Бежецкой пятины.

Видимо, к князю приезжали гонцы из объятых пламенем Твери, Торжка, Углича. Юрий Всеволодович отправил в верховья Сити, к топям Болотеи, мужа Дорожа с тремя тысячами воинов «въ просоки: пытати Татарь».

Отряд Дорожа миновал рубежную деревню Шелдомеж, преодолел леса и топи Болотеи и вышел в верховья Сити, в новгородские земли, к деревне Божонка.

У Божонки Дорож принял сражение с монголами. Много русских воинов пало. Уцелевшие отступили по руслу Сити к деревне Могилыцы, в самое чрево Болотеи. Сам Дорож поспешил к князю Юрию Всеволодовичу со страшной вестью — «уже, княже, обошли сут нас около татары».

Это было полной неожиданностью для Юрия Всеволодовича. Стянутые князем на Сить силы были разбросаны на десятки километров по долине реки с юга на север. Собрать их воедино и преградить путь монголам в наиболее узком месте долины, там, где по сторонам к Сити подходят заболоченные леса, Юрий не успел. Не успел великий князь отгородиться засеками, рвами и валами. Похоже на то, что потрясение от происходящего во многом парализовало волю не только князя, но и его воевод, бояр и воинов.

Отряды монголов принялись стремительно продвигаться по долине Сити с юга на север. У отдельных деревень монгольским всадникам путь преграждали небольшие отряды русских ратников. Но они были не в силах сдержать монгольскую конную лаву и с честью складывали мужественные головы.

Местные предания повествуют о том, что жаркие сражения русские полки приняли у деревень, последовательно расположенных в долине Сити с юга на север: Станилово, Юрьевская. И тут монгольская конная лава вырвалась на простор ситского ополья. И закипела битва у деревень Давыдовское, Змазнево, Городище, Игнатово, Семеновская, Княгинино, Покровское. Указывают и на ручей с красноречивым именем Войсковым.

Предания указывают два возможных места гибели Великого князя Юрия Всеволодовича — деревня Юрьевское на южной окраине ополья и село Покровское (Сить-Покровское) на его северной окраине.

К вечеру 4 марта 1238 г. битва на Сити русскими была проиграна. Остатки ростово-суздальских полков устремились под спасительный покров окрестных лесов и болотной дрегвы.

В одном ряду с Великим князем Юрием Всеволодовичем на Сити сражались его брат Святослав Всеволодович, владевший Юрьевом-Польским, и племянники Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи.

Тело Юрия Всеволодовича подобрал приехавший с Белого озера епископ Кирилл. Владыка увез тело в Ростов, отпел его и похоронил в соборе пресвятой Богородицы.

На Сити монголы схватили ростовского князя Василька Константиновича. Они везли

Василька до «Шерньского» леса. Река Шерна прорезает зеленый массив междуречья Волги и Оки с севера на юг в самом ее центре и впадает в Клязьму выше современного Павлова-Посада.

В Шернском лесу монголы раскинули стан и, подступив к князю Васильку, потребовали «быти въ их воли и воевати с ними» заодно. Василько ответил отказом. Князь был частью гордой домонгольской Руси, и мысль о покорности врагам была для него дикой. Монголы в лесу убили Василька и, бросив тело, уехали.

Тело князя в лесу отыскала «етера жена верна». Женщина поведала о том «мужу бобоязнику поповичу Андрияну». Василька подобрали и «понявицею обить, реку саваном, и положи его в скровне месте».

Сообщили епископу ростовскому, духовному пастырю князя Кириллу и супруге Василька. Тело перенесли в Ростов Великий и погребли рядом с Юрием Всеволодовичем. Тогда же, по видимому, с Сити «принесоша голову великаго князя Георгия (Юрия) и вложиша ю в гроб, к своему телу». О князе Васильке Константиновиче автор Лаврентьевской летописи пишет:

«Бе же Василко лицом красенъ, очима светель и грозенъ, хоробръ паче меры наловех, срдцьмъ легок, до боярь ласковъ». Служившие Васильку бояре «никакож оу иного князя можаше быти».

Супруга Василька Константиновича, дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского по имени «Феодулия», приняла монашеский постриг в суздальском девичьем монастыре Ризы Богоматери. То была обитель, чудом уцелевшая после взятия Суздаля монголами. При пострижении княгиня была наречена Евфросинией.

После того как монгольский вал зимой 1237–1238 гг., прокатившись по ростово-суздальским землям из края в край, втянулся в земли Великого Новгорода, в сожженный Владимир-на-Клязьме приехал один из уцелевших князей Большого гнезда Ярослав Всеволодович. Города, села, монастыри были разграблены и сожжены, народ побит или разогнан по глухим лесам и болотам. Но жизнь брала свое. Весной надо было пахать и сеять, а осенью жать, и начал новый великий князь Владимирской Руси «ряды рядити» и тем «оутвердися в своем чстнемъ княжении».

В том же 1238 г. Ярослав Всеволодович отдал Суздаль уцелевшему в битве на Сити брату Святославу (владевшему Юрьевом-Польским). А меньшему брату Ивану Всеволодовичу Ярослав отдал город Стародуб (на Клязьме).

Потомство Юрия Всеволодовича, включая детей, внуков и даже снох, погибло в огне 1238 г., и престол Северо-Восточной Руси освободился для Ярослава Всеволодовича — прародителя Александра Невского, Даниила Московского, Иоанна I Калиты, Симеона Гордого, Дмитрия Донского, Иоанна IV Грозного.

Монголы у Игнашова креста

В конце зимы 1237–1238 гг. отряды монголов долиной реки Тверды подошли к Торжку. Значительные силы Батые в начале марта сражались на реке Сити, и осадой Торжка занимались передовые тьмы (десятитысячные отряды) монголов.

Торжок осаждавшие обвели тыном «якоже инии гради имаху». И били пороки по городням Торжка две недели. 5 марта 1238 г., на следующий день после битвы на Сити, монголы взяли Торжок приступом и «изсекоша вся отъ мужьска полу и до женьска». Там пали известные новгородскому летописцу «Иванко Посадникъ Новоторжскый, Якимъ Влунковичъ, Глебъ Борисовичъ, Михайло Моисеевичъ».

От Торжка монголы устремились к Новгороду. Пошли они не вверх по реке Тверце до Вышнего Волочка и далее рекой Мстой до озера Ильмень. Монголы двинулись долиной верхней Волги до озер Селигерской системы. Далее от села Залучье и городища Березовский Рядок монголы вышли на водораздел, не превышавший и пяти верст, между бассейном Волги и Ловати — Ильменя — Волхова.

Переход от Торжка и Твери до городища Березовский Рядок у армии Батые занял самое меньшее неделю. Март близился к завершению, и монголам, шедшим в глубь Северной Руси по льду замерзших рек и озер, было прекрасно известно, что в апреле реки вскроются. Со всех сторон нависали темные дремучие северные еловые леса. Монголы заколебались и смутились.

Передовые отряды Батые прошли водораздел волок от Березового Ряда на Селигере до «Игнача креста». Современная деревня Игнашовка расположена в верховьях реки Шиберихи, притока реки Полы, впадающей в Ловать, при устье озера Ильмень. То был один из нескольких древних речных торговых путей, ведших из Центральной и Южной Руси к Новгороду.

От «Игнача креста» до Новгорода монголам оставалось одолеть сто старых верст (около двухсот современных километров с учетом извивов рек).

И вот Батый от «Игнача креста» поворачивает на юг, прочь от страшивших монголов лесов и топей необъятной новгородской земли. Зимняя кампания 1237–1238 гг. отняла у Батые слишком много времени. Северо-восточные ростово-суздальские земли ценой собственной крови спасли русский север от разгрома и унижения.

Монголы едва успели выйти из системы озер и рек верхней Волги, как лед начал вскрываться и зимние пути до осени 1238 г. прекратили существование. Следует ли говорить, что ладей у монголов быть не могло и летняя военная кампания на севере Руси едва была возможна даже теоретически.

От Селигера долиной верхней Волги монголы спустились к Ржеву и Зубцову и восточными землями Смоленского княжества, оставив Смоленск на западе, достигли бассейна Оки.

Монголы в вятичском ополье. Осада Козельска

Так монголы вступили в земли вятичей. Батый не мог миновать небольшой город Козельск, расположенный на берегу реки Жиздры (левый приток верхней Оки). Дело в том, что князья, сидевшие в Козельске, участвовали в расправе, учиненной над послами монголов перед несчастной битвой на реке Калке. Перед тем как осадить Козельск, монголы прошли чудное своей красотой ополье, украшающее центральные районы современной Калужской области, и подошли к крошечному городку Серенску. Город располагался на обрыве над глубокой долиной реки Серены, примерно в четырех десятках километров к северо-западу от Козельска. Серенск на Руси был по-своему уникален. Едва ли где в ином городе громадного государства работали ювелиры, равные ювелирам Серенска.

Серенск был взят, население перебито, и почти полтора столетия после весны 1238 г. городище над рекой Сереной оставалось в запустении. Монголы были столь жестоки, что, как свидетельствует археология, в округе не нашлось людей для того, чтобы схоронить погибших в Серенске. Могилой им стали трава и дерн, постепенно скрывшие мягким зеленым пологом чудовищную рану, одну из множества нанесенных Руси в 1237–1241 гг.

В Козельске были прекрасно осведомлены об образе действий подошедшего неприятеля и приготовились к обороне всерьез. Князь в Козельске был совсем юн. Звали его Василием, и был он одним из Ольговичей, возможно, потомком Михаила Всеволодовича Черниговского (и его сына Мстислава Михайловича Корачевского). Став под городнями Козельска, монголы поняли, что «словесы лестными не возможно бе гряд прияти».

Началась осада Козельска. Семь недель пороки били в стены города. Наконец, в одном месте стена оказалась разбитой, и монголы взошли на городской вал.

«Козляне же ножи резахоуся с ними». Горожане вышли из Козельска в пролом в стене и «исекоша праца ихъ» (осадные орудия) положили на месте четыре тысячи монгольских воинов. Там же сложили головы и козельцы.

Когда Батый завладел Козельском, он и его воины «изби вси и не пощаде от отрочать до сосоущих млеко».

Куда в том кровавом кошмаре делся князь Василий, неизвестно. Полагали, что он «во крови оутоноуль».

Под стенами Козельска татаро-монголы потеряли трех сыновей темников, предводителей десятитысячных отрядов. Монголы не сумели отыскать их тел из-за множества убитых. Армия Батые нигде на Руси не сталкивалась со столь яростным сопротивлением и назвать Козельск его собственным именем не смела, но нарекла его «град злыи».

От Козельска, перейдя Жиздру и верхнюю Оку, Батый двинулся в «землю Половецкую».

Взятие монголами Переяславля и Чернигова в 1239 г.

В 1239 г. Батый отправил часть сил к городу-ключу, запиравшему подходы к Южной Руси — к Переяславлю, «и взять град Переяславль копьем». Население города было «избито». Каменный собор архангела Михаила, один из древнейших и богатейших в Южной Руси, был разрушен, а ризницы его разграблены. Там монголы убили местного епископа Семеона.

От Переяславля татаро-монгольские орды подступили к Чернигову. Михаила Всеволодовича в Чернигове не было. Как только Ярослав Всеволодович весной 1238 г. уехал из Киева во Владимир-на-Клязьме, на стол погибшего 4 марта на Сити брата Юрия, Михаил Всеволодович из Чернигова приехал в Киев.

Защищать Чернигов с полком подъехал лишь один из Ольговичей — Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила Всеволодовича. Остальные Ольговичи предпочли укрыться от монголов в Венгрии.

Мужественный Мстислав Глебович сложил голову под стенами Чернигова. С князем полегли многие из его воинов. Древний, богатый Чернигов монголы взяли и подожгли. Местному епископу сохранили жизнь. Его монголы повезли за собой к городу Глухову.

От Глухова орды повернули в степь. К Киеву, на левый берег Днепра, летом 1239 г. подъехал один из монгольских военачальников «Меньгоуканови». Это был внук Чингисхана Менгу. Монголы, подойдя к Днепру, стали у «градька Песочного» и, увидев на горах, за рекой, громадный, увенчанный золотыми главами множества соборов град, «оудивися красоте его и величеству».

Монголы отправили послов в Киев, к князю Михаилу Всеволодовичу и к горожанам, «хотя е прельстити и не послоушаша ег». Монгольских послов в Киеве перебили. И именно после этого Михаил Всеволодович покинул Киев и устремился в Венгрию.

Итак, в 1236 г. Ярослав Всеволодович пришел с северо-востока в Южную Русь и отнял Киев у Великого князя Владимира Рюриковича. Весной 1238 г. Ярослав уехал из Киева в разоренный Владимир-на-Клязьме. В 1238 г. Киевом овладел Михаил Всеволодович Черниговский. А в 1239 г. Михаил покинул Киев и укрылся в Венгрии.

Сын Михаила Ростислав удерживал Галич, но неосторожно выехал из города в поход на Литву. Галичем и всей Западной Русью перед нашествием монголов завладел Даниил Романович. Этот князь объединил под своей властью Волынь и Галицию.

В 1239 г., когда полыхали Переяславль и Чернигов, на Руси произошло немало событий, не имевших, как казалось, прямого отношения к нашествию орд Батыя.

Новый великий князь Северо-Восточной Руси Ярослав Всеволодович в 1239 г. собрал уцелевших детей и племянников. Собралось немало князей. Один из сыновей Ярослава в 1238 г. погиб в Твери (Федор?). Зато остались живы шестеро других «Олександръ. Андреи. Костянтинъ. Офонасии. Данило. Михаило». В Суздале здравствовал участник битвы на Сити брат Великого князя Ярослава Святослав с сыном Димитрием. Выжили и племянники Ярослава со своим потомством «Ивань Всеволодичъ» и Василий Всеволодович. Они получили в наследство от отца Всеволода Константиновича, сложившего 4 марта 1238 г. голову на Сити, город Ярославль с волостью. Пережил 1238 г. князь Владимир Константинович (быть может, Угличский). А от убитого монголами в Шернском лесу в марте 1238 г. ростовского князя Василька Константиновича остались два сына — Борис и Глеб.

Это была немалая сила, и истерзанная Батыем оостово-суздальская земля потихоньку начала приходить в себя. Летом 1239 г. в княжеской усадьбе под Суздалем, в Кидекше, на престольный праздник епископ ростовский Кирилл заново освятил храм Бориса и Глеба.

В 1239 г. проявилась старая вражда между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским.

Выше писалось о том, что Михаил Черниговский в 1239 г. из Киева бежал в Венгрию, страшась громивших Переяславль и Чернигов монголов. Выбор убежища Михаилом был произведен отнюдь не случайно.

Сын Михаила Ростислав ранее бежал из Галиции от князя Даниила Романовича также в Венгрию. Ростислав Михайлович был женихом дочери венгерского короля Белы. За сыном последовал и отец.

Когда летом 1239 г. на Руси стало известно об отъезде Михаила Всеволодовича Черниговского из Киева в Венгрию, произошли следующие события. Из Смоленского княжества в Киев приехал князь Ростислав Мстиславович. Узнав об этом, из Западной Руси в Киев приехал князь Вольни и Галиции Даниил Романович. Он отнял Киев у Ростислава Мстиславовича и увез его впоследствии в Венгрию, уходя от монголов. В Киеве Даниил Романович оставил одного из своих бояр по имени «Дмитра». Мужественному боярину Даниил, уезжая на запад, велел «объдержати противу иноплемьныхъ языкъ» древнюю столицу Руси Киев.

В том же 1239 г. Великий князь Ярослав Всеволодович подъехал к волынскому городу «Каменьцу».

Ярослав Всеволодович «взя Каменецъ» и пленил в городе супругу давнего противника Михаила Всеволодовича Черниговского. В Каменце были пленены и бояре Михаила.

Вскоре у Ярослава Всеволодовича возникли осложнения. Дело в том, что супругой Михаила Черниговского была сестра Даниила Романовича Галицкого и Волынского.

Как только Даниил узнал о происшедшем в Каменце, он тотчас отправил послов к Ярославу Всеволодовичу с требованием отпустить сестру на Волынь. Ярослав не посмел послушаться, и княжна Феодора вернулась к братьям Даниилу и Васильку Романовичам.

А в Венгрии в 1239 г. король Бела, прекрасно осведомленный о делах Руси, «не вдасть девкы своей Ростиславоу и погна и прочь». Так с позором Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав из Венгрии поехали в Польшу, к князю Конраду (Мазовецкому). Из Польши Михаил отправил послов к Даниилу Романовичу с клятвой «яко николи же. вражды с тобою не имамъ имети». Даниил и Василько Романовичи «не помянули» Ольговичам их сидение в Галиче, отдали Михаилу сестру, а самого Михаила Черниговского привели в свои земли. Более того, Даниил, посоветовавшись с братом Васильком, обещал Михаилу Киев. Сыну Михаила Ростиславу Романовичи дали один из крупнейших городов Волыни — «Лоуческъ». Но то был 1239 г., и Михаил Всеволодович «за страхъ Татарьскыи не сме ими Кыевоу». Тогда Романовичи позволили Михаилу Всеволодовичу Черниговскому «ходить по земле своей, и даста емоу пшенице много, и медоу и говядъ и овецъ доволе».

Когда наступил 1240 г. и Михаил Всеволодович узнал о взятии Киева монголами, не теряя ни одного дня, князь с сыном Ростиславом, княгиней, боярами и слугами бежал в Польшу к Конраду (Мазовецкому).

Но и там Михаил не чувствовал себя в безопасности и «не стерпе тоуто» поехал к городу Вроцлаву. Когда Михаил оказался в немецком городке «именемъ Середа», произошло несчастье. Германцы, удивившись богатству русского князя, разграбили имущество Михаила, побили слуг и «оуноукоу его оубиша» (видимо, ребенка Ростислава Михайловича).

Когда Михаил, вконец опечаленный грабежом и убийствами, узнал о том, что татаро-монголы уже в самом чреве Польши и готовятся к сражению с Индрихом, князь повернул коня на восток. Михаил вновь приехал в Мазовию, на глухой, обойденный монгольской бурей северо-восток Польши, ко двору Конрада. Но уйти от судьбы Михаилу Всеволодовичу Черниговскому так и не удалось. В 1246 г. Михаил был убит монголами в орде за отказ

поклониться их божествам. Князь Михаил Черниговский впоследствии был причислен Русской православной церковью к лику святых.

Но вернемся к 1239 г. По возвращении из Западной Руси Ярослав Всеволодович подошел к Смоленску. Литовцы не преминули воспользоваться страшным ударом, нанесенным татаро-монголами Руси в 1237–1239 гг., и завладели Смоленском. Ярослав Всеволодович «Литву победы, и князя ихъ яль». В Смоленске Ярослав посадил одного из местных князей — Всеволода Мстиславовича.

В ростово-суздальские земли Ярослав Всеволодович приехал «со множеством полона с великою четью».

Зимой 1239–1240 гг. татаро-монголы овладели мордовскими землями. Выйдя из глухих лесов к Оке, монголы сожгли Муром и пустились воевать по долине реки Клязьмы, в ее низовьях. Тогда был сожжен уцелевший в 1238 г. город Гороховец. В суздальское ополье монголы не стремились, понимая, что брать там нечего. О зиме 1239–1240 гг. составитель Лаврентьевской летописи написал: «Тогда же бе пополохъ золь по всей земли, и сами не ведяху, и где хто бежить».

Год 1239-й монголы, кроме сожжения Переяславля, Чернигова и Гороховца с Муромом, использовали для расправы с оказавшимися в тылу половцами. Половецкий хан Котян (тесть Мстислава Мстиславовича Храброго) был в 1239 г. разгромлен в степях нижней Волги Батыем. Хан Котян с сорока тысячами единоплеменников нашел убежище в Венгрии. Половцам отвели земли для кочевий, а сам Котян принял христианство.

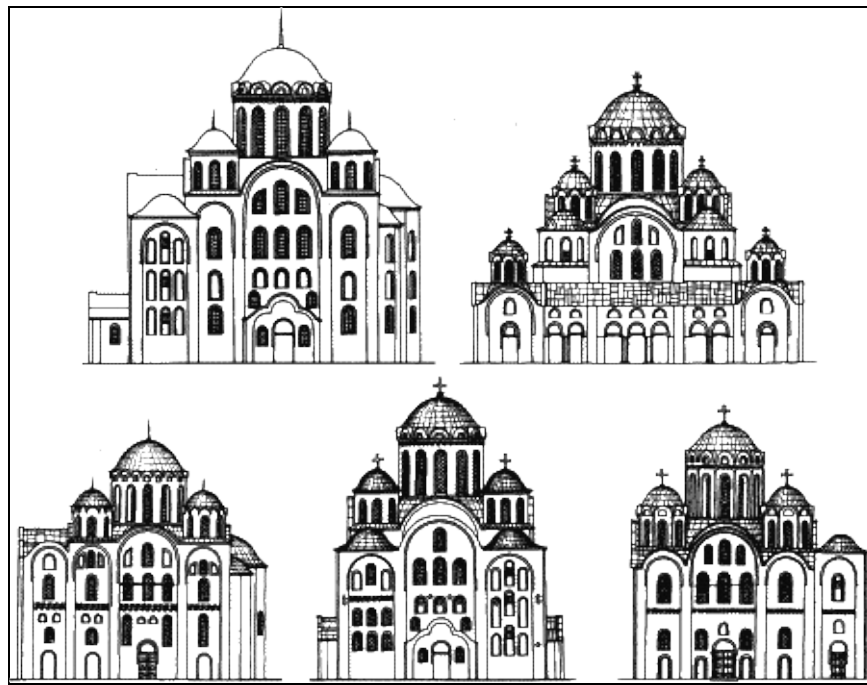
Взятие монголами Киева в 1240 г.

Наступил 1240 г. Монголы перешли Днепр вброд. По-видимому, это произошло под горой Заруб, напротив разрушенного годом ранее Переяславля, в месте, где несколько столетий переправлялись половцы, а ранее печенеги, угры и другие кочевники.

Монголы «облегли Киеву отовсюду» подобно океану. Горы, увенчанные стенами, монголы «остолпи», и оказался Киев «во объдержаньи велице». И не слышали киевляне речи друг друга «от гласа, скрипания телегъ ег (Батыя), множества ревения вельблудъ его, и ржания от гласа стадь конь его, и бе исполнена земля Роуская ратных».

Киевляне схватили под стенами города «Татарина именемъ Товроуль». Пленник не стал что-либо скрывать от горожан и на все вопросы дал исчерпывающие ответы. Киевляне узнали, что под стены города пришли монгольские воеводы: «Оурдю и Баидаръ Бирюи Каиданъ, Бечакъ и Меньгоу и Кююкъ». Стали под Киевом и «Себедея богатоуръ, и Боуроундаии богатырь иже взя Болгарскоую землю, и Соуждальскоую, инехъ бецисла воеводъ».

У Лядских (юго-восточных) ворот Киева Батый установил стенобитные орудия — «порокы». Место было выбрано, так как «дебри» к Лядским воротам подступали близко и защищали осаждавших от стрел и камней киевлян. Пороки били по стене Киева день и ночь без остановки. Наконец, стена у Лядских ворот пала. Но «возиидоша горожаны на избыть стены». Началась злая сеча. Повсюду был слышен «ломъ копеины, и щеть скепание, стрелы омрачиша светъ»...

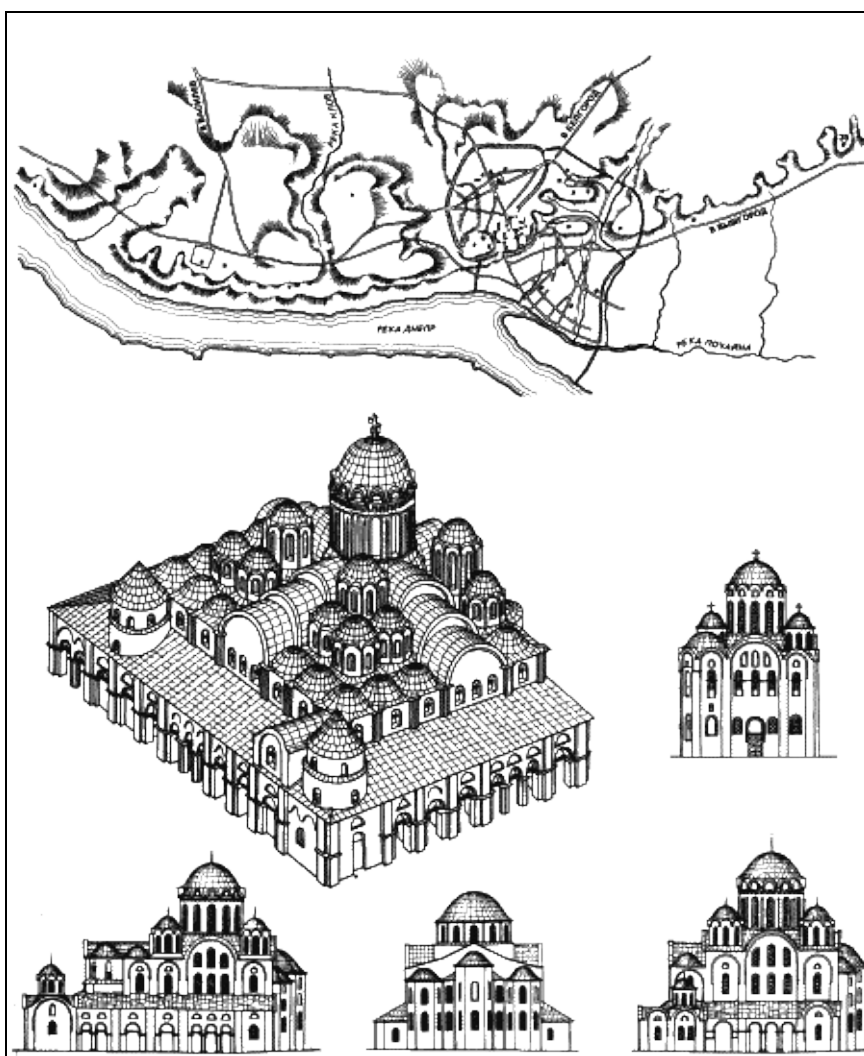

Обороной Киева руководил боярин Дмитрий (оставленный в столице в 1239 г. Даниилом Романовичем). В сражении Дмитрия ранили.

Монголо-татарам удалось взойти на стены Киева, и там они «седоша того дне и ноци». За ночь киевляне создали «дрюгии град около стое Бце». Видимо, то была Десятинная церковь на Старокиевской горе, древнейшая на Руси, выстроенная при князе Владимире I Святославовиче в конце X в.

Наутро монголы подступили к укреплениям киевлян, и сражение возобновилось. Горожане забрались на «комаръ црквныя и с товары своими». От тяжести стены церкви рухнули.

Киев пал. Израненного боярина Дмитрия монголы вывели из объятого пламенем и стонами города и, сохранив жизнь «моужьства ради его», отвели в свой стан.

Перед Батыем и его несметной азиатской армией открылся путь не только на Волынь и в Галицию, но и в Центральную Европу.

Монголы в Западной Руси

Даниил Романович поспешил укрыться в Венгрии до подхода Батые к Киеву. Западная Русь была беззащитна. Монголы подступили к городу «Колодяжноу», строящему и поныне в верховьях реки Случ. Это ворота на Волынь. Монголы установили у стен Колодяжина двенадцать пороков, но не сумели разбить стен. Тогда завоеватели пустились на хитрость и стали лукаво «перемольвливати люди». Горожане открыли ворота и были безжалостно перебиты.

От Колодяжина монголы двинулись на север, вниз по долине реки Случ, и подступили к еще одной крепости, охранявшей Волынь с востока, к городу Каменцу.

Батые занимал вопрос безопасности тыла, и он стремился последовательно завладеть всеми ключевыми твердынями и, лишь истребив их гарнизоны, двигался далее к западу.

Монголы завладели Каменцом и двинулись на юго-запад к городу-крепости Изяславлю, в верховья реки Горынь. Изяславль также был взят, и отряды Батые подступили к двум городам: Данилову и Кременцу. И произошло чудо. Монголы, не знавшие неудач ни в Китае, ни в Иране, ни в других странах, откатились от стен Данилова и Кременца несолоно хлебавши. Оба города располагались на высоких скалах, и монголы, несмотря на все искусство своих инженеров, «видивъ же Кременецъ и градъ Даниловъ яко не возможно прияти емоу и отиде от нихъ». То была заноза или своего рода рубец в сознании Батые и его военачальников, не позволившая монголам долго пребывать в Центральной Европе.

Монголы взяли приступом обе столицы Западной Руси — Владимир-Волынский и Галич и «иныи град многы имже нес числа». Население городов беспощадно избивалось. Завоевателям были нужны либо рабы, либо бездыханные тела. Всякий свободный человек должен был быть уничтожен.

Наконец, находившемуся среди монголов мужественному боярину «Дмитрови же Кыевьскомоу тысяцкомоу Даниловоу» удалось убедить Батые выступить в Венгрию. Дмитрий убедил монголов, что каждый день, проведенный ими на Руси, обернется против них усилением противников в Центральной Европе. Боярин не мог «види бо землю гибноущоу Роускоую от нечстваго» и послужил отчизне еще раз чем мог. Армия Батые двумя потоками хлынула в Польшу и Венгрию. Поход монголов на запад в 1241 г. продолжился.